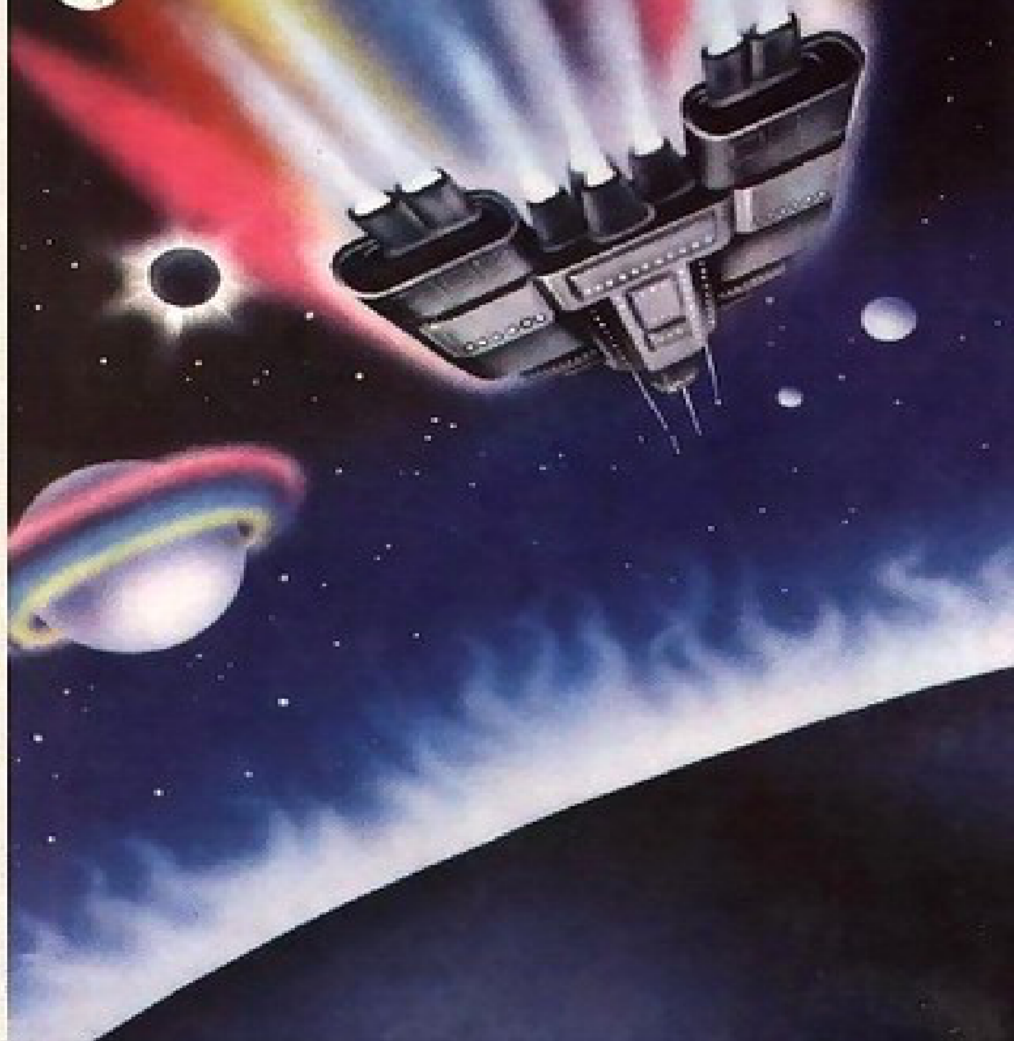

А. АЗИМОВ
Счастличик
Старр

«Дэвид Старр, космический рейнджер» — «David Starr, space ranger».(1952)

Дэвид Старр, герой романа Айзека Азимова «Дэвид Старр, космический рейнджер», сын погибших родителей, отец которого был лучшим в Научном Совете — высшей организации, руководящей всей галактикой пять тысяч лет спустя от нашего времени. Дэвид только что закончил академию и, благодаря своим способностям, стал самым молодым членом Совета за всю его историю. Высокий, крепкий, со стальными нервами, развитыми мышцами атлета и светлым умом первоклассного ученого, он получает свое первое задание.

«Лакки Старр и пираты с астероидов» — «Lucky Starr and the pirates of asteroids».(1953)

Как нам становится известно из романа Айзека Азимова «Счастливчик Старр и пираты астероидов», в поясе астероидов уже давно водились пираты, ставшие причиной многих убийств и грабежей, в том числе и смерти родителей Дэвида Старра, которого прозвали Счастливчиком (Лаки). Через год после его марсианского задания он предпринял самостоятельную попытку расправиться с пиратами.

«Лакки Старр и океаны Венеры» — «Lucky Starr and the oceans of Venus».(1954)

Новое задание Лаки в романе Айзека Азимова «Лаки Старр и океаны Венеры» предстояло выполнять вместе с Верзилой (кличка Бигмена) на полностью покрытой океаном Венере, где член Совета Лу Эванс, друг Лаки, обвинялся в получении взяток.

«Лакки Старр и большое солнце Меркурия» — «Lucky Starr and the big sun of Mercury».(1956)

Старра и его товарища Бигмана Айзек Азимов в своем романе «Лаки Старр и большое солнце Меркурия» посылает с заданием на Меркурий с целью выявления причин саботажа.

«Лакки Старр и луны Юпитера» — «Lucky Starr and the moons of Jupiter».(1957)

Действие романа Айзека Азимова «Лаки Старр и луны Юпитера» происходит на одном из спутников Юпитера — Адрастее. Новое задание Лаки Старра и Бигмена касалось проекта «Антигравитация», самого засекреченного исследования Совета Науки по постройке первого антигравитационного корабля.

«Лакки Старр и кольца Сатурна» — «Lucky Starr and the rings of Saturn».(1958)

По закону, принятому очень давно (роман Айзека Азимова

«Лаки Старр и кольца Сатурна»), любое тело, вращающееся вокруг звезды, принадлежало именно этой звездной системе. Но Сириус решил захватить систему планеты Сатурн в Солнечной системе, обосновав на Титане базу.

- Айзек Азимов
- ДЭВИД СТАРР, КОСМИЧЕСКИЙ РЕЙНДЖЕР
 - 1. Сливы с Марса
 - 2. Небесные закрома
 - 3. Найм по-марсиански
 - 4. Чужая жизнь
 - 5. Обеденный перерыв
 - 6. От винта!
 - 7. Бигмен делает открытие
 - 8. Ночное randevu
 - 9. На дне
 - 10. Да здравствует космический рейнджер!
 - 11. В бурю
 - 12. То, чего не хватало
 - 13. Совет начинает действовать
 - 14. Я — космический рейнджер!
 - 15. Космический рейнджер продолжает и выигрывает
 - 16. Полная ясность
- ЛАККИ СТАРР И ПИРАТЫ С АСТЕРОИДОВ
 - 1. Обреченный корабль
 - 2. Космический сброд
 - 3. Мужской разговор
 - 4. Поединок
 - 5. Отшельник
 - 6. Что знал отшельник
 - 7. К Церере
 - 8. В игру вступает Бигмен
 - 9. Астероид, которого не было
 - 10. Астероид, который был
 - 11. Ближний бой
 - 12. Корабль против корабля
 - 13. Налет
 - 14. К Ганимеду через солнце
 - 15. Часть ответа
 - 16. Весь ответ
- ЛАККИ СТАРР И ОКЕАНЫ ВЕНЕРЫ
 - 1. Сквозь облака Венеры
 - 2. Купол над океаном
 - 3. Дрожжи!

- ☐ 4. Советник под арестом
- ☐ 5. Берегись, вода!
- ☐ 6. Поздно!
- ☐ 7. Разговоры, разговоры...
- ☐ 8. Советник, ау!
- ☐ 9. Из бездны
- ☐ 10. Гора плоти
- ☐ 11. Наверх?
- ☐ 12. В город?
- ☐ 13. Сознания встретились
- ☐ 14. Битва сознаний
- ☐ 15. Враг?
- ☐ 16. Враг!
- ЛАККИ СТАРР И БОЛЬШОЕ СОЛНЦЕ МЕРКУРИЯ
 - ☐ 1. Духи Солнца
 - ☐ 2. Сумасшедший или нет?
 - ☐ 3. Смерть поджидает в комнате
 - ☐ 4. За банкетным столом
 - ☐ 5. Источник опасности
 - ☐ 6. Приготовления
 - ☐ 7. В шахтах Меркурия
 - ☐ 8. Враг
 - ☐ 9. Тьма и свет
 - ☐ 10. Солнечная сторона
 - ☐ 11. Диверсант
 - ☐ 12. Перед дуэлью
 - ☐ 13. Последствия
 - ☐ 14. Прелюдия к суду
 - ☐ 15. Суд
 - ☐ 16. Результаты
- ЛАККИ СТАРР И ЛУНЫ ЮПИТЕРА
 - ☐ 1. Неприятности на Юпитере-9
 - ☐ 2. Глава проекта разгневан
 - ☐ 3. Аграв-туннель
 - ☐ 4. Посвящение
 - ☐ 5. Иголистолеы и соседи
 - ☐ 6. В игру вступает смерть
 - ☐ 7. В игру вступает робот
 - ☐ 8. Слепота
 - ☐ 9. Аграв-корабль
 - ☐ 10. В сердце корабля
 - ☐ 11. Через лунные орбиты
 - ☐ 12. Небо и снег Ио
 - ☐ 13. Падение

- 14. Юпитер крупным планом
 - 15. Предатель
 - 16. Робот!
- ЛАККИ СТАРР И КОЛЬЦА САТУРНА
 - 1. Захватчики
 - 2. Погоня
 - 3. Смерть в кольцах
 - 4. Между юпитером и сатурном
 - 5. Скольжение вдоль поверхности Сатурна
 - 6. Сквозь ущелье
 - 7. И больше ничего
 - 8. К Титану
 - 9. Враг
 - 10. Наставники и роботы
 - 11. Бигмен против всех
 - 12. Капитуляция
 - 13. Накануне полета на Весту
 - 14. На Весте
 - 15. Конференция
 - 16. Попался, который кусался
- notes
 - 1

А. АЗИМОВ

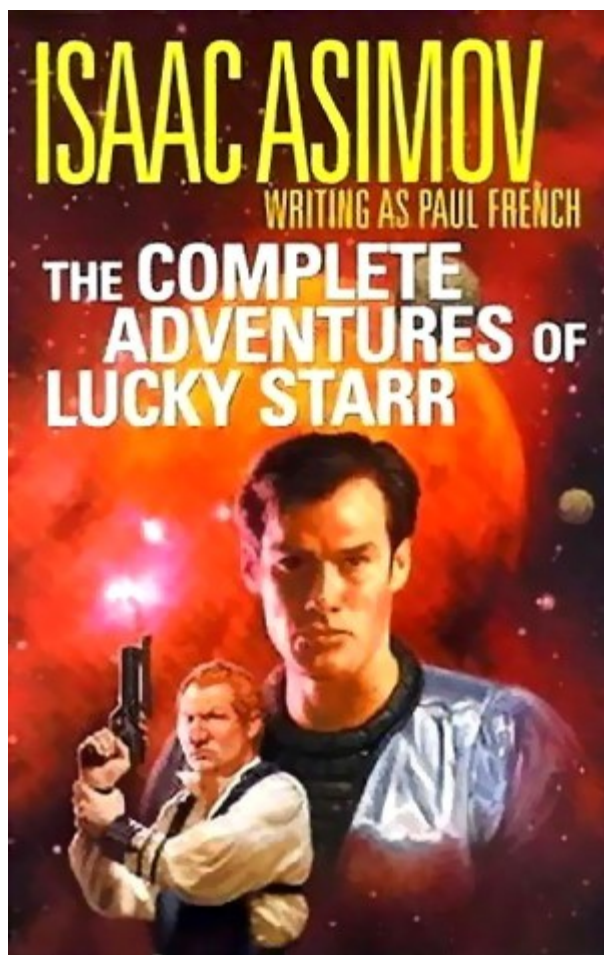
Счастливчик
Старр

Айзек Азимов

СЧАСТЛИВЩИК СТАРР

Lucky Starr

SIGNET-451-06771-95c ①

ISAAC ASIMOV

WRITING AS PAUL FRENCH

david starr, space ranger

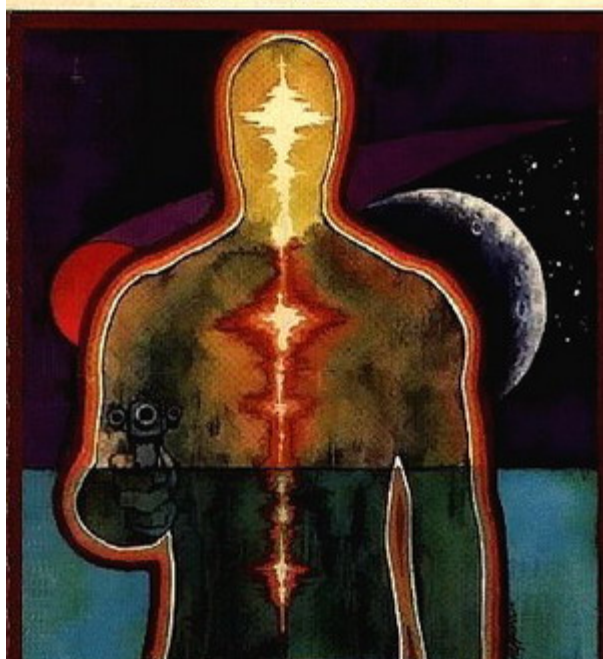

SIGNET-451 07047-95c

ISAAC ASIMOV

WRITING AS PAUL FRENCH

lucky starr and the pirates of the asteroids

ISAAC ASIMOV
writing as **PAUL FRENCH**

FAWCETT
CREST

2-32481-10-1 90c

Lucky STARR

AND

THE OCEANS OF VENUS

SIGNET-451-Q6772-95c

ISAAC ASIMOV

WRITING AS PAUL FRENCH

lucky starr and the big sun mercury

ISAAC ASIMOV

WRITING AS PAUL FRENCH

lucky starr and the moons of jupiter

NEW ENGLISH LIBRARY

ISAAC ASIMOV

THE RINGS OF SATURN

No. 5 in the series

ISAAC ASIMOV
writing as **PAUL FRENCH**

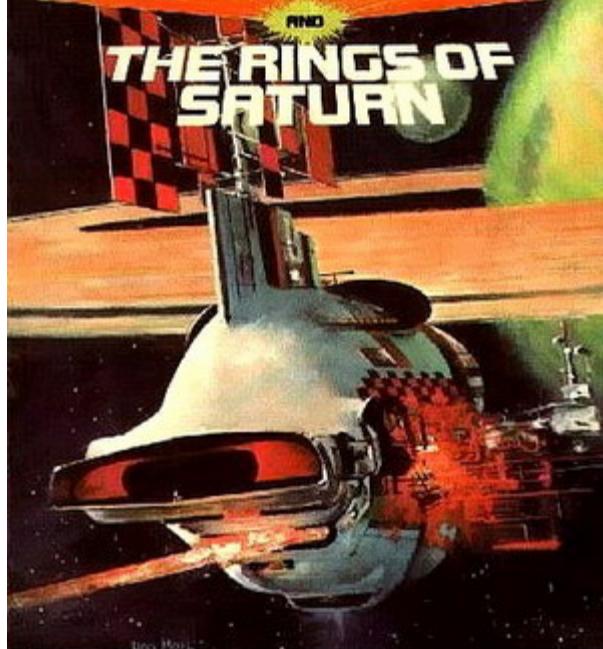
FAWCETT
CAST

25-34602-2 \$1.50

Lucky STARR

AND

THE RINGS OF SATURN

Index M-101

**ДЭВИД СТАРР, КОСМИЧЕСКИЙ
РЕЙНДЖЕР**

David Starr, space ranger

1. Сливы с Марса

Дэвид Старр как раз глядел на этого человека, когда все и произошло. Дэвид увидел, как тот умирает.

Он терпеливо дожидался доктора Генри, наслаждаясь атмосферой нового ресторана Интернейшенел-Сити. Предполагалось отметить, наконец, тот знаменательный факт, что Дэвиду присуждена степень, и он, таким образом, стал полноправным членом Совета Науки.

Ожидание его не томило нисколько. «Кафе Суприм» все еще блистало свежими хромосиликоновыми красками, приглушенный свет равномерно растекался по залу, не имея, казалось, конкретного источника. На столе возвышался светящийся куб, внутри которого мерцало трехмерное изображение оркестра, и музыка заполняла помещение, а дирижерская палочка витала внутри куба, будто волшебная. Сам стол, понятное дело, был типа «Санито» — последний крик моды среди силовых столов, его поверхность лишь чуть-чуть мерцала, а так — была совершенно невидимой.

Спокойные коричневые глаза Дэвида оглядывали соседние столики, полускрытые в альковах, и вовсе не от скуки, а потому, что люди интересовали его куда больше, чем все эти научные фитюльки, в несуразном количестве собранные в «Кафе Суприм». Три-телевидение и силовые столы казались чудом лет десять тому назад, и к ним давно уже привыкли. Зато люди не изменились даже теперь, через десять тысяч лет после пирамид и через пять тысяч после первой атомной бомбы, и продолжают оставаться вечной загадкой и необъяснимым чудом.

Вот в ячейке напротив юная девушка мило хихикает со своим спутником; вот человек средних лет в неудобном выходном костюме тычет пальцем в клавиши, составляя на пульте официанта-робота меню, а его жена и дети внимательно наблюдают за ним; вот два оживленно беседующих джентльмена приступили к сладкому.

И тут-то, когда Дэвид на них взглянул, все и произошло. Лицо одного из них внезапно налилось кровью, он конвульсивно дернулся и попытался встать. Сотрапезник вскрикнул и кинулся на помощь, но тот уже корчился в кресле, медленно сползая под стол.

Дэвид вскочил на ноги и в три прыжка оказался в их кабинке. Там он первым делом нажал на кнопку возле три-куба, и флуоресцентно сияющий занавес скрыл их от зала. Внимания это не привлекло, такое уединение любят многие.

— У Маннинга приступ. Вы врач? — сотрапезник упавшего лишь теперь обрел голос.

— Сидите тихо и не суетитесь, — спокойно посоветовал Дэвид Старр. Такие слова придают уверенность всем окружающим. — Сейчас придет метрдотель и сделает все, что потребуется.

Он наклонился к больному и поднял его, словно тот был тряпичной куклой, хотя и весил немало. Затем отпихнул стол в сторону, опустил мужчину на кушетку, расстегнул его куртку и стал делать искусственное дыхание.

Впрочем, особых надежд он не питал. Слишком знакомы симптомы: внезапный прилив крови к голове, потеря голоса, дыхания, двухминутная борьба за жизнь и конец.

Сквозь занавес ввалился человек. Это метрдотель с похвальной резвостью отреагировал на сигнал тревоги, который Дэвид успел нажать еще за своим столом. Метрдотель оказался пухатым коротышкой в черном, отлично подогнанном костюме консервативного покроя. Выглядел он ветревоженно.

— Есть здесь кто-нибудь? — занавес на мгновение ослепил его.

— Мы обедали с приятелем, когда с ним случился приступ, — с истерической торопливостью откликнулся выживший едок. — А этот тип... понятия не имею, откуда он взялся.

Дэвид оставил свои попытки.

— Вы метрдотель? — спросил он, откидывая со лба густые коричневые волосы.

— Я? Оливер Гаспар, метрдотель «Кафе Суприм», — в некотором недоумении сообщил толстячок. — Со столика 87 поступил сигнал тревоги, но когда я пришел туда, там никого не оказалось. Мне подсказали, что молодой человек оттуда вошел в ячейку 94, я иду следом и вижу что... — Он повернулся к выходу. — Схожу за врачом.

— Погодите, — остановил его Дэвид. — Незачем. Он умер.

— Что?! — вскрикнул приятель покойника и бросился вперед. — Маннинг!

Дэвид Старр отпихнул его назад и прижал к креслу невидимым столом.

— Тихо вы! Ему уже не помочь, а шуметь — не время.

— Конечно, конечно! — тут же закивал Гаспар. — Не надо волновать посетителей. Но, сэр, врач все равно должен установить причину смерти. Я не могу допустить, чтобы в нашем кафе нарушались правила!

— Извините, мистер Гаспар, но я запрещаю обследовать тело этого человека.

— Почему? Если это инфаркт...

— Знаете, давайте-ка делать дело, а не болтать попусту. А вас как зовут, сэр?

— Юджин Форестер, — тупо ответил тот.

— Так вот, мистер Форестер, я хочу знать, что именно ели на обед вы и ваш приятель.

— Сэр! — глаза метрдотеля полезли из орбит. — Вы полагаете, что он отравился?

— Я не делаю никаких предположений. Я только задаю вопросы.

— А по какому праву? Кто вы такой? Я настаиваю, чтобы беднягу обследовал врач.

— Этим делом занимается Совет Науки, мистер Гаспар.

Дэвид закатал эластичный металлитовый рукав и обнажил внутреннюю поверхность запястья. Через мгновение на коже возникло быстро чернеющее овальное пятно; еще пара секунд, и в пятне замерцали желтые светящиеся точки, сливаясь в знакомые очертания Большой Медведицы и Ориона.

Губы метрдотеля задрожали. Совет Науки не был государственной организацией, но его члены в каком-то смысле стояли даже выше правительства.

— Прошу прощения, сэр, — промямлил он.

— Не надо извинений. Итак, мистер Форестер, отвечайте на мой вопрос.

— Мы заказали комплекс номер три, — пробормотал тот.

— Оба?

— Ну да.

— И ничего кроме? — удивился Дэвид. Меню он изучил еще сидя за своим столом. «Кафе Суприм» славилось невообразимыми деликатесами, а номер три был одним из наиболее привычных обедов землян: овощной суп, телячьи отбивная с печеной картошкой и горошком, мороженое и кофе.

— Да, действительно, — брови Форестера сошлись. — Маннинг заказал па десерт марсливы.

— А вы?

— А я — нет.

— И куда они делись? — Дэвид и сам успел их попробовать: чудесные сливы из марсианских оранжерей — сочные, без косточек, с тонким ароматом корицы.

— Как куда? — оторопел Форестер. — Он их съел.

— И как быстро с ним потом это стряслось? — Дэвид кивнул в сторону Маннинга.

— Минут через пять, кажется. Мы даже кофе допить не успели. — Лицо Форестера посерело. — Они что, отравлены?

Дэвид не ответил и обернулся к метрдотелю:

— Откуда у вас марсливы?

— Все в порядке, сэр! — Гаспар в ужасе отступил на шаг и исчез в световом занавесе, продолжая говорить оттуда вполголоса. — Это последняя партия с Марса, очень свежие, есть государственная лицензия, все проверено. Да мы в последние трое суток подали сотни порций и все были довольны!

— Все же исключите их пока из меню. Да, на случай, если сливы ни при чем, принесите мне какую-нибудь коробку, я соберу что осталось от обеда.

— Я мигом, мигом...

— И, конечно, никому ни полслова.

Метрдотель вернулся моментально, утирая лоб платком и бормоча:

— Не могу в это поверить, не могу...

Дэвид собрал пластмассовые тарелки с остатками пищи в коробку, добавил к ним недоеденные горячие булочки, отставил в сторону чашки с кофе. Гаспар потянулся к кнопке на торце стола.

Дэвид мгновенно протянул руку и остановил метрдотеля.

— Но, сэр, крошки!

— Их я тоже соберу.

Он смел крошки со стола перочинным ножиком, лезвие которого легко скользило по поверхности силового поля. В смысле таких столов Дэвид сильно сомневался. То, что они прозрачны, годилось для чего угодно, только не для того, чтобы создавать уют. Зрелище висящих в пустоте тарелок и приборов не слишком способствовало аппетиту посетителей, так что поле всегда немного нарушали — чтобы внутри него вспыхивали интерференционные искорки, которые создавали хоть какое-то ощущение поверхности.

В ресторанах такие столы использовали по одной простой причине: достаточно было лишь расширить силовое поле на долю дюйма, чтобы уничтожить оставшиеся после еды крошки и капли. Когда Дэвид покончил со сбором объедков, он позволил Гаспару осуществить эту процедуру. Тут же появилась новая, абсолютно чистая столешница.

— А теперь погодите минутку, — Дэвид посмотрел на часы и выглянул за занавеску.

— Доктор Генри, — вполголоса позвал он. Долговязый человек, расположившийся за столом, где за четверть часа до этого сидел сам Дэвид, с удивлением посмотрел в его сторону.

— Я тут, — улыбнулся Дэвид и приложил палец к губам.

Доктор Генри встал. Одежда на нем болталась как на вешалке, а редкие сероватые волосы были тщательно зачесаны на

лысину.

— Дэвид, дорогой, ты уже здесь? — хмыкнул он. — А я было подумал, что ты запаздываешь. Стряслось что-то?

— Еще один случай, — улыбка улетучилась с лица Дэвида.

Доктор Генри шагнул в занавес, взглянул на умершего и тяжело вздохнул.

— Все симптомы совпадают, — пояснил Дэвид.

— Думаю, — произнес доктор Генри, сняв очки и медленно протирая линзы слабым полем чистящего карандаша, — что ресторан надо закрыть.

Гаспар несколько раз беззвучно открыл и закрыл рот и наконец издал нечто более-менее похожее на стон.

— Закрыть ресторан?! Да он только неделю как открылся! Это же крах, полный крах!

— Ну что вы! На час или около того. Надо же убрать тело и обследовать кухни. Я полагаю, вы бы хотели снять с себя подозрения в отравлении, да и лучше, если это произойдет без посетителей.

— Очень хорошо, — с облегчением вздохнул Гаспар. — Но нельзя ли это сделать через час? Пусть остальные спокойно дообедают. Я надеюсь, вам не нужна огласка?

— Совершенно не нужна, уверяю вас. — Худощавое лицо Генри превратилось в маску озабоченности. — Дэвид, ты не позвонишь в Совет? Спроси Конвея — есть утвержденная процедура для таких случаев, он помнит, что положено делать.

— А я должен остаться? — заикнулся Форестер. — Мне, знаете, нездоровится что-то...

— А это кто? — удивился доктор Генри.

— Приятель умершего. Его фамилия Форестер.

— Вот как. Увы, мистер Форестер, боюсь, вам придется поболеть здесь.

В ресторане было пусто, холодно и неуютно. Бесшумные оперативники обследовали кухни дюйм за дюймом и удалились. В пустом алькове сидели доктор Генри и Дэвид Старр. Свет был притушен, три-телевизоры погасли и превратились в обычные кубики из стекла.

— Ничего мы не узнаем, — покачал головой Генри. — Чувствую по опыту. Увы, Дэвид, сорвалась у нас вечеринка.

— Успеется отметить, — отмахнулся Дэвид. — В письмах вы упоминали об отравлениях, так что я оказался в курсе. Но я не знал, что происшествие надо держать в секрете, а то бы действовал осмотрительнее.

— Ерунда. Шила в мешке не утаишь. Слухи все равно ползут. Люди видят, что кто-то умер за обедом и слышат о чем-то

подобном. И это случается всегда во время еды. Уже плохо, а дальше — еще хуже. Ладно, поговорим об этом завтра, у Конвея.

— Погодите, — Дэвид взглянул в глаза собеседнику. — Что-то тревожит вас куда больше, чем смерть одного человека или даже тысячи. Но я не понимаю что.

— Боюсь, Дэвид, — кивнул доктор Генри, — что Земля в серьезной опасности. Большинство Совета не верит, а Конвей — верит наполовину в то, в чем я убежден: это намеренные отравления с целью установить контроль над экономикой Земли и ее правительством. Но нет ни малейшего намека на то, кто стоит за этим и никакой идеи, как с этим покончить. Совет Науки совершенно бессилён!

2. Небесные закрома

Главный Научный Советник Гектор Конвей глядел в окно своего кабинета, расположенного на самом верху Башни Науки — высоченного здания, которое доминировало над северной частью Интернейшенел-Сити. В сгущающихся сумерках разгорались огни. Скоро город расчертят полосы белого света вдоль пешеходных улиц, а здания заблистают как бриллианты. Прямо перед ним высилось здание Конгресс-холла и почти на одной линии с ним Дворец Правительства.

Он был в кабинете один, автоматический замок настроен только на отпечатки пальцев доктора Генри. Конвей улыбался. Дэвид Старр нашел себя, вырос быстро, почти чудесным образом и готов уже получить свое первое назначение как полноправный член Совета. Конвею казалось, будто он ждет собственного сына. Впрочем, так оно и было. Он заменил Дэвиду отца — он и Аугустус Генри.

Вначале их было трое: он, Гэс Генри и Лоуренс Старр. Лоуренс!.. Они закончили одну школу, одновременно стали членами Совета, сообща провели первое расследование, после которого Лоуренс Старр сразу пошел вверх. Никого это не удивило. Лоуренс был самым способным из них.

Он получил под свое начало станцию на Венере, и друзьям впервые пришлось расстаться. Лоуренс отправился в полет с женой и сыном. Жену звали Барбара. Прекрасная Барбара Старр! Ни Конвей, ни Гэс так и не женились, да и не смогли бы назвать женщины, сравнимой с ней. Когда родился Дэвид, Конвей и Генри стали дядюшкой Гэсом и дядюшкой Гектором, причем дело доходило до того, что и собственного отца маленький Дэвид иной раз называл «дядюшка Лоуренс».

Около Венеры на корабль напали пираты. Началась резня. Пленных пираты не брали, так что не прошло и двух часов, как погибли все пассажиры. И среди них — Барбара и Лоуренс.

Конвей помнил день и минуту, когда весть об этом достигла Башни Науки. Патрульные корабли бросились вслед пиратам и атаковали их убежища на астероидах с нечеловеческой яростью. Неизвестно, добрались ли они до тех, кто напал на корабль Старра, но с тех пор пираты присмирели надолго.

А патрульные обнаружили маленькую спасательную шлюпку, дрейфовавшую по странной траектории к Земле и посылавшую сигналы тревоги. В шлюпке оказался ребенок. Четырехлетний мальчик испуганно молчал и только через несколько часов сказал, что «мама просила, чтобы я не плакал».

Это и был Дэвид Старр. Он потом рассказал о том, что увидел — по-детски, но Конвей прекрасно понял, что происходило в захваченном корабле: Лоуренс Старр умирает в рубке, а Барбара с бластером в руке спешит поместить Дэвида в шлюпку, торопливо программирует ее маршрут и отправляет в космос. А что потом?

Оружие у нее в руке. Пока возможно — стрелять во врага, а после — в себя.

Конвей мучился, думая об этом. Мучился и пытался добиться, чтобы ему позволили сесть за штурвал патрульного корабля и превратить пояс астероидов в океан атомного пламени. А ему отвечали, что члены Совета Науки слишком ценны, чтобы рисковать собой в полицейских операциях, и он оставался дома и узнавал о событиях по телетайпу.

Он и Аугустус Генри усыновили Дэвида и постарались стереть остатки ужасных впечатлений из его памяти. Они следили за его обучением, тренировали и учили Дэвида, желая одного — сделать из него человека, каким был Лоуренс Старр.

Дэвид превзошел их ожидания. Ростом он был с Лоуренса, около шести футов, стройный и крепкий, с железными нервами, сильными мышцами спортсмена и ясным умом первоклассного ученого. А слегка вьющимися каштановыми волосами, широко поставленными глазами и ямочкой на подбородке, которая исчезала, когда он улыбался, — напоминал Барбару.

Он пронесся сквозь годы обучения в Академии, словно комета, обращая в прах все рекорды как на спортивных площадках, так и в аудиториях.

— Это невозможно, — говорил Конвей с наигранным смятением. — Гэс, он превзойдет своего отца.

А Генри, который не любил лишних разговоров, знай себе потягивал трубку и гордо улыбался.

— Не хочу об этом говорить, — продолжал Конвей, — ты станешь смеяться, но есть здесь что-то ненормальное. Ты помнишь: ребенок провел двое суток в тоненькой скорлупке наедине с собой и солнечной радиацией. Он находился на расстоянии лишь семи миллионов миль от Солнца в момент максимальной активности.

— Ты хочешь сказать, — заметил Генри, — что Дэвид должен был просто сгореть?

— Не знаю, — покачал головой Конвей. — Эффект воздействия радиации на живую ткань, на разумную жизнь совершенно не ясен.

— Понятное дело, — хмыкнул Генри, — тут особенно не поэкспериментировешь.

Дэвид окончил колледж с высшей оценкой. В качестве

дипломной работы представил оригинальный труд по биохимии. Стал самым молодым членом Совета Науки.

У Конвея тоже вроде все было в порядке. Четыре года назад его избрали Главным Советником, а эту честь заслуживают всей жизнью. Впрочем, самого Конвея не оставляло убеждение, что будь жив Лоуренс Старр, результаты выборов могли оказаться иными.

С Дэвидом он виделся уже только от случая к случаю, потому что жизнь Главного Советника целиком отдана проблемам Вселенной, Галактики. Даже на выпускных экзаменах он видел Дэвида только издали, да и разговаривал с ним со времени вступления в должность раза четыре, не больше.

И сейчас сердце его учащенно забилося, когда послышался звук открываемой двери. Он обернулся и быстро шагнул навстречу вошедшим.

— Старина Гэс, — сказал он, пожимая руки, — Дэвид, привет!

Было уже за полночь, когда они смогли, наконец, оторваться от воспоминаний и заняться судьбами Галактики. Первым опомнился Дэвид.

— Сегодня я впервые увидел смерть от отравления, — сказал он. — Моих знаний хватило на то, чтобы предотвратить панику. Теперь я хочу узнать то, что поможет мне прекратить всю эту историю.

— Столько никто не знает, — покачал головой Конвей. — Что, Гэс, опять марсианская еда?

— Да. На этот раз — сливы.

— Надеюсь, — осторожно осведомился Дэвид, — вы позволите мне узнать то, что мне положено знать?

— Все на редкость просто, — вздохнул Конвей. — Кошмарно просто. За последние четыре месяца около двухсот человек умерли сразу после того, как съели какой-нибудь марсианский продукт. Никаких следов известных ядов, никаких привычных симптомов. Моментальный и полный паралич диафрагмы и мышц грудной клетки. В результате — остановка дыхания и смерть в течение пяти минут.

— Но, похоже, дело не только в этом, — продолжал Конвей. — Несколько раз умирающих пытались реанимировать, подключали даже искусственные легкие. Никакого толку, они все равно умирали за пару минут. То же касается сердца. Вскрытие показывает полное разрушение нервной системы, которое происходит неправдоподобно быстро.

— А как насчет пищи, которую они ели? — спросил Дэвид.

— Тупик, — поморщился Конвей. — У них остается время, чтобы доесть все. Другие порции той же еды, с кухни, совершенно

бесвредны. Мы давали ее животным и даже добровольцам. Чисто. А анализы содержимого желудков дают ненадежные результаты.

— Почему же тогда вообще идет речь об отравлениях?

— Совпадение постоянно: марсианский продукт и смерть. Исключений нет. Какая уж тут случайность.

— И, конечно, — рассудил Дэвид, — это не заразно.

— Благодарение небесам, нет. Но и так дело дрянь. Пока, с помощью Планетарной полиции, мы еще могли скрывать факты. Две сотни летальных исходов за четыре месяца еще туда-сюда, если учесть общее население Земли. Но кто поручится, что процент не станет расти? А как только земляне поймут, что марсианская еда может оказаться последней в их жизни, то последствия... Даже если мы объясним, что умирает всего пятьдесят человек в месяц из пяти миллиардов землян, что с того? Каждый прикинёт на себя, какая ему радость оказаться в этой стомиллионной доли процента?

— Да, — хмыкнул Дэвид. — И настанет конец поставкам. Полный крах Марсианских Продовольственных Синдикатов.

— Конечно, — Конвей пожал плечами, будто отменяя проблемы Марсианских Синдикатов как совершенно несущественные. — А что тебе еще понятно?

— Похоже, что сельское хозяйство Земли не в состоянии прокормить пять миллиардов человек.

— В том-то и дело! Мы не можем обойтись без поставок из колоний. Через шесть недель Земля начнет голодать. Как только люди станут избегать марсианской пищи, голода не избежать, и я не знаю, сколько у нас времени в запасе. Каждая новая смерть приближает кризис. А вдруг именно этот случай попадет на телеэкраны? Вдруг завтра правда просочится в газеты? А тут, ко всему вдобавок, еще и теория Гэса.

Доктор Генри сидел, откинувшись на спинку кресла и меланхолично набивал трубку.

— Мне кажется, — приступил он неторопливо, — что эта эпидемия возникла не сама собой. Какая странная география смертей: сегодня — в Бенгалии, завтра — в Нью-Йорке, потом — на Занзибаре. Кто-то это направляет.

— Я говорил, что... — начал Конвей.

— Если некая группа людей захочет взять под свой контроль Землю, — продолжал, словно не расслышав, Генри, — то им надо найти наше самое слабое место. А что это? Обеспечение продовольствием, вот что. Из обитаемых планет Земля наиболее населена, что не удивительно, она, как-никак, дом человечества. Что делает ее наиболее уязвимой? То, что мы не можем прокормить себя самостоятельно. Наши закрома, образно

выражаясь, на небесах: на Марсе, на Ганимеди, на Европе. Если импорт пресекается пиратскими акциями или — как в данном случае — более изощренными методами, то мы можем оказаться беспомощными. Такие дела.

— Но... — удивился Дэвид. — Если бы все обстояло именно так, то эта группа должна заявить о себе, предъявить какой-нибудь ультиматум, что ли?

— Да, это разумно, но они, похоже, выжидают, пока дело не наберет обороты. Кроме того, они могут действовать заодно с фермерами Марса. У колонистов свои взгляды и довольно странные. Землю они недолюбливают, а если еще обнаружат, что их благополучию что-то угрожает, то запросто могут договориться с преступниками. Может быть, — проговорил с усилием Генри, — они сами... Нет, не хочу гадать попусту.

— Теперь так, — заявил Дэвид. — Чем, по-вашему, должен заняться я?

— Я расскажу, — кивнул Конвей. — Дэвид, мы направляем тебя в Центральную Лунную лабораторию. Ты войдешь в состав научной бригады, которая занимается именно этим. Сейчас они получают образцы каждой партии провианта, идущего с Марса, пытаюсь обнаружить отраву. Часть продуктов скормливается крысам, другая — в случае фатального исхода — будет исследована всеми возможными способами.

— Да. Но я слышал от дядюшки Гэса, что у вас есть команда и на Марсе?

— Хм, завидная осведомленность. Тем не менее ты сможешь вылететь на Луну завтра вечером?

— Конечно. Но тогда я должен пойти и заняться сборами.

— Разумеется.

— Могу я лететь на своем корабле?

— Да.

Оставшись наедине, двое ученых еще долго глядели на феерические огни города, прежде чем Конвей прервал молчание.

— Как он похож на Лоуренса, — сказал Главный Советник. — Но еще слишком молод. Это опасное дело.

— Ты действительно думаешь, что все сработает? — осведомился Генри.

— А то? — расхохотался Конвей. — Ты слышал его вопрос насчет Марса? Да на Луну он и не собирается, можешь мне поверить. И отлично, это лучшее прикрытие. В официальном сообщении будет сказано, что он отбыл на Луну; человек из Центральной Лунной лаборатории подтвердит его прибытие. Зато когда Дэвид окажется на Марсе, никто не заподозрит в нем члена Совета Науки, тем более, что он сам будет изо всех сил стараться

это скрыть, чтобы — по его мнению — нас одурачить.

— Он очень хорош, — добавил Конвей. — Может быть, он в состоянии сделать такое, на что не способен никто из нас. К счастью, он еще молод и его можно незаметно направлять. Через несколько лет это станет невозможным. Он будет видеть нас насквозь.

На столе Конвея нежно промурлыкал коммуникатор.

— В чем дело? — спросил Конвей.

— Личное сообщение для вас, сэр.

— Для меня? Перешлите, — хозяин кабинета с недоумением взглянул на Генри. — Не от твоих ли это конспираторов-убийц?

Из щелки устройства выскользнул конверт, Конвей вскрыл его. Мгновение он стоял оторопев, потом расхохотался, передал письмо Генри и рухнул в кресло.

Генри прочел: «Все идет по плану. Лечу на Марс» И подпись — «Дэвид».

— Ты прекрасно им манипулируешь, старина — фыркнул Генри.

Конвею оставалось только присоединиться к покатывающемуся со смеху Гэсу.

3. Найм по-марсиански

Для землянина Земля — это Земля, третья планета от звезды, именуемой обитателями галактики Солнцем. Не то в официальной географии. Там понятие «Земля» включает в себя сразу все обжитые планеты Солнечной системы. Марс в той же мере является Землей, что и сама планета с этим названием. Иными словами, любой обитатель Марса является одновременно и совершенно равноправным землянином: выбирает представителей в Земной Конгресс и даже избирает президента Земли — как планеты.

Далее возникают нюансы. Человек с Марса воспринимает себя как существо вполне самостоятельное и куда более достойное, нежели обитатели прочих планет, так что новичку предстоит долгий путь к признанию колонистов, а иначе относиться к нему будут как к туристу, считаться с которым просто неприлично.

Все это Дэвид Старр ощутил, едва переступив порог биржи труда. Следом за ним туда влетел какой-то шустрый коротышка. В самом деле, совсем небольшой, футов пяти ростом, так что если бы они встали лицом к лицу, то нос парня уткнулся бы Дэвиду в грудь. Его рыжеватые волосы были зачесаны назад, одет он был в типичный двубортный марсианский комбинезон, на ногах красовались хип-хопы — ярко раскрашенные сапоги, неотъемлемая принадлежность любого марсианского фермача — так они себя тут называли.

Дэвид направился к окошку, надпись над которым гласила «Найм на фермы», и почти его достиг, когда над его ухом раздался чей-то тенорок:

— Сдай назад, парень!

Старр обернулся. На него глядел невысокий парнишка.

— Что-то не так, приятель? — осведомился Дэвид.

Малыш тщательно изучил его по частям, а затем хлопнул Дэвида по спине.

— Давно с лестницы слез?

— С какой еще лестницы?

— С длинной такой. Знаешь, аж с Земли до сюда. Тебе там что, на хвост сели?

— Ну да, я оттуда...

Коротышка пригнулся и хлопнул обеими руками по голенищам сапог. Дэвид знал — таким жестом фермачи демонстрируют чувство собственного достоинства.

— В таком случае, — продолжил незнакомец — ты обождешь,

пока со своими делами разберется коренное население.

— Как угодно, — хмыкнул Дэвид.

— И если у вас, сэр, имеются какие-либо возражения по поводу вашего места в очереди, то я готов обсудить их с вами в любое удобное для вас время. Зовут меня Бигмен ^[1], Джон Бигмен Джонс, но в любом месте вы можете справиться обо мне как просто о Бигмене. — Он сделал паузу. — Так меня кличут, землянин. Что, есть возражения?

— Никаких, — вполне серьезно ответил Дэвид.

— Отлично, — кивнул Бигмен и направился к окошку, а Дэвид расплылся в улыбке и присел на стул подождать.

На Марсе он был менее двенадцати часов и успел только зарегистрировать под чужим именем свой корабль на подземной стоянке за городом, снять на ночь комнату в отеле и пару часов погулять по накрытому куполом городу.

Городов на Марсе было всего три, их малочисленность объяснялась дороговизной устройства гигантских куполов и энергии, необходимой для создания в них земной атмосферы и гравитации. Этот город, Виндгрэд-сити, названный в честь Роберта Кларка Виндгрэда, первого человека, достигшего Марса, был самым большим.

Виндгрэд-сити почти ничем не отличался от любого земного города, он казался просто кусочком Земли, отрезанным и заброшенным на другую планету. Создавалось впечатление, что его обитатели, перемещенные с Земли на 35 миллионов миль, старательно скрывают от себя этот неоспоримый факт. В центре города, где купол достигал в высоту чуть ли не четверти мили, стояли даже двадцатипятиэтажные дома.

Одно только давало понять, что это Марс. Ни солнца, ни голубого неба не было. Сам купол был полупрозрачный и солнечный свет равномерно распространялся по всей его поверхности — площадью более чем в десять квадратных миль. Интенсивность освещения в каждом из городских районов оказывалась поэтому небольшой и «небо» казалось палевым. В общем, так выглядит земное небо в облачный день.

С наступлением темноты купол словно растворялся, зажигались городские огни и Виндгрэд-сити казался более земным, чем любой земной город; впрочем, огни в домах горели и ночью, и днем.

Внезапно внимание Дэвида привлекли громкие крики.

— Это все черный список! — разорвался у окошка Бигмен. Вы засунули меня в черный список!

Клерк в окошке подавал признаки волнения: у него были пушистые бакенбарды, и он теребил их пальцами.

— Но, мистер Джонс, у нас нет черных списков.

— Меня зовут Бигмен! В чем дело? Почему вы боитесь дружелюбия? Всю жизнь я был для вас Бигменом!

— У нас нет черного списка, Бигмен. Просто фермачи пока не нужны.

— Рассказывайте! Вчера Том Дженкинс устроился за пару минут.

— Но Дженкинс умеет управлять ракетами.

— А я что — нет? Не хуже Тома.

— Но тут записано, что вы — сеяльщик.

— Да, и неплохой. А что, сеяльщики больше не нужны?

— В общем, так, Бигмен, — подвел черту служащий. — Я занесу вас в список очередников. Ничем больше помочь не могу. Я сообщу, как только возникнет вакансия, — и обратившись к регистрационной книге, он принялся с преувеличенным вниманием листать страницы.

Бигмен отошел от окошка, но обернулся и крикнул:

— Отлично, только я не стронусь отсюда, пока не придет очередной запрос на работу — и я ее получу. А если я им не подхожу, то пусть они скажут это мне лично. Персонально, понятно? Лично мне, Джону Бигмену Джонсу, персонально. Вот так.

Человек в окошке никак не отреагировал. Бигмен уселся и принялся бурчать что-то под нос. Старр встал и подошел к окошку. Других фермачей, желающих подискутировать с ним насчет его места в очереди, не объявилось.

— Я бы хотел наняться на ферму, — сообщил он клерку.

Тот взглянул на него, пододвинул к себе бланки занятости и ручной принтер.

— Какого рода работа интересует?

— Все равно, лишь бы на ферме.

— Вы марсианского происхождения? — спросил клерк, отодвигая принтер.

— Нет, сэр. Я с Земли.

— Весьма прискорбно. Вакансий нет.

— Но, — удивился Дэвид, — я могу работать, мне нужна просто работа. О небеса, разве закон запрещает работать землянам?

— Нет, но у вас нет опыта работы на фермах.

— Мне нужна просто работа, какая угодно.

— Такой полно в городе. Следующее окошко.

— В городе работать я не могу.

Человек взглянул на Дэвида с пристрастием, и тот выдержал его взгляд не сморгнув. На Марсе оказывались разными путями.

Одна из причин состояла в том, что Земля становилась для человека не слишком-то уютным местом. Если на кого объявляли розыск, то в городах Марса — они же являлись почти частью Земли — отсидеться не удавалось. Зато на ферме никто его не сыщет. Лучший работник — с точки зрения Фермерских Синдикатов — именно тот, кому больше некуда податься. А всякие земные органы и учреждения здесь просто ни во что не ставили.

— Имя, — спросил клерк, склонившись над бумагами.

— Дик Вильямс, — Дэвид назвал имя, под которым он поставил на стоянку свой корабль.

Подтверждать имя документами здесь было не принято.

— Где вас можно найти?

— Отель Ланлис, комната 212.

— Знакомы ли с малой гравитацией?

Вопросы сыпались один за другим, в большинстве случаев ответом оказывался прочерк. Клерк закончил, расписался, сунул анкету в щель прибора, тот моментально перевел ее на микропленку и приобщи́л к постоянному списку соискателей.

— Я дам вам знать, — сказал клерк, по его слова прозвучали не особенно обнадеживающе.

Дэвид направился к выходу. В общем, идя сюда, на многое он и не рассчитывал. В любом случае, он легально зарегистрировался на бирже. А дальше...

Тут мимо него словно пронесся смерч. В зал вошли трое, малыша Бигмена подбросило с места, и вот он уже стоит лицом к лицу с ними, грозно подбоченясь, хотя, как видел Дэвид, и без оружия.

Вошедшие остановились, один из замыкавших шествие загоготал и высказался:

— Похоже, перед нами могучий и ужасный карлик Бигмен. Уж не хочет ли он наняться к нам?

Говоривший был широк в плечах и главным украшением его лица служил нос. В зубах торчала изжеванная сигара из зеленого марсианского табака, кроме того, он явно нуждался в бритве.

— Успокойся, Грисволд, — сказал мужчина, возглавлявший шествие. Он был толстоват, не слишком высок, мягкая кожа его щек и загривка выглядела гладкой и холеной. Конечно, на нем был традиционный марсианский комбинезон, только из куда лучшей материи, чем у любого из собравшихся здесь фермачей. Сапоги украшали спиральные полосы багрового и розового цветов.

Во всех своих последующих приключениях Дэвид Старр ни разу не видел двух пар сапог с одинаковым рисунком, зато

расцветка их всегда оказывалась исключительно душераздирающей. Таким манером здесь самовыражались.

Бигмен махал руками, как мельница, лицо перекосила злоба.

— Отдавай мои бумаги, Хеннес! Я имею на них право!

Хеннесом оказался полноватый мужчина возглавлявший процессию.

— Да ты не стоишь даже своих бумаг, Бигмен, ответил он взвешенно и рассудительно.

— Без них мне не устроиться на другую работу Я вкалывал честно два года и не филонил!

— От тебя вреда больше, чем пользы. Пошел прочь. — Хеннес обошел Бигмена, наклонился к окошку и заявил: — Мне нужен опытный сеяльщик. Только бы кого подлиннее, после этого коротышки, которому пришлось дать пинка под зад.

— О небеса! — воскликнул Бигмен. — Да я делал больше, чем положено. Стоял вне очереди на дежурстве. Долго там проторчал, так что видел, как ты на краулере укатил в пустыню. Вот только на следующее утро и виду не подал, что уезжал, а стоило мне лишь заикнуться об этом, как выкинул меня без документов.

— Грисволд, — Хеннес взглянул на Бигмена через плечо. — Выкинь ты этого дурака к чертовой матери.

Бигмен не дрогнул, хотя Грисволд мог шутя справиться с двумя такими, только заорал:

— Отлично, давай разберемся!

Но Дэвид Старр спокойно встал между ними.

— Извини, приятель, — сказал ему Грисволд, — ты мне мешаешь. Отойди сам, а то подвину.

— Все в порядке, землянин, — не унимался за спиной Дэвида Бигмен, — не лезь, я с ним сам разберусь!

— Мне кажется, мы находимся в общественном месте, — сообщил Дэвид Грисволду, не обращая внимания на вопли Бигмена. — И у нас равные права находиться здесь.

— Слушай, парень, — поморщился Грисволд. — Я сегодня рассуждать не намерен, — и грубо схватил Дэвида за руку, собираясь завернуть ее за спину.

Но вышло иначе — Дэвид легко перехватил руку противника, заломил ее, развернул Грисволда и толкнул от себя. Тот с грохотом врезался в пластиковую перегородку.

— А вот я — лучше бы поговорил, — сказал ему вслед Старр.

Клерк выскочил из-за своей стойки, прочие его коллеги приникли к окошкам, но вмешиваться не собирались. Бигмен покатывался со смеху и колотил Дэвида ладонью по спине.

— Молодцом, землянин...

Хеннес точно застыл. У третьего из них, низкого, по уши заросшего, с одутловатым лицом, цвет которого свидетельствовал о том, что его обладатель большую часть времени проводит под марсианским солнцем, а не под искусственным светом города, от растерянности отвисла челюсть.

Тяжело дыша, Грисволд приходил в себя. Он потряс головой и отфутболил в угол выпавшую изо рта сигару. Затем взглянул на противника и глаза его налились яростью. Он резко оттолкнулся от перегородки, и в руке мелькнула блестящая полоска.

Дэвид отскочил в сторону и извлек свое оружие. Маленький, неказистый с виду изогнутый цилиндр, который обычно располагался у него под левой подмышкой, скользнул внутри рукава в ладонь.

— Осторожнее, Грисволд! У него бластер, — закричал Хеннес.

— Бросай свою бритву, — скомандовал Дэвид. Грисволд разразился ругательствами, но металл звякнул о пол. Бигмен нагнулся и подобрал оружие, посмеиваясь над внезапной переменой обстоятельств.

Дэвид протянул за трофеем руку и мельком его оглядел.

— Чудная штукавина для невинного фермача. А что говорят насчет ношения силовых бритв марсианские законы?

Он знал, что это — самое варварское оружие во всей галактике. На вид — пустяк, короткий стальной черенок, чуть тоньше, чем черенок обычного ножа, вполне помещающийся в ладони. Но внутри находился микрогенератор, который вырабатывал острое как бритва поле длиной дюймов в девять, это поле проходило сквозь любой материал, как сквозь масло. Никакая броня тут не помогала, а поскольку бритва резала кости с той же легкостью, что и плоть, то любая рана оказывалась смертельной.

Между ними встал Хеннес.

— А где твоя лицензия на бластер, землянин? Отдай эту штуку, и мы будем на равных. Грисволд, заberi.

— Держи, — Дэвид протянул бритву хозяину. — Но вы ищете человека на ферму, не так ли?

Хеннес обернулся и его брови от удивления поползли вверх.

— Да, мне нужен человек, а что?

— Вот вам я. Мне нужна работа.

— Да, но мне требуется опытный сеяльщик. Ты имел с этим дело?

— Увы, нет.

— А ты вообще работал на уборке? Можешь водить краулер? Насколько я могу судить по твоему костюму, — он сделал

несколько шагов вперед, словно бы желая рассмотреть Дэвида получше, — ты просто землянин, вооруженный бластером. А на что мне такой?

— Не только, — Дэвид понизил голос до шепота. — Еще я скажу вам, что меня интересует все, что связано с отравлениями пищи.

Выражение лица Хеннеса не изменилось, он даже не моргнул.

— Что-то я тебя не понимаю, — ответил он.

— Подумайте лучше, — иронично улыбнулся Дэвид.

— Но работа на марсианской ферме — не подарок, — предупредил Хеннес.

— И я не подарок, — ответил Дэвид.

Остальные оглядели его могучую фигуру.

— Что ж, возможно. Ладно, даем тебе ночлег, еду, три смены одежды и пару сапог. Пятьдесят долларов в первый год, деньги выплачиваются в конце. Если не доработаешь до конца года — никаких денег.

— Что же, честно. Что за работа?

— Единственная, на которую ты сгодишься. Будешь на подхвате в столовке. Если себя покажешь, сможешь выбиться. А нет, так год прокантуешься там.

— Сговорено. А как насчет Бигмена?

Бигмен, который глядел то на одного, то на другого, почти взвизгнул:

— Нет, парень, я на этого прохиндея работать не стану, и тебе не советую.

— А твои бумаги? — взглянул на него Дэвид.

— Хорошо, — потупился Бигмен. — Согласен на месяц.

— Он что, твой приятель? — удивился Хеннес.

— Без него не поеду, — кивнул Дэвид.

— Ладно, беру и его. На месяц, и пусть помалкивает в тряпочку. Без оплаты, только за бумаги. Пошли. Мой краулер снаружи.

Они вышли. Дэвид и Бигмен замыкали шествие.

— Спасибо, парень, — сказал Бигмен. — С меня должок, требуешь, когда захочешь.

Краулер стоял перед входом. Защита была убрана, но Дэвид заметил щели, из которых выезжают панели, укрывающие машину в песчаных бурях. Широченные колеса — чтобы не увязать, передвигаясь по мягким почвам. Окошки маленькие, притом стекло так гладко переходило в металл, словно их и выплавили вместе.

На улице в этот час было оживленно, но на них никто внимания не обращал. Краулер и фермачи — вполне привычное

зрелище на улицах города.

— Мы сядем впереди. А вы с приятелем полезайте назад, — скомандовал Дэвиду Хеннес.

Сам он забрался на водительское место в центре переднего отсека. Грисволд устроился справа от него.

Бигмен направился к машине и Дэвид последовал за ним. Но сзади был еще кто-то! Дэвид полуобернулся и тут Бигмен крикнул:

— Берегись!

Это второй телохранитель, который... Дэвид было дернулся, но не успел...

Последнее, что он увидел, был блестящий ствол оружия в руках бородатой образины, а потом возник мягкий урчащий звук, и Дэвид не почувствовал ничего, лишь чей-то далекий, донесшийся словно из туннеля голос, сказал: «Отлично, Зукс, швырни его назад и присматривай», и машина, вроде, двинулась с места.

Дэвид Старр тяжело осел вниз и потерял сознание.

4. Чужая жизнь

В глазах мелькали рваные пятна света. Вскоре Дэвид услышал какой-то непонятный шум и почувствовал боль в спине.

Со спиной вскоре выяснилось — он лежал, запрокинув голову, на твердом матрасе. Звон в ушах — сообразил Дэвид — от действия винтовки-глушителя, оружия, излучение которого воздействует на нервные центры у основания черепа.

Пятна света все еще не хотели складываться во что-то осмысленное, но Дэвид понял, что уже в состоянии пошевелить плечами. Он ощутил какие-то странные укусы и поднял руку, чтобы защитить щеки.

Это Бигмен, склонив над ним свое маленькое кроличье курносое лицо, пытался привести его в чувство пощечинами.

— О, Ганимед! — с облегчением вздохнул тот, увидев, что Дэвид пошевелился. — А я уже решил, что они тебя совсем прикончили.

— Особой разницы пока не чувствую, — отметил, приподнимаясь на локте Дэвид. — Где это мы?

— В каталажке на ферме. И не удерешь. Двери заперты, на окнах решетки.

Дэвид ощупал себя подмышками. Бластеры они забрали. Понятное дело. Никакого уважения к личной собственности.

— А тебя они тоже шарахнули, Бигмен? — осведомился он у товарища по несчастью.

Тот покачал головой.

— Не совсем. Зукс, правда, врезал мне прикладом, — Бигмен недовольно ткнул пальцем в отметину на скуле, но тут же гордо надулся: — Но я почти успел вломить ему первым!

За дверью послышались шаги. Дэвид сел. Вошел Хеннес вместе с пожилым человеком, у которого было вытянутое, усталое лицо с водянистыми голубыми глазами под густыми серыми бровями. Брови казались соединенными глубокой морщиной. Он был одет в городской костюм вполне земного покроя и даже не носил марсианских сапог.

Хеннес заговорил с Бигменом.

— Отправляйся в столовую и первое время без спроса носа оттуда не показывай, а то пустим на рагу.

Бигмен скривился, махнул рукой Дэвиду: «Еще увидимся, землянин» и удалился, демонстративно гордо громя сапогами.

Хеннес закрыл за ним дверь и обратился к человеку с серыми бровями.

— Вот, мистер Макиан... Он называет себя Вильямсом.

— Неплохо вы его отделали, Хеннес. Если бы убили, то ферма потеряла бы ценного работника.

— Он был вооружен, — пожал плечами Хеннес. — Что нам еще оставалось. В любом случае, он здесь.

Они обсуждают меня, подумал Дэвид, будто я какой-то предмет обстановки.

Макиан пристально взглянул на него.

— Значит, так. Это моя ферма. На сотню миль в любую сторону лежат мои земли. Здесь от меня зависит, кому жить на свободе, а кому сидеть в тюрьме. Здесь я назначаю, кто работает и кто голодает. И даже — кому жить, а кому — нет. Ты понял?

— Да, — кивнул Дэвид.

— Отвечай начистоту и тебе нечего бояться. Если попытаешься что-то скрыть, то рано или поздно все выйдет наружу и нам придется тебя убить. Это тоже понятно?

— Разумеется.

— Тебя зовут Вильямс?

— Это имя, под которым меня знают на Марсе.

— Вполне искренне. Что ты знаешь об отравлениях?

Дэвид спустил ноги с кровати.

— Тут такая история, — начал он. — Моя сестра умерла оттого, что съела кусок хлеба с джемом. Ей было двенадцать лет, и вот... Она лежала мертвая, губы выпачканы в джеме... Мы вызвали врача. Тот сказал, что это пищевое отравление, предупредил, чтобы мы не ели ничего, пока он не вернется со специальным оборудованием и ушел. Он не вернулся.

Зато пришли другие люди, очень важные. И с ними — такие ребята в серых плащах. Они нам все объяснили. Оказывается, это был сердечный приступ. Мы ответили, что это смехотворно, поскольку сестра в жизни не жаловалась на сердце, но они нас не слушали. Только предупредили, что у нас возникнут неприятности, если мы станем болтать об отравлении. Банку с джемом забрали с собой. Даже стерли джем с ее губ.

Я пытался дозвониться врачу, но его все время не было на месте. Тогда я просто вломился к нему в офис, но он только мямлил, что ошибся в диагнозе. Просто боялся говорить об этом. Я пошел в полицию. Там меня и слушать не стали.

Джем в тот день ела только моя сестра. Джем — марсианский, только что открытый. Мы, в семье, немного старомодны и предпочитаем есть в основном земные продукты, так что больше ничего марсианского в доме не было. Я попробовал найти в газетах сообщения о других случаях отравлений, не нашел ничего, и это показалось мне подозрительным. Тогда я ушел с работы и поклялся, что рано или

поздно, но разыщу тех, кто убил сестру, и разберусь с каждым отдельно. Ни черта у меня не вышло, зато с ордером на арест ко мне заявись полиция.

Но я предчувствовал что-то в этом роде и успел смыться. На Марс я подался потому, что другого пути избежать тюрьмы не было (хотя и этот оказался не совсем удачным, не так ли?). Но еще мне удалось узнать, что были еще две или три загадочных смерти в ресторанах Интернейшенел-Сити, а там кормят марсианской едой. И вот я здесь.

— Клубок, похоже, начинает распутываться, — задумчиво сказал Макиан, теребя мочку уха. — Как по-твоему, Хеннес?

— Надо записать все имена и даты и проверить. Откуда нам знать, кто он в самом деле такой.

— Но ты понимаешь, что мы не можем... — поморщился Макиан. — Пойдут слухи. Это доконает Синдикат. — Он обернулся к Дэвиду. — Я пришлю к тебе Бенсона, это наш агроном. — И опять к Хеннесу. — Посиди здесь, пока Бенсон не заявится.

Бенсон появился через полчаса. Все это время Дэвид беззаботно провалялся на тюфяке, делая вид, что не обращает на Хеннеса ни малейшего внимания. Тот, в свою очередь, отвечал ему полной взаимностью, сидя на стуле.

Дверь открылась и некто произнес: «Это я — Бенсон». Голос был вежливый, нерешительный и принадлежал круглолицему человеку лет около сорока с жиденькими русыми волосами и в очках без оправы. Его небольшой рот изобразил что-то вроде улыбки.

— Это вы будете Вильямс? — осведомился он, войдя в комнату.

— Да, — ответил Дэвид Старр.

Бенсон внимательно взглянул на него, казалось, он провел небольшой научный анализ.

— Не склонны ли вы к насилию? — осведомился он, завершив осмотр.

— Но я не вооружен, — счел необходимым отметить Дэвид. — И потом, тут кругом люди, готовые меня уколошить, сделай я шаг в сторону.

— Хм, хорошо. Вы не оставите нас наедине, Хеннес?

Хеннес, протестуя, вскочил на ноги:

— Это небезопасно, Бенсон!

— Ну что вы, Хеннес, — Бенсон взглянул на него кроткими глазами поверх очков.

Хеннес поморщился, хлопнул ладонью по носку сапога что должно было означать неудовольствие — и вышел. Бенсон закрыл

за ним дверь.

— Вот так, Вильямс, в последние полгода я заделался тут важной шишкой. Даже Хеннес меня слушается. Эх, использовать бы мне это... — он снова улыбнулся. — Расскажите мне все. Мистер Макиан сказал, что вы столкнулись со смертью от марсианских продуктов. Это так?

— Да. Умерла моя сестра.

— Ох, — покраснел Бенсон. — Извините, ради бога. Я понимаю, что говорить об этом вам неприятно, но все же, не могли бы вы посвятить меня в некоторые детали? Это очень важно.

Дэвид повторил историю, рассказанную Макиану.

— И как быстро все случилось? — осведомился Бенсон.

— Минут через пять-десять после того, как она начала есть.

— Ужасно. Вы и не представляете себе, насколько это прискорбно, — Бенсон нервно потер руки. — Я расскажу вам все, что знаю, Вильямс. Вы угадали многое и, честно говоря, я считаю себя в известной степени ответственным за случившееся с вашей сестрой. Каждый живущий на Марсе отвечает за это, и мы обязаны добраться до истока трагедии. Эти отравления происходят уже несколько месяцев. Число их невелико, но они уже загнали нас в тупик.

Мы проследили, откуда на Землю попадали отравленные продукты, и убедились в том, что они поставлялись не с какой-то одной фермы. И еще — вся отравленная пища проходила через Виндгрэд-сити, остальные города в этом смысле чисты. Так что надо полагать, заражают их прямо в городе. Этим занялся Хеннес. Он ездит по ночам в город и что-то там, на свой лад, расследует. Пока не раскопал ничего.

— А! Теперь я понял, о чем болтал Бигмен! — кивнул Дэвид.

— Что? — лицо Бенсона напряглось от удивления, но тут же прояснилось. — А, вы о том коротышке, который все время слоняется где ни попадя. Да, он видел, как Хеннес ночью уезжал, что-то наутро ляпнул, и Хеннес его выставил. Хеннес очень импульсивен. Но, в любом случае, думаю, что он ошибается. Понятно, что отравы должна пройти через Виндгрэд-сити. Свою продукцию отправляет оттуда целое полушарие.

— Мистер Макиан предполагает, — продолжил после паузы Бенсон, — что продукты заражаются специально. Дело в том, что он и еще некоторые крупные землевладельцы из Синдиката получили письма, в которых предлагается продать их фермы. Притом — по смехотворно низкой цене. Но о самих отравлениях там ни слова.

— А кто рассылает письма? — Дэвид ловил каждое слово.

— Как узнаешь? Я их видел, там сказано, что если условия принимаются, то закодированное согласие надо отправить по конкретному субэфирному каналу. А предлагаемая цена — они предупреждают — будет падать на 10 процентов каждый месяц.

— А проследить, откуда письма отправлены, нельзя?

— Увы! Они приходят по обычной почте, на конверте штамп: «Астероиды». Как и кого искать на Астероидах?

— А вы поставили в известность Планетарную Полицию?

Бенсон мягко рассмеялся.

— Вы что, думаете, кто-нибудь из Синдиката, мистер Макиан, например, к ним обратится хоть раз в жизни? Вы не очень понимаете, как у марсиан устроены головы, мистер Вильямс. Это же расписка в собственной несостоятельности. Обратиться к помощи закона — значит, оповестить всех, что самому справиться — кишка тонка. Ни один фермач на это не пойдет. Я предлагал оповестить хотя бы Совет Науки, но мистер Макиан и об этом слышать не хочет. Какой, говорит, толк от этих недотеп. И тут как раз этим занялся я.

— Вы тоже занимаетесь отравлениями?!

— Да. Я здешний агроном.

— Да, мистер Макиан вас так и представил...

— Уф... вообще-то, агроном должен заниматься другими вещами. Я исследовал урожайность, севообороты и прочие проблемы такого сорта. Специализировался именно на Марсе. Таких, как я, тут мало, и у нас есть шанс выбиться, хотя фермачи терпеть нас не могут и обзывают учеными идиотами. Еще я занимался ботаникой и бактериологией, так что смог представить мистеру Макиану целую программу исследований по поводу отравлений. Она заинтересовала всех членов Синдиката.

— И что вы нашли, мистер Бенсон?

— На самом деле, не многим больше, чем Совет Науки, что не удивительно — сколько аппаратуры и денег у них и сколько — у меня. Но у меня появилась теория. Отравления происходят так быстро что причиной могут служить только бактериальные токсины. По крайней мере, моментальное разрушение нервной системы иначе не объяснишь. Я думаю, что виной всему марсианские бактерии.

— Как?!

— Марсианская жизнь существует, да будет вам известно! Когда земляне впервые высадились на Марсе, тут было полно простейших видов жизни. Да каких — гигантские зелено-синие водоросли были видны даже в телескопы с Земли! А на водорослях живут бактерии; есть даже что-то вроде насекомых.

— Что, до сих пор?

— Конечно. Мы уничтожили их там, где поставили свои фермы и внесли в почву земные бактерии, необходимые для наших продуктов. А в остальных местах они по-прежнему чувствуют себя прекрасно.

— Но как вообще удалось перенести сюда земные растения?

— Хороший вопрос. Вы уже знаете, что марсианские фермы вовсе не похожи на земные поля. Это — оранжереи. Солнце на Марсе дает мало света, дождей тут не бывает, зато есть плодородная почва и нет недостатка в углекислом газе. Здесь все растет под стеклом. Сев, уход за урожаем и уборка происходят почти полностью автоматизированно, так что наши фермачи скорее механики, чем крестьяне. Орошение искусственное — система водопроводов берет воду с полярных шапок Марса. Так что теперь вы понимаете, что отравить растения не так просто. Плантации охраняются со всех сторон, но — не снизу.

— Вы о чем? — удивился Дэвид.

— О том, что под нами — знаменитые марсианские пещеры, где вполне могут обитать разумные марсиане.

— Люди-марсеане?

— Да нет же. Существа, не менее разумные, чем люди. Что-то мне кажется, им земляне не слишком по душе и они поставили себе задачу выжить нас с этой планеты.

5. Обеденный перерыв

— Зачем? — изумился Дэвид.

Кажется, Бенсон смутился. Провел рукой по редким волосам, зачесанным, впрочем, без намерения скрыть широкую плешь.

— Этим я бы не мог поделиться с Советом Науки. Да и с мистером Макианом. Но я прав, уверен в этом.

— Вы не хотите говорить?

— Не знаю, я давно уже не общался ни с кем кроме фермачей. А у вас, похоже, колледж за спиной. Вы занимались...

— Историей, — подсказал Дэвид. — Международная политика в ранний атомный период.

— О, Бенсон не мог скрыть разочарования — А какие общенаучные курсы?

— Пара семестров по химии, один по зоологии.

— М-да. Впрочем, похоже, я смогу предложить мистеру Макиану направить вас ко мне лаборантом. Работы будет немного, тем более, что вы не ученый но все лучше чем там, куда вас засунет Хеннес.

— Спасибо, мистер Бенсон. Но что марсиане?

— Да, марсиане Может, вы не знаете, но под поверхностью планеты есть гигантские пещеры. Их обнаружили с помощью сейсмографа при землетрясениях, марсотрясениях, так сказать. Сначала решили, что пещеры возникли естественным путем, когда на Марсе еще были океаны, но позже были пойманы сигналы, что-то вроде радио, которые шли из-под поверхности. Сигналы эти — явно результат разумной деятельности. Слишком связные и упорядоченные.

Подумайте об этом, — взглянул Бенсон в глаза Дэвиду. — Все не так уж абсурдно. На планете когда-то было достаточно воды и кислорода. Но гравитация на Марсе слабая, всего две пятых земной, так что эти субстанции стали отрываться от планеты и уходить в космос. Если существовали разумные марсиане, то они видели, к чему идет дело. Так что вполне могли понастроить себе подземелий и укрыться там. А теперь поверхность Марса захвачена разумной жизнью — да еще с чужой планеты. Вполне вероятно, что они опасаются последствий. И то, что мы называем отравлениями, может быть просто биологической войной.

— Я понимаю, о чем вы, — задумчиво сказал Дэвид.

— А Синдикат? А Совет Науки? Они поймут? Ну ладно... Вскоре вы будете работать в лаборатории, и у нас будет время все это обсудить.

Он улыбнулся и протянул свою мягкую слабую руку, которая

просто потерялась в гигантской ладони Дэвида Старра.

— Думаю, теперь они выпустят вас отсюда, — на прощание заявил Бенсон.

Что и произошло. Впервые Дэвид смог увидеть, как устроена марсианская ферма. Конечно, ее покрывал купол, но это Дэвид понял сразу после того, как пришел в сознание. Потому что на Марсе ощущать земной воздух и привычную силу тяжести можно только находясь под куполом.

Естественно, купол здесь был куда скромнее, чем над Виндгрэд-сити. В высоту он достигал только сотни футов, видно было все его устройство. Горели белые люминесцентные лампы и сквозь этот свет марсианское небо почти что не проглядывало. Площадь защищенной куполом поверхности составляла примерно половину квадратной мили.

Впрочем, в первые дни времени на подобные исследования у Дэвида не оставалось. Купол фермы, казалось, был битком набит людьми, каждый из которых имел обыкновение есть трижды в сутки. Им не было конца — особенно по вечерам, когда все работы заканчивались. Дэвид маялся на раздаче, а фермачи с подносами все тащились мимо него. Подносы — обнаружил между делом Дэвид — были сделаны специально для Марса. Тепла рук хватало, чтобы размягчить пластик и завернуть в него блюда — взять с собой в пустыню. А после поднос можно запросто расправить и пользоваться им как обычно.

Дэвида фермачи не замечали. Только Бигмен, суетясь между столами, заменяя баночки с соусом и комплекты специй, махнул ему рукой. Работа на кухне была кошмарным понижением для малыша, но сам он относился к такому положению вещей философски.

— Это же только на месяц, — объяснил он однажды Дэвиду, когда они готовили обед, а повар вышел на пару минут. — Ребята знают, в чем дело, и не обращают внимания. Конечно, там еще Грисволд, Зукс и вся свора крыс, которые лижут Хеннесу подметки, но какое мне до них дело? Только несколько недель.

— Не обижайся, что ребята не торопятся сойтись с тобой, — сказал он в другой раз. — Они видят, что ты землянин, но не знают, что ты — парень-молоток. Я-то — знаю, но Хеннес с Грисволдом постоянно шпионят за мной, чтобы я с ними не говорил. А то бы я им давно уже все объяснил. Ничего, в свое время они разберутся.

Но время требовалось на все. Для Дэвида пока ничего не менялось: фермач с подносом, черпак картофельного пюре, ложка гороха, небольшой бифштекс (животная пища на ферме была скудной, мясо приходилось ввозить с Земли). Фермач сам клал

себе пирожное и наливал кофе. Следующий фермач с подносом, еще одна порция пюре, еще ложка гороха... Казалось, что для местных Дэвид Старр — просто механизм с черпаком в одной руке и длинной вилкой в другой. У него даже лица не было: черпак и вилка, вот и все.

В дверь просунул голову повар, его маленькие глаза по-свинячьи блестели над толстыми щеками.

— Эй, Вильямс, — прикрикнул он. — Ноги в руки и обед в малый зал.

Макиан, Хеннес и прочие ценные кадры столовались в специальной комнате, еду им подавали. Это Дэвид уже знал, так что держал наготове тарелки и повез их в комнату на специальном столике.

Обслуживать он начал с Макиана, Хеннеса и двух других, сидевших за их столом. У стола Бенсона он притормозил. Бенсон улыбнулся, взял свою тарелку, осведомился у Дэвида, как идут дела, и начал есть. Дэвид, как бы автоматически смахивая со стола несуществующие крошки, шепнул ему на ухо:

— А на ферме кто-нибудь травился?

Бенсон вздрогнул от неожиданности и быстро взглянул на Дэвида. Так же мельком оглянулся и осторожно покачал головой.

— А ведь овощи-то марсианские, — прошептал Дэвид.

— Эй ты, задница, шевелись! — раздался окрик из другого конца зала.

Орал Грисволд, как обычно заросший. Странно подумал Дэвид, должен же он иногда бриться, раз щетина у него всегда одинаковой длины? Как ему так удается?

Грисволд сидел за последним столом, который предстояло обслужить. Он себе что-то бормотал под нос и явно зверел.

— Ты, разносчица, — прорычал он, когда Дэвид подъехал к нему, — ставь тарелку. Живо, живо!

Дэвид протянул ему тарелку, но спокойно не торопясь, и Грисволд ткнул в его сторону вилкой Дэвид моментально среагировал и поднос попал точно между зубьями.

Держа поднос в одной руке, Дэвид схватил другой Грисволда за запястье Трое остальных за этим столом вскочили на ноги.

— Отложи вилку и попроси вежливо, а не то обед окажется у тебя на морде, — низкий и спокойный голос Дэвида звучал словно для одного только Грисволда.

Тот дернулся, и Дэвид сжал руку сильнее, а ногой придавил стул Грисволда, что не позволяло тому двинуться с места.

— Только вежливо, — продолжил наставления Дэвид. Он улыбался так, словно разговаривал с другом детства. — Как положено воспитанному человеку.

Грисволд тяжело дышал, вилка ходила ходуном в его онемевших пальцах.

— Передай мне поднос, — прохрипел он.

— И все?

— Пожалуйста, — выдавил Грисволд.

Дэвид опустил поднос и отпустил руку соперника, кровь от которой отлила так, что кожа совершенно побелела. Грисволд принялся массировать ее и только чуть погодя смог вытащить из окостеневших пальцев вилку. Багровый от гнева, он огляделся, но окружающие были лишь развлечены сценкой. На Марсе нравы крутые: каждый сам за себя.

— Вильямс! — позвал, привстав, Макиан.

— Да, сэр! — откликнулся Дэвид.

Макиан, казалось, вовсе не обратил внимания на произошедшее, но мгновение разглядывал Дэвида так, словно впервые увидел. Похоже, результат пришелся ему по душе.

— Ты хочешь завтра поехать на осмотр? — спросил он.

— Осмотр, сэр? Что это такое? — Дэвид между тем собирал со стола грязную посуду. Макиан съел бифштекс, но горох остался нетронутым, едва было тронута пюре. Похоже, у него не было аппетита, зато Хеннес на отсутствие аппетита не жаловался — его тарелка была только что не вылизана.

— Осмотр — это ежемесячная поездка по фермам. Мы смотрим, как дела с посадками. Заменяем поврежденные стекла, чиним, если надо, водопровод, проверяем всякую механику. На это нам требуется как можно больше надежных ребят.

— Я бы поехал, сэр!

— Отлично. Думаю, ты годишься. — Макиан повернулся к Хеннесу, слушавшему его с холодным, непроницаемым выражением лица. — Мне нравится стиль этого парня. Из него выйдет отличный фермач. И, Хеннес... — он понизил голос до шепота и отъехавший от стола Дэвид дальнейшего не услышал, зато уловил брошенный Макианом в сторону Грисволда взгляд, в котором не читалось ничего лестного для фермача-ветерана.

Дэвид Старр услышал шаги за своей дверью, моментально соскользнул с кровати на пол и затаил дыхание. Вошли. В смутном свете дежурных фонарей показались чьи-то босые ноги.

Дэвид услышал шуршание простыней его безуспешно пытались обнаружить на кровати, раздался шепот:

— Землянин! Куда, черт, ты делся?

Дэвид схватил гостя за щиколотку, тот дернулся и приглушенно охнул.

Наступила тишина, и возле лица Дэвида возникла чья-то неразличимая в потемках голова.

— Землянин, ты тут?

— А где мне еще быть, Бигмен? Я люблю спать под кроватью.

— Хорошо, что я не заорал, а то бы всему конец, с облегчением вздохнул малыш. У меня к тебе разговор.

— Ну так говори, — чуть усмехнулся Дэвид и забрался обратно на кровать.

— Да, для землянина ты не промах, — констатировал Бигмен.

— Видишь ли, я собираюсь жить долго.

— Для этого тебе придется сильно постараться.

— Вот как?

— Слушай, я свалил дурака, придя сюда. Если меня тут застукают, не видать мне моих бумаг. Просто однажды ты мне помог, а теперь моя очередь. Что у тебя опять с этим типом?

— Так, немного повздорили сегодня.

— Повздорили? Он рвет и мечет. Его только Хеннес сдерживает.

— И это все, что ты хотел мне сказать?

— Если бы. После отбоя они были за гаражами. Они не знали, что я неподалеку, я им, понятно, об этом тоже не сообщил. В общем, Хеннес отчитывал Грисволда за то, что он связался с тобой на глазах у Макиана, а еще больше — за то, что не смог справиться. Грисволд был слишком взбешен, чтобы слушать. Он все рычал, что возьмет тебя за глотку. А Хеннес говорит... — Бигмен запнулся. — Послушай, ты считаешь, что Хеннес — человек приличный?

— Более-менее.

— А ночные поездки?

— Ты видел его лишь однажды.

— И достаточно. Они же запрещены. Объясни мне.

— Не мое это дело, Бигмен, но все кажется вполне законным.

— Тогда почему он натравливает на тебя всех своих собак?

— То есть?

— Ну вот, когда Грисволд, наконец, заткнулся, то Хеннес сказал, что надо быть умнее. Сказал, что завтра ты поедешь на осмотр и там подвернется случай. Я пришел тебя предупредить. Лучше останься, не езжай.

— Случай для чего, — голос Дэвида не дрогнул, — Хеннес объяснил?

— Я не пошел за ними, не то бы меня засекли. А что тут еще неясного?

— В общем, да. Но, понимаешь, хотелось бы точно знать, что он задумал.

Бигмен пододвинулся ближе и уставился на Дэвида так, словно хотел прочесть его мысли прямо по лицу.

— А что ты думаешь? — спросил, не выдержав, он.

— Ничего, — ответил Дэвид. — Я еду на осмотр и пусть ребята демонстрируют все, на что способны.

— Ты с ума сошел! — ахнул Бигмен. — Что ты там против них сможешь? Ты ничего не знаешь о Марсе!

— Итак, — меланхолично заметил Дэвид, — выходит что-то вроде самоубийства. Поглядим — увидим. — Он хлопнул Бигмена по плечу, отвернулся лицом к стенке и уснул.

6. От винта!

В тот день суматоха началась, едва только включили свет. В помещениях царили невообразимый шум и сумасшедшая толчея. Краулеры были выстроены в ряд, возле каждого возился фермач.

Макиан мелькал то тут, то там, нигде не задерживаясь, Хеннес ровным начальственным голосом назначал, кому с кем ехать, и указывал маршруты для каждой команды.

— Вильямс, — окликнул он Дэвида, — ты все еще хочешь на осмотр?

— Не хотелось бы пропустить, сэр!

— Отлично. Своей машины у тебя нет, возьмешь из общего гаража. Но учти, как только ты ее взял, ответственность за нее на тебе, и все поломки, которых — по нашему мнению — ты мог избежать, покроешь из своего кармана. Понятно?

— Вполне.

— Я ставлю тебя в команду Грисволда. Знаю, вы с ним не ладите, но он наш лучший человек в таких делах, а ты — просто землянин без малейшего опыта. Я хочу, чтобы за тобой присматривал опытный человек. Ты умеешь водить краулер?

— Думаю, могу управлять всем, что движется, надо только приглядеться.

— Можешь? Ладно, дадим тебе шанс. — Он отошел в сторону, но вновь повысил голос — А ты еще куда? Думаешь, куда-то поедешь?

Оказывается, в комнату вошел Бигмен. Тот был в новеньком комбинезоне, а сапоги блестели, словно зеркальные. Лицо выбритое и розовое, волосы аккуратно причесаны.

— Как куда? На осмотр, мистер Хеннес, — протяжно произнес он. — Я не под арестом, так что у меня сохраняются все права фермача, хоть вы меня и сделали кухонным придатком. То есть, я имею право ехать на осмотр. Кроме того, имею право на свою прежнюю машину и могу ехать в своей прежней команде.

— Слишком много книжек читаешь, — скривился Хеннес. — Но еще только неделя, слышишь? Только неделя, Бигмен, и если позже ты появишься на нашей территории, я лично вышибу тебя отсюда!

Бигмен изобразил некий ужасающий жест в сторону удаляющегося Хеннеса и обернулся к Дэвиду.

— Ты когда-нибудь носил респиратор?

— Только слышал, как им пользуются.

— Ну слышать мало. Я тебе раздобыл отличную штуку. Смотри сюда, я тебе покажу, как его надеть. Нет, нет, не суй туда

пальцы. Вот, видишь как я держу руки? Вот так. А теперь натягивай на голову, только чтобы завязки не перекрутились на затылке, а то сдохнешь от головной боли. Ну, ты сквозь них видишь?

Верхняя часть лица Дэвида оказалась упакованной в пластик, что, учитывая еще и двойные трубки от кислородных баллончиков, расположенные по обе стороны подбородка, превратили его в подобие монстра.

— Тебе дышать не трудно? — осведомился Бигмен.

Дэвид трепыхался, пытаясь всосать хоть глоток воздуха. Не получалось, и он содрал респиратор.

— Как ты его включаешь? Ничего не понимаю.

Бигмен покатывался со смеху.

— Это тебе за вчерашнее. Ничего там не надо включать. Цилиндры автоматически выделяют кислород, когда ты надел маску, и выключаются, когда снял.

— Значит, он испорчен.

— Ничего он не испорчен. Он работает, когда давление снаружи станет примерно одна пятая от земного. В пустыне все будет в порядке, этого давления хватит, потому что хоть там и одна пятая, зато — чистый кислород. Ровно столько, сколько надо. Только запомни — вдыхать через нос, выдыхать — через рот. Через нос выдохнешь — запотеют стекла.

Он крутился вокруг Дэвида, с пристрастием его разглядывая.

— Ну и расцветочка у твоих сапог... — покачал он головой. — Надо же додуматься! Черно-белые, будто со свалки вылез! — и Бигмен оглядел свои, цвета шартреза с киноварью сапоги, взглядом, выражавшим нечто большее, чем простое удовлетворение.

— Я не стану выдыхать через нос, — пообещал ему Дэвид. — Иди к своей машине, а то, похоже, сейчас тронемся.

— Ты прав. Ладно, не горюй. Следи за тем, как изменится тяжесть. Без привычки бывает трудновато. Ну, пока, землянин.

— Пока.

— Держи ушки на макушке. Помнишь, о чем я?

— Конечно.

Краулеры выстроились группами по девять. Всего их было около ста, на каждой машине красовался намалеванный девиз, явно претендовавший на юмор. Краулер, доставшийся Дэвиду, например, украшали с полдюжины высказываний его прежних владельцев, от «Взгляните-ка, девчонки!» на стрелоподобном носу машины до «Это я, я не песчаная буря» — на заднем бампере.

Дэвид забрался внутрь и закрыл дверь. Она встала на место, как притертая, даже шва не осталось. Прямо над головой

находилось вентиляционное отверстие, с помощью которого выравнивалось давление в машине и снаружи. Стекло было чуть поцарапанным, что свидетельствовало о песчаных бурях, в которых машина уже побывала. Дэвид пригляделся к рычагам управления — все вполне привычно, а несколько незнакомых кнопок вполне объяснили свое назначение, едва он на них нажал.

К машине подошел Грисволд и стал размахивать руками, опять корча какие-то зверские рожи. Дэвид приоткрыл дверь.

— Опустите передние щиты, козел. Мы еще не попали в бурю.

Дэвид поискал нужный тумблер и обнаружил его на черенке рулевого колеса. Щиты песчаной защиты, показавшиеся ему металлическими, мягко сложились и ушли в карманы кузова. Обзор улучшился. В самом деле, сообразил Дэвид, на Марсе не бывает сильного ветра. Сейчас на Марсе лето. Холодно не будет.

— Эй, землянин! — кто-то позвал Дэвида снаружи. Он выглянул — Бигмен, тоже оказавшийся в группе Грисволда, махал ему рукой. Дэвид помахал в ответ.

Секция купола отошла в сторону. Девять машин осторожно направились в проход. Секция закрылась, через несколько минут открылась вновь и пропустила следующую группу.

В машине внезапно прогремел голос Грисволда. Дэвид оглянулся и увидел за спиной динамик. Небольшой микрофон был встроен в верхушку рулевого колеса.

— Восьмая группа, готовы?

Голоса отвечали последовательно:

— Номер один — готов.

— Номер два — готов.

— Номер три — готов.

И так до шестого, после чего наступила пауза. Дэвид понял, в чем дело и ответил:

— Номер семь — готов.

Последовало: «Номер восемь — готов» и переключку завершил тонкий голосок Бигмена:

— Номер девять — готов.

Секция купола вновь отошла в сторону, и с места двинулись машины группы Дэвида. Он аккуратно выжал сцепление, краулер дернулся и едва не воткнулся в переднюю машину. Дэвид сбросил сцепление, осторожно нажал снова и медленно вывел машину в небольшой туннель. Секция задвинулась за ними.

Дэвид почувствовал, как воздух уходит из кабины. Сердце утешенно забило, но его руки по-прежнему лежали на руле.

Одежда трепыхалась на этом странном ветру, вокруг сапог закружились смерчки пыли. Тело словно раздувалось, к горлу подступала одышка, руки на руле задрожали. Дэвид сглотнул

воздух и попытался продуть начавшие болеть уши. Через пять минут он обнаружил, что изо всех сил старается вдохнуть в себя нужное количество кислорода.

Остальные уже давно надели респираторы. Дэвид последовал их примеру и ощутил, как кислород мягко вливается в легкие. Руки и подбородок все еще дрожали, но самочувствие приходило в норму.

И вот открылась внешняя секция и перед ним, в слабом свете здешнего солнца, раскинулись плоские, рыжие пески Марса. В ушах раздался общий вопль восьми фермачей:

— От винта-а-а!!!

Этот традиционный клич фермачей прозвучал в разреженной атмосфере планеты почти дискантом.

Дэвид нажал на сцепление и пересек черту, которая означала границу между пространством под куполом и Марсом.

И эта граница словно обрушилась на него!

При такой внезапной смене гравитации кажется, будто падаешь с высоты в тысячу футов. Едва Дэвид пересек границу, как от двух сотен фунтов его веса осталось хорошо если восемьдесят, у него заболело под ложечкой; ощущение падения не проходило, и он изо всех сил вцепился в баранку. Краулер кидало из стороны в сторону.

— Номер семь, в строй! — прогремел голос Грисволда, похожий на конское ржание даже в разряженном воздухе Марса.

Дэвид воевал с управлением, заодно борясь со своими ощущениями, стараясь привести в норму хотя бы себя. Постепенно ему это удалось.

Он огляделся по сторонам и увидел Бигмена, тревожно обернувшегося в его сторону. Оторвав руку от штурвала, Дэвид помахал ему и тут же снова сконцентрировался на дороге.

Марсианская пустыня оказалась безукоризненно плоской. Плоской и совершенно безжизненной. Ни малейших следов растительности, о которой говорил Бенсон. Но Дэвид подумал, что пески вполне могли быть покрыты сине-зелеными микроорганизмами, пока не пришли земляне и не вытравили их, чтобы соорудить здесь свои фермы.

Машины вздымали клубы пыли, которая оседала на землю словно в замедленной съемке.

Машина Дэвида плохо слушалась. Он прибавил скорость и окончательно понял, что это неспроста. Остальные ехали ровно и спокойно, а его краулер подпрыгивал будто какой-то тушканчик. На любой неровности машина немедленно взвивалась в воздух, медленно опускалась вниз и, едва колеса касались почвы, — новый скачок.

Но когда он попытался сбросить скорость — стало только хуже. Конечно, надо было учитывать и малую гравитацию, но ведь остальные ее каким-то образом компенсировали? Дэвид задумался — каким именно?

Холодало. Хотя на Марсе было лето, температура была близка к точке замерзания. Прямо перед собой Дэвид видел солнце — карликовое солнце на багровом небе, на котором горело еще несколько звезд. Воздух планеты слишком разрежен, чтобы поглотить свет, как это происходит в голубом небе Земли.

— Номера один, четыре и семь — налево. Номера два, пять и восемь — в центр. Номера три, шесть и девять — направо. Номера два и три ведут свои подразделения, — опять раздался голос Грисволда. Номер один, пескоход Грисволда, стал сворачивать влево и, провожая его взглядом, Дэвид заметил вдали темную линию. Номер четыре повторил маневр, Дэвид последовал его примеру, положив машину в левый разворот.

То, что произошло дальше, его просто ошарашило. Машина немедленно пошла в занос. Он моментально вцепился в баранку, раскручивая ее в направлении заноса, полностью сбросил скорость. Краулер крутило так, что перед глазами все сливалось просто в красное марево.

И тут раздался вопль Бигмена:

— Жми на экстренный тормоз! Справа от сцепления!

Дэвид отчаянно попытался нащупать ногой этот тормоз, но ничего такого не нашел. Вновь перед глазами мелькнула темная линия — уже куда более заметная, широкая. Даже на этой сумасшедшей скорости он понял, что это трещина. Подобно земным или лунным, трещины в коре Марса возникли миллионы лет назад, в результате высыхания планеты. Они тянулись на многие мили, в поперечнике достигали сотен футов, и никто никогда не исследовал их глубины.

— Красная маленькая кнопка, — вопил Бигмен, — Жми!

Дэвид нашел и нажал, ощутил слабый толчок. Тут же возник дикий визг и скрежет, машину потащило в сторону; Дэвида вжало в кресло. Клубы пыли заволокли все вокруг.

Дэвид ждал, пригнувшись к баранке. Машина тормозила и, наконец, встала.

Он откинулся на спинку кресла и минуту тяжело дышал. Затем снял респиратор, вытер его изнутри, подождал, пока холодный воздух остудит лицо, и снова надел. Одежда пропиталась серой пылью, пыль покрыла подбородок я забила внутренности кабины.

К нему подъехали остальные две машины из его группы. Из одной выбрался Грисволд и направился в его сторону. Респиратор

превратил его в существо чудовище. Тут только Дэвид понял пристрастие фермачей к растительности на лице — она просто оберегала лицо от марсианского холода.

Грисволд, похоже, свирепо ругался, одновременно скрипя зубами и сплевывая сквозь них.

— Землянин, — заявил он, подойдя к машине Дэвида. — Весь ремонт за твой счет. Хеннес тебя предупредил.

Дэвид открыл дверь и прыгнул на песок. Машина выглядела еще ужасней, чем можно было предположить. Покрышки были продраны и из них торчали какие-то гигантские зубы, которые, видимо, и осуществили «аварийное торможение».

— Ни цента из моих денег, — сообщил Дэвид. — С машиной не все в порядке.

— Конечно! Водитель. Водитель — кретин, вот что не в порядке с машиной!

Подъехал еще один краулер, Грисволд обернулся.

— А ну давай отсюда, ублюдок! — его щетина, казалось, встала дыбом. — Займись своим делом!

— Сначала я посмотрю, что с машиной землянина, — сообщил Бигмен, прыгивая вниз.

Он весил на Марсе фунтов пятьдесят, не больше, и одним медленным прыжком оказался возле Дэвида. Бигмен взглянул на машину.

— А где брус тяжести, Грисволд? — спросил он тут же.

— Брус тяжести? Что это, Бигмен? — удивился Дэвид.

— Когда машину используют при малой гравитации, — немедленно пустился в объяснения Бигмен, — то на ось надевается специальная балка, на каждую ось. А если гравитация нормальная — их снимают. Извини, приятель, мне и в голову не пришло, что такое может быть...

Дэвид остановил его. Губы чуть дрогнули. Да, теперь понятно, отчего машина подпрыгивала на любой кочке, а остальные раскатывали, как по асфальту.

— Как это могло произойти? — спросил он Грисволда.

— Каждый фермач отвечает за свою машину, — прорычал Грисволд. — Если ты в ней не разбираешься, то это твоя проблема.

К ним подъехали остальные. Фермачи вылезли из кабин и окружили троицу. Они созерцали происходящее не вмешиваясь, но и не без интереса.

— Ты, — разбушевался Бигмен, — дерьмо песочное, ты знал, что он новичок и что он не мог предполагать, что такая сволочь, как ты специально...

— Спокойно, Бигмен, — остановил его Дэвид. — Это мое

дело. Еще раз спрашиваю, Грисволд. Ты подстроил это заранее?

— Я тебе уже все сказал, землянин. Это пустыня, здесь каждый отвечает за себя. Нянчиться с тобой меня не нанимали. Понял?

— Отлично. Я позабочусь о себе сам. — Дэвид огляделся. Они стояли почти на краю трещины. Еще футов десять и он бы уже был покойником. — Но и тебе придется позаботиться о себе, потому что я забираю твою машину. А уж что ты надумаешь делать с моей — тащить ее обратно на ферму или останешься тут — не моя забота.

— Ты! — рука Грисволда потянулась к подмышке, но окружающие почти в унисон закричали:

— Поединок! Поединок!

Нравы марсианских пустынь весьма круты, но знают разницу между честью и бесчестьем. Это объяснялось не столько благородством их обитателей, сколько вынужденной необходимостью. Только соблюдая подобные неписанные законы, человек мог не опасаться удара ножом в спину или заряда бластера в живот.

Грисволд оглядел собравшихся.

— Отлично, мы займемся этим по приезде, — нехотя согласился он. — А теперь за работу, ребята!

— И по приезде тоже, — покачал головой Дэвид. — Когда только пожелаешь. А пока — давай, шагай сюда.

И сделал шаг вперед. Грисволд попятился.

— Ты, сопляк, — огрызнулся он, — у тебя в голове что, труха? Мы не можем драться в респираторах.

— Отлично, — согласился Дэвид. — Давай их снимем. Одолей меня так, если сможешь.

— Поединок, — слышался единодушный вздох толпы.

— Соглашайся или иди к черту, — Бигмен подскочил к Грисволду, изловчился и вытащил его бластер.

— Готов? — Дэвид положил руку на свой респиратор.

— Считаю до трех, — сообщил Бигмен.

Окружающие что-то выкрикивали вразнобой. Грисволд с ненавистью смотрел на них.

На счет «три» Дэвид снял респиратор и отшвырнул в сторону. Теперь ничто не защищало его от губительной атмосферы Марса.

7. Бигмен делает открытие

Грисволд не шевельнулся и респиратор не снял. Зрители недовольно зашумели.

Дэвид, насколько мог приноровиться к малой гравитации (он чувствовал себя, как в воде), сделал быстрый выпад и ухватил Грисволда за локоть. Уклонившись от удара ногой, схватил второй рукой респиратор противника, содрал его и отбросил в сторону.

Грисволд дернулся за ним с коротким криком, но тут же закрыл рот, чтобы не терять воздух, и отскочил назад, немного покачнувшись. И медленно закружил вокруг Дэвида.

Прошла уже почти минута, как Дэвид вдохнул последний раз. В легких нарастало напряжение. Грисволд кружил вокруг него, понемногу подходя все ближе. Он был ловок, привык к малой гравитации и отлично управлял своим телом. Дэвид с неудовольствием понял, что ему это удастся хуже. Один незнакомый для него прием — и он может оказаться на земле.

Каждая секунда могла погубить его, но Дэвид не шел вперед, а смотрел на лицо Грисволда — с каждым мгновением все более напрягающееся. Надо выждать. Грисволд слишком много ест и часто пьянствует, вряд ли он в хорошей форме.

Дэвид мельком оглянулся и увидел трещину — она была всего в четырех футах за ним, узкая щель, отвесно уходящая вниз. Да, Грисволд намеренно теснил его туда.

Дэвид встал, как вкопанный. Десять секунд, не больше. Грисволд должен напасть, ему не остается ничего другого.

И Грисволд пошел вперед.

Дэвид отскочил в сторону, вцепился противнику в плечо, раскрутил его и встречным ударом кулака разворотил Грисволду челюсть.

Тот беспомощно покачнулся, воздух вырвался из его легких, он непроизвольно глубоко вдохнул адскую марсианскую смесь аргона, неона и углекислого газа и медленно, будто в кошмарном сне, осел на землю. Из последних сил заставил себя подняться, зашатался и стал переставлять ноги, лишь бы удержать равновесие...

Дэвид услышал истошный крик, но сейчас его волновало лишь как добраться до респиратора. Заставляя двигаться свое измученное тело из последних сил, он приладил цилиндры и натянул респиратор на лицо. И наконец вдохнул кислород, остудивший его легкие, как вода охлаждает иссушенный желудок.

О чем-то кроме дыхания он смог подумать только через

минуту.

— Где Грисволд?

Остальные, во главе с Бигменом, столпились вокруг него.

— Ты не видел? — изумился тот.

— Я его свалил, — Дэвид огляделся. Грисволда нигде не было.

— Он там, — Бигмен ткнул рукой куда-то вниз. — В трещине.

— Что?! — Дэвид опешил. — Что за идиотские шутки?

— Какие тут шутки!

— Нырнул как в воду с вышки.

— Да что там, сам нарвался!

— Ты действовал в пределах самообороны, землянин, — собравшиеся заговорили все сразу.

— Как? — не мог понять Дэвид. — Это я его туда скинул?

— Да нет же, — отмахнулся Бигмен. — Ты не при чем. Ты ему врезал, и он свалился. Встал на ноги. Опять стал падать, захотел удержаться на ногах и поплелся вперед, ни черта не видя. Мы ему крикнули, но поздно. Если бы он сам тебя к дыре не подталкивал, то ничего бы с ним не случилось.

Дэвид оглядел собравшихся. Они смотрели на него.

Наконец один из фермачей протянул ему свою крепкую ладонь.

— Отличный номер, фермач.

Голос прозвучал невозмутимо, но в сказанном крылось признание. Возникшая было неловкость исчезла.

Бигмен триумфально завопил, подпрыгнул в воздух футов на шесть и опустился вниз, мельтеша ногами, как танцовщик. Остальные плотно столпились вокруг Дэвида. Люди, ранее называвшие его «землянином» или не замечавшие вообще, теперь хлопали его по плечу и говорили, что Марс может гордиться таким парнем.

— Ребята! — крикнул Бигмен. — Так мы едем на осмотр или без Грисволда нам никак?

— Еще чего! — завопили ему в ответ.

— Тогда вперед! — Бигмен вскочил в свою машину.

— Вперед, фермач! — крикнул кто-то Дэвиду, который уже сидел в машине, еще пятнадцать минут назад принадлежавшей Грисволду.

И снова пронзительное «От винта!» разнеслось над марсианскими просторами.

В каждом краулере есть радиостанция, так что новостям пустыня не помеха. Пока Дэвид разъезжал по оранжереям, известие о смерти Грисволда достигло ушей каждого фермача с макиановской фермы.

К вечеру фермачи из бывшей команды Грисволда съехались вместе и отправились назад, на ферму. Дэвид почувствовал себя в центре внимания, едва только оказался под куполом.

Обычного ужина в тот день не было, фермачи поели еще в пустыне, перед возвращением, так что уже через полчаса по прибытии все собрались перед Большим Домом.

Не было сомнений, Хеннес и Макиан уже знали о поединке. Компания Хеннеса, люди, которых нанимал он сам и чьи интересы совпадали с его, была весьма многочисленной. Кто-то из них непременно сообщил о случившемся начальству. Поэтому в воздухе повисла некоторая напряженность.

Не то чтобы фермачи ненавидели Хеннеса. Работать он умел и был не груб. Но его невзлюбили. Он был слишком холоден, высокомерен и необщителен — в отличие от прежнего управляющего. Для Марса, где социальных различий нет, это был существенный недостаток, и тут такому человеку не оставалось ничего кроме как обижаться.

Кроме того, ничего подобного на ферме Макиана не случилось уже три марсианских года, а марсианский год лишь на месяц короче двух земных.

Дэвида встретили одобрительным гулом, перед ним расступились и пропустили вперед, лишь небольшая группа фермачей, стоявших поодаль, выглядела мрачной и враждебной.

Шум толпы был услышан и вскоре из дверей вышли Макиан, Хеннес, Бенсон и еще несколько человек. Дэвид встал на дорожку, ведущую к дверям дома, Хеннес остановился на ступеньках и взглянул вниз.

— Сэр, — начал Дэвид, — хочу объясниться с вами по поводу сегодняшнего происшествия.

— Сегодня погиб ценный работник фермы, — тут же отреагировал Хеннес. — Погиб в результате стычки с тобой. Твои объяснения могут что-то изменить?

— Нет, сэр. Но Грисволд был побежден в поединке.

— Грисволд хотел убрать парня, — донесся голос из толпы. — Он случайно забыл поставить на его пескоход брусы тяжести.

При слове «случайно» раздались смешки.

— Кто это сказал? — побледнел Хеннес.

Наступила тишина, затем из толпы раздался почти мальчишеский голосок:

— Не я, господин учитель, это не я сделал, — это вперед вылез Бигмен, прижимавший к груди ручонки и потупивший глаза долу.

Раздался уже громкий хохот.

Хеннес с усилием превозмог гнев.

— Ты утверждаешь, что на твою жизнь покушались?

— Нет, сэр, — ответил Дэвид. — Я говорю только о поединке. О поединке по всем правилам, в присутствии семи фермачей. А на поединке дерутся на смерть, не так ли? Или вы предлагаете новые правила?

Собравшиеся одобрительно загудели. Хеннес взглянул на них.

— Мне жаль, — сказал он, взяв себя в руки, — что вы ведете себя так, потому что позже будете об этом жалеть. Приступайте к работе, но помните, что проявленное вами сегодня отношение забыто не будет. А ты Вильямс, не думай, что тебе все сошло с рук. С тобой мы еще разберемся.

Ранним утром на следующий день Дэвида позвали к Бенсону.

Ночь прошла в долгих торжествах, избежать или предотвратить которые Дэвид не смог, так что теперь, стоя перед дверью Бенсона, он зевал и никак не мог остановиться.

— Заходите, Вильямс, — приветствовал его Бенсон. Сегодня он был в белом халате, а воздух в его кабинете пропитался характерным запахом крыс и хомяков. Бенсон улыбался. — Что-то вы нынче выглядите невыспавшимся.

— А так и есть, — ответил Дэвид, насилиу сдерживаясь, чтобы опять не зевнуть. — Именно что невыспавшийся. Чем могу быть вам полезен?

— Нет, наоборот. Помогать нужно вам. У вас уже неприятности, а дальше может быть и хуже. Боюсь, вы не в курсе, что мистер Макиан обладает здесь всей полнотой власти. И, если он решит, что вы убили Грисволда с умыслом.

— Даже без суда?

— Нет, но Хеннес всегда подберет дюжину фермачей, которые разделят его точку зрения.

— Тогда у него возникнут сложности с остальными.

— Конечно. Именно это я всю ночь втолковывал Хеннесу. Не думайте, будто мы с Хеннесом в одной упряжке. По мне, так он слишком деспотичен, да и еще эти его дурацкие выдумки, вроде игры в детектива, о чем я вам уже говорил как-то. Зато мистер Макиан со мной согласен. Он не должен вмешиваться в отношения Хеннеса с персоналом, поэтому вчера и не сказал ничего, зато он ему намекнул, что не намерен спокойно смотреть на то, как его ферма раздирается на части из-за какого-то ублюдка Грисволда. Так что Хеннесу пришлось обещать, что дело будет по крайней мере на время закрыто. Но он не из тех, кто что-то забывает. А Хеннес — серьезный враг.

— Я, что же, рискую, оставаясь тут?

— Мы можем свести риск к минимуму. Я предложил Макиану перевести вас сюда. Вы можете оказаться полезным даже и без научной подготовки. Будете кормить крыс и чистить клетки. Я научу вас делать анестезию и инъекции. Это, может, и скучно, зато вы не будете попадаться на глаза Хеннесу. Согласны?

— Но, — сказал Дэвид очень серьезным тоном, — это будет социальным падением для человека, которого провозгласили красой и гордостью фермачей.

— Да вы что! — фыркнул Бенсон. — Вильямс, не воспринимайте всерьез эту деревенщину! Фермач! Это прекрасный титул для недоучки и не более того! Вы что, с ума сошли, чтобы всерьез относиться к их болтовне о социальном статусе? В конце концов, работая со мной, вы можете помочь раскрыть тайну отравлений и отомстить за свою сестру. Разве не за этим вы на Марсе?

— Я буду работать с вами, — согласился Дэвид.

— Вот и чудно! — Бенсон расплылся в улыбке.

В дверь просунулась голова Бигмена.

— Эй, — полувыдохнул он.

— Салют, Бигмен, — Дэвид обернулся и захлопнул дверку крысиной клетки.

— Бенсон здесь?

— Нет, до обеда не будет.

— Отлично, — Бигмен вошел, очень осторожно двигаясь, чтобы ненароком не зацепить одеждой какой-нибудь прибор.

— Только не говори мне, что у тебя зуб и на Бенсона.

— У кого, у меня? Да ты что, он же с заскоком, — Бигмен постучал себя костяшками по лбу. — Какой нормальный потащится с Земли на Марс, чтобы возиться с идиотскими тварями. И еще все время бормочет о том, как нам пахать и сеять. Будто можно что-то узнать о Марсе в колледже на Земле... К тому же он постоянно задирает нос, так что его приходится осаживать.

Он помолчал.

— А теперь о тебе, — он грустно взглянул на Дэвида. — Слушай, а Бенсон тебе ночную рубашку и чепец еще не подарил? Ты же у нас теперь крысиная нянька. Как ты ему позволил?

— Это только временно, — ответил Дэвид.

— Ладно, — Бигмен подождал и сообщил, протягивая руку. — Я, собственно, попрощаться.

Дэвид протянул свою.

— Уезжаешь?

— Да. Месяц кончился, бумаги у меня, и я могу устроиться в более приличном месте. Рад буду снова увидеться с тобой. Слушай, может, когда твой контракт закончится, мы поработаем

вместе? Ты же не захочешь торчать у Хеннеса?

— Погоди, — Дэвид не выпускал его руку. — Ты сейчас в Виндгрэд-сити?

— Ну да, пока не подыщу работу.

— Отлично. Я неделю ждал такого случая. Уехать отсюда я не могу, может ты мне поможешь?

— Конечно. Скажи только как.

— Это немного рискованно, потому что тебе придется вернуться сюда.

— Ну и что? Хеннеса я не боюсь. К тому же есть куча способов проникнуть на ферму так, чтобы тебя никто не увидел. Я тут дольше, чем он.

Дэвид усадил Бигмена в кресло, пододвинулся ближе и зашептал:

— На углу улиц Канала и Фобоса есть библиотека. Я бы хотел, чтобы ты снял для меня несколько микрофильмов и привез вместе с проектором. Вот тут я написал, какие нужны фильмы...

Бигмен неожиданно вцепился в правый рукав Дэвида и отвернул его.

— Эй, ты что? — удивился Дэвид.

— Так, хочу кое-что увидеть, — сообщил Бигмен. Он обнажил запястье Дэвида, развернул к себе внутренней стороной и, затаив дыхание, уставился на него.

Дэвид не стал препятствовать и внимательно взглянул на свою руку, словно видел ее впервые в жизни.

— Что ты хочешь там увидеть?

— Плохо дело, — пробормотал Бигмен. — Или рука не та?

— Как так? — Дэвид закатал второй рукав и подсунул Бигмену под нос другое запястье. — Что ты там хочешь найти?

— Знаешь, твое лицо показалось мне знакомым с первого раза. Никак не мог вспомнить, где тебя уже видел. Хоть убей, не мог. Да что за землянин такой, который меньше чем за месяц может заделаться настоящим фермачом? Зато теперь, когда ты послал меня в библиотеку Совета, я вспомнил.

— Ты о чем, Бигмен?

— Да все ты прекрасно понимаешь, Дэвид Старр! — с триумфом заорал Бигмен.

8. Ночное рандеву

— Тихо, дружище, — посоветовал Дэвид.

— Я тебя видел по телевизору, — зашептал Бигмен, — довольно часто. Но где татуировка? Я знаю, что помечены все члены Совета.

— Откуда тебе известно? И кто тебе сказал, что на углу Канала и Фобоса библиотека Совета?

— Не глядите свысока на бедного фермача, мистер, — надулся Бигмен. — Моя когда-то жить город и даже ходить школа.

— Извини, я не хотел тебя обидеть. Так ты мне поможешь?

— Сначала покажи татуировку. В чем там дело?

— Дело нехитрое. Она появляется, только если я захочу.

— Как?

— Очень просто. Все дело в эмоциях. Каждая человеческая эмоция вырабатывает в крови определенный гормон. Один такой гормон проявляет татуировку.

Дэвид вроде бы ничего не делал, но постепенно на правом запястье появилось темнеющее пятно, в котором на мгновение засияли золотые точки, образующая контуры Ориона и Большой Медведицы.

Лицо Бигмена расцвело, и он уже размахнулся обеими руками, чтобы хлопнуть себя по сапогам, изображая высшее восхищение, но Дэвид его руки перехватил.

— Эй? — удивился Бигмен.

— Не шуми, пожалуйста. Так ты согласен?

— А то? К ночи я вернусь с твоим барахлом, сейчас скажу, где встретимся. Снаружи есть местечко, около второй секции... — и он прошептал ориентиры Дэвиду на ухо.

— Отлично, — кивнул Дэвид. — Вот конверт. Бигмен сунул конверт в сапог.

— В лучших моделях сапог есть карман. Вы об этом знаете, мистер Старр?

— Да. Ты тоже не гляди свысока на фермача, приятель. И зовут меня, дружище, по-прежнему Вильямс. Но, учти, что только люди из библиотеки могут вскрыть конверт. Никто другой.

— Естественно! — Бигмен приосанился. — Я знаю, есть ребята и покрупнее меня. Может, ты думаешь, мне это не известно, но я об этом осведомлен. Но это не важно, пока я жив — никто его не откроет. Даже я сам — если такая мысль приходила тебе в голову.

— Приходила, — кивнул Дэвид. — Я думаю обо всем, что

надо учесть. Но на ней я особенно не задержался.

Бигмен улыбнулся, ткнул его пальцем в грудь и вышел.

Бенсон вернулся незадолго до обеда. Выглядел он препогано, даже губы отчего-то дрожали.

— Как дела, Вильямс? — спросил он, не особо ожидая ответа.

В это время Дэвид мыл руки в специальном мыльном растворе, как это принято на Марсе. Вымыл, высушил их под струей теплого воздуха, а вода тем временем стекала в резервуары для очистки — из-за дороговизны здесь ее использовали по нескольку раз.

— Вы выглядите уставшим, — посочувствовал Дэвид.

Бенсон прикрыл дверь поплотней и разразился стенаниями:

— Вчера от отравлений умерло шесть человек! Столько еще никогда не было. Ситуация становится угрожающей, а я не знаю, что делать!

Он оглядел клетки:

— Все живы, да?

— Да, — кинул Дэвид.

— Ну конечно. А что я могу? Макиан каждое утро спрашивает меня, узнал ли я, в чем дело. Он, похоже, думает, что я утром проснусь и найду ответ у себя под подушкой. Сегодня я ездил на элеватор, Вильямс! Океаны пшеницы, миллионы тонн, готовые к отправке на Землю. Я нырял туда сотню раз: пятьдесят зернышек в одном месте, пятьдесят в другом. Старался залезть в каждый угол, зарывался футов на двадцать в глубину, а что толку? Представляете, какова вероятность что-то найти?

Он кивнул на саквояж, который принес с собой.

— Здесь пятьдесят тысяч зерен, там их — миллиарды! Даже если миллиард, то шанс что-то обнаружить составляет лишь одну двадцатитысячную!

— Мистер Бенсон, — вмешался Дэвид, — вы сказали, что на ферме не умирал никто, хотя мы и едим почти только марсианскую пищу.

— Нет, вроде бы никто.

— А вообще на Марсе?

— Не знаю, — нахмурился Бенсон. — Либо нет, либо я не знаю. Тут жизнь устроена не так строго, как на Земле. Если фермам умирает, его без лишних проволочек сожгут и все. А почему вы спросили?

— Я вот о чем подумал. Если виноваты марсианские бактерии, то не может оказаться так, что люди с Марса менее восприимчивы, чем земляне? У них, скажем, мог выработаться иммунитет.

— Ого! Неплохая мысль для лаборанта. Нет, действительно

отличная идея! Я поразмыслю... — Он подошел к Дэвиду, — а вы пока идите обедать. Завтра утром мы займемся моим уловом.

Когда Дэвид вышел, Бенсон нагнулся к саквою и стал извлекать из него тщательно помеченные маленькие пакеты, в одном из которых, возможно, и скрывался зародыш смерти. Завтра образцы будут смолоты, каждая порция — поделена на две части одной накормят крыс, другая останется для исследований.

Завтра! Дэвид улыбнулся. Хотел бы он знать, что с ним будет завтра. Да и будет ли он еще жив?

Ферма уснула, распластавшись на поверхности Марса, как гигантский доисторический монстр. Горели только редкие дежурные лампы. В наступившей тишине слышно было гудение компрессора, сжимавшего марсианскую атмосферу до привычного землянам давления и добавлявшего в нее влагу и кислород из оранжерей.

Дэвид быстро перебежал из тени в тень, чувствуя, что все эти предосторожности излишни. Никто за ним не следил. Он пробирался к краю купола, и когда подошел наконец к шлюзу № 17, то головой уже касался крыши.

Внутренняя дверь шлюза была открыта, и Дэвид вошел. С помощью фонарика нашел кнопки. Надписей не было, но он помнил наставления Бигмена и нажал желтую. Раздался тихий щелчок, и воздух пришел в движение. Шум был сильнее, чем в день осмотра. Шлюз предназначался для трех-четырёх человек, а не был гигантским ангаром на девять машин, и давление воздуха менялось здесь куда быстрее.

Дэвид надел респиратор, подождал, пока давление в шлюзе не сравняется с наружным, и нажал красную кнопку. Открылась внешняя створка, и он оказался снаружи.

В этот раз ему не надо было вести краулер. Он сделал шаг вперед, опустился на холодный песок и переждал, пока организм придет в норму после смены гравитации. На это ушло минуты две, не больше. Еще несколько таких выходов, — подумал Дэвид, — и он совсем освоится.

Старр поднялся, огляделся по сторонам, чтобы понять, куда идти дальше, и застыл в восхищении! Он впервые видел ночное марсианское небо. Звезды-то были те же, что и на земном небе, да и составлялись в знакомые созвездия, зато как изменилась их яркость!

Разреженный воздух Марса едва смягчал сияние и они блистали в небе, как бриллианты. Луны конечно, не было — такой, какую видят земляне. Два спутника Марса, Фобос и Деймос, настолько малы, пять или десять миль в диаметре, что далее расположенные к Марсу ближе, чем Луна к Земле, они

казались здесь только двумя звездочками.

Дэвид попытался отыскать их на небе, хотя и понимал, что сейчас они могут оказаться на противоположной стороне планеты. Но увидел он другое: зелено-голубое сияние, самое прекрасное, что он видел в жизни. А рядом, совсем рядом, сверкал еще один шар, казавшийся, впрочем, почти карликом вблизи блистательного соседа.

Узнать их было не трудно: Земля и Луна, двойная «вечерняя звезда» Марса.

Он с трудом смог оторвать от них взор, нашарил лучом фонаря скалу, указанную Бигменом в качестве ориентира, и побрел вперед. Марсианская ночь была холодна, так что приходилось сожалеть даже о слабом тепле марсианского солнца.

Пустыню освещало лишь мерцание звезд, краулера нигде не было видно, и Дэвид нашел его по шуму двигателя.

— Бигмен, — позвал Дэвид и приятель выглянул из двери.

— Наконец-то, я уже начал думать, что ты заблудился.

— А мотор почему работает?

— То есть? Как бы, по твоему, я тут не замерз? Не бойся, я это место знаю, никто нас не услышит.

— Привез фильмы?

— Фильмы? Слушай, я понятия не имею, что ты им написал, но штук шесть ученых мужей крутились вокруг меня, как бобики. «Мистер Джонс, то», «Мистер Джонс, се». Я им говорю, что меня зовут — Бигмен. Тогда они: «Мистер Бигмен, то», «Мистер Бигмен, сё», «Мистер Бигмен, не будете ли любезны...». В общем, — Бигмен принялся разминать суставы пальцев, — нагрузили меня четырьмя лентами, двумя проекторами, коробкой с меня величиной, в которую я не заглянул, и в придачу одолжили или подарили мне за то, что я такой хороший, не понял — пескоход, чтобы я все это отвез тебе.

Дэвид улыбнулся, но ничего не ответил. Он забрался с приветливое тепло кабины и вставил в каждый из проекторов пленки. Ночь уходила быстро. Конечно, прочесть было бы быстрее, но даже в машине невозможно обойтись без респиратора, а его выпуклые очки сильно затрудняли чтение.

Краулер медленно тронулся вперед, почти точно по маршруту давешнего осмотра.

— Не понимаю, — высказался Бигмен. Впрочем, эту фразу он бормотал уже в течение пятнадцати минут, все повышая голос, пока Дэвид на нее, наконец, не отреагировал.

— Что ты не понимаешь?

— Куда мы тащимся? Видишь ли, мне кажется, я имею право знать, потому что связался с тобой. Сегодня по дороге, мистер

Старр-Вильямс, я кое-что раскумекал. Странная история. У мистера Макиана в последние месяцы испортился характер, а раньше он был нормальным парнем. Нам на голову сваливается Хеннес, который принимается всех перетасовывать. Откуда ни возьмись, появился училка Бенсон, который сначала был пустым местом, а тут вдруг заважничал изо всех сил. И теперь ты, со своим Советом, который готов исполнить все, что ты ни попросишь. Э, тут намечается что-то крупное, мне это по душе, и я хочу быть в курсе.

— Слушай, — пресек его Дэвид, — ты когда-нибудь видел эти карты?

— Конечно. Обычные марсианские карты, сто раз их видал. Не понимаю, что ты на них так пялишься.

— А знаешь, что такое эти заштрихованные области?

— Тебе это любой фермач объяснит. Пещеры внизу, хотя я, честно говоря, не верю. Ну скажи, откуда известно, что там, внизу полно дыр — в двух милях под поверхностью, когда туда никто не лазил? А?

Дэвид не стал вдаваться с объяснения принципов сейсмической разведки.

— А о марсианах ты много знаешь? — спросил он вместо этого.

— Все что угодно, — начал было Бигмен, — что за идиотский вопрос... И тут краулер затрясло и замотало из стороны в сторону, поскольку Бигмен, не отрывая рук от руля, затрясся как припадошный. — Ты что, о настоящих марсианах? Марсианских марсианах, а не о людях на Марсе, вроде нас? Которые тут жили раньше?

Он досмеялся до икоты и, когда опять смог дышать нормально (одновременно дышать и смеяться в респираторе трудно), то сказал:

— Ты, похоже, слишком часто болтал с этим придурком Бенсоном.

— А с чего ты решил? — совершенно невозмутимо спросил Дэвид.

— Мы его однажды застукали, когда он читал что-то в этом роде. Высмеяли так, что... Ой, мамочка, как он разозлился! Стал нас крыть неучами, невежественными кретинами и еще какими-то тупыми крестьянами — я потом глянул в словарь и объяснил ребятам, что это слово значит. В общем, сильно мы повздорили. С тех пор о своих марсианах он и не заикается, нервы бережет. А тут, значит, увидел свежего человека и давай его всей этой мурой потчевать.

— А ты уверен, что все это ерунда?

— Но послушай, люди торчат на Марсе уже сотни лет и до сих пор не видели никаких марсиан!

— А если предположить, что они в пещерах, внизу?

— Не знаю, туда никто не лазил. Только как они сами туда попали? Люди знают Марс, как свои пять пальцев и не видели никаких лестниц вниз. Или, скажем, лифта.

— Да? А я — видел.

— Чего? — Бигмен в изумлении обернулся. — Дурачишь меня?

— Ну не лестницу, конечно, а дырку. И глубиной мили в две, не меньше.

— А, ты о трещинах, — отмахнулся Бигмен. — Так и что? Их тут полным-полно.

— Именно, Бигмен. Вот тебе карта с трещинами. Смотри как странно, почему-то никто не обратил внимание, что ни одна трещина не пересекает пещеру.

— И что?

— А то, что если ты строишь себе внизу дом, то зачем тебе дырявая крыша? Но это еще не все трещины подходят к пещерам вплотную, но их не касаются. Похоже, марсиане используют их именно как входы.

Краулер внезапно остановился. В сумрачном свете проекторов, которые одновременно высвечивали на одной поверхности две карты, лицо Бигмена казалось донельзя изумленным.

— погоди, — сказал он. — Дай сообразить. Так куда мы едем?

— К трещине, Бигмен. Это мили на две дальше того места, куда свалился Грисволд. Там трещина примыкает к пещере. Это самое близкое место от фермы.

— Мы приедем туда, и что?

— Мы туда приедем, — спокойно сообщил Дэвид, — и я в нее спущусь.

9. На дне

— Ты серьезно? — Бигмен совсем опешил.

— Ты спрашиваешь, — улыбнулся Дэвид, — о том, действительно ли я надеюсь встретить там марсиан? А если я скажу, что да — ты мне поверишь?

— Нет, — Бигмен, похоже, сделал выбор. — Но это все равно. Я уже подписался а этом участвовать, так что на попятный не пойду.

И краулер снова тронулся вперед.

Когда они добрались до места, начало светать. Всю дорогу ехать пришлось при свете мощного прожектора, но Бигмен управлялся с машиной мастерски, так что добрались даже быстрее, чем рассчитывал Дэвид.

Он спрыгнул на песок и подошел к гигантской трещине. Черная загадочная прореха тянулась, казалось, из бесконечности в бесконечность, ее противоположный край выглядел как небольшая возвышенность. Дэвид посветил фонариком в бездну и не увидел ничего.

— Ты уверен, что это здесь? — к нему подошел Бигмен.

— По картам судя, здесь она должна примыкать к пещере, — осмотрелся Дэвид. — Далеко отсюда до ближайшей оранжереи?

— Мили две, не меньше.

Дэвид кивнул. Вряд ли кто-то из фермачей забредет сюда, разве что ненароком, направляясь на очередной осмотр.

— Ладно, нечего время тянуть.

— А как ты полезешь? — заинтересовался Бигмен.

Дэвид уже вытаскивал из машины коробку, которой Бигмена нагрузили в Виндгрэд-сити. Распаковав ее, он вытряхнул содержимое на песок.

— Ты такую штуку видел?

Бигмен покачал головой и взял «штуку» в руки. Пара длинных тросов с блестящими шелковыми перемычками через каждые двенадцать дюймов.

— Веревочная лестница, что ли?

— Да, — согласился Дэвид. — Но не веревочная. Силиконовая. Он легче магния и прочнее стали, так что лестницу можно использовать и на Марсе. Вообще, ее придумали для Луны, где силы тяжести почти никакой, а горы довольно высокие. А на Марсе гор нет, и нам повезло, что Совету удалось ее раздобыть.

— А какой от нее толк? — Бигмен скептически поморщился, перебирая трос, и тут наткнулся на увесистый металлический шарик.

— Стой! — крикнул Дэвид. — Если не поставлен на предохранитель, то опасно!

Он осторожно взял шар у Бигмена и повернул полушария в разные стороны. Раздался резкий щелчок, но шарик, вроде бы, остался прежним.

— А теперь — гляди...

Возле трещины из почвы выступали скальные породы. Дэвид нагнулся и коснулся шариком рыжевато-красного в рассветном сумраке утеса. Убрал руку, а шарик остался приклеенным к скале, словно припаялся.

— Попробуй, отдери!

Бигмен нагнулся и дернул. Почесал в затылке — шарик не шелохнулся. Дернул еще раз, изо всех сил, но результат был тот же.

— Что за фокусы? — он подозрительно взглянул на Дэвида.

Никаких фокусов, сэр, — улыбнулся Дэвид. — Когда предохранитель снят, то любое давление, приложенное к шару, вызывает выброс узконаправленного силового поля. Оно прямо-таки вгрызается в скалу, а его конфигурация такова, что сбить шарик раскачивая невозможно. Единственный способ снять его со скалы — разнести в пыль саму скалу.

— Но как ты его снимешь?

Дэвид взял в руки шар, прикрепленный к другому концу лестницы. Повернул его, как первый, и кинул в сторону скалы. Этот шар моментально прилип к ней, зато первый секунд через пятнадцать упал к его ногам.

— Все рассчитано, — пояснил он, — когда ты активизируешь один из шаров, то автоматически отключается другой. Конечно, можно их просто деактивировать, поставив на предохранитель. — Он наклонился, и вскоре шар упал на песок.

Бигмен подошел к камням и присел на корточки. Там, где были приклеены шарики, теперь виднелись два узких отверстия, уходящие глубоко в скалу. Они были настолько узки, что он не мог даже поковыряться в них ногтем.

— Ну вот, — выдохнул Дэвид. — Воды и еды у меня на неделю. Боюсь, правда, что кислорода хватит только на пару дней, но ты все равно жди меня тут не меньше недели. Если я не вернусь, то это письмо отправишь в Совет Науки.

— Ладно тебе. Ты что, имеешь в виду этих легендарных марсиан?

— Я имею в виду много чего. Я могу сорваться. Может не выдержать лестница. Рухнуть может сама стена. На тебя я могу положиться?

— Ничего себе! — возмутился Бигмен. — Ты рискуешь, а я

прохлаждаюсь здесь в тенечке?

— Что поделаться, так работают все команды. Ты это прекрасно знаешь.

Он подошел к краю трещины. Прямо перед ним на горизонте появилось солнце, небо из черного стало багровым. В трещине, однако, продолжал царить полный мрак. Марсианская атмосфера плохо рассеивает свет, так что трещина будет освещена лишь когда солнце окажется прямо над ней.

Дэвид неторопливо опустил лестницу вниз. Приложил верхний шарик к стенке. Было слышно как о стенку трещины стукнулся второй шарик.

Дэвид подергал трос, проверяя его прочность, и начал спускаться. Сначала ему показалось, что он движется вдвое медленнее, чем на Земле, но это ощущение вскоре пропало. На самом деле, если учесть два цилиндра с кислородом — самые большие, какие ему удалось раздобыть, весил он ничуть не меньше, чем при нормальной силе тяжести.

Теперь над краем торчала только его голова Бигмен глядел на него не то грустно, не то ошарашенно.

— Значит, теперь ты поедешь в город, — напутствовал его Дэвид. — Вернешь им машину, фильмы и проекторы. Скутер оставь мне, может быть пригодится.

— Хорошо, — кивнул Бигмен.

В каждой машине имелась спасательная четырехколесная платформа, энергии которой хватало, чтобы проехать миль пятьдесят. От холода и песчаных бурь платформа защитит не могла, но все равно — если краулер ломался недалеко от дома, то было проще добраться на скутере, чем ожидать подмоги.

Дэвид Старр взглянул вниз. Было настолько темно, что он не видел даже нижнего конца лестницы, только перекладки тускло светились в полумраке. Спускался он на руках, одновременно считая ступеньки. На восемнадцатой лестница кончилась, Дэвид просунул руку, схватил шарик и прилепил к стене. Проверил — шарик держался. Тогда он немедленно уцепился за петлю, свисавшую теперь с нового якоря, и уклонился вправо — чтобы освобожденный шар пролетел мимо.

Шар пролетел мимо — на сто восемьдесят футов вниз. Дэвид взглянул вверх. Над головой светила широкая рыжая полоса неба, но она будет сужаться по мере спуска.

Он полез вниз, через каждые восемнадцать перемычек устанавливая новый якорь — то справа от себя, то слева — чтобы линия спуска в целом выходила отвесной.

Через шесть часов он сделал привал, чтобы выпить воды и съесть что-нибудь из концентратов. Вдеть ноги в петли и

высвободить руки — вот, собственно, и весь отдых, какой он мог предложить своему телу. Во время спуска ему не попало ни одного горизонтального выступа, устроившись на котором можно было бы перевести дыхание. Да и внизу — насколько достигал свет фонаря — ничего подобного не ожидалось.

Дела были неважные. Стало ясным, что путешествие обратно — если таковое и состоится — займет еще больше времени. Всякий раз придется забрасывать шарик вверх. На Луне с этим не было проблем, но на Марсе сила тяжести в два раза больше, так что придется попотеть. Да и спуск идет не очень-то, мрачно констатировал Дэвид. Едва ли он одолел хоть милю.

Внизу было темно. Зато все ярче разгоралась полоска неба над головой. Дэвид решил выждать, поскольку по его расчетам выходило, что вскоре солнце окажется над трещиной.

Было время подумать: карты марсианских пещер были, по сути, весьма приблизительными, их начертили по измерениям вибрационных волн в толще планеты. Какова при этом погрешность? Он вполне мог оказаться в милях от того места, где трещина примыкает к пещере, от места, где он рассчитывал найти вход.

Не говоря уже о том, что его могло и не оказаться вовсе. А ну как пещеры действительно природный феномен, как Карлсбадские на Земле? Только больше.

Он полусонно выжидал, раскачиваясь над бездной. Разминал мерзнувшие пальцы — пробирал марсианский холод. Когда спускался — было ничего, стоило остановиться, как начал мерзнуть.

Он было уже решил продолжить спуск, чтобы не окоченеть, когда над щелью показался край мутно-желтого солнечного диска. Теперь освещенность будет расти, минут через десять солнце будет прямо над трещиной. Дэвид прикинул, что освещать ему путь оно сможет лишь около получаса, а затем опять скроется из виду на целые сутки.

Он быстро взглянул вниз. Стена была безупречно гладкой. Конечно, кое-где виднелись отдельные выступы, но вниз она уходила отвесно. Противоположная стена теперь была куда ближе, чем на поверхности, но Дэвид вычислил, что коснуться ее рукой он сможет еще только через милю, не раньше.

В общем, бездна оставалась бездной. Внизу не было ничего.

И тут он заметил какое-то темное пятно. Сердце учащенно забилося. Там что-то есть! Да, может быть тень отбрасывает огрызок скалы, но эта тень была прямоугольной! Строгие прямые углы, почти идеально прямые. Природе такой прямоугольник не изготовить. Больше всего это было похоже на дверь в стене.

Дэвид торопливо схватил свободный шарик и швырнул его в сторону этого пятна, в момент слетел вниз, зафиксировался, вновь швырнул шар в ту сторону — стараясь успеть добраться туда пока в щель попадает солнце и опасаясь, что это нечто окажется оптическим обманом.

Солнце пересекло трещину и теперь болталось над противоположным ее краем. Стена, по которой спускался Дэвид, из желто-красной опять стала серой, но света еще хватало. До загадочного места оставалось не более ста футов.

Когда он добрался до него, уже начались сумерки. Рука в перчатке коснулась угла этого пятна. Края были гладкие! Нет, это не случайный разлом, не выбоина, это сооружено разумными существами.

Теперь ему достаточно и фонарика. Дэвид закрепил лестницу, кинул свободный ее конец в проем и услышал, как шар стукнулся обо что-то. Лестница не провисла — там действительно площадка!

Он моментально спустился и через секунду уже стоял на ней. Впервые за последние шесть часов его ноги обрели прочную опору. Он нашел свободный шарик, приклеил его к стене, подхватил упавший конец лестницы и деактивировал оба шара. Впервые за шесть часов свободными оказались оба конца лестницы.

Дэвид обмотал ее вокруг себя и огляделся. Впадина в отвесной стене была высотой футов в пять и шириной в шесть. Он включил фонарь и пошел вперед, почти тут же наткнувшись на гладкий скальный блок, который преградил ему путь.

Да, не было сомнений, это сделали разумные существа. Но что дальше?

Внезапно он ощутил резкую боль в ушах и быстро выдохнул. Двух мнений быть не могло увеличивалось давление воздуха. Он обернулся и точно выход был прегражден беззвучно опустившейся плитой.

Конечно он оказался в шлюзе. Дэвид снял респиратор и осторожно вдохнул. Воздух был теплый и годился для дыхания.

Он подошел к внутренней плите и стал ждать, когда та отойдет в сторону.

Что и произошло, вот только за мгновение до этого Дэвид вдруг ощутил, что его руки оказались плотно прижатыми к туловищу, словно их прикрутили невидимой веревкой. Он вскрикнул от удивления и тут же обнаружил, что ноги, тоже скованы.

Так что когда камень, наконец, отошел с сторону, ни рукой ни ногой Дэвид Старр пошевелить уже не мог.

10. Да здравствует космический рейнджер!

Дэвид ждал. Что толку разговаривать с пустотой? Надо полагать, существа, выстроившие пещеры и столь ловко обошедшие с ним, проявят инициативу сами.

Его медленно подняло в воздух и опрокинуло назад, странно, что при этом тело продолжало оставаться параллельным полу. Он попробовал повернуть голову, но тщетно. Казалось, его связали какой-то резиновой лентой, можно было немного пошевелиться, но и только.

Он медленно поплыл внутрь, ему показалось, что он входит в теплую, благоухающую воду. И как только Дэвид пересек границу шлюза, мягкий сон сморил его.

Когда он проснулся, то не мог понять, сколько времени провел без чувств. Рядом был кто-то живой, Дэвид его не видел, но знал, что он здесь. Что-то теплое — на ум пришли мысли о теплом летнем дне на Земле. В комнате, где он находился, тускло горел красный свет, но смотреть было не на что — комната пуста, только голые степы и больше ничего.

Но рядом был некто, обладавший мощным разумом, — Дэвид не мог сказать, как он это чувствовал.

Он осторожно попытался пошевелить рукой, и та повиновалась ему беспрекословно. Тогда он сел и обнаружил под собой эластичную, пружинящую поверхность, которую, однако, он никак не мог разглядеть.

Внезапно тишину нарушил голос:

— Живое существо определяется в пространстве... — За этими словами последовала мешанина из бессмысленных звуков. Дэвид не понял, откуда исходит голос. Он шел отовсюду и в то же время ниоткуда.

Возник второй голос, немного отличающийся от первого. Более, что ли, ласковый и скорее всего женский:

— Как поживаете, живое существо?

— Я не вижу вас, — ответил Дэвид.

— Это потому, что, как я сказал... — вновь прозвучал первый, похожий на мужской, голос, и опять фраза закончилась набором непонятных звуков. — Вы не оборудованы, чтобы видеть сознание.

После слова «видеть» опять был шум, но Дэвиду показалось, что имеется в виду именно сознание.

— Я умею видеть материальные предметы, но здесь слишком темно, — пояснил он.

Наступила пауза, словно те двое обсуждали сказанное. Затем

в руку Дэвиду вложили какой-то предмет. Предмет оказался его фонариком.

— Имеет ли это отношение, — спросил мужской голос, — к тому, как вы видите?

— Да, конечно. Смотрите. — Он включил фонарь и повел им вокруг себя. Комната была совершенно пуста и ничего живого в ней не было. А поверхность, на которой он сидел, была совершенно прозрачной и висела над полом футы в четырех.

— Я так и говорила, — сказал несколько возбужденно женский голос — Способности живого существа видеть активизируются коротковолновым излучением.

— Но большая часть излучения располагается в инфракрасной зоне! Я настаиваю на этом! — протестовал другой голос. Во время его речи свет в комнате менял окраску — сначала превратился в оранжевый, потом в желтый и, наконец, побелел.

— Скажите, — попросил Дэвид, — а вы не могли бы немного охладить комнату?

— Но ее температура установлена в точном соответствии с температурой твоего тела?

— Да, но все же сделайте попрохладнее.

Ну, они могли хотя бы найти общий язык. Над Дэвидом пронесся легкий ветерок, доброжелательный и освежающий. Подождя, пока температура упала градусов до двадцати, Дэвид сказал, что хватит.

— Я думаю, — сказал Дэвид, — что вы находитесь в контакте непосредственно с моим мозгом. А то как бы я слышал ваши слова прямо на международном английском?

— Последняя фраза — непонятна, — ответила женщина. — Но, конечно, мы в контакте. А как иначе?

Дэвид кивнул. Многовато бульканья. Когда в его мозгу не находилось понятия, эквивалентного сказанному собеседником, возникал непонятный шум.

— В ранней истории нашей расы бытовали легенды, что наши сознания были отгорожены друг от друга, так что для общения приходилось использовать дополнительные средства. По вашим вопросам кажется, что у вас это обстоит именно так.

— Да, — кивнул Дэвид. — А сколько я уже здесь?

— Меньше чем одно вращение планеты, — сообщил мужской голос. — Мы приносим вам наши извинения за доставленные вам неудобства, но это первый случай, когда мы можем исследовать существо с поверхности в неповрежденном виде. Подобных тебе мы видели несколько раз, одного — совсем недавно, но ни один из них не функционировал, так что информация, которую мы могли получить, была весьма ограниченной.

— А меня вы тоже исследовали? — осторожно спросил Дэвид, пытаясь понять каким именно образом они исследовали Грисволда.

— О, не бойтесь, — тут же ответил женский голос — Вы опасаетесь, что получение информации о вас может вам повредить. О, как это жалко!

— Извините, если я вас обидел. Но я не знаком с вашими методами.

— Мы просто видим, что нам надо, — ответил мужчина. — Мы умеем осуществить полный, до последней молекулы, анализ вашего тела без физических исследований. Возможностей нашего психомеханизма вполне хватает.

— А что такое психомеханизм?

— Вы знаете о трансформациях материя — разум?

— Увы, нет.

Наступила пауза, затем мужской голос сконфуженно сообщил:

— Я сейчас просмотрел ваш мозг. Увы, судя по его устройству, известных вам научных принципов не хватит, чтобы понять мои объяснения.

— Прошу прощения, — ответил Дэвид, ощутив, что его поставили на место.

— Я задам вам некоторые вопросы? — спросил мужской голос.

— Конечно, сэр.

— А что такое, «сэр»?

— Это просто форма вежливого обращения.

— А, понял, — ответил собеседник после паузы. — Вы тем самым усложняете форму общения, связывая сообщение с личностью партнера. Какой смешной обычай. Впрочем, ладно. Скажите мне, живое существо, вы излучаете просто невероятное тепло. Это что, вы больны или так и надо?

— Я в норме. Когда тело мертво, то его температура совпадает с температурой среды. Но живые, мы поддерживаем в себе постоянную температуру, наиболее пригодную для нашего организма.

— Но вы являетесь урожденным жителем этой планеты?

— Перед тем, как ответить на этот вопрос, — сделал заявление Дэвид, — я хотел бы знать ваше отношение ко мне подобным, при условии, что мы прибыли с другой планеты.

— Заверяю вас, происхождение ваших сородичей нам глубоко безразлично. Не говоря, конечно, о том интересе, который вы представляете для нас с научной точки зрения. Но, мне кажется, ваше сознание не вполне способно постичь мотивы наших

действий. Думаю, вы нас опасаетесь. Право же, не надо.

— Но, если так, почему вы не можете просто читать мой мозг, а задаете вопросы?

— О, так я могу читать только эмоции и общее отношение. Но вы существо материальное, так что меня не поймете. Дело в том, что точная информация может быть получена, лишь при наличии ответного волевого усилия. Чтобы успокоить вас, скажу нам известно лишь то, что вы прибыли с другой планеты — строение вашей ткани отличается от того, какое было у живших на этой планете. Да и температура вашего тела свидетельствует, что вы пришли с более теплой планеты.

— Вы совершенно правы. Я — с Земли.

— А что означает последнее слово?

— С планеты, которая рядом с этой, но ближе к Солнцу.

— О! Вот как! Когда наша раса отправилась в пещеры, а было это полмиллиона обращений планеты вокруг светила назад, мы знали, что там есть жизнь, хотя и не разумная. Так вы что, стали разумными?

— Как сказать, — поморщился Дэвид. Миллион земных лет прошло с того момента, когда марсиане ушли вниз.

— Невероятно интересно! Я должен немедленно сообщить новость Главному Сознанию. Пойдемте со мной, — последовал звук, явно относящийся к «женщине».

— Простите, может, я останусь? Я бы еще поговорила с живым существом, — ответила та.

— Как вам угодно.

Расскажи мне о своем мире, — мягко попросил женский голос.

Дэвид охотно разговаривал. Он чувствовал себя прекрасно, напряжение ушло и не было причин врать и записаться. Эти существа были милы и дружелюбны, и он знай себе болтал обо всем подряд.

И тут внезапно ощутил, что она контролирует его мозг.

— Что я такого сказал? — резко спросил Дэвид.

— Ничего дурного, — успокоил его голос. — Я просто убрала блоки в твоём сознании. Конечно, так нельзя, я бы так не поступила, если бы была не одна. Но ты живое существо, а я так любопытна, Я знаю, у тебя есть какие-то подозрения и ты не смог бы говорить откровенно без небольшой помощи с моей стороны. Не бойся, мы не сделаем ничего плохого таким как ты, если только вы не станете вторгаться в нашу жизнь.

— Но мы уже сделали это? — удивился Дэвид. — Мы полностью оккупировали вашу планету!

— О, что ты говоришь... Поверхность планеты не

представляет для нас никакого интереса. Наш дом здесь. И вообще, — собеседница, казалось, задумалась, — это так странно... Наверное, это замечательно, совершать такие путешествия из мира в мир. Мы знаем, что в космосе есть другие планеты. А вы обжили многие из них. Как интересно!.. Хорошо, что мы заметили тебя, когда ты лез к нам, и успели сделать для тебя вход.

— Что? — вскрикнул Дэвид, хотя прекрасно понимал, что разговаривать надо не голосом, а мыслями. — Ты сделала вход специально для меня?

— Нет, я не сама. Зато мы смогли тебя исследовать.

— Но как вы его сделали?

— Как? Захотели и сделали.

— Не понимаю.

— А чего тут непонятного? Послушай, загляни в мое сознание, так будет проще. Ах да, о чем это я... Ты же материален... Ну, словом, когда мы ушли в пещеры, то сначала должны были уничтожить тысячи кубических миль материи, чтобы их выкопать. А куда ее денешь? Мы превратили ее в энергию и... — Дальше пошли неразборчивые звуки и Дэвид поспешно вмешался:

— Подожди! Я ничего не понимаю.

— Не понимаешь? Странно. В общем, этой энергией мы можем управлять.

— Но если вы превратили всю материю в энергию, то...

— Да, конечно. На этой энергии мы живем уже полмиллиона обращений и вычислили, что ее хватит еще на двадцать миллионов оборотов. Еще до того как мы ушли с поверхности, мы научились обходиться совершенно без материи. Мы состоим из чистого сознания и энергии, никто не умирает и не рождается. Вот я тут, возле тебя, а ты не умеешь общаться через сознание и можешь только услышать, что я тебе говорю. Как жаль...

— Но существа, подобные тебе, могут перемещаться по всей вселенной?

— Какой ужас! Ты боишься, что мы подчиним себе весь мир, в котором живут существа, подобные тебе? Что мы станем вести войны, чтобы отыскать местечко под звездами? Какая ерунда. Наша вселенная здесь, с нами. Ничего другого нам не нужно.

Дэвид замолчал. Потом вдруг почувствовал, что ему на голову словно положили руку или будто какие-то нежные волоски мягко потрогали его мозг. От неожиданности он вздрогнул.

— Извини, — сказала она, — но ты такое интересное существо. Я ощущаю, что твои сородичи находятся в серьезной опасности и подозревают, что причиной являемся мы. Заверяю

тебя, это не так.

Она произнесла это так искренне и просто, что Дэвид не мог не поверить.

— Ваш друг, — сказал он, — говорил, что химический состав моих тканей совершенно отличается от того, что встречалось на Марсе. Чем?

— Азотистыми соединениями.

— Протеин, — пояснил Дэвид.

— Не понимаю этого слова.

— А из чего состояли ваши ткани?

— Из... — последовал очередной набор звуков. — Совсем другое дело. Никакого азота.

— Так что вы меня не сможете накормить?

— Боюсь, что нет. Он сказал, что органика нашей планеты окажется для тебя смертельной. Такие сложные азотистые компоненты, как у тебя, нам не изготовить, мы их никогда не исследовали. А ты проголодался?

Она явно относится к нему с симпатией, подумал Дэвид, переставший уже думать о собеседнице, как о голосе.

— Неважно, у меня есть еда с собой.

— Вообще, это нехорошо, — сказала она, — что я тебя называю каким-то существом. Как тебя зовут? — И, словно опасаясь остаться непонятой, переспросила, — как твои соплеменники идентифицируют тебя?

— Меня зовут Дэвид Старр.

— Не понимаю. Кажется последнее слово имеет отношение к солнцам во вселенной. Тебя зовут так, потому что ты странствуешь в пространстве?

— Нет, путешествуют очень многие. «Старр»- это только звук и ничего не означает специально. Просто звук — как ваши имена для меня.

— Это неправильно. У тебя должно быть имя, которое говорило бы о твоих занятиях в космосе. Если бы я оказалась существом вроде вас, то звала бы тебя Космическим Рейнджером.

Вот так и получилось, что существо, увидеть которое Дэвиду не удастся никогда, произнесло то имя, под которым его, Старра, еще узнает вся Галактика!

11. В бурю

— Будь здоров, существо, — произнес новый, степенный голос, — тебе дали неплохое имя.

— Уступаю вам место, — произнес женский голос, и по тому, что он перестал ощущать мягкие касания, Дэвид понял, что ее контакт с ним окончен.

Еще раз поддавшись иллюзии, что звучащие голоса имеют материальный источник, он огляделся. Конечно, никого. Голоса звучали в его мозгу.

— Вы обеспокоены неспособностью вашего сенсорного оборудования обнаружить нас, — произнес степенный голос, уловивший его затруднения. — Мне не хотелось, чтобы вы волновались. Конечно, я мог бы предстать перед вами в виде, отчасти напоминающем ваш собственный, но нужен ли этот убогий маскарад? Может быть, мы обойдемся этим?

Перед Дэвидом возникло вертикальное, сигарообразное облако зелено-голубого цвета, футов семи высотой и фут в поперечнике.

— О, этого вполне достаточно, — согласился Дэвид.

— Отлично, — произнес голос. — А теперь позвольте представиться. Я — Верховный Администратор. Сообщение о том, что к нам попало существо, живущее на поверхности нашей планеты, крайне заинтриговало меня. Позвольте посмотреть ваш мозг.

— Честно говоря, я бы предпочел, чтобы меня не трогали, — по возможности мягко попытался отказаться Дэвид.

— О, любезный сэр, — отвечал голос, — ваша сдержанность вполне понятна. Но смею заверить вас, инспекция моя будет проведена крайне осмотрительно и затронет лишь верхние слои вашего сознания. Не может идти никакой речи о вмешательстве в вашу частную жизнь.

Дэвид обреченно расслабился. Впрочем, не произошло ничего. Инспекция проводилась мастерски — он не ощутил даже тех касаний, которыми сопровождался его разговор с женским голосом. Пообвыкнув, Дэвид почувствовал, как кто-то будто приоткрывает отдельные ячейки у него в мозгу, просматривает и закрывает вновь, и все делается с величайшей деликатностью, не причиняя ему ни малейших неудобств.

— Благодарю вас, — сказал голос. — Вскоре вы будете возвращены на поверхность.

— А что вы обнаружили? — но без вызова осведомился Дэвид.

— Вполне достаточно, чтобы сочувствовать тебе и твоим сородичам. Когда-то, еще до начала Внутренней Жизни, мы чем-то походили на вас, так что некоторые из твоих проблем я в состоянии понять. Вы не живете в согласии со вселенной. У вас хороший, любознательный ум, который, увы, склонен довольствоваться лишь поверхностными объяснениями. Вы не склонны углубляться в суть вещей, а как иначе вы можете постичь реальность? Вы гоняетесь лишь за теньями смыслов, оттого и мечетесь по всей Галактике. Несомненно вы именно из породы рейнджеров — постоянно странствуете, спасаете кого-то, боретесь с врагами...

— Но что толку в ваших странствиях, вашей борьбе и победах? — продолжил он. — Понять материальный мир возможно, лишь выйдя за его пределы. Мы, в отличие от вас, отвернулись от звезд и обратились к себе. Ушли в пещеры и позабыли про тела. Теперь у нас нет ни рождений, ни смертей, разве что сознание захочет отправиться на покой и тогда мы заменим его новым.

— Но вы не все таковы, — возразил Дэвид. — Некоторым из вас присуще любопытство. Существо, с которым я беседовал, расспрашивало меня о Земле.

— Она еще молода, ей меньше ста обращений планеты. Она не умеет в совершенстве работать с мысленными образами. Кто постарше, легко схватит все, что касается любого предмета. Конечно, мы прекрасно осведомлены о твоей планете, но вряд ли что-то из этих мыслей окажется полезным для тебя. Стоит нам лишь о чем-то подумать и мы уже все об этом знаем. Она еще научится.

— Но зачем вы тогда исследовали меня?

— Лишь для того, чтобы удостовериться в справедливости наших представлений. Да, ваша раса имеет возможности роста. При благоприятном стечении обстоятельств через миллион наших лет, а это — миг для Галактики, вы сможете достичь Внутренней Жизни. Мы рады, тогда у нас будет партнер и сотрудничество окажется обоюдополезным.

— Вы говорите, при благоприятном стечении обстоятельств, — осторожно осведомился Дэвид. — Что вы имеете в виду?

— К сожалению, вам присущи некоторые тенденции, совершенно несвойственные нам.

— Если вы имеете в виду войны и преступления, то, исследуя мой мозг, вы могли заметить, что большинство людей — против них. Здесь мы прогрессируем, хотя и не слишком быстро.

— Да, конечно. Но я скажу и другое — сам ты находишься

выше среднего уровня твоих сородичей. У тебя ясный и здоровый ум, так что я был бы рад, если бы твое сознание оказалось воплощенным в одного из моих сородичей. Поэтому хочу помочь тебе в некоторых затруднениях.

— Как? — изумился Дэвид.

— Твой ум полон подозрений. Успокойся, я не стану вмешиваться в жизнь твоего народа, это было бы некорректно по отношению к ним. Но я могу разрешить проблемы, которые не дают тебе покоя.

Во-первых, ты не являешься стабильной структурой. Ты и твои соплеменники рождается и через некоторое число обращений планеты исчезаете. Но не только, даже внутри этого малого срока ваше существование подвержено риску оказаться прекращенным. Вдобавок, ты осуществляешь некую миссию и полагаешь, что лучше всего ее осуществлять в тайне. Но некое существо, тебе подобное, сумело распознать твою настоящую сущность. Это так?

— Да, — зачем-то кивнул Дэвид. — Так что с этим теперь поделаешь?

— Все уже сделано, протяни руку.

В руке Дэвида оказалось нечто мягкое и совершенно непонятное. Пальцы почти сжались, пока он не понял, что в самом деле держит в руке какую-то невесомую... Что это, в самом деле?

— Это не пластмасса, не ткань, не пластик и не металл, — пояснил голос. — Это вообще не материя, если иметь в виду ваше представление о ней. Это просто... — последовал непонятный звук. — Приложи к глазам.

Дэвид поступил, как было сказано, и ощутил, как его лицо облепила мягкая пелена. Ни дышать, ни видеть она не мешала.

— Что это? — он ничего не понял.

Тут же перед ним появилось зеркало — очевидно, моментально созданное марсианином. Дэвид увидел себя, но отражение, казалось, было подпернуто каким-то туманом. Он видел сапоги, комбинезон, отвороты комбинезона — но не сфокусированные, а колеблющиеся, немного дрожащие. А выше — он не мог узнать себя — выше лицо оказалось скрытым в ровном и ярком сиянии. Он в недоумении отвернулся от зеркала, которое немедленно исчезло.

— Что, остальные увидят меня таким? — спросил он наугад.

— Да, те из них, которые воспринимают мир, как ты.

— Как же это? Ведь я вижу все прекрасно? Значит, лучи слета проходят сквозь этот заслон. Почему тогда они не отражаются?

— Нет, они отражаются — как ты это называешь. Но они

меняются при прохождении через маску, поэтому твое лицо останется скрытым. Чтобы объяснить тебе, как все это происходит, мне надо употреблять понятия, которым нет соответствия в твоём мозгу.

— А что маска даёт ещё? — Руки Дэвида медленно двигались в окутывающем его дыме. Ничего особенного он не чувствовал.

— То, что кажется тебе дымом, на самом деле барьер, который непреодолим как для коротковолновых излучений, так и для материальных объектов, превышающих размерами молекулу.

— Так это силовой щит?!

— Да, хотя это и грубое определение.

— Но это невозможно! — почти закричал Дэвид. — Со всей определенностью доказано, что такое невозможно. Чтобы создать подобное поле необходим агрегат, поднять который человек просто не в состоянии.

— Да, таково положение дел в вашей науке. Вы в тупике. Эта маска вовсе не является источником энергии, она её постоянно накапливает. В любой момент эту энергию можно высвободить, достаточно мысленного приказа. Пока ты не научишься пользоваться силой маски, она будет следовать твоим желаниям. Сними её.

Дэвид протянул руку к лицу и маска, послушная его воле, тут же легла на ладонь, съежившись в мягкий комочек.

— А теперь, Космический Рейнджер, ты покинешь нас, — мягко сказал спокойный голос.

И Дэвид Старр вновь потерял сознание.

Но ему не пришлось приходить в себя и выяснять, где он оказался. Он знал, что стоит на своих ногах на марсианской почве, на нём — респиратор, а рядом — именно то место трещины, где он начал свой спуск. И где-то здесь, за скалой, стоит скутер, оставленный ему Бигменом.

Он даже знал, как именно его вернули на поверхность. Видимо, это была не его память, но марсиане ввели информацию прямо в мозг, с тем, чтобы на прощание продемонстрировать, как они умеют превращать материю в энергию. Они просто-напросто сделали для него туннель, отправили его наверх, а когда он выбрался наружу, снова преобразовали энергию в камень.

И ещё в голове крутилась фраза, произнесенная голосом женщины из пещеры: «Не бойся, Космический Рейнджер!»

Дэвид пошел к скутеру, с неудовольствием отметив, что теплой атмосферы, окружавшей его внизу, и след простыл. Может быть, по контрасту, но ему показалось, что так холодно на Марсе ещё не было. Солнце стояло на востоке — точно так же, как тогда, когда он начал спуск. Но сколько суток прошло с тех пор? Сразу

сообразить было трудно, но Дэвиду отчего-то казалось, что с тех пор прошло ровно двое суток.

С небом творилось что-то непонятное. Оно казалось более голубым, а солнце — заметно покраснело. Дэвид присмотрелся и пожал плечами. Видимо, он просто привык к Марсу и стал воспринимать его на земной манер: если небо — значит голубое, а солнце должно быть красным.

Надо было торопиться на ферму. Скутер куда медленнее краулера и куда менее комфортабелен, так что придется немного помучиться.

Дэвид выбрал ориентиры и тронулся с места. Опытные фермами так и поступали, когда приходилось ехать по бездорожью. Они прикидывали: сначала доехать до скалы, которая похожа на морковку, потом свернуть в сторону камней, схожих со звездолетом, а потом ехать прямо, пока не доедешь до куска породы, который смахивает на лысую башку. Метод, понятно, был приблизительный, зато требовал не приборов, а хорошей памяти и образного мышления. С этим у фермачей все было в порядке. Дэвид возвращался, точно следуя указаниям Бигмена о кратчайшем маршруте. Скутер то и дело подпрыгивал на камнях и на поворотах вздымал клубы пыли. Дэвид управлял машиной, установив пятки в специальные гнезда и цепко сжимая в руках металлические тяги. Ехал он быстро, потому что, если скутер и перевернется, то при такой гравитации не произойдет ничего страшного.

Его встревожило другое — странный привкус во рту. К тому же внезапно начала зудеть спина. На зубах скрипел мелкий песок, и Дэвид с неприязнью взглянул на шлейф пыли, который преследовал скутер, как ракетный выхлоп. Странно, что пыль успевала еще и закрутиться вокруг машины и лезла ему в рот.

Как это возможно? Никак! Дэвид понял, в чем дело, и похолодел от ужаса.

Он немедленно свернул на скалистую почву, ехать по которой было не так пыльно, остановился и стал выжидать, пока воздух очистится. Этого не случилось. Дэвид уже понял, отчего небо нынче показалось ему голубым, а солнце — красным. Пыль! Она забрала желтую часть солнечного спектра и отдала его небу. Губы стремительно пересыхали, зудение усиливалось.

Рассеялись последние сомнения. С мрачной решимостью Дэвид бросил скутер вперед и, разогнав его до предела, погнал машину по камням, гальке и песку.

Пыль!

Даже на Земле знают о марсианских бурях, но эти бури мало похожи на те, что бывают в земных пустынях. Страшнее нет

ничего во всей Солнечной системе. Никто, подобно Дэвиду Старру, застигнутый бурей в пустыне, еще не смог пережить ее! Без краулера люди погибали даже в пятидесяти футах от дома.

Дэвид понимал, что минуты отделяют его от мучительной смерти. Пыль неумолимо забивалась под респиратор, кожа на лице горела, глаза слезились.

12. То, чего не хватало

Природа марсианских бурь исследована не до конца. Как и на Луне, на Марсе достаточно пыли. Но, в отличие от Луны, на Марсе есть атмосфера, способная привести эту пыль в движение. Ничего страшного тут нет. Атмосфера планеты весьма разряжена, так что ветер на Марсе обычно слабый и кратковременный.

Но иногда по непонятным причинам (возможно, связанным с потоками космических частиц), пыль становится электрически заряженной, так что каждая пылинка начинает отталкиваться от соседней. Они поднимаются в воздух даже при полном безветрии. Любой шаг человека вздымает клубы пыли, которая вовсе не намерена осесть обратно на почву.

А если к этому добавлялся ветер, то получалась буря. Нет, облако пыли никогда не оказывалось столь плотным, чтобы полностью закрыть видимость. Опасность крылась в ином.

Пыль набивалась во все щели. Одежда не спасала. Скрываться за какой-нибудь скалой было бессмысленно. Бесполезен оказывался даже респиратор.

Двух минут бури хватало, чтобы вызвать у человека непереносимую чесотку, через пять минут пыль залепляла человеку глаза, через пятнадцать минут — забивала легкие, и человек умирал. Пыль, попавшая на кожу, вызывала пылевой ожог, крайне мучительный.

Дэвиду Старру все это было известно теоретически. Теперь настал черед практики. Краснела кожа. Он откашливался, зная, что бронхи так все равно не прочистит. Старался держать рот как можно более плотно сжатым. Не помогало ничего, пыль проникала в глотку сквозь мельчайшие трещинки в губах. Скутер запылился, пыль набивалась в двигатель.

Глаза уже слипались от пыли. Слезы и пот скапливались у нижнего края респиратора, испарения затуманили очки, и Дэвид уже почти ничего не видел.

Помочь здесь могло лишь герметичное укрытие или краулер. Конец?

Борясь с нестерпимым зудом и кашлем, Дэвид подумал о марсианах. Они знали о приближающейся буре? Послали бы они его наверх, если бы знали? Но, заглянув ему в мозг, они не могли не знать, что он располагает только скутером. Почему они не перенесли его к самому куполу или внутрь него?

Нет сомнения, они прекрасно осведомлены о пылевых бурях. Дэвид вспомнил, что существо, говорившее с ним последним, решило вернуть его на поверхность внезапно — словно торопясь

доставить его наверх именно к самому началу бури.

И еще он вспомнил те слова, которые записала в его мозг при возвращении. «Не бойся, Космический Рейнджер» — напутствовала его женщина.

И едва он их вспомнил, как тут же понял все. Одна рука потянулась к карману, другая — взялась за респиратор. Он сдернул респиратор, и в разгоряченное лицо ударил порыв холодного, набитого жесткой пылью воздуха.

Дэвид с трудом подавил желание не чихнуть. Тогда в легкие набьется пыль — и все.

Он достал из кармана мягкий комочек, положил его на лицо и снова натянул респиратор.

И чихнул. Под маску пыль не проникла. Он резко задышал, часто-часто, но следя за тем, чтобы не переусердствовать и не вызвать у себя кислородное опьянение.

Пыль больше не проникала под респиратор, прежнюю пыль вымыли слезы. Он опять мог видеть. Дэвид был окутан туманом силового поля, а его лицо — он знал — скрыто сиянием маски.

Частицы пыли, попадавшие в поле, немедленно тормозились и сгорали быстрыми искорками. Дэвид обнаружил, что окутан ими, и каждая вспыхивала даже ярче висящего над ним марсианского солнца.

Он похлопал по одежде и выбил пыль. С подозрением взглянул на скутер и попытался его завести. Раздался короткий, резкий звук, этим все и кончилось.

Придется идти. Ну и что? До фермы около двух миль, а у него вполне достаточно кислорода — перед тем, как отправить его наверх, марсиане наполнили цилиндры.

Теперь, кажется, он их понимал. Да, они знали о приближении бури. Более того, они могли сами ее и вызвать — уж о природе собственной планеты осведомлены они прекрасно. И послали его наверх, отлично зная, что спасение у него в кармане. Да, об этом его не предупредили. Но и в этом есть смысл. Раз уж человеку подарили такую штуку, то он обязан доказать, что достоин подарка, а иначе кому он нужен?

Дэвид шел вперед, мрачно улыбаясь. Что поделаешь, марсиане не слишком трепетно отнеслись к его жизни, но они ему нравились. Да, ему пришлось несладко, пока не сообразил в чем дело. Но сообразить-то следовало моментально. Сам виноват.

Между тем, силовой щит облегчал путешествие. Дэвид заметил, что он окутывал все тело до пят, и он не ступал на камни, но зависал где-то в четверти дюйма над ними. Казалось, он идет по пружинящей дорожке. Вместе с малой тяжестью, это позволяло двигаться ровными, мягкими скачками.

Он спешил. Больше всего на свете он желал оказаться в ванне.

Наконец, он достиг одного из шлюзов фермы. Худшее было позади, даже пыль, попадавшая в поле, стала вспыхивать реже. Он снял маску и спрятал ее.

фермачи возле шлюза опешили от изумления.

— Черт, это же Вильямс!

— Парень, где ты пропадал?

— Что случилось?

Но следующий вопрос ошеломил и заставил замолчать всех:

— Как ты прошел через бурю?

— Взгляните на его лицо, через какое-то время молчание было нарушено. — Как помидор без кожуры.

Конечно, это было преувеличение, но выглядел Дэвид не лучшим образом: руки и подбородок стали багрового цвета. Его усадили в кресло и послали за Хеннесом.

Минут через десять явился Хеннес. Во взгляде, брошенном на Дэвида, ясно читалась злоба, но не видно было ни намек на удовлетворение, что его работник остался жив.

— Что все это значит, Вильямс? — почти пролаял он.

— Я заблудился, — опутив глаза, холодно ответил Дэвид.

— Вот как это называется? Тебя нет двое суток, а потом появляешься и говоришь, что заблудился?

— Я решил пройтись и зашел слишком далеко.

— Ах, ты захотел подышать воздухом, потому и пропал на две ночи? Ты хочешь, чтобы я этому поверил?

— А что, разве пропал какой-то краулер?

Один из фермачей с неприязнью взглянул на Хеннеса:

— Что ты на него набросился, он же только что из бури.

— Не говори ерунды, — сплюнул Хеннес. — Если бы он попал в бурю, то никогда не вышел бы из нее.

— Я понимаю. Но ты на него взгляни.

Хеннес взглянул. Что тут скажешь?

— Ты что, действительно побывал в буре?

— Увы, похоже на то, — ответил Дэвид.

— Но как ты выбрался?

— Появился некто, — пробормотал Дэвид, — кто называл себя Космическим Рейнджером. Он был в дыму и пламени, пыль не трогала его.

Окружающие затихли. Хеннес с ненавистью взглянул на них:

— А ну вес по местам. Работать!

До ванны Дэвид добрался только через час. Хеннес сопровождал его самолично. Снова и снова, едва они пришли в офис, он расспрашивал Дэвида, стараясь поймать его на

противоречиях. Кто такой Космический Рейнджер? Где ты его встретил? Что он сказал? Почему тебе помог? Что за дым и пламя?

— Я гулял, — на все отвечал Дэвид. — Заблудился. Пришел человек, которого звали Космический Рейнджер, и привел меня обратно.

Хеннес сдался. На его место заступил доктор, и Дэвид, наконец, оказался в ванне. Его натерли кремами и напичкали гормонами. Он не смог избежать укола и заснул чуть ли не раньше, чем вытащили иглу.

Дэвид проснулся на чистых простынях в лазарете. Краснота от ожогов спала, они его еще будут беспокоить, понимал Дэвид, но теперь не время переживать.

Да, он был уверен, что узнал тайну отравлений. Недоставало только доказательств — объективных, вещественных и законных.

Дэвид моментально напрягся — кто-то подходил к изголовью. Да что же это такое? Ни минуты покоя... Но это оказался лишь Бенсон. Вид у него был удручающий: пухлые щеки обвисли, волосы в беспорядке, на лице — маска отчаяния. В руках у него было что-то вроде старинного ружья.

— Вильямс, вы не спите? тихо спросил он.

— Видите же, что не сплю, пробурчал Дэвид.

— Они не знают, что я тут, — Бенсон приложил к губам палец. — Мне здесь быть не положено.

— Почему?

— Хеннес подозревает вас в связях с отравителями, говорил об этом Макиану и мне. Сказал, что вы куда-то отправлялись и ничего не в состоянии объяснить, несете только какую-то чушь. Извините. Хотя я вас и защищаю, это может не помочь. Вы в опасности.

— А вы верите Хеннесу?

— Нет, — Бенсон наклонился так близко, что Дэвид почувствовал его дыхание на лице. — Ваша история кажется мне правдивой. Поэтому я и пришел. Что это за существо, в дыму и огне? Это точно не галлюцинация, Вильямс?

— Я его видел наяву, — покачал головой Дэвид.

— Откуда вы знаете, что он — разумен? Вы разговаривали по-английски?

— Он со мной не разговаривал. Но, по-моему, он наделен разумом, — Дэвид мельком взглянул на Бенсона. — Вы думаете, это марсианин?

— А, — губы Бенсона скривились в нелепой улыбке, — вы помните мою теорию. — Да, думаю, что так. Вспоминайте, вспоминайте же! У нас очень мало времени, любая информация

сейчас жизненно важна.

— Почему мало времени? — Дэвид приподнялся на локте.

— Вы не знаете, что произошло за время вашего отсутствия. Мы в полном отчаянии, — он продемонстрировал Дэвиду устройство, которое принес с собой. — Знаете, что это?

— Я его уже видел.

— Это устройство для забора образцов. Оно стреляет такими шариками на стальных тросиках. Шарик летит в пшеницу, а через некоторое время он раскрывается и внутрь попадает зерно. Потом он закрывается. Тогда я берусь за тросик и вытаскиваю шарик. Меняя время, через которое он раскрывается, я могу брать пробы на разной глубине.

— Просто и со вкусом, — резюмировал Дэвид. — А здесь он вам зачем?

— Потому что я зашел к вам по дороге на помойку. Это мое единственное оружие для борьбы с отравителями. Пользы от него никакой. Все, я сдаюсь.

— Да что такое стряслось? — Дэвид схватил его за плечо. — Расскажите наконец!

Бенсон вздрогнул.

— Все члены Синдиката получили новые письма от отравителей. Не осталось никаких сомнений, что все это связано с одним и тем же человеком или, точнее, существом.

— И что там написано?

— Не буду вдаваться в детали, — отмахнулся Бенсон. — Суть в том, что они требуют нашей полной сдачи, а в противном случае угрожают тысячекратно усилить свою активность. И я верю, что они на это способны. Так и будет. Земля, Марс, вся Солнечная система в панике.

Он встал.

— Я сказал Макиану и Хеннесу, что ваш Космический Рейнджер — ключ к разгадке, но они мне не поверили. Хеннес, похоже, думает, что я с вами заодно.

Бенсон казался опечаленным.

— И сколько у нас времени, Бенсон?

— Два дня. Нет, это вчера было два дня. Тридцать шесть часов.

Тридцать шесть часов!

Следовало поторопиться. Впрочем, как сказать Бенсон, не ведая о том, сообщил ему недостающие факты.

13. Совет начинает действовать

Бенсон ушел минут через десять. Дэвид не смог сообщить ему о марсианах ничего конкретного, так что агроном расстроился вконец.

— Не хочу, чтобы меня здесь застал Хеннес, — стыдливо сказал он, прощаясь. — Мы с ним и так уже повздорили.

— А что Макиан? Он на нашей стороне?

— Не знаю. Похоже, он на все махнул рукой и ни во что не верит. Послушайте, я пойду. Если что-нибудь вспомните или надумаете, дайте мне знать, хорошо?

Он протянул руку. Дэвид осторожно пожал се, и Бенсон удалился.

Дэвид мгновенно соскочил с постели. Последние несколько минут он провел как на иголках. Его одежда висела на стуле в другом конце комнаты, а сапоги валялись чуть поодаль. Не мог же он исследовать их в присутствии Бенсона.

Может быть, подумал он скептически, они туда не залезли? Сапоги фермача — больше чем табу. Украсть сапоги — самый страшный грех после кражи краулера в пустыне. Даже когда фермач умирал, то его сжигали прямо в сапогах, не трогая содержимого внутренних карманов.

Дэвид одновременно засунул руки в карманы обоих сапог... Пусто! В одном он держал нож, а в другом — кое-какие мелкие деньги. Вот так вот! Одежду они, конечно, тоже обшарили, но вот сапоги... Он сунул руку в сапог и затаил дыхание. У самой подошвы Дэвид нащупал мягкую полоску. Маска здесь, ее не нашли!

Вообще-то в сапог он ее засунул просто на всякий случай, перед ванной, вовсе не ожидая, что ему вколят снотворное. Что же, в этот раз ему просто повезло, впредь надо быть осмотрительнее.

Он положил маску во внутренний карман сапога и застегнул его. Сапоги блестели и сияли — кто-то их вычистил, вложив в работу всю душу и продемонстрировав свое почти священное отношение к ним — не именно к сапогам Дэвида, а просто к сапогам фермача.

Одежду вычистили, пластик еще пах. Карманы, конечно, оказались пустыми, но все их содержимое в беспорядке было сложено под стулом. Вроде не пропало ничего. Там валялись даже ножик и медяки, извлеченные из сапог.

Дэвид надел нижнее белье и носки, комбинезон, натянул сапоги. Он уже застегивал ремень, когда в комнату вошел по уши

заросший Зукс.

Дэвид едва взглянул на него.

— Куда это ты намыливаешься? — хмуро спросил тот.

— А тебе-то что? — осведомился Дэвид.

— Куда ты собрался, землянин? — не унимался Зукс. Глядел он на Дэвида по обыкновению зло и ничуть не изменился с того момента, как исподтишка выстрелил в него возле биржи труда.

— Кажется, это мое дело.

— Ошибаетесь, мистер. Ваше место — тут. Приказ Хеннеса. — Зукс загородил дорогу. Дэвиду бросились в глаза два бластера, пристегнутые к поясу.

— Ну что, землянин, передумал?

— Возможно, — неопределенно произнес Дэвид и добавил, — но ко мне сейчас заходили. Ты не обратил внимания?

— Заткнись, — посоветовал Зукс.

— Или тебе заплатили, чтобы ты немного поглядел, как на клумбе растут цветочки? Хеннесу что, это понравится?

Зукс попытался ударить Дэвида ногой, но промахнулся.

— Эй, парень, ты не хочешь выбросить бластеры и сделать это еще раз? — спокойно поинтересовался Дэвид.

— Да ладно, чего ты. Я зашел просто узнать, не хочешь ли ты пожрать, землянин, — проявил миролюбие Зукс.

Он вышел и запер за собой дверь. Через несколько минут дверь опять отворилась. Зукс волок поднос. Там была какая-то желтоватая кашица и еще что-то зелененькое сбоку.

— Овощной салат, — сообщил Зукс — Как раз для тебя.

Поднос Зукс держал на уровне груди одной рукой — виден был только один большой палец, другой край подноса балансировал на его запястье и эта рука видна не была.

Дэвид внезапно отпрыгнул, поджав ноги, и рухнул на матрац. Зукс от изумления замер, а Дэвид, оттолкнувшись от матраца, как от батута, взвился в воздух.

Он обрушился на фермача, схватил его за горло и, свалив на пол, придавил невидимую руку подносом к полу. Когда вой охранника стал сбиваться на агонизирующие хрипы, его рука разжалась и выпустила бластер.

Дэвид оставил в покое горло Зукса и перехватил его свободную руку, пытавшуюся добраться до бластера, висящего на поясе. Дэвид дернул ее, заломал, вывернул.

— Спокойно, посоветовал он фермачу, — или придется ее оторвать.

Зукс тяжело переводил дыхание, дико вращая глазами.

— И кто ты после этого? — несколько невпопад осведомился он.

— А ты зачем прятал под подносом бластер?

— А как же? Я должен защищать себя. А ну как ты на меня кинешься, когда я с подносом?

— Так послал бы принести его кого-нибудь другого.

— Я об этом не подумал, — захныкал Зукс.

Дэвид взял Зукса за горло, и тот опять начал что-то хрипеть.

— Слушай, — посоветовал ему Дэвид, — ты бы лучше рассказал мне все, как есть.

— Я, я, меня послали тебя... убить...

— А Макиану ты бы что сказал?

— Что... попытка к бегству...

— Это что, ты сам придумал?

— Нет! Хеннес. Хеннес так сказал, я выполняю приказ.

Дэвид отпустил его, предварительно вытащив из кобуры и второй бластер.

— Вставай.

Зукс повернулся на бок. Он застонал, когда попытался пошевелить правой рукой.

— Что ты будешь делать? — спросил он. — Ты же не станешь стрелять в безоружного?

— А ты? — удивился Дэвид.

— Бросьте оружие, Вильямс, — раздался чей-то голос.

Дэвид быстро обернулся. В дверях, наставив на него бластер, стоял Хеннес, а рядом — Макиан, сильно осунувшийся, с мешками под глазами. Взгляд Хеннеса выдавал его намерения, да и бластер был наготове.

Дэвид отшвырнул свои трофеи.

— Отпихни их ногой дальше, — скомандовал Хеннес.

Дэвид подчинился.

— Итак, что произошло?

— А вы отлично знаете, что произошло, — пожал плечами Дэвид. — Вы послали Зукса меня укокошить, ну а мне это пришлось не слишком по душе.

— Нет, сэр, нет, мистер Хеннес, — подал голос Зукс — Все не так. Я принес ему еду, а он на меня прыгнул. У меня были заняты руки и я не мог защититься...

— Заткнись, — порекомендовал ему Хеннес. Об этом мы с тобой еще поговорим. А пока принеси сюда пару наручников.

Зукс проковылял по комнате.

— А зачем наручники? — недоуменно спросил Макиан.

— Потому что этот человек — опасный обманщик, мистер Макиан. Вы помните, я его взял на ферму, потому что мне показалось, будто ему известно что-то об отравителях?

— Да. Конечно, помню.

— Он рассказал нам тогда, что его младшая сестра отравилась марсианским джемом, помните? Так я это проверил. На самом деле властям известно не так уж много случаев отравлений. Меньше двух сотен. Их легко проверить, что я и сделал. Ничего похожего — не умирала от джема двенадцатилетняя девочка, у которой есть брат в возрасте Вильямса.

— И давно вам это известно, Хеннес? — испуганно осведомился Макиан.

— Почти с момента его прибытия сюда. Но я решил выждать и посмотреть, как сложатся обстоятельства. Я приставил Грисволда следить за ним.

— Прошу прощения, — вмешался Дэвид, — чтобы меня убрать...

— Да, конечно, ты так говоришь, потому что собственноручно угробил его. Он был настолько глуп, что дал тебе повод подозревать себя. Потом, — он оглянулся на Макиана, — Вильямс втерся в доверие к размазне Бенсону, именно туда, где мог видеть, как мы пытаемся бороться с отравителями. Потом просто исчез с фермы на двое суток, а где был? Связывался с теми, кто стоит за ним, — не случайно именно в это время пришел ультиматум.

— А где был ты сам? — неожиданно спросил Дэвид. — Ты что же, не прекратил следить за мной после смерти Грисволда? И если ты знал, что я куда-то исчез, то почему не организовал погоню?

— Но... — Макиан казался озадаченным.

— Дайте мне закончить, мистер Макиан, — остановил его Дэвид. — Я полагаю, что в ту ночь Хеннеса на ферме не было. Не было и в следующую. Где ты был, Хеннес?

Хеннес рванулся вперед, рот его искривился от злобы. Дэвид поднес руку к лицу. Он не верил, что Хеннес затеет стрельбу, но держал маску наготове.

— Думаю, пусть с ним разбирается Совет, — Макиан положил руку на плечо Хеннесу.

— Какой еще Совет? — быстро спросил Дэвид.

— Не твое собачье дело, — огрызнулся Хеннес.

Явился Зукс с наручниками. Это были гибкие пластиковые ремни, их закручивали вокруг запястий и намертво фиксировали в этой позиции. Такие наручники куда прочнее, чем металлические.

— Давай руки, — приказал Хеннес.

Не говоря ни слова, Дэвид повиновался. Ремень дважды обернули вокруг запястий. Зукс постарался затянуть их потуже, а

затем выдернул из ремня специальную булавку, и пластик моментально затвердел. Второй ремень обмотали вокруг лодыжек.

Дэвид спокойно сидел на кровати. Маску он по-прежнему сжимал в руке. Из замечания Макиана о Совете следовало, что пленником ему быть недолго. Но пока следовало позволить событиям развиваться своим чередом.

— Так что Совет? — переспросил он Макиана.

Но если бы подождал, то мог бы и не спрашивать. С воплем «Где Вильямс?» в комнату влетел Бигмен. Ни на Хеннеса, ни на Макиана он внимания не обратил и кинулся к Дэвиду.

— Я узнал, что ты попал в бурю, — заговорил он торопливо, задыхаясь. — Как тебя угораздило? Как тебе удалось выбраться? Я...

Наконец он сообразил, в каком положении находится Дэвид, и изумленно обернулся к присутствующим:

— Вы что, рехнулись? Такого парня связали!

Первым опомнился Хеннес. Он бросился вперед, схватил Бигмена за комбинезон и швырнул его на пол.

— Я предупреждал, что с тобой будет, если сюда явишься!

— Ты, козел вонючий, пошел вон! — заорал Бигмен. — Я имею право! Не отпустишь — ответишь перед Советом Науки!

— Да отпусти ты его! — посоветовал Макиан.

— А ну вали отсюда! — сказал Хеннес, отпустив Бигмена.

— А это — не твое дело. Я — полномочный представитель Совета и сопровождаю здесь мистера Сильвера. Спросите у него.

Он кивнул в сторону высокого худощавого мужчины, который возник в дверях. Имя ему шло. У него были серебристо-седые волосы и того же цвета аккуратные усики.

— Прошу меня извинить, — сказал он. — Хочу объяснить вам свое присутствие здесь. Правительство Земли ввело чрезвычайное положение, и все фермы отныне переходят под контроль представителей Совета Науки. Меня назначили на ферму мистера Макиана.

— Что-то в этом роде я предвидел, — уныло пробормотал Макиан.

— Развяжите этого человека, — спокойно приказал Сильвер.

— Он опасен, возразил Хеннес.

— Под мою ответственность.

— Выкусил, Хеннес?! — Бигмен подпрыгнул и щелкнул пятками.

Хеннес побагровел от злости, но не сказал ни слова.

Через три часа доктор Сильвер встретился с мистером Макианом и Хеннесом в офисе у Макиана

— Я хочу видеть списки продукции, произведенной фермой за последние полгода, сообщил он. — Также хочу встретиться с мистером Бенсоном, чтобы услышать его мнение по поводу данной проблемы. У нас есть шесть недель, чтобы со всем покончить. И ни дня больше.

— Шесть недель! — взорвался Хеннес. — У нас остались сутки!

— Нет. Если к моменту истечения срока ультиматума решение не отыщется, то будет прекращен весь продовольственный экспорт с Марса. До тех пор, пока мы не найдем разгадку.

— На Земле начнется голод! — вздохнул Хеннес.

— За шесть недель не начнется, — покачал головой Сильвер. — При условии рационирования, на этот срок запасов хватит.

— Но возникнет паника, — сказал Хеннес.

— Да, — мрачно согласился Сильвер. — И это — самое неприятное.

— Это конец Марсианских Синдикатов! — простонал Макиан.

— Им в любом случае грозит конец. Хорошо, сегодня вечером я встречаюсь с мистером Бенсоном. Мы с вами встречаемся завтра в полдень. Если ничего не выяснится, то завтра в полночь будет введено эмбарго и будут отданы распоряжения о созыве конференции представителей всех марсианских ферм.

— Зачем? — спросил Хеннес.

— Есть основания полагать, что те, кто занимается отравлениями связаны с фермами непосредственно. Они их слишком хорошо знают — это видно хотя бы по письмам. Иначе быть не может.

— А что вы намерены делать с Вильямсом?

— Я с ним поговорил. Он настаивает на своей истории, хотя лично мне она представляется нелепой выдумкой. Я отправляю его в город, где его расспросят под гипнозом. Над дверью зажегся сигнал.

— Мистер Макиан, — попросил Сильвер, — откройте, пожалуйста.

Макиан подчинился, словно и не был владельцем одной из крупнейших марсианских ферм и, следовательно, одним из наиболее могущественных лиц во всей Солнечной системе.

Появился Бигмен. Первым делом он с вызовом поглядел на Хеннеса.

— Вильямс отправлен под охраной в город, — сообщил он.

— Хорошо, — кивнул доктор Сильвер и сжал тонкие губы.

В миле от фермы краулер остановился. Надев респиратор,

Дэвид Старр выпрыгнул наружу и помахал водителю.

— Ты помнишь? — высунулся тот из машины. Шлюз номер 7. Там стоит наш человек.

Дэвид улыбнулся и кивнул. Поглядев вслед удаляющейся машине, он направился к куполу.

Конечно, представители Совета действовали сообща. Они помогли Дэвиду открыто покинуть ферму и тайком в нее вернуться, но никто, даже Сильвер не знал, зачем ему это понадобилось.

Дэвид знал разгадку тайны, оставалось добыть доказательства.

14. Я — космический рейнджер!

Хеннес вернулся в свою комнату. Он устал. Было уже часа три ночи, в предыдущую ночь тоже не удалось выспаться, что уж говорить о напряжении, накопившемся за последние шесть месяцев. Но все равно, он считал необходимым присутствовать при разговоре Бенсона с этим типом из Совета.

Сильверу его присутствие, похоже, не понравилось, что только усилило злость, и без того переполнявшую Хеннеса. Доктор Сильвер, скажите на милость! Какой-то дилетант, который впервые высунул нос из города, и нате — уверен, что за ночь разберется во всем! А еще Хеннес был зол на Макиана, сделавшегося чуть ли не лакеем этого седого выскочки. Кто? Макиан! Еще три недели тому назад он был легендой, он — владелец крупнейшей марсианской фермы.

И если бы только это? Бенсон лезет в его дела, вместо того, чтобы приструнить зарвавшегося юнца, Вильямса, а Грисволд и Зукс оказались полнейшими ничтожествами.

Он было решил принять таблетку снотворного, чтобы проснуться наутро бодрым и свежим, но передумал а если ночью произойдет что-то серьезное, а он не услышит?

Тогда Хеннес решил найти компромиссное решение и запер двери своей комнаты. Даже подергал дверь, чтобы убедиться, что все в порядке. Жилые комнаты на ферме запирались было не принято — Хеннес не мог вспомнить, поступал ли он так хоть раз в своей жизни.

С замком было все в порядке. Вот и хорошо. Он тяжело вздохнул, сел на кровать, снял сапоги, потер ноги и снова вздохнул.

И замер!

Нет, этого не может быть! Не может! Что же, дурацкая история Вильямса правда? И болтовня Бенсона о марсианах тоже?!

Нет, не может такого быть. Легче подумать, что с ним шутит его уставший мозг.

Комната освещалась холодным сизо-голубым сиянием. Видна была вся ее обстановка: кровать, стены, стул, шкаф, даже сапоги — которые стояли именно там, куда поставил их перед тем, как лечь, Хеннес. И здесь находился некто, скрытый колышавшимся туманом, а вместо лица лицо его словно тонуло в огне.

Хеннес ощутил спиной стену. Он не помнил, как отскочил назад.

Пришелец заговорил, и слова его были гулки, словно он говорил из какого-то подвала.

— Я Космический Рейнджер! — сказал он.

Хеннес выпрямился. Первая оторопь прошла и он смог взять себя в руки.

— Что тебе надо? — спросил он.

Пришелец не двинулся и не сказал ни слова в ответ. Хеннес почувствовал, что не может совладать с собой, что его язык каменеет от ужаса.

Управляющий почти не дышал, его щеки дрожали, а эта гора дыма я огня ничего не предпринимала. Может, это робот, который умеет произносить только одну фразу? мелькнуло в уме у Хеннеса. Нет, не похоже. Хеннес вдруг понял, что зажат в углу между стеной и бюро. Бюро! Он немедленно протянул к нему руку.

Конечно, было достаточно светло, чтобы его движение не осталось незамеченным, но ему было не до того. Робот, марсианин или человек — неважно, никто не может знать его секрета. Тем более, что, поджидая его, неизвестный не обыскал комнату. Иначе был бы беспорядок, а Хеннес не мог обнаружить ни малейшего изменения а комнате. Все было как обычно, не считая, конечно, самого гостя.

Пальцы Хеннеса нащупали маленькую выемку в дереве. Бюро было с секретом, эта традиция уходила к дням первых поселенцев, а традиции на Марсе умирают очень медленно. Он нажал на выемку и панель бюро отошла в сторону. Рука Хеннеса моментально выхватила бластер.

Теперь он держал его в руке, наведя на пришельца. Тот не пошевелился. Оружия у него, насколько это было видно сквозь туман, не было.

Хеннес почувствовал себя увереннее. Робот, марсианин, человек — кто угодно, он не сможет противостоять бластеру. Мощность его была ужасающей. Ружья старого образца, стрелявшие тяжелыми металлическими цилиндриками, по сравнению с ним были детской игрушкой. Все, что вставало на пути этого оружия — человек, металл или скала, — исчезали с легким щелчком.

— Кто ты? Что тебе надо? — еще раз спросил Хеннес, но уже увереннее.

— Я — Космический Рейнджер! — повторил пришелец.

Хеннес усмехнулся и выстрелил.

Пулька вылетела из ствола но — неожиданно остановилась, зависла в воздухе, где-то на расстоянии четверти дюйма от тела, повисела так с полсекунды и взорвалась!

Такой вспышки Хеннес не видел никогда. Казалось, солнце размером с булавочную головку на миг вспыхнуло в комнате.

Хеннес с воплем закрыл глаза, словно защищаясь от удара кулаком. Поздно. Глаза его уже не видели ничего. Открытые или закрытые, они не различали ничего. Только красновато светящаяся темнота. Хеннес не увидел, как Космический Рейнджер бесшумно обшарил его сапоги, открыл дверь и выскочил из комнаты за мгновение до того, как стали сбегаться люди, встревоженные криком Хеннеса.

Он все еще тер глаза руками, когда услышал, что они входят в комнату.

— Поймайте его! — закричал он. — Держите! Он тут! Вы, трусы, схватите его!

— Тут никого нет... — был ответ, а чей-то голос добавил: — Пахнет так, будто стреляли из бластера...

— Что случилось, мистер Хеннес? — осведомился мягкий голос, принадлежащий Сильверу.

— Ко мне вломились, — сказал Хеннес, раскачиваясь из стороны в сторону от отчаяния и боли. — Кто-нибудь еще его видел? Да вы что... — Он не смог закончить фразы. Глаза его слезились и болели, едва он пытался их открыть. Произнести слово «ослепли» он не мог.

— Кто вломился? Вы можете его описать? — осведомился Сильвер.

Что мог рассказать Хеннес? Как им объяснить этот кошмар, когда некто, в дыму и пламени, спокойно сидит под дулом бластера, который не приносит ему ни малейшего вреда, но поражает стрелявшего?

Доктор Джеймс Сильвер возвращался в свою комнату в мрачном настроении. Эти крики застали его в момент, когда он уже укладывался спать. Но не в этом дело. Крики, суматоха, бессвязный лепет Хеннеса — ерунда. Сильвера тревожил завтрашний день.

В эффективность эмбарго он не верил. Хорошо, поставки прекратятся. От этого не легче — на Земле примутся гадать и доискиваться до причин, придумают кучу теорий, и эффект может оказаться куда более трагичным, чем даже массовое отравление.

Этот юноша, Дэвид Старр, кажется человеком вполне надежным, но что дали все его действия? История, которую он сочинил про Космического Рейнджера, была верхом нелепости и только насторожила людей, вроде Хеннеса, не говоря уж о том, что чуть не довела самого Старра до смерти. Хорошо, ему повезло, что вовремя появился Сильвер. Кроме того, он скрывает свои планы. Попросил, чтобы его вывезли за пределы фермы и дали возможность тайком вернуться, зачем? Какое-то мальчишество... Хотя, когда в тот раз малыш, называющий себя

Бигменом, пришел к нему с письмом от Старра, он незамедлительно связался с руководством Совета на Земле. И его заверили, что Старр должен получать любую возможную и невозможную поддержку.

— Странно, — вздохнул Сильвер, — такой молодой...

И тут он застыл. Что такое? Дверь в его комнату была полуоткрыта, находилась точно в таком же положении, как он ее оставил, но сейчас там было темно. Нет, он оставил свет — Сильвер вспомнил, что видел свою тень, когда торопился к лестнице.

Что это, кто-то вздумал следить за экономией электроэнергии? Вряд ли.

В комнате было тихо. Сильвер достал свой бластер и медленно сделал шаг в сторону выключателя.

Чья-то рука зажала ему рот.

Он стал вырываться, но рука была большой и сильной, а голос показался знакомым.

— Тише, мистер Сильвер, извините. Я просто не хотел, чтобы вы вскрикнули от удивления, увидев меня.

— Старр? — спросил Сильвер.

— Ну конечно. Закройте, пожалуйста, дверь. Кажется, наша комната — лучшее укрытие, пока идет поиск. В любом случае нам надо поговорить. Хеннес сообщил, что стряслось?

— Нет. Толком — ничего. Это что, ваши проделки?

Было темно, и улыбка Дэвида осталась незамеченной.

— Не совсем. Хеннеса посетил Космический Рейнджер, так что мне пришлось прятаться у вас.

— Послушайте, — с раздражением произнес Сильвер. — Мне не до шуток.

— Я не шучу. Он действительно существует.

— Ну хватит. Эта история не произвела впечатления даже на Хеннеса. Расскажите мне правду.

— На Хеннеса уже произвела, не сомневайтесь. А правду вы узнаете завтра. Дело в том, что, как я сказал, Космический Рейнджер существует, и я на него очень рассчитываю. Ситуация такова: я знаю, кто именно занимается отравлениями, но... Это не один или пара преступников, но хорошо организованная группа, которая замыслила, ни много ни мало, взять под контроль всю Солнечную систему. Да, мы можем взять их лидеров, но пока не добьемся от них сведений о связях, толка не будет.

— Укажите мне главаря, и Совет разберется во всем остальном, — мрачно посоветовал Сильвер.

— Не будем спешить, — столь же мрачно отказался Дэвид. — Нам нужно получить ответ, узнать абсолютно все не позднее, чем

к завтрашнему вечеру. Иначе — миллионы смертей на Земле.

— И что вы намерены предпринять?

— Я уже сказал, что знаю, как все это устроено. Но мне нужны вещественные доказательства. Думаю, мне удастся их раздобыть сегодня ночью. Но это не все. Нужно сломить преступников морально. Этим и займется Космический Рейнджер. Он уже приступил к делу.

— Опять этот Рейнджер... — поморщился Сильвер. — Если это ваши шуточки, то почему я должен оказываться их жертвой? Расскажите мне, кто он такой. Откуда вы знаете, что он на нашей стороне, в конце-концов?

— Извините. Сегодня я не могу вам сказать ничего, кроме того, что уже сказал. Могу вас заверить — он на нашей стороне. Я верю ему как себе и беру на себя всю ответственность за его действия. Доктор Сильвер, вам предстоит вести себя так, как я вам скажу, в противном случае мне придется обойтись собственными силами. Дело слишком серьезно, и не надо мне мешать.

Интонация Дэвида была мягкой, даже ласковой, но Сильвер понял, что говорится это всерьез.

— Что вы хотите от меня?

— Завтра в полдень вы встречаетесь с Макианом, Хеннесом и Бенсоном. Пусть с вами в качестве личного телохранителя будет Бигмен. Он мал ростом, но ловок и ни черта не боится. Устройте так, чтобы Большой дом охранялся только людьми Совета, вооружите их бластерами и газовыми гранатами. И запомните — ровно между пятнадцатью минутами первого и половиной первого вход должен остаться без охраны. И — никаких свидетелей. Безопасность я вам гарантирую. Кроме того, ничему не удивляйтесь.

— Вы придете?

— Нет. Я там не нужен.

— Что произойдет?

— Придет Космический Рейнджер. Он знает все, что известно мне, но его появление окажет на преступников сильное воздействие.

— Вы надеетесь на успех? — Сильвер против воли ощутил, что глядит в будущее с оптимизмом.

— Как сказать... — вздохнул Дэвид. — Рассчитываю на это.

Повисла тишина. Сильверу показалось, что дверь приоткрылась, он обернулся и включил свет. Комната была пуста.

15. Космический рейнджер продолжает и выигрывает

Дэвид Старр торопился. Ночь шла к концу. Впрочем, со многим он уже разобрался, так что нервное напряжение начинало ослабевать, уступая место усталости. Не время, не время, надо перетерпеть.

Он надеялся, что за этой дверью найдет недостающее звено в цепи доказательств. Иначе придется применить силу, а это было ему не по душе, да и пойдет ли на пользу делу? Вещь, которую он искал, не такая уж и незаметная, и он отыщет ее, если только она здесь.

Жаль будет, если не так — стоило тогда добывать у Хеннеса ключи таким сложным маневром.

Тут Дэвид неожиданно для себя улыбнулся: сначала он был ошарашен ничуть не меньше Хеннеса. Слова «Я — Космический Рейнджер» были первыми, которые он произнес через маску. Нет, он говорил и там, в пещере, впрочем, там, кажется, он общался с марсианами только мысленно.

А тут, на поверхности, голос гремел, как гром. Дэвид смекнул, в чем дело, — силовой щит задерживал молекулы воздуха. Понятно, что звук должен получаться более низким.

В общем, этот эффект мог оказаться небесполезным. Главное — говорить надо медленнее.

Щит отлично сработал против бластера. Свет вспышки он поглотил не полностью, но все равно, Дэвиду досталось намного меньше, чем Хеннесу.

Пока все эти мысли крутились у него в голове, руки методично обшаривали столы лаборатории.

Фонарик замер. Среди каких-то непонятных металлических шуток и валялся небольшой цилиндр. Дэвид взял его в руку и осветил. На нем видна была кнопка, он нажал на нее и стал ждать результата.

Сердце бешено забилося.

Вот оно! Окончательное доказательство его выводов. Выводы были безупречно логичны, а теперь логика оказалась подтвержденной фактами.

Он сунул цилиндр в карман сапога, туда же, где лежала маска и отобранные у Хеннеса ключи.

Захлопнув за собой дверь, он пошел по коридору. Небо над куполом начинало светлеть, скоро день официально вступит в свои права. Последний день — либо для преступников, либо для людей на Земле.

А пока есть время поспать.

На ферме царило недоумение. Никто из фермачей не мог понять, что происходит. Несомненно, нечто серьезное, но что? Кто-то предположил, что Макиана поймали на финансовых махинациях, но этому не поверили. Причем тут махинации, когда присылают войска?

Серьезные парни с бластерами в руках окружили Большой дом. На крышу водрузили две артиллерийские установки. Все в округе вымерло, фермачей отправили по комнатам, тем же из них, кто не мог оставить непрерывно работающие механизмы, было запрещено отлучаться.

Ровно в 12:15 охрана Большого дома отошла в сторону. В 12:30 они снова заняли свои места. Какой-то артиллерист с крыши утверждал впоследствии, что видел, как кто-то вошел в здание. Ему не поверили, потому что он нес полную чушь о человеке, объятom синим пламенем. Тогда не поверили.

Доктор Сильвер чувствовал себя крайне неуверенно и не знал, как начать совещание. Он молчал и разглядывал собравшихся.

Макиан. Вид такой, будто не спал уже неделю. Может быть, в самом деле не спал. До сих пор не сказал ничего толкового. Сильвер вообще не был уверен — понимает ли тот, что происходит?

Хеннес. Почему-то в темных очках. На мгновение их снял, глаза оказались красными и злыми. Сидит и что-то бормочет про себя.

Бенсон. Тихий и несчастный. Накануне Сильвер проговорил с ним несколько часов и не сомневался, что тот в отчаянии из-за провала своих исследований. Он считал, что отравления как-то связаны с марсианами-аборигенами, а эту чушь Сильвер всерьез принять не мог.

Бигмен. Вот кто радуется жизни! Конечно, он не много понимает из того, что происходит, но явно рад, что оказался в компании таких солидных людей — развалился на стуле и наслаждается своей ролью.

И еще одно кресло стояло возле стола. Пустое. Никто не спросил, кому оно предназначено.

Сильвер кое-как начал разговор, задавал маловажные вопросы, делал несущественные замечания, стараясь замаскировать собственную неуверенность и протянуть время.

В 12:16 он оглянулся на дверь и бессознательно встал. Вскочил и Бигмен, его стул полетел на пол. Хеннес повернул голову и оцепенел. Бенсон разинул рот. Один Макиан остался безучастным. Он взглянул в сторону двери и вполне спокойно

рассмотрел еще одно явление жизни, решительно не согласующееся с его представлениями о ней.

— Я — Космический Рейнджер! — сообщил вошедший.

В ярко освещенной комнате сияние, окружавшее его голову, казалось чуть тусклее, а дым — более плотным, чем видел Хеннес накануне.

Космический Рейнджер сел, лицо его скрывалось пламенем, туманные, клубящиеся руки опустились на стол, но не коснулись его — там так и остался промежуток в четверть дюйма пустого пространства.

— Я пришел говорить с преступниками, — заявил он.

— Вы имеете в виду взломщиков? — прервал молчание Хеннес.

Он попытался стянуть с лица темные очки, но рука застыла на полдороге, и было видно, как дрожат пальцы.

— Да, — голос Рейнджера был низок, слова звучали тяжело и весомо. — Мне пришлось пойти на взлом. Вот ключи, которые я достал из твоих сапог. Они мне больше не нужны.

Металлическая связка поехала по столу в сторону Хеннеса, который не сделал даже попытки поймать их.

— Но, — продолжал Рейнджер, — я сделал это, чтобы пресечь более серьезное преступление. Например поездки некоего важного лица в Виндгрэд-сити по ночам.

— Эй, Хеннес, — маленькое лицо Бигмена оживилось, — похоже, не я один тебя засек!

Но сейчас все внимание Хеннеса было приковано к противоположному концу стола.

— И что в том плохого? — спросил он.

— А из города ты летал на Астероиды.

— Что? Зачем?

— А разве не оттуда приходили ультиматумы отравителей?

— Ты обвиняешь меня в том, что я с ними связан? Я отрицаю. Предъяви доказательства. Если, конечно, ты полагаешь, что они необходимы. Или ты думаешь, что твой маскарад заставит меня соглашаться со всем подряд?

— Где ты провел две ночи перед последним ультиматумом?

— Я не стану отвечать на твои вопросы. У тебя нет права их задавать.

— Хорошо, я отвечу сам. На Астероидах находится оборудование отравителей, а их руководство — здесь, на ферме Макиана.

Макиан поднялся с места, шевеля губами, словно пытается что-то сказать.

Космический Рейнджер успокаивающе махнул ему рукой.

— Вы посредник, Хеннес, — продолжал он.

Хеннес снял очки — лоснящееся лицо покрылось испариной.

— Ты мне надоед, Рейнджер, или как тебя там. Мы собрались здесь, как я понимаю, чтобы вывести отравителей на чистую воду. Если собрание превращается в фарс с каким-то самозванцем в главной роли, то я ухожу.

— Погодите, Хеннес, — Сильвер встал с места, подошел к управляющему и взял его за локоть. — Никто не объявит вас виновным без доказательств.

Хеннес отдернул руку и встал со стула.

— Эй, — вмешался Бигмен, — мне будет приятно увидеть, как тебя, Хеннес, пристрелят, едва ты выйдешь отсюда.

— Да, — согласился Сильвер, — охрана имеет приказ стрелять в любого, кто покинет помещение без моего разрешения.

Хеннес бессильно сжал кулаки.

— Больше я не скажу ни слова, — заявил он. — Все вы свидетели, что меня задерживают насильно. Это беззаконие. — Он сел и скрестил руки на груди.

— Хеннес лишь посредник, — как ни в чем не бывало продолжил Рейнджер. — Он слишком злобен, чтобы оказаться настоящим преступником.

— Вы противоречите себе, — осторожно заметил Бенсон.

— Ничуть. О преступнике многое можно понять по характеру преступления. Что мы имеем? В результате отравлений до сих пор умерло еще не очень много людей. Хотя, надо полагать, достичь желаемого быстрее преступникам было бы проще, если бы отравления происходили чаще. А так что? Они действовали на протяжении шести месяцев, обходясь лишь туманными намеками, рискуя оказаться обнаруженными. Что это значит? То, что их главарь несколько стесняется убивать. А это — не в характере Хеннеса. От Вильямса мне известно, что его Хеннес пытался убить несколько раз.

— Ложь, — вскричал Хеннес, забыв про свой обет.

— Так что, — не обращая на него внимания, продолжил Рейнджер, — по части убийств у Хеннеса все в порядке. Искать надо кого-то более нежного. Но что вынуждает такого человека убивать людей, которые не сделали ему ни малейшего зла? Как бы то ни было, отравлено несколько сотен, пятьдесят из них — дети. Наверное, такой человек испытывает болезненное стремление к власти. Почему болезненное? Потому что чувствуется угнетенное состояние его психики. Ему, похоже, кажется, что окружающие пренебрегают им, а он убежден в том, что заслуживает большего, то есть, надо искать человека с явно выраженным комплексом неполноценности. Как по-вашему, кто

это?

Собравшиеся глядели на Рейнджера во все глаза. Разумное выражение появилось даже на лице Макиана. Бенсон нахмурился, а Бигмен так даже не моргал.

— Подсказкой здесь будет вот что, — продолжил Рейнджер. — Как стали развиваться события после того, как на ферме появился Вильямс? Его сразу стали подозревать в шпионаже. Конечно, история с отравлением его сестры была выдумкой и легко проверялась. Хеннес, как я уже сказал, склонялся к немедленной ликвидации. Но главарь с мягким характером решил действовать иначе. Он попытался нейтрализовать Вильямса, вступив с ним в дружеские отношения и делая вид, будто на ножах с Хеннесом.

Итак, что получается? Главарь находится в хороших отношениях с Вильямсом и наигранно плохих с Хеннесом. У него комплекс неполноценности, развившийся на почве того, что окружающие считают его слабым, никчемным...

Раздался грохот. Стул полетел в сторону, и на ноги вскочил человек с бластером в руке...

— Бигмен! — охнул Бенсон.

— Но, но, — беспомощно залопотал Сильвер, — он вооружен, а я привел его сюда, как телохранителя!

С минуту Бигмен стоял так — с бластером наготове, глядя на собравшихся слегка прищурясь.

16. Полная ясность

— Не будем торопиться с выводами, — спокойно заявил Бигмен. — Вам показалось, что речь обо мне, но Рейнджер этого не утверждал.

Все поглядели на него. Никто не мог вымолвить ни слова.

Неожиданно Бигмен подбросил бластер, поймал его за ствол и пустил через весь стол в сторону Рейнджера.

— Речь шла не обо мне, и вот вам доказательство.

Окутанные дымом пальцы Рейнджера поймали оружие.

— Ты прав, не о тебе, — согласился он и пустил бластер обратно по столу.

Бигмен поймал его, сунул в кобуру.

— Так скажи, кто это, — сказал он и сел на место.

— Нет, Бигмен не подходит, — продолжил Рейнджер. — Стычки между ним и Хеннесом происходили и до появления Вильямса.

— Ну и что с того! — запротестовал Сильвер. — Они могли заранее сговориться об этом, а не сочинить специально для Вильямса!

— Да, — согласился Рейнджер, — это здравая мысль. Но главарь, кем бы он ни был, должен полностью контролировать действия банды. И он должен обеспечить себе безопасность — от сообщников. И единственная его защита состоит в том, что ему подвластно то, о чем не имеют понятия остальные. Что это? Очень просто — состав яда и организация заражений. Ни на то, ни на другое Бигмен не способен.

— Почему вы так считаете? — потребовал ответа Сильвер.

— Потому что у Бигмена нет специального образования, необходимого для создания нового яда, самого сильного из всех известных. У него нет лаборатории для бактериологических исследований. Речь идет о Бенсоне.

— Вы о чем? Подлаживаете меня, как Бигмена? — почти взвизгнул застигнутый врасплох агроном.

— О Бигмене я вообще ни слова не сказал. Я говорил о вас, Бенсон. Вы — главарь отравителей.

— Вы с ума сошли!

— Ничего подобного. Кстати, Вильямс вас давно подозревал.

— Почему? Я всегда был с ним в отличных отношениях.

— В том-то и дело. Вы допустили ошибку, Бенсон, когда заявили ему, что, по-вашему мнению, виной всему марсианские бактерии, которые попадают на земные растения. Как агроному, вам прекрасно известно, что это невозможно. Марсианская

природа не знает азота, и бактерии могут расти на земных растениях с тем же успехом, что и на камнях. Вы сказали заведомую ложь и немедленно поставили себя под подозрение. И Вильямс начал думать — а не могли ли вы создавать экстракты из марсианских бактерий? Вот экстракты уже могли оказаться ядовитыми.

— Но как я могу распространять яд! — заорал Бенсон. — Это невозможно!

— Почему? У вас есть доступ к складам в Виндгрэд-сити. Вы брали оттуда пробы. И рассказали Вильямсу о своем приспособлении — о ружье с гарпуном.

— А что в нем дурного?

— Есть кое-что. Я забрал ключи Хеннеса, но использовал их только затем, чтобы попасть в вашу лабораторию. И нашел там вот что.

Он показал маленький металлический цилиндр.

— Что это, Рейнджер? — спросил Сильвер.

— Это то, что крепится на конце гарпуна. Смотрите, как он работает. Уберите предохранитель. Так! Глядите!

Возник слабый жужжащий звук. Секунд через пять он затих, конец цилиндра приоткрылся, на секунду замер в таком положении и закрылся снова.

— Да, правильно, — разволновался Бенсон, — именно так устройство и работает! Но я не делал из этого тайны!

— Не делали, — согласился Рейнджер, но голос прозвучал сурово. — Вы с Хеннесом несколько дней искали повод для ссоры с Вильямсом. Так просто его убрать — у вас отваги не хватало. В последний раз вы явились с гарпуном к постели Вильямса, чтобы выяснить — не вынудит ли вид этого орудия его на действия, которые его выдадут с головой. Не вышло. Но Хеннес ждать не хотел и послал Зукса его пристрелить.

— Но что не в порядке с заборником? — требовал ответа Бенсон.

— Я сейчас еще раз покажу, как он работает. Только, мистер Сильвер, глядите сейчас на бок цилиндра.

Сильвер встал с места и подошел к Рейнджеру. Бигмен, вновь достав из кобуры бластер, попеременно глядел то на Хеннеса, то на Бенсона. Щеки Макиана заметно порозовели.

Вновь раздалось жужжание, снова открылся конец цилиндра, но, одновременно, в средней части цилиндра появилась небольшая, тускло блестящая впадинка.

— Вот так, — сказал Космический Рейнджер. — Так все и происходило. Каждый раз, когда Бенсон брал пробы, он одновременно заражал соседние продукты ядом, который

находился в этой выемке. Это дьявольское зелье, не разлагается ни при какой обработке.

— Это ложь! — Бенсон ударил кулаком по столу. — Грязная ложь!

— Бигмен, — сказал Рейнджер, — заткни ему рот. Встань рядом и не позволяй дергаться.

В качестве кляпа Бигмен использовал собственный носовой платок. Бенсон принялся было вырывать, но затих, ощутив холод бластера у своего виска.

— Еще раз дернешься, — наставлял его Бигмен, — я на эту штучку нажму.

— Когда я заговорил о маленьком человеке, — продолжил Рейнджер, вставая с места, — вы подумали на Бигмена. Но маленькими бывают по-разному Бигмен невелик ростом, ну и что? Он смел, задирист и его уважают. А Бенсон, оказавшийся на Марсе среди людей, более склонных к действиям, нежели к размышлениям, почувствовал себя человеком второго сорта. На него свысока поглядывали те, кого он себе и ровней-то не считал. Вот он и решил отомстить всем сразу, доказав свою силу.

Но Бенсон душевно болен, — Рейнджер прохаживался по комнате. — Добиться признания от него невозможно. Зато все, что касается деятельности отравителей, известно Хеннесу. По крайней мере, он сможет рассказать, где именно на Астероидах мы сможем отыскать остальных. И о том, где спрятаны запасы яда. Ему многое известно.

— Ничего я тебе не скажу, — прищурился Хеннес. — Нечего мне тебе рассказывать. А если вы нас с Бенсоном пристрелите, то что вы этим докажете?

— А ты заговоришь, если я, Космический Рейнджер, пообещаю тебе жизнь?

— А кто тебе поверит? Я все сказал. Я — невиновен. Убийством ты делу не поможешь.

— Ты понимаешь, что отказываясь говорить, обрекаешь на смерть миллионы мужчин, женщин и детей?

Хеннес скривился.

— Ладно, — вздохнул Рейнджер. — Я вам расскажу, как действует изобретенный Бенсоном яд. Он попадает в желудок и моментально всасывается. Происходит паралич грудной клетки, через пять минут наступает удушье. Но это в случае, когда яд попал в желудок.

Он достал из кармана маленькую стеклянную палочку, открыл заборник и извлек несколько капель липкой влаги из выемки на палочку.

— Но, — продолжил он, — все происходит иначе, когда яд

попадает на губы. Тогда он действует медленней. Макиан, послушайте, — неожиданно обратился он к тому, — вот перед вами сидит человек, который вас предал, использовал вашу ферму, чтобы отравлять людей и хотел уничтожить весь синдикат. Свяжите его.

Рейнджер кинул ему ремни.

С криком давно сдерживаемой злобы Макиан ринулся к Хеннесу. На мгновение к нему вернулись силы, и Хеннес не смог оказать ни малейшего сопротивления.

Макиан отошел в сторону. Руки Хеннеса были заломлены за спину и привязаны к стулу.

— После того, как ты все расскажешь, я прибью тебя собственными руками — пообещал ему Макиан, садясь.

Рейнджер обошел стол и приблизился к Хеннесу, держа в вытянутой руке смазанную ядом палочку. Хеннес дернулся в сторону. На другом конце стола Бенсон отчаянно пытался что-то промочить, но Бигмен энергично призвал его к порядку.

Рейнджер оттянул к низу губу Хеннеса и поднес палочку к его зубам.

— Думаю, у тебя есть минут десять. Но если ты согласишься говорить, я уберу палочку и позволю тебе прополоскать рот. Иначе яд начнет действовать. Тебе станет все труднее дышать, тебе станет больно дышать, но умрешь ты только через час. И, далее если ты умрешь, ничего ты этим не добьешься — у нас в запасе есть еще Бенсон, а на него зрелище твоей кончины произведет неизгладимое впечатление.

Хеннес покрылся испариной, в горле у него что-то забулькало.

Рейнджер спокойно ждал развития событий.

— Я буду, буду говорить! — заорал Хеннес, — уберите это! Уберите!

— Ну что же, записывайте, доктор Сильвер!

С Дэвидом Старром доктор Сильвер встретился дня через три. Все это время он мало спал и сильно утомился, но это не помешало ему отнестись к гостю со всем радушием. Бигмен, все это время не покидавший Сильвера, был не менее эмоционален в проявлении своих чувств.

— Все прошло отлично! — сообщил Сильвер. — Точно по плану. Но вы, наверное, уже слышали?

— Да, — улыбнулся Дэвид. — Рейнджер мне рассказал.

— Вы с ним виделись?

— Только мельком.

— Он исчез почти немедленно. В отчете я его не упомянул, зная, что должен бы, но это ставит меня в дурацкое положение.

Ну ничего, у меня есть свидетели: Бигмен и Макиан.

— И я, — отметил Дэвид.

— Да, разумеется. В общем, все хорошо. Мы отыскивали запасы яда, поймали сообщников на Астероидах... Да, вот что — оказалось, что эксперименты Бенсона с марсианской растительностью чуть ли не революционны! Похоже, его результатами можно воспользоваться, чтобы получить целые серии новых антибиотиков! Если бы этот безумец занялся чисто научной деятельностью, то, похоже, стал бы действительно великим человеком. Как странно... Хорошо хоть Хеннес остановил его своим признанием.

— Так и было рассчитано. Космический Рейнджер тщательно спланировал всю операцию.

— Ну конечно. Хотя кто может противостоять угрозе отравления? Хеннесу ничего не оставалось. Да, кстати, а если бы он оказался невиновен? Рейнджер рисковал.

— Ничуть. Яда там не было, и Бенсон это отлично знал. Что же, вы думаете он стал бы хранить такую улику у себя в лаборатории?

— Но слизь на стеклянной палочке...

— ... была просто желатином. Бенсон бы догадался. Поэтому Рейнджер и попросил Бигмена заткнуть тому рот — чтобы не предупредил Хеннеса. Впрочем, Хеннес мог бы и сам сообразить.

— Опять я остался в дураках... — уныло прокомментировал Сильвер.

Он огорченно потер подбородок, распрощался и отправился спать.

Дэвид повернулся к Бигмену.

— Что собираешься делать, приятель?

— Доктор Сильвер предложил мне постоянное место при Совете Науки. Но я не думаю, что соглашусь.

— Почему?

— Знаете, мистер Старр, я с вами уже имел дело, так что предпочту и дальше сотрудничать с вами.

— Но я возвращаюсь на Землю...

Они были одни в комнате, но Бигмен все равно обернулся через плечо и только после этого заговорил.

— А мне кажется, что ты отправишься в какое-нибудь совсем другое место, Рейнджер!

— Что?!

— А то. Я раскусил тебя сразу, едва ты ввалился весь в дыму и пламени. Потому и подыграл тебе, когда ты принялся обвинять меня во всех смертных грехах. — Лицо Бигмена расплылось в грандиозной улыбке.

— Ты соображаешь, что говоришь?

— Вполне. Лица я видеть не мог, комбинезона тоже, но сапоги видел, да и фигура такая же.

— Просто совпадение.

— Ну да. Рисунок на сапогах я не разглядел, зато разглядел цвета. Понимаешь, ты — единственный фермач, додумавшийся до такой глупости как черно-белые сапоги.

— Твоя взяла, — расхохотался Дэвид. — Так ты что, в самом деле хочешь болтаться по космосу вместе со мной?

— Почту за честь, — серьезно поклонился Бигмен. Дэвид протянул ему руку и рукопожатие скрепило договор.

— Ну что же, — улыбнулся Дэвид. — Значит, вместе — всегда и везде.

ЛАККИ СТАРР И ПИРАТЫ С

АСТЕРОИДОВ

Lucky Starr and the pirates of asteroids

1. Обреченный корабль

Пятнадцать минут до старта. Космический корабль «Атлас», озаренный светом Земли, отполированно сиял на фоне ночного лунного неба. Обтекаемый нос корабля, казалось, был нацелен в пучины космоса. Бесплотный вакуум леденил его обшивку, а вокруг, до самого горизонта, одна лишь мертвая пемза лежала в лунной пыли. В отсеках «Атласа» царило безмолвие. На борту корабля не было ни души.

— Скоро ли, Гэс? — спросил доктор Гектор Конвей, Главный Научный Советник.

Советнику было неуютно в лунном кабинете. На Земле, сидя на верхнем этаже Башни Науки — исполинской иглы из бетона и стали — он привык к другому виду: окна башни выходили на Интернейшенел Сити.

Здесь же, на Луне, в окна были встроены искусственные земные пейзажи. Освещение за стеклом постоянно менялось, имитируя рассвет, полдень и вечер; потом картинки тускнели и в комнаты вливались сумерки.

Однако для настоящего землянина подделка была заметна. Конвей чувствовал, что, вскрыв окно, он упрется в нарисованную миниатюру, а за ней — стена или даже лунный грунт.

Доктор Аугустус Генри, к которому обратился Конвей, взглянул на наручные часы и, пустив колечко дыма из трубки, произнес:

— Еще пятнадцать минут. Для беспокойства нет повода — «Атлас» в отличном состоянии. Я сам вчера проверял.

— Да, да. Конечно.

Белоснежно седой Конвей выглядел старше художавого, стройного Генри, хотя они и были ровесниками.

— Меня беспокоит Лакки, — после некоторой паузы произнес Советник.

— Лакки?

Конвей смущенно улыбнулся.

— Боюсь, это уже привычка. Я говорю о Дэвиде. Просто все кругом зовут его Лакки. Неужели ты не слышал этого прозвища?

— Значит, Лакки Старр? Счастливчик Старр? Что ж, кличка ему подходит. Кстати, что вы думаете о нем? В конце концов все это его затея.

— Вот именно. Точнее, очередная из обычных его затей. Надеюсь, что аферу с Сирианским консульством здесь, на Луне ему придется отложить до лучших времен.

— Гм, гм, посмотрим...

— Не иронизируй, а то мне уже кажется — это ты его подначиваешь на авантюры. Откровенно говоря, я прибыл сюда приглядеть за Старром.

— Если это так, Гектор, то сейчас ты просто отлыниваешь от работы.

— Не могу же я вечно таскаться за ним, словно курица за цыпленком! Ну, ничего — с ним Бигмен. Я пообещал малышу спустить с него шкуру, если Лакки вломится в посольство.

Генри усмехнулся.

— Хуже всего, — проворчал Конвей, — что все опять сойдет ему с рук.

— Это точно.

— Вот увидите — однажды он зарвется и свернет себе шею. Будет обидно потерять такого парня, черт возьми!

Бигмен шел по цементному коридору, балансируя пивной кружкой. За пределы города псевдогравитация не распространялась, поэтому здесь, в космическом порту, каждый приспособлялся к ходьбе, как умел. По счастью, Джон Бигмен Джонс родился на Марсе, где гравитация всего две пятых от нормы, так что быстро привык к лунным прогулкам. Сейчас он весил двадцать фунтов. На Марсе — весил бы пятьдесят, а на Земле — сто двадцать.

Увлеченно следя за кружкой, он чуть не налетел на часового в форме Лунной национальной гвардии. Бигмен поднял глаза и, хитро подмигнув часовому, проскрипел:

— Ликуй, приятель! Я тебе пива принес. Гвардеец, уже давно наблюдавший бигменовские маневры, слегка опешил.

— При исполнении не положено. Спасибо, конечно.

— Вольному воля. А то — и сам справлюсь. Я — Джон Бигмен Джонс! Зови меня просто — Бигмен.

Бигмен, хотя и был на голову ниже невысокого часового, снисходительно протянул тому руку, словно общался с коротышкой.

— А я — Берт Вильсон. Ты с Марса?

Сержант выразительно посмотрел на красные стоптанные сапоги Бигмена. Только марсианскому провинциалу могло взбрести в голову шляться по космосу, как по своему ранчо.

Бигмен поймал взгляд собеседника и ухмыльнулся.

— Ты угадал. Я торчу здесь уже неделю. Ну и кирпич же, я тебе скажу, эта ваша Луна! Неужели никто из вас, ребята, не вылезает на поверхность?

— Очень редко и только по служебной надобности. Там же приткнуться негде.

— А я бы хотел пройтись, Ненавижу сидеть взаперти!

— Вон там есть шлюз для выхода наружу.

Бигмен повернул голову в направлении сержантского пальца. Плохо освещенный коридор заканчивался темной нишей.

— Все равно у меня нет скафандра.

— А хоть бы и был. Сегодня без специального пропуска наверх никому хода нет.

— А что так?

— Там корабль на старте. И взлетит он, — часовой взглянул на запястье, — ровно через двенадцать минут. Может, потом ограничение снимут. Я не в курсе.

Остатки пива исчезли в пасти Бигмена. Вильсон дернул кадыком и, отвернувшись, спросил:

— Слушай, а в портовом баре много народу?

— Пусто. Есть одно предложение, приятель. Мне все равно делать нечего. Чтобы смотаться туда-обратно пропустить по маленькой у тебя уйдет секунд пятнадцать. А здесь, так уж и быть, я тебя подменю.

Сержант тоскливо посмотрел в сторону бара.

— Опасное дело.

— Ну, как хочешь.

Одинокая фигура метнулась за их спинами и юркнула в нишу.

Вильсон сделал было нерешительный шаг к притягательной точке, но, потоптавшись, тут же вернулся, бормоча:

— Нет. Опасное дело.

Десять минут до старта.

Действительно, затея принадлежала Лакки Старру. Он гостил у Конвея, когда пришло страшное известие — земной корабль «Велтом Захари» разграблен, груз исчез, трупы офицеров выкинуты в открытый космос, рядовые захвачены в плен. Пираты сняли двигатели, управление, словом — все, что можно было унести. Сам корабль изуродован настолько, что стал годен лишь в металлолом.

Лакки сказал тогда:

— Этот пояс астероидов набит мерзавцами. Сто тысяч камней!

— Даже больше. — Конвей выплюнул сигарету. — А что мы можем сделать? Земная империя не справляется с ними. Мы снаряжаем карательные экспедиции, разоряем их гнезда, но всех до одного выкурить невозможно. Двадцать пять лет назад.

Внезапно седой советник прикусил язык. Двадцать пять лет назад родители Старра были убиты в схватке с пиратами, а сам Дэвид, еще мальчишка, брошен на произвол судьбы.

Карие глаза Лакки были непроницаемы.

— Знать хотя бы точное число астероидов, вычислить бы их координаты... — процедил он.

— Ну, на это потребуются сотни лет, тысячи кораблей. Но далее когда мы засечем все камни пояса, все равно Юпитер своим притяжением спутает их орбиты и весь труд пойдет насмарку.

— Пиратам это знать не обязательно. Если пустить слух, что мы начинаем картографические исследования — они запаникуют, и корабль, посланный нами якобы для этой цели, непременно будет атакован.

— И что это нам дает?

— Это будет автоматический корабль, с полным снаряжением, но без экипажа.

— Дорогостоящая штука. И все же, к чему такие хлопоты?

— Не все сразу. Предположим, что спасательные шлюпки покинут корабль автоматически, как только приборы зафиксируют приближающийся гиператомный источник энергии. Каковы будут действия пиратов?

— Разнесут шлюпки в пыль, корабль возьмут на abordаж и уведут на свою базу.

— Или на одну из баз. Правильно. Расстреляв шлюпки, они не удивятся, не найдя на борту экипажа. Вполне естественно, что невооруженная команда попыталась удрать с исследовательского корабля.

— Допустим. И что мы этим добьемся?

— Если заминировать корабль и снабдить его взрывателем, срабатывающим на повышение температуры на двадцать, скажем, градусов, то кое-кому можно преподнести неприятный сюрприз. Взрыв произойдет в пиратском ангаре.

— Ого, мина-ловушка?!

— Причем гигантская. Она развалит астероид на куски. Она уничтожит десятки пиратских кораблей. И кроме того, наши обсерватории на Церере, Весте, Джуно и Палладе регистрируют вспышку. А тогда мы, выловив уцелевших негодяев, получим от них ценнейшую информацию.

— Да, эффектная комбинация. Просто и остроумно.

И работы на «Атласе» начались.

Неизвестный, проникнув в нишу, действовал уверенно и бесшумно. Врезав пломбу шлюзового управления игловым лучом, он откинул защитный диск и запустил внутрь руку в черной перчатке. Вскоре диск вернулся на место и пломба была ловко приварена лучом из того же орудия.

Вход был свободен. Створки шлюза разошлись. Сигнал тревоги не прозвенел — электрические цепи были умело разомкнуты минуту назад. Человек шагнул в камеру и створки

сомкнулись. Вынув из пакета пластиковый костюм, он аккуратно, но быстро натянул его, одел шлем и привернул шланг кислородного баллончика. Это был облегченный скафандр для коротких перебежек в безвоздушной среде, жизнь при работе в вакууме долее получаса он не гарантировал.

Неизвестный открыл вторую дверь и вышел на поверхность Луны.

Берт Вильсон, встрепенувшись, закрутил головой.

— Ты слышал?

Бигмен сделал невинные глаза.

— Что я мог слышать, приятель?

— Даю голову на отсечение, только что стукнула дверь шлюза. Странно, что нет сигнала тревоги.

— Разве должен быть сигнал?

— Обязательно. Звонок показывает, что одна из дверей открыта. Иначе любой дурень, отворив обе двери, способен выпустить весь воздух из порта.

— Значит, все в порядке. Нет сигнала — двери целы.

— Не уверен.

Тремя плавными прыжками сержант приблизился к заветной нише. По пути он ловко задел тумблер на стене, и в коридор ударили снопы света от четырех рядов мощных ламп. Бигмен еле поспевал за ним, зависая под потолком и рискуя спланировать носом в пол.

Переложив бластер в левую руку, Вильсон подергал дверь и пожал плечами.

— Значит, ты ничего не слышал?

— Ничего. Зря волнуешься, дружище.

Пять минут до старта.

Пемза фонтаном брызгала из-под ног неизвестного. В вакууме свет не рассеивался и каменная гряда, окружавшая порт, отбрасывала абсолютно черную тень. Следуя вдоль гряды, человек подобрался почти к самому кораблю. Один затяжной прыжок — и он уже в тени «Атласа». Подтягиваясь то одной, то другой рукой за поручни трапа и перескакивая сразу через десять ступеней, человек мгновенно взлетел к воздушному шлюзу корабля. Секундная манипуляция с игло-пистолетом — и он внутри.

Теперь на «Атласе» был экипаж!

Сержант все еще ковырялся у шлюза, с сомнением разглядывая защитный диск, а Бигмен скрипел без умолку:

— Я ж и говорю — торчу уже неделю. Секретное задание, чтоб его! Представляешь, приятель, я должен следить за своим паршивым родственником, чтобы он не влип в какую-нибудь

историю. Ничего себе работка для ковбоя, а? И ни одного шанса смыться...

Сбитый с толку гвардеец промямлил:

— Передохни, малыш. Ты славный парнишка и все такое, но давай-ка отложим разговор. — Сержант потрогал контрольную пломбу. — Очень странно...

Бигмен набычился и угрожающе выпятил нижнюю челюсть. Развернув за локоть часового и едва не упав при этом, он зашипел тому в подбородок:

— Дружище, ты кого это назвал малышом?!

— Послушай, проваливай откуда пришел. За родственником следи.

— Нет, минутку! Сейчас мы кое-что выясним. Думаешь, если я не вымахал с телескоп, как некоторые, то меня позволено величать парнишкой? Становись сюда. Давай! Подымай кулаки или я размажу тебе нос по всей сковородке!!!

И он изобразил что-то вроде боксерской стойки. Вильсон глядел на него с изумлением.

— С чего ты взбесился? Брось валять дурака.

— Ага, испугался!

— Не могу же я драться на посту! А кроме того, у меня и в мыслях не было задевать тебя. Мне вообще сейчас не до тебя, надо в деле разобраться.

Бигмен вдруг прекратил скакать и размахивать кулаками.

— Эй, а ведь, кажется, корабль стартует.

Звука, конечно, не было слышно из-за вакуумной прослойки, но весь коридор вибрировал от близких ударов ракетных двигателей, отрывающих «Атлас» от планеты.

— Видимо, и вправду померещилось. — Сержант поскреб пятерней затылок, — Думаю, нет смысла сочинять рапорт. В любом случае — уже поздно.

И контрольная пломба была забыта.

Старт!

Облицованная керамической плиткой пусковая шахта торжественно разверзлась и первые струи пламени сотрясли ее глубины. «Атлас» дрогнул и медленно пополз вверх. Скорость нарастала. И вот, распоров ночное небо, величественный корабль обернулся блуждающей звездой, съехался в точку и пропал.

Доктор Генри, который раз взглянув на часы, произнес:

— Время истекло. «Атлас» должен быть в небе. — Он постучал черенком трубки по циферблату.

Конвей оживился.

— Отлично! Надо свериться с властями порта. Спустя пять секунд они вперились в изображение стартовой площадки на

видеоэкране. Пусковая шахта была раскрыта и еще дымилась. Корабля не было.

Конвей покачал головой.

— Да. Это была прекрасная машина.

— Пока еще есть.

— Не стоит заблуждаться. Через несколько дней «Атлас» превратится в расплавленный дождь. Обреченный корабль.

Аугустус Генри хмуро кивнул.

Дверь скрипнула и оба как по команде обернулись. Вошел всего лишь Бигмен. Физиономию его прямо-таки распирали широкая улыбка.

— Здорово-то как вернуться в Луна Сити! Наконец чувствуешь себя человеком, а не мотыльком. Глядите-ка! — Он топнул сапогом об пол и подпрыгнул. — Да попытайся я сделать что-нибудь в этом роде там, где я только что был, — улетел бы на Меркурий, а скорее всего — впаялся бы в потолок!

— Где Лакки? — оборвал его Конвей.

— О, ничего нет проще. Я совершенно точно могу вам сказать. — Бигмен посмотрел на ученых ясными глазами. — Говорят, «Атлас» только что стартовал...

— Какая неожиданность, — съязвил советник. — Где Лакки?

— На «Атласе», конечно. Где ж ему еще быть?

2. Космический сброд

— Что?!! — доктор Генри разинул рот и неизменная трубка свалилась на пол.

Конвей побагровел и через силу выдавил:

— Это розыгрыш?

— Ничуть. Он вошел в корабль за пять минут до старта. У шлюза на посту стоял часовой — мимо не проскочишь. Ну так я заморочил ему голову. Чуть в драку не втянул симпатягу Вильсона. Уж он бы попробовал старых приемчиков бинго-банго, — Бигмен потыкал кулаками воздух, — да быстро пошел на попятную.

— И вы позволили? Не предупредив нас?

— А как я мог иначе? Раз Лакки сказал, что должен быть на «Атласе», то так тому и быть. Не мог же я подвести его! Еще он говорил мне: «Держи язык за зубами, дружище Бигмен! Никому ни слова о нашем деле, особенно советнику и доктору Генри!»

— Он меня в гроб вгонит! — простонал Конвей. — Взгляни на мои седины, Гэс, — и я доверился этому марсианскому пигмею! Бигмен, вы... у меня просто слов нет, вы — круглый дурак! Вам хоть известно, что корабль — это мина-ловушка?!

— А как же — Лакки сказал. Кстати, он предупредил, чтобы за ним не посылали погони, а то наше дельце не выгорит.

— Ваше дельце?! Как бы не так! Сию минуту отправим второй корабль и вынем нахала!

Генри, уже вернувший себе невозмутимый вид, похлопал советника по руке.

— Погоди. Остынь, Гектор. Хотя мы и не знаем, что у него на уме, но лучше не вмешиваться. Бывали и похуже переделки. Я думаю, Лакки выкрутится.

Конвей передернул плечами и обиженно откинулся на спинку кресла, а Бигмен вкрадчиво продолжал:

— Он сказал, что мы должны ждать его на Церере, и кроме того он сказал, — Бигмен взялся за ручку двери, — чтобы вы, доктор Конвей, следили за здоровьем и поменьше горячились по пустякам!

— Вы... — начал было советник, но маленький ковбой уже благоразумно закрывал дверь.

Корабль пересек орбиту Марса и Солнце заметно уменьшилось. Ничто не тревожило тишину командного отсека. Лакки Старр любил безмолвие космоса. Окончив обучение и став полноправным членом Совета Науки он большую часть времени проводил в дальних перелетах. Космос стал для него привычным

домом, таким же родным, как и шелковые травы Земли. Надо сказать, «Атлас» был вполне комфортабелен, не хватало только того, что якобы было, да уже вышло — когда пираты ступят на борт, корабль должен выглядеть только что покинутым многочисленной командой.

Лакки позавтракал суперстейком с дрожжевых плантаций Венеры, пообедал бескостным цыпленком с Земли и поужинал крабами из лунного питомника.

«Этак я растолстею», — усмехнулся он про себя, дожевывая булочку с Марса и наблюдая за небесами.

Стали различимы крупные астероиды. Первой возникла Церера, самый массивный из камней пояса — около 500 миль в диаметре. Следом за ней появились Джуно и Паллада. Веста была на противоположной стороне орбиты, за миллионы миль от Лакки.

На самом деле астероидам не было числа. Когда-то считалось, что здесь, между Марсом и Юпитером, в доисторические времена вращалась планета, впоследствии распавшаяся на куски. Но это было не так. Виновником был Юпитер. Точнее, его титаническая гравитация. В эпоху формирования Солнечной системы космический гравий на этом участке не смог соединиться в планету — чудовищное притяжение Юпитера растащило материю на мириады крошечных мирков.

Среди камней было четыре самых увесистых, больше сотни миль в поперечнике, и полторы тысячи — помельче, от десяти до ста миль в диаметре. Остальные не поддавались пересчету, но все равно каждый из них превосходил Великие Пирамиды.

Камней было такое множество, что астрономы прозвали их «космическим сбродом».

Астероиды были равномерно распределены в пространстве между Марсом и Юпитером, причем каждый скользил по собственной орбите. Ни одна другая планетная система во всей Галактике не имела ничего подобного.

Отчасти это было хорошо — астероиды служили перевалочными пунктами на пути к внешним мирам. Отчасти плохо: любой преступник, сбежав от судебного преследования, мог укрыться на одном из камней. У полиции никаких сил не хватит, чтобы обшарить каждый булыжник.

Астероидная мелочь была необитаема, тогда как на всех крупнейших действовали обсерватории, самая знаменитая — на Церере. Кроме того, на Весте и Джуно установили заправочные станции, а на Палладе функционировали бериллиевые шахты. Оставалось примерно пятьдесят тысяч подходящих для

проживания камней, неподконтрольных Земной Империи. На некоторых вполне мог разместиться целый космический флот, другие годились лишь чтобы причалить и отсидеться, имея шестимесячный запас горючего, пищи и воды.

Нанести на карту их было совершенно невозможно, орбиты астероидов непредсказуемо менялись, нарушая кропотливые вычисления ученых.

Лакки резко оборвал свои размышления и поспешил к пульту: чувствительный эргометр начал выдавать информацию.

Излучение Солнца и все отраженные от планет потоки были заранее скомпенсированы на измерителе, а сейчас прибор реагировал на характерный пульс гиператомного двигателя.

Лакки включил эргограф и на пульт поползла бумажная лента, испещренная синусоидами. Уже первые данные заставили его напрячься.

Это был не безобидный торговец или туристский лайнер. Приближающийся корабль имел двигатели новейшей конструкции явно неземного происхождения.

Через пять минут скопилось достаточно сведений, чтобы рассчитать удаленность и направление источника энергии. Лакки настроил видеоплату и начал телескопический поиск. Экран залила чернота, проколота лучами бесчисленных звезд. Наконец среди неподвижных созвездий глаз уловил живую точку и индикаторы эргометра зашкалили на нулях. Лакки прибавил увеличение телескопа.

Несомненно, это был пират! Об этом ясно говорили сильные, боевые формы корабля, сверкающие на Солнце, и необычные посадочные огни на теневой стороне.

«Сирианская постройка», — подумал Лакки.

Затаив дыхание, он следил, как корабль медленно приближается, заполняя собой весь экран. Кто знает, не так ли смотрели на пиратские огни его отец и мать в последний час своей жизни?

Лакки почти не помнил родителей. Он берег их фотографии и хранил в памяти бесконечные рассказы о Лоуренсе и Барбаре Старр, услышанные от Генри и Конвея. Они были неразлучны — серьезный, флегматичный Гэс Генри, вспыльчивый, напористый Гектор Конвей и веселый Ларри Старр. Вместе ходили в школу, вместе закончили университет, одновременно поступили на службу, где бок о бок трудились в одном отделе.

А затем Ларри пошел на повышение и был назначен директором венерианского филиала. Он, Барбара и четырехлетний сын были в пути, когда случилось несчастье.

Лакки часто воображал последние часы на гибнущем

корабле. Уже выбиты из строя основные двигатели. Уже беспомощный корабль охвачен магнитными рычагами и притянут вплотную к пиратской шхуне. Вот уже взорваны воздушные шлюзы. Экипаж вооружен и готов встретить атаку противника. Пассажиры забились во внутренние помещения. Воздух вытек в пробоины, все — в скафандрах. Женщины плачут, прижимая к себе детей. Надежды на спасение нет.

Лакки не сомневался — его отец, член совета, старший по званию на корабле, был в первом ряду защитников. В память врезалось короткое воспоминание — отец, рослый мужчина, с холодной яростью целится из бластера куда-то в конец коридора. С грохотом взрывается дверь отсека управления и все окутывает черным дымом. И еще — заплаканные глаза матери за лицевым стеклом скафандра, ее губы, почти беззвучно шепчущие:

— Не плачь, Дэвид, все будет хорошо!

Это были последние ее слова перед тем, как она затолкнула его в маленькую спасательную шлюпку. За спиной полыхнуло пламя, и его отбросило к стене.

Спасатели нашли шлюпку на третий день, следуя за радиосигналом бедствия.

Сразу после этого случая Земля провела широкомасштабную операцию против космических флибустьеров. Правительство обрушило на астероиды всю тяжесть своей военной мощи. Обнаруженные базы и явочные норы были сожжены и искрошены. Бандиты вполне убедились, что вызывать гнев людей из Совета Науки очень невыгодно и смертельно опасно — двадцать лет ни один из них не высывал носа из своего каменного логова.

Однако Лакки так и не узнал — был ли найден тогда пиратский корабль, воздалось ли негодяям, убившим его родителей? Ответа не было.

Последний год набегии неожиданно возобновились. Причем вместо вольной охоты нынешние корсары начали тотальный террор всей земной торговли. И более того. Тактика боевых действий, их строгая периодичность выдавали наличие единого командования, а скорее — командующего со своим стратегическим почерком и тонким расчетом. Вот этого главаря Лакки и собирался отыскать.

Эргограф стрекотал как бешеный, выводя на ленте сумасшедшие графики. Корабли сблизилась на расстояние, предписывающее обмен приветствиями для взаимного опознания, но на сей раз приемники молчали. С этой же дистанции пиратские суда начинали первую атаку.

Пол дрогнул под ногами Лакки. Но это не был предварительный выстрел с борта пиратского корабля, это

сработала на импульс автомата, и «Атлас» покинула первая шлюпка. Еще одна отдача. И еще. Всего пять.

Лакки прилип к экрану. Обычно пираты расстреливали спасательные шлюпки, отчасти из любви к искусству, отчасти — чтобы пресечь утечку информации — беглецы могли описать судно полиции, если еще не сделали этого по субэфиру.

Корабль совершенно игнорировал побег. Приблизившись, он скорректировал направление, выровнял скорость и начал швартовку. Магнитные захваты обняли корпус «Атласа» и суда соединились.

Лакки ждал.

Он слышал, как разошлись, а потом сошлись створки воздушного шлюза. Послышался топот ног и щелчки ремней снимаемых шлемов. Зазвучала отчетливая ругань.

Он не двигался.

В проеме показалась фигура в грузном скафандре, покрытом инеем после космической стужи; перчатки и шлем — отстегнуты.

Пират сделал два шага и, случайно повернув голову, увидел Лакки. Лицо пирата застыло в почти комическом изумлении. У Лакки было время разглядеть редкие черные волосы на неандертальском черепе, длинный нос, глубоко посаженные глаза и желтый клык под заячьей губой.

Старр спокойно выдержал взгляд разбойника. Он не боялся, что его узнают — анонимность была непременным условием для занятых на оперативной работе. Слишком широкое паблисити свело бы их действия к нулю. Лакки с горечью подумал об отце. Впервые фото Лоуренса Старра появилось на экране субэфира вместе с сообщением о смерти. Может быть, более широкая прижизненная известность предотвратила бы роковое нападение. Впрочем, трудно предположить, чтобы пираты смогли, признав советника, свернуть далеко зашедшую атаку.

Лакки тихо и внятно произнес:

— Стой смирно, не двигайся. Сунешься за бластером — пристрелю.

Неандерталец открыл рот. И закрыл.

— Молодчина. Ты правильно меня понял. Теперь позови остальных.

Пират, не сводя глаз с нацеленного на него ствола, заорал дурным голосом:

— Валите все сюда! С нами хочет познакомиться один приятный парень с пушкой в грабле!

В ответ грохнул смех, но чей-то голос скомандовал:

— Тихо!

В рубке появился необычный субъект и, оценив диспозицию,

повелительно бросил:

— Отойди, Динго.

Вошедший выглядел совершенно фантастично. Во-первых, он был без скафандра, что уже странно. Во-вторых, субъект был разряжен скорее для светского раута, чем для схваток и засад. Его модный, с иголки, костюм только что, казалось, вышел из дорогого ателье в Интернейшенел Сити. Элегантная рубашка и брюки из пластика переливались, как шелковые. Ансамбль дополняли инкрустированный пояс, витой браслет и голубой шейный платок. Волнистые каштановые волосы делил точный пробор.

Пижон был на полголовы ниже Лакки, но самоуверенные манеры и внимательный взгляд бледно-голубых глаз выдавали в нем силу характера и привычку к повиновению окружающих.

Субъект вежливо произнес:

— Меня зовут Энтон. Не соблаговолите ли, уважаемый, опустить свой пистолет?

— Чтобы тут же быть застреленным?

— Ну что вы. Это дело от нас не убежит. Мне бы хотелось вначале с вами побеседовать.

— Дайте мне гарантии.

— Моего слова достаточно. — Щеголь вдруг порозовел, как девушка. — Это единственный принцип, которого я придерживаюсь — всегда выполнять обещанное.

Лакки бросил оружие на середину пола. Энтон подобрал бластер и передал неандертальцу.

— Вот и славно. Динго, выйди-ка отсюда. — Он повернулся к Старру. — Другие пассажиры, я полагаю, удрали на спасательных шлюпках? Не так ли?

— Не пытайтесь меня поймать, Энтон...

— Капитан Энтон, будьте любезны, — капитан улыбнулся, но в глазах засветился нехороший огонь.

— Не пытайтесь меня поймать, капитан Энтон, если вам угодно. И младенцу ясно — на борту нет ни экипажа, ни пассажиров. Вы знали об этом с самого начала.

— Неужели? Как вы это определили?

— Вы пристали к кораблю без сигналов и предупредительных выстрелов. Это раз. Вы даже не пытались сбить шлюпки, отчавившие у вас на глазах. Это два. Ваши люди взошли на борт судна безо всяких предосторожностей. Человек, который меня обнаружил, держал бластер в кобуре и чуть не упал от удивления при нашей встрече. Это три. Отсюда и заключение.

— Что ж, убедительно. И что вы делаете на корабле без экипажа и пассажиров?

Лакки взглянул исподлобья на щеголя и решительно отрубил:
— Я прибыл, чтобы увидаться с вами, капитан Энтон.

3. Мужской разговор

Ничто не отразилось на лице капитана.

— Вот мы и увиделись. Что дальше?

— Увиделись, но не один на один, — Лакки обвел глазами рубку.

Энтон, не спеша, развернулся к двери. Десяток молодцов в полуразобранных скафандрах столпились в проходе, жадно прислушиваясь к разговору.

Капитан нахмурился. В его нарочито бесстрастном голосе зазвучал металл.

— Живо за работу, подлецы. Чтобы через полчаса у меня был полный рапорт об этом корыте. Оружие держать наготове — здесь могут быть еще крысы в щелях. Если хоть один из вас поймается, как Динго, — выкину к черту через шлюз.

Молодцы неуклюже попятились, шаркая и наступая друг другу на ноги. Внезапно Энтон налился кровью и бешено взревел:

— Шевелись, суки!!! Быстро!!! — Одно змеиное движение и бластер был в руке. — Считаю до трех и стреляю. Раз... Два...

«Три» уже не пригодилось.

Капитан покосился на Лакки и прежним голосом произнес:

— Дисциплина — великая вещь. Они должны бояться меня. Меня должны бояться больше, чем уголовную полицию и весь Флот империи. Тогда корабль будет как один кулак, подчиненный одной воле. Моей воле.

«Да, — подумал Лакки, — одна воля, один кулак. Но чьи? Твои, пижон?»

Волевой Энтон снова улыбнулся, открыто, дружелюбно, по-мальчишески.

— Ну, вот мы и одни, как вам хотелось. Так что вы хотите мне сказать?

— Вы, кажется, собираетесь выстрелить? — Лакки кивнул на бластер в капитанской руке и вернул улыбку. — Если так, то не смею вас задерживать.

Брови Энтона поползли вверх.

— Однако, вы хладнокровный тип. Я выстрелю, когда мне заблагорассудится. Побудьте пока на мушке. Ваше имя?

— Вильямс, капитан.

— Видите ли, Вильямс, — не сводя прицела с груди Лакки, Энтон уселся в удобное кресло. — Вот вы — крупный мужчина, выше меня, вероятно, физически очень сильный. Но одно нажатие моего пальца сделает из вас пустое место, грудю мертвого человеческого мяса. Вы не находите это весьма поучительным? Два

человека и один пистолет — вот и весь секрет власти! Забавный парадокс — не правда ли?

— Пожалуй.

— Вам не кажется, что если и есть у жизни какой-нибудь смысл, то этот смысл — власть?

— Очень возможно.

— Я вижу, вы не настроены пофилософствовать. Жаль. Итак, почему же вы здесь?

— Я много слышал о пиратах...

— О джентльменах удачи, будьте любезны. Никаких других названий, Вильямс.

— Тем лучше. Я слышал много хорошего о джентльменах удачи и хотел бы влиться в их компанию.

— Ну, ну, ну. Вы нам льстите. Но обратите внимание — мой палец по-прежнему на контакте. И что вас подвигло на такое решение?

— Жизнь на Земле замкнута и умыла, капитан. Человеку вроде меня ничего не светит, кроме службы в какой-нибудь скучнейшей конторе. Да хоть и дорасти я от рядового бухгалтера до директора завода или председателя совета пайщиков — для меня это не имеет никакого значения. Жить по расписанию, когда точно знаешь, что будет с тобой через месяц, через год, — мне нестерпимо. Без приключений, без крутых поворотов...

— Да вы романтик, Вильямс. Продолжайте.

— Конечно, можно рвануть в колонии. Но перспектива пахать на марсианской ферме или сторожить цистерну на Венере меня не привлекает. Если где и есть для меня место — то на астероиде. Лишения закалят меня, погони и опасности разогреют кровь. И, может, я смогу здесь добиться власти, как вы, капитан. Вы сами сказали, что власть придает жизни смысл.

— И поэтому вы спрятались в пустой корабль?

— Я не знал, что он пуст. Я должен был как-то до вас добраться. Законный перелет стоит дорого, а кроме того — выдача виз на астероиды прекращена до особого распоряжения. По слухам я знал, что этот корабль входит в картографическую экспедицию и летит к астероидам. Другого такого случая не предвиделось. Я выждал почти до самого старта и, пока все суеились с приготовлениями, проник в воздушный шлюз. Мой приятель отвлек часового.

Я рассчитывал, что мы остановимся на Церере — там основная база для всех экспедиций такого рода. Только бы мне добраться туда, говорил я себе, с Цереры уж я найду способ смыться. Экипаж-то — сплошь астрономы и математики, народ задумчивый и хлипкий. Сними с такого очки — и он слеп, как

котенок. Наведи бластер — он уже печален и близок к обмороку. Нет, с Цереры я обязательно смылся бы к пир... к джентльменам удачи.

— Значит, на борту вас поджидал сюрприз?

— И не говорите. Кое-что сразу мне показалось странным — слишком тихо было внутри. Когда я понял, что на корабле, кроме меня, никого нет — он уже набрал скорость.

— И что вы об этом думаете, Вильямс? Для чего это сделано?

— Понятия не имею. Эта загадка мне не по зубам.

— Ну-с, хорошо. Я вас понял. Давайте вместе поищем в отсеках, может, что-нибудь и найдем. — Капитан сделал приглашающий жест пистолетом и резко встал. — Милости прошу, идите первым.

Энтон вывел пленника из рубки в длинный центральный коридор. В дальнем конце показалась пестрая группа джентльменов. Они сразу замолчали, увидев капитана.

Энтон выдержал паузу и произнес:

— Кто будет докладывать?

Пираты переглянулись. Один вытер кулаком седые усы и, кашлянув, выдохнул:

— Мы обшарили все. На борту никого нет, сэр.

— С этим ясно. А что вы скажете про корабль?

За время беседы группа увеличилась. Повисло молчание.

Энтон раздраженно повторил:

— У кого-нибудь есть в голове хоть одно соображение?

Вперед протиснулся Динго. Без скафандра он был еще краше. Его заросшие шерстью кривые руки по-обезьяньи свешивались вдоль мощного корпуса; шрам, разрубивший губу надвое, возмущенно подергивался. Бандит тяжело уперся взглядом в Лакки.

— Он мне не нравится...

— Тебе не понравился корабль? Почему?

Динго нерешительно поскреб щетину.

— Он паршивый.

— Живей ворочай языком. Объясни подробнее.

— Я могу разобрать этот ящик консервным ножом. Спросите остальных и они подтвердят. Он скреплен зубочистками и через месяц развалится сам по себе.

Речь встретила шепот одобрения.

— Прошу прощения, сэр, — подал голос седуусый, — но это нестоящая работа. Вся проводка болтается на соплях, изоляция почти прогорела.

— Сварка сделана на скорую руку, — отозвался еще один. — Швы торчат вот так. — Он показал всем скрюченный палец.

— Как насчет ремонта? — спросил Энтон.

— Ковыряться не меньше года, — снова вступил Динго. — Корыто того не стоит. В любом случае надо сначала таранить его на камень.

Капитан повернулся к Лакки.

— Видите, мои люди чувствуют, что не стоит путешествовать на этом судне. Что вы теперь скажете? Зачем бы это правительству запускать пустой корабль, впридачу кое-как сшитый?

Лакки пожал плечами.

— Я в недоумении.

— Тогда продолжим наше исследование. Пираты расступились и Энтон шагнул вперед.

Лакки тронулся вторым, следом потянулись остальные. Капитан шел беззаботно, как на прогулке, зная, что в затылок пленнику дышит десяток вооруженных молодцов.

Они быстро осмотрели помещения верхнего уровня. В небольших, экономно спроектированных отсеках были оборудованы компьютерная рубка, маленькая обсерватория, фотолаборатория и жилые каюты.

После этого все спустились вниз. Переходом на нижний уровень служила узкая изогнутая труба с нейтрализованной псевдогравитацией. Таким образом, направление «вверх» или «вниз» внутри перехода было понятием условным.

Лакки, по приказу, скользнул в трубу первым. Энтон чуть не сел ему на шею, когда ноги у Старра подогнулись на выходе от внезапно вернувшегося веса. Тяжелые, рифленые подошвы капитана просвистели в дюйме от лица.

Лакки сердито распрямился и увидел ствол, точно нацеленный ему в сердце. Капитан с милой улыбкой произнес:

— Тысяча извинений. К счастью, вы очень увертливы.

— Да уж, — пробормотал Лакки.

На нижнем уровне был машинный отсек, энергетическая установка, склады горючего, пищи и воды, регенератор воздуха и атомная защита. Еще пять отсеков, недавно хранивших спасательные шлюпки, пустовали.

— Ну-ка, поделитесь своими соображениями, — приказал Энтон, когда все вышли из последней двери. — На первый взгляд все в порядке.

— Трудно сказать с уверенностью, — ответил Лакки.

— Ведь вы жили на корабле много дней.

— Конечно. Но я не изучал его специально. Я просто ждал, когда он куда-нибудь долетит.

— Ладно, вернемся на верхний уровень.

«Поднимались» тем же порядком. На этот раз Лакки приземлился удачней и отпрыгнул далеко в сторону. Прошли секунды, пока из трубы появился капитан.

— Нервы? — усмехнулся он.

Лакки покраснел.

Один за другим вылезли пираты. Энтон не стал дожидаться последнего и опять двинулся по коридору.

— Знаете ли, — говорил он на ходу, — все думают, что мы закончили осмотр. Вы тоже так считаете?

— Нет, — хладнокровно произнес Лакки. — Я так не считаю. Мы не были в ванной комнате.

Капитан резко затормозил. На миг от потерял свою любезность — побледнел, губы твердо сжались, в глазах сверкнул гнев.

— Так. — Энтон тряхнул кудрями и румянец вернулся на его щечки. — Если вы настаиваете — давайте посмотрим в ванной.

Нужная дверь распахнулась и пираты аж присвистнули. И было от чего. Вся комната переливалась волшебным светом, отраженным бесчисленными зеркалами. Здесь было все: кабинки для душа; Дюжина умывальников, хромированных и отделанных под слоновую кость; полочки с различными шампунями и тюбиками крема; сушилки для волос и игольчатые стимуляторы кожи.

— Роскошно, я бы сказал, — Энтон взглянул на Лакки. — Прямо выставочный образец. К чему бы это? А, Вильямс?

— Я в затруднении.

— А я — нет. — Капитан посуровел. — Динго, подойди сюда.

Пират проковылял на зов.

— Это элементарно, Вильямс. Мы имеем корабль, способный развалиться от громкого шепота. И на корабле имеется одна-единственная комната, сделанная по последнему слову и увешанная новейшей аппаратурой. Зачем? — спрашивается. А затем, чтобы протянуть как можно больше трубок и шлангов. Тогда никто не догадается, что одна или две из них фальшивые... Динго, посмотри вот здесь.

Неандерталец пнул указанную трубку ногой.

— Да не стучи по ней, ублюдок. Разбери ее. Микротепловой пистолет сверкнул в руке пирата, обнажив скрытые провода.

— Что это, Вильямс? — спросил Энтон.

— Электрический шнур, — кратко ответил Лакки.

— А еще что? — Энтон внезапно рассвирепел. — Я вам скажу, тупица! Этот шнур установлен, чтобы взорвать каждую унцию топлива на борту, как только мы приведем корабль на базу!

Лакки подпрыгнул.

— С чего вы это взяли?!

— Вы удивлены? Вы не знали, что судно — большая ловушка? Вы не знали, что взрыв должен произойти на нашей базе? Не смешите меня! Вы специально остались, чтобы посмотреть, как нас одурачат. Но я не дурак!

Пираты сгрудились ближе. Динго облизнулся.

Рывком капитан выхватил из-за пояса бластер. Глаза его горели сумасшедшей радостью.

Для Лакки наступил критический момент. Голова работала как часы.

— Стоп! Два слова, капитан! Я ничего не знал об этом. Вы не имеете права убить меня без причины.

— Как стоп? — Энтон удивился и опустил оружие. — Что значит — не имею права? У меня есть все права на корабле.

— Вам нужны решительные люди. Вы ничего не выиграете, избавившись от нового человека. Лучше испытайте меня.

Ропот пробежал по компании джентльменов.

— У него есть характер, кэп, — раздалось из толпы. — Его можно попробовать...

Капитан оборвал взглядом речь и обратился к Лакки.

— Откуда вы знаете, что вы тот человек, который нам нужен? Чем вы докажете?

— Ставьте против меня любого из ваших парней и сами увидите.

— В самом деле? — Капитан обнажил зубы. — Все слышали?

Рев десяти глоток был ответом.

— Хорошо! Вы сами вызвались, Вильямс. Выйдете из схватки живым — может быть, включим в экипаж.

— Слово джентльмена?

— Слово джентльмена.

— Кто будет со мной сражаться?

— Хотя бы Динго. Тот, кто одолеет его, — более чем решительный человек. Но должен вас огорчить — такого еще не случилось.

Лакки перевел взгляд на неандертальца. Гора хрящей и мышц угрюмо буравила его маленькими, горящими ненавистью глазками. В глубине души Старр согласился с капитаном.

Сглотнув слюну, он произнес:

— Какое оружие? Или голыми руками?

— Оружие? Ну, скажем — трубки-ускорители. Даже так — трубки-ускорители в открытом космосе.

Лакки чуть не пошатнулся.

— Вы считаете, — улыбнулся Энтон, — что для вас это не солидная проверка? Не бойтесь. Динго — лучший специалист по

трубкам во всем нашем флоте.

У Лакки засосало под ложечкой. Дуэль на ускорителях требовала высочайшего мастерства, а Лакки владел этим оружием на уровне любительских схваток в колледже. Если сходились профессионалы — поединок заканчивался смертью.

Лакки не был профессионалом!

4. Поединок

Поверхность кораблей была усеяна пиратами. Одни стояли, прилипнув к обшивке магнитными подошвами. Другие для лучшего обзора плавали, держась рядом с помощью короткого кабеля.

Вдалеке, на расстоянии пятидесяти миль друг от друга, вращались два раскладных берилл-магниевых листа, служившие воротами. Огромные квадраты фольги сияли в солнечных лучах, как два маленьких зеркала.

— Правила вы знаете, — громыхнул в наушниках голос Энтон.

В полумиле от Лакки, размером с горошину, висел Динго. Шлюпка, закинувшая их сюда, развернулась и понеслась обратно.

— Правила вы знаете, — бубнил капитан. — Тот, кого затолкнут за ворота, — проиграл. Если никому это не удастся, проигравшим считается тот, кто первым истратит весь заряд. Бой проводится без положения вне игры. Ограничения времени нет. До начала осталось пять минут. Приготовьтесь.

«Нет вне игры, — подумал Лакки. — Мог бы и прямо сказать — до смерти».

Обычно в правилах оговаривалось, что схватка должна проходить не далее чем в ста милях от астероида диаметром не менее пятидесяти миль. В этом случае небольшое притяжение камня, не ограничивая подвижность дуэлянтов, могло выручить неудачника. Если его сразу не подберет спасательная шлюпка, то он, дрейфуя с разряженным пистолетом, через несколько часов сам причалит к твердой поверхности.

Здесь же на тысячи миль не было подходящего камня. Значит, полет от последнего толчка будет продолжаться теоретически бесконечно. Но скорее всего побежденный, погибнув от удушья, лет через двести упадет на Солнце.

Снова возник. Энтон.

— Две минуты до начала. Включите сигнальные огни.

Лакки нашарил тумблер на груди скафандра. Плечи и шлем озарило ярко-зеленым светом. Фигурка Динго, плавающая среди созвездий, вспыхнула тремя красными огнями.

Готовясь к бою, Старр вспомнил конец беседы с капитаном. Уже влезая в снаряжение, Лакки попытался слукавить.

— Все здорово, но пока мы тут дурачимся, полиция может...

Энтон презрительно фыркнул:

— Вы это бросьте! Какая еще полиция. У фараонов духу не хватит сунуться так далеко в камни. А если и залетит патруль —

то у меня сотня кораблей в пределах вызова, тысячи убежищ, готовых принять нас. Не отвлекайтесь, надевайте свой скафандр.

Ого! Сотня кораблей! Тысячи астероидов! Если Энтон не прихвастнул, то у пиратов есть сильные нераскрытые козыри. Зачем им столько кораблей? К чему они готовятся?

— Осталась одна минута! — долетел через мили капитанский голос.

Лакки решительно поднял оружие. Строго говоря, пистолетов было два. Агрегат представлял собой две Г-образных трубки, соединенных прорезиненными шлангами с баллонами, накачанными сжиженным углекислым газом. Баллоны крепились к поясу.

Еще не так давно соединительные шланги выполнялись из гибкого, но тяжелого металла. Такая конструкция, хотя и более надежная, придавала оружию нежелательные в таком виде спорта побочные эффекты. Однако с тех пор, как перешли на резину, пропитанную фторнатриевым соединением, о металлических шлангах было забыто. Резина не плавилась на Солнце, не трескалась на космическом холоде, словом, ни в чем не уступала металлу, даже наоборот — гасила инерцию, снижала кинетическую энергию...

— Время! — скомандовал Энтон.

В ту же секунду Динго выстрелил. Газ, со страшной силой вырвавшись из игольного наконечника трубки, тут же превратился в многомиллионный пунктир кристаллов. Мгновенно, в силу реактивного принципа, стрелок, подобно кораблю в миниатюре, полетел в противоположную сторону.

Три раза вспыхивал кристаллический пунктир. Судя по его направлению и по увеличению красного треугольника, Динго наезжал на Лакки со скоростью экспресса.

Старр не двигался. Он решил, когда противник обнаружит свой план нападения, действовать по обстоятельствам.

Динго сильно забрал влево. Он явно к чему-то готовился, но прицельный огонь пока не начинал.

Лакки выжидал. Вопли в наушниках смолкли. Болельщики следили за поединком по сигнальным огням и струям газа. «Сейчас начнется», — понял их молчание Старр.

Но атака грянула неожиданно.

Двумя мощными выбросами Динго изменил маршрут и понесся на соперника. Лакки опустил пистолет, готовый, в любую секунду выстрелив вниз, избежать столкновения. Такая стратегия казалась ему самой разумной — поменьше двигаясь, экономить газ.

Внезапно Динго выпустил заряд прямо перед собой и начал

притормаживать. Наблюдая за ним, Лакки слишком поздно заметил вспышку.

Удар потряс его. Крошечные кристаллики, летящие со скоростью десяти миль в секунду, вколотились в левое плечо, как автоматная очередь. Скафандр завибрировал и рев взорвал тишину эфира.

— Динго, сукин сын! Ты достал его!

— Какой удар! Тютелька в тютельку!

— Врежь ему еще!

— Гони его к воротам!

— Гляньте на парня — эк его крутит!

Страшная сила вращала Лакки словно в учебной центрифуге. Звезды за лицевым окошком слились в сплошные линии. Все закружилось перед глазами, и тошнота подступила к горлу.

Еще один удар — в диафрагму. И еще — в спину. Беспомощно крутясь, Лакки уносился в черноту космоса.

Надо что-то делать. Надо быстро что-то делать, или «красавчик» так и будет гонять его как футбольный мяч от Марса до Плутона. Чтобы сориентироваться, нужно сначала остановить вращение. Собравшись с силами, Лакки нажал на контакт пистолета.

Световые линии стали распадаться, кружение замедлилось. Созвездия вернули привычные очертания, но одна звезда по-прежнему казалась до странности яркой. А-а... Собственные ворота.

До ворот оставалось миль пять. Да, еще пара точных попаданий и поединок закончен. Лакки поискал глазами красный сигнал. Конечно, вот и он. Динго вновь подкрадывался с левой стороны.

Нужно на что-то решаться. Лакки поднял ускоритель и рванулся вниз. Оставляя трассирующий след, живая ракета целую минуту набирала скорость. Это был отчаянный маневр — за шестьдесят секунд Старр выпустил получасовой запас.

В наушниках захрипел голос Динго.

— Ты, трус поганый! Иди ко мне, жалкий фигляр! Продолжались крики болельщиков.

— Смотри, удирает без оглядки!

— Динго, лови его!

Даже Энтон прорезался с идиотским советом.

— Эй, Вильямс, Вильямс — что такое? Сопровивляйся.

Красный огонек следовал неотступно.

Нельзя стоять на месте. Надо как можно больше двигаться. Неандерталец показал свой уровень. Безусловно, такой классный мастер способен сбить даже дюймовый камешек. «А я, пожалуй,

сейчас и в Солнце не попаду», — признался себе Лакки.

Он начал беспорядочную стрельбу из обоих стволов. Налево, направо. Еще раз направо, быстро вверх, налево, опять вверх.

Все было бесполезно — Динго висел на хвосте, как привязанный. Казалось, он заранее угадывал все движения противника, с легкостью срезал углы и настигал, настигал...

Лакки почувствовал холодный пот на лбу и внезапно осознал, что радио молчит. Только что эфир сотрясаясь от воплей и вдруг — полная тишина. Как отрезало.

Неужели он вылетел за пределы дальней связи? Но это бред! Передатчик работает на тысячи миль. Старр повернул регулятор громкости до упора и крикнул:

— Капитан Энтон!

Ответил ему Динго:

— Не ори. Я не глухой.

Поборов самолюбие, Лакки попросил:

— Слушай, скажи им, чтоб объявили перерыв. Что-то не в порядке с радио.

— Хрен тебе! — выпалил мастер ускорительной трубки.

Он был уже достаточно близко для прицельного боя. Лакки метнулся вбок, но пирату все было нипочем. Оторваться не удавалось.

— Так-то! Теперь тебе крышка! — разговорился вдруг Динго. — Радио — это моя работа. Я бы уже давно запинал тебя, если б хотел, за ворота. Но я ждал! Там, на корабле, я вывел из строя один симпатичный транзистор в твоём скафандре. Так что извини — за пару миль я тебя еще услышу, а дальше — гроб.

В наушнике хрюкнуло, Динго заржал, довольный собой.

Старр холодно произнес:

— Что ты мелешь? Я не понял. Голос захрипел в самое ухо.

— Сейчас поймешь. Ты, сучок, поймал меня. Ты поймал меня и выставил дураком перед всей командой. Ты — первый, кто сделал из меня идиота и пока остался жив. Я не буду никуда тебя толкать. Нет! Вот мы побеседовали с глазу на глаз, а теперь я тихо выпущу тебе кишки.

Дистанция сократилась до предела. Лакки уже различал заячью губу и яростные буравчики, озаренные багровым светом.

«Красавчик» прав. Хватит мельтешить. Может разогнаться по прямой и удирать пока хватит газа? Но достойно ли это? Пора повернуться к смерти лицом.

Лакки прицелился и выстрелил, но... Динго уже не было. Струя кристаллов пропорола пустоту. Старр повторил попытку, но безрезультатно. Противник уворачивался от выстрелов с легкостью ртути.

А затем Лакки принял удар в грудь и — снова началась тошнотворная карусель. Отчаянно барахтаясь, он попробовал выкрутиться, но тут на плечи обрушилась чудовищная туша.

Динго стиснул его в железных объятиях.

Сцепившись, как два огромных краба, они закружились в смертельном танце. Лакки с отвращением увидел сквозь дьюймовое стекло растянувшийся в улыбке знакомый шрам.

— Здорово, приятель, — сипел Динго. — Рад снова с тобой встретиться.

Пират был силен, как горилла. Зажав ногами колени противника, он освободил ручной захват и соорудил из ускорительных трубок подобие кастета. Страшный удар рукояткой по лицевому стеклу чуть не оторвал шлем Старра. Голова пошла кругом.

— Не верти башкой, — рычал Динго, обхватив Лакки за шею и делая второй замах. — Я скоро закончу.

Если что-то быстро не придумать, то так и будет. Металл расколется даже бронированное стекло.

Ребром ладони Лакки оттолкнул голову пирата. Тот вывернулся и треснул по окошку еще раз.

Тогда Старр выпустил пистолеты, оставив их болтаться на соединительных шлангах, и поймал шланги неандертальца. Накрутив на стальные перчатки, он стал их растягивать. Все мышцы до боли напряглись, вздулись шейные артерии.

Динго ничего не замечал. Нависнув над искаженным, как он думал, от страха, лицом Лакки, пират нанес третий удар. Трещины звездочкой разбежались по лицевому окошку.

В этот миг сверхпрочная резина поддалась. Газ хлестанул из разорванных шлангов и вселенная взбесилась.

Струи били куда придется. Динго потрясенно завизжал, разжал хватку и его начало мотать из стороны в сторону. Если бы Лакки не поймал визгуна за лодыжку — тот улетел бы совсем.

Наконец напор ослабел и направление его определилось. Старр перебрался с ноги Динго на загривок и перевел дух.

В полном безмолвии они понеслись туда, куда отправил их последний выброс. Дохлые шланги вытянулись за ними, как водоросли в реке. Но до ближайшей реки были миллионы и миллионы миль.

5. Отшельник

Лакки восседал на горбу бандита победителем родео.

— Очухался, что ли? Вот и славно. Слушай меня внимательно. Нам теперь друг без друга нельзя. У тебя есть радио, у меня — ускоритель. Ты свяжешься с кораблем и узнаешь, где мы находимся, а я, так уж и быть, дотащу тебя на своем ходу. Будем дружить?

— Еще чего! — запыхтел Динго. — Бой не кончен, молокосос! Я еще...

— Ну-ну! Ты уже разок попробовал, может хватит?

— Отдавай трубки, паршивец! Слезай с меня и заходи спереди! Вот позову своих ребят и меня заберут отсюда. А ты — будешь плавать с оторванной башкой!

— Очень сомневаюсь. Особенно насчет оторванной башки. — Лакки пришпорил пятками упряма. — Может, ты через металл и не чувствуешь, но кое-что упирается прямо в твою шею.

— Что? Ствол, небось. Подумаешь, напугал! — хрюкнул Динго, однако взбрыкивать прекратил.

— Я, конечно, тебе не соперник на ускорителях, — Старр решил пробиться к рассудку пирата с другой стороны. — Но, согласись, теорию я знаю лучше. Прикинь — из газовых пистолетов стреляют не ближе, чем с полумили. Сопротивления воздуха здесь, положим, нет, но на расстоянии поток утрачивает плотность. В струе газа есть, понимаешь ли, кой-какие завихрения. Кристаллы ударяются друг о друга, отклоняются, замедляются, а в результате пучок становится шире и теряет мощь. Хотя и с пяти миль бьет будь здоров.

— О чем это ты? — Пират попытался вывернуться, но Лакки удержал его. — Терпеть не могу лекции.

— И напрасно. И я скажу тебе — почему. Как ты думаешь, что будет, если пучок кристаллов ударит не с мили, а с двух дюймов? Можешь не отвечать. Объясняю популярно — узкий концентрированный поток прошьет тебя насквозь, одевай хоть два скафандра!

— Профессор! Ты что, с ума съехал? Что ты несешь?

— Отлично! Давай совместно проведем физический опыт. Либо ты выходишь на связь, либо через полминуты я стреляю.

— Это нечестно, — заканючил Динго. — Это не чистая победа.

— Уж кто бы говорил, наглец! У меня трещина на лицевом окне. Все узнают, где была нечестная игра! Осталось двадцать секунд.

Мгновения летели в молчании. Лакки заметил движение руки пирата и решительно отрубил:

— Прощай, Динго!

— Погоди! Погоди, — заторопился пират. — Я сейчас, только волну настрою! Капитан Энтон... капитан Энтон...

Возвращение на корабль заняло полтора часа.

«Атлас» шел в кильватере пиратского судна. Пленным кораблем управляли трое пиратов. Единственным пассажиром, как и прежде, оставался Лакки. На борту был минимальный запас, дорогое оборудование и излишки продуктов были перегружены грабителями в трюм своей шхуны.

Лакки томился, запертый в отдельной каюте, и виделся с экипажем только во время кормежки.

Завтрак принесла обычная тройка. Пираты ввалились в каюту и молча передали ему поднос с едой, ребята были как на подбор — жилистые, задубевшие до черноты от жесткого излучения Солнца. Проверив все запоры и углы, они встали вокруг стола.

— Присели бы, что ли, — предложил им Лакки, расправляясь с содержимым банок. — Чего стоять, пока я ем?

Никто не ответил. Один из пиратов, самый задубевший и жилистый, с носом, переломанным в драке, вроде был склонен принять предложение. Он, потоптавшись, вопросительно глянул на своих товарищей, но поддержки не встретил. Дождавшись конца трапезы, пираты собрали посуду и ретировались.

С обедом пришел один «сломанный нос». Расставив на столе банки, он быстро выглянул в коридор, закрыл дверь на замок и, обернувшись к пленнику, скривил подобие улыбки.

— Меня зовут Мартин Менью. Приятного аппетита, сэр.

Лакки улыбнулся в ответ.

— А меня — Билл Вильямс. — Он кивнул на дверь. — Те, другие, не хотят со мной говорить?

— И понятно — они друзья Динго. А я — нет! — Глаза его мстительно блеснули. — Капитан думает, что вы из правительства, но мне плевать. Для меня любой, кто обломит клыки нашему кабану, — дороже брата. Послушайте, сэр! Я был новичком, когда Динго втянул меня в поединок. Он затолкал меня на камень! Ни с того ни с сего! Потом он утверждал, что это, мол, ошибка! Но он никогда не ошибается с ускорителями! Никогда! Скажу вам по секрету, мистер, — среди наших у вас теперь много друзей. Надо же — приволочь борова за шкуру!

— Не стоит благодарности. Я рад, что вам понравилось.

— Если позволите, один совет, сэр. Остерегайтесь. Не оставайтесь с глазу на глаз с Динго и через двадцать лет. Наш кабан злопамятен, как дьявол! Знаете, как он сейчас бесится?!

Ему всего тошнее не то, что он проиграл, а то, что его обвели вокруг пальца. Все ребята потешаются, что он поверил вашей басне, будто можно распилить металл пучком холодного газа. Да-а-а... Хе-хе. Думаю, что босс выдаст вам чистое свидетельство.

— Босс? Капитан Энтон?

— Э-э, куда там. Нет — босс. Большой человек. Знаете, Билл, здесь и правда классная пайка, — Мартин облизнулся. — Особенно мясо. Это дрожжевое пюре уже в печенках. Нет, правда. Пока я дежурил у цистерны...

Лакки прикончил второе и принялся за компот.

— Кто этот человек?

— Какой человек? — Пират все еще витал в гастрономических эмпириях.

— Босс.

— А-а. Да кто ж его знает?! Я человек маленький, начальство редко вижу. Ну, ребята говорят — босс, босс, а кто он, где — неизвестно.

— Словом, конспирация у вас на уровне.

— Что вы! Дисциплина — у-у-у! Вообще-то я рассчитывал на лучшее, когда попал сюда. Я тогда сидел на мели и подыхал с голоду. Я думал, распотрошу пару кораблей, куплю шахту у черта на рогах и завяжу. А обернулось вон как.

— Не вышло денег за поднакопить?

— Дело даже не в этом. Я вообще не участвовал в боевых рейдах. Скажу по секрету, мистер, — из наших ребят только Динго да еще пара таких же отпетых ходят на дело. Конечно, кабану только бы человечины покровсать! Ну, а мы, если и выбираемся, то подобрать женщин. — Пират осклабился и застенчиво потупил глазки. — У меня здесь жена и сын. Не верится, правда? У нас много чего есть. Строимся помаленьку, то-се. Плантации свои, цистерны. Иногда вахту несем, как сейчас. Работка непыльная. Я думаю, у вас будет все о'кей. И бабенку найдете и местечко потеплее. Ну, а если вам больше по душе за смертью гоняться и шкуру дырывать — так этого здесь сколько угодно. Да-а, Билл, будем надеяться, что босс возьмет вас.

Лакки проводил гостя к двери. Отдавая поднос, он как бы между прочим спросил:

— Кстати, а куда мы летим? На базу?

— Нет, на ближайший камень. Вы там посидите, пока не придет разрешение. Ну, так обычно делается. Вы, сэр, не подводите меня — не говорите никому о нашей беседе.

— Не волнуйтесь.

Оставшись один, Лакки крепко сжал кулаки. Босс! Вот это да!!! Или это сказки для дурачков? Пока неясно... Надо еще

подождать. Черт возьми! Только бы Генри уговорил Конвея пока не вмешиваться!

В сопровождении двух пиратов Лакки вышел из шлюза в космос. В сотне ярдов внизу висел астероид. Камень был самым типичным — не больше двух миль, весь щербатый, в скалах и выбоинах. Солнечная сторона мерцала серо-коричневым светом. Кроме того, камень вращался — тени с неправдоподобной скоростью наезжали друг на друга, съеживались и исчезали.

Оттолкнувшись от корпуса корабля, Лакки полетел к астероиду. Скалы медленно приближались. Наконец руки коснулись камня. Сила инерции заставила его перекувырнуться, но он быстро уцепился за выступ и встал на ноги.

Лакки осмотрелся — полная иллюзия настоящей планеты. Пожалуй, только слишком близкий горизонт и быстрое передвижение звезд говорили о подлинных размерах камня. Корабль завис точно над головой.

Пират махнул рукой, и они пошли к ближайшему холму. Холмик с виду ничем не выделялся среди других. Они подождали. Вскоре одна из секций бугра отъехала вбок и из отверстия вылезла фигура в скафандре.

— Принимай, Херм, — произнес один из конвоиров. — Вот и он. Бери на полное довольствие.

В ответ прозвучал спокойный голос.

— Сколько он пробудет, джентльмены?

— Сколько надо. Не задавай лишних вопросов.

Сделав дело, пираты тут же прыгнули вверх. Притяжение астероида никак не влияло на траекторию полета. Фигурки уменьшились, и через пару минут Лакки заметил пунктир кристаллов, когда один из летунов скорректировал свое направление пистолетом-ускорителем, обязательной деталью любого скафандра.

Еще через несколько минут сверкнул красный огонь кормовых двигателей и корабль начал удаляться.

Куда он направлялся? Не зная собственного местонахождения в пространстве, определить это невозможно. Известно одно — он находится на одном из бесчисленных камней пояса. Много из этих данных не выжмешь.

Лакки так глубоко погрузился в грустные мысли, что невольно вздрогнул от голоса забытого хозяина.

— Не правда ли, какая красота? Я выхожу столь редко, что каждый раз заново удивляюсь. Взгляните-ка.

Лакки посмотрел налево. Начинался рассвет. Маленькое Солнце чуть выглянуло из-за близких (и единственных) гор, а спустя мгновение на него уже нельзя было смотреть. Раскаленный

золотой диск катился по вечно черному небу среди никогда не гаснущих звезд. Так было и будет всегда, в мире без воздуха, без преломляющей свет пыли.

— Через двадцать минут начнется закат. Прилетели бы вы в другое время — увидели бы Юпитер. Сверкающий шарик с четырьмя искорками спутников. Это случается раз в три с половиной года.

Лакки грубовато оборвал любителя неземных красот.

— Вас называли Херм. Это ваше имя? Вы один из них?

— Вы хотите спросить — не пират ли я? Нет. Я в эти игры не играю. Так, нерегулярные деловые контакты. И зовут меня не Херм. Херм — это, так сказать, профессиональная кличка. Так зовут всех отшельников. А настоящее мое имя — Джозеф Патрик Хансен, и так как мы будем теперь близкими соседями на неопределенно долгий срок — давайте знакомиться.

Он протянул одетую в металл руку, и Лакки крепко сжал ее.

— Я Билл Вильямс. Вы сказали, что вы отшельник. Надо понимать — вы живете здесь постоянно?

— Именно так.

Старр окинул взглядом безрадостный пейзаж и нахмурился.

— Однако, малозаманчивая перспектива.

— Тем не менее, постараюсь устроить вас с комфортом.

Отшельник сунул руку за неприметный камешек на холме и плита сдвинулась снова. Края ее были идеально обработаны — герметичность превыше всего!

— Милости прошу, — Хансен сделал соответствующий жест.

Они вошли внутрь и створка закрылась. Флюоресцентная лампочка с потолка осветила небольшой шлюз — как раз на двоих.

Сбоку мигнул красный сигнал.

— Можете снять шлем, — произнес отшельник, отстегивая ремни.

Лакки последовал примеру и вздохнул полной грудью. Ого! Совсем неплохо. Намного лучше, чем на корабле.

Но когда открылась внутренняя дверь шлюза, у него действительно перехватило дух.

6. Что знал отшельник

Даже на Земле Лакки видывал немного комнат, сравнимых с этой по размерам, красоте и изяществу. Высокие, футов тридцать потолки, по периметру белый балкончик с золочеными перилами, ореховые полки, уставленные резными коробками с книгофильмами, проектор на элегантном пьедестале... В углу, на небольшой колонне, драгоценно мерцая, вращалась модель Галактики. Теплый свет делал комнату совсем домашней.

Ступив в зал, Старр почувствовал тягу псевдогравитационных моторов. Уровень притяжения чуть меньше земного давал восхитительное ощущение легкости.

Хозяин снял скафандр и повесил его над раковиной при входе; от тепла в белоснежную чашу заструился подтаявший иней. Отшельник оказался мужчиной рослым и подтянутым. Возраст выдавали седина и кисти рук, по-стариковски оплетенные венами. Глаза под кустиками седых бровей лучились радушием. Он учтиво обратился к гостю:

— Позвольте помочь вам разоблачиться.

— Ой, что вы! — очнулся Лакки. — Не стоит. — Быстро стянув скафандр, он развел руками. — Я глазам своим не верю!

— Недурна конурка? — Хансен улыбнулся. Сколько лет прошло, пока она стала такой. Сколько трудов и мозолей. — Голос хозяина наполнился тихой гордостью. — Собственно, это только малая часть моего домика.

— Я себе представляю! Ведь должны быть силовые установки для псевдогравитации, света и тепла. Должен быть очиститель воздуха. А еще запасы воды, продовольственные склады...

— Ну и еще кое-что.

— Бери свои слова обратно. Жизнь отшельника не плоха!

Хозяину было очень приятно это слышать — он даже разругнулся.

— Что ж мы стоим? Присаживайтесь, отдохните с дороги. Может, виски?

— Нет, благодарю вас, — Лакки опустился в кресло. Диамагнитное микрополе приняло его в свои объятия и все тело обволокло волшебный покой. — Если нетрудно — чашечку кофе.

— Один момент! — Старик бодро шагнул за ширму и через мгновение вернулся с двумя ароматно дымящимися чашками.

Он нажал кнопку в спинке кресла и из подлокотника выехала узкая полочка. Ставя чашку в круглое углубление на ней, Хансен вдруг задержался и внимательно взгляделся в молодого человека.

Лакки поднял бровь.

— Что-то не так?

Старик отвел взгляд.

— Нет, нет. Ничего.

Они сидели друг напротив друга. Хансен нажал какую-то кнопку и дальние углы комнаты погрузились в тень, оба кресла оказались в середине освещенного круга.

— Извините, старческое любопытство, — начал издалека хозяин. — Что вас привело сюда?

— Не привело — привели.

— Вы хотите сказать, что вы не один из... Э-э-э, — Хансен потерял термин.

— Нет. Я не из джентльменов удачи. Во всяком случае — пока.

Отшельник поставил чашку и заморгал.

— Я не знал. Кажется, я наговорил лишнего.

— Ничуть. Я как раз собираюсь сменить ремесло. Видите ли...

Лакки допил кофе и, тщательно подбирая слова, выдал рассказ от посадки на «Атлас» до приземления на камень.

Хозяин слушал, затаив дыхание. Откинувшись на спинку, он покачал головой.

— Эх, молодость, молодость... Неужели и теперь, после того, что вы увидели — а увидели вы немного, — вы уверены в своем выборе?

— Более чем когда-либо.

— Но почему, черт возьми?!

— Вот именно — черт возьми все это земное прозябание, все эти прокуренные конторы и будущую мирную кончину над бухгалтерским отчетом! Вы-то почему меня спрашиваете? Вы же сами ушли оттуда!

— О, это отдельная история. И очень длинная. Нет, нет, не тревожьтесь — я не стану ее рассказывать. А вкратце — так. Я купил этот астероид много лет назад. Хотелось иметь тихое местечко для пикников и каникул. Постепенно обстроился, перевез мебель, книгофильмы, любимые безделушки. И однажды обнаружил, что на Земле ничего моего не осталось. И решил не возвращаться.

— Что ж, по-своему вы правы. На Земле теперь сущий бардак. Сплошная рутина. Будь я постарше — наверняка поступил бы так же, как вы. Но, понимаете ли, — кровь-то кипит! Кроме свободы, мне нужен риск. И, конечно, я надеюсь стать боссом.

— А-а-а... Вот оно что... Послушайте-ка совет ветерана. Держите эти фантазии при себе. Настоящий босс в первую очередь уберет того, кто метит на его место. Вспомните Энтона.

— Ну, не знаю. Пока он держит слово. Обещал, если я осилю Динго, то получу шанс войти в команду. Похоже — этот шанс я получил.

— Вы получили мое общество и полную неизвестность впереди. Не более. А вдруг он вернется с доказательством, что вы человек правительства?

— Этого не будет.

— А вдруг? Ну, хотя бы для того, чтобы избавиться от вас?

Лакки помрачнел и опять Хансен изучающе всмотрелся в его лицо.

Старр тряхнул головой.

— Вряд ли. Да и незачем. Намного выгодней использовать меня в деле, чем свернуть шею. Однако! А что это вы мне мораль читаете? Можно подумать — вы проповедник, а не деловой партнер наших джентльменов!

Отшельник опустил глаза.

— Вы правы. Уж извините стариковскую назойливость. Одичал в одиночестве — болтаю невесть что. Кхе-кхе... Смотрите-ка, за беседой время пробежало — обедать пора. Приглашаю разделить со мной трапезу. Хотите — помолчим, хотите — сменим тему.

— Благодарю, мистер Хансен. И вы простите мою горячность.

— Вот и славно, вот и хорошо...

Они спустились в маленькую кладовку, сверху донизу заставленную всевозможными консервами и концентратами. Со всех сторон сверкали неведомые Лакки наклейки. Выбрав с полдюжины банок, включая концентрированное молоко и чистую воду, они вернулись в комнату.

Отшельник быстро накрыл стол и расставил приборы. Консервы были самонагревающегося типа, раскрывающиеся сразу в тарелку и оснащенные ножом и вилкой.

Хансен самодовольно постучал по банке.

— У меня целая долина, заваленная такими штуками. Двадцатилетние накопления.

Пища была весьма съедобной, но странноватой на вкус. Нигде в Галактике не было такого столпотворения людей, как на Земле, и чтобы прокормить миллиарды ртов, наладили производство продуктов на дрожжевой основе. На самых крупных венерианских плантациях имитировали все — от мяса до шоколада. Однако этот привкус Лакки был незнаком — он был порезче и отдавал мятой, что ли.

— Позвольте полюбопытствовать, — сказал он, орудуя вилкой. — Ведь все это требует денег? И немалых денег?

— Пожалуй. У меня капиталовложения ка Земле. Вроде

надежные. Еще пару лет назад мои чеки принимались без звука.

— А что стряслось два года назад?

— Прекратилось снабжение. Земным судам стало слишком опасно заходить сюда из-за пиратов. Это был ужасный удар. У меня-то хоть оставался приличный запас, но страшно подумать, как это отразилось на других.

— Других?

— Других отшельниках. Нас здесь сотни. Но счастливичков, вроде меня, — единицы. Остальные перебиваются с хлеба на воду. Кхе-кхе... Народ пожилой, бобыли или вдовцы, брошенные детьми. Ну, есть обманутые судьбой, обиженные на весь свет. У кого что. Правительству все равно, любой камень меньше пяти миль — ваш. Деньжата можно вложить в субэфирный приемник и следить за новостями. Или закупить книгофильмов на двадцать лет вперед. А можно тупо глядеть в угол и ждать смерти. Кому что нравится. Мне иногда хотелось с кем-нибудь из них познакомиться.

— И вы познакомились?

— Ни в коем случае. Эти люди ушли, чтобы закончить свои дни в одиночестве. Я и сам таков.

— Ну, хорошо. Как же вам удалось выжить в эти два года?

— Я же говорю — был приличный запас. При экономии можно растянуть на год. Мне казалось, что правительство не забудет обо мне и пришлет корабль. Но вместо торговцев через десять месяцев на камень высадились пираты.

— И вы связали с ними свою судьбу?

Хансен пожал плечами. Седые брови съехались к переносице в обед закончился в молчании.

Потом отшельник, прибрав стол, сложил пустые банки в контейнер и отправил в мусоропровод. Раздался приглушенный скрежет, и все стихло.

Старик пояснил:

— Псевдогравитация не действует в трубе для отходов. Одно дуновение воздуха — и банки вылетают в долину.

— Мне кажется, если прибавить воздушный напор, можно совсем избавиться от мусора.

— Можно-то можно... Я думаю, остальные так и делают. Но мне не хочется тратить лишний кислород. Да и металл не помешает — вдруг пригодится? А говоря откровенно — я уверен, что часть банок застрянет на орбите и будет кружить вокруг астероида. Противно, знаете ли. Ну-с, не желаете закурить? Нет? А я, с вашего позволения, закурю.

Он запалил толстую сигару и с наслаждением затянулся.

— Табак достать труднее всего. Теперь это редкое

удовольствие.

— Если я правильно понял — именно джентльмены удачи наладили вам снабжение?

— Да. Вода, топливо, запчасти — все.

— И что вы даете взамен?

Хансен сосредоточился на кончике сигары.

— Ну что... Много с меня не возьмешь. Они используют камень для своих нужд. Когда причаливает их корабль, я не сообщаю об этом полиции. Вообще не суюсь в их дела — так безопаснее. Иногда оставляют людей, вроде вас, после забирают. За это я получаю припасы.

— А как остальные отшельники?

— Не знаю. Возможно, их тоже подкармливают.

— Но это невероятный объем! Где они берут столько?

— Захватывают корабли.

— Чтобы прокормить всех отшельников и джентльменов у Земли кораблей не хватит.

— Ну, тогда не знаю.

— Не знаете или вам не интересно? Удобно же вы устроились. А ведь обед, который мы только что съели, скорее всего остался от какого-нибудь экипажа. Хозяева этих банок трупами кружат вокруг астероида, такого же, как ваш. Вы не думали об этом?

Хансен болезненно скривился и покраснел.

— Да-а, поделом мне, старому ослу. Нечего было дурацкие проповеди читать. Вы, юноша, совершенно правы. Но поймите и меня — что я могу сделать? Я не предавал правительство. Это меня предали! Я исправно плачу налоги, мой астероид зарегистрирован в Земном Бюро Внешних Миров — и меня же бросают на произвол судьбы. Ни защиты, ни воды, ни топлива — ничего!

Вы спросите, почему бы мне не вернуться на Землю? Но мне легче умереть, чем оставить этот дом! Здесь все — моя жизнь, старость и будущая могила. А мои книгофильмы?! Ведь здесь вся мировая классика, даже копии первых изданий Шекспира! Зачем мне жизнь без Шекспира? А?

И все же это было нелегкое решение. У меня есть связь с Землей по субэфиру. Есть маленький корабль для коротких рейсов на Цереру. Пираты знают об этом, но доверяют мне. Есть такая юридическая формула — соучастник после события преступления. Это про меня. У меня теперь нет выбора.

Я помогал им и по закону считаюсь пиратом. Это тюрьма, если не вышка. А ежели суд вытянет меня в обмен на свидетельские показания, то пираты мне этого не простят. Их

мечь найдет и на краю света, если правительство не обеспечит мне защиту.

— М-да-а... Похоже, вы попали в переплет...

— Вы думаете? — Отшельник метнул быстрый взгляд на Лакки. — А ведь я мог бы получить от правительства все гарантии. С вашей помощью.

— Что вы имеете в виду?

— А вы будто не знаете?

— Даже не догадываюсь.

— Хорошо. Я даю вам совет в расчете на вашу помощь.

— Да что за моя помощь, в самом деле?! Что я могу?

— Совет мой таков — убраться с астероида до того, как вернется Энтон.

— Ни за что! Я приложил столько усилий, чтобы проникнуть сюда, и теперь, на пороге новой жизни...

— Да бросьте вы. Если останетесь, то будете трупом. Вас не возьмут ни в какой экипаж — вы для этого не годитесь, мистер!

Лакки аж перекошило от возмущения.

— Какого черта!.. Нет, какого черта вы мне это говорите!!!

— Вот. Ну, конечно — вот оно опять. Когда вы сердиты — это очень заметно. Вы не Билл Вильямс. Скажи-ка лучше, сынок, кем ты приходишься Лоуренсу Старру из Совета Науки?

7. К Церере

Глаза Лакки сузились, мышцы напряглись; еще немного, и он начал бы на шаривать на боку отсутствующий бластер.

Строго контролируя свой голос, он спросил:

— Кто это?

— Не надо бы тебе со мной притворяться. — Старик, наклонившись вперед, сжал запястье Лакки. — Я хорошо знал Лоуренса Старра. Можно сказать, был его другом. Он как-то помог мне в одном опасном деле. Так вот, ты — копия он. Ошибки быть не может.

Лакки освободил руку.

— Бред какой-то. Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Послушай, сынок. Можешь не признаваться, если мне не доверяешь. В конце концов, с чего бы это мне доверять — я же на службе у джентльменов удачи. Но выслушай меня. Ты себе не представляешь всю мощь пиратской организации. Если Энтон подозревает тебя, то, будь уверен, его люди раскопают правду. Могут пройти месяцы, пока они не убедятся — тот ли ты, за кого себя выдаешь. Ты понимаешь, чем это тебе грозит? Улетай! И чем скорее — тем лучше.

Старр поглядел в потолок, побарабанил пальцами по подлокотнику и наконец произнес:

— Допустим, что я тот, о ком вы говорите. На минутку допустим. Ведь пираты вас просто съедят, если меня здесь не будет. Я так понял, что вы предлагаете мне свой корабль.

— Да.

— И что же получится, когда пираты вернутся?

— Ничего плохого. Разве ты еще не понял? Я полечу с тобой.

— Новое дело! А как же ваш дом, ваш Шекспир?

Хансен колебался.

— Ну да, ну да... Что ж делать-то, черт... Ведь другого шанса у меня не будет. Ты влиятельный человек, наверное — член Совета. Ты поручишься за меня перед правительством. А я уж выложу все, что знаю. Ну, решайся, сынок.

— Где корабль?

— Слава богу, ты внял голосу разума!

Корабль был действительно маленьким. Как и коридор, ведущий к нему. Отшельник и Старр в скафандрах еле протиснулись сквозь него.

— Церера видна в корабельный телескоп? — поинтересовался Лакки.

— Да.

— А вы ее узнаете?

— Конечно.

— Тогда вперед!

Как только заработали двигатели, пещера, скрывавшая корабль, разверзлась.

— Радиоуправление, — объяснил Хансен.

Судно поднялось со своего ложа и вышло в космос с легкостью, возможной только при отсутствии гравитации. Лакки внимательно рассмотрел астероид, перед глазами промелькнула долина банок, более светлая, чем окружающая местность. Наконец камень скрылся из поля зрения.

— Теперь ответь начистоту, — сказал Хансен, — ты ведь сын Лоуренса Старра, не так ли?

Лакки обнаружил заряженный бластер; пристегивая кобуру, он произнес:

— Меня зовут Дэвид Старр. Можно Лакки.

По сравнению с другими астероидами Церера была чудовищно велика — 500 миль в поперечнике. Средний человек, стоя на ее поверхности, весил целых два фунта! Камень был почти сферической формы и напоминал вблизи обычную планету. Однако если б Земля была полой, в ней поместилось бы четыре тысячи Церер.

В скафандре Бигмен выглядел кругленьким, как шарик. Напихав внутрь железяк и прицепив на подошвы свинцовые колодки, он все равно весил меньше четырех фунтов и при малейшем движении отрывался от астероида. Словом, с гениальной идеей потяжелеть ничего не вышло.

Уже неделю они — Генри, Конвей и Бигмен — ждали сегодняшнего дня. Ждали сообщения от Лакки. Старики нервничали, всю дорогу от Луны до Цереры места себе не находили. Бигмен был спокоен — Лакки пройдет через все. Когда сообщение пришло, малыш только руками развел — «А я что говорил!»

Но теперь, стоя на замерзшей почве Цереры, наедине со звездами, он мог признаться себе, что и у него словно камень с души свалился.

С того места, где он стоял, ему был виден сверкающий купол обсерватории, самой крупной в Земной Империи.

Венера, Земля и Марс были окутаны атмосферой и мало годились для астрономических наблюдений. Меркурий находился слишком близко к Солнцу и его небольшой телескоп специализировался на солнечных съемках. Лунная обсерватория занималась земной метеорологией. Церера же была лучшим местом для оптического слежения за космосом. Ее почти нулевое

притяжение позволило изготовить здесь огромные линзы и зеркала без угрозы растрескивания. Шахта служила стволом телескопа. Равномерное быстрое вращение астероида поддерживало постоянную температуру. Короче — астрономический рай.

Только вчера Бигмен наблюдал Сатурн в тысячедюймовый рефлектор, шлифование зеркал которого потребовало двадцати лет непрерывного труда.

— Ну, и куда нужно глаз вставлять? — поинтересовался он тогда.

Все засмеялись.

— Никуда!

Трое ребят тщательно настраивали фокус, подкручивая бесчисленные маховички и нажимая кнопки. Красные лампочки потускнели, и в черном колодце, вокруг которого колдовали астрономы, возник трехфутовый переливающийся шар.

Бигмен аж присвистнул. Это был Сатурн! Из космоса он наблюдал его не менее полдюжины раз.

Его тройное кольцо, сдвинутое набекрень, сияло. Маленькие луны мерцали как мраморные. Бигмен хотел, обойдя колодец, посмотреть, как ночная тень перерезает планету, но картина не менялась.

— Иллюзия, — сказали ему. — Оптический эффект.

Сейчас, с поверхности Цереры, Бигмен нашел Сатурн невооруженным глазом. Обычная звезда, может, раза в два ярче, чем остальные.

Внезапно шлем наполнился звоном — наушники были настроены на максимальную громкость.

— Эгей, карапуз! Заснул, что ли? Твой корабль снижается!

Бигмен сдуру подпрыгнул и, беспомощно брыкаясь, завис в воздухе.

— Кто говорит? — завопил он. — Кто сказал «карапуз»?

Наушники завибрировали от смеха.

— Ну, я говорю. А ты здорово летаешь, пузырек!

Бигмен прямо взвыл:

— Я тебе покажу «пузырек»!!! — Повисев среди звезд, он неохотно начал снижаться. — Назови свое имя, гаденыш! Дай только приземлиться, я уж найду тебя! Глотку перерву, зар-раза!!!

— Ге-ге. Табурет не забудь, а то не дотянешься до моей глотки! — послышался издевательский ответ.

Бигмен чуть не взорвался от таких слов, но тут на горизонте возник корабль. Испустив боевой клич, он неуклюже поскакал к посадочной площадке.

Дымя реактивными двигателями, суденышко мягко стало на

грунт; открылись шлюзы и на пороге появилась высокая, одетая в скафандр фигура Лакки. Вздвигнув на радостях, Бигмен сделал рекордный прыжок и припал к железной груди друга.

Конвей и Генри были гораздо сдержанней: похлопывали по плечам, жали руку, заглядывали в лицо, словно не веря своим глазам.

Лакки смеялся.

— Тпру-у! Дайте отдышаться! Что это вы меня все щиплете? Вы что же, не надеялись на мое слово?

— Ах, сукин сын, сукин сын! — качал головой Конвей. — Мог бы посоветоваться со старыми друзьями, хоть словечком бы намекнуть.

— Да, взлетел бы я тогда, как же!

— Ничего ты не понимаешь. Да я могу навечно отправить тебя на Землю. Да что на Землю, арестовать тебя надо за то, что ты сделал. Уж во всяком случае — выкинуть из Совета за самоуправство.

— Так к чему же я должен готовиться?

— К хорошей порке. Буду вправлять тебе мозги!

Лакки повернулся к доктору Генри.

— Вы же ему не позволите, дядюшка Гэс?

— Увы, мой друг — я ему помогу.

— Да-а-а, тогда я заранее сдаюсь, — Старр шутливо поднял руки и кивнул куда-то вбок. — А теперь, господа, я хотел бы представить вам одного достойного джентльмена.

Хансен все еще стоял в тени, несколько ошарашенный дурашливым разговором советников. В суете никто его не заметил.

— Доктор Конвей, — представил Лакки, — доктор Генри. Мистер Джозеф Патрик Хансен. Человек, любезно предоставивший мне свой корабль и оказавший существенную помощь.

Все обменялись рукопожатиями.

— Я полагаю, вы не слышали о Гекторе Конвее и Аугустусе Генри? — спросил Старр.

Отшельник отрицательно мотнул головой.

— Они занимают ключевые должности в Совете Науки, — продолжил Лакки. — После того, как вы перекусите и отдохнете, с вами поговорят. Все будет о'кей, я уверен.

Спустя час двое ученых сидели напротив Лакки с мрачайшим выражением на лицах. Доктор Генри, выслушав доклад, заправил мизинцем табачный лист в трубку и неспешно обронил:

— Ты говорил это Бигмену?

— Только что перекинулся двумя словами, — отозвался Старр.

— Он ругался, что его не взяли?

— Скорее, выказал легкое недовольство.

Мысли Конвея витали вокруг более серьезной проблемы.

— Значит, корабль сирийской постройки? — размышлял он вслух.

— Несомненно, — подтвердил Лакки. — Информация небольшая, но точная.

Советник сухо отрезал:

— Такая информация не стоила риска. Меня больше беспокоит другой факт — сирийцы проникли в самое сердце Земли — в Совет Науки.

Генри хмуро кивнул.

— Я тоже об этом подумал. Плохи дела.

— Как вы это установили? — спросил Лакки.

Конвей, треснув кулаком по колену, прорычал:

— Ты что, Лакки, все же видно без очков! Допустим, нечаянная утечка произошла от ремонтной команды. Ну и черт с ней! Ничего особенного, кроме самого факта снаряжения картографического корабля! Но ведь план заминирования был известен только членам Совета, да и то не всем! Что теперь делать — ума не приложу. С одной стороны — все советники многократно проверены, несомненно надежны, а с другой — кто-то из них, хуже того — из нас! — предатель.

Старр улыбнулся.

— Не надо так волноваться и голову ломать. Утечка информации была одноразовой и больше не повторится.

— О-о! А-а-а... Как это?

— Сирийское консульство получило сведения от меня.

8. В игру вступает Бигмен

— Ну, естественно, не напрямую. Очень аккуратно — через одного известного шпиона, — уточнил Лакки, когда ученые, не мигая, уставились друг на друга.

— Я не понимаю, — выдавил Генри, Конвей, казалось, лишился языка.

— Так было надо. Нужно было чисто сработать. Если бы пираты нашли меня на картографическом судне, то пристрелили бы как члена экипажа, не успевшего смыться на шлюпке с остальными. А путешествуя на mine, я выглядел как простак-безбилетник, не представляющий, куда его занесло. Улавливаете разницу?

— Ну и что? Они все равно могли раскусить твою двойную игру и застрелить. Что, как ты говорил, в скором времени и произошло бы.

— Вообще-то да. Почти произошло, — признал Старр.

Конвей наконец разразился громовой речью.

— А как же насчет первоначального плана?! Мы собирались изрывать базу или нет?! Бог ты мой! Только подумать — столько денег вложили в «Атлас», столько месяцев угробили...

— Да ладно уж. Взорвав базу, мы многого бы не достигли. Ангар пиратских кораблей существовал только в нашем воображении. На самом деле флот рассредоточен по всему поясу астероидов. Взрыв двух, трех кораблей — это ничто перед моим планом внедрения в бандитскую организацию.

— Но тебе и этого не удалось, — язвительно сказал советник. — Риску много, а толку, извиняюсь, — пшик!

— К сожалению, капитан Энтон оказался слишком неглуп, во всяком случае — дьявольски подозрителен. Это урок мне — не стоит их недооценивать. Но я не согласен, что все было впустую, — кое-что у нас уже есть. Во-первых, теперь мы точно знаем, что за пиратами стоит Сириус. Во-вторых, мой друг отшельник...

— А-а-а... Что он может знать, — горестно вздохнул Конвей. — Из того, что ты рассказал, вытекает, что он не имел серьезных дел с пиратами.

— Он может сообщить больше, чем сам думает, — невозмутимо возразил Лакки. — Наверняка он выложит интересные факты, которые позволят вам оценить по достоинству мой новый план.

— Ты не полезешь туда опять, — поспешно сказал ученый.

— И не собираюсь.

Конвей подозрительно прищурился.

— Где Бигмен?

— Вообще-то он уже должен быть здесь. — Легкая тучка набежала на лоб Лакки. — Меня уже беспокоит его задержка.

Джон Бигмен Джонс, показав охраннику спецпропуск, вошел в Башню Управления. Что-то бормоча себе под нос, он почти бежал по коридору.

Пунцовый румянец скрывал конопушки на его курносой физиономии. Рыжая шевелюра топорщилась словно колья деревенского забора. Лакки частенько посмеивался над его прической, говоря, что он специально делает такой зачес, дабы выглядеть повыше, но Бигмен сурово отвергал подобные инсинуации.

Последняя дверь распахнулась, Бигмен пересек луч фотоконтроля и шагнул в помещение.

На дежурстве было три человека. Один, в наушниках, возвышался у субэфирного приемника, другой — у компьютера, и третий — перед видеозэкраном радара.

— Не ждали! — вскричал Бигмен. — А ну, признавайтесь, который из вас, козлы, обозвал меня «карапузом»?!

Все трое дернулись и удивленно посмотрели на маленького горлопана.

«Первый» вытащил наушник из одного уха и сказал:

— Ты кто таков? Ты так громко верещишь, что даже я услышал.

Бигмен выпятил грудь и подбоченился.

— Меня зовут Джон Бигмен Джонс! Друзья кличут просто Бигмен! Для остальных — мистер Джонс. Кто-то из вас ошибся и назвал меня «пузырьком»! Я хочу знать — кто?!

Ответил все тот же «наушник»:

— Меня зовут Лэм Фикс. Можешь звать меня как угодно, но в другом месте. Если ты сейчас не отвалишь, я рассержусь и надеру тебе уши.

— Я понял, Лэм, — встрял парень у компьютера, — это тот придурок, который последнее время мотается в порту и мешает всем работать. Не теряй время, вызови охрану, и дело с концом.

— Вот еще, — откликнулся Лэм, — нас же на смех подымут — из-за каждого психа охрану зовут.

Он совсем снял наушники и, поставив приемник на режим автоответа, обратился к Бигмену:

— Ладно, сынок. Раз уж ты зашел сюда и задал вопрос, я тебе отвечу. Это я назвал тебя «карапузом», но погоди сходить с ума. Тут была особая причина. Ты же сам знаешь, что на самом деле ты здоровенный мужик. Просто верзила. То есть — длинный, как

жердь. Вот ребята и засмеялись, когда услышали «пузырек».

Улыбаясь, фикс полез в карман брюк и вынул пачку сигарет.

— Спускайся, умник! — стоял на своем Бигмен. — Давай сюда и пошутим вместе!

— Самообладание, дружок, — отвечал Лэм, щелкая зажигалкой. — Лучше ты ползи сюда и покури с нами. Смотри-ка — кинг-сайз! Такие же длинные, как ты. Только будь осторожен, а то не ты выкуришь сигарету, а сигарета выкурит тебя!

Двое дежурных заржали.

Бигмен побагровел, как вареный рак. С трудом выпихивая из себя слова, он спросил:

— Так ты не хочешь драться?

— Разве не видишь — я курю? Жаль, что ты не присоединяешься. И потом — я не связываюсь с детьми.

Ухмыльнувшись, он поднес сигарету ко рту для затяжки, но... пальцы были пусты! Покрутив ладонь перед глазами, Фикс изумленно уставился на малыша.

— Лэм, берегись! — крикнул парень у экрана. — У него иглопистолет!

— Всего лишь баззер, — прорычал Бигмен.

Это было существенное различие. Пули баззера применялись для тренировочных стрельб, рассыпались при ударе и никакого особого вреда, кроме резкой боли, не причиняли.

Фиксова ухмылка моментально слетела. Перегнувшись через защитный бортик, он завопил:

— Аккуратней, ты, полоумный. Ты же мог меня ослепить!

Бигмен все еще держал прицел. Узкий ствол баззера выглядывал из-за указательного пальца.

— Не дрейфь, салага! Глаз не выбью, но сидеть долго еще не будешь! А вы, козлы, — кинул он через плечо остальным, — сунетесь к сигналу тревоги — получите по пальцам!

— Чего ты хочешь? — спросил Лэм.

— Спускайся вниз и дерись со мной.

— А баззер?

— Считаю, что его нет. Кулачный бой. Честная схватка. Козлы будут секундантами.

— У нас разные весовые категории. Я не могу ударить парня, который меньше меня!

— Тогда не надо никого задевать! И запомни — я не меньше тебя! Не суди обо мне по наружности — внутри я побольше многих. Ну так как? Считаю до одного. — И он снова прицелился, щуря глаз.

— О-о-о, мать твою!!! — выругался Фикс. — Я спускаюсь! Вы свидетели — он меня вынудил! Постараюсь не сломать чего-

нибудь этому идиоту!

Он прыгнул со своего насеста и встал напротив Бигмена, который даже не принял боевую стойку и ждал противника чуть ли не руки в карманах.

Фикс выкинул вперед руку, словно хотел взять ковбоя за шиворот и вывести вон. Бигмен без труда увернулся и неожиданно, почти не пригибаясь, двинул тому головой в солнечное сплетение. Лэм осел на пол, хватая воздух зеленым ртом.

— Что это с тобой? — участливо поинтересовался Бигмен. — Вставай, а то простудишься.

Секунданты молчали как замороженные.

Фикс медленно встал на ноги. Теперь он приближался осторожнее. Квадратные глаза горели обидой. Удар правой! Мимо. Апперкот! Опять не достал! Смертельный хук — коронный номер!!! Кулак пропорол воздух и рука чуть не выдернулась из плеча. Да что ж это такое?! Бигмен волшебным образом уходил от всех ударов, даже не поднимая рук, даже не особенно далеко отпрыгивая.

Взревев, Фикс кинулся на обидчика, беспорядочно суча кулаками. Бигмен сделал шаг в сторону и, встав на цыпочки, влепил звонкую пощечину. На щеке Фикса ясно загорелись отпечатки пальцев. Пока оглушенный противник тормозил, Бигмен молниеносно сгруппировался, подпрыгнул вверх и треснул того сразу в оба уха. Квадраты глаз потухли и самоуверенный дурень обрушился на кафельный пол.

Одновременно вдали грянул сигнал тревоги.

Бигмен спокойно развернулся на каблуках и толкнул дверь. В коридоре он, посторонившись, пропустил бегущую навстречу взволнованную охрану, прибавил шагу и вышел из Башни.

— А почему, — удивился Конвей, — мы ждем Бигмена?

— Я вижу ситуацию так, — ответил Лакки. — Самое главное для нас — информация о пиратах. Не слухи, а точные сведения. Я попытался их получить, но засветился. Теперь меня там каждая собака знает. Но — у нас есть Бигмен. Компромата на него не выудишь. Идея моя такова — мы фабрикуем на Бигмена уголовное дело, объявляем розыск, а он удирает с Цереры на корабле отшельника.

— Боже милостивый!!! — простонал Конвей.

— Вы дослушайте! Бигмен летит на астероид Хансена. Если пираты там — хорошо. Если нет — он оставляет корабль на виду и ждет их внутри. Благо там уютно и еды навалом.

— Ага, придут пираты, — сказал Генри, — и шлепнут нашего друга.

— Ни за что! Они не сделают этого из-за корабля Хансена. Им нужно будет разузнать: куда исчез отшельник, не говоря обо мне; откуда свалился Бигмен, где и как он захватил судно; вообще восстановить всю цепь событий. У Бигмена будет время потолковать с ними.

— А как он объяснит свое появление именно на этом астероиде?

— Никак. Координаты он нашел в вахтенном журнале, видит — подходящий камень недалеко от Цереры, вот и решил там переждать, пока переполох утихнет.

— Все-таки это большой риск, — проворчал Конвей.

— Бигмен знает. Но рисковать надо. Земля недооценивает угрозу...

Лакки прервал себя — на коммуникационном пульте загорелась сигнальная лампа. Конвой нетерпеливо включил анализатор, прислушался, затем оживленно произнес:

— Ого, это на частоте Совета! Клянусь, нам шифровка!

Советник вынул из бумажника металлическую пластинку и сунул ее в узкую щель сбоку пульта. Пластинка была дешифратором на кристаллах вольфрама. Точно такая же пластинка, но с обратной функцией, стояла сейчас на другом конце связи.

Дешифратор полностью вошел в щель и на дисплее появилось цветное изображение.

Лакки вскочил на ноги.

— Бигмен?! Бигмен, разрази тебя гром! Как ты туда попал?

Бигмен на экране проказливо подмигнул.

— Ну, как попал... Завел драндулет и улетел. Я недалеко — в сотне тысяч миль от Цереры, на корабле отшельника.

— Опять твои фокусы, Дэвид! — яростно зашипел Конвей. — А говорил, что Бигмен с минуту на минуту должен прийти!

— Я и сам так думал, — шепотом ответил Старр и громко продолжил. — Что случилось, Бигмен?

— Ты сказал, что надо действовать быстро, и я решил скорей проверить это дело. Один лопух из Башни Управления сам нарвался на пару жареных, так что я рванул на законных основаниях. — Он хихикнул. — Спроси охрану.

— Это не самый разумный ход, — спокойно сказал Лакки. — Попробуй теперь убеди пиратов, что ты способен побить человека. Пойми меня правильно — с виду ты хлипковат для такой работы.

— Ничего, нокаутирую парочку-другую — поверят! Вообще-то я не за этим вас вызвал.

— Что такое?

— Как попасть на астероид этого парня?

Лакки нахмурился.

— Ты смотрел вахтенный журнал?

— Не то слово. Все обнюхал, даже под матрас заглядывал. Нигде никаких записей.

Старр обескураженно почесал затылок.

— Та-а-ак. Странно. Даже хуже, чем странно. Слушай, Бигмен, — Лакки заговорил быстро и резко, — выровняй скорость, дай свои координаты и держись на постоянном расстоянии от Цереры. Ты еще близко от нас и пираты тебя не будут беспокоить. Ты понял?

— Так точно. Сейчас даю координаты.

Лакки занес цифры в блокнот и отключил связь.

— Век живи — век учись. Сколько раз себе говорил — не делай предположений!

Доктор Генри сочувственно попыхтел трубкой и произнес:

— Не лучше ли вернуть Бигмена? Пока у нас нет координат, надо бы отказаться от дела.

— Отказаться?! Отказаться от единственного камня, о котором мы точно знаем, что он пиратская база? Вы знаете какой-нибудь другой? То-то, и я не знаю! Надо во что бы то ни стало его найти!

Конвей тряхнул сединами.

— Здесь он попал в точку, Гэс. Это наш шанс. Лакки энергично пощелкал выключателем селекторной связи.

Прорезался заспанный голос Хансена.

— Алло! Кто это?

— Говорит Лакки Старр. С добрым утром, мистер Хансен. Извините за беспокойство, но я бы просил вас срочно спуститься в кабинет доктора Конвея.

После паузы отшельник ответил:

— Конечно. Но я не знаю дороги.

— Попросите охранника перед вашей дверью, он вас проводит. Я сейчас ему передам. Успеете за две минуты?

— За две не успею. Успею за две с половиной, — Хансен как будто совсем проснулся.

— Ждем вас.

Лакки встретил гостя в дверях. Задержавшись, он спросил сопровождающего охранника:

— Сегодня ночью был какой-нибудь шум? Нападение или... ну, сам понимаешь?

Охранник разинул рот.

— Однако, сэр! Пострадавший отказался выдвинуть обвинение — говорит, что была честная схватка.

Старр закрыл дверь и усмехнулся.

— Этого следовало ожидать. Ни один нормальный человек не признается, что наш малыш его отметелил. Но ничего, я попозже позволю властям, они заставят написать обвинение... Э-э, мистер Хансен.

— Да, мистер Старр?

— Мне не хотелось, чтобы наш разговор прослушивали по селектору. Дайте нам координаты вашего астероида, как стандартные, так и временные, будьте добры.

Старик округлил глаза.

— Вы мне не поверите, но я действительно не знаю.

9. Астероид, которого не было

Лакки выглядел совершенно спокойным.

— Вы правы, я вам не верю. Вы должны знать свой собственный адрес.

Отшельник виновато похлопал ресницами и мягко сказал.

— Увы. Тем не менее я не знаю.

— Если этот человек нарочно... — вскипел Кон вей.

Лакки перебил его:

— Терпенье, дядюшка! Я думаю, у мистера Хансена найдутся объяснения.

Все устали на отшельника, ожидая, что он скажет.

Космические координаты выполняли функции долготы-широты на двухмерной поверхности планет. Однако в трехмерном пространстве, когда тела движутся во всех возможных направлениях, координаты вычислить сложнее.

Была основная, нулевая точка отсчета. Внутри Солнечной системы это было Солнце. Первая координата являлась расстоянием от Солнца до объекта, вторая и третья — угловыми измерениями, определявшими позицию объекта к воображаемой линии, соединяющей Солнце и центр Галактики. Зная эти координаты, зафиксированные через определенные промежутки времени, можно было вычислить траекторию движения объекта.

Корабли определяли свои координаты по отношению к Солнцу или к любому крупному телу. Например, на лунных линиях — маршрут Земля-Луна, за нулевую точку принималась Земля. Собственные координаты Солнца вычислялись от центра Галактики и Первичного Меридиана. Это было важно при межзвездных перелетах.

Что-то в этом роде должно было пронестись в голове отшельника, пока советники молча наблюдали за ним.

— Я готов ответить, — сказал Хансен.

— Мы ждем, — подтвердил Лакки.

— Я не вычислял координаты пятнадцать лет. Путешествуя на Цереру и Весту за припасами, я использовал локальные цифры. Строить таблицы не было надобности. Отсутствие занимало два-три дня, и мой камень не мог улететь далеко. Он плывет с потоком, что медленнее Цереры. Когда я возвращался, астероид относилось всего лишь на сотню тысяч миль, его всегда было видно в корабельный телескоп. Курс я подправлял на глазок. Так что я никогда не пользовался стандартом.

— Более-менее правдоподобно. — Старр махнул рукой. — Теперь скажите, вы сможете сейчас вернуться на камень? У вас

есть локальные координаты?

Хансен пожал плечами.

— К сожалению, нет. Все было в спешке, я и не думал туда возвращаться.

Генри усиленно засопел трубкой.

— Подождите! Подождите, мистер... э-э... Хансен. Когда вы брали астероид в собственность, вы должны были заполнить заявку в Бюро Внешних Миров. Так?

— Да. Это была пустая формальность.

— Не скажите. Там должны быть записаны координаты.

Отшельник немного подумал, потом покачал головой.

— Вряд ли это поможет. Они записали только стандартные координаты, установленные на 1 января того года. Вроде кодового номера на случай оспаривания собственности. А из одной серии цифр орбиту не вычислишь.

— Но остальные данные должны быть у вас. Вы же часто летали туда-обратно в начале своего владения астероидом.

— Последний раз я летал на Землю пятнадцать лет назад. Все записи того времени остались на камне.

Карие глаза Лакки затуманились.

— Так. Пока все, мистер Хансен. Охранник вас проводит. В свое время мы вас вызовем. И еще, — добавил он, когда отшельник поднялся, — если что-то вспомните — дайте нам знать.

— Непременно, мистер Старр.

Дверь закрылась и советники остались одни. Лакки быстро щелкнул выключателем пульта.

— Дайте мне канал для передачи.

Из Центра связи ответили:

— Предыдущее сообщение было для вас, сэр?

Я не смог расшифровать его, поэтому...

— Вы правильно сделали. Связь, пожалуйста. Настроив передатчик па координаты Бигмена.

Старр вложил в щель шифратор.

— Бигмен, — сказал он, когда тот возник на экране, — открой вахтенный журнал.

— У тебя появились данные, Лакки?

— Пока нет. Открыл журнал?

— Угу.

— Poiщи там обрывок, листок с цифрами.

— Так, так. Есть. Вот он.

— Ну-ка, покажи мне его. Держи прямо. Переписав вычисления в блокнот, Лакки кивнул.

— Порядок. Можешь убраться. Теперь сиди на месте и жди

следующей связи. Все. Я отключаюсь. — Экран потух и Старр повернулся к старшим коллегам. — Я прокладывал курс от камня до Цереры на глаз. Раза три или четыре делал коррекцию, используя телескоп. Вот мои вычисления.

— Я полагаю, ты собрался делать обратные расчеты? — спросил Конвей.

— Да. С помощью обсерватории мы найдем астероид.

Советник тяжело поднялся с кресла.

— Мне все-таки кажется, ты излишне оптимистичен. Но делать нечего, пойдем.

Обсерватория находилась на полмили выше комнат Совета. Здесь было намного прохладней, чем внизу, — температуру старались держать постоянной и максимально приближенной к температуре поверхности.

Молодой техник занялся распутыванием вычислений Лакки и вводом их в компьютер.

Доктор Генри калачиком свернулся в неудобном кресле, пытаясь согреться теплом трубки. Сжимая ладонями ее горячую чашку, он пробубнил:

— Дай бог, чтоб из всего этого вышел толк.

— Не помешало бы, — отозвался Лакки, изучая противоположную стену. — Знаете, о чем я подумал, дядя Гектор? А ведь в нынешнем пиратстве есть некоторая малообъяснимая странность.

Конвей повернул голову.

— Ты имеешь в виду их неуловимость?

— И это тоже. Я имею в виду, что пираты хозяйничают только в поясе астероидов.

— Что ж, они многому научились и стали осторожнее. Двадцать пять лет назад они шастали аж до Венеры и правительство провело против них наступательную кампанию. Теперь пираты держатся пояса камней и Земле дешевле избегать полетов через опасное место.

— Да. Но тогда как они поддерживают снабжение? Капитан Энтон хвастал про сотни кораблей и тысячи убежищ. Хансен говорил о сотнях отшельников, которых подкармливают пираты. И одновременно — явное сокращение числа нападений на торговый флот. Моя версия такова: пираты сами разводят дрожжевые культуры.

Один из них, Мартин Мэню, рассказывал мне, что дежурил у цистерны. У Хансена я пробовал пищу из дрожжей, так она явно не с Венеры. Воду и кислород можно получить на спутниках Юпитера, а углекислый газ — из любого известняка. Оборудование и горючее импортируется с Сириуса. И, наконец,

боевые рейды обеспечивают новых рекрутов и — женщин. Да, тот же Мэню сообщил мне о своей семье. Вот так!

Сопоставив все эти факты, мы приходим к жутковатому выводу — Сириус создает внутри Земной империи свою инфраструктуру. Используя недовольных, которых всегда навалом, Сириус вырастил у нас под боком целую армию негодяев, готовых на все. Такой властолюбивый мерзавец, как Энтон, не задумываясь отдаст пол-империи, чтобы оставить за собой другую половину!

Советник передернул плечами.

— Бр-р-р. Однако, у тебя масштаб! Жаль, фактов маловато, чтобы убедить правительство на решительные действия. У Совета Науки есть самостоятельность, но нет, увы, своего флота.

— Именно поэтому нам нужно быстрее добыть информацию. Если мы еще не опоздали, можно поправить положение, доказав связи лидеров пиратства с Сириусом.

— Ну?

— Есть одна мысль... Я убежден, что рядовой джентльмен удачи, при всем своем недовольстве Землей, ни за что не захочет воевать с ней на стороне Сириуса. Обнаружив, что командиры обманом заманили его, он скорее свернет начальству шею, чем ввяжется в губительную авантюру.

Лакки замолчал, заметив приближающегося техника. Тот держал в руке прозрачную ленту, заполненную компьютерным кодом.

— Послушайте, — начал техник, — а вы уверены, что дали мне верные цифры?

Старр приподнял брови.

— Конечно уверен. А в чем дело?

Техник покачал головой.

— Дело в том, что ваш камень оказался в запретной зоне. Этого быть не может.

Известие поразило Лакки. Техник прав — в запретной зоне камня быть не могло. Зона — это некое пространство внутри пояса астероидов, в котором, будь там хоть один камень, он обращался бы вокруг Солнца ровно за одну двенадцатую периода обращения Юпитера. Раньше так и было: камень и Юпитер каждые несколько лет сближались в одной и той же точке и притяжение Юпитера стаскивало астероид с запретной орбиты, пока за два миллиарда лет в зоне ни одного камня не осталось.

— А ты уверен в своих вычислениях? — с надеждой спросил Лакки.

Техник пожал плечами, как бы говоря: «Я-то свое дело знаю». Слух же он сухо произнес:

— Можете проверить с помощью телескопа. Тысячедюймовый занят, по он нам и не нужен. Для работы с близкими объектами можно использовать и поменьше. Не пройдете ли со мной?

В обсерватории было тихо, как в храме, телескопы всевозможных видов казались алтарями; в полутьме мерцали огоньки, люди склонившиеся над оптикой, не обратили на вошедших никакого внимания.

Техник провел советников в одно из крыльев помещения.

— Чарли, — обратился он к лысоватому человеку, — можешь поработать на «Берте»?

— Зачем? — Чарли оторвался от испещренных звездами фотоснимков.

— Хочу проверить эту точку. — Техник протянул компьютерную ленту.

Чарли взглянул на нее и раздраженно фыркнул.

— Тебе что — делать нечего?! Я и так знаю, что там пусто — зона.

— И тем не менее, Чарли, тебе придется проверить. Задание Совета.

— О-о! — Астроном сразу засуетился. — Сию минуту, господа.

Он врубил тумблер, послышалось негромкое жужжание моторов, далеко наверху отъехала защитная крышка и огромный стодвадцатидюймовый глаз «Берты» уставился в небеса.

— В основном, — пояснил Чарли, устраиваясь в подвесной люльке телескопа, — мы используем «Берту» для фотографирования. Церера вращается так быстро, что круглосуточные оптические наблюдения невозможны; хорошо, что ваша точка сейчас как раз над горизонтом.

Чарли прильнул к окуляру и начал поиск. Он передвигался за стволом телескопа, словно на хоботе гигантского железного мамонта. Все выше и выше. Наконец Чарли отыскал нужный сектор и навел фокус.

Помахав рукой со своего насеста, он быстро соскользнул вниз по настенной лестнице и нажатием кнопки обнажил скрытый в стене экран. Еще одно нажатие — экран на мгновение вспыхнул и залился бездонной чернотой. Пусто.

— Это и есть ваша точка, господа. — Чарли взял линейку и дал короткую справку. — Все звезды затемнены фазовой поляризацией. Видите искорку справа? Это Метис, довольно большой камень. Поперечник — двадцать пять миль, удаленность — два миллиона миль. Вот еще несколько искорок, но и они далеко — не менее миллиона миль от вашей точки, то есть вне зоны. Вот так.

— Благодарю вас, — сказал Лакки. Он был ошеломлен.

— К вашим услугам. Рад был помочь.

Назад возвращались в полном молчании. Уже в лифте Лакки сдержанно произнес: Нет, этого не может быть.

— Почему — нет? — усомнился доктор Генри — Просто твои цифры оказались неверны.

Старр отрицательно покачал головой.

— Нет. Ошибки быть не могло. По этим цифрам я долетел до Цереры.

— Ты делал коррекцию на глаз и, может, забыл вписать ее...

— Нет, я не мог этого сделать. Не мог... Постойте! — Лакки замер, глаза его остекленели. — О, дьявол!!!

— Что такое? — вздрогнул Генри.

— Все получается! Ах, черт, я все-таки ошибся! Это не начало игры, это ее конец. И может, быть слишком поздно!

Лифт мято затормозил, двери раскрылись. Лакки пулей вылетел вон.

Конвей еле догнал его и, развернув за локоть, зачастил.

— Что? Что? Что случилось?

— Я улетаю. Даже не думайте удержать меня. Если не вернусь — всеми силами, любыми доводами заставьте правительство начать подготовку к войне. И быстрее — не позже осени этого года Сириус нанесет первый удар.

— С чего ты это взял? Из-за того, что ты не смог найти камень?

— Да.

10. Астероид, который был

Бигмен, Генри и Конвей прибыли на Цереру на корабле Лакки — «Метеоре», чему тот был несказанно рад. Теперь он мог выйти в космос на своем корабле, почувствовать под ногами родную палубу сжать в руках привычные рычаги управления!

«Метеор» был построен специально для Лакки в прошлом году в награду за его подвиги на Марсе. Внешне грациозный и элегантный, напоминающий скорее прогулочную яхту, на самом деле он был хоть и небольшим, но мощным, суперсовременным космическим кораблем. Всего в два раза превышая шлюпку Хансена, он выглядел роскошной игрушкой какого-нибудь богача, возможно сверхскоростной, но тонкой и хрупкой — не привычной к сильным ударам. Определенно, он не тянул на судно на котором стоит близко подходить к астероидам.

Однако стоило заглянуть внутрь, и первое впечатление рассеивалось как дым. Сверкающие гиператомные двигатели не уступали по мощности двигателям тяжелых крейсеров. Энергетический запас неисчерпаем, а гистерезисная защита обеспечивает безопасность при любой атаке, разве что не может устоять против снарядов линкора. Словом, в своей весовой категории «Метеору» не было равных.

Неудивительно, что Бигмен прыгал от радости, выйдя из воздушного шлюза и скинув скафандр.

— Что б его, Лакки, — кричал он. — Как я рад выбраться из этой колымаги! Чего с ней делать-то будем?

— Скоро подойдет буксир и заберет ее.

Они находились на расстоянии ста тысяч миль от Цереры, отсюда она выглядела раза в два меньше Луны.

— А скажи мне, Лакки, такую вещь — почему ты решил идти на это дело вдвоем? Мы же договорились, что ты остаешься на базе. Что изменилось?

— Все изменилось. У нас нет координат. — И с мрачным видом Лакки поведал события последних часов.

Бигмен присвистнул.

— Хорошенькое дело! И куда же мы теперь?

— Сначала на то место, где должен был бы быть камень отшельника. — Взглянув на мигающие шкалы приборов, Старр добавил: — И побыстрее.

Насчет «побыстрее» Лакки не шутил. «Метеор» рванул с места в карьер. Ускорение вжало друзей в диамагнитные кресла, которые несколько сдерживали нарастающую с каждой секундой тяжесть. Чувствительные к перепадам давления аэродатчики

насытили воздух кислородом, что предотвратило кислородное голодание, неизбежное при таких перегрузках. Кроме того, тела их облегали специальные g-скафандры — обычно эластичные и легкие, при сильном ускорении они затвердевали, надежно защищая грудную клетку и позвоночник. Особый нейлоновый кушак предохранял от нежелательных воздействий область живота.

Все эти приспособления, спроектированные учеными Совета, позволяли «Метеору» набирать скорость на 20–30 % быстрее любых самых современных лайнеров. Сейчас хоть ускорение и было велико, но вес же еще в два раза ниже максимально возможного.

Когда скорость выровнялась, «Метеор» был в пяти миллионах миль от Цереры, которая уже затерялась среди ярких звезд.

— Чуть кишки не вылезли... Кстати, Лакки — а твой щит с тобой?

Лакки кивнул и Бигмен неожиданно возбудился.

— Ты меня извини, Лакки, но ты хоть и здоровый, но тупой как шпала! Какого черта ты не одел его, когда полез к пиратам?

— Он был все время при мне, — спокойно возразил Старр. — С того дня, как марсиане подарили его.

Во всей Галактике только они — Бигмен и Лакки — знали, что марсиане не были анекдотичными простофилями с ферм. Это была древняя раса, прямая наследница высших цивилизаций. В эпоху, когда Марс потерял кислород и воду, жители ушли в глубину планеты. Оставив свои материальные тела, они продолжали существовать там в виде астральной энергии и стали недоступны для человечества. Один Лакки Старр чудом проник в их твердыни и вынес оттуда сувенир — то, что именовалось «мерцающим щитом».

Бигмен продолжал бухтеть.

— Нет, ты какой-то ненормальный — у тебя такая вещь, а ты не носишь.

— Что ты знаешь о щите! Эта штука не всемогуща — не накормит, не напоит и пот не оботрет.

— Ну и что. Зато в драке выручит.

— И в перестрелке тоже. Но и тут есть предел — кузнечный молот раздавит и артиллерийский снаряд пробьет. А воздух вообще проходит насквозь. Так что, если бы Динго разбил тогда лицевое окошко, — меня бы с тобой сейчас не было.

— И все-таки если бы ты одел щит — все пошло бы иначе. Я-то помню, — Бигмен хихикнул, — какой ты вернулся тогда, на Марсе. Все сияло вокруг тебя, даже лица не было видно — один шар света.

— Дешевый эффект, — сухо процедил Лакки Что толку, если б я напугал их. Пираты сбежали бы с «Атласа» и взорвали бы корабль. Конец — один. Не забывай — щит он и есть щит. Не больше не меньше. Он — не оружие, а доспехи.

— Так что, пусть он теперь пылится, что ли? — воскликнул Бигмен.

— Не волнуйся, надо будет — щит сработает на все сто. Чем позже враг прознает о нем, тем больше он произведет эффекта. — Лакки взглянул на приборы — Приготовься-ка к ускорению, приятель.

— А-о-у-а — только и успел пискнуть Бигмен.

На этот раз «Метеор» пошел на полном ходу. Бигмен почувствовал, как красная волна заливает глаза и кожу стягивает с костей. На пятнадцатой минуте он потерял сознание.

Когда он пришел в себя, Лакки тряс головой и хрипло дышал.

— Ну у тебя и шутки... — простонал Бигмен.

— Какие шутки, — засипел Лакки. — Но дело сделано — мы оторвались.

— От кого?

— А вот — сам взгляни, — Старр ткнул пальцем в эргограф.

Бигмен взял в руки ленту.

— Ничего особенного.

— А ты посмотри, что было полчаса назад.

Лакки развернул бумажный цилиндр. Графики напоминали Гималаи.

— Видал? Они шли за нами чуть ли не от Цереры. А как тебе эти синусоиды?

Бигмен важно покивал головой.

— Что-то такое я видел.

— Э-эх. Что ты мог видеть... Я и сам их вижу во второй раз. Корабль сирианской постройки.

— Ты думаешь, это был Энтон?!

— Или его приятель. Но плевать — на скорости мы делаем их как хотим.

— Так, так, — оживился Лакки. — Вот мы и на месте. Где-то здесь был камень отшельника.

— Вроде ничего нет, — отозвался Бигмен, вглядываясь в экран.

— По всем законам физики тут не может быть астероидов — мы в запретной зоне.

— Мог бы это и не говорить, — Бигмен принял умный вид. — Сам вижу, что в запретной.

Старр улыбнулся. Видеть-то было нечего. Вокруг горели обычные звезды. Что были бы здесь камни, что нет —

невооруженным глазом отличить их от звезд на расстоянии практически невозможно. Разве только наблюдать кряду несколько часов — тогда еще можно заметить, что астероиды в отличие от звезд перемещаются по небосводу.

— Ну и что будем делать? — любопытствовал Бигмен.

— Осматривать окрестности. Побродим туда-сюда несколько дней.

«Метеор» вышел из зоны и направился к ближайшему скоплению камней. Один крошечный мир за другим выплывал на видеоэкраны, задерживался на полный оборот и вновь исчезал в безднах космоса. Лакки сбавил скорость, корабль чуть ли не полз, но все равно сотни тысяч миль складывались в миллионы, часы в дни, астероиды сменяли друг друга...

— Ты бы поел что-нибудь, — предложил Бигмен Лакки.

Не отрываясь от экрана, Старр автоматически прожевал бутерброд. Трое суток он спал урывками, на короткое время допуская Бигмена к дежурству.

Наблюдая очередной астероид, Лакки вдруг напрягся и глухо скомандовал:

— Спускаемся.

Приказ застал Бигмена врасплох.

— Это тот камень?! — Он прилип к изображению. — Какой-то угловатый...

— Тот или не тот — причаливаем. Надо проверить. Полчаса заняли маневры и «Метеор» поместился в тень астероида.

— Держи его здесь, — давал инструкции Лакки, — с выключенными огнями и приглушенным двигателем. Тогда пиратам будет трудно тебя найти. Эргометр сейчас на нуле, так что рядом их нет. Понял?

— Так точно.

— Далее. Не спускайся вниз ни в коем случае. Закончу — вернусь. Если через двенадцать часов не выйду на связь, сфотографируй камень со всех сторон и возвращайся на Цереру.

Бигмен набычился и упрямо скрипнул:

— Ни за что!

— Это приказ. — Старр вынул из внутреннего кармана личную капсулу. — Здесь закодированный рапорт для доктора Конвея. Только он может вскрыть ее. Информация должна быть доставлена независимо от того, что станет со мной. Понял?

Бигмен не шелохнулся.

— Что в рапорте?

— К сожалению только гипотезы. Я вернулся сюда, чтобы подтвердить их фактами, поэтому никому ничего не говорил. Но и без фактов гипотезы тоже кое-чего стоят. Конвей сможет

убедить Совет и Правительство. Бери.

— Нет. Я не оставлю тебя, Лакки!

— Послушай, Бигмен, — Лакки начал терять терпение. — Я должен быть уверен, что все будет сделано так, как надо. В противном случае впредь я не смогу на тебя рассчитывать.

Бигмен закусил губу, но руку все-таки протянул. Капсула легла на его ладонь.

Лакки падал на астероид, подгоняя себя пистолетом-ускорителем. Вообще-то камень был похож на тысячи остальных. Все они были примерно одного цвета, на каждом были горы.

Но существовала одна деталь, повторение которой почти исключалось.

Приземлившись, Лакки достал инструмент, похожий на компас. Это был карманный радар. Заключенный в нем источник мог посылать радиосигнал и фиксировать отраженные волны с любого расстояния. Перед Старром стояла задача — найти пустоты в камне. И тут радар был незаменим. В случае, если на астероиде была полость, импульс частично проникал в нее и отражался от внутренней поверхности. Стрелка прибора реагировала на это характерным двойным колебанием.

Поглядывая на прибор, Лакки легко перепрыгивал через хребты и долины. Наконец пульсирующая стрелка сбилась с ритма — колебание раздвоилось. Есть! Сердце Лакки заколотилось. Астероид имел пустоты! Старр потел осторожнее — там, где вторичный сигнал будет наиболее сильным, надо искать воздушный шлюз.

Все внимание Лакки сосредоточилось на стрелке. Он и не заметил толстый магнитный кабель, змеящийся из-за скалы к его ногам.

Когда же заметил — было поздно. Кабель, как удав, мгновенно обернулся кольцами вокруг его скафандра, сжал до хруста и, приподняв, со всего размаха обрушил на камни.

11. Ближний бой

Скрученный кабелем, поверженный Лакки увидел три фонаря, возникших над ближним холмом. В темноте ночи фигуры были неразличимы.

Затем в наушниках послышался до боли знакомый голос.

— Лежи и не дергайся, — прохрипел Динго. — Позовешь приятеля сверху убью на месте. При мне джиггер я быстро найду твою передающую волну, шпик! Последнее слово он прямо выплюнул, словно ржавую слюну.

Лакки и не дергался — нечем. И Бигмена вызывать было ни к чему — делу это не поможет.

Динго стоял над ним, расставив ноги. В тусклом свете фонаря Старр разглядел инфракрасные очки под лицевым окошком негодяя. Так что благодаря обогревателям скафандра в темноте тот видел как днем.

— Ну, чего, — прохрипел Динго, — обмочился, небось?

Он занес массивный рифленый каблук и резко опустил его на лицевое стекло Лакки. Лакки быстро отвел голову, чтобы удар пришелся в сталь шлема, но каблук притормозил на полдороге. Неандерталец заржал.

— Не надейся, шпик, на легкую смерть! Оборвав смех, Динго сурово скомандовал двум подручным:

— Что уставились? Валите за бугор и открывайте шлюз.

Те переминались в нерешительности. Один сказал:

— Но, Динго, ведь капитан велел...

— Живо! А то начну с него, а кончу вами!

Угроза возымела действие, пираты исчезли в ночи.

— А теперь и нам пора, — просипел пират и взялся за рукоять кабеля.

Щелчком тумблера он вырубил ток и дернул змею на себя. Лакки, скребя скафандром о камни, частично вывернулся из петель, но Динго опять щелкнул выключателем и два последних кольца затянулись еще туже.

Динго хлестнул кнутом вверх и Старр воспарил к звездам. Держа Лакки, как шарик на нитке, неандерталец потащился вслед за ушедшими пиратами.

Спустя пять минут показались два фонаря и бледно освещенная ниша — открытый шлюз.

— Принимайте гостинец! — рявкнул Динго.

Снова размагнитив кабель, он резко дернул его вниз, раскрутив парящего пленника, затем подпрыгнул, ловко поймал вращающегося Лакки и, до того как тот успел что-либо

предпринять, толкнул его в нишу. Мастерски орудя ускорителем, Динго быстро спустился наземь и с удовольствием пронаблюдал, как Лакки безукоризненно вписался в отверстие.

Влетев в шлюз, Старр, пойманный псевдогравитационным полем, всем корпусом грохнулся на каменный пол. Динго заржал пуще прежнего.

Плита встала на место, шлюз наполнился воздухом, и Лакки поднялся на ноги, искренне радуясь нормальной гравитации. Отворилась внутренняя дверь.

— Входи, шпик. — В руках Динго появился бластер.

То, что увидел Лакки, больше всего напоминало авиационный ангар. Огромный, уходящий в бесконечность коридор был пронизан рядами тяжелых колонн и сплошь утыкан дверными проемами. Взад-вперед сновали люди, пахло озоном и машинным маслом. Вокруг стоял характерный гул гиператомных двигателей.

Совершенно очевидно, что это не келья отшельника, а индустриальный завод. Да, и вся эта информация, к сожалению, должна умереть вместе с Лакки.

Динго втоптал его в боковой коридор, толкнул дверь и зажег свет. Пыльная лампочка осветила обычный склад, полный каких-то резервуаров. Людей здесь не было.

— Слушай, Динго, — нервно сказал один из сопровождающих. — Какого черта мы все это ему показываем? Я не думаю...

— Тогда заткнись! — огрызнулся пират, — Не волнуйся, он не расскажет никому про то, что увидел. Уж я это гарантирую. Но сначала надо получить с него должок. Верно говорю, шпик? Снимите с него скафандр.

Одновременно он сам вылезал из скафандра, словно тухлый грейпфрут из кожуры. Закатав рукава, он осклабился и поскреб свои волосатые руки.

— Капитан Энтон не давал приказа убить меня, — твердо произнес Лакки. — Ты пытаешься свести со мной счеты и зарабатываешь на этом неприятности. Капитан знает, что я для него ценный человек.

Динго уселся на край ящика с какими-то деталями и ухмыльнулся.

— Ты, малый, считаешь всех вокруг козлами, и это тебе очень вредит. Ты думал, что мы тебя оставили и свалили с камня, а мы знаем каждый твой шаг. Кэп приказал мне присмотреть за тобой. И что же я вижу? Сначала корыто Херма рвет на Цереру, потом с Цереры — обратно в космос, а следом другой корабль. Затем вы сползаетесь в одну шхуну и прете сюда. А я следую за вами.

Лакки не удержался от укола.

— Ты хотел сказать — пытался следовать.

Неандерталец побурел.

— Подумаешь! Ты только драпать молодец. Очень нужно было за тобой гоняться — я просто прилетел сюда и ждал. Как видишь — дождался.

Лакки продолжал гнуть свое.

— Ну и что? Все было так, да не так! Я был безоружен, отшельник пригрозил мне бластером и затащил в корабль. Он хотел вернуться на Цереру, а меня взял на случай, если вы его тормознете. Тогда бы он сказал, что это я его взял заложником. Ты сам видел, как быстро я убрался с Цереры и вернулся сюда.

— Ага! В новеньком правительственном корабле?

— Так вам же лучше. Я увел у них хорошую посудину и привел вам.

Динго покосился на своих подручных.

— Парни, по-моему, нам забивают баки.

— Еще раз предупреждаю, — снова пригрозил Старр, — если со мной что случится, капитан спросит с тебя.

— Все, шабаш! — закончил диспут Динго. — Кэп не спросит. Тут все тебя уже знают, мистер Дэвид Лакки Старр! Выходи на середину. — Он встал и скомандовал парням: — Ящики к стене, сами к двери.

Взглянув в его налитые кровью глаза, пираты засуеились.

Динго возвышался посреди склада сутулой мускулистой скалой. Череп полностью утонул в плечах и загривке, шрам побелел, кривые толстые ноги, казалось, выросли в пол.

— Есть легкие способы убивать шпиков, — проворковал он, — а есть — приятные... Я не люблю шпиков, и особенно я не люблю шпиков, которые нечестно побеждают меня на ускорителях. Так что сейчас я буду совмещать приятное с полезным.

Лакки рядом с пиратом выглядел тростинкой. Он усмехнулся:

— Втроем совмещать будете?

— Вот еще! Ребята постерегут дверь. А если попытаешься смыться — применят невротические хлысты. Парни, ежели что — хлыстов не жалеть!

Старр по обыкновению ждал хода противника. Главное — не ввязываться в ближний бой. В ближнем бою эти руки раздавят его, как скорлупку.

Оттянув правый кулак для удара, Динго ринулся вперед. Лакки постоял, сколько мог, потом, быстро шагнув в сторону, схватил пирата за левую руку, рванул вниз и сделал подсечку. Динго рухнул на пол, однако моментально поднялся, бешено

сверкая глазами и утирая разбитую щеку.

Лакки проворно отступил к стене. Пират заходил на новый вираж. Старр, ухватившись руками за ящик, стремительно выбросил ноги. Его каблуки прились как раз в грудь Динго. Пират стоял как вкопанный, пока Лакки, огибая его, снова выходил на середину склада.

— Динго! Хватит, перестань дурачиться! — крикнул один из подручных.

Неандерталец тяжело сипел:

— Я убью его. Я убью...

Однако он стал осторожнее. Глазки совершенно утонули в хрящах и жировых складках. Слегка подогнув колени, пират медленно подкрадывался к противнику.

Лакки поддразнил его:

— Что это ты так странно ходишь? В штаны наложил? Как-то быстро ты напугался! А обещал...

Как и следовало ожидать, Динго взревел и кинулся на него. Лакки отпрыгнул и со всего размаха вонзил ребро ладони в жирную шею.

Старр много повидал на своем веку. Видел, как после этого удара люди кончались на месте, как теряли сознание. Кабан только пошатнулся, тряхнул головой и снова ринулся в атаку.

Лакки впечатал прямой удар в нос. Динго и не пытался увернуться. Лакки провел серию в висок и челюсть. Брызнула кровь, но пират, не обращая внимания, наезжал словно бронетранспортер.

Внезапно он как бы споткнулся и начал падать, выбросив вперед обе руки, при этом правой ловко поймал Старра за лодыжку. Лакки упал.

— Вот я и достал тебя, — прошептал Динго.

Он подтянулся, перехватил Лакки за пояс и они, сцепившись, покатались по полу, вздымая складскую пыль. Старр чувствовал растущее давление. Боль пронизывала грудь, зловонное кабанье дыхание цепенило волю. Левая рука была прижата к корпусу захватом, но правая была свободна.

Оказавшись наверху, Лакки быстро отвел правую руку и, вложив последние силы в удар, с четырех дюймов вбил кулак в горло противника — прямо в кадык!

Захват ослаб, и Старр, вывернувшись из смертельного объятия, вскочил на ноги.

Динго поднялся намного медленнее. От яростных буравчиков осталось одно воспоминание. Глазки тупо остекленели, изо рта сочилась яркая струйка крови.

Он негромко пробормотал:

— Хлыст... Хлыст мне...

Неожиданно развернувшись, он выхватил хлыст у полумертвого от страха дружка и хлестнул Лакки. Лакки отпрыгнул, но кончик орудия все же коснулся его бедра. Дикая боль прострелила все тело от пяток до макушки и советник рухнул.

Последнее, что он услышал, теряя сознание, были торопливые слова пирата:

— Динго! Ну Динго! Ведь капитан приказал изобразить несчастный случай! Опомнись! Он же человек Совета...

Далее был провал.

Когда он медленно выплыл из обморока, на нем был скафандр. Подручные как раз одевали шлем. Динго, распухший и синий, как слива, злобно моргал.

В дверях послышался голос. Неизвестный говорил на ходу:

— ...для поста 247. Получается так, что я не могу следить за всеми заявками. Если так пойдет дальше, не о какой ровной орбите и смене координат говорить не придется! Если...

Лакки скосил глаза и мельком увидел маленького очкарика с серебряной бородкой. Тот удивленно озирался беспорядок в полутемном складе.

— Пошел вон! — рыкнул Динго.

— А моя заявка?

— Позже!

Очкарик пожал плечами, гордо задрал бородку и вышел. Шлем был прикручен и пираты повели Старра в шлюз.

Местность сияла, освещенная восходящим Солнцем. На плоском каменном столе высилась катапульта. Автоматическая лебедка оттягивала стальной рычаг. Джентльмены уложили на него Лакки и пристегнули к его поясу парашютные стропы.

— Лежи спокойно, — приказал Динго. Голос в на. ушниках был далек и невнятен.

«Опять испорчено радио», — понял Лакки.

— Лежи спокойно, береги кислород. На прощанье могу тебя порадовать — скоро мы взорвем твоего напарника. Пока, шпик!

Одновременно он нажал кнопку на лебедке, рычаг со страшной силой распрявился, стропы вовремя отстегнулись и Лакки со скоростью мили а минуту, если не больше, выбросило в космос. Краем глаза Старр заметил запрокинувших головы пиратов и быстро уходящую вниз стартовую площадку. Очень скоро астероид уменьшился до размеров косточки абрикоса.

Лакки проверил скафандр. Он уже знал, что радио неисправно, и действительно — регулятор чувствительности передатчика свободно болтался. Значит, его голос будет слышен

на две-три мили. Как это ни странно, но пистолет-ускоритель был на месте. Лакки нажал курок, но из стволов вырвалось только слабое шипение — газовый баллон был пуст.

Все. Он был совершенно беспомощен. И жизни ему осталось ровно на столько, на сколько хватит кислорода.

12. Корабль против корабля

Весь покрытый холодной испариной, Лакки попытался все же оценить ситуацию. Вырисовывалось примерно следующее. С одной стороны, пиратам нужно избавиться от свидетеля. С другой — надо это сделать так, чтобы Совет Науки не смог потом доказать факт насилия.

У джентльменов удачи уже был подобный опыт. Убив члена Совета Лоуренса Старра, они навлекли на себя ураган возмездия. Теперь они стали осторожнее.

Значит так. Заглушив помехами сигнал бедствия, они нанесут пушечный удар в корпус «Метеора» — имитируют столкновение с камнем. После инженеры на борту выведут из строя полевую защиту — якобы она не сработала в момент приближения метеорита. Постараются прикончить Бигмена без стрельбы и явных ножевых ранений, словно он пострадал при ударе. Зная линейный маршрут Лакки, подберут его бездыханное тело и запустят вращаться вокруг «Метеора». Будет выглядеть так, словно Лакки, оставив раненого Бигмена, вышел открытый космос в поисках какого-нибудь спасения. Регулятор был оборван в спешке, углекислый газ для ускорителя кончился, кислород израсходован.

Идиотская затея. Конвей и Генри никогда не поверят, что Лакки, спасая шкуру, бросил умирающего Бигмена.

Но сути дела это не меняло. Провал замыслов пиратов не принесет никакого удовлетворения мертвому Лакки Старру. И что самое обидное — все его гипотезы, подозрения и факты скончаются вместе с ним. Скоро в Земной империи разразится катастрофа и никто уже ничего не сможет изменить.

Лакки захлестнула волна гнева на себя. Почему он не поделился своими подозрениями с Конвеем и Генри! Почему рапорт подготовил только оказавшись на борту «Метеора»!.. Но вскоре Лакки взял себя в руки — никто бы ему не поверил без фактов.

Значит, надо возвращаться. Он должен что-то придумать. Но что можно придумать, имея неисправный передатчик и запас кислорода всего на несколько часов. Да, всего...

Кислород!

Насколько Лакки знал Динго, тот должен был зарядить баллон до отказа, чтобы продлить агонию. Отлично! Тогда можно использовать кислород и для другой цели. А если его постигнет неудача, то агония будет короче, чем надеялся пират.

Но неудачи не будет.

Астероид к этому времени превратился в звезду, пока еще более яркую, чем остальные. Но несколько минут — и будет поздно. Камень растворится среди миллиардов одинаковых точек. Надо спешить.

Лакки отвернул вентиль баллончика и подождал, пока шлем и скафандр не заполнятся воздухом до полного насыщения. После этого он завинтил регулятор на шлеме, осторожно отцепил шланг и снял баллон.

Надо было оказаться в положении Старра, чтобы отважиться использовать драгоценный кислород в качестве движущей силы.

Лакки открыл вентиль и выпустил против хода первую струю газа. Как положено, сработал реактивный принцип, и движение замедлилось. Камень почти уже слился с окружающими звездами. Лакки не был до конца уверен, что правильно запомнил нужную точку. Что делать? Отогнав сомнения, он выбрал цель и пустился в обратную дорогу.

Конечно, в этой задаче многовато неизвестных. Неясно, хватит ли газа на весь путь? Успеет ли он к «Метеору» раньше, чем пираты? И, наконец, правильно ли намечен маршрут?

Казалось, прошли часы (на самом деле — пятнадцать минут), пока звезда начала увеличиваться. Лакки благодарил случай, что его катапультировали с освещенной стороны камня. Если бы он улетел прочь от Солнца, астероида вообще уже не было бы видно.

Еще через пятнадцать минут камень начал принимать знакомые очертания. Стало трудно дышать. Лакки попытался замедлить дыхание. В висках стучало, сердце работало на пределе. Старр закрыл глаза и прижал баллончик к груди.

Только бы добраться на теневую сторону. Там уже можно будет дать сигнал Бигмену — какое-никакое, но радио есть. Только бы малыш был на месте. Живой.

Бигмен весь измотался за эти часы. Если бы не однозначный приказ Лакки, он давно бы спустился на камень. Но Лакки... Нет, товарища нельзя было подводить!

Бигмена тревожило молчание эфира. Ему казалось, что Старр уже схвачен пиратами. С другой стороны, враг, если б он существовал, как-то должен был себя обнаружить.

Бигмен положил перед собой капсулу и, пригорюнившись, задумался. Ах, если б можно было вскрыть ее и отправить сообщение по субэфиру! Тогда бы руки его были развязаны и совесть чиста. Тогда бы он ринулся вслед за командиром и уж конечно выручил бы его из любой передраги!

Увы... Любая попытка проникнуть в капсулу стерла бы всю информацию. Вскрыть капсулу мог только Конвей, для которого она была «персонализирована».

Прошло шесть мучительных часов. Неожиданно застрекотал эргометр. Бигмен бросился к пульту.

И остолбенел. Видеоэкраны, еще минуту назад мертвые, засветились. Мягко зарычали генераторы энергии, окружая «Метеор» защитным полем. На ленте синусоиды перекрывали друг друга.

С камня один за другим поднимались корабли. Бигмен стиснул зубы и приготовился к схватке. Конечно, Лакки попал в ловушку. Ну, ничего! Давай, давай, все выходите — посмотрим, кто кого!

Поймав в прицел сверкающий корпус вражеской шхуны, Бигмен нажал на клавишу. Луч ударил в защитный экран противника. В космосе засияло новое Солнце — таков был эффект поглощения щитом струи энергии. Вспышка потухла, пират, показав хвост, отошел подальше.

На экране появилось пятнышко света. Ага, началась торпедная атака. Бигмен вполне мог уклониться, но решил иначе. Встретим-ка ее в лоб! Пусть знают, с кем связались!

«Метеор» вздрогнул от прямого попадания. Ракета затормозила в силовом поле и вспыхнула ярчайшим светом.

«Вернем-ка это», — злорадно подумал Бигмен. Он уже навел луч, но вдруг краем глаза заметил шевеление на боковом экране.

Точка увеличилась и приобрела очертания человека в скафандре. Бигмен нахмурился. Как это ни странно, но корабль, с легкостью останавливающий скоростные торпеды, был беззащитен перед малыми медленно движущимися объектами. Дрейфующий человек даже не почувствует щита. Взвод пиратов вполне мог, незаметно подкравшись к «Метеору», взорвать шлюз и взять судно на абордаж.

Одинокая фигура была в центре прицела и малыш уже тянулся к клавише пуска, как вдруг захрипело радио. Бигмен изумился. Чего-чего, а этого от пиратов можно было ожидать в последнюю, очередь — кодекс джентльменов удачи запрещал вступать в переговоры.

Малыш все еще колебался, держа палец на спуске, когда сквозь помехи пробился тихий, но внятный голос:

— Бигмен... Бигмен... Бигмен...

Бигмен подпрыгнул в кресле и, забыв все на свете, принял к передатчику.

— Лакки! Лакки! Где ты сейчас?!

— Рядом с тобой... Скафандр... Воздух. почти кончился.

— О-о! Черт меня раздери!!! — Смертельно бледный, Бигмен стал разворачивать «Метеор» к командиру, чуть им сдуру не застреленному.

Бигмен виновато смотрел на Старра, который, сняв шлем, жадно вдыхал кислород, клокая бронхами.

— Ты бы пока передохнул, Лакки...

— После, — Старр выбрался из скафандра. — Они уже атаковали?

Бигмен кивнул.

— Чепуха. Только зубы себе обломали.

— Так... Надо убираться — у них есть клыки поострее, чем они показали. Против линкора нам не выстоять.

— Откуда они возьмут линкор?

— Ты еще не понял? Вот тут, под нами, одна из главных пиратских баз. Может быть — самая главная база.

— Ты имеешь в виду — это не камень отшельника?

— Я имею в виду, что нам пора мотать отсюда.

Все еще часто дыша, Лакки взялся за управление.

Астероид стал приближаться. Бигмен запротестовал:

— Что ты еще придумал?! Удирать, так удирать — зачем нам приземляться?

— Не суетись, приятель. Тут другое.

Старр внимательно следил за экраном, держа руку на спуске. Выбрав нужную точку, он ударил в камень широким лучом. Астероид полыхнул сиянием и мгновенно снова потемнел.

— Все. Уходим. — Лакки посигналил на прощанье пиратским кораблям и начал ускорение.

Через полчаса, когда погоня безнадежно отстала, он сказал:

— Вызывай Цереру. Я хочу говорить с Конвеем.

— Сейчас. А послушай-ка, Лакки, — я снял координаты камня. Может, передать их — пусть высылают флот?

— Не надо.

Бигмен удивился.

— Как не надо? Не думаешь же ты, что спалил астероид?

— Я не сумасшедший. Ты же сам видел — я его только пощекотал. Что со связью?

— Да сейчас, — обиженно скрипнул Бигмен, но расспросы прекратил. — Э-э-э... Вот она — но. Это же сигнал общей тревоги!

Не было нужды говорить об этом — эфир гудел от жестких некодированных слов.

— Общий вызов всем кораблям флота. Церера подверглась атаке вражеских сил, предположительно пиратов. Общий вызов всем кораблям...

Бигмен шлепнул кулаком по колену.

— Ах, дьявол!!!

Лакки сквозь зубы процедил:

— Опять они на шаг впереди нас. Что мы ни делаем — они на

шаг вперед. Надо спешить.

13. Налет

Корабли шли в строгом боевом порядке. Один за другим они ныряли вниз, выпуская лучи энергии точно по обсерватории. Все защитники подтянулись к этой точке.

Хотя защитный экран был явно непробиваем, пираты не пытались делать обходные маневры с флангов, не высаживали десант, а тупо ломились напрямик.

Открыли огонь наземные батареи. К концу атаки два судна противника были уничтожены и еще одно, спасаясь бегством, исчерпав запас энергии, взорвано собственным экипажем.

Даже во время схватки некоторые стали подозревать, что атака ложная. Так позже и оказалось. Пираты высадили десант на обратной стороне Цереры. Вооруженные бластерами и портативными пушками, бандиты взорвали шлюз и ринулись во внутренние помещения. Офисы и заводы верхнего уровня были срочно эвакуированы, и в бой вступил отряд местной полиции. Однако сдержать натиск не удалось и выстрелы загревели на нижнем уровне — в жилых апартаментах. Затем, так же внезапно, как и появились, пираты отступили.

Защитники подсчитали потери. Пятнадцать убитых и намного больше раненых. Со стороны нападавших — пять трупов.

— И еще один, — взбешенно орал Конвей. Лакки, — пропал без вести! Его не было в списках обитателей и надо же — именно он пропал!

После налета на Церере творилось бог знает что — как же, первое за тридцать лет нападение на узловой объект Земной империи. «Метеор» прошел три проверки, пока ему разрешили посадку.

Лакки сидел в кабинете напротив Генри и Конвея. С горечью он промолвил:

— Все одно к одному — теперь и Хансен пропал.

— Он показал себя с лучшей стороны, — сказал Генри. — Старик настоял, чтобы ему выдали бластер и бросился на помощь полиции.

— Если б он остался внизу — от него было бы больше пользы. — Обычно ровный голос Лакки подрагивал от сдержанного гнева. — Как могло случиться, что вы его не остановили?

Конвей вздохнул и начал объясняться.

— Нас не было рядом. Охранник должен был присоединиться к отряду. Хансен заявил, что, взяв его с собой, тот выполнит обе свои обязанности сразу — будет биться с пиратами и охранять

отшельника.

— Ну, и...

— Мне трудно кого-либо винить. Последний раз охранник видел Хансена, когда тот атаковал пирата. Они кубарем укатились за угол коридора и больше отшельника никто не видел — ни живого, ни мертвого.

— Ничего никому нельзя поручить! — огрызнулся Лакки. — А теперь послушайте меня. Вся эта стрельба была затеяна с единственной целью — захватить Хансена. Которого вы благополучно проворонили, друзья хорошие!

Генри потянулся за трубкой.

— Знаешь, Гектор, это похоже на правду. Атака на обсерваторию была слишком нарочитой.

— Да что вы так с ним носитесь, с этим Хансеном?! фыркнул Конвей. — Что особенного он знал, чтобы рисковать тридцатью кораблями?!

— Вот именно, — горячо заговорил Лакки, — вот именно! Зато мы теперь не знаем того, что знал отшельник! Ведь на его камне расположены пиратская гавань и ремонтный завод. А может, Хансен знал дату начала войны? А может, он знал и будущий план боевых действий?

Конвей развел руками.

— Почему же он молчал?

— Есть нюанс, — включился Генри. — Он рассчитывал обменять информацию на личную безопасность. А у нас как-то случая не было всерьез побеседовать об этом. Ну, а за такие сведения и ста кораблей не жалко. Вообще-то Лакки прав насчет скорого наступления.

Старр изучающе посмотрел на советников.

— Почему вы так говорите, дядюшка Гэс? Что-то новое?

— Скажи ему, Гектор, — доктор пустил колечко.

— Ага, ему скажи, — проворчал Конвей. — Он опять сорвется в одиночку. Лови его потом на Ганиমেде.

— А что у нас с Ганимедом? — удивился Лакки. До сих пор этот самый крупный спутник Юпитера никто не вспоминал — ничего интересного.

— Чего уж там — скажи, — повторил Генри.

— Ладно, слушай, — советник тряхнул шевелюрой. — За два часа до атаки нам стало не до отшельника — уж извини. Пришла шифровка — Совет получил свидетельство, что сирийские корабли высадились на Ганимеде.

— Что за свидетельство?

— Перехват узкополосного субэфирного сигнала. Это длинная история. В свое время были добыты обрывки

сирианского кода. Теперь онигодились. Эксперты заявили, что на Ганимеде нет никого с Земли, кто бы мог передать сигналы в таком узком луче. Мы уже собирались, прихватив Хансена, возвращаться на Землю, когда случился налет. Собственно, в ближайшие часы мы улетаем. Война с Сириусом может начаться в любую минуту.

Лакки поцокал языком.

— Ну вот, дождались. Но перед тем, как лететь на Землю, я бы хотел проверить кое-что. Я надеюсь, вы догадались сделать съемку атаки?

— Конечно. Неясно, каким образом она тебе поможет?

— После скажу, когда увижу все своими глазами.

Военный в форме командира космодесантников орудовал у проектора. Лакки внимательно глядел на экран. Мелькали сверхсекретные кадры — уже достояние история. Позже эти события назовут «Налет на Цереру».

— Итак — двадцать семь кораблей атаковали обсерваторию. Правильно? — бросил Лакки.

— Так точно, — отозвался военный.

— Хорошо. Давайте вместе посчитаем. Значит, два судна уничтожены в бою и одно взорвано при погоне. Итого, остаются двадцать четыре, кадров их отступления не так уж много.

Командир улыбнулся.

— Если вы намекаете, что одно из них спряталось и до сих пор торчит на Церере, то это ошибка.

- Насчет двадцати семи — все понятно. Но были еще три корабля, севших на камень. Где фотографии десанта?

Военный замялся.

— Таких снимков мало — для нас все это было полной неожиданностью. Есть кадры отступления — вы их видели.

— Да, видел. Но на них только два судна, а все свидетели говорят о трех.

Командир пожал плечами.

— Есть свидетельские показания о приземлении и старте трех кораблей, но...

— Но снимков нет?

— Ну... нет.

— Благодарю вас.

Вернувшись в кабинет, Старр продолжил беседу — Как говорится, отсутствие результата — тоже результат. Я думаю, корабль Энтон находится сейчас...

— А где он был? — перебил Конвей.

— То-то и оно, что нигде! Единственного судна, которое я могу опознать, нет ни на одном снимке! Энтон — головорез из

самых отчаянных и обязан был участвовать в налете. Недостоящий корабль — это корабль Энтона.

— Что из этого следует?

— А вот что. Атака на обсерваторию — отвлекающий маневр, это ясно. Три корабля высаживают десант, Энтон врывается в жилой отсек, хватает Хансена; два судна соединяются с остатками эскадры — обманный маневр внутри обманного маневра, — а корабль Энтона продолжает выполнять основную задачу и стартует в ином направлении. Да так резво, что его не успевают заснять.

Конвей погрузился.

— Ты хочешь сказать, что он полетел на Ганимед.

— Ну конечно! — с жаром воскликнул Лакки. — Все это звенья одной цепи! Сами пираты способны вести только бои местного значения, но они отвлекают на себя добрую половину земного флота. Сириус же, опираясь на мощную поддержку джентльменов удачи и имея дело с ослабленными силами Земли, может рассчитывать на победу в войне. Иначе он, на расстоянии восьми световых лет от своей планеты, никогда бы не пошел на риск. Сейчас Энтон спешит к Ганимеду, чтобы сообщить о начале боевых действий.

— Да-а-а, Лакки. Ты был прав. Нам надо шевелиться. Мы должны ударить прямо в сердце. Сегодня же отправим эскадру к главной базе, о которой ты говорил...

Старр всплеснул руками.

— Что вы, дядюшка! Ни в коем случае!

— Ничего не понимаю, Почему?

— Да ведь это именно то, чего пираты ждут от нас! К чему нас все время подталкивают! Послушайте, там, на астероиде, я думал, что меня выбросили в космос, чтобы изобразить несчастный случай. Теперь я уверен — это сделали нарочно, чтобы рассердить Совет. Хотели потом растрезвонить, что убили советника. Наглый набег на Цереру также является дополнительной провокацией.

Генри пожевал губами черенок трубки.

— А если мы начнем с победы?

— Кому нужна такая победа! Земля и Юпитер сейчас на разных сторонах от Солнца. Начнись война, мы и ахнуть не успеем, как флот с Ганимеда сотрет в порошок земную армию! Нет, лучший ход — не одерживать сомнительных побед, а предотвратить кровопролитие.

— Но как?

— Война не начнется до тех пор, пока Энтон не долетит до Ганимеда. Значит, надо не допустить этой встречи.

Конвей с сомнением покачал головой.

— Для перехвата у нас нет времени.

— Если делом займусь я — то время есть. «Метеор» бежит быстрее черта.

— Опять ты!!! — вскрикнул советник.

— А что делать? Сами подумайте — боевой корабль с Земли не пошлешь. На Ганимеде решат, что на них напали, и боя не избежать. Ведь это как раз означает ту самую войну, которой мы стремимся избежать. А «Метеор» выглядит игрушкой, прогулочной лодчонкой. Сириус и не почешется.

Доктор показал Лакки на часы.

— Ничего не выйдет — ты отстал. Даже «Метеор» не наворачивает сутки.

— А вот и ошибаетесь — наворачивает. И как только я поймаю пиратов, я заставлю их капитулировать. А без них Сириус не начнет войну.

Повисло молчание.

— Ну что вы, право, — Лакки смягчил тон. — Я ведь дважды возвращался.

— Каждый раз чудом, — проворчал Конвей.

— Раньше я шел ощупью. Теперь-то я знаю, с кем имею дело. Все точно рассчитано. Давайте так — я пойду подготовлю корабль, а вы свяжетесь с Землей, вызовете Координатора и...

Конвей вздохнул.

— Чего уж там, все сделаем, сынок. Разговор с правительством — моя забота. Ты-то о себе позаботишься?

— Только этим и занимаюсь, дядюшка Гектор.

Лакки обнял старика за плечи, помолчал и вышел.

Бигмен с мрачным видом топтался у шлюза. Увидев Старра, он взбодрился.

— Ну, как? Я готов — скафандр на мне, бластер в кобуре. Куда летим?

— Извини, дружище. На этот раз я один. Очень жаль.

— Но почему???

— «Метеор» полетит к Ганимеду кратчайшим путем.

— Ну и что? Что это за путь?

Лакки улыбнулся краешком губ.

— Я срежу путь через Солнце.

Он пошел к стартовой площадке, оставив малыша стоять на месте с разинутым ртом.

14. К Ганимеду через солнце

Солнечная система расположена в одной плоскости. В центре — Солнце, доминанта системы, в 500 раз превосходящее по размерам все планеты вместе взятые. Плоскость вращения планет — эклиптика. Обычно все корабли, совершающие перелет в пределах системы, движутся по эклиптике. Там они могут делать промежуточные остановки, там проходят основные лучи субэфира.

Но иногда, при необходимости выиграть время или боясь обнаружения, корабли выходят из плоскости, особенно когда их путь лежит по другую сторону Солнца.

Лакки размышлял о том, как поведет себя Энтон. Пойдет ли по эклиптике или по огромной дуге, мосту через Солнце, чтоб вскоре опуститься в окрестностях Ганимеда?

Скорее всего, прикинул Лакки, Энтон не рискнет на дугу, а будет продвигаться поясом астероидов. Он тянется непрерывно вокруг Солнца, так что пират сможет пройти весь путь (за исключением разве что последних нескольких сот миль) под прикрытием камней — туда правительственные корабли не суются. Это гарантированная безопасность, которая для него сейчас, пожалуй, важнее скорости. Ну, а мне — наоборот, решал Лакки и поднял «Метеор» по кратчайшей дуге.

Пассажирские корабли никогда не приближались к Солнцу более чем на шестьдесят миллионов миль, то есть не ближе орбиты Венеры. И то здесь уже были необходимы дополнительные системы охлаждения для пассажиров. Суда с автоматическим управлением добирались до Меркурия, но только в период его максимального удаления от светила. На расстоянии тридцати миллионов миль начинали плавиться некоторые металлы.

Существовали, конечно, исследовательские корабли, специально построенные для близких наблюдений. Их сверхсовременное покрытие было пронизано сильными электрическими полями особой природы, под воздействием которых внешний молекулярный слой обшивки индуцировал феноменальное излучение, названное «псевдосжижением». Тепловое отражение от такого покрытия приближалось к ста процентам. Внешне эти корабли выглядели как гигантские идеальные зеркала и подходили к Солнцу на расстояние пяти миллионов миль, но, конечно, без экипажа, так как даже та малая толика солнечной энергии, проникавшая внутрь, поднимала температуру выше точки кипения воды. И кроме того, радиация в такой близости от светила убивала все живое в считанные

секунды.

В это время года Церера была расположена крайне неудобно — точно на противоположной стороне Солнца. Если б его можно было проигнорировать, путь стал бы чуть ли не вдвое короче. И все же Лакки намеревался сократить его хотя бы на треть. «Метеор» неся на полном ходу. Старр фактически не вылезал из своего g-скафандра — ел, спал в нем, постоянно изнывая от тяжести ускорения. Правда, через каждый час давал себе пятнадцатиминутные передышки, идя на постоянной скорости.

Лакки прошел над орбитами Марса и Земли. Смотреть было не на что — Земля как раз находилась по другую сторону Солнца, а Марс проскочил прямо под брюхом корабля.

Солнце увеличилось, и наблюдать его можно было только через поляризованные экраны. Еще немного и придется перейти на стробоскоп.

Приближалась орбита Венеры. Индикаторы радиоактивности начало зашкаливать. Да, за земной орбитой уровень радиации достиг достойных внимания величин, перевалив же орбиту Венеры, надо будет облачаться в экранированный свинцовый скафандр. Хотя там, где пролегал маршрут Лакки, никакой свинец не спасет.

Впервые со времен марсианских приключений Старр потянулся к заветному мешочку на поясе. Уже давно он бросил попытки разгадать принцип действия «мерцающего щита». Разум, создавший это чудо, опередил человечество на миллионы лет. Щит был так же непостижим для Лакки, как космический корабль для пещерного человека. Но он работал! И сейчас это главное!

Лакки надел этот тонкий полупрозрачный предмет на голову, и он тут же окутал все тело советника белым мерцающим светом, словно сам был живым существом. Казалось, Старра окружили миллиарды крошечных светлячков, а вокруг головы их роилось столько, что нельзя было разглядеть лица. Зато Лакки все было отлично видно. Он стал непроницаем для радиации, для сверхвысоких температур, для чудовищной солнечной гравитации. В то же время щит позволял свободно дышать и двигаться. Единственное неудобство — нельзя ни есть, ни пить. Но Лакки рассчитывал через сутки уже миновать опасную зону.

Никогда еще «Метеор» не развивал таких больших скоростей. Кроме обычных перегрузок, теперь сказывалось невообразимое притяжение гравитационного поля Солнца. Автоматика привела покрытие корабля в состояние псевдожидкости, и Лакки возблагодарил себя за предусмотрительность — не зря в свое время он настоял на этом дополнительном оборудовании. Видеоэкраны потемнели от закрывшего их толстого антиплавкого

глассита.

«Метеор» миновал орбиту Меркурия. Радиодозиметры буквально взбесились — их стрекотание стало невыносимым. Лакки протянул мерцающую руку к панели и шум прекратился. Вся эта радиация, вплоть до самых жестких гамма-лучей, пронизывающая все на свете, не могла пробиться сквозь легкое свечение, окружавшее его тело.

Температура, которая было понизилась до 80°, опять начала подниматься несмотря на зеркальную обшивку «Метеора». Миновав отметку 150, она неумолимо ползла все выше и выше. До Солнца оставалось всего десять миллионов миль — так близко не подходил никто.

Температура перевалила за 212 °С. «Метеор» проходил по краю солнечной короны. Учитывая, что и сама звезда — раскаленный газ, Лакки летел сквозь Солнце!

Любопытство разбирало его. Никто, никто не был, да и не будет так близко к Солнцу. Разумеется, включить экран невозможно, это значит — открыть доступ чудовищному потоку радиации. Справится ли волшебный марсианский щит?... Лакки знал — рисковать нельзя, но непреодолимое желание не отпускало. Главный экран корабля можно переключить на стробоскопические щели, открывающиеся поочередно на одну миллионную секунды. Для глаза это казалось непрерывной экспозицией, но поток проникавшей внутрь радиации снижался в четыре миллиона раз.

Искушение было слишком велико. Лакки потянулся к приборам, перевел в нужный режим экран, отвернулся и нажал на тумблер. Он был готов к мгновенной смерти от излучения, но прошла секунда, другая... Лакки повернулся к экрану.

То, что он увидел, запомнилось на всю жизнь. Складчатая живая материя заполнила видеозэкран. Это была малая часть светила — Солнце покрывало полнеба. Сверкающие белые нити взмывали вверх и опадали, змеинно сворачиваясь. Проплывали солнечные пятна, более темные на ослепительном фоне. Сгустки красного пылающего газа срывались с поверхности и, удаляясь, остывали, становясь дымчато-серыми. Лакки перевел стробоскоп на край Солнца. Здесь гигантские струи газа, так называемые протуберанцы, казались ярко-розовыми на черном небе. Они поднимались, медленно клубясь, делаясь все тоньше, принимая фантастические формы. Лакки с ужасом подумал, что каждый из них может поглотить дюжину планет размером с Землю, а Земля, например, запросто сгинет в любом солнечном пятне, не наделав при этом даже заслуживающего внимания «плюха».

Резким движением Старр выключил экран. Чувство

собственной ничтожности придавило его — человек не должен смотреть на вещи, слишком величественные и потрясающие воображение.

«Метеор» миновал Солнце. Позади осталась орбита Меркурия. Вылетев за орбиту Венеры, Лакки снял щит и включил торможение. Загудели системы охлаждения, освобождая судно от лишнего тепла. Питьевая вода была близка к кипятку, банки с консервами — вздулись...

Солнце уменьшилось, сжавшись в ровную сверкающую сферу, — его неправильные формы, вспученные пятна, сверкающие протуберанцы исчезли, только корона, слабо колеблясь, вырывалась на миллионы миль. Лакки невольно вздрогнул, подумав, что он еще совсем недавно был там.

Показалась Земля. У советника защемило сердце от вида знакомых очертаний континентов в разрывах кучевых облаков. Да, да, конечно, он сделает все, чтобы уберечь отчизну от страшной войны. Но вот и она пропала с экранов.

Миновав Марс, Лакки вошел в пояс астероидов и продолжал держать курс на систему Юпитера — эту Солнечную систему в миниатюре. Гигантский Юпитер и четыре больших спутника: Ио, Каллисто, Европа — каждый размером с Луну — и Ганимед, чуть меньше Марса; вдобавок к ним — десятки спутников от нескольких сот миль в диаметре до совершенно незначительных камней.

Юпитер предстал желтым шаром, испещренным оранжевыми полосами, одна из которых была известна как Большое Красное Пятно. Три спутника, в том числе Ганимед, сейчас находились на одной стороне, четвертый — на противоположной.

Теперь Лакки все время проводил у передатчика — поддерживал непрерывную кодированную связь с Советом Науки. Одновременно он не спускал глаз с эргометра. Уже несколько раз приборы фиксировали проходящие корабли, но все это было не то — Старр ждал единственного, с характерными сирийскими двигателями.

И удача улыбнулась ему. Эргограф выдал знакомые бугорки, Лакки двинул наперерез. На расстоянии десяти тысяч миль на экранах появились сигнальные огни Энтона. Это был он.

До Ганимеда оставался полдневный переход. Медлить было нельзя. С дистанции в тысячу миль Лакки послал ультиматум — требование повернуть на Землю.

Через десять минут пришел ответ — взрыв энергии. Генераторы «Метеора» взвыли, и Старр чуть не вылетел из кресла от страшного толчка.

Лакки устало закрыл глаза.

Пираты были вооружены лучше, чем он ожидал.

15. Часть ответа

Полчаса ушло на незначительные маневры. «Метеор» был быстрее и увертливей, но у Энтона был экипаж. Один прицеливался, другой нажимал на спуск, третий возился у реактора, четвертый следил за эргометром. Лакки же вертелся один. Поэтому он очень рассчитывал на свое красноречие.

— Сдавайтесь, Энтон! Ваши друзья не осмелятся высунуть нос с Ганимеда, пока не узнают, что происходит... Субэфир перекрыт до самого Юпитера... На подходе корабли империи... У вас всего несколько минут... Сдавайтесь... Сдавайтесь!

В то же время Старру приходилось бросать «Метеор» из стороны в сторону, уклоняясь от жестокого огня. Приборы показывали перегрузку. И надо признать, всех ударов избежать не удалось. Лакки тоже сделал несколько выстрелов, но промазал.

Не отрываясь, он смотрел на экран. До подхода земного флота оставались часы. За это время запасы энергии «Метеора» истощатся, а Энтон может уйти. Или вдруг пиратский флот...

Лакки гнал от себя эти мысли. Неужели он ошибся, отмахнувшись от правительственной поддержки?

Нет, нет и еще раз нет. Только «Метеор» с его возможностями мог соперничать с Энтоном в такой близости от Ганимеда.

Внезапно ожил приемник. На экране вспыхнула ослепительная улыбка капитана Энтона.

— Я вижу, вы опять ушли от Динго? — улыбнулся он.

— Опять? Значит, во время дуэли на ускорителях он действовал по вашему приказу?

И тут Лакки чуть не попался. Луч связи вдруг налился разрушительной силой. Советник в последнюю секунду повернул рычаг управления и его отбросило к стене.

Энтон рассмеялся.

— Не ешьте меня глазами — это вредно для ваше го здоровья. Конечно, Динго все делал по приказу Я знал, кто вы на самом деле почти с самого начала.

— Сожалею, что ваши знания вам негодились.

— Да, забавно. Что ж, Динго уже наказан. Нельзя повторять ошибки. А с вами мы теперь расправляемся. Надеюсь, навсегда.

— Зря надеетесь. Вам некуда лететь.

— Жаль... А я хотел на Ганимед.

— Ничего не поделаешь — вас остановят.

— Что ж это вы меня обманываете? Нехорошо. Пока сюда приползут ваши корабли, я буду уже на месте.

— Я остановлю вас.

— Каким образом? Вы, я гляжу, один на борту. Знал бы я это сразу — вообще не тратил бы на вас времени.

Лакки взглянул исподлобья и тихо, но решительно произнес:

— Таран.

— Тогда вам тоже крышка.

— Плевать. Я выполню свой долг.

— Ах, оставьте, пожалуйста! Что у вас за манеры?! Вы говорите, как скаут на присяге — слушать противно!

Старр повысил голос.

— Эй, на борту — слушайте все! Если ваш капитан попытается прорваться к Ганимеду — я пойду на таран! Для вас это смерть! В случае сдачи обещаю честный суд и содействие со стороны Совета! Энтон старается для своих дружков с Сириуса! Думайте скорей — на карту поставлены ваши жизни!

Энтон откинулся в кресле и процедил:

— Давай, давай, правительственный выкормыш. Я даже включил трансляцию — пусть слушают. Они знают, на какой честный суд им рассчитывать, они знают, что такое содействие. Инъекция ферментного яда — вот и все ваше содействие! До свиданья!

Пиратское судно стало набирать скорость. Эргометры молчали. Где же флот Земли? Черт побери, где флот Земли?

Лакки пустился в погоню. «Метеор» без труда сокращал дистанцию. Энтон шел на своем пределе. У Старра еще был запас.

Улыбка не сползала с лица Энтона.

Дистанция пятьдесят миль, — протянул он. — Сорок пять. — Еще через паузу: — Сорок. Ты помолился, выкормыш?

Лакки стиснул зубы и молчал. Другого выхода не было — придется таранить. Войне не бывать. Он должен остановить пиратов. Должен.

— Тридцать, — лениво бросил Энтон. — Кончай изображать из себя героя — потом же стыдно будет. Разворачивайся и жми домой, пока я добрый.

— Двадцать пять, — твердо продолжил Лакки. — У вас пятнадцать минут на размышление.

За спиной Энтона промелькнула тень. Человек кивнул Старру и поднес к губам палец. Ресницы у Лакки дрогнули. Чтобы скрыть волнение, он посмотрел в сторону и тряхнул головой.

— В чем дело? — прошипел Энтон. — Страшно, мальчик? Сердечко бьется? — Глаза его сузились, пунцовые губы приоткрылись.

Лакки вдруг понял — Энтон никогда не отступит. Для него это было опасной, но увлекательной игрой с летальным исходом.

— Пятнадцать.

В человеке за спиной командира Старр признал Хансена. В руке его что-то сверкнуло.

— Десять миль, — упрямо твердил советник. — Шесть минут до конца. Клянусь Космосом, я не отступлю!

Бластер! В кулаке отшельника был бластер. Лакки стало трудно дышать — если Энтон повернется...

Но в капитана сейчас можно было стрелять хоть из пушки. Все свое внимание он сосредоточил на Старре — когда же, когда же наконец лицо мальчишки исказится от страха.

Энтон принял выстрел спиной. Его лицо с глумливой улыбкой покачнулось и расплоснилось на видеоэкране. Остекленевшие глаза еще долго смотрели на Лакки.

Грянул крик Хансена:

— Все назад! Кто хочет получить дыру в лоб? Мы сдаемся! Мистер Старр, мы сдаемся!!!

Лакки повернул на два градуса — достаточно, чтобы избежать тарана.

Затрещал эргограф. Ну вот, наконец-то и флот подходит.

Экран засветился белым — знак капитуляции.

Известно, что военные никогда не одобряют самостоятельных действий Совета Науки. Особенно, когда действия успешны. Старр неоднократно нарывался на флотские амбиции и был готов к любому разговору.

Адмирал прохрипел:

— Хр-р-а! Доктор Конвей доложил нам ситуацию и мы выражаем вам благодарность за... своевременное вмешательство. Но! Командование уже давно в курсе и имеет разработанный штабом план ликвидации сирийской угрозы. Хотя Координатор просил меня сотрудничать с Советом, я не могу согласиться с вашим предложением отложить атаку. Да! Все, что касается сражений и побед, относится к компетенции флота!

Седой пятидесятилетний адмирал растопорчил щетки усов. Красное квадратное лицо горело отвагой. Такого попробуй — удержи!

Лакки смертельно устал. Теперь, когда пиратский корабль болтался на буксире, а экипаж сидел под стражей, все переживания и тяготы последних недель сменились навалившейся нечеловеческой усталостью. Однако он ответил с предельной вежливостью:

— Мне кажется, если мы очистим астероиды от пиратов, проблема сирийцев на Ганимеди отпадет сама собой.

— Никогда! — с солдатской прямоотой отрубил адмирал. — Как! Как вы собираетесь очистить астероиды?! Флот за двадцать пять лет не смог этого сделать! Никогда! Но! Сил у нас

достаточно, чтобы сию минуту взять Ганимед штурмом! Вперед!

Лакки с трудом подавил улыбку.

— Никто не сомневается, что сил у вас достаточно. Но корабли на Ганимеде — это еще не весь Сириус. Готовы ли вы к долгой и дорогостоящей кампании?

Адмирал еще больше побагровел.

— Меня просили сотрудничать. Но! Но я не могу позволить вам распылить наш флот среди астероидов, когда... когда под боком у Земли сидит враг!

Старр прервал извержение адмирала.

— Могу ли я просить у вас час? Один час на беседу с Хансеном? Это наш пленник, сэр.

Адмирал сердито пожевал усы.

— Час?! Даже час может быть дорог! Ладно! Давайте! Но быстрее!

— Хансен! — позвал Старр, ни отрывая глаз от адмиральского эполета.

Отшельник вышел из каюты отдыха. Он выглядел усталым, но постарался дружелюбно улыбнуться.

— Я в восхищении, мистер Старр, от вашего корабля. Он — совершенство.

— Какого черта! — хрипнул адмирал. — При чем здесь корабль?! Плевать на корабль! Не обращайтесь внимания, Старр! Работайте!

Лакки перешел к делу.

— Итак, мистер Хансен, с вашей неоценимой помощью мы задержали Энтона. Это значит, что война с Сириусом откладывается. Однако нам нужна не передышка, а полное устранение угрозы войны. Времени у нас мало — адмирал вам подтвердит.

— Чем могу быть полезен? — спросил Хансен.

— Ответами на мои вопросы.

— Охотно. Но я уже все сказал. Мне жаль, если этого оказалось недостаточно.

— Пираты думали иначе. Они сильно рисковали, чтобы вырвать вас из наших рук.

— Я не знаю, как это объяснить.

— А может, все-таки, что-то есть? Возможно, вы что-то знаете, о чем не подозреваете сами? То, что смертельно для пиратов?

— Ума не приложу.

— Подумаем вместе. Пираты знали, что вы богаты. Что у вас вложения на Земле. Но обращались с вами хорошо. И пальцем не тронули ваш роскошный дом.

— Таков был договор. Я же помогал им.

— Не особенно. Разрешали садиться на камень, принимали гостей. А ведь они спокойно могли убить вас и сунуть в вашу конуру своего человека. Кроме мелких ваших услуг, они бы присвоили себе и ваше богатство. Почему этого не случилось?

— Я сказал вам правду.

— Конечно. Но не всю. Пираты верили вам абсолютно. Они знали, что обратиться к правительству — для вас смерти подобно.

— Я же говорил об этом, — кротко обронил отшельник.

— Я помню. Но как они поверили вам в первый раз, когда приземлились? Ведь соучастником преступления вы стали позднее. Позвольте мне сделать предположение. Я думаю, что Энтон, или кто там еще, точно знали, что до того, как стать отшельником, вы были джентльменом удачи. Так?

Хансен побелел.

— Так? — повторил Лакки.

— Та-а-к... — промямлил отшельник. — Это было очень давно. Чтобы искупить прошлое, я решил умереть для Земли и уединился на камне. Я думал, что все забыто, но вот заявила молодежь — новое поколение джентльменов — и припомнила мне грехи. Что делать, пришлось снова ввязаться в эти игры.

Когда вы возникли, у меня появился первый шанс. Ведь прошло двадцать пять лет. И я постарался обелить себя. Я сражался с налетчиками на Церере. Я прикончил Энтона и второй раз спас вашу жизнь. И, как вы сказали, дал Земле передышку. Мне кажется — я сравнял счет.

— Хорошо, — кивнул Старр. — Но! — как говорят военные. Вернемся к моему вопросу. Кое-что, как выяснилось, вы утаили от нас. Может, остальное сами припомните?

Хансен пожал плечами.

— А если подумать?

Отшельник вздохнул.

— То, что я был когда-то пиратом, к делу не относилось. Поэтому я молчал.

— Не хотите, значит. Тогда я скажу. Вы остались пиратом. Вы всегда им были. Но главное — не в этом. Вы — тот, чье прозвище упомянули при мне всего один раз; тот — кого никто не видит, но все знают. Вы — так называемый Босс, главарь всей шайки!

16. Весь ответ

Седой отшельник вскочил с кресла. Разинув рот, он стоял, не в силах ни вдохнуть, ни выдохнуть. Адмирал, рубанув кулаком воздух, прорычал:

— Какого черта! Что такое?! Вы! Объяснитесь! Быстро!

Лакки не сводил с отшельника глаз.

— Сядьте, Хансен. Давайте разберемся. Если найдете противоречия, вам будет легко оправдаться. Итак, капитан Энтон высаживается на «Атлас». Он — неглупый человек и не верит в мою легенду. Незаметно сделав мою трехмерную фотографию, он посылает ее боссу на опознание. Боссу кажется, что он узнал меня. Вы ведь и правда узнали меня, Хансен? Далее босс дает указание убить самозванца. Что Энтон и пытается сделать руками Динго. Он сам мне в этом признался при последнем разговоре, затем, когда дуэль обернулась в мою пользу, вы берете дело в свои руки. Меня сажают на ваш камень.

Тут Хансен взорвался.

— Но это безумии! Я же спас вас! Доставил вас целым и невредимым на Цереру!

— Спокойно. У меня была идея внедриться в пиратскую организацию и добыть факты изнутри. Такая же идея пришла к вам. И вы ее реализовали с большим, надо признать, успехом. Вы убедились что Земля не готова к войне. Вам стало ясно — угроза с астероидов недооценивается. Так что можно действовать нагло и быстро. Карманные субэфирные передатчики известны давно. Вы связались по коду с Энтоном, и пираты тут же атаковали Цереру. Вы поднялись в коридор, но не сражаться с джентльменами удачи, а присоединиться к ним. С какой это стати они вас «взяли в плен»? Как стукача, вас должны были бы прирезать. Вместо этого вас берут на флагманский корабль, держат без охраны и даже доверяют оружие. Вы свободно смогли войти в рубку и пристрелить капитана.

Воздев руки, отшельник взмолился:

— Но я же застрелил его! Зачем, зачем бы мне это делать, будь я на самом деле боссом? Ответьте!

— Отвечу. Энтон был маньяк. Он был готов скорее сдохнуть, чем принять мои условия. В ваши планы не входило умереть, чтобы потешить его тщеславие. Пленение же вашего корабля означает только отсрочку войны. Вы рассчитываете, что атакуя Ганимед, — Лакки покосился на адмирала, — мы все равно спровоцируем войну с Сириусом. А вы, продолжая играть роль отшельника, найдете способ бежать и снова принять

командование над пиратами. Что такое жизнь Энтона в сравнении со всем этим?

Хансен зашипел:

— Где доказательства? Без доказательств — это одни ваши фантазии!

Адмирал, наконец уловивший суть дела, вломился в беседу.

— Старр! Этот человек — мой! Мы вывернем его наизнанку! Он скажет нам правду!

— Извините, адмирал! Час еще не прошел... Фантазии, говорите? Продолжим, мистер Хансен. Вы заявили, что не знаете координат своего камня. Это само по себе очень странно, ну да бог с этим. Я рассчитал траекторию по своим цифрам и оказывается, что ваш астероид вопреки всем законам природы находится там, где находиться не может.

— А?! Что?! — не понял адмирал.

— Я говорю о том, что достаточно малый камень ничего не стоит столкнуть с постоянной орбиты, достаточно, к примеру, оборудовать его гиператомными двигателями, как космический корабль. Ну как ему иначе оказаться в запрещенной зоне?!

— Это еще не истина! — взвыл Хансен. — Вы проверяете меня! Берете на «пушку»!

— На какую «пушку», Хансен! Очнитесь! Я вернулся на камень. Хотя и не предполагал, что вы отойдете так далеко, я все же нашел его! Идея ваша гениальна, но слишком рискованна. Гениальна тем, что свободно порхающий камень уйдет от любого преследования, а рискованна потому, что всякий астроном удивится, увидев ваш камень, свободно выходящий из эклиптики, или дрейфующий в запрещенной зоне, или еще хуже — разглядит в телескоп горящие сопла двигателей. Да, я нашел ваш камень. Как вы ни прятались, я нашел его! Базу, завод, склад, космический корабль... Что это, Хансен — импорт с Сириуса?

— Это не мой камень!

— Ваш, ваш. Меня там ждал Динго. Он знал, что я ищу, и подстерег меня, сидя на вашем астероиде. Кстати, ваши подчиненные очень болтливы — он добровольно все выложил.

Отшельник схватился за голову.

— Бред! Оставьте меня, я буду говорить с адмиралом! Есть тысячи камней такого же размера и формы! Я не отвечаю за болтовню какого-то Динго!

— Тогда получите другое свидетельство — вам оно больше понравится. На пиратской базе в долине лежала целая гора использованных банок.

— Банок?! — изумился адмирал. — С ума сойти! При чем тут банки?

— Хансен складывал использованные банки в долину на своем астероиде. Говорит, что не хотел засорять космос. На самом деле, я думаю, он не хотел оставлять следов. Так вот, по этой примете — долине банок, я и нашел нужный астероид. А теперь, адмирал, взгляните на этого господина, и вы поймете, как я прав.

Вместо милого старичка-отшельника в кресле сидел другой человек. Рот твердо сжался, глаза под седыми кустиками пылали неуголенной яростью Босс просипел изменившимся голосом:

— Ладно. Дальше-то что? Чего вы добиваетесь?

— Я хочу, чтобы вы связались с Ганимедом. Вы уже вели с ними предварительные переговоры, они вас знают. Скажете, что астероиды сдаются Земле и в случае необходимости соединятся с ней против Сириуса.

Хансен хрипло засмеялся.

— Ну, уж нет! Камней вы не получите! Мои парни еще погуляют на воле!

— Очень недолго. Самое позднее, через неделю мы очистим весь пояс астероидов. На вашем камне остались записи, не так ли?

— Ищите! Ищите мой камень! Ловите ветер в поле!

— Это как раз легче всего. Баночки, знаете ли.

— Валяйте! Лет сто вам хватит!

— Самое большее — день. Когда я последний раз улетал, я опалил ваш мусор тепловым лучом. Баночки расплавились и превратились в лист изумительного белого металла. Ваша долина сверкает теперь на миллионы миль, словно кусок фольги. Обсерватория Цереры без труда отыщет астероид, сияющий раз в десять ярче, чем ему положено. Поиски начались еще до того, как я пустился за вами в погоню.

— Ложь! Не держите меня за идиота!

— Ах, так! Что ж, взгляните, — Лакки вытащил из папки фотографию. — Вот, звезда со стрелкой — это и есть ваш камень. Еще вчера получено по субэфиру.

— Не страшно!

— Сейчас будет. Корабли Совета взяли ваш камень штурмом.

— Что-о-о!!! — возмущенно проревел адмирал.

— Время, сэр. Каждый час был дорог. Обнаружена ваша комната и туннель между ней и базой пиратов. Найдены записи с координатами баз. Вот документы, — Лакки опять раскрыл папку. — А вот и первые фотографии баз. Это уже сегодняшняя почта. Ну так как, мистер Босс, не страшно?

Хансен съехал с кресла на пол, держась за сердце и хватая воздух ртом.

— Вы проиграли полностью и окончательно. И ни черта у вас

не осталось, кроме поганой жизни. Я ничего не обещаю, но если вы сделаете, как я сказал, ее может быть удастся спасти. Вызывайте Ганимед.

Хансен беспомощно опустил голову.

На адмирала больно было смотреть. Страдающим басом он пожаловался:

— Как? Совет очистил камни?! Без... без консультации с Адмиралтейством?!

— Ну, Хансен, я жду.

Старик с трудом поднялся и вздохнул.

— Чего уж теперь... Где передатчик?

Конвей, Генри и Бигмен встретили Старра в космическом порту. Все четверо отправились напрямик в Планетный ресторан. Под окнами стеклянного кабинета сиял огнями вечерний город.

— Удачно, что Совет успел на базы раньше флота. Военные наломали бы дров и не решили бы ни одной проблемы, — сказал Генри.

Конвей кивнул.

— Ты прав. Через двадцать пять лет на камнях опять завелась бы пиратская нечисть. А ведь большинство джентльменов удачи понятия не имели о Сириусе. Обычные люди, может быть — с авантюрной жилкой. Надо убедить правительство амнистировать их. Всех, кроме очень уж замаранных.

— В самом деле, — вступил Лакки. — Помогая освоению астероидов, снабжая их водой и горючим, финансируя развитие дрожжевых ферм — мы строим мощную защиту на будущее. Лучшая защита от пиратства — мирное созидание.

— Знаю я этот мир! — сердито пробурчал Бигмен, — Все это до тех пор, пока Сириус опять не покажет коготки.

Лакки, улыбнувшись, отвесил Бигмену шутливый подзатыльник.

— Не грусти, дружище! Подумаешь, повоевать не пришлось. Неужели ты не можешь порадоваться небольшому отдыху?

— Извини, Лакки, — с упреком произнес Конвей, — но ты должен был нам сказать все начистоту.

— Я бы и сам хотел, но надо было разобраться с Хансеном одному. По личным причинам.

— А когда ты впервые его заподозрил? Когда узнал про запретную зону?

— Это был уже последний штрих. То, что он не отшельник, я понял через час нашей первой беседы на камне.

— Как ты догадался?

— Хансен признал меня сыном Лоуренса Старра. Значит, он действительно встречался с отцом. Но были две странности в

таким узнавании. Во-первых, отшельник запомнил отца сердитым. А ведь сердитым, как вы мне рассказывали, он бывал крайне редко. «Ларри — весельчак», «Ларри — хохотун». Вот ваши обычные слова о нем. А во-вторых, Хансен на Церере не узнал ни вас, Конвей, ни вас, Генри. Даже имен ваших не слышал.

— Ну и что? — советники переглянулись.

— А то, что вы трое были неразлучны. В дружеской беседе отец обязательно бы вас помянул. Всему этому было одно объяснение — Хансен участвовал в нападении на корабль и убийстве родителей. Причем не простым пиратом — рядовой бандит такие хоромы не отгрохает. Четверть века назад ему было лет тридцать — возраст Энтона, самый сок для командира.

— Ах ты, черт возьми! — воскликнул Конвей.

— Лакки!!! — яростно завопил Бигмен. — И ты не пришил его на месте?!

Старр всплеснул руками.

— Как я мог?! На карту было поставлено слишком много, да что много — всё! Судьбы миллиардов людей! Вот и приходилось, скрепя сердце, быть вежливым. До поры до времени.

Лакки откинулся на спинку кресла и посмотрел на теплые огни города.

— Хансену грозит пожизненное заключение. Это похуже, чем быстрая смерть. Сирианцы покинули Ганимед. На астероидах — тишина. Мир на долгие годы. Для меня это лучшая награда. Мне кажется, отец бы меня одобрил. Как вы думаете?

ЛАККИ СТАРР И ОКЕАНЫ ВЕНЕРЫ
Lucky Starr and the oceans of Venus

1. Сквозь облака Венеры

Лакки Старр и Джон Бигмен Джонс покинули стены Второй Космической станции и не спеша направились к каботажному суденышку, которое уже поджидало их, распахнув шлюз. Несмотря на то что приятели были облачены в громоздкие и неуклюжие скафандры, их движения, несомненно, говорили о привычке к отсутствию силы тяжести.

Бигмен повернулся, чтобы еще раз взглянуть в сторону Венеры.

— Нет, ну это ж надо! Какая глыбища! — в который раз он не смог удержаться от восторга при виде планеты. Кажется, в восхищении дрожал каждый мускул его небольшого (5 футов 2 дюйма) тела.

Бигмен родился и вырос на Марсе. Он привык к красновато-коричневым почвам родной планеты, видел скалистые астероиды. Даже на Земле побывал — зелено-голубой. А тут вот — такая серо-белая громадина... Венера заслоняла собой половину небосвода. Космическая станция находилась на расстоянии двух тысяч миль от ее поверхности. Вторая станция, точно так же, располагалась на противоположной стороне планеты. Две станции, служившие ангарами для прибывающих на Венеру межпланетных кораблей, делали виток за три часа, следуя друг за другом, как по наезженной колее.

Впрочем, хотя станции и крутились над самой поверхностью планеты, что-нибудь новое разглядеть не удавалось. Ни тебе континентов, ни морей, ни гор, ни пустынь, ни зеленых полей. Белизна — сверкающая белизна, лишь кое-где нарушаемая серыми линиями.

Белизна — вечно беспокойная облачность, окутывающая Венеру; серые же линии означали границу столкновения воздушных масс. Облака там проседали, и в них приоткрывались щели, в которые можно было разглядеть, что на планету падает дождь.

— Послушай, Бигмен, насмотришься еще на Венеру. Попрощайся лучше с солнышком, — подкусил приятеля Лакки.

Бигмен фыркнул. Для его глаз и земное Солнце было непомерно ярким. А здесь, на орбите Венеры, светило вообще казалось раздувшимся монстром, его яркость в два с четвертью раза превосходила яркость земного и раза в четыре — родного марсианского. Лично он, Бигмен, был даже рад, что Солнце вскоре скроется за облаками. И слава Богу, что на всех окнах опущены жалюзи.

— Ну, — буркнул Лакки, — ты, недотепа марсианская, заходить будешь?

Бигмен очнулся и обнаружил, что добрался до корабля и одной рукой уже держится за люк шлюза. Но от Венеры взгляд отрывать не спешил. Половина ее еще сияла, когда с востока на блестящий диск быстро, со скоростью вращения станции, наезжала тень.

Лакки подплыл до шлюза корабля и свободной рукой слегка поддал пинка зазевавшемуся Бигмену. Тот, кувыркаясь в невесомости, медленно исчез внутри.

За Бигменом последовал и Лакки — мягко, одним усилием пальца плавно направив тело внутрь шлюза. Сейчас ему было не до веселья, но все равно он не смог удержаться от улыбки, глядя, как Бигмен, растопырив все конечности, висит вниз головой, пытается хотя бы пальцем дотянуться до внутренних дверей шлюза. Лакки вплыл внутрь, и наружные створки сомкнулись.

— Ты, — негодовал Бигмен, — супермен пришибленный! Вот плюну я на тебя когда-нибудь, и ищи себе кого поглупее!

Воздух быстро заполнил маленькое помещение, и открылись внутренние двери, в которых, уклонившись от болтающихся ног Бигмена, появились двое. Один, с виду — главный, был приземист, коренаст и с невероятно длинными усами.

— Что-то случилось, господа? — поинтересовался он.

— Можем чем-нибудь помочь? — спросил второй, более худощавый, высокий и светловолосый, но с усами примерно того же размаха.

— Можете, — снисходительно кивнул Бигмен. — Покажите нам каюту и скажите, куда повесить скафандры. — Он, наконец, сумел опуститься на пол и принялся разоблачаться. Лакки скафандр уже сиял.

Они вышли из шлюза, двери закрылись. Скафандры, внешняя поверхность которых уже остыла в пустоте, моментально покрылись инеем, и Бигмен поместил их в шкаф-сушилку.

— Итак, — продолжил темноволосый, — это вы — Вильям Вильямс и Джон Джонс?

— Да, я — Вильямс, — кивнул Лакки. Псевдонимом он пользовался уже давно. Люди из Совета Науки старались избегать любой огласки. Тем более, когда предстояло очередное расследование. — Вот наши документы. Надеюсь, багаж на борту?

— Все в полном порядке, — кивнул темноволосый. — Меня зовут Джордж Ривал, я пилот, а это — Тор Джонсон, помощник. Стартуем через пару минут. Если хотите чего, то говорите сразу.

Пассажиров отвели в небольшую каюту, и Лакки облегченно вздохнул. В космосе он никогда не ощущал себя комфортно, если,

конечно, не сидел за штурвалом своего быстроходного крейсера «Метеор», который отдыхал теперь в ангаре космической станции.

— Хочу вас предупредить, — сообщил темноволосый, — как только мы сойдем с орбиты станции, то гравитация начнет резко нарастать. Если вы почувствуете приступ тошноты...

— Тошноты?! — зарычал Бигмен. — Ты, земноводное, да я уже в детстве держал такие перегрузки, какие тебе и теперь не снятся!

Он оттолкнулся пальцем от стены, скрутил медленное сальто и замер так, что башмаки повисли ровно в дюйме над полом, а палец уперся в ту же самую точку.

— Вот так-то! Попробуй-ка, сделай такое, когда будешь чувствовать себя в хорошей форме!

— Слушай, приятель, — ухмыльнулся помощник, — что ты по пустякам разоряешься...

— По пустякам?! — немедленно вспыхнул Бигмен. — Ты, поваренок, какого... — но рука Лакки легла на локоть Бигмена, и окончание фразы повисло в воздухе.

— До встречи на Венере, — хмуро распрощался начальник. Тор, все еще ухмыляясь, кивнул и последовал за шефом в нос корабля, в рубку.

Бигмен, чей гнев моментально испарился, недоуменно обернулся к Лакки:

— Слушай, что у них за усищи? Я таких длинных в жизни не видал.

— На Венере так принято, — пояснил Лакки. — Там все с такими ходят.

— Хм, — задумался Бигмен, потирая свою безусую губу, — а интересно, как бы я с ними выглядел?

— Ну, отрасти, — усмехнулся Лакки. — Глядишь, и лица видно не будет.

Он уклонился от кулака ринувшегося на него Бигмена, и тут пол под ногами дрогнул — «Чудо Венеры» отошло от станции. Каботажник развернулся носом в сторону планеты и начал путь по спиральной траектории, которая вскоре опустит их на поверхность.

Лакки Старр почувствовал, как, наконец, расслабляется, едва только корабль стал набирать скорость. Его коричневые глаза прикрылись веками, умное, правильное лицо расслабилось. И хотя он был высок и на вид казался хрупким, но только казался — мышцы Лакки отличались стальной крепостью.

Лакки изведal в жизни уже многое. И хорошее, и дурное. Своих родителей он потерял еще в детстве, их убили пираты возле Венеры, примерно там, где он находился теперь. Воспитали

его друзья отца — Гектор Конвей, ныне глава Совета Науки, и Аугустус Генри, начальник Отдела Совета.

Они готовили Лакки к тому, чтобы в один прекрасный день он смог бы стать Советником, членом Совета Науки, организации мощной, осведомленной и в то же время самой скрытной во всей Галактике.

И год назад, окончив Академию, он стал полноправным Советником и вошел в ряды тех, чья профессия — способствовать развитию человечества и бороться с врагами цивилизации. Он стал самым молодым Советником за всю историю и, кажется, оставался им по сей день.

В своих первых схватках он победил. В пустынях Марса и среди мрачных скал пояса астероидов враги были повержены.

Но борьба со злом и преступлениями — дело не одного дня, и вот снова тревога, снова творятся темные дела, на этот раз — на Венере, и все тем более сложно, что обстоятельства происходящего известны далеко не полностью.

— Я не уверен даже в том, что это Сириус опять мутит воду против Солнечной Конфедерации, — сказал, почесав за ухом, Гектор Конвей, Главный Советник. — А ну как это просто мелкий разбой? Наш представитель на Венере пытается разобраться...

— А вы не послали туда кого-либо из наших спецагентов? — спросил Лакки, который только что вернулся с астероидов.

— Послали, — кивнул Главный Советник, — Эванса.

— Лу Эванса? — темные глаза Лакки радостно блеснули. — Он мой однокашник. Он великолепен...

— Вот как? А наш резидент на Венере требует его отзыва. Отзыва и расследования дела о коррупции.

— Что?! — Лакки в негодовании вскочил на ноги. — Дядюшка Гектор, это немыслимо!

— Что же, слетай туда сам и во всем разберись. Как?

— О Боже со всеми твоими ангелами и архангелами, что за вопрос! Мы с Бигменом летим, как только «Метеор» подготовят к полету.

И вот уже Лакки видит в иллюминаторе, как над Венерой простирается ночная тень. Через час планета погрузится в полную темноту. Все звезды закрылись гигантским диском Венеры.

Вскоре они вновь оказались на освещенной стороне планеты, только в иллюминаторе дарил уже серый цвет, поскольку корабль приближался к поверхности, облачность была не видна. По сути, корабль начал уже входить в нее.

Бигмен в это время успешно разбирался с гигантским бутербродом с курицей.

— Тьфу, — сказал он, прикончив его и вытерев губы, — не

хотел бы я сейчас тащить корабль вниз сквозь эту муру.

Вышли наружу и зафиксировались крылья, теперь корабль использовал атмосферу и характер полета резко изменился: корабль стало трясти то вверх, то вниз, как если бы они съехали с асфальта на булыжную мостовую.

Межпланетные корабли не слишком удобны для посадки на планеты с плотной атмосферой. Поэтому вокруг таких планет, как Земля и Венера, созданы специальные станции. Корабли, возвращающиеся из глубокого космоса, прилетают туда, а уж с этих станций путешественников доставляют на поверхность планеты каботажные суда, способные перемещаться в атмосфере как обыкновенные самолеты.

Бигмен — а он мог бы провести корабль с Плутона на Марс с завязанными глазами — растерялся бы при столкновении с атмосферой. Даже Лакки, которого в Академии не на шутку натаскивали пилотировать каботажники, и тот не слишком бы обрадовался необходимости сажать корабль вслепую.

— Пока первые люди не оказались на Венере, — сказал Лакки, — они могли наблюдать только ее облачный покров. О планете поэтому знали мало.

Бигмен не отреагировал, поскольку был занят — исследовал пластиковый пакет: не завалился ли там еще один бутерброд.

— Они не могли даже сказать, — продолжал Лакки, несмотря на отсутствие энтузиазма у слушателя, — с какой скоростью планета вращается вокруг оси. Не знали о составе ее атмосферы. Знали только, что там есть углекислый газ, но почти до конца XX века думали, что на планете совершенно нет воды. А потом оказалось, что все совсем не так.

Лакки замолчал. Его мысли против воли вновь и вновь возвращались к закодированному сообщению, которое он получил на полдороге, в десяти миллионах миль от Земли. Сообщение пришло от Лу Эванса, его старинного приятеля, которого Лакки известили, что летит к нему.

Текст был краток, ясен и резок. «Не лезь» — вот и все.

На Эванса не похоже. Вывод был только один — друг попал я беду, и, конечно, ни о каком «не лезь» и речи быть не могло. Ровно наоборот.

— Слушай, Лакки, как странно, — подал голос Бигмен, — если подумать, что когда-то, давным-давно, люди сидели на Земле, как в курятнике, И никуда оттуда выбраться не могли. И ничегошеньки не знали ни о Марсе, ни о Луне. Жуть какая-то, если представить.

И тут корабль пробил облачный слой. Даже мрачные мысли Лакки рассеялись от вида, открывшегося внизу.

Все произошло внезапно. Только что корабль окружала вечная и безысходная молочная пелена — и вдруг — кругом прозрачный воздух. Поверхность планеты освещалась чистым, ясным светом, а сверху была видна матовая изнанка облаков.

— Лакки, — только что не взвизгнул Бигмен, — ты взгляни!

Под ними на мили, до самого горизонта простирался плотный ковер сине-зеленой растительности. Там, внизу, не было ни возвышений, ни впадин; поверхность была ровной, словно ее разровнял гигантский атомный бульдозер.

Но землянина этот вид бы ошарашил. Там не было ничего! Ни дорог, ни домов, ни городов, ни рек. Одна только неизменная сине-зеленая поверхность.

— Это все углекислый газ, — пояснил Лакки. — Оттого тут все так безумно растет. На Земле его в атмосфере всего три сотых процента, а тут — почти десять.

Бигмен, много лет проживший на Марсе, в углекислом газе понимал.

— А облака почему так светятся?

— Ты забываешь, Бигмен, — улыбнулся Лакки, — что Солнце тут светит раза в два ярче, чем на Земле. — Он снова выглянул в иллюминатор, и его улыбка потухла.

— Странно, — пробормотал он.

Внезапно он вскочил на ноги.

— Бигмен, к пилотам, быстро!

В два прыжка Лакки оказался возле служебного отсека. Еще два прыжка — и он у дверей рубки. Дверь не заперта. Он толкнул — та распахнулась. Оба пилота, Джордж Ривал и Тор Джонсон, сидели на своих местах, тупо уставившись в приборную панель, Никто из них не обернулся.

— Послушайте... — начал Лакки, Никакой реакции.

Лакки коснулся локтя Джонсона, и рука помощника раздраженно дернулась, стряхивая с себя захват. Молодой Советник ухватил помощника за вторую руку и крикнул:

— Займись вторым, Бигмен!

Коротышка ринулся вперед, не задавая лишних вопросов, как лихой забияка.

Лакки выдернул Джонсона из кресла. Тот встал на ноги, покачнулся и бросился на пассажира. Лакки увернулся от удара в лицо и прямым правой в челюсть уложил Джонсона на пол. Почти одновременно с ним Бигмен вывернул руку Ривала за спину и быстро пресек его дальнейшее сопротивление.

Затем Бигмен выволок оба тела из рубки и запер дверь. Покончив с этим, он обнаружил, что Лакки лихорадочно возится с управлением.

— Что случилось? — только теперь он позволил себе задать вопрос.

— Мы не начали выравнивание перед посадкой, — мрачно пояснил Лакки. — Я глядел вниз и увидел, что поверхность приближается слишком быстро. И ничего пока не изменилось.

Он отчаянно искал ручку, управляющую элеронами, чтобы изменить угол полета. Синяя поверхность Венеры неумолимо приближалась. Она просто-таки рушилась на них.

Глаза Лакки впились в показания прибора, следящего за давлением снаружи корабля: чем больше он показывает, тем ближе к поверхности корабль. Теперь плотность нарастала медленней. Лакки осторожно выжимал рукоятку управления. Так и надо: медленно, медленно — иначе на такой скорости элероны просто сорвет. До нуля счетчика высоты оставалось совсем ничего. До поверхности было сотен пять футов, не больше.

Ноздри Лакки раздулись, на шее вспухли вены, он продолжал медленно разворачивать элероны.

— Выравниваемся, — бормотал Бигмен, — выравниваемся...

Но высоты не хватало, Навстречу падала сине-зеленая стена, уже ничего не было видно, кроме нее, и, со скоростью слишком большой и под большим углом, «Чудо Венеры» врезалось в Венеру.

2. Купол над океаном

Будь поверхность Венеры такой, какой она казалась с высоты, «Чудо Венеры» разлетелось бы в пыль и моментально сгорело дотла. Иначе говоря, карьера Лакки Старра преждевременно бы завершилась.

Но, к счастью, вся эта пышная растительность, изумляющая взгляд путешественника, была водорослями. Сине-зеленая растительность покрывала не камни или скалы, но океан, который, собственно, и занимал всю поверхность планеты.

Хотя и так «Чудо Венеры» рухнуло вниз с громоподобным грохотом, прошло плотный слой клейких растений и продолжило свой путь в глубину. Лакки и Бигмена отбросило к стенке.

Обычный корабль тут все равно разлетелся бы на куски, но каботажник и предназначался для входа в воду на большой скорости: швы корабля отличались повышенной прочностью, а его обводы были гладкими, обтекаемыми; крылья, которые Лакки не успел — да и не сумел бы — убрать, оторвались, но и это не слишком сказалось на мореходных качествах «Чуда Венеры».

Корабль продолжал нестись в зелено-черный мрак океана. Свет уже полностью задерживался толщей воды и плотным ковром растительности, а прожектора не работали, похоже, при столкновении с водой нарушился какой-то контакт.

Лакки не знал, что делать.

— Бигмен, — позвал он.

Ответа не было. Лакки протянул руку вперед, в потемках обшаривая окрестности. Наткнулся на голову Бигмена.

— Бигмен, — снова позвал Лакки. Он положил руку на грудь приятелю и с облегчением выдохнул: сердце того бьется ровно.

Что с кораблем, Лакки не знал. Кроме того, было понятно, что управлять им в кромешной тьме он не сможет. Оставалось надеяться лишь на то, что возрастающая плотность воды успеет затормозить корабль раньше, чем он врежется в дно.

Он пошарил в кармане и достал маленькую пластиковую палочку дюймов шесть длиной, нажал кнопку, и из торца выстрелил мощный, почти не рассеивающийся пучок света.

Лакки снова склонился над Бигменом. Да, на голове марсианина вспухла здоровенная шишка, но ничего вроде не переломано — во всяком случае, Лакки ничего такого не увидел.

Бигмен моргнул и застонал.

— Держись, парень, — ободрил его Лакки. — Все будет в порядке.

Впрочем, сам он это мнение не очень разделял. Корабль надо привести в порт, а для этого пилоты должны были остаться живы и согласиться сотрудничать.

Оба венерианца сидели на полу и взглянули на Лакки с таким изумлением, словно он появился прямо из океана.

— Что происходит? — почти простонал Джонсон. — Я сидел за штурвалом, вел корабль, а потом — ничего не помню...

Враждебности в его голосе не было, а в глазах — лишь смущение и боль.

«Чудо Венеры» более-менее пришло в порядок. Двигалось плоховато, но работали все прожектора, и, к счастью, неповрежденными оказались все аварийные батареи. Двигатели шумели вполне мелодично, и каботажник демонстрировал свое третье качество: он предназначался для перемещений не только в космосе и атмосфере, но и под водой.

В рубку вошел Джордж Ривал. Пилот был удручен и крайне смущен. Происшедшее обошлось ему в порезанную щеку, которую Лакки промыл, продезинфицировал и заклеил пластырем.

— Есть несколько течей, небольших, и я их заткнул. Крылья снесены напрочь, и вышли из строя основные батареи. В общем, ремонт предстоит нешуточный, но, думаю, нам еще повезло, что мы так легко отделались. Вы блестяще выкрутились, мистер Вильямс, — с уважением произнес Ривал.

— Надеюсь, вы расскажете мне, что стряслось с вами, — взглянул на него Лакки.

Ривал замялся.

— Не знаю. Чувствую себя полным идиотом, но не знаю.

— А вы? — Лакки обернулся к помощнику.

Тор Джонсон, ковырявшийся в рации, отрицательно покачал головой.

— Последнее, что я помню ясно, — попытался припомнить Ривал, — мы находились еще в слое облачности. А потом — ничего, пока не появились вы с фонариком.

— А вы или Джонсон наркотики не употребляете? — осторожно поинтересовался Лакки.

Джонсон раздраженно взглянул на него.

— Нет. Никогда.

— Но что же тогда вас выключило, причем одновременно?

— Хотел бы сам знать, — поморщился Ривал. — Поймите, мистер Вильямс, мы же все-таки не детишки, а пилоты первого класса. — Он простонал. — По крайней мере, были пилотами первого класса. Теперь нас, конечно, понизят.

— Еще посмотрим, — буркнул Лакки.

— Послушайте, — вмешался Бигмен, — какой толк

рассуждать о том, что уже прошло? Где мы теперь? Вот что меня волнует. И куда мы тащимся?

— Мы отклонились от курса, это несомненно, — сообщил Джонсон. — До Афродиты хода часов пять-шесть.

— О гром и молнии! — возопил Бигмен, с отвращением глядя в непроглядную темень в иллюминаторе. — Шесть часов в этой клоаке!

Афродита — крупнейший венерианский город с населением в четверть миллиона человек. Еще за милю до него вода вокруг «Чуда Венеры» стала прозрачно-зеленой — от света городских огней. В светящейся изнутри зелени ясно различались темные, лоснящиеся корпуса спасательных судов, высланных навстречу поврежденному кораблю после установления радиосвязи. Суда сопровождали «Чудо Венеры» молчаливым, чуть торжественным эскортом.

Лакки и Бигмен, впервые увидев венерианский подводный город, почти напрочь забыли обо всех свалившихся на них неприятностях.

Издали город казался изумрудно-желтым пузырем, мерцающим и колышавшимся сквозь окружающую его воду. Смутно различались очертания зданий и мощные перекрытия, которые поддерживали купол над городом, позволяя ему выдержать гигантское давление воды.

С приближением город рос на глазах и светился все ярче. Зеленый цвет разгорался, Афродита становилась менее загадочной, менее сказочной, но все более и более притягательной.

И вот они в гигантском шлюзе, способном вместить небольшую флотилию грузовых суденышек или огромный линейный крейсер. Вода ушла из шлюза, и «Чудо Венеры» подняли на силовом лифте наверх.

Лакки и Бигмен проследили, как выгружают багаж, степенно пожали руки Ривалу и Джонсону и на скиммере отправились в отель Бельвью-Афродита.

Бигмен глядел в окошко скиммера, который нес их над крышами домов, огибая гигантские опорные конструкции купола.

— Вот и Венера, — задумчиво произнес он. — Ну, не знаю, стоило ли ради нее так рисковать. Никогда не забуду, как на нас падал океан.

— Боюсь, что это лишь начало, — заметил Лакки.

— В самом деле? — Бигмен озабоченно взглянул на приятеля.

— Зависит от обстоятельств, — пожал плечами Лакки. — Интересно, что нам расскажет Эванс.

Зеленый Зал отеля Бельвью-Афродита оказался именно зеленым — мягко мерцающий свет создавал ощущение, будто и столы, и посетители расположились прямо на дне морском, Потолок был сделан в виде перевернутой чаши, и под ним медленно вращался шарообразный аквариум, вода в котором была заполнена венерианскими водорослями, среди которых скользили различных оттенков морские ленты, пожалуй, самые прекрасные живые создания на Венере.

Бигмен, имея на уме исключительно подкрепиться, прибежал в ресторан первым. Тут его раздосадовало отсутствие клавишного меню, присутствие живых официантов и совершенно возмутил тот факт, что подавался лишь общий комплекс. Но он смягчился, обнаружив закуску замечательной, а суп так просто превосходным.

Заиграла музыка, публика оживилась, и шар аквариума вращался Весслее.

От удивления рот у Бигмена открылся; обед был забыт.

— Ты глянь-ка... — пробормотал он, указывая на аквариум.

Морские ленты были разной длины — от коротышек дюйма в два до полос длиной в ярд. Все они были тонкими, плоскими, как бумажный лист, и узкими. Перемещались существа, прогоняя по своему телу волну от головы к хвосту.

А каждая еще и светилась, излучая интенсивный цвет. Это было просто великолепно. Во все стороны от каждой ленты расходились маленькие светящиеся спирали: малиновые, пунцовые, розовые, оранжевые, попадались кое-где синие и фиолетовые. Мелкие особи то и дело оплетали собой крупные. И все это — внутри светло-зеленой светящейся воды. Казалось, там плавает и переливается радуга, изысканнейший калейдоскоп огней, постоянно меняющий конфигурацию цветов и сияний.

Бигмен, наконец, продолжил обед и приступил к десерту. Эту штуку официант назвал «медовыми зернышками». Сначала Бигмен созерцал содержимое тарелки с некоторой опаской: зернышки были на вид мягкими оранжевыми овалами, вся масса слегка подрагивала, но с готовностью оказывалась на ложке. На языке зернышки сначала казались вовсе не имеющими вкуса, сухими, а затем вдруг таяли тонким, сладчайшим ликером, с совершенно восхитительным ароматом.

— О! — мычал от наслаждения Бигмен. — Ты уже пробовал сладкое?

— Что? — рассеянно спросил Лакки.

— Сладкое ел? Это отличный ананасный сок, только в миллион раз лучше... Да что с тобой?

— К нам, похоже, идут, — сквозь зубы процедил Лакки.

— Кого тут еще? — Бигмен сделал движение на стуле, намереваясь проинспектировать окружающих.

— Тише, — едва слышно шепнул Лакки. — Не двигайся.

Бигмен услышал, как к столику приближаются чьи-то шаги, и скосил глаза в их сторону. Бластер остался в номере, но у него с собой была силовая бритва, которая немедленно оказалась в его ладони. Бритва выглядела таким маленьким плоским футлярчиком, по при активизации силового поля могла располовинить что угодно, оказавшееся на пути. Бигмен поигрывал оружием в пальцах.

— Вы позволите разделить с вами компанию? — раздался вполне вежливый голос сзади.

Бигмен обернулся; бритва зажата в руке, готовая к бою. Но человек выглядел совсем не зловеще. Он был толст, а одежда сидела на нем прекрасно. Лицо круглое, сероватые волосы хоть и зачесаны назад, но лысина просвечивала все равно. Глаза были маленькими, голубыми и выражали, скорее, дружелюбие. Разумеется, лицо украшали усы, столь же гигантские, как и у пилотов.

— Сделайте одолжение, — вежливо ответил Лакки. Все его внимание, казалось, сосредоточилось на чашке кофе, стоящей перед ним. Толстяк присел и положил Руки на стол. Затем выставил на общее обозрение запястье. Вскоре на коже возник темный овал, внутри которого, перемигиваясь, затанцевали золотые точки, образовавшие контуры Ориона и Большой Медведицы. Потом картинка пропала. Толстяк сидел, глядя на них, и улыбался.

Идентификационную татуировку Совета Науки нельзя ни подделать, ни симитировать. А способ ее проявления на коже по желанию хозяина оставался одним из наиболее охраняемых секретов Совета.

— Меня зовут Мел Моррис, — представился толстяк.

— Да, я понял. Мне о вас говорили, — кивнул Лакки. Бигмен откинулся на спинку стула и сунул бритву в карман. Мел Моррис руководил венерианской секцией Совета, Бигмен о нем слышал. С одной стороны, он успокоился, а с другой — был слегка разочарован, что обошлось без драки, когда он все уже так хорошо придумал — для начала запустить ему в лицо чашку с кофе, потом перевернуть на него стол — и вперед, смотря по обстановке.

— Венера кажется необычной и чудесной, — начал разговор Лакки.

— Вы уже видели наш светящийся аквариум?

— Это прекрасно, — согласился Лакки.

Венерианский Советник улыбнулся и поднял палец. Официант немедленно принес ему чашку горячего кофе. Моррис подождал, пока тот слегка остынет, отхлебнул и мягко продолжил:

— Полагаю, вы расстроены, увидев здесь меня. Вы рассчитывали встретить другого человека.

— Да, — холодно ответил Лакки. — Я думал, что поболтаю с приятелем.

— Да, — кивнул Моррис, — вы отправили сообщение Советнику Эвансу и назначили ему здесь встречу.

— Вы хорошо осведомлены.

— Конечно. Эванс находится под строжайшим наблюдением. Все его контакты под контролем.

Они говорили очень тихо, даже Бигмен с трудом мог их расслышать.

— Нехорошо, — заметил Лакки.

— Вы говорите это как его друг.

— Да.

— Но, что касается дружбы, он просил вас не прилетать на Венеру?

— Да, вы знаете и об этом.

— Конечно. И вы едва не разбились при посадке. Не так ли?

— Да. Вы считаете, что Эванс опасался чего-то подобного?

— Опасался?! Боже! Старр, ваш друг Эванс все это и подстроил!

3. Дрожжи!

Лицо Лакки ничего не выказало, он даже глазом не моргнул.

— А подробнее? — попросил он.

Моррис, кажется, улыбнулся опять, но его рта не было видно за громадными усищами.

— Знаете, лучше не здесь, — мягко предложил он.

— Где?

— Погодите-ка, — Моррис взглянул на часы. — Через минуту начнется шоу. Это называется «танцы в морском мерцании».

— В морском мерцании?

— Ну да. Шар засветится зеленым цветом, начнется музыка, и все пойдут танцевать. А мы в это время незаметно улизем.

— Вы говорите об этом так, словно нам что-то угрожает.

— Вам — угрожает, — вежливо сообщил Моррис. — Но не волнуйтесь, с того момента, как вы оказались в Афродите, наши люди не спускают с вас глаз.

Тут, словно бы из кристального шарика в центре стола, раздался радушный голос. Судя по тому, что остальные посетители повернулись к своим столам, так оно и было.

— Леди и джентльмены, — сообщил голос, — надеемся, обед не разочаровал вас. А теперь мы приглашаем всех в Зеленый Зал, где, чтобы доставить вам приятное, администрация подготовила всем магнетонные ритмы Тоба Тобиаса и его...

Голос говорил еще что-то, но последние слова были заглушены восторженными воплями собравшихся гостей, большинство которых только недавно прилетело с Земли. Свет разгорался ярче, шар аквариума под потолком стал ослепительно изумрудным, и морские ленты засияли чистым серебром. Оказывается, поверхность шара была граненой, и при вращении он разбрасывал по сторонам мягкие, почти гипнотизирующие цветные тени. Мощные звуки музыки неслись из множества небольших динамиков, установленных подле каждого инструмента. А сами инструменты представляли собой стержни разной высоты, играли на которых, умело изменяя магнитное поле вокруг стержня.

Посетители поднялись танцевать. Зашаркали ноги по паркету, над залом витали смешки и перешептывания. Моррис пригнулся к приятелям и дал знак следовать за ним.

Лакки и Бигмен молча отправились за Моррисом. Следом за ними двинулись мрачноватые фигуры, которые, казалось, материализовались из теней на портьерах. Охрана двигалась на почтительном расстоянии, но каждый, Лакки был уверен, сжимал

в руке бластер. А как же еще? Венерианский Советник к происходящему относился крайне серьезно.

Лакки с одобрением оглядел апартаменты Морриса. Простенько, но со вкусом. В его кабинете забывалось, что сотней ярдов выше находится прозрачный купол, над которым — сотни ярдов перенасыщенного углекислым газом океана, а еще выше — сотни миль чужой, не пригодной для жизни атмосферы.

Особенно приятно удивила Лакки коллекция микрофильмов, заполнивших целый стеллаж в одном из углов комнаты.

— Вы биофизик, доктор Моррис? — спросил Лакки, автоматически переходя к профессиональному обращению.

— Да, — кивнул Моррис.

— В Академии я тоже делал курсовую работу по биофизике.

— Знаю, — кивнул Моррис еще раз, — читал. Неплохая работа. Кстати, я могу называть вас Дэвид?

— В общем, меня так зовут, — смешался землянин, — но обычно меня называют Лакки.

Бигмен тем временем добрался до фильмов, раскрутил одну пленку и поглядел на свет. Содрогнулся, поставил на место и воинственно заявил Моррису:

— Не очень-то вы на ученого смахиваете.

— Надеюсь, что нет, — ничуть не обиделся Моррис. — Так и надо.

Лакки знал, что тот имеет в виду. Теперь, когда наука насквозь пронизала общество и культуру, ученые не могли оставаться в лабораториях. Поэтому, собственно, и возник Совет Науки. Сначала Совет служил лишь совещательным органом с тем, чтобы консультировать правительство в тех вопросах галактической важности, когда лишь ученые обладали информацией, необходимой для принятия разумных решений. Но постепенно Совет стал расширять поле своей деятельности, пришлось заняться борьбой с преступностью и контрразведкой. Постепенно в ведение Совета переходили все новые каналы власти. И, надо думать, благодаря его усилиям, в один прекрасный день образуется что-то вроде Империи Млечного Пути, где люди, наконец, станут жить в мире и гармонии.

Так что Советники должны были выполнять множество дел, весьма далеких от занятий чистой наукой, и тут как раз лучше, если они не слишком походили на ученых, кем, несомненно, они оставались.

— Простите, доктор, не могли бы вы сообщить мне неизвестные подробности? — начал Лакки.

— А что вам рассказали на Земле?

— Ничего особенного. Только в общих чертах. Да и то я не

слишком доверяю мнениям со стороны.

— Вот как? — довольно улыбнулся Моррис. — Это весьма редкое качество у людей из Центра. Обычно они присылают сюда своих агентов вроде Эванса, что те расскажут, так и есть.

— Ну или таких, как я, — счел необходимым заметить Лакки.

— Нет, ваш случай несколько иной. Мы знаем все о вашей прошлогодней работе на Марсе и многое из того, что вы осуществили только что на астероидах.

— Это, если бы вы были там вместе с ним, тогда бы могли считать, что знаете многое, — фыркнул Бигмен.

— Заткнись, Бигмен, — резко оборвал заметно покрасневший Лакки, — не до твоих рассказней.

Они сидели в мягких и удобных креслах, привезенных, похоже, с Земли. Голоса звучали немного странно, с едва различимым эхом, и Лакки понял, в чем дело: такой звук возникает в помещении, которое изолировано и защищено от прослушивания.

Моррис достал сигареты и предложил остальным, но те отказались.

— Что вы знаете о Венере? — осведомился он.

— Чему в школе научили. Обычные вещи, — улыбнулся Лакки. — Вторая планета от Солнца, находится от него на расстоянии примерно в 67 миллионов миль. Самый близкий к Земле мир, удален от нее на 26 миллионов миль. Венера чуть меньше Земли, сила тяжести тут примерно пять шестых земной. Вокруг Солнца обращается за семь с половиной земных месяцев, день длиной примерно 36 часов. Температура на поверхности чуть выше чем средняя земная, но не слишком — из-за облаков. И из-за них же не приходится говорить о временах года. Планета окутана облаками, поверхность занята океаном, а тот покрыт водорослями. Атмосфера состоит из углекислого газа и азота, для дыхания непригодна. Хватит, доктор Моррис?

— Пять баллов, — кивнул биофизик. — Вот только спрашивал я не о планете, а о венерианском обществе.

— Ну, это сложнее. Конечно, я знаю, что люди живут тут в городах под куполами, выстроенных на океанском мелководье, и, судя по всему, венерианская жизнь куда более цивилизованная и утонченная по сравнению с марсианской, например.

— Эй! — предостерегающе вскричал Бигмен.

— Вы не согласны с приятелем? — Моррис повернулся к Бигмену.

— Ну, — запнулся тот, — он, наверное, прав, но все равно — не стоило об этом говорить.

Лакки улыбнулся и продолжил:

— Венера — планета весьма развитая. Полагаю, тут примерно пятьдесят городов с общим населением в 6 миллионов. Вы экспортируете сухие водоросли, которые, как мне сказали, прекрасное удобрение, и брикеты сублимированных дрожжей на корм скоту.

— Отлично, — прокомментировал Моррис. — Да, кстати, как вам понравился обед в Зеленем Зале?

— Очень понравился, — машинально ответил Лакки, несколько сбитый с толку резкой сменой темы. — А почему вы об этом спрашиваете?

— Сейчас поймете. Что вы ели?

— Точно не скажу, — задумался Лакки. — Это был комплекс. Кажется, мясной гуляш с каким-то изысканным соусом и овощи, насчет которых ничего не могу сказать. Фруктовый салат, кажется. Да, еще сначала — томатный суп.

— И медовые зернышки, — добавил Бигмен.

Моррис оглушительно расхохотался.

— Господа, вы ошибаетесь! Никакого салата, ни мяса, ни овощей, ни томатного супа! Даже — никакого кофе! Вы ели только одно. Дрожжи!

— Что?! — скривился Бигмен.

На мгновение опешил и Лакки.

— Вы это серьезно? — спросил он, сощурившись.

— Конечно. В Зеленем Зале кормят только этим. Но никогда не скажут, а то распугают всех землян, Погодите, они вас еще спросят, как вам понравилось то или иное блюдо, как его можно улучшить и всякое такое. Зеленый Зал — это что-то вроде специальной лаборатории.

Бигмен скривился окончательно.

— Это противозаконно, — прошипел он перекошенным ртом, — я на них управу найду! Буду жаловаться а Совет Науки. Они не имеют права пичкать меня всякой гадостью, не поставив предварительно в известность! Что я им, корова или, или...

Закончил он уже совершенно Вессловесной и отчаянной жестикуляцией.

— Кажется, я угадал, — хмыкнул Лакки, — дрожжи находятся в определенной связи с инцидентами на Венере.

— Угадали, вот как? — сухо переспросил Моррис. — Значит, вам не показали наши официальные сообщения. Что ж, я не удивлен, Земля считает, что мы вечно преувеличиваем. Уверяю вас, это не так. И не просто инциденты. Дрожжи, Лакки, дрожжи! Это же основа венерианской жизни!

В кабинет Морриса въехал самодвижущийся столик. На нем возвышалась пофыркивающая кофеварка и три чашки с уже

налитым кофе. Сначала столик остановился возле Лакки, потом подъехал к Бигмену. Моррис взял третью чашку, пригубил и вытер свои могучие усы.

— Есть сахар и сливки, если желаете.

Бигмен взглянул и поморщился.

— Опять дрожжи? — осведомился он у Морриса с плохо скрываемой неприязнью.

— Нет. Настоящие, клянусь вам.

Какое-то время они молча пили кофе, затем Моррис продолжил:

— Венера, Лакки, слишком дорога для содержания. Наши города добывают кислород из воды, а это требует гигантских электролитических станций. Каждому городу необходимы гигантские силовые опоры, а то миллионы тонн воды раздавят купола. Электроэнергии Афродита потребляет примерно столько же, сколько вся Южная Америка, а население тут — лишь тысячная часть тамошнего.

И на энергию надо заработать. Мы должны расплачиваться за источники энергии, за специализированную технику, за атомное горючее и так далее. А единственный продукт экспорта Венеры — водоросли, водоросли в безумных количествах. Часть из них мы экспортируем как удобрения, но это не решает проблему. Большую часть водорослей мы пускаем на переработку в дрожжи — тысячу и одну разновидность дрожжей.

— Ну, — поморщился Бигмен, — вместо водорослей — дрожжи — не слишком удачная замена.

— А как вам наш обед вообще? — осведомился Моррис.

— Продолжайте, доктор Моррис, — сказал Лакки.

— Конечно, мистер Джонс вполне кор...

— Зовите меня — Бигмен!

— Хорошо, — кивнул Моррис, несколько опешив, и окинул взглядом маленького марсианина с головы до ног. — Мистер Бигмен вполне корректен в своем не слишком высоком мнении о дрожжах. Наш основной продукт действительно годится только на корм скоту. Но и это вовсе неплохо. Свиная, откормленная на дрожжах, вкуснее и обходится дешевле, чем при любом другом корме. В дрожжах много калорий, белков, минеральных солей и витаминов.

Но мы выпускаем и продукцию высокого качества, которая используется там, где пища должна храниться долго. В дальних путешествиях, например, часто используется так называемый Y-рацион.

И наконец, у нас производится продукт сверхвысокого качества, очень дорогой и не допускающий долгого хранения. Это

то, что идет в кухни Зеленого Зала. Ничто из того, что готовится там, не является дешевой и общераспространенной пищей, но станет. Я надеюсь на это. Вы понимаете, к чему я клоню, Лакки?

— Кажется.

— А я — нет, — воинственно заявил Бигмен.

— У Венеры будет монополия на производство деликатесов, — пустился в объяснения Моррис. — Никакой другой мир не в состоянии производить их. Без венерианского опыта по части зимокультур...

— Чего, чего? — перебил Бигмен.

— Ну, дрожжей. Не имея нашего опыта, никто не сможет освоить их производство. Так что Венера может освоить крайне выгодное дело — производство деликатесов для всей Галактики. Что важно не только для нее, но и для Земли, и в целом для всей Солнечной Конфедерации. Мы — наиболее перенаселенная система в Галактике, поскольку самая древняя. Если бы нам удалось уравнивать в цене фунт дрожжей и тонну зерна, то это было бы прекрасно.

Лакки с вниманием выслушал лекцию Морриса.

— И по этой же причине, — сделал он вывод, — чужим силам было бы выгодно не допустить эту монополию Венеры и тем самым ослабить и Землю.

— Вы понимаете! Надеюсь, что смогу убедить и остальных членов Совета в этом. Если экспериментальные образцы дрожжей будут украдены вместе с частью документации, то последствия могут быть ужасны.

— Отлично, вот мы и добрались до сути. Такие кражи уже были? — поинтересовался Лакки.

— Пока нет, — мрачно ответил Моррис. — Но за последние шесть месяцев возросло количество случаев мелкого воровства, творятся какие-то странные вещи, происходят непонятные инциденты. Иногда так просто нелепые: один старик, например, ни с того ни с сего швырялся деньгами в детей, а потом отправился в полицию и заявил, что его обокрали. А когда свидетели показали, что деньгами он швырялся по своей воле, то изошел в ругани, утверждая, что ничего подобного делать не мог. Был случай и посерьезней: машинист портового крана опустил груз в полтонны табака не в том месте и задавил двоих. Позже он говорил, что ничего не помнит.

— Лакки! — возбужденно вскрикнул Бигмен. — Пилоты каботажника утверждали то же самое!

— Да, — кивнул Моррис. — И я почти рад, что с вами — раз уж вы остались в живых — произошла эта история. Теперь Совету будет куда легче поверить, что за всем этим стоит нечто.

— Вы имеете в виду гипноз? — предположил Лакки.

Губы Морриса сжались в угрюмую, невеселую улыбку.

— Мягко сказано, гипноз, Лакки. Вам известны случаи, когда гипнотизер способен оказывать воздействие на расстоянии, да еще на тех, кто того не желает? Я утверждаю, что некая персона или группа лиц достигли способности полного ментального контроля над остальными. Они наращивают свои возможности, тренируются, становятся все более изощренными. Бороться с ними становится с каждым днем сложнее. Может быть, уже поздно!

4. Советник под арестом

— Никогда не поздно, если за дело берется Лакки! — глаза Бигмена блеснули. — С чего начнем?

— С Лу Эванса, — спокойно произнес Лакки. — Я все жду, что вы заговорите о нем, доктор Моррис.

Брови Морриса недовольно сошлись, лицо скривилось.

— Вы его друг, — вздохнул он, — и захотите его защищать. Это осложняет дело. История и так неприятная — в нее вовлечен Советник, а уж то, что он ваш друг, и вовсе нехорошо.

— Дружеские чувства тут ни при чем, — возразил Лакки. — Просто я знаю Лу Эванса настолько, насколько люди вообще могут знать друг друга. И я убежден, что он не может принести вреда Совету Науки.

— Ну что же, судите сами. Чего добился Эванс за свою командировку на Венере? Ничего. «Спецагенты»... звучит-то красиво, да вот толку от них чуть...

— Простите, мистер Моррис, вас задело его появление?

— Нет, конечно. Просто я не видел в этом смысла. Мы же выросли на Венере и все здесь знаем. Почему они считают, что визитер с Земли может разобраться во всем за неделю?

— Но иногда полезен и свежий взгляд на вещи.

— Ерунда. Вот что я вам скажу: беда в том, что руководство на Земле не слишком серьезно относится к нашим проблемам. В чем смысл командировки Эванса? Чтобы он быстренько все осмотрел, разнюхал, что может, и доложил начальству.

— Знаете, Центральный Совет мне хорошо известен, и я не могу с вами согласиться.

— Как бы то ни было, — продолжал ворчать Моррис, — три недели назад этот ваш Эванс потребовал, чтобы ему предоставили данные, полученные при экспериментах с некоторыми штаммами дрожжей. Но на производстве ему отказали.

— То есть как? — удивился Лакки. — Но запрос делал Советник!

— Верно, но люди там немного мнительные. И потом вы, например, таких запросов не делали. Даже руководство Совета не делало. Они попытались выяснить у Эванса, зачем ему эти данные, но он отказался разговаривать с ними на эту тему. Тогда они переслали его запрос ко мне, и я ему отказал окончательно.

— На каком, собственно, основании? — Лакки стал очень серьезен.

— А он даже мне не сказал, зачем ему это потребовалось. Простите, но я глава венерианского отделения Совета, и втайне

от меня ничего происходить не может. А приятель ваш, Эванс, после устроил такое, что вообще ни в какие ворота не лезет. Выкрал данные. Просто взял и выкрал. Использовал свое положение Советника, вошел внутрь запретной зоны дрожжевого производства и вышел оттуда с микрофильмами в сапогах.

— Видимо, у него были основания поступить так.

— Не знаю, только поступил он именно так, — Моррис разозлился вконец. — В фильмах содержалась документация, касающаяся формул питательной среды для нового, весьма сложного типа дрожжей. А двумя днями позже человек, который составлял эту смесь, всыпал туда ртутную соль. Дрожжи погибли, и насмарку пошла работа шести месяцев. Тот рабочий утверждал, что не делал ничего подобного. Конечно, его исследовали психиатры, и что же? Та же картина — временное помрачение рассудка. Да, конечно, образцы дрожжей у нас еще не крали, но все идет к тому.

— Что же, вы излагаете простую гипотезу, — голос Лакки подтвердел. — Лу Эванс, по-вашему, перешел на сторону наших врагов — кем бы они ни были.

— Уверен, что сириане, — буркнул Моррис.

— Возможно, — согласился Лакки. (Обитатели планет, обращающихся вокруг Сириуса, уже столетия не ладили с землянами. На них можно было свалить что угодно.) — Итак, Лу Эванс дезертировал к ним и согласился поставлять данные, которые позволяли бы им дестабилизировать наше производство. Устраивая сначала мелкие инциденты, а потом — все крупнее и серьезнее.

— Да, это моя гипотеза, А вы можете предложить что-то другое?

— Не мог ли Советник Эванс оказаться тоже под ментальным воздействием?

— Не похоже, Лакки. У нас уже есть опыт по этой части. Никто из пострадавших не терял сознания дольше чем на полчаса. И их обследование всегда давало заключение о полной амнезии всего, что происходило в это время. Но Эванс в таком случае должен был оставаться под воздействием в течение двух суток, к тому же его исследовали и не нашли никаких признаков амнезии.

— Его исследовали?

— Разумеется. А что вы хотите? Человека обнаруживают с документами повышенной секретности, ловят на месте преступления... Да будь он хоть сто раз Советником, мы обязаны бы были это предпринять. Да, его исследовали, и я лично установил за ним наблюдение. А он сделал попытку улизнуть и передал с помощью своей рации какое-то сообщение. Но теперь

мы следим за всеми его контактами, игры кончились. Я его арестовал и подготовил сообщение Центральному Совету — в общем, мне это следовало бы сделать раньше, — где требую его удаления с должности и расследования по обвинению в коррупции либо измене.

— Но сначала... — прервал его Лакки.

— Да?

— Позвольте мне переговорить с ним.

Ехидно улыбаясь, Моррис поднялся с кресла.

— Вам так хочется? Ну что же, я приведу его. Он здесь, в этом здании. Вообще, мне даже интересно, как он станет оправдываться.

Все трое вышли из комнаты, прошли мимо взявших на изготовку охранников и направились вперед по коридору.

— Это что, тюрьма? — удивился Бигмен.

— Да, на этих этажах что-то вроде тюрьмы, — кивнул Моррис, — На Венере здания используются одновременно для разных целей.

Они вошли в небольшую комнатку, и тут с Бигменом случился приступ хохота.

— Да что такое, Бигмен? — спросил Лакки, тоже отчего-то заулыбавшийся.

— Да так... ничего особенного, — покатывался со смеху Бигмен, на глазах которого появились даже слезы. — Ты просто ужасно смешно выглядишь со своей голой верхней губой. Знаешь, после всех этих усищ кажется, будто у тебя чего-то не хватает. Словно их тебе насильно сбрили.

Заулыбался и Моррис и принялся разглаживать свои могучие усы тыльной стороной ладони. При этом вид у него был донельзя довольный и отчасти горделивый.

— В самом деле потеха... — расплылся в улыбке Лакки, — мне это тоже пришло на ум...

— Мы обождем здесь, — сообщил Моррис. — Эванса сейчас приведут, — и он нажал на маленькую красную кнопку.

Лакки огляделся. Комната была меньше, чем кабинет Морриса, и какая-то обезличенная. Обстановка состояла из нескольких простых стульев и дивана, низкого стола в центре комнаты и двух столиков повыше, поставленных возле псевдоокон, за каждым из которых виднелся неплохо нарисованный морской пейзаж. На одном из этих столов находился аквариум, а на втором — две тарелки. Мелкие сухие горошины — на одной, а на другой — какая-то темная, жирно блестящая масса.

Бигмен машинально следил за Лакки, разгуливающим по

комнате.

— А что это такое? — встрепенулся он внезапно и подскочил к аквариуму. — Смотри-ка!

— Это В-лягушка, — объяснил Моррис. — Тут их любят и держат почти в каждом доме. Эта, по-моему, очень хороша. Вы их еще не видели?

— Нет, — ответил Лакки и тоже подошел к аквариуму.

Тот был два фута в периметре и фута три в глубину. В воде прихотливо изгибались водоросли.

— А она кусается? — спросил Бигмен, сунув в воду палец, и прильнул к стеклу, уставившись на животное.

Лакки устроился рядом с Бигменом. В-лягушка глядела на них почти торжественно. Это было небольшое существо, дюймов восьми в длину, с треугольной головкой, на которой блестели два выпученных черных глаза. Она сидела на шести пухлых лапках, плотно поджатых к туловищу, на каждой лапке были три длинных пальца спереди и еще один — сзади. Кожа зеленая, пупырчатая, и от головы вдоль тела располагались оборчатые плавники. Вместо рта у лягушки был клюв — твердый, изогнутый, чуть смахивающий на клюв попугая.

Пока Лакки с Бигменом ее разглядывали, лягушка стала подниматься вверх. Лапки остались на месте, а пальцы стали выпрямляться, как ходули со множеством сочленений. Коснувшись темечком поверхности воды, лягушка замерла.

Моррис присоединился к приятелям и с нежностью глядел на маленькое существо.

— Из воды они не любят вылезать — пояснил он, — в воздухе слишком много кислорода. Вообще, они его любят, но только в небольших количествах. Чудесные существа...

Бигмен был в полном восторге. На Марсе уже не было своей живности, и эта венерианская лягушка оказалась для него чуть ли не откровением.

— А где они живут? — спросил он.

Моррис почесал лягушке голову. Та прикрыла глаза и мелко задрожала, очевидно, от удовольствия.

— Они живут в водорослях. Их там невероятно много. Живут, как в лесу. Пальцами они способны удерживать стебли водорослей, а клювы могут оторвать самые прочные листья. Они, думаю, могли бы прокусить человеку палец, но я в жизни не слышал, чтобы они хоть кого-нибудь укусили. Странно, что до сих пор вы их не видели, в отеле — целая коллекция.

— Нам просто не представилась возможность, — сухо ответил Лакки.

Бигмен шагнул ко второму столу, взял горошину, смазал ее

непонятной черной массой и вернулся к аквариуму. Лягушка немедленно высунула голову из воды и невероятно осторожно взяла угощение из пальцев Бигмена. Тот пришел в неопиcуемый восторг.

— Видели, видели?!

Моррис улыбался так, словно глядел на расшалившихся детей.

— Вот маленький чертеноч! Весь день ест. Посмотрите-ка, сейчас она с ним расправится.

Лягушка знай себе хрустела; наконец горошина исчезла в клюве, и тут же животное вновь высунулось из воды. Моррис кинул в ее сторону горошину, лягушка раскрыла клюв и поймала ее.

— А это что такое? — кивнул Лакки в сторону второй тарелки.

— Тавот, — сообщил Моррис. — Тавот для них какой-то совершенно невообразимый деликатес, что-то вроде как для нас сахар. Дело, видно, в том, что им трудно найти в океане углеводород, а они его любят. Иногда мне кажется, что они специально дают себя поймать, — лишь бы их тут этим кормили.

— А кстати, как их ловят?

— Да никак на самом деле. Просто когда вытаскивают водоросли, то там всегда полно лягушек. Ну и других животных тоже.

— Послушай, Лакки, — взволнованно задышал Бигмен, — а если мы одну из них потом возьмем с собой...

Но договорить Бигмену не удалось. В комнату, грохоча сапогами, вошли охранники. Между ними — долговязый и светловолосый молодой человек.

Лакки вскочил на ноги.

— Лу, старина! — и протянул руку.

Одно мгновение казалось, что вошедший поведет себя точно так же, в его глазах мелькнул радостный огонек, но тут же исчез. Руки по-прежнему висели вдоль тела.

— Привет, Старр, — ответил он безучастно.

Протянутая рука Лакки задрожала.

— Я не видел тебя со дня выпуска, — начал он и осекся. Что еще он мог сказать теперь приятелю?

Эванса, казалось, возникшая неловкость не беспокоила. Он кивнул в сторону охранников и с оттенком черного юмора произнес:

— Но с тех пор произошли некоторые перемены. — И после паузы его нервно дрожащие губы продолжили: — Зачем ты приехал? Я же просил тебя не вмешиваться?

— Как я мог не вмешаться, когда в беде мой друг?

— Тогда подождал бы, пока я тебя об этом попрошу.

— Мне кажется, что вы попусту тратите время, Лакки, — вмешался Моррис. — Вы все еще думаете, что видите перед собой Советника. А это — предатель.

Последнее сказанное венерианцем слово прозвучало, будто плевок. Эванс покраснел, но ничего не ответил.

— Только после предъявления мне всех доказательств я позволю применять это слово по отношению к Советнику Эвансу, — сказал Лакки, сделав ударение на слове «Советник».

Лакки сел на стул и какое-то время пристально глядел на приятеля. Но Эванс упорно смотрел в другую сторону.

— Доктор Моррис, будьте любезны, отпустите охрану, — предложил Лакки. — За Эванса я отвечаю лично.

Моррис поглядел на Лакки и, чуть помедлив, дал знак охранникам. Те вышли.

— Послушай, Бигмен, — продолжил Лакки, — тебя не обидит, если я попрошу тебя немного погулять?

Бигмен кивнул и тоже вышел.

— Лу, — осторожно приступил Лакки, — нас тут только трое. Ты, я и доктор Моррис. Три Советника. Давай начнем с нуля. Ты в самом деле забрал данные с производства?

— Да, — кивнул Эванс.

— Зачем?

— Я тебя не понимаю. Да, я украл бумаги. Украл. Все верно. Что тебе еще? Причин для этого у меня не было, я просто это сделал. Чего тебе еще? Оставь меня в покое, — губы его дрожали.

— Вы хотели слышать его объяснения, — вмешался Моррис. — Вот они. То есть их нет.

— Полагаю, ты знаешь, что произошло после твоей кражи, — продолжал Лакки.

— Да, знаю.

— Как ты это объясняешь?

— Никак.

Лакки внимательно разглядывал приятеля, надеясь увидеть в нем того хорошо знакомого ему Эванса — доброго весельчака, с железными нервами и отличным характером. Казалось, не считая усов, которые Эванс отпустил по венерианской моде, ничего в нем не изменилось. Он почти такой же. Но только почти — его глаза бегали, кончики пальцев дрожали, губы пересохли.

Лакки боролся с собой, прежде чем задать очередной вопрос. Ведь говорил-то он с человеком, которого прекрасно знал, с человеком, чья преданность никогда не ставилась под сомнение, с человеком, на кого он мог положиться в самые критические

минуты.

— Лу, ты действительно продался? — спросил он наконец.

— Мне нечего сказать, — ответил Эванс пустым, бесцветным голосом.

— Лу, еще раз спрашиваю тебя. Но пойми, я хочу, чтобы ты понял, — я на твоей стороне, что бы ты ни натворил. Если ты причинил неудобства Совету, то, наверное, на это были свои причины. Расскажи нам о них. Если тебе угрожали, вынудили тебя к этому физически или ментально, если тобой управляли или угрожали близким тебе людям — скажи. О Боже, даже если тебя искушали деньгами или властью — скажи. Нет такой ошибки, которую нельзя было бы исправить, сказав теперь правду. Ну же!

Мгновение казалось, что Эванс колеблется. В его голубых глазах застыла боль.

— Лакки, — начал он, — я...

Но вновь съежился и закричал:

— Мне нечего сказать, Старр, нечего!

— Вот так, Лакки, — Моррис сложил руки на груди. — Такое отношение. Но только он знает, в чем тут дело, и нам необходимо заставить его заговорить.

— Подождем.

— Некогда мне ждать, — возразил Моррис. — Прикиньте сами. Времени у нас не осталось. Эти так называемые инциденты учащаются и становятся все более серьезными. С этим необходимо покончить немедленно!

Рука Морриса тяжело легла на спинку стула, и в это время запищал сигнал коммуникатора.

Моррис выхватил рацию, приложил к уху.

— Моррис слушает. Что случилось?... Что? ЧТО? Рация выпала из рук. Он обернулся к Лакки, и лицо его было белым.

— Загипнотизированный в шлюзе номер 23, - выдохнул Моррис.

Тело Лакки напряглось как струна.

— Что значит в шлюзе? Вы говорите о куполе?

Моррис кивнул.

— Я только что сказал, что инциденты становятся все более серьезными, — тяжело дыша, произнес он. — Да, купол. В любой момент океан может хлынуть внутрь Афродиты!

5. Берегись, вода!

Под гирокаром мелькали крыши, а сверху неясно виднелся купол. Город, построенный под водой, отметил про себя Лакки, требует практических инженерных чудес.

Города под куполами строились во многих местах Солнечной системы. Самые старые и знаменитые были на Марсе, но там сила тяжести составляет лишь две пятых земной, а сверху давит весьма разреженная атмосфера.

Другое дело — Венера. Гравитация тут пять шестых земной, к тому же все города находились под водой. Хотя их и старались строить на мелководе, так что верхушки куполов только что не высовывались из-под воды, все равно — выдерживать приходилось гигантскую нагрузку.

Лакки, как и большинство землян (и венерианцев, конечно), воспринимал эти достижения человеческой мысли как само собой разумеющееся. Но теперь, когда Лу Эванс снова был водворен в камеру и его случай несколько отошел на задний план, живой ум Лакки заинтересовался подробностями нового для него образа жизни.

— А как держится купол, доктор Моррис? — спросил он.

Полноватый венерианец частично обрел самообладание. Он вел гирокар в сторону аварийного сектора и говорил кратко и отрывисто.

— Диаманитные силовые поля, заключенные в стальные корпуса, — пояснил он. — Корпуса выглядят как балки, которые подпирают купол, но это не так. Сталь бы не выдержала, только силовое поле.

Лакки глянул вниз, на улицы города, заполненные людьми. Там пока еще бурлила беззаботная жизнь.

— А раньше такое случалось? — спросил он.

— Слава Богу, нет, — простонал Моррис, — ничего похожего. Мы будем на месте минут через пять...

— А меры предосторожности? — допытывался Лакки.

— Ну, конечно. Существуют автоматические датчики, следящие за куполом. Они надежны настолько, насколько это вообще возможно. Кроме того, город поделен на секторы, так что при аварии в части купола опасный район будет отделен специальной силовой перегородкой.

— То есть город выживет, даже если океан хлынет в одну его часть? Население об этом знает?

— Конечно. Люди знают, что они защищены, но все же — часть города окажется под водой. Могут быть жертвы, да и

разрушения окажутся серьезными. Но куда хуже другое: если человека можно заставить сделать такое однажды, то где гарантии, что это не повторится в любой момент?

Бигмен то и дело озабоченно посматривал на Лакки, но тот нахмурил брови и, казалось, полностью ушел в себя.

— Вот мы и прибыли, — буркнул Моррис, когда гирокар быстро снизился и приземлился на открытую площадку.

Часы Бигмена показывали два часа пятнадцать минут, но это не означало ровным счетом ничего. Венерианская ночь длится восемнадцать земных часов, да под водой не было и разницы между днем и ночью.

Городские огни сияли как обычно. Если город чем-то и отличался от своего обычного вида, то лишь возбужденностью обитателей.

Странно, но к месту аварии валил народ отовсюду: новость распространилась среди горожан со сверхъестественной скоростью, и многие заторопились сюда в надежде поглазеть на непривычное зрелище. Вели они себя так, словно присутствовали на цирковом параде или торопились на концерт магнетонной музыки.

Полиция сдерживала толпу на расстоянии и освободила проход для Морриса и его спутников. Тонкая пластина прозрачного материала уже отделила аварийный сектор от остального города.

Моррис пропустил Лакки и Бигмена вперед. Они вошли внутрь здания, шум толпы стих словно отрезанный. Навстречу Моррису торопливо направился какой-то человек.

— Доктор Моррис... — начал было он, но Моррис остановил его и торопливо представил собравшихся друг другу.

— Лиман Тернер, главный инженер. Дэвид Старр, Советник. Бигмен Джонс. — Затем, услышав сигнал вызова в другом помещении, с резвостью, неожиданной для его комплекции, ринулся туда, бросив на ходу: — Тернер введет вас в курс дела.

— Одну минуту, мистер Моррис, — взмолился Тернер, но Моррис не остановился.

Лакки подал знак Бигмену, и маленький марсианин ринулся вслед за венерианским Советником.

— Он что, приведет мистера Морриса обратно? — озабоченно спросил Тернер, барабанив пальцами по странному ящику, который висел у него на ремне, перекинутом через плечо. Лицо Тернера вытянутое, волосы — рыжевато-коричневые, кривоватый, покрытый веснушками нос и широкий рот. На лице внятно читалась тревога.

— Не знаю, — покачал головой Лакки. — Моррис может быть

необходим там. Я послал приятеля, чтобы он был у него на подхвате.

— Не знаю, что он сможет сделать... — пробормотал инженер, — я вообще не представляю, кто и что тут может помочь.

Он достал сигарету, закурил, предложил Лакки и, довольно долго не замечая его отказа, простоял с открытой пачкой в вытянутой руке, погруженный в невеселые мысли.

— Они эвакуируют людей из опасного сектора? — спросил Лакки.

Тернер вынул сигарету изо рта, снова затянулся, швырнул ее на пол и растоптал каблуком.

— Да, — кивнул он, — впрочем, не знаю... — и его голос затух.

— Перегородка выдержит напор воды?

— Да, да, — пробормотал инженер.

— Но вас что-то тревожит? — спросил, выждав момент, Лакки. — Что вы хотели сообщить Моррису?

Инженер мельком взглянул на Лакки, вцепился в свой черный ящичек и ответил:

— Ничего, не обращайтесь внимания.

Они стояли вдвоем в углу помещения, несколько особняком, а в комнату постоянно входили люди, облаченные в скафандры со снятыми шлемами. Люди вытирали пот со лба, переговаривались и уходили снова. Часть разговоров была слышна.

— ...отправлено не более трех тысяч человек. Мы используем все проходы...

— ...никак до него не добраться. Испробовали все. Его жена сейчас пытается уговорить его по радио не делать глупостей.

— ...дело дрянь, рычаг у него в руке. Ему надо только повернуть, и...

— Подкрасться бы к нему да подстрелить! Только чтобы он не заметил нас, а то...

Тернер, казалось, слушал разговоры с мрачным возбуждением, но оставался в углу. Он закурил новую сигарету и тут же швырнул ее на пол.

— Взгляните только на этих зевак! — взорвался он внезапно, махнув рукой в сторону толпы, окружившей здание. — Нашли себе развлечение! Весело им! А я не знаю, что делать, говорю вам — не знаю! — он переместил свой ящик в более удобное положение и прижал его к себе.

— А что это такое? — тоном, требующим немедленного ответа, спросил Лакки. Тернер огляделся, сообразил, что речь идет о его ноше, и взглянул на нее так, словно видел впервые.

— А это мой компьютер. Портативная модель, я ее разработал сам, — в его голосе зазвучала гордость. — Другого такого во всей Галактике не сыщешь.

— Отлично, Тернер, — продолжал настаивать Лакки — А теперь давайте рассказывайте все, что вам известно. И немедленно.

Рука молодого Советника мягко легла на плечо инженера, а пальцы потихоньку стали сжиматься.

Тернер покраснел и взглянул на Лакки, Взгляд Советника был холодным и безжалостным.

— Повторите, как вас зовут, — промямлил Тернер.

— Дэвид Старр.

— То есть кого обычно зовут Лакки? — глаза Тернера оживились.

— Да.

— Тогда хорошо. Вам я расскажу. Но только тихо, нельзя, чтобы нас услышали.

Он зашептал, и Лакки придвинулся к инженеру. Входящие и выходящие люди не обращали на них ни малейшего внимания.

Тернер заговорил медленно, но так, словно был рад, наконец, выговориться.

— Стенки купола — двойные, — начал он. — Сделаны из прозрачного материала, из силикона, это новейший пластик, самый прочный из известных науке. Стенки укрепляются силовыми балками и способны выдерживать чудовищное давление. Силикон не разлагается со временем, его не берет даже кислота, никакие формы венерианской жизни существовать на нем не могут. Кроме того, в океане могут происходить любые химические изменения, а силикон останется совершенно нейтрален. Между двумя стенками под давлением закачан углекислый газ, чтобы сбить напор волны, если вдруг проломится внешняя стенка. Конечно, внутренняя стенка также способна противостоять океану. Кроме того, промежутки между стенками устроен по принципу сот, так что только незначительная часть промежутка заполнится водой при дефекте внешнего слоя.

— Разработано тщательно, — кивнул Лакки.

— Слишком тщательно, — резко ответил Тернер, — Землетрясение, венеротрясение, так сказать, еще может расколоть купол пополам, а ничто иное повредить не в состоянии. Впрочем, в этой части планеты сейсмических процессов не бывает, — он закурил очередную сигарету. Руки инженера дрожали.

Кроме того, — продолжил он, — каждый квадратный фут купола снабжен датчиком, следящим за влажностью в промежутке. Вы понимаете, малейшая трещинка — и раздается

сигнал тревоги. Даже — микроскопическая, невидимая глазу. Воеет сирена, и все кричат: «Берегись, вода!»

— Берегись, вода, — криво усмехнулся инженер. — Смешно! Я работаю здесь десять лет, и за все время датчики сработали раз пять. В каждом случае ремонт потребовал меньше часа. На поврежденную часть ставится водолазный колокол, вода откачивается, на место повреждения впаивается заплата, силикон застывает, и все в порядке. После ремонта купол только становится прочнее. Берегись, вода! Да у нас за все время и капля внутрь не просочилась!

— Я понял общую картину, — остановил его Лакки. — Теперь конкретно о деле.

— Все дело в сверхнадежности, мистер Старр. Мы отсекали сейчас аварийный сектор, но насколько надежна перегородка? Мы же рассчитывали, что вода будет поступать медленно, тихим ручейком. Тогда все в порядке, и у нас есть время, чтобы справиться с повреждением. Никому же в голову прийти не могло, что в один прекрасный день шлюз будет распахнут настежь! А тогда — поток со скоростью мили в секунду, это то же самое, как если бы на этой скорости в перегородку врезалась стальная болванка. Вода разнесет перегородку не хуже космического корабля на полном ходу.

— То есть вы считаете, она не выдержит?

— Этим никто не занимался. Никто не просчитывал такой вариант. Полчаса назад этим пришлось заняться мне. Слава Богу, у меня с собой компьютер, я всегда ношу его, куда бы ни пошел. Я сделал некоторые исходные допущения и запустил программу.

— И что, не выдержит?

— Не уверен. Не знаю, насколько корректны некоторые из моих допущений, но, похоже, — не выдержит. Тогда Афродите конец. Всему городу. Нам с вами и всем остальным. Эти толпы снаружи в полном восторге, но стоит лишь безумцу повернуть рычаг, как никого из них не станет.

— Вы давно это поняли? — Лакки глядел на него в ужасе.

— Полчаса, — инженер заговорил торопливо, словно оправдываясь. — А что я могу? Мы же не в состоянии обеспечить скафандрами все четверть миллиона! Я подумал, что надо обговорить с Моррисом возможность эвакуации самых ценных людей города или какой-то части женщин и детей. Но я не знаю, как это можно решить. А вы?

— Нет, — Лакки покачал головой.

— Я даже подумал, — мучительно продолжал инженер, — что сам бы я мог надеть скафандр и удрать прочь. Охрана сейчас вряд ли бдительна.

Лакки внезапно отскочил от дрожащего инженера.

— Боже! — вскричал он, и глаза его сузились. — Я был слеп!

Он повернулся и ринулся прочь из комнаты, а в голове его крутилась жуткая мысль.

6. Поздно!

Бигмен чувствовал себя беспомощным. Болтаясь, как привязанный, за неугомонным Моррисом, он перемещался от группы к группе, слышал торопливые разговоры и ничего в них не понимал из-за своего полного невежества во всем, что касалось Венеры.

Моррис не останавливался ни на минуту. Постоянно приходили новые люди, поступали очередные сводки, предлагалось очередное решение. Всего лишь за те двадцать минут, что Бигмен находился при Моррисе, было выдвинуто и немедленно раскритиковано с десятков проектов.

Кто-то только что вернувшийся из горячей точки торопливо сообщал, едва переводя дыхание:

— Мы просвечиваем отсек лучами и видим его. Он просто сидит и держит руку на рычаге. Мы стали транслировать туда голос его жены, но, похоже, он ничего не слышит. По крайней мере, никакой реакции. Бигмен закусил губу. А что бы делал на его месте Лакки? Первое, что пришло в голову Бигмену, это незаметно подкрасться и подстрелить безумца (уже выяснили, что его фамилия — Поппной). Конечно, то же самое приходило на ум каждому, но только тот человек забаррикадировался изнутри, а комната, из которой управляют шлюзом, защищена от любого взлома. Чуть что — срабатывает сигнализация, и... Словом, меры безопасности работали теперь наоборот — во вред Афродите, а не на пользу.

С первым же сигналом тревоги — Бигмен был уверен стопроцентно — безумец повернет рукоятку, и океан хлынет внутрь города. Рисковать, пока эвакуация сектора еще не закончена, было нельзя.

Кто-то предложил усыпляющий газ, но Моррис без комментариев отклонил и это предложение. Бигмен, кажется, понял, в чем причина. В самом деле, тот человек не был ни безумцем, ни злодеем, а находился под чьим-то контролем. То есть они имели дело не с одним противником, но как минимум с двумя. Конечно, газ может усыпить исполнителя, но ведь его состояние контролируется, и нет сомнений, сигнал повернуть рукоятку будет дан раньше, чем проявится действие газа.

— Не понимаю, чего он ждет? — рычал Моррис, и пот заливал его лицо. — Из атомной пушки в него, что ли, выстрелить?

Ну, это уже было сказано сгоряча. Снаряду пришлось бы прошить четверть мили жилых строений, так что он вполне мог

разнести вдребезги и сам купол, то есть — успешно осуществить именно то, что пытались предотвратить собравшиеся.

«Где же Лакки?» — подумал Бигмен.

— Но если мы не можем убрать парня, — осведомился он вслух, — то нельзя ли что-нибудь сделать с этим шлюзом?

— То есть? — уставился на него Моррис.

— Обесточить эту ручку. Ведь чтобы открыть шлюз, энергия требуется?

— Отличная мысль, Бигмен! Только... у каждого шлюза свой источник энергии, который контролируется изнутри.

— А извне его никак не отключить?

— Как? Он же внутри, а там все под сигнализацией.

Бигмен посмотрел вверх и представил себе нависающий над куполом океан.

— Это же герметически закупоренные города, — пробормотал он, — как на Марсе. В них надо качать воздух, в каждое помещение. Нет разве?

Тяжело дыша, Моррис вытер пот со лба.

— Да, — вздохнул он. — Все правильно. Конечно, мы так и поступаем, а что?

— То есть и в то помещение тоже?

— Конечно.

Моррис уставился на маленького марсианина с недоумением.

— Вы о вентиляции?

— Ну да. Один из таких каналов должен вести и в ту комнату.

— Нет ли такого места, где проводку можно перерезать, перекусить, сделать что угодно, чтобы обесточить шлюз?

— Погодите... Ну да, засунуть в вентиляцию микро-бомбу и рвануть, а не закачивать через нее усыпляющий газ, как мы собирались!

— Ненадежно, — перебил его Бигмен. — Пошлите туда человека. Эти же трубы должны быть достаточно широкими? Город под морем все-таки.

— Да, но не настолько же, — Моррис поглядел по сторонам. — Никто из них туда не пролезет.

Бигмен тяжело и горько вздохнул. Последующее потребовало от него всего его самообладания.

— А я? — спросил он грустно. — Я-то пролезу?

И Моррис, уставившись широко раскрытыми глазами на коротышку-марсианина, прошептал:

— О Боже... Да! Пролезешь! Скорее за мной!

Казалось, в эту ночь в Афродите никто не спал. Лакки выбежал из здания и обнаружил, что люди заполнили все

окрестности улицы темной колышащейся массой. Кое-где были натянуты цепи, и внутри отгороженных участков расхаживали полицейские с болтающимися на ремнях пистолетами-глушителями.

Лакки наткнулся на ограждение, оторопел и обвел взглядом окрестности. В небе словно сама собой висела гигантская, украшенная прихотливыми завитушками реклама. Надпись чуть покачивалась в воздухе и гласила: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА АФРОДИТУ, ЖЕМЧУЖИНУ ВЕНЕРЫ!»

Перед ним цепочкой продвигались люди. С собой они несли всякую всячину — чемоданчики, шкатулки с драгоценностями, у кого-то через руку была перекинута одежда. Поочередно они заходили в скиммеры — происходила эвакуация. Организована она была неплохо; в очереди уже не осталось ни женщин, ни детей.

— Могу я взять какой-нибудь скиммер? — спросил Лакки у полицейского.

— Нет, сэр, все заняты, — едва взглянул на него тот.

— Совет Науки, — нетерпеливо пояснил землянин.

— Ничем не могу помочь. Все используется для эвакуации, — полицейский ткнул пальцем в сторону очереди.

— Это крайне важно! Мне необходимо выбраться отсюда немедленно!

— Остается только идти пешком, — покачал головой полицейский.

Лакки с досадой сжал зубы. Сквозь толпу не пробиться ни пешком, ни на автомобиле. Только по воздуху, причем — немедленно.

— Только по воздуху, — пробормотал он себе под нос, злой оттого, что противник так легко его одурачил. — Что бы я мог использовать?

И, хотя он говорил это себе, полицейский неожиданно ответил, усмехнувшись:

— Разве что на хоппере, сэр.

— Хоппер? Где? — глаза Лакки блеснули.

— Да я просто пошутил, — отмахнулся полицейский.

— А я — не шучу. Где можно достать хоппер?

В подвале дома, из которого он только что вышел, нашлось несколько штук, все — разукомплектованные. Лакки с полицейским призвали на помощь четверых из очереди, и вскоре собранный, вполне работоспособный агрегат стоял на тротуаре. Окружающие взирали на это зрелище не без удивления. Кто-то в шутку вскрикнул:

— Прыг-скок, хопперок!

Это была старая подначка, звучавшая обычно на соревнованиях хопперов. Лет пять назад повальная мода на них захлестнула чуть ли не всю Солнечную систему. Соревнования устраивались разные — по выезде, по преодолению препятствий. В те годы венерианцы были в числе главных энтузиастов, так что теперь хопперы пылились чуть ли не в каждом подвале Афродиты. Лакки забрался на сидение и проверил микрореактор — тот работал. Запустил мотор и включил гироскоп. Хоппер моментально выпрямился и прочно взгромоздился на свою единственную ногу.

Кажется, более несуразного средства передвижения человечество не изобретало. Что такое хоппер? Это изогнутый корпус, ширина которого позволяет устроиться на нем седоку, четырехлопастной мотор и единственная металлическая нога, оканчивающаяся резиновым башмаком. В целом это походило на гигантскую большую птицу, которая уснула, поджав под себя одну ногу.

Лакки нажал на кнопку прыжка, и хоппер словно присел — корпус оказался возле самой земли, а нога ушла в трубу, расположенную сразу за сидением. В момент максимальной близости к земле раздался щелчок, нога вытолкнула хоппер вверх, и тот взвился футов на тридцать в воздух.

Вращающиеся лопасти мотора позволяли хопперу довольно долго парить, достигнув наивысшей точки прыжка. В эти секунды Лакки успел оглядеть людскую толпу, оставшуюся внизу. Она растянулась чуть ли не на полмили вперед, то есть прыгать придется несколько раз. Лакки поморщился — утекало драгоценное время. Теперь хоппер летел вниз, вытянув ногу. Толпа начала было разбегаться, хотя беспокоиться на сей счет ей не стоило: четыре струи сжатого воздуха так аккуратно раздвинули людей по сторонам, что нога коснулась почвы, не причинив никому ни малейшего вреда.

Коснулась почвы и снова ушла в трубу. Лакки увидел перепуганные лица вокруг себя, щелчок — и хоппер снова взмыл вверх.

Прыгать на хоппере Лакки был мастак — в юности он даже участвовал в соревнованиях. Умелый хопперист мог вытворять с этим, казалось бы, неуклюжим аппаратом удивительные штуки, даже сальто крутить, и находил место для следующего толчка в ситуациях, казавшихся безвыходными. Разве сравнить скачку по ровным мостовым венерианского города с кроссами по каменистым, осыпающимся склонам Земли?

В четыре прыжка Лакки перебрался через толпу. Выключил мотор и постепенно — амплитуда прыжков аппарата уменьшалась

— остановил хоппер. Свою роль он исполнил. Скиммера все равно не достать, но теперь можно попытаться раздобыть какой-нибудь автомобиль. Но на все это требуется время, время...

Бигмен устал и сделал паузу, чтобы отдышаться. Дела раскручивались быстро, и теперь он сидел в трубе, которая по-прежнему вела его куда-то вперед, Свое предложение Моррису он сделал минут двадцать назад, и вот с тех пор и ползет по трубе, плотно прилегающей к его телу и окутывающей его мглой. Бигмен отдышался и снова пополз вперед, отталкиваясь от стенок локтями. Время от времени он останавливался, чтобы посветить фонариком вперед и всякий раз видел одно и то же: беленые, сужающиеся стены. В карман на рукаве, рядом с обшлагом, была засунута наспех нацарапанная схема вентиляции.

Перед тем как Бигмен полузапрыгнул-полувскарабкался во входное отверстие трубы, гнавшей воздух в помещения шлюза, компрессор был отключен.

— Надеюсь, — пробормотал Моррис, пожимая на прощание руку Бигмена, — что это не даст ему повода...

Бигмен усмехнулся и полез в темноту, а остальные ушли заниматься своими делами. Никто из них не стал говорить об очевидном факте — теперь Бигмен оказался уже за барьером, отгораживавшим аварийный сектор купола. И если ручку повернут, то поток воды раздавит воздуховод, как если бы он был картонным.

Бигмен полз вперед и думал: а если вода прорвется, то он сначала услышит ее грохот или его раздавит немедленно? Бигмен надеялся, что ничего заранее не услышит. Ожидать собственной кончины было ему не по душе. Прорвется, так прорвется, но пусть уж побыстрее.

Он почувствовал, что стена закругляется. Сверился со схемой, освещая ее маленьким фонариком. Это уже второй поворот, из тех, что были отмечены на карте, и теперь труба пойдет вверх.

Бигмен вздохнул и полез вперед, вписываясь в изгиб трубы, изрядно портивший ему настроение и оставлявший синяки на теле. А после него еще и вверх...

— Господи-ты-боже-мой, — пыхтел он, выгибаясь всем телом, оттого что теперь приходилось еще и упираться локтями в стенки, чтобы не соскользнуть вниз. Дюйм за дюймом он вползал на пологий скат.

Моррис срисовал схему с карты, которую ему показали по видеофону из Совета общественных работ Афродиты. Бигмен изучил все изгибы вентиляционной магистрали и выяснил смысл условных обозначений на схеме.

Теперь он добрался до силовых подпорок, перегородивавших

трубу поперек. И обрадовался — наконец-то можно за что-то уцепиться руками и дать отдых коленям и локтям. Держась за перегородку левой рукой, он снова сверился со схемой, сунул ее обратно в карман на рукаве, достал фонарик и повернул его источником света на себя, другой конец прижав к перемычке.

Энергия скрытого в продолговатом корпусе фонарика микрореактора обыкновенно питала мощный источник холодноватого света, но — при переключении режимов — из другого торца фонарика исходило узкое силовое поле, которое запросто резало все, что оказывалось на его пути. Бигмен нажал кнопку и отрезал перемычку с одного края.

Переменил руки и поднес резак к другому краю перемычки. Одно движение — отрезан и тот. Бигмен изогнулся, отодвинулся в сторону, кусок металла проскользнул мимо него и, грохоча, поехал вниз по трубе. Купол пока еще не прорвало. Бигмен, пыхтя и взмокая, уже почти что и думать об этом позабыл. Он продрался еще через две перемычки, миновал очередной изгиб. Потом скат выровнялся, вот, наконец, и компенсаторы, четко обозначенные на схеме. В общем, он прополз не более двухсот ярдов, но сколько времени это потребовало?

А вода пока так и не хлынула.

Компенсаторы состояли из пластин, приваренных по обе стороны трубы, и предназначались для выравнивания воздушного потока. Это была последняя отметка на схеме. С ними Бигмен справился моментально. Теперь следовало отмерить ровно девять футов от их дальнего края. Опять пригодился фонарик — в нем было ровно шесть дюймов, так что его следовало приложить к стенке ровно восемнадцать раз.

И это оказалось не таким уме простым делом. Дважды фонарик соскальзывал и приходилось начинать все заново, неуклюже пятясь назад к отметке, сделанной у края бывшей компенсаторной батареи.

На третий раз все обошлось. Бигмен ткнул пальцем в искомую точку. Моррис сказал, что нужное место расположено почти точно над головой; Бигмен включил фонарик и аккуратно переместил палец по стенке вверх. Здесь, кажется.

Он переключил свою палочку-выручалочку в режим резания и аккуратно — насколько это было возможно в полной темноте — обвел кругом отметку, стараясь, чтобы резак находился на расстоянии примерно четверти дюйма от поверхности трубы — поле не должно проникнуть слишком глубоко.

Вниз, на дно трубы, упал вырезанный металлический кружок. Бигмен включил фонарик и стал изучать обнажившиеся провода. Где-то тут должна быть стена, за которой сидит безумец. Сидит

ли он еще там? Конечно, рычаг он не повернул (а чего, собственно, он выжидает?), а то Бигмен давным-давно бы наглотался водички. Безумца остановили? Обхитрили и схватили?

Бигмен недобро улыбнулся, подумав о таком варианте; что же, тогда получится, что он ползал по этим металлическим дебрям зазря.

Ладно, надо разобраться в проводах. Бигмен стал осторожно отводить в сторону связку за связкой. Вот перед ним открылся черный сдвоенный конус. Кажется, это, Бигмен зажал фонарик в зубах и высвободил обе руки.

С крайней о сторожи остью он крутанул две половинки кожуха в противоположных направлениях. Сработали магнитные защелки — и взгляду Бигмена открылись два тускло блестящих контакта, корпус полевого селектора и едва заметный промежуток между контактами. В соответствующих обстоятельствах, например, если будет повернута та рукоятка, селектор сработает, контакты притянутся друг к другу, и ток, который пойдет через установленное соединение, распахнет шлюз. Времени на это почти и не потребуется — какая-нибудь миллионная доля секунды.

Бигмен, взмокший в предчувствии решающего момента, полез в карман куртки и извлек оттуда кусок изолирующего пластика. Тот и так уже был разогрет теплом тела, но Бигмен все равно поразминал пластик в ладони и осторожно приложил к контактам. Сосчитал до трех и убрал.

Теперь, даже если контакты сомкнутся, ток между Ними не пойдет — помешает тонкая пленка пластика.

Пусть он теперь дергает ручку сколько угодно: шлюз не откроется. Улыбаясь до ушей, Бигмен полез обратно, протискиваясь между останков компенсатора, минуя срезанные перегородки, съезжая вниз на скатах...

Сквозь кутерьму и неразбериху, царившие в помещении, Бигмен пытался высмотреть Лакки. Безумец был схвачен, барьер был снят, и население хлынуло обратно (в большинстве своем недовольное, что администрация допускает такие случаи) в дома, которые были покинуты столь недавно. Что до собравшихся вокруг шлюза зевак, то отбой тревоги был воспринят ими как сигнал к началу праздника.

Тут откуда-то взялся Моррис и потянул Бигмена за рукав:

— Тебя Лакки к видеофону.

— Откуда он? — вздрогнул Бигмен.

— Из моего кабинета в Совете. Я рассказал уже ему о том, что ты сделал.

Бигмен покраснел от удовольствия. Лакки может им гордиться!

— Пойду поговорю... — ответил он степенно и тут же понесся к видеофону.

— Привет, Бигмен, Поздравляю, я слышал, ты был великолепен, — сказал Лакки, но вид у него был мрачен.

— Пустяки, — все равно расплылся в улыбке Бигмен. — Но куда ты делся?

— Доктор Моррис здесь? Я его не вижу.

— Вот он я, — Моррис пододвинулся так, чтобы попасть в объектив.

— Я знаю — вы схватили того парня.

— Да, Благодаря Бигмену.

— Давайте, я отгадаю как, Ручаюсь, он не сделал и попытки повернуть ручку. Просто сдался.

— Да, — нахмурился Моррис. — Но как вы угадали?

— Потому что в шлюзе была устроена комедия. Дело было не в этом. Как только я сообразил, то бросился сюда. Но мне пришлось использовать хоппер, чтобы выбраться из толпы, и машину, чтобы доехать до Совета.

— И? — насторожился Моррис.

— Я опоздал, — ответил Лакки.

7. Разговоры, разговоры...

День подошел к концу, и толпы на улицах рассеялись. Город окутывался спокойной, почти сонной атмосферой, лишь кое-где, собравшись по двое-трое, горожане продолжали обсуждать события последних часов.

Бигмен был раздражен.

Вместе с Моррисом он отправился в штаб-квартиру венерианского Совета. Там Моррис заперся с Лакки, а Бигмена в комнату не допустили. Видимо, не напрасно, потому что Моррис вылетел из дверей как ошпаренный, с мрачайшей миной на лице. Что до Лакки, то он оставался внешне Весстрастным, впрочем, несловоохотливым.

Даже когда они остались наедине, все, что сказал Лакки, было:

— Поехали в гостиницу. Спать хочу. Да и тебе после сегодняшних подвигов не повредит.

Насвистывая марш Советников, что всегда свидетельствовало о том, что мысли его витают где-то далеко, он махнул рукой проезжавшему такси. Машина автоматически остановилась, когда вытянутая рука попала в поле сенсоров. Лакки пропустил Бигмена вперед, наклонился к пульта и набрал адрес: отель Бельвью-Афродита. Сунул в щель кассы положенное число металлических кружочков и нажал кнопку отправления, ногой при этом переключив машину на режим медленной езды.

Такси мягко тронулось с места. Езда, по правде, была комфортабельной и приятной, но из-за своего раздражения оценить это Бигмен не мог. Маленький марсианин взглянул на приятеля. Лакки, казалось, засыпал — откинулся на спинку и прикрыл глаза, мягко покачиваясь вместе с машиной. Они приехали. Автомат отыскал въезд в гараж. Двери раскрылись, машина въехала внутрь.

Только в комнате Бигмен дал волю чувствам.

— Слушай, Лакки, — заорал он, — что происходит? У меня уже шарики за ролики заходят от твоих загадок!

— Видишь ли, Бигмен, — сказал Лакки, стягивая с себя рубашку. — Все дело в простой логике. Что происходило, когда люди оказывались под ментальным контролем? Что там рассказывал Моррис? Некто швырялся деньгами. Крановщик уронил груз. Лаборант подмешал яд в раствор. В каждом случае имело место действие — какое-никакое, но действие. Все они делали что-то, понимаешь?

— Ну? — не понимал Бигмен.

— А сегодня? Не пустяк, серьезное происшествие. Но тут не было действия: человек сидел возле рычага и ничего не делал. Ничего!

Лакки отправился под душ, и Бигмен услышал, как он постанывает от наслаждения под шумящими струями. Не выдержав неопределенности, Бигмен отправился следом, что-то бормоча себе под нос.

— Эй, — попытался он перекричать жужжащую воздуходувку, под которой сушился Лакки.

— А? — обернулся тот. — Так и не сообразил?

— Слушай, Лакки, кончай свои загадки. Знаешь же, я терпеть этого не могу.

— Да какие загадки? Просто менталисты сменили стиль. Вот и все. Но этому должна быть причина. Иначе зачем сажать возле рычага шлюза человека, который ни черта не делает?

— Говорю же, ничего не понимаю!

— Ладно, подумай-ка, чего они достигли?

— Ничего?

— Ничего себе ничего! В один момент они согнали в аварийный сектор чуть ли не половину Афродиты, да заодно и всю ее администрацию. Вытащили туда нас с Моррисом. Город остался практически пуст, включая и штаб-квартиру Совета. И я оказался настолько идиотом, что, лишь когда Тернер, главный инженер города, упомянул, что улизнуть из города сейчас ничего не стоит, я сообразил, что происходит на самом деле...

— Не понимаю! Лакки, объясни. А то...

— Погоди, парень, — Лакки перехватил летящий в его сторону кулак Бигмена одним движением руки. — Не дергайся. Дело вот в чем. Я кинулся в помещение Совета и обнаружил, что Лу Эванса там уже нет.

— А куда они его дели?

— Если ты говоришь о людях из Совета, то они его никуда не дели. Эванс исчез. Отключил охранника, забрал его оружие, использовал татуировку Советника, чтобы раздобыть подлодку, и ушел в океан.

— Ты думаешь, что они все для этого и устроили?

— А то? Штучки со шлюзом были отвлекающим маневром. Как только Эванс, живой и невредимый, оказался на воле, они сняли контроль с того парня и его без проблем арестовали.

— О, дьявол, — вконец разбушевался Бигмен, — значит, я впустую корячился в трубе?! Болтался там, как набитый дурак...

— Нет, Бигмен, не так, — вполне серьезно успокоил его Лакки. — Ты отлично исполнил непростую работу, и Совет об этом узнает.

Маленький марсианин покраснел, и на какое-то время гордость вытеснила из его души все остальные чувства. Лакки воспользовался этим, чтобы спокойно лечь и попытаться уснуть.

— Но, Лакки, — не унимался Бигмен, — это значит... я хочу сказать, что если бегство Эвансу подстроили эти... менталисты, то он тогда предатель, а?

— Нет, — резко и почти яростно Лакки сел в кровати. — Он не предатель!

Бигмен ждал продолжения, но Лакки снова улегся и ничего больше не говорил. Бигмен понял, что разговор на эту тему закончен. Только после того как он сам умылся и вытянулся между прохладными пластексными простынями, он снова попытался обрести полную ясность.

— Лакки?

— Да, Бигмен?

— А что дальше?

— Мы отправимся искать Эванса.

— Мы? А Моррис?

— Я хочу изменить план действий, который был разработан на Земле. Я уже говорил об этом Конвею — по пути на Венеру.

Бигмен кивнул. Да, это объясняло, почему его не допускали на беседы. Хотя они с Лакки и закадычные приятели, но сам он — не Советник. А в ситуации, когда Лакки вынужден действовать через головы местного руководства, нежелательны любые свидетели.

Но теперь снова предстояло действовать, а Бигмен тут же начал заводиться. Он предпочел бы оказаться в океане немедленно, в этом гигантском, самом громадном из всех, какие есть на внутренних планетах...

— И когда мы отправляемся?

— Как только нам подготовят подлодку. Только сначала мы повидаем Тернера.

— Инженера? А его-то зачем?

— У меня есть данные обо всех, кто попадал под ментальный контроль, и я хочу разобраться с парнем в шлюзе. Тернер должен быть осведомлен о нем лучше, чем кто-либо. Но перед тем как мы отправимся к Тернеру...

— Что?

— Перед этим надо выспаться, и ты, мартышка марсианская, немедленно заткнешься!

Тернер жил в многоквартирном доме, в котором обитали явно самые высокопоставленные лица местной иерархии. Бигмен даже присвистнул, когда оказался в вестибюле, украшенном панелями из дорогого дерева и объемными изображениями

морских пейзажей. Лакки направился к небольшой повозке, немного смахивающей на большой полотер, подождал, пока к нему присоединится Бигмен, и нажал кнопку с номером квартиры Тернера.

Повозочка привезла их на пятый этаж, пронеслась вдоль силовой направляющей по коридору и остановилась возле дверей Тернера. Приятели сошли, и повозка, жужжа, двинулась с места и вскоре исчезла за поворотом коридора.

— Хм, — удивился Бигмен. — Никогда такой штуки не встречал.

— На Венере изобрели. Теперь их внедряют и на Земле, в новых домах. Со старыми-то мороки много, надо все перестраивать, прокладывать специальные дорожки...

Лакки нажал на кнопку, подсвеченную изнутри красным цветом. Дверь открылась, и из нее выглянула голубоглазая женщина. Она была прекрасно сложена, молода и весьма привлекательна, светлые волосы были коротко обрезаны на затылке и над ушами — по местной моде.

— Мистер Старр?

— Да, миссис Тернер, — Лакки несколько смешался: слишком уж она молода для хозяйки дома.

Но женщина мило улыбнулась приятелям.

— Так заходите! Мой муж предупредил меня, что вы придете. Знаете, он спал сегодня не больше двух часов, так что пока еще не вполне...

Они вошли, и дверь за ними затворилась.

— Извините, что вынужден побеспокоить вас в такую рань, — начал Лакки, — но это вызвано крайней необходимостью. Да мы и не зайдем у мистера Тернера слишком много времени.

— О, ну что вы, я понимаю, — хозяйка прошла по комнате, чуточку нервно поправляя и без того аккуратно стоявшие на своих местах предметы.

Бигмен ошалело озирался. В этой квартире все диктовала женщина. Убранство комнаты было невыносимо слащавым — нежно-разноцветным, со множеством салфеточек и безделушек.

— Как тут у вас замечательно, мисс, хм, то есть мадам, — выдавил из себя Бигмен, почувствовав на себе взгляд жены Тернера.

— Спасибо, — ответила та, едва не зардевшись. — Хотя не думаю, что Лиману очень уж нравится тот стиль, в котором я все устроила. Но он не возражает. Знаете, я так люблю всякие маленькие безделушки И пустячки... А вы?

От необходимости отвечать на этот вопрос Бигмена избавил Лакки.

— А вы давно здесь живете?

— Почти сразу после женитьбы. Меньше года. Это очень дорогой дом, но он чуть ли не лучший на Венере. Тут все совершенно автономное, есть собственный гараж для коастров, свой коммутатор. Внизу есть даже блоки. Представляете? Блоки! Хотя, конечно, их почти не используют. Даже прошлой ночью. Ну, не знаю, мне так кажется, точно я сказать не могу, потому что все Весслье-то я проспала. Представляете? Даже ничего не слышала, пока не пришел Лиман и не рассказал...

— Может, это и к лучшему, — заметил Лакки. — Вы избежали нервотрепки.

— Я пропустила развлечение, — возразила она. — Все наши соседи были в самой гуще событий, а я спала. Все на свете проспала, и никто меня не разбудил. Просто ужас.

— Что за ужас? — донесся голос хозяина, и в комнату вошел Тернер. Выглядел он неважно: волосы всклокочены, лицо мягкое, глаза заспанные. При нем был все тот же компьютер, на этот раз он держал его за ремень в руке и, когда сел, поставил на пол возле себя.

— То, что я пропустила развлечение, — повторила женщина. — Ну, как ты, Лиман?

— Ничего, спасибо. И не говори о том, что ты пропустила развлечение. Хотел бы я, чтобы это было действительно так... Здравствуйтесь, Старр. Извините, что заставил вас ждать.

— О, ми только пару минут как вошли, — успокоил его Лакки.

— Ну что же, я оставляю мужчин вести серьезные разговоры, — прочирикала миссис Тернер и на прощание чмокнула мужа в щечку.

Тернер пожал ее руку чуть выше локтя.

— Итак, — начал он, проводив ее взглядом, — извините за мой вид, но я просто не успел еще привести себя в порядок.

— Конечно, конечно. А как сейчас обстоят дела с куполом?

— Мы продублировали людей на вахтах, — Тернер протер глаза, — и уменьшили степень автономности каждого из шлюзов. Увы, это идет вразрез с инженерными тенденциями современности. Мы вынесли кабели питания в город, так что теперь в подобных случаях сможем прекратить подачу энергии. И конечно, будут укреплены аварийные перегородки, и число их — увеличено. Вы курите?

— Нет, — ответил Лакки, а Бигмен покачал головой.

— Тогда не передадите ли вы мне сигарету из той штуковины, которая похожа на рыбу? — попросил Тернер. — Да, из этой. Это все причуды моей жены. Никогда не пройдет мимо

забавной безделушки, — улыбнулся он. — Знаете, я поздно женился и до сих пор, кажется, ее обожаю.

Лакки с изумлением разглядывал странноватую, отлитую из камнеподобной субстанции зеленого цвета рыбу, из пасти которой выехала зажженная сигарета, едва он прикоснулся к спинному плавнику.

Тернер, казалось, расслаблялся, когда курил. Он заложил ногу на ногу, и верхняя ступня медленно раскачивалась взад-вперед, едва не задевая компьютер.

— А известно ли что-нибудь о том парне? — приступил к делу Лакки. — Ну, возле шлюза?

— Его исследуют. Безумец, конечно.

— То есть он состоял на учете?

— Ну что вы. Нет, конечно, Я это проверяю — я же главный инженер, и на мне весь персонал.

— Знаю. Потому к вам и пришел.

— Рад бы помочь, да что тут скажешь? Обыкновенный служащий. У нас он месяцев семь, и с ним никогда не было проблем. Прекрасные характеристики: спокойный, скромный, старательный.

— Только семь месяцев?

— Да.

— Он инженер?

— Числится инженером, но вся его работа состоит в том, что он находится на посту у шлюза. Это такая рутина: шлюз надо открывать и закрывать, проверять документацию, вести записи. Скорее административная, чем инженерная работа.

— Но инженерное образование у него есть?

— Он окончил колледж. Это его первое место, он еще молод.

Лакки кивнул.

— Я слышал, — сказал он как бы между прочим, — что в городе отмечалась уже серия подобных случаев?

— Разве? — Тернер взглянул на Лакки и пожал плечами. — Не знаю, у меня редко бывает время, чтобы просматривать сводки новостей.

Прозвучал зуммер.

— Это вас, Старр, — сообщил Тернер, сняв трубку.

— Да, я оставил записку, что буду у вас, — кивнул Лакки. — Старр слушает, — ответил он, но отключил экран, позволяющий видеть собеседника, и не переключил прием на громкоговорящее устройство.

— Мы пойдем, Тернер, — сказал он, положив трубку.

— Хорошо, — Тернер тоже поднялся с места. — Если могу оказаться вам полезен — милости прошу в любое время.

— Спасибо. И поблагодарите от нас вашу жену.

— В чем дело? — спросил Бигмен, едва они оказались на улице.

— Наш пароход готов, — сообщил Лакки, останавливая такси.

Они залезли внутрь, и Бигмен снова нарушил молчание:

— Ты чего-нибудь от Тернера добился?

— Да, выяснил кое-что, — Лакки был немногословен.

Бигмен тяжело вздохнул и сменил тему:

— Надеюсь, мы разыщем Эванса.

— Я тоже.

— Да, попал он в переделку... Чем больше я об этом думаю, тем поганей мне кажется дело. Не знаю, шпион Эванс или нет, но его начальник требует от Земли расследования...

Лакки повернул голову и с изумлением взглянул на Бигмена.

— Моррис еще не посылал рапорта на Землю! Как ты мог не расслышать этого вчера?

— Не посылал? — опешил Бигмен. — А тогда кто же?

— Господи! — охнул Лакки. — Ну уж это должно быть понятно! Да Эванс же! Только подпись поставил Морриса.

8. Советник, ау!

Лакки быстро освоился с управлением подлодкой и уже чувствовал себя в океане, как дома.

Служащий, который привел их на корабль, стал было читать лекцию о его устройстве и использовании, но Лакки остановил его, задав пару конкретных вопросов, а Бигмен разразился очередной порцией бахвальства: «На свете еще не изобрели штуковины, которой бы мы с Лакки не могли управлять!». Ну, хвастаться, конечно, не очень хорошо, но говорил Бигмен почти чистую правду.

Подлодка «Хильда» выключила двигатели и легла в дрейф. До этого она стремительно и бесшумно рассекала милю за милей черноты глубин венерианского океана, ни на секунду не включая свои мощные прожектора. Все равно радар обшаривал окрестности куда более тщательно, чем в состоянии был сделать это свет.

Что и происходило теперь. Волны определенной частоты, подобранной так, чтобы отражение от любого препятствия оказалось бы максимальным, разбегались во все стороны от корабля, словно пальцами гигантских невидимых рук обшаривая океан.

Но ничто не отражалось на экране радара. «Хильда» затаилась во тьме на дне океана, в полумиле от поверхности воды, и только покачивалась вместе с мягкими колебаниями океанских течений.

Сначала Бигмен не слишком обращал внимание на то, что творится на экране радара: за иллюминатором разворачивалось шикарное представление.

Все живущее в венерианских глубинах фосфоресцирует, так что дно океана было усеяно цветными огнями куда более крупными, чем звезды, — яркими, да еще и движущимися. Бигмен расплющил нос о толстое стекло и озира́л это в полном восхищении.

Тут были такие небольшие кружочки, которые двигались медленными рывками; что-то еще проносилось с такой скоростью, что казалось просто светящейся ниточкой. Тут, кстати, в изобилии виднелись и знакомые Бигмену с Лакки по Зеленому Залу морские ленты.

К Бигмену вскоре присоединился и Лакки.

— Если я еще что-то помню из ксенозоологии...

— Из чего?

— Так называется наука о внеземных живых существах,

Бигмен. Перед полетом я проглядел учебник. Книга у меня с собой, возьми, если тебе интересно.

— Книга? Еще чего! Ты мне просто Расскажи.

— Ну ладно, начнем тогда с этих маленьких кружков. Полагаю, они относятся к классу пуговичных.

— Пуговичных? — переспросил Бигмен. — А, кажется, я понял, что имеется в виду.

Их тут как раз проплывала мимо иллюминатора целая стая: желтые светящиеся овалы. И каждый был помечен как бы двумя короткими параллельными линиями. Пуговичные перемещались рывками, затем на несколько мгновений замирали и опять отскакивали в сторону. Их было так много и дергались они столь беспрерывно и согласованно, что Бигмену стало казаться, что всякие полминуты дергается «Хильда», а вовсе и не они.

— А вот это вроде отложенные яйца, — пробормотал Лакки и замолк, продолжив лишь чуть погодя. — Вообще, большую часть тварей я не могу опознать. Стой! Это, похоже, алое пятно! Взгляни-ка, вон та яркая штука с нечетким контуром? Сейчас она примется лопать пуговиц.

Желтые блошки засуетились, почувствовали приближение хищника, но поздно — дюжинка пуговиц оказалась накрытой красным пятном. Какое-то время пятно оставалось единственным источником света в иллюминаторе — остальные разбежались кто куда.

— Пятно выглядит просто как большой блин, — продолжил Лакки. — Там, в нем, в общем, ничего и нет, только кожа и чуть-чуть мозгов. Толщиной в дюйм. Его можно разодрать в нескольких местах, а ему хоть бы хны. Видишь, какое это потрепанное? Похоже, рыба-стрела его слегка поела.

Пятно уходило из поля видимости. Какое-то время за иллюминатором господствовала темнота, светились, затухая, лишь два умирающих желтых огонечка. Постепенно пуговицы стали возвращаться на место.

— Пятно это — продолжил Лакки, — своим телом прижимает пуговиц ко дну, постепенно всасывает их и переваривает. Но есть другой подвид, оранжевое пятно, то — куда более агрессивно. Может выстрелить струей воды, да такой, что человека с ног собьет, даже если само только фут в диаметре и толщиной с бумажный лист. Говорят, среди них попадаются и гигантские особи.

— А какие гигантские? — заинтересовался Бигмен.

— Точно не скажу, но в книге сказано, что доходили сведения о невероятных монстрах — о рыбе-стреле длиной в милю или пятне, которое в состоянии накрыть собой всю Афродиту. Не

знаю, настолько это соответствует действительности.

— Миля в длину?! Враки!

— А что? — Лакки пожал плечами. — Почему бы и нет? Мы же видим пока только обитателей мелководья. А в некоторых местах глубина океана миль десять. Там всякой твари места хватит.

— Рассказывай... — Бигмен взглянул на приятеля с подозрением. — Ты мне не вкручиваешь? — он повернулся и отошел в сторону. — Где, ты сказал, эта книжка? Лучше-ка я ее сам прочту.

«Хильда» вновь сменила позицию. Радар продолжал свой неустанный труд. Через какое-то время лодка снова двинулась с места. Снова переместилась. Лакки медленно кружил корабль по плато, окружавшему Афродиту, и мрачно глядел ка экран.

Где-то здесь должен быть Эванс. Он просто обязан оказаться тут! Потому что его корабль не предназначен ни для перемещений по поверхности, ни в глубине, большей чем две мили. Он обречен болтаться здесь, на плато в окрестностях города.

Он снова сказал себе «обязан», и тут на экране вспыхнул огонек. Тут же автомат вычислил и вывел на экран указатель курса на появившийся предмет.

— Вот он! — рука Бигмена обрушилась на плечо Лакки.

— Возможно, — поморщился тот. — Если не другой корабль или останки затонувшего.

— Засеки его, Лакки, засеки курс!

— Да все уже в порядке. Сейчас мы к нему подойдем.

Бигмен почувствовал ускорение и услышал шум двигателей.

Лакки пригнулся к передатчику с шифровальным устройством и стал настойчиво повторять:

— Лу! Лу Эванс! Это Лакки. Подтверди прием. Лу! Лу Эванс!

И — снова и снова. Точка на экране становилась все ярче — они приближались. Ответа не было.

— Слушай, Лакки, — заявил Бигмен. — Та штука, похоже, не двигается. Наверное, это затонувший корабль. Если бы это был Советник, так он или ответил бы, или смылся.

— Молчи! — прикрикнул Лакки и продолжил взывать в микрофон: — Лу! Не надо прятаться! Я знаю все, я знаю, почему ты послал сообщение, подписавшись Моррисом, и потребовал своего отзыва на Землю. Я знаю, кого ты подозреваешь! Подтверди прием!

Приемник зашумел. Из динамика дешифровальщика послышалась вразумительная речь:

— Не лезь! Понял, так и не лезь!

Лакки удовлетворенно улыбнулся. Бигмен. прыгал от радости:

— Как ты его заделал!

— Я тебя сейчас подберу к себе на корабль. Держись, Лу. Мы с тобой во всем разберемся.

— Нет, — медленно возвращались слова. — Ты не... не понял... Я хочу... — и почти в истерике: — Не приближайся, Лакки! Стой!

И больше ни звука. «Хильда» медленно приближалась к кораблю Эванса. Лакки откинулся на спинку кресла и нахмурился.

— Не понимаю, — пробормотал он. — Если он так перепуган, то почему стоит на месте?

Бигмен не расслышал и гордо сообщил:

— Ах, как ты здорово сблефовал, Лакки!

— Ох, Бигмен, — вздохнул Лакки. — Нет здесь никакого блефа. Я знаю ключ к этой истории. Ты бы тоже все понял, если бы дал себе труд немного подумать.

— Что ты узнал? — недоверчиво переспросил Бигмен.

— Помнишь, когда мы с Моррисом вошли в ту комнату, куда потом привели Эванса? Помнишь, что там произошло?

— Нет.

— Ты расхохотался. Сказал, что я потешно выгляжу без усов. И я сам ощутил совершенно то же самое, глядя на тебя. Помнишь?

— Ну, вспомнил.

— А ты не подумал, с чего бы это? Мы же глядели на усачей уже несколько часов. Почему же одна и та же мысль возникла у нас одновременно?

— Понятия не имею.

— Надо думать, некто обладает телепатическими способностями и может передавать ощущения от одного мозга к другому.

— Ты имеешь в виду менталистов? Кто-то из них находился в комнате вместе с нами?

— А что, разве не похоже?

— Но это невозможно! Там был только Моррис. Лакки! Так это Моррис...

— Моррис тоже глядел на нас не меньше часа. С чего бы это ему вдруг изумиться, что мы безусы?

— Значит, там кто-то прятался?

— Не совсем так, — усмехнулся Лакки. — В комнате было еще одно живое существо, и сидело оно на самом видном месте.

— Ты что?! — покатился со смеху Бигмен. — В-лягушка?

— А то? — Лакки был настроен миролюбиво. — Мы, поди, первые люди без усов, которых она в жизни увидела. Вот и удивилась.

— Но это невозможно!

— Почему? Вспомни-ка, их полно в городе, люди их содержат дома, кормят, балуют. Слушай, как по-твоему, они их действительно любят? Или сами лягушки навязывают свою любовь телепатически, чтобы их содержали и кормили?

— Да что ты, Лакки, — обиделся Бигмен. — Что тут странного, что их любят? Они же такие милые. Зачем им людей гипнотизировать?

— А ты уверен, что полюбил их сам? Тебе никто не навязал?

— Никто мне ничего не навязывал. Понравилась она мне и все.

— Вот как? Но через две минуты, как ты впервые увидел В-лягушку, ты принялся ее кормить. Помнишь?

— Ну и что тут плохого?

— А чем ты ее кормил?

— Тем, что ей нравится. Горохом, смазанным таво... — Бигмен осекся на полуслове.

— Именно. Этот тот самый тавот и вонял. Никакой ошибки. Но как ты сообразил, что горох надо смазать этим? Ты что, всегда кормишь животных тавотом? Тебе известны существа, которые бы его жрали?

— О Господи... — бессильно пробормотал Бигмен.

— Так как? Ты полностью контролировал себя или лягушка подсказала тебе, что ей надо?

— Я не думал... — бормотал Бигмен, — Теперь вес так ясно, когда ты объяснил. Я просто отвратительно себя чувствую.

— Почему?

— Отвратительно. Как представляю, что всякие животные распускают в моем мозгу всякие дурацкие мысли, так меня начинает мутить. Антисанитария просто какая-то, — и от отвращения Бигмен сморщился.

— Увы, — вздохнул Лакки. — Тут дело похуже, чем антисанитария. — И снова повернулся к экрану.

До кораблика Эванса оставалось меньше полумили. На экране видны были уже вполне разборчивые очертания подлодки.

— Эванс, мы тебя видим, — сказал Лакки в микрофон. — Ты можешь двигаться? Что с твоей посудиною?

Ответ пришел незамедлительно и был переполнен эмоциями:

— Да хранит тебя... Лакки! Я сделал все, что мог... Вы — в западне... точно так же, как и я!

И, словно подтверждая сказанное им, удар страшной силы

потряс «Хильду», перевернул ее набок и остановил главный генератор корабля!

9. Из бездны

Вспоминая впоследствии события этих часов, Бигмен видел их как бы сквозь перевернутую другим концом подозрную трубу: отдельные кошмарики беспорядочных событий.

После удара он отлетел к переборке. То, что показалось ему чуть ли не вечностью, длилось не более секунды. Бац — и он распростерт на полу и едва дышит.

Лакки, сумевший остаться за пультом, заорал:

— Главный генератор отключен!

Бигмен попытался подобраться к нему по вставшему торчком полу:

— Что стряслось?

— Нас подбили. Я еще не понял, насколько серьезно.

— Но свет горит.

— Знаю. Это аварийный генератор.

— А двигатель?

— Понятия не имею. Пытаюсь разобраться.

Двигатели хрипло прокашлялись и включились. Но раньше они гудели мягко и размеренно, а теперь дребезжали так, что у Бигмена немедленно заныли зубы. «Хильда» дернулась, как раненый зверь, и встала в нормальное положение. Моторы снова заглохли.

Приемник забулькал, и Бигмен напряг слух, чтобы разобрать там хоть что-то.

— Старр! Лакки Старр. Это Эванс. Подтверди прием.

— Я слушаю, — ответил Лакки, подскочив к передатчику. — Что с нами?

— Неважно, — донесся усталый голос. — Теперь это может тебя не беспокоить. Им достаточно уже и того, что мы останемся тут навечно. Зачем ты полез сюда? Предупреждал же...

— Твой корабль разбит, Лу?

— Я торчу здесь уже часов двенадцать. Света нет, энергии нет, только батарейки для радио, но и те иссякают. Очистители воздуха вышли из строя, так что и с этим дело дрянь. Вот так, Лакки.

— Можешь оттуда выбраться?

— Как? Шлюз не работает. У меня есть скафандр, но если я попытаюсь выйти наружу, то меня раздавит.

Бигмен понял, о чем речь, и содрогнулся. Дело в том, что шлюзы в подводных кораблях устроены так, что пускают воду в промежуточную камеру медленно, очень медленно. А если просто открыть шлюз на дне океана, то — моментально подставляешь

себя под сотню тонн давления. Никакой, хоть из стали, скафандр не поможет, его расплющит, как пустую жестянку под колесами.

— Мы еще можем двигаться, — сказал Лакки. — Сейчас подойду. Мы состыкуемся шлюзами, и я заберу тебя на «Хильду».

— Спасибо, только зачем? Если тронешься, по тебе опять шарахнут, да и какая разница: быстро подохнуть тут или медленно — на твоём корабле?

— Слушай, — рассердился Лакки. — Мы умрем в свой час, но ни секундой раньше. Помирать всякому придется, но сидеть сложа руки и дожидаться — слишком уж просто. Дуй в машинное отделение, — приказал он Бигмену, — и выясни, можно ли починить.

Находясь в машинном отделении и неловко орудуя с «горячим» микрореактором с помощью специальных дистанционных манипуляторов, по счастью, не вышедших из строя, Бигмен чувствовал, как корабль, цепляясь за дно, медленно тащится вперед. Двигатели дребезжали и выли. Затем раздался какой-то отдаленный грохот, которому срезонировал корпус «Хильды», казалось, в нескольких сотнях ярдов от корабля что-то взорвалось. Бигмен почувствовал, что корабль остановился, моторы лишь едва подрагивали. Похоже, корабли состыковались шлюзами — операция, требующая точности и опыта. А теперь из шлюзов откачивают воду — свет фонарей в машинном отделении потускнел, и на поврежденном генераторе зажглась лампочка «перегрузка». Теперь Эванс сможет перебраться к ним без всяких проблем.

Когда Бигмен, закончив свои дела, вернулся в рубку, то застал там уже обоих Советников. Лицо Эванса было бледным и озабоченным. При появлении Бигмена на нем появилось нечто вроде улыбки.

— Продолжай, Лу, — сказал Лакки.

— Ну вот, — вздохнул Эванс. — Сначала это были просто предположения. Я изучил каждого из людей, вовлеченных в инциденты. Все, что между ними отыскалось общего, состояло в том, что они — любители В-лягушек. Ну, на Венере к ним всякий равнодушен, но у каждого из этих людей их было очень много, целые семейства. Но фактов было мало, и я не стал выдумывать теорию, а решил проэкспериментировать. Если бы я... В общем, я решил поймать лягушек с поличным. Вот так — чтобы стало ясно, когда им становится известным то, что знаю только я.

— И ты полез во все эти дрожжи? — хмыкнул Лакки.

— Ну да. Я должен был узнать нечто, о чем мало кто осведомлен, а то как я смогу убедиться, что лягушки получили информацию через меня? Данные по дрожжам были идеальны.

Когда мне не удалось добраться до них легально, Я их просто украл. А потом притащил в управление лягушку, поставил рядом со своим столом и принялся читать документацию. Даже вслух некоторые места зачитал. Так что, когда через два дня произошел тот случай на заводе, сомнений у меня не осталось. Только...

— Что «только»? — не удержался от вопроса Лакки.

— Только я оказался не слишком ловок, вот что, — вздохнул Эванс. — Я допустил их в свой мозг, а выгнать оттуда не сумел. Люди из Совета явились за бумагами. Они меня знали, так что говорили со мной очень вежливо. Я с готовностью вернул бумаги и собрался все им объяснить. И не смог...

— То есть как не смог? Ты о чем?

— Не смог! Физически не смог, понимаешь? Ни слова о В-лягушках произнести не смог! Язык не поворачивался. Я даже чуть с собой не покончил, но удержался. Похоже, они не могут заставить сделать нечто такое, что идет наперекор моему характеру. Я решил, что если удеру с Венеры, то от них удастся отделаться. И я сделал единственное, что могло повлечь за собой мой отзыв: обвинил себя в коррупции и подписался Моррисом.

— Да, — мрачно кивнул Лакки, — досюда я все угадал.

— Как? — опешил Эванс.

— Да просто. Моррис изложил свою версию событий, едва мы оказались на Афродите. Закончил он, сказав, что подготовил отчет для Земли. Но не сказал, что послал его, — только подготовил. А сообщение было. Но кто еще, кроме вас с Моррисом, знает код связи и обстоятельства дела?

— Да... И вместо того чтобы отозвать меня, они послали тебя, — мрачно произнес Эванс. — Ну и дрянь же дело.

— Я сам настоял, Лу. Я просто не мог поверить обвинениям в твой адрес.

— И это самое глупое, что ты мог сделать, — Эванс уткнулся лицом в ладони. — Когда ты мне сообщил, что летишь сюда, я потребовал, чтобы ты не вмешивался. Не так ли? Но я не мог рассказать тебе — почему. Физически не был способен. А по моему мозгу В-лягушки о тебе все узнали. Им известно, что ты за типчик. Встречу они тебе подготовили, не так ли?

— Да, подготовили... — пробормотал Лакки, — но у них не вышло...

— Зато теперь выйдет. Ничем, извини, не могу тебе помочь, Лакки. Да и себе. Когда они парализовали человека возле шлюза, я оказался неспособным подавить желание бежать прочь. Удрал в океан... А ты, конечно же, за мной следом. Я был наживкой, а ты жертвой. И я опять пытался отговорить тебя не приближаться, но не мог объяснить почему...

Он судорожно вздохнул.

— Теперь я уже могу говорить обо всем, — продолжал Эванс. — Они убрали блокировку. Наверное, на меня теперь незачем тратить силы, мы и так в ловушке и не слишком отличаемся от покойников.

— Что?! — взвился Бигмен, слушавший этот монолог со все возрастающим беспокойством. — Как это мы не отличаемся от жмуриков?

Эванс снова уткнулся лицом в ладони и ничего не ответил.

— Видишь ли, Бигмен, — задумчиво сказал Лакки, — нас накрыло гигантское оранжевое пятно, которое ради этого специально вылезло из океанских глубин.

— Как это так — накрыло? Корабль же большой!

— Увы. Диаметр его — две мили. Две мили в поперечнике. Это оно почти разбило корабль в первый раз и чуть не добило, когда мы стыковались с Эвансом. Струйкой воды. Только мощность этой струйки побольше, чем у глубинной бомбы.

— Но как это случилось, что мы не заметили?

— Эванс думает, что нас взяли на это время под контроль. Похоже, он прав. Кроме того, эта дрянь умеет уменьшать свое свечение, управляя фотоэлементами на коже. Оно, наверное, подняло край мантии, мы туда заплыли, оно ее опустило, и мы теперь тут, как птенчики под одеялом.

А если мы попытаемся выбраться или расчистить себе путь бластерами, — продолжил Лакки, — то пятно по нам стрельнет еще разок, да теперь-то уж вряд ли промахнется.

Наступило молчание.

— Но оно может промахнуться! — внезапно оживился Лакки. — Промахнулось же, когда мы приближались к твоему кораблю, Лу! Слушай, — обернулся он к Бигмену, — главный генератор в порядке?

Бигмен почти забыл про свои дела.

— Да, — опомнился он, — регулировка микрореактора не нарушена, так что все можно наладить, если я отыщу инструменты.

— Сколько времени это займет?

— Часа два.

— Вот и занимайся. А я пойду искупаюсь.

— Ты это о чем? — дернулся Эванс.

— Пойду разберусь с пятном, — и Лакки был уже в шлюзе, предназначенном для выхода наружу в скафандрах, выясняя в порядке ли дверь и проверял баллоны и амуницию.

В крошечной мгле океана царило обманчивое спокойствие. Казалось, опасность миновала, но Лакки прекрасно сознавал, что

прямо под ним — океанское дно, а со всех сторон — выгнутая, как перевернутая чашка гигантских размеров, — плоть монстра.

Двигатель, встроенный в скафандр, прокачивал сквозь себя воду, и Лакки медленно поднимался вверх, держа оружие в боевой готовности. Он не переставал изумляться изобретательности инженеров, придумавших всю его экипировку. Да и вообще, способности человека к изобретению нового получили колоссальное развитие, встретившись с необходимостью наладить жизнь на других планетах, среди их тяжелых и подчас опасных для жизни человека условий жизни.

Когда-то, давным-давно, блеском своего изобретательского гения европейцев потрясла заново заселенная Америка. Теперь нечто в этом роде происходило на Венере, Тут были роскошные города под куполами. Нигде, кроме как на Венере, не умели столь искусно вплетать силовые поля в сталь и в любой иной материал. Скафандр Лакки не смог бы противостоять тоннам давления ни секунды, если бы не сеть вплетенных в него мощных микрополей (хотя, надо отметить, скафандр не мог быть использован при резких перепадах давления). Но и во многих других отношениях его амуниция была чудом инженерной мысли. Встроенный двигатель, эффективнейшая подача кислорода, компактное и удобное управление — все просто великолепно. А что сказать об оружии?!

Тут мысли Лакки переключились на монстра. Тоже ведь венерианское изобретение в своем роде. Изобретение, осуществленное эволюцией. Могут ли такие твари обитать на Земле? Не на суше, конечно. Там, в условиях земного притяжения, живое существо не способно выдержать более сорока тонн собственного веса. У гигантских бронтозавров мезозоя были ножищи, как древесные столбы, и то чудища большую часть времени были обречены отсиживать в болотах, чтобы вода хоть немного облегчила их жизнь.

То есть вот и ответ: выталкивающая сила воды. В океанах могут жить существа любых размеров. На Земле есть киты, превосходящие размерами любых живших когда-либо динозавров. Но этот монстр, пятно, прикинул Лакки, весит где-то около двухсот миллионов тонн. Столько весят вместе взятые два миллиона китов. Лакки стало жутко. Да сколько же этой твари пришлось расти, чтобы достичь этого веса? Сто лет? Тысячу? Кто скажет?

Но такие габариты не проходят даром. Даже под водой. Чем существо больше, тем медленней его реакции. Нервным импульсам требуется время, чтобы достичь мозга.

Эванс подумал, что пятно не разбило «Хильду» очередным

выбросом воды, потому что, лишив их возможности действовать, стало безразличным к их дальнейшей судьбе. Да нет же! Произошло это, наверное, потому, что монстру требуется время на заполнение гигантских резервуаров водой! Время, время...

Да и то вряд ли монстр чувствует себя лучшим образом. Он привык жить в глубинах с шестью милями океана сверху. На мелководье его эффективность неминуемо должна уменьшаться. Если он промахнется во второй раз по «Хильде», то, наверное, не полностью оправился после первой попытки.

А теперь он выжидает. Вода постепенно наполняет резервуары, и, насколько это для него возможно возле поверхности океана, пятно собирается с силами. И он, Лакки, должен его остановить. 190 фунтов человеческой плоти против двух миллионов тонн чудовища!

Лакки огляделся и ничего не увидел. Нажал кнопку на внутренней стороне перчатки — и из облаченного в металл пальца выстрелила струна чисто-белого света. Она ушла вверх и исчезла во мгле. Коснулась ли она тела пятна или просто растворилась в темноте?

Водой монстр стрелял трижды. Один раз он разбил лодку Эванса, потом — повредил корабль Лакки (но последствия были не слишком тяжелыми — что же, существо постепенно слабеет?), третий его выстрел пришелся в никуда.

Лакки поднял свое оружие, похожее на ружье с толстой рукояткой, внутри которой находились несколько сот миль тончайшего провода и генератор высокого напряжения. Направив оружие вверх, он нажал на спуск.

Какое-то время не происходило ничего — но Лакки знал, что проводок с волос толщиной раскручивается и тянется вверх сквозь перенасыщенные углекислым газом воды океана...

Снаряд достиг цели, и результат не замедлил сказаться. Когда наконечник достигает цели, поток электрического тока со скоростью света бросается вперед и разбивает препятствие с силой удара молнии. Похожие на волосы провода ярко засветились и обратили окружающую их воду в кипящую пену. Вода не просто кипела от разогрева, но бурлила и невообразимо шипела — из-за большого количества углекислого газа, растворенного в ней.

И над этими пузырями и свечением проводов словно вспыхнуло небольшое солнце. Там, где снаряд коснулся плоти, образовался ослепительный шар взрыва, который прожег дыру футов в тридцать шириной и настолько же глубокую в живой горе, нависавшей над землянами.

Лакки мрачно улыбнулся. Конечно, учитывая размеры, эта

рана чудовищу что-то вроде комариного укуса, но пятно его почувствует. Минут через десять, по крайней мере. Нервным импульсам требуется время, чтобы добраться до слабых мозгов существа, и тогда, возможно, пятно оставит в покое два беспомощных суденышка и кинется искать напавшее на него нечто. Вот и пускай убирается. Его самого, подумал Лакки, чудовище точно не найдет. Через десять минут его тут уже не будет. Через десять минут он...

Закончить мысль не удалось. Не прошло и минуты после вспышки, а чудовище уже нанесло ответный удар!

Не прошло и минуты, и Лакки понял, что просчитался и теперь падает, рушится, летит вниз в вихревом, мчащемся со страшной скоростью потоке воды...

10. Гора плоти

Удар потряс Лакки. Скафандр из обычного металла был бы раздавлен всмятку. Любой нормальный человек лишился бы чувств и, бездыханный, врезался бы в дно океана и умер.

Но только не Лакки! Он боролся отчаянно. Переборов тяжесть воды, сумел поднести к лицу левую руку, чтобы посмотреть на индикаторы, сообщавшие о состоянии скафандра.

Лакки простонал, Приборы не показывали ничего, стали бесполезными игрушками. Впрочем, подача кислорода не нарушилась (это бы сразу почувствовали его легкие), и, похоже, сам скафандр не прохудился. Оставалось надеяться, что в порядке и двигатель.

Пытаться уйти в сторону и выбраться из основного потока воды не имело смысла, он понапрасну истратил бы все силы. Следует ждать и надеяться вот на что: по мере удаления от источника поток воды теряет скорость. Вода против воды — это действие сопряжено с сильным трением. На краях выброса усиливаются завихрения, которые поглощают скорость потока и суживают его площадь в поперечнике. Там, где струя вышла из существа, ее ширина могла быть футов пятьсот, а к моменту касания дна может уменьшиться и до пятидесяти — в зависимости, конечно, от начальной скорости и расстояния.

При этом затормозится и сам поток, — но вовсе не обязательно, что до дна не достанет: Лакки помнил, с какой силой струя шарахнула по «Хильде».

Теперь все зависит от того, насколько он удален от оси потока и от его начала.

Чем дольше он будет выжидать, — тем более возрастут его шансы, если, конечно, он не переусердствует. Водрузив упакованную в металл скафандра руку на ручку управления двигателем, Лакки позволил потоку увлечь его все ниже и ниже, стараясь сохранять спокойствие и точно выбрать момент. Каждую секунду мог произойти удар, которого он даже не почувствует.

И, досчитав до десяти, он включил двигатель. Маленькие, высокооборотные пропеллеры на каждом из локтей задрожали, выкидывая воду под прямым углом к направлению падения. Лакки ощутил, что тело изменило угол падения. Если он находится на оси этого водопада, то ему не спастись. Энергии двигателя не хватит преодолеть мощь падающей воды. Но если он сбоку от оси, то скорость может постепенно затухнуть, и тогда он окажется среди бурунов по краям струи.

И это произошло — Лакки понял это по усилившейся тряске

и бурлению вокруг его тела. Он понял, что спасен.

Он переключил двигатель, так что теперь его стало тянуть вверх, и осветил прожекторчиком в пальце перчатки дно: да, он уже видел придонный ил где-то футах в пятидесяти под собой, без труда мог разглядеть хлам и мусор, скопившиеся на дне.

Секунда промедления — и конец!

Теперь он изо всех сил рвался наверх. Он отчаянно спешил, губы плотно сжались, глаза прикрыты.

Лучше всего теперь было не думать. Он слишком много передумал уже во время падения. Недооценил он противника. Думал, что целилось в него гигантское пятно, а это было не так. Это В-лягушки с поверхности океана контролировали тело монстра, и им не было нужды следить за мозгом пятна, чтобы узнать, что в того выстрелили. Нет, им хватало мозга Лакки и целиться надо было просто в источник его мыслей.

Так что не могло быть и речи, чтобы согнать монстра с места, причиняя ему мелкие неудобства. Пятно надо убить.

И незамедлительно!

Потому что «Хильда» не выдержит следующего удара водой, да и он сам — тем более. Приборы уже вышли из строя, дальше — очередь за управлением. Или повредятся баллоны с жидким кислородом. Или генераторы силового поля.

Лакки поднимался все выше, к единственному надежному месту. Хотя он и не знал, как выглядит сопло монстра, но следовало предполагать, что это должно быть нечто большое и гибкое — раз пятно могло управлять направлением удара струи. Вряд ли к тому же монстр способен угодить в самого себя, так что изгибаться эта штука должна не слишком. А напор извергаемой жидкости не позволяет соплу быть слишком длинным.

Лакки следовало добраться до сопла по внутренней поверхности чудовища, пока тот не успел запастись водой до следующего удара, — там он его не достанет. Лакки направил луч прожекторчика кверху. Инстинктивно он старался свет не включать, боясь, что это делает его четкой мишенью. Но ум поправил инстинкт: монстр целился вовсе не по его фонарику.

Где-то в пятидесяти футах луч наткнулся на грубую, сероватую поверхность, испещренную глубокими морщинами. Лакки доплыл к ней и осторожно потрогал. Кожа монстра была резиновая на ощупь и очень плотная.

Впервые за долгое время Лакки мог отдышаться и прийти в себя. Впервые с момента, как он покинул корабль, он находился в относительной безопасности. Впрочем, отдых не затянулся. В любой момент чудовище могло возобновить военные действия (или не оно, а те маленькие умельцы управлять чужими мозгами)

и разнести корабль вдребезги. Этого допустить нельзя.

Здесь, на внутренней поверхности пятна, повсюду были дыры, диаметром футов в шесть каждая, сквозь которые беспрерывно циркулировала вода. С небольшими интервалами действовали какие-то щели, примерно десятифутовые в длину, выбрасывающие сквозь себя пенистую воду.

Сей процесс, судя по всему, имел отношение к питанию монстра. Все, что оказывалось в воде, попавшей под его тушу, всасывалось вместе с водой внутрь, переваривалось и выкидывалось наружу; извергаемая из тела вода содержала в себе остатки пищи и естественные выделения.

Судя по всему, долго находиться на одном месте монстр не мог — иначе мог отравиться собственными продуктами распада, вряд ли питание ими могло пойти ему на пользу. Впрочем, вряд ли бы он выбрал для себя столь вредный образ жизни, когда бы его к этому не принудили В-лягушки.

Лакки внезапно дернулся, — не приложив к тому никаких усилий. Он удивился и повел светом вокруг себя. И тут с ужасом понял, наконец, назначение этих самых длинных складок, которые заметил на теле монстра. Одна из них находилась рядом с ним и теперь раскрылась и старательно пыталась его заглотить. Две ее створки резиново разошлись — таким образом, похоже, монстр втягивал в себя пищу, которая не пролезала в шестифутовые поры!

Лакки на это не согласился, не захотев испытывать скафандр на прочность. Скафандр-то, может, и выдержит, да вот может выйти из строя его оборудование.

Он развернулся так, чтобы двигатели отодвинули его от тела, и включил их. С коротким чмокающим звуком он выдрался из всасывающего поля и кубарем отлетел в сторону.

Больше трогать животное он не стал и поплыл вдоль тела на некотором отдалении. Сверяясь с ощущением тяжести, он двигался вверх, к центру монстра.

Внезапно внутренняя поверхность монстра снова встала перед ним стеной. Этот нарост подрагивал и казался сделанным из более плотного мяса.

Сопло, никаких сомнений!

Ну конечно, именно оно. Гигантская каверна в сотни ярдов в поперечнике, откуда низвергались чудовищные массы воды. Лакки осторожно закрутился вокруг нее. Да, надежнее места не сыщешь, но все равно он кружил вокруг этой дырищи весьма осмотрительно.

Впрочем, сейчас ему было уже не до сопла, и Лакки продолжил свой путь наверх. Наконец он добрался до вершины

этого мясного купола.

Сначала его поразило какое-то тяжелое, долго не затухающее уханье в недрах существа. Внимание привлекли именно вибрации, а не звук. Потом он пригляделся к телу: плоть корчилась и пульсировала. Гигантская масса отвисала футов на тридцать вниз и в поперечнике была такой же громадной, как сопло.

Да, это центр организма. Там внутри — сердце или что там у него вместо сердца. Лакки ощутил головокружение, попытавшись представить себе размеры этого механизма. Его удары должны происходить раз в пять минут, примерно за это время тысячи кубических ярдов крови (или что течет у него внутри?) прокачиваются по сосудам такого диаметра, что внутри них могла бы свободно проплыть «Хильда». Это сердце умеет гнать кровь на расстояния свыше мили.

— Ох ты... — только и смог что вздохнуть Лакки, — Поймать бы такую штуковину живой да изучить ее анатомию!

Где-то там в этой выпуклости находится мозг существа. Мозг? Или не мозг, а точка сплетения нервных окончаний, без которой животное вполне жизнеспособно?

Пускай! Зато без сердца ему не прожить. Теперь оно как раз завершило очередной удар. Центральная опухоль почти рассосалась. Теперь оно отдохнет до следующего толчка, и минут через пять этот бугор снова станет распухать от поступающей в него крови.

Лакки поднял свое оружие и, освещая фонарем область, где располагалось сердце, стал опускаться ниже. Лучше бы отойти подальше, но и промахнуться нельзя.

На мгновение он ощутил раскаяние. С научной точки зрения, он совершал преступление — убить таинственнейшее явление природы...

Но его ли это мысль? Или подсказанная ему В-лягушками с поверхности? Медлить было нельзя. Он нажал на спуск. Ушли вверх проводки, возник контакт, и глаза Лакки ослепила вспышка, которая прожгла дыру в плоти, охранявшей сердце монстра.

Некоторое время вода кипела, существо билось в агонии. Гигантская масса трепыхалась и исходила в чудовищной дрожи. Лакки был совершенно Вессилен делать что-либо.

Он попытался было вызвать «Хильду», но в ответ донеслись неразборчивые хрипы, и стало понятно, что и корабль точно так же мотает из стороны в сторону.

Но никуда не денешься, смерть одолевает жизнь, даже всеящую сотни миллионов тонн. Постепенно вода успокоилась.

И Лакки отправился назад, медленно, очень медленно, полуживой от пережитого.

Снова вызвал «Хильду».

— Он мертв, — сообщил Лакки, — дайте мне пеленг, сейчас буду...

Лакки позволил Бигмену стянуть с себя скафандр и улыбнулся марсианину, с тревогой на него глядевшему.

— Уже и не думал, что снова тебя увижу, Лакки, — шмыгнул тот носом.

— Слушай, если ты собираешься распускать нюни, — поморщился Лакки, — то отвали в сторону. Не для того я вылез сухим из воды, чтобы меня насквозь промочили здесь. Да, кстати, что там с главным генератором?

— С ним все будет в порядке, — сообщил Эванс. — но требуется время. Эта последняя свистопляска свела на нет всю нашу работу.

— Хорошо, — кивнул Лакки, — с этим надо поторопиться.

Он утомленно опустил на стул.

— Дела хуже, чем я предполагал, — сказал он, помолчав.

— Чем? — спросил Эванс.

— Чем предполагал, — хмыкнул Лакки. — Я собирался отогнать его в сторону. Не вышло, и мне пришлось его пристрелить. Так что теперь эта дохлая туша обмякла, как опустившаяся палатка, а мы по-прежнему под ней.

11. Наверх?

— Ты хочешь сказать, что мы в ловушке? — в ужасе спросил Бигмен.

— Можно, конечно, сказать и так, — холодно процедил Лакки. — А можно и по-другому, что — в безопасности. В самом надежном месте на Венере. Кто с нами теперь может что сделать? Пусть доберется через эту гору мяса. А когда ты починишь генератор, мы пропорем ее насквозь. В общем, так. Бигмен идет заниматься генератором, а господа Советники пьют кофе и обсуждают насущные проблемы. Когда у нас еще выдастся такое спокойное времечко...

Лакки с удовольствием развалился в кресле: наконец-то ничего не надо делать, а только думать и говорить... Эванс же выглядел подавленным. Вокруг его небесно-голубых глаз собрались морщинки.

— Ты чем-то встревожен?

— Да. Я не понимаю, что нам делать.

— Я уже думал об этом, — Лакки почесал в затылке. — Все, что мы можем, — сообщить историю про лягушек кому-нибудь, кто находится вне их контроля.

— И кто же это, по-твоему?

— На Венере таких нет.

— Ты хочешь сказать, что под их контролем вся планета? — встрепнулся Эванс.

— Да нет же. Просто тут под их контролем может оказаться любой. Кроме того, учитывай, что их методы различны. — Лакки закинул руку за спинку вращающегося кресла и положил ногу на ногу. — В одном случае имеет место полный кратковременный контроль. Полный! Тогда человек делает то, что полностью противоречит его натуре, угрожает жизни окружающих, и ничего потом не помнит. Так это было с пилотами каботажного судна, когда мы подлетали к Венере.

— Ну, это не мой случай, — усмехнулся Эванс.

— Да, конечно. Поэтому-то Моррис ничего и не понял. Он не думал, что ты под их контролем, просто потому, что ты вел себя иначе. Это — их второй метод. Он более мягкий, жертва сохраняет сознание, поэтому — неспособна исполнить то, что идет вразрез с ее природой. Зато по времени воздействие более длительное, контроль сохраняется не часы, скажем, а дни. То есть, теряя в интенсивности, лягушки выигрывают во времени. Но есть и третий метод.

— Какой же?

— Очень мягкий. Такой мягкий, что жертва даже не подозревает, что находится под контролем, и в это время ее мозг полностью открыт и позволяет считывать любую информацию. Как в случае Лимана Тернера.

— Главного инженера Афродиты?

— Да. Не думал об этом? Тогда представь себе вчерашнего парня в шлюзе. Он сидел там, держался за эту проклятую ручку и угрожал целому городу, при этом так обезопасил себя со всех сторон, что туда комар носа просунуть не мог. Один только Бигмен его обдурил, продавшись сквозь вентиляцию. Не странно ли?

— А что здесь кажется тебе странным?

— Так ведь этот парень работал там только несколько месяцев! Да и то скорее клерком, чем инженером. Откуда ему знать обо всей этой защите помещения? Откуда он знал все о силовых установках?

— Да, конечно... — тихо согласился Эванс.

— И это совершенно не обеспокоило Тернера. Я с ним говорил об этом перед тем, как отплыть за тобой на «Хильде». Конечно, я не сказал ему, к чему все мои вопросы. Он сам рассказал мне о том, что парень — совершенно неопытен, но это противоречие несколько его не удивило. А у кого могла быть подобная информация? Только у главного инженера.

— Да. Ты прав.

— А теперь предположим, что Тернер находится под очень деликатным контролем. Информация могла быть взята из его мозга, после чего Тернера запрограммировали так, что вся ситуация не покажется ему странной. Понял, о чем я? И тогда Моррис...

— Что, и Моррис тоже? — перепугался Эванс.

— Возможно. Слишком уж он что-то убежден в том, что вся заваруха — дело рук сирианцев, которые жить не могут без венерианских дрожжей. Что это, искреннее заблуждение или ему навязали это мнение? Он был готов подозревать даже тебя — и слишком поспешно, Лу. Советнику следует хорошенько подумать, прежде чем обрушиваться на коллегу.

— Но, Лакки! Кто же в безопасности?

— Никто из тех, кто на Венере, — Лакки повертел в пальцах пустую кофейную чашку. — Так кажется мне. Информацию надо передать куда-то дальше.

— А как?

— Хороший вопрос. Как? — Лакки задумался.

— Физически нам отсюда никуда не деться, — пробормотал Эванс. — «Хильда» может перемещаться только в океане. К

полетам в атмосфере или в космосе она не пригодна. А если мы вернемся в Афродиту, то, вернее всего, не выберемся из города уже никогда.

— Похоже, ты прав, — кивнул Лакки. — Но зачем нам самим покидать Венеру? Нам достаточно передать сообщение.

— Если ты о судовом передатчике, то это отпадает. Он позволяет держать связь только на Венере, субэфирного канала там нет, так что до Земли ему не достать. Да и то, находясь здесь, сигнал вообще не может попасть за пределы океана. Частоты рассчитаны так, чтобы хорошо отражались от его поверхности, — это увеличивает радиус действия. Все равно, даже если бы смогли отправить сигнал в небо. Земли он бы не достиг.

— А. зачем на Землю? — удивился Лакки. — Между нами и Землей есть кое-что, что нам сгодится.

Сперва Эванс не понимал, о чем речь.

— А, ты о станциях, — сообразил он наконец.

— Ну. Вокруг Венеры кружат две станции. Земля от нас на расстоянии от тридцати до пятидесяти миллионов миль, а станции — в двух тысячах. К тому же там не может быть В-лягушек. Моррис сказал, что чистый кислород они не любят, так что воду специально насыщают углеводородом — вряд ли кто станет заниматься этим на станциях, там режим строгой экономии. И мы вполне можем использовать их ретрансляторы, чтобы передать сообщение Центральному Совету.

— Да, Лакки, — оживился Эванс. — Похоже, это выход. Не думаю, что они могут удерживать контроль на таком расстоянии. Две тысячи миль все же. — И тут же снова помрачнел, — Нет, не выйдет. Сигнал не пройдет сквозь поверхность океана.

— А мы поднимемся и передадим его оттуда.

— С поверхности?

— Конечно.

— Но там В-лягушки!

— Знаю.

— Они быстренько нас отключат.

— Думаешь? Но учти, до сих пор они имели дело лишь с теми, кто о них не знал и поэтому не мог сопротивляться. Большинство жертв вообще ничего не подозревало. В твоём случае — ты сам пригласил их в свой мозг, говоря твоими словами, А о них знаю и внутрь к себе не пускал.

— Ты не сможешь... Говорю тебе, не сможешь. Ты не представляешь, что это такое...

— А что, есть другой выход?

Но, не дав ответить Эвансу, в рубке появился Бигмен.

— Все в порядке, — сообщил он. — За генератор я отвечаю.

Лакки кивнул и сел за пульт, а Эванс остался на прежнем месте, что-то нерешительно додумывая.

Двигатели снова шумели ровно и мощно. Их глухой слаженный гул казался песнью, корабль собирался перед прыжком.

«Хильда» двинулась вперед, рассекая бурлящую воду, которая скопилась под телом гигантского пятна, и быстро набирала скорость.

— А сколько у нас места для разгона? — осторожно спросил Бигмен.

— Примерно с полмили, — ответил Лакки.

— А если мы не проскочим? — насупился Бигмен. — Если застрянем в этой дряни, как топор в стволе дерева?

— Вытащим нос и попробуем еще раз, — ободрил его Лакки.

На мгновение воцарилась тишина, которую вдруг нарушил странный и тихий голос Эванса:

— Здесь, под этим монстром, чувствуешь себя, как в блоке, — пробормотал он словно себе под нос. — В блоке, — повторил Эванс автоматически. — Так на Венере называются небольшие купола, врытые в дно. Что-то вроде бомбоубежищ на Земле. Их строят, чтобы укрываться, если вода проломит купол. Если, например, случится венеротрясение. Не знаю, используют ли их, но в шикарных домах они есть.

Лакки выслушал его, но промолчал. Двигатели набирали обороты.

— Держись! — крикнул Лакки.

Задрожал, казалось, каждый дюйм «Хильды», и резкое торможение вжало Лакки в приборную панель. Суставы пальцев Бигмена и Эванса побелели, руки дрожали, когда они вцепились в штурвал, чтобы помочь Лакки.

Корабль затормозил, но не остановился. Двигатели выли от перегрузки, и Лакки подумал о них с теплым чувством. «Хильда» потихоньку продиралась сквозь кожу, плоть, сухожилия гиганта, сквозь пустые кровеносные сосуды и бесполезные, похожие на кабели в два фута толщиной, нервы. Крепко сжав челюсти, Лакки неумолимо вел корабль вперед, невзирая на бешеное сопротивление.

И после долгих и мучительных минут сразу изменился звук двигателей, и почти с хлопком «Хильда» выскочила наружу из туши монстра и очутилась в открытом океане.

«Хильда» медленно поднималась вверх. Все трое молчали, вымотанные донельзя последним происшествием. Лакки задал курс автопилоту и откинулся в кресле, барабанив пальцами по колену. Даже неугомонный Бигмен тупо уставился в

иллюминатор и молчал.

— Взгляни, Лакки, — все же не выдержал он. Лакки повернулся в его сторону. Примерно половину поля видимости в иллюминаторе занимал фосфоресцирующий свет мелких морских созданий, а в другой части виднелась какая-то гигантская, переливающаяся всеми цветами радуги стена.

— Как по-твоему, это пятно? — спросил Бигмен. — Но оно так не светилось, когда мы подплывали. Да и вообще, оно же сохло, чего ему светиться?

— Да нет, пятно, конечно, — поразмыслил Лакки. — Просто сюда на поминки собрался весь океан.

Бигмен взглянул еще раз, и ему стало дурно. Конечно же! Тут валялись сотни миллионов тонн жратвы, а весь этот радужный свет принадлежал всевозможным мелким тварям, поедающим монстра.

Все, что мелькало в иллюминаторе, направлялось именно туда, в сторону гигантской туши, сквозь которую только что прорвалась «Хильда».

Среди тварей преобладали рыбы-стрелы всех размеров, У каждой на спине была белая светящаяся линия, словно бы нарисованная на ее позвоночнике (на самом деле не на позвоночнике, а на пучке не соединяющихся между собой прутиков из роговой субстанции). Голову твари помечала бледно-белая галочка, так что казалось, мимо иллюминатора проносятся тысячи живых стрел. Бигмен, пустив в ход воображение, смог представить себе их вытянутые челюсти — мощные, зубастые.

— О Господи, — вздохнул Лакки.

— О Боже, — пробормотал Бигмен. — Океан опустеет. Все соберутся здесь.

— Ну, с той скоростью, с какой они умеют пожирать друг друга, с тушей они покончат часа за два, — прикинул Лакки.

— Лакки, мне надо с тобой поговорить, — вдруг раздался за его спиной голос Эванса.

— Да, — Лакки обернулся. — Что случилось, Лу?

— Ты спросил меня, нет ли других предложений, кроме подъема на поверхность.

— Ну да, А ты не ответил.

— Отвечу теперь. Я все обдумал и предлагаю вернуться в город.

— Зачем еще? — присвистнул Бигмен.

Но Лакки этого вопроса не задал. Едва только он взглянул на Эванса, как тут же понял, что допустил страшную ошибку, любуясь океанскими красотами и забыв о деле.

Потому что в сжатой ладони Эванса был бластер, и эта рука

поднималась в сторону Бигмена и Лакки.

— Мы возвращаемся в город, — в глазах Эванса читалась решимость.

12. В город?

— А что стряслось, Лу? — Лакки старался сохранить само обладание.

— Останови машину, развернись и веди корабль в город, — потребовал Эванс. — Нет, Лакки, погоди. Не ты. Пусть ведет Бигмен, а ты встань рядом с ним, чтобы я видел вас обоих.

Бигмен, с поднятыми вверх руками, взглянул на Лакки. Тот по-прежнему казался невозмутимым и рук вверх не поднял.

— Послушай, Лу, — Лакки, казалось, не до конца поверил в происходящее. — Что тебя укусило?

— Меня — ничего. Речь о тебе. Посуди сам: ты вышел из корабля, убил монстра, вернулся назад и завел разговор о том, что надо подняться наверх. Зачем?

— Я же объяснил тебе.

— Ты сам не знаешь, что мелешь. Это не объяснения. Мне отлично известно, что, как только мы окажемся наверху, нас возьмут под контроль лягушки. Я, знаешь, с ними уже имел дело, так что со всей уверенностью утверждаю, что тебя они уже взяли под контроль.

— Кого?! — взорвался Бигмен. — Ты что, рехнулся?

— Погоди, Бигмен, — остановил Эванс, пристально глядя на Лакки. — Посуди сам. Взгляни на дело спокойно. Конечно, он попал под их контроль. Знаешь, Бигмен, мне он тоже друг. Я знаю его куда дольше, чем ты, и, поверь, все это для меня крайне неприятно, но другого выхода нет.

Какое-то время Бигмен недоверчиво глядел на обоих Советников.

— Послушай, Лакки, — наконец не выдержал он. — Они что, в самом деле тобой управляют?

— Нет, — покачал головой Лакки.

— А какого еще ответа ты от него ждал? — рассмеялся Эванс. — Конечно, он под контролем. Чтобы убить монстра, ему пришлось подняться почти на поверхность. А там — лягушки. Убить пятно они ему позволили. Почему бы и нет? Зачем им возиться, управляя этой гигантской тушей, когда проще взять под контроль мозг Лакки? Вот он и вернулся, обуреваемый желанием оказаться на поверхности. А там мы окажемся в новой ловушке — единственные на свете люди, которым известна правда.

— Лакки? — простонал в полном отчаянии Бигмен.

— Ты запутался, Лу, — вновь попытался вразумить приятеля Лакки. — Это ты сейчас запрограммирован. Ты уже был под контролем, и лягушкам прекрасно известен твой мозг. Они могут

входить в него, когда только захотят. Да, наверное, они его никогда и не покидали. Ты сам под контролем, Лу, под контролем.

— Извини, Лакки, — Эванс сжал в руке бластер, — но ты ошибаешься. Ведите корабль в город.

— Но если ты не под контролем, — не сдавался Лакки, — если твой ум свободен, то ты должен выстрелить в меня, когда я попытаюсь поднять корабль вверх? Правда?

Эванс не отвечал.

— Ты будешь обязан это сделать, — продолжал Лакки. — Это твой долг перед Советом и всем человечеством. Зато, если под контролем находишься ты, то ты обязан заставить меня изменить курс, но убивать — не станешь. Просто потому, что убийство Советника и друга слишком уж идет наперекор твоей натуре. Не так ли? Так что, отдай мне бластер.

Он направился к приятелю, протягивая руку к оружию.

Бигмен застыл в ужасе.

— Стой, Лакки! — прохрипел Эванс. — Я... Я выстрелю!

— А я тебе говорю, что стрелять ты не станешь. Ты отдашь мне бластер.

Эванс отступил к стене.

— Я выстрелю, выстрелю! — его голос уже срывался на визг.

— Лакки, стой! — заорал Бигмен.

Но Лакки уже остановился сам и медленно отступал назад. Медленно, почти в отчаянии.

Потому что жизнь словно бы ушла из Эванса, и он стоял теперь, будто каменное изваяние, держа палец на спуске.

— Назад. В город, — голос Эванса был холодным и непреклонным.

Бигмен бросился к штурвалу.

— Он под гипнозом, да? — пробормотал он.

— Я боялся, что такое может произойти, — вздохнул Лакки. — Они перевели его под полный контроль, иначе он бы никогда не выстрелил. Теперь он ничего не сознает. Он ничего потом не вспомнит.

— А нас он слышит? — Бигмену вспомнились пилоты каботажного корабля с их полной безучастностью к происходящему.

— Не думаю, — ответил Лакки, — Но это ничего не значит. Он следит за курсом, и, если только мы изменим его, он немедленно выстрелит. Никаких сомнений.

— Тогда что нам делать?

— Назад. В город. Быстро, — автоматически откликнулся Эванс.

Лакки замер, глядя на бластер в руке друга, и затем шепнул несколько слов Бигмену.

Тот еле заметно кивнул, подтверждая, что все расслышал.

«Хильда» шла теперь назад точно тем же курсом, каким она покинула город. Советник Эванс стоял возле стены без кровинки в лице. Он словно окостенел, его бессмысленные глаза попеременно глядели то на Лакки, то на Бигмена, то — на курс. Его тело одеревенело настолько, что не испытывало даже желания переложить бластер в другую руку.

Лакки прислушался, пытаясь уловить сигнал радиомаяка Афродиты. Маяк посылал сигнал на определенной длине волны с верхней точки купола, так что с таким пеленгом возвращение в город оказывалось столь же простым делом, как если бы Афродита стояла в поле их видимости на расстоянии в сто футов.

По звуку в динамике, можно было судить, что «Хильда» легла на курс не совсем точно. Чуть-чуть неточно, и сигнал немного отличался от нормального. Но вряд ли Эванс, стоящий в отдалении, сможет уловить эту разницу. Лакки, по крайней мере, на это очень надеялся.

Лакки попытался проследить за взглядом Эванса, когда тот глядел в сторону пульта. Кажется, больше всего его интересует прибор, следящий за глубиной погружения. Это был большой циферблат, который показывал давление воды вне корабля. С того места, где стоял Эванс, можно было понять лишь то, что стрелка не двигается, то есть — «Хильда» не всплывает.

Лакки был уверен, что едва только стрелка прибора качнется, как Эванс выстрелит безо всякого промедления.

В голове Лакки лихорадочно крутились мысли, в происхождении которых он уже и сам был не вполне уверен — его ли или навязанные В-лягушками? Он никак не мог понять, почему Эванс их еще не пристрелил. В самом деле, им полагалось умереть уже под гигантским пятном, а теперь их всего-то возвращают в город. Или Эванс их пристрелит, когда лягушкам, наконец, удастся заставить его это сделать?

Сигнал пеленга снова изменил тон — они еще более отклонились от курса. Лакки мельком взглянул на Эванса. Что такое? Ему показалось или в глазах невменяемого Советника мелькнула какая-то искорка?

Да, сомнений не оставалось; Эванс поднимал руку на уровень глаз и собирался выстрелить!

И в этот момент, когда все мышцы Лакки бессмысленно напряглись в предчувствии выстрела, «Хильду» потряс толчок! Эванс, застигнутый врасплох, рухнул на пол, и бластер выскользнул из его разжавшихся пальцев.

Лакки не терял ни мгновения. Тот же толчок, который опрокинул Эванса на спину, толкнул его вперед. Он кинулся на упавшего, схватил его за руки, не давая вырваться.

Но и Эванс не был слабаком. Он оплел свои ноги вокруг ног Лакки и попытался повалить его на пол. Он сражался с невероятным, нечеловеческим упорством, корабль снова покачнулся, Лакки рухнул вниз, и безумец оказался сверху.

Эванс выбросил вперед кулак, но Лакки сблочировал удар локтем. В свою очередь, коленями он обхватил Эванса и сжал их, как железными клещами. Эванс скорчился от боли, попытался вырваться, но Лакки извернулся и снова оказался сверху. Все было кончено, Эванс стал постепенно затихать.

— Я не знаю, Лу, ты меня слышишь или нет, — начал он, с трудом переводя дыхание, — но...

Сознание не возвращалось к Советнику. Последним отчаянным движением он сумел стряхнуть с себя Лакки.

Тот упал на пол и моментально вскочил на ноги.

Перехватил руку Эванса, заломил ее за спину и уложил противника на пол.

— Бигмен, — позвал Лакки, быстрым движением головы откидывая назад прядь волос.

— Да, — сказал тот, поигрывая бластером Эванса. — Я эту штуковину на всякий случай подобрал.

— Отлично. Убери его к черту и взгляни на Лу. Убедись, что с ним все в порядке, и свяжи.

Лакки сел к штурвалу и осторожно отвел «Хильду» от останков гигантского пятна, убитого им пару часов назад.

Блеф Лакки удался. Он надеялся на то, что В-лягушки с их предпочтением к чисто ментальным действиям не слишком осведомлены о реальных размерах монстра. Кроме того, они явно были дилетантами в навигации, так что не могли понять смысла действий Бигмена. А суть блефа состояла в том, что Лакки шепнул Бигмену, когда Эванс, угрожая бластером, заставил их вести корабль в город.

— Гребь к пятну, — сказал он тогда Бигмену.

«Хильда» снова изменила курс. Теперь она всплывала.

Эванс, привязанный к койке, пришел в себя и сконфуженно взглянул на Лакки.

— Извини...

— Не волнуйся, — мягко успокоил его Лакки. — Но мы не могли поступить иначе. Понимаешь?

— Конечно. Слушай, привязал бы ты меня покрепче, что ли. Отвратительно. Поверь, большую часть я не помню.

— Ты поспал бы лучше, — Лакки похлопал приятеля по

плечу. — Если потребуется, мы разбудим тебя наверху. — Слушай, Бигмен, — сказал он чуть погодя. — Собери-ка все бластеры, какие отыщешь. И вообще — все оружие, какое есть на корабле. Осмотри все шкафы, тумбочки — словом, все.

— И что потом?

— И выкинешь все, что найдешь, к чертовой матери.

— Чего?

— Что слышал. Я могу попасть под контроль. Или ты. Мало ли. Незачем повторять пройденное. Пойми, против В-лягушек оружие такого рода бессмысленно.

В мусоропроводе оказались пара бластеров, электрические ружья с каждого из скафандров. Бигмен дернул рычаг, расположенный рядом с аптечкой, и оружие скользило в глубину.

— Теперь я чувствую себя совершенно голым, — грустно пробормотал Бигмен, глядя в иллюминатор, словно желая на прощание еще раз посмотреть на утраченные предметы. Но там в поле зрения прошмыгнул лишь смутный фосфоресцирующий отблеск — рыба-стрела. И все.

Стрелка указателя глубины перемещалась. Сначала они находились в двадцати восьми сотнях футов под поверхностью, теперь же до нее оставалось менее двадцати.

Бигмен продолжал глядеть в иллюминатор.

— Что там такое? — спросил Лакки. — Что ты устался?

Кажется, становится светлее, — пробормотал Бигмен.

— Да ну, — хмыкнул Лакки. — Водоросли покрывают поверхность полностью. Когда мы начнем сквозь них продираться, станет только темней.

— А мы не нарвемся на какой-нибудь траулер?

— Надеюсь, что нет.

До поверхности оставалось пятнадцать сотен футов. Что-то Бигмена продолжало тревожить, и он сменил тему разговора:

— Слушай, Лакки, а как так выходит, что в атмосфере тут столько углекислого газа? То есть я вот о чем: растения же должны перерабатывать его в кислород, разве нет?

— На Земле — да. Но насколько я помню курс ксеноботаники, на Венере они ведут себя иначе. Там — выкидывают кислород в воздух. А здесь — накапливают в своих тканях. — Лакки старался говорить как можно более безучастно, чтобы только не задумываться. — Поэтому, наверное, никакая венерианская живность и не дышит. Им незачем, весь необходимый кислород они получают с пищей.

— Откуда ты знаешь? — присвистнул изумленный Бигмен.

— А так выходит. Судя по всему, их пища содержит слишком много кислорода, а то бы они не набрасывались на весь этот

углеводород, вроде тавота. По крайней мере, у меня такая теория.

До поверхности оставалось восемьсот футов.

— Да, кстати, — вспомнил Лакки, — Прекрасная навигация. Я про то, как ты воткнул корабль в пятно.

— Ерунда, — покраснел от удовольствия Бигмен. Пятьсот футов до поверхности.

Возникли слабые поскрипывания, постепенно перерастающие в скрежет, двигатели начали давать сбои, продираясь сквозь плотный ковер водорослей, и наконец в иллюминаторе блеснул свет, и в верхней его части показалось облачное небо и лениво вздымающаяся поверхность тяжелой, тинистой воды, заполненной водорослями и листьями растений. По поверхности расходились круги.

— Дождик... — сказал Лакки. — А теперь нам не остается ничего иного, как ждать, когда к нам пожалуют В-лягушки.

— Да вот же они, — беспомощно всплеснул руками Бигмен. — Уже тут.

Да, чуть ниже уровня воды в иллюминаторе показалась В-лягушка. Она цепко обхватила длинными пальцами стебель водоросли и пристально глядела в стекло на них!

13. Сознания встретились

Струи Дождя размеренно барабанили по обшивке «Хильды». Бигмену, с его марсианским происхождением, чужими были и дождь, и океан, а вот Лакки вспомнился дом.

— Да ты взгляни на лягушку, Лакки, — настаивал Бигмен.

— Вижу я ее, — кивнул Лакки.

Бигмен протер обшлагом иллюминатор и приник к нему так, что расплющил нос. Потом решил, что лучше отойти подальше, отошел и, неизвестно почему, вдруг засунул в рот оба мизинца и растянул его чуть ли не до ушей. Высунул во всю длину язык, завращал глазами и принялся шевелить всеми свободными пальцами. Лягушка, однако, сохраняла полную невозмутимость. За все это время, кажется, и головой не пошевелила. Сидела себе под водой, чуть высовываясь наружу темечком, и спокойненько покачивалась на волнах. Казалось, ее несколько не беспокоят ни дождь, ни Бигмен.

Бигмен все продолжал делать из своего лица что-то ужасающее и, наконец, с диким воплем ринулся к иллюминатору, прямо на животное.

— Эй, ты что, сбрендил? — обернулся к нему Лакки.

Бигмен отпрыгнул назад, вытащил пальцы изо рта и вернул своему лицу человеческое выражение.

— Ха. Это я продемонстрировал ей, что о них всех думаю.

— Ну, — Лакки махнул рукой в сторону невозмутимой твари, — а она показывает тебе, что ты для нее значишь.

Бигмен опомнился и смутился. Лакки был явно недоволен. В самом деле, такой критический момент, а он, Бигмен, ведет себя как последний идиот.

— Извини, Лакки, — голос его дрожал. — Не знаю, что на меня наехало.

— Это они на тебя наехали, — жестко ответил Лакки. — Пойми ты это, наконец. В-лягушки чувствуют твои уязвимые места. И как только могут, тут же проникают в твой мозг. А если проникнут, то их оттуда уже не выкинешь. Поэтому глуши всякий импульс, пока не поймешь, откуда он взялся.

— Хорошо, Лакки, — пробормотал Бигмен.

— Ну, что дальше? — Лакки осмотрелся. Эванс спал, постанывая и тяжело дыша. Лакки задержал на нем взгляд и отвернулся.

— Лакки, — почти застенчиво окликнул его Бигмен.

— Ну?

— А ты что, не собираешься связаться с космической

станцией?

Какое-то время Лакки смотрел на приятеля, ничего не соображая. Затем морщины на его лице стали медленно распрямляться.

— Боже... Бигмен! Я забыл! — выдохнул он. — Я и думать об этом позабыл!

Бигмен ткнул большим пальцем себе за спину, указывая в сторону лягушки.

— Думаешь, они?

— Они! Господи, их же тут тысячи!

Несмотря на охвативший его ужас, Бигмен сумел заметить, что обрадовался, обнаружив, что и Лакки тоже легко попал под воздействие тварей. Вот так-то... А то вечно на него пытаются свалить все подряд. В самом деле, какого черта Лакки... и осекся. Да что же это он?! Настраивает себя против Лакки? Нет, это не он. Они!

Он с усилием выдрал из своего ума все мысли и поглядел на приятеля, который, сидя за передатчиком, настраивал его на частоту станции.

И тут голова Бигмена дернулась от внезапного странного звука, возникшего неведь где.

— Не занимайтесь вашей машиной, которая далеко передает слова, — сказал мягкий, без интонаций голос. — Мы этого не любим.

Бигмен обернулся к Лакки. Какое-то время он не мог совладать со своим раскрывшимся от удивления ртом.

— Слушай, — сказал он наконец, — это кто? Откуда?

— Спокойно, Бигмен, — посоветовал Лакки. — Все это внутри твоей башки.

— Но не лягушки же! — простонал тот в отчаянии.

— А кто же еще?

И Бигмен снова обернулся к иллюминатору и стал глядеть в глаза лягушке, на мелкий дождик и на густые облака.

Однажды Лакки уже пришлось встретиться с чем-то подобным, когда ему довелось общаться с нематериальными созданиями, которые обитают в пещерах на Марсе. Но в тот раз отношения были приятными и в его ум существа входили деликатно, мягко и дружелюбно. Конечно, тогда он тоже ощущал свою беспомощность, но вовсе не переживал по этому поводу.

Совсем другое сейчас.

Внутри его мозга просто ломились — грубо и неумело. Лакки почувствовал отвращение и ненависть.

Его рука отодвинулась от передатчика, и на место он ее не вернул, снова позабыв про дела.

— Сделайте воздушные вибрации посредством вашего рта, — снова прозвучал голос.

— Вы хотите, чтобы я говорил? — удивился Лакки. — Вы что же, не умеете читать мысли?

— Умеем, но не очень четко. Пока мы не изучили ваш мозг полностью, это трудно. Когда есть голос, тогда все четко.

— А мы вас слышим очень даже ясно, — возразил Лакки.

— Да. Мы шлем наши мысли мощно. Вы так не можете.

— А когда я говорю, то все в порядке?

— Да.

— И что же вы от меня хотите?

— По твоим мыслям мы узнали об организации тебе подобных на другой планете под названием «Совет». Мы хотим знать о ней больше.

Лакки ощутил некое удовлетворение. На вопросы они, по крайней мере, отвечают. Конечно, кое-что прояснилось. Если бы он представлял только себя, его убили бы без разговоров. Но теперь противник понял, что они слишком приблизились к разгадке тайны, и это обеспокоило лягушек. Теперь их интересует, — узнают ли об этом остальные члены Совета и что это, вообще, такое.

Так что нет ничего странного, что противник не убрал их с помощью Эванса.

Но все дальнейшие мысли на эту тему Лакки пресек. Они, конечно, сказали, что читать мысли не умеют, а если врут?

— Что вы имеете против моего народа? — резко спросил он.

— Мы не можем говорить о том, чего нет, — в голосе по-прежнему не было никаких эмоций.

Лакки напрягся. Кажется, они прочитали его мысль о том, что лягушки врут? Следует быть очень осторожным, очень.

— Мы не очень хорошо думаем о вашем народе, — продолжал голос. — Ваш народ убивает. Он ест мясо. Это плохо — быть разумными и есть мясо. Кто ест мясо — должен убивать жизнь, а разумный едок мяса хуже глупого, потому что знает больше способов, как убить жизнь. У вас есть устройства, которые могут убить много жизней сразу.

— Но мы не убиваем В-лягушек.

— Убивали бы, если бы мы позволили. Вы убиваете даже друг друга.

Последнее высказывание Лакки комментировать не стал.

— Чего вы хотите от нас?

— Вас на Венере слишком много. Вы занимаете слишком много места.

— Да не очень, — возразил Лакки. — Мы умеем строить

города только на отмелях. Глубины всего океана всегда будут вашими, а это — девять десятых всего океана. И мы можем вам помочь. Если вы знаете ум, то мы знаем материю. Вы видели наши города и машины из сверкающего металла, которые могут отправляться к другим мирам сквозь океан, воздух и космос. Подумайте, чем мы можем быть вам полезны.

— Зачем нам это? Мы себе живем и мыслим. Не боимся и не ненавидим. Чего нам еще? Зачем нам ваши корабли, металл и города?

— То есть вы хотите нас всех убить?

— Нет. Мы не хотим убивать жизнь. Нам хватит, если мы будем управлять вашими умами и знать, что вы не принесете нам вреда.

Перед глазами Лакки моментально развернулась картина (сам ее себе представил или ему подсунули?) того, как на Венере возникает новая раса, людей, полностью отрезанных от Земли, каждое поколение которых становится все более и более бессловесными рабами лягушек.

— Мы не позволим нас контролировать, — он сумел выдавить из себя лишь фразу, в истинности которой вовсе не был уже уверен.

— Это — единственный выход, и ты нам поможешь.

— Нет.

— У тебя нет выбора. Ты расскажешь нам о тех землях, за облаками, где находится твой Совет. Ты расскажешь нам обо всем, что поможет нам обороняться от вас.

— У вас нет способа заставить меня это сделать.

— Почему? Если ты откажешься дать нам сведения, мы опустим тебя на твоей машине вниз и заставим тебя открыть шлюз.

— Тогда я умру, — мрачно усмехнулся Лакки.

— Ничего не поделать. Надо прекратить твою жизнь. Ты знаешь много, и нельзя, чтобы ты передал свои знания своим друзьям. Ты можешь подговорить их напасть на нас. Это плохо.

— Тогда я ничего не теряю, если не стану говорить.

— Теряешь. Если откажешься, мы войдем в твой ум силой. Это неэффективно, и что-то мы пропустим. Значит, нам придется исследовать твой мозг очень тщательно, И тебе будет больно. Для всех лучше, если ты согласишься сам.

— Нет. — Лакки покачал головой. Наступила пауза.

— Хотя ваш народ любит убивать жизнь, — продолжил голос, — он очень боится умирать сам. Мы освободим тебя от этого страха, если ты нам поможешь. И ты сам перестанешь бояться, когда мы опустим тебя на дно. А если ты откажешься, ты

все равно окажешься там, но страх мы не уберем. Только сделаем его сильней.

— Нет, — еще более настойчиво повторил Лакки.

Снова пауза, более долгая.

— Нам нужно, чтобы ты согласился добровольно, — продолжил голос, — не только, чтобы избавить тебя от боли. Если мы насильно получим от тебя сведения, они могут оказаться искаженными, и тогда, чтобы сохранить себя от людей с другой части неба, нам придется убить всех, кто живет под куполами. Мы пустим внутрь ваших городов океан, как уже чуть было не поступили с одним из них. Жизнь исчезнет, как потухший огонек, и никогда уже не возгорится снова.

— Ну так попробуйте, сладьте со мной! — расхохотался Лакки.

— С тобой?

— Да. Заставьте меня говорить. Заставьте меня утопить корабль. Заставьте сделать хоть что-то!

— Думаешь, не можем?

— Знаю, что не можете.

— Оглянись, и ты увидишь, что мы уже сделали. Один из твоих приятелей, тот, что связан, в наших руках. А другой — тоже.

Лакки вздрогнул. В самом деле, за все это время Бигмен не проронил ни слова. Более того, он не подавал признаков своего существования. Где он? Лакки обернулся — Бигмен, скорчившись, лежал на полу.

— Вы убили его? — Лакки в ужасе рухнул на колени возле приятеля.

— Нет. Он жив. Мы даже не слишком сильно его отключили. Но теперь тебе не поможет никто. Они нам противостоять не смогли, не сможешь и ты.

— Нет, — побледнел Лакки. — Вы не заставите меня. Вы ничего не сможете меня заставить.

— Даем тебе последний шанс. Выбирай. Поможешь нам — умрешь радостно и мирно. Если нет — умрешь в скорби и стенаниях и за этим, возможно, последует гибель твоего народа в городах под океаном. Выбирай же!

Слова прозвучали и затухли в мозгу Лакки, и он готовился вступить в схватку с враждебным сознанием — один, без друзей, без помощи, — не зная, удается ли выйти живым в этом поединке с чужой непреклонной волей.

14. Битва сознаний

Как противостоять ментальной атаке? Без боя Лакки сдаваться не собирался, но что делать в этом случае? Тут нет явного врага, которого надо одолеть физически, и не видно способа, которым бы он мог ответить на насилие. Что остается? Только пытаться быть самим собой, и только самим собой, противодействуя любому импульсу действовать, пока не удостоверится, что действие не навязано извне.

Но как разобрать, что навязывается? Чего хочет он сам? Что теперь для него самое важное?

Но ничего не вспоминалось. Его ум был пуст. Да, несомненно, он собирался что-то сделать, что? Он оказался тут неспроста.

Тут, наверху?

Да, конечно. Сначала они были на глубине, а потом — всплыли.

Он на корабле. Корабль поднялся со дна океана, пыталась разобраться какая-то часть сознания Лакки. Теперь мы на поверхности. Неплохо, что дальше?

Зачем они тут? На глубине, кажется, было куда безопасней. Лакки изо всех сил пытался привести мозг в порядок. Закрыл глаза, вновь открыл. Мысли были такими тяжелыми, толстыми, неповоротливыми... Надо кому-то сказать... кому?... что?...

Надо передать.

Передать.

И тут он прорвался сквозь барьер! Ощущение было таким, словно другой Лакки, двойник, находящийся от первого за сотни миль, навалился плечом на какую-то дверь, и та с треском поддалась и распахнулась. Теперь он знал, что надо делать!

Конечно, передать сообщение на станцию!

— Вы меня не одолели, — произнес он хрипло. — Слышите? Я все вспомнил, поняли?

Ответа не было.

Он вдруг громко, непроизвольно, зевнул, проваливаясь в беспробудный сон. Казалось, его мозг вынужден теперь изо всех сил бороться с действием целой пригоршни успокоительных таблеток. «Не спи, не спи, — подумал он. — Встань и ходи, не давай мышцам застыть».

Да, но сейчас важнее было не дать застыть мозгу. Надо заставить бодрствовать ум. «Делай что-нибудь, делай, — отчаянно подбадривал он сам себя. — Только остановишься — и тебе конец».

Он все еще безостановочно зевал, но сквозь зевки стали

пробиваться слова:

— Я это сделаю, сделаю...

Сделаю что? Смысл вновь стал ускользать от него.

Он вновь отчаянно повторил себе: «Рация, станция, передать сообщение», — но звуки этих слов казались совершенно бессмысленными.

Он встал и начал двигаться. Тело повиновалось нехотя, суставы одеревенели и заполнились клеем. Все же ему удалось повернуться. Радио. Он ясно видел его лишь мгновение, затем изображение заколебалось и исчезло в мареве. Лакки напряг мозг изо всех сил, заставил себя думать о радио, и сознание вернулось к нему. Он видел передатчик, кнопку переключения диапазонов и ручку настройки. И он вспомнил, как работает аппарат.

Сделал неверный шаг вперед и охнул, ощутив, как в его мозг впились сотни раскаленных гвоздей.

Он задрожал и рухнул на колени, затем, словно в агонии, снова встал на ноги.

Сквозь боль, застилавшую глаза, он еще видел это чертовое радио, видел. Сделал шаг, и еще один.

Радио, казалось, находилось от него в сотне ярдов, нечеткое, словно в тумане. Тяжесть ударов в мозгу Лакки нарастала с каждым шагом.

Он попытался не обращать внимания на боль и помнить только о радио. Попытался заставить себя двигаться наперекор этому почти резиновому противодействию, которое оттаскивало его назад и валило на пол.

И вот, наконец, он протягивает руку, и его пальцы всего лишь на расстоянии пяти дюймов от рации сопротивлению пришел конец. Как Лакки ни старался, он не мог приблизить их еще. Нет, не мог. Он не мог уже ничего.

«Хильда» являла собой сцену полного паралича. Эванс без сознания валялся на кровати, Бигмен скорчился на полу, Лакки, хотя и оставался на ногах, оцепенел, дрожали лишь кончики протянутых к радио пальцев.

— Ты бессилен, хотя и не потерял сознания, как твои коллеги, — вновь зазвучал в его ушах монотонный голос. — Ты вынужден терпеть эту боль, пока не согласишься рассказать нам все, что знаешь. Тогда ты погрузишь свой корабль и легко уйдешь из жизни. Мы подождем, мы терпеливые. Сопротивляться ты нам не можешь. Не можешь ты нас ни задобрить, ни подкупить.

Сквозь свои невыразимые муки, Лакки вдруг ощутил, что его мозг способен на новое усилие. Задобрить? Подкупить? Задобрить?

Сквозь пелену тупого оцепенения словно мелькнула искорка.

Он отвернулся от передатчика, заставил себя не думать о нем, и боль тут же уменьшилась. Лакки сделал шаг назад — боль снова стала меньше. Отошел в другой угол.

Лакки старался теперь не думать вовсе и действовать чисто бессознательно, без малейшего плана. Они стараются не пустить его к передатчику. Отлично! Они не поняли другой, грозящей им опасности! Ничего, ничего... главное, чтобы они не смогли прочесть в его уме то, что он собирается сделать... Все надо делать быстро. Они не должны успеть его остановить!

Не должны!

Он добрался до аптечки и распахнул дверцу. Света было маловато, и ему пришлось взглянуть в содержимое шкафчика.

— Ну, что ты решил? — снова прозвучал голос, и огненные пальцы боли снова полезли в мозг Советника, Лакки взял это в свои руки — невзрачную баночку из голубоватого пластика. Нащупал металлический бугорок — генератор слабенького поля, которое удерживало крышку банки, скovyрнул его ногтем. Уже словно в тумане, он понял, что крышка отошла и, кажется, падает на пол. Слово́но сквозь туман услышал звук ее падения. Теперь, хотя и с трудом, он понимал, что банка открыта, и, борясь с мучительным сопротивлением, стал двигать руку в сторону мусоропровода. Боль возобновилась.

Левая рука нажала на ручку, пасть мусоропровода открылась. Правая рука принялась подносить банку к шестидюймовому отверстию.

Рука двигалась, кажется, целую вечность. Глаза уже отказывались видеть что-либо, их застилал красный туман.

Лакки почувствовал, что банка наткнулась на стену.

Теперь ее надо было поднять выше, но рука не повиновалась. Пальцы левой руки отпустили крышку мусорника и тоже обхватили банку.

Банку выпускать нельзя. Если выпустит, то уже никогда в жизни не поднимет вновь!

Он держал ее в обеих руках и неимоверными усилиями толкал вверх. Банка медленно поддавалась, но Лакки чувствовал, что все сильнее и сильнее проваливается в трясину полной бессознательности.

И банка, наконец, оказалась там!

Где-то, словно бы в миллионе миль отсюда, раздался хлопок сжатого воздуха, и Лакки понял — банка в теплых водах венецианского океана.

Какие-то мгновения боль все еще не оставляла его, но вдруг, одним скачком, исчезла напрочь.

Он осторожно выпрямился и отошел от стены. Лицо и все

тело дрожали от перенапряжения, но мозг был свободен.

Лакки ринулся к передатчику, и никто уже не останавливал его...

Эванс сидел на стуле, упрятав лицо в ладони.

— Ничего не помню, — бормотал он одно и то же. — Ничего.

Бигмен, раздетый до пояса, обтирался мокрым полотенцем.

— А я помню, — заявил он с нетвердой улыбкой. — Все помню. Сначала я стоял и слушал, как ты, Лакки, болтаешь с голосом, а потом вдруг оказался на полу. Ничегошеньки не чувствовал, головы повернуть не мог, но слышал, что происходит. Слышал, что болтает голос и что ты ему отвечаешь. Я видел, что ты включил передатчик...

Он перевел дыхание и потряс головой.

— Но мне это удалось не с первой попытки, — возразил Лакки.

— Не знаю. Ты исчез из моего поля видимости, и все, что я мог дальше, это валяться как чурбан и ждать дальнейших событий. Но не происходило ничего, так что я уже решил, что они одолели и тебя. Я уже себе представил, как мы тут валяемся живыми трупами. И пальцем пошевелить не мог, А потом ты опять показался перед моими глазами, я хотел орать и смеяться от радости, но по-прежнему мог только лежать как труп. Ты что-то делал возле стены. Не могу сказать что, но через несколько минут все прошло.

— И что, мы действительно возвращаемся в Афродиту? — утомленно спросил Эванс. — Я не ошибаюсь, Лакки?

— Да, мы идем обратно, — кивнул тот. — По крайней мере, если верить приборам, а они вроде в порядке. Но когда мы вернемся и выдастся свободная минута, придется пройти медицинский осмотр.

— Спать, — возразил Бигмен. — Никаких осмотров, сразу спать. Хочу проспать два дня без перерыва.

— И это тоже, — кивнул Лакки.

Но Эванс был напуган своим опытом куда больше, чем остальные. Он сутуло съёжился в кресле и вцепился в подлокотники.

— А что, они больше не связываются с нами? — спросил он с легким ударением на слове «они».

— Не могу гарантировать, — ответил Лакки. — Но похоже, худшее уже позади. Я связался со станцией.

— Точно?

— Ну да. Они даже соединили меня с Землей, и я переговорил с Конвеем. Эта часть дела позади.

— Тогда все в порядке! — радостно воскликнул Бигмен. —

Земля предупреждена о В-лягушках!

Лакки улыбнулся, но комментировать слова Бигмена не стал.

— Но ты расскажи, наконец, — почесал в затылке Бигмен, — что произошло? Как тебе удалось их победить?

— Очень просто, — поморщился Лакки. — Все это можно было сообразить раньше и избавиться от ненужных переживаний. Голос сказал, что все, что им нужно от жизни, — это жить спокойно и думать. Помнишь, Бигмен? А потом добавил, что задобрить их нельзя. И только тогда я вспомнил одну простую вещь, которую мы с тобой прекрасно знали.

— Мы знали? — потерянно переспросил Бигмен.

— Конечно. Ты уже через две минуты после первой встречи с В-лягушкой понял, что жизнь и мысли — вовсе не все, что им требуется, далеко не все. Помнишь, когда мы всплывали, я сказал тебе, что венерианские растения накапливают кислород в своих тканях, так что животным на Венере нет нужды им дышать? И еще я сказал, что они, верно, получают его слишком много, и поэтому им так по душе вещества с большим содержанием углеводорода? Как тавот. Помнишь?

— Ну, — глаза Бигмена расширились.

— То есть он для них, что сласти для детей.

— Ну, — еще раз кивнул Бигмен.

— Теперь дальше. В-лягушки держат нас под контролем, но для этого им надо сконцентрироваться. То есть необходимо отвлечь их внимание, не так ли? По крайней мере тех, кто ближе к кораблю, их воздействие на нас сильнее. Поэтому я сделал одну простую вещь.

— Какую? Да не темни же ты, наконец!

— Я выкинул наружу открытую банку с вазелином. В аптечке нашел. Это чистый углеводород, там его куда больше, чем в тавоте. Против такого они устоять не могли, все ринулись к банке. А те, что дальше, которые находились с ними в телепатическом контакте, — стали думать об углеводороде. Они выпустили нас из-под контроля, и я смог связаться с Землей. Вот и все.

— Так что же, — вскинулся Эванс, — мы с ними покончили?

— Не знаю, — покачал головой Лакки. — Тут имеются еще некоторые обстоятельства...

И отвернулся, нахмурившись, будто понял, что сболтнул лишнее.

Приближался город. Купол сиял, как сказочный, и сердце Бигмена затрепетало от этого зрелища. Пока они плыли, Бигмен успел поесть и немного выспаться, так что снова был полон энергии. Лу Эванс тоже заметно пришел в себя после пережитого.

Один только Лакки оставался озабоченным.

— Слушай, Лакки, — обратился к нему Бигмен. — Ты же видишь, эти твари совершенно деморализованы. Мы проплыли по океану сотни миль, и они нас не тронули. Разве не так?

— Знаешь, Бигмен, — поморщился Лакки, — сейчас меня куда больше интересует, почему нам не отвечает купол.

— Да, — хмуро кивнул Эванс, — Так тянуть они не должны.

— Вы думаете, — Бигмен обеспокоенно взглянул на обоих Советников, — там что-то не в порядке?

Лакки махнул в его сторону рукой, чтобы тот заткнулся. В приемнике зазвучал чей-то быстрый и низкий голос.

— Идентификацию, будьте любезны.

— Корабль Совета Науки, — ответил Лакки. — Подлодка «Хильда», вышла из Афродиты, возвращается в Афродиту. Лакки Старр за штурвалом и возле микрофона.

— Вам придется обождать.

— Почему, прошу прощения?

— Сейчас заняты все шлюзы.

— Это невозможно, Лакки, — нахмурился Эванс.

— Что, ни одного свободного? — переспросил Лакки. — Дайте координаты шлюза и его пеленг!

— Вам придется обождать.

Связь расторгнута не была, но человек на том конце замолчал.

— Слушай, свяжись с Моррисом! — вставил слово Бигмен. — Он им покажет кузькину мать!

— Моррис считает, что я — изменник, — осторожно сказал Эванс. — Не подумает ли он, что ты присоединился ко мне, Лакки?

— Если и так, то в его интересах, чтобы мы оказались в городе, — возразил Лакки. — Нет, похоже, что тот, с кем мы говорили, находится под контролем.

— И не хочет нас впускать? Ты серьезно? — удивился Эванс.

— Вполне.

— Нет способа нас остановить, если, конечно, не... — Эванс побледнел и в два прыжка оказался возле иллюминатора. — Ты прав, Лакки! Они наводят на нас стационарный бластер! Сейчас от нас и пепла не останется!

Бигмен очутился рядом с Эвансом. Да, никакой ошибки. Секция купола отходила в сторону, и там, сколь ирреальным это ни казалось, сквозь толщу воды, показалась приземистая труба.

Бигмен видел, как ствол опускается все ниже и ниже. «Хильда» не вооружена. Да и то набрать скорость и уйти от выстрела она уже не могла, не было времени. Казалось, смерть

неизбежна!

15. Врар?

Но едва только желудок Бигмена успел сжаться от ужаса, раздался невозмутимейший голос Лакки, настойчиво повторявшего в микрофон:

— Подводная лодка везет в Афродиту керосин... Подлодка «Хильда» возвращается с грузом керосина... В Афродиту прибывает «Хильда» с грузом керосина... В Афродиту прибывает «Хильда», везущая керосин... «Хильда»...

Приемник зашумел и ответил:

— Дежурный по шлюзу Клемент Гербер слушает, — его голос был встревожен, — что случилось? Клемент Гербер...

Лакки вздохнул, переводя дух, и лишь этим выдал свое напряжение.

— Подлодка «Хильда» запрашивает вход в Афродиту, — повторил он. — Назначьте шлюз.

— Используйте пятнадцатый. Даю пеленг. У нас тут, похоже, какая-то белиберда...

— А теперь, — сказал Лакки Эвансу, вставая с места — давай веди поскорее лодку в город.

Он кивнул Бигмену и вышел с ним в другое помещение.

— Как это, как... — бормотал, будучи не в силах остановиться, Бигмен.

Лакки вздохнул и пустился в объяснения.

— Я подумал, что В-лягушки постараются не пустить нас в город, поэтому о керосине я подумал заранее. Но я вовсе не предполагал, что они затеют наводить на нас пушку. Это уже бандитизм просто какой-то. Я стал сомневаться даже, что керосин поможет.

— Но как он может помочь?

— Тот же самый углеводород. Я им объяснял это мысленно. Они клынули и оставили людей на контроле в покое.

— А откуда им знать, что такое керосин?

— Говорю же тебе, объяснил им мысленно. Представлял эту штуку в уме изо всех сил. Но хватит об этом, — голос Лакки стих до шепота. — Если они готовы утопить нас в океане, если они решили расстрелять нас тут, значит, — они в полном отчаянии. То есть — мы среди постоянной опасности. С этим пора кончать, и нам следует вести себя исключительно точно. Любая ошибка с нашей стороны будет непоправимой.

Лакки достал ручку и торопливо написал на листке несколько слов.

— Вот что ты сделаешь, когда я подам тебе знак, — сказал он,

протягивая листок Бигмену.

— Но, Лакки, — глаза Бигмена округлились.

— Тссс! Ни слова вслух!

— Но ты уверен?

— Надеюсь, что да, — по лицу Лакки скользнула тень озабоченности. — Земля знает о В-лягушках все, с человечеством им не сладить, но на Венере они вполне способны наломать дров, Мы должны им помешать. Ты понял, что должен делать?

— Да.

— Тогда... — Лакки смял листок, скатал в шарик и сунул его себе в карман.

— Мы в шлюзе! — крикнул Эванс. — Через пять минут будем в городе.

— Вот и отлично, — кивнул Лакки. — Соедини-ка меня с Моррисом.

Они сидели в комнате венерианского Совета. В той самой комнате, вспомнил Бигмен, где он впервые увидел Лу Эванса. И кстати, В-лягушку. Бигмена передернуло: здесь эти твари впервые бессовестным образом влезли в его мозг.

Комната выглядела как прежде, за одним исключением. Исчезли аквариум с лягушкой и тарелка с кормом для нее, столы были пусты.

Моррис указал на это, едва они вошли в комнату. Его пухлые щеки обвисли и позеленели, под глазами появились круги. Рукопожатие было неуверенным. Бигмен тщательно установил на столе то, что принес специально сюда.

— Вазелин, — торжественно сообщил он собравшимся.

Лу Эванс сел, его примеру последовал и Лакки, один Моррис продолжал расхаживать взад-вперед.

— Я убрал всех лягушек из этого здания, — сказал он. — Но это все, что я мог сделать. Не мог же я потребовать от горожан, чтобы они расстались со своими любимцами. Да еще — безо всяких на то объяснений. А что я им могу объяснить?

— Ну, этого вполне достаточно, — примирительно сказал Лакки. — Только давайте во время беседы постоянно смотреть на эту баночку. Постоянно помните о ней, держите ее образ в своих мыслях.

— Вы считаете, это поможет? — Моррис выглядел недоверчивым.

— Думаю, поможет.

Моррис остановился перед Лакки.

— Послушайте, — начал он неожиданно резко. — Послушайте, Старр, я не могу поверить в ваши рассказы. В-лягушки живут в городе уже давно. Они здесь чуть не с самого

начала его строительства.

— Но вы не забывайте, что... — начал Лакки.

— Что я нахожусь под их влиянием? — возмущенно перебил его Моррис. — Это не так. Я отрицаю.

— Не обижайтесь, Моррис, — мягко усовестил его Лакки. — Лу был под их контролем несколько дней, были под ним и Бигмен, и я сам. Поэтому, увы, есть все основания утверждать, что и вы не избежали общей участи.

— Чему нет доказательств, ну ладно... — раздражение Морриса не проходило. — Хорошо, пускай вы правы. Что дальше? Как с ними бороться? Что, забросать Венеру с воздуха бомбами? А они в отместку заставят нас открыть все шлюзы. Вы поймите, восемьсот миллионов кубических метров океана... они всегда найдут себе укрытие, а размножаются они с любой необходимой им скоростью. Да, вы передали сообщение на Землю, это очень хорошо, но наши-то проблемы никуда не делись!

— Именно, — кивнул Лакки. — Но дело в том, что я не сообщил на Землю всего. Я не мог себе это позволить, хотя, мне кажется, я и докопался до истины. Я...

Прозвучал сигнал интеркома.

— Кто там? — осведомился Моррис.

— Лиман Тернер, ему назначена встреча, — донесся ответ.

— Секундочку, — венерианец повернулся к Лакки и тихо спросил: — Вы уверены, что он нам нужен?

— Но вы назначили ему встречу, чтобы обсудить проблемы усиления безопасности города. Речь идет о постройке новых защитных барьеров, не так ли?

— Да, но...

— И сам Тернер тоже жертва. Сейчас вы это поймете. Он из тех высокопоставленных лиц города, которые также попали в эту переделку. Мне кажется, с ним будет невинно повидаться.

— Пусть войдет, — ответил Моррис в интерком.

Едва Тернер вошел, как лицо его выразило крайнее изумление. К тому же внезапно наступившая в комнате тишина и разом обратившиеся к нему взгляды присутствующих заставили бы ощутить себя неуютно и менее чувствительного человека.

— Что случилось, господа? — нервно осведомился он, ставя свой ящик с компьютером на пол.

Не спеша, осторожно, Лакки ввел его в курс событий.

— Позвольте... — Тернер растерянно приоткрыл рот. — Вы полагаете, что мой мозг...

— А как иначе они смогли бы сообщить тому парню возле шлюза все сведения об устройстве защиты? Он же не слишком опытен и не очень образован, а забаррикадировался так, будто

всю эту электронную защиту создавал сам?

— Я не подумал об этом, — голос Тернера задрожал и превратился в почти неразборчивое бормотание. — Я не думал, странно... Как я мог не подумать об этом?

— Они захотели, чтобы вы об этом не думали, — пояснил Лакки.

— Я... я просто в шоке...

— Да ну что вы. Вы попали в неплохую компанию. Я, доктор Моррис, Советник Эванс...

— И что нам теперь делать?

— Именно это доктор Моррис и пытался выяснить перед самым вашим приходом, — кивнул Лакки. — Дело серьезное, и нам надо объединить все наши умы. Одна из причин, по которой вы здесь, заключается в том, что нам может оказаться полезен ваш компьютер.

— О, надеюсь, он будет полезен... — он приложил руку ко лбу, словно опасаясь, что на плечах уже не его, а чья-то чужая голова.

— А что, сейчас мы тоже? — осведомился он с опаской чуть погодя.

— Нет-нет, — успокоил его Лакки. — Пока мы концентрируем наши мысли на баночке с вазелином, то все в порядке.

— Ничего не понимаю. При чем тут вазелин?

— Долго объяснять. Помогает, не задумывайтесь об этом, — отмахнулся Лакки. — Сейчас я хочу рассказать вам, о чем шла у нас речь перед самым вашим появлением.

Бигмен, заскучав от повторения пройденного, вместе со стулом откинулся назад и оперся спинкой о стол, на котором раньше стоял аквариум. Слушал вполуха, зато старательно глядел на банку с вазелином.

— Итак, — продолжил Лакки, — уверены ли вы в том, что нашими врагами являются именно В-лягушки?

— Позвольте, — изумился Эванс, — но это же ваша теория?!

— Или лягушки являются только средством, позволяющим управлять сознанием людей? Да, они умеют это делать, но по своей ли инициативе они это делают? Вместе взятые, они оказываются коварным противником землян, а по отдельности — каждая из них мила и дружелюбна.

— И что же?

— Вспомним то создание, которое жило в этой комнате, оно управляло нами вполне мило. Передало свое изумление оттого, что увидело безусых людей, затем устроило так, что Бигмен угостил ее горошком в соусе. Что в этом дурного? Вполне

интеллигентные манеры. И оно повело себя так сразу, не раздумывая.

— А может, не все В-лягушки такие добродушные? — пожал плечами Моррис.

— Думаю, дело не в этом. Мы оказались близкими к полной беспомощности во время их атаки на поверхности океана. Впрочем, я успел сообразить одну вещь и выкинул в океан банку с вазелином. Это их отвлекло. Но, господа, не странно ли? Они почти добиваются успеха в борьбе с нами, не дают мне связаться с Землей и сообщить о них. И немедленно бросают все ради какой-то прихоти. И снова они собираются уничтожить нас при входе в Афродиту, уже наводится пушка, а одно упоминание о керосине тут же меняет дело.

— А я наконец понял, причем тут вазелин и керосин, — кивнул Тернер, — да, всем известно, как они падки на такие вещества. Это для них какое-то невыносимое искушение.

— Не слишком ли невыносимое для существ, достаточно разумных для того, чтобы на равных бороться с землянами? Вы можете себе представить человека, который, скажем, отдаст плоды жизненно важной победы за ириску?

— Конечно, не могу. Но из этого не следует, что В-лягушки не могут поступить так.

— Согласен, не доказывает. У них другой ум, и мы не можем знать, как он работает. Но все же их отношение к углеводороду меня потрясает. Кажется, сравнивать их нужно не с людьми, а с собаками.

— Как? — опешил Моррис.

— Рассудите сами, — предложил Лакки. — Собаку можно натаскать на массу разных штучек. И создание, которое в жизни не имело дело с собаками, ничего не поймет, скажем, если увидит на перекрестке слепого и собаку-поводыря. Решит, что оба в равной степени разумны. Но если мимо собаки пройдет кто-нибудь с хорошей мозговой косточкой, то разница станет очевидной.

— То есть вы предполагаете, что В-лягушек как средство использует некое разумное существо? — глаза Тернера полезли из орбит.

— А разве это не выглядит здраво, Тернер? Как сказал доктор Моррис, лягушки живут в городе уже очень давно, а происшествия стали возникать лишь в последнее время. Сначала — пустяки. Кто-то швыряется на улице деньгами. Будто бы некто выясняет, как можно использовать возможности лягушек для влияния на людей. Он словно изучал их природу и способности, выясняя, что они могут, а что нет, тренировался сам и, наконец,

приступил к серьезному делу. Конечно, дрожжи как таковые его вовсе не интересуют, его интересует вещь посерьезнее — как установить господство над Солнечной системой, например. Или вообще над всей Галактикой.

— Ну, это уж слишком, — вздохнул Моррис.

— Тогда я расскажу вам еще одну смешную историю. Когда мы были в океане, с нами говорили мысленно. И этот голос старался заставить нас передать ему информацию и смирно наложить на себя руки.

— И что?

— Этот голос, сомнений нет, приходил к нам с помощью В-лягушек, но и только. Саму речь сочинял человек.

Лу Эванс вздрогнул, выпрямился и уставился на Лакки.

— Видите, даже Лу не верит, — рассмеялся Лакки. — Но это так. Тот голос использовал странные обороты: «сделайте воздушные вибрации посредством вашего рта», еще что-то в этом роде. То есть оставалось предположить, что лягушки не слишком знакомы с нашими словами и терминами, и голос старательно вбивал это в нас с помощью странных оборотов речи. Но в конце он забылся. Вот что он сказал, я помню: «Жизнь исчезнет, как потухший огонек, и никогда уже не возгорится снова».

— Ну и что? — привычно задал свой обычный вопрос Моррис.

— Что?! Советники, вы не понимаете?! Откуда В-лягушкам знать такие слова, как «задуть огонек» или «жизнь не возгорится»? Голос прикидывался лягушачьим, так откуда ему знать об огне?

Собравшиеся уже все поняли, но Лакки не мог остановиться.

— Атмосфера Венеры состоит из азота и углекислого газа. Кислорода в ней нет, нам это известно. В этой атмосфере гореть ни черта не может! Никаких огоньков. Миллионы лет ни одна лягушка не видела огня, и никому из них не понять, что это такое. И если даже кто-то из них видел огонь под куполом, то понять его природу они не в состоянии, как не могут понять устройство наших кораблей. Я слышал не лягушек, а голос человека, использовавшего их, чтобы подключиться к моему мозгу.

— Но как это возможно? — удивился Тернер.

— Не знаю, — помотал головой Лакки, — Хотел бы узнать. Несомненно, этот парень великолепно соображает. Он должен прекрасно разбираться в нервной системе и во всех электрических феноменах, с него связанных. — Лакки холодно взглянул на Морриса, — это может быть человек, например, специализирующийся в биофизике.

И взгляды всех присутствующих обернулись к Моррису —

смертельно побледневшему, растерянному, усы которого, казалось, встали торчком.

16. Враз!

— Вы обвиняете меня... — только и смог прохрипеть Моррис.

— Это не окончательный вывод, — вкрадчиво заявил Лакки, — лишь предположение.

Моррис беспомощно огляделся по сторонам, стараясь взглянуть в глаза каждого из сидящих. Ответные взгляды были холодны и бесстрастны.

— Это безумие, полный бред, — залопотал он, — Я же был первый, кто подал сообщение об этом... этих недоразумениях на Венере. Найдите его в Центральном Совете, там стоит мое имя. Стал бы я сообщать в Совет, если бы... С какой целью? Да, вот именно, с какой целью?!

Эванс заерзал на стуле. По тому взгляду, который он бросил в сторону Лакки, Бигмен понял, что разбирательства со своими в присутствии посторонних кажутся Эвансу неприятными.

— Но это, по крайней мере, объясняет попытки доктора Морриса скомпрометировать меня, — все же не остался в стороне Эванс. — Ведь я прибыл со стороны и мог докопаться до истины. И половину, по крайней мере, я раскопал.

— Отрицаю, что делал это, — сказал, тяжело дыша, Моррис. — Все это — сговор против меня, и вы еще горько пожалеете об этом. Я добьюсь правосудия.

— Вы имеете в виду — Суда Совета? — осторожно поинтересовался Лакки. — То есть вы хотите, чтобы ваше дело было рассмотрено на собрании Центрального Совета?

То, о чем упомянул Лакки, представляло собой процедуру, предусмотренную для случаев, когда против Советника выдвигается обвинение в измене Совету и Солнечной Конфедерации. В истории Совета подобных прецедентов еще не было.

При упоминании об этом Моррис, и так уже утративший контроль над собой, обезумел окончательно. Рыча, он вскочил с места и слепо ринулся на Лакки. Тот ловко увернулся, перепрыгнув через подлокотник кресла, и, по ходу дела, успел подать знак Бигмену.

Именно этого дожидался Бигмен. Теперь он исполнит инструкции, данные ему на борту «Хильды» неподалеку от Афродиты.

Его бластер выстрелил, и ионизирующее излучение наполнило помещение запахом озона.

На мгновение все замерли. Моррис, прижатый к полу стулом, не делал попыток выбраться наверх. Бигмен застыл с бластером в

вытянутой руке, как небольшая статуя, словно, нажав на курок, он себя немедленно заморозил.

Цель была поражена и теперь являла собой грудку обломков.

— Да как же это... — только и сумел сказать первый, к кому вернулась речь, Лу Эванс.

— Что вы натворили? — прошептал Лиман Тернер. Моррис тяжело дышал после своей вспышки и говорить не мог.

— Отличный выстрел, Бигмен, — похвалил Лакки. Бигмен улыбнулся до ушей и театрально продул ствол бластера.

На полу превращенный в кучку осколков лежал компьютер Тернера.

— Мой компьютер! — кричал Тернер все громче. — Идиот! Что ты натворил!

— Только то, что я попросил его сделать, — вежливо заметил Лакки. — Теперь все будет тихо и спокойно.

Он повернулся к Моррису, помог толстячку подняться на ноги и сказал:

— Тысяча извинений, доктор Моррис, но я должен был увериться в том, что внимание Тернера будет отвлечено. Извините, что пришлось вас использовать таким образом.

— Вы хотите сказать, — начал Моррис, — что не подозреваете меня в...

— Ни секунды не подозревал, — уверил его Лакки.

— Тогда объясните мне, в чем, собственно, дело! — Моррис отступил в сторону, вконец разозлившись.

— Дело в том, что до нашей встречи сегодня, — примирительно начал Лакки, — я ни с кем не поделился мыслью о том, что за В-лягушками может стоять человек. Я даже не мог сообщить об этом на Землю. Ведь кто знает, реальный враг мог перехватить сообщение и прийти в такую панику, что решил бы на крайние меры — затопил бы, в самом деле, один из городов, а жителей всех остальных сделал заложниками. Но пока он не знает, что в своих подозрениях я не продвинулся дальше коварства лягушек, он какое-то время будет выжидать. Ну, в крайнем случае, попытается убрать меня и моих друзей.

Сегодня я заговорил обо всем этом потому, что этот человек здесь присутствует. Но все равно, я не начинал никаких действий против него, опасаясь, что, несмотря на все наши предосторожности, он все равно сможет управлять нами. Поэтому мне потребовалось отвлечь его внимание на внешнюю сторону дела — хотя бы на пару секунд. Отвлечь, чтобы он не успел с помощью лягушек разобраться в том, что собираемся предпринять мы с Бигменом. Да, конечно, В-лягушек в здании нет, но откуда нам известно, а вдруг он умеет использовать любых, находящихся

в городе, или даже тех, что находятся в океане Афродиты?

И чтобы его отвлечь, мне пришлось обвинить вас, доктор Моррис. Заранее предупредить я не мог, мне требовалось, чтобы вы действовали искренне. Так и вышло. Как здорово вы ринулись на меня!

Моррис достал из кармана пиджака громадный носовой платок и утер лоб.

— Это было ужасно, Лакки, но я вас понимаю. Тернер, да?

— Да, — кивнул Лакки.

А Тернер в это время стоял на коленях возле обломков своего аппарата.

— Вы уничтожили мой компьютер! — сказал он с ненавистью.

— А я сомневаюсь, что это был компьютер, — пожал плечами Лакки. — Слишком уж вы были с ним неразлучны. Когда я увидел вас впервые — он был при вас. Вы сказали, что используете его, чтобы просчитать прочность аварийных перегородок на случай прорыва купола. Теперь он у вас с собой якобы для того, чтобы по ходу беседы с доктором Моррисом производить вычисления. По поводу тех же перегородок.

Лакки сделал паузу и продолжил с холодной твердостью.

— Но я зашел к вам домой на следующее утро после той ночи. Я собирался задать вам лишь пару вопросов, которые никоим образом не были связаны с вычислениями, и вы это знали. Все равно — компьютер был при вас. Что, нельзя было оставить его в соседней комнате? Почему?

— Я сам его изобрел. Я им горжусь и все время ношу с собой.

— Ну, на вид он весил фунтов двадцать пять. Тяжеловатая привязанность. А это не то устройство, с помощью которого вы использовали В-лягушек?

— А как вы собираетесь это доказать? — огрызнулся Тернер. — Сами только что сказали, что и я — жертва. Тут все свидетели.

— Да, — кивнул Лакки. — Нет сомнений, что информация перешла к человеку возле шлюза из вашего мозга. Но вот в чем вопрос: у вас ее украли или вы добровольно передали ее?

— Погодите-ка, Лакки, — вмешался Моррис. — Я хочу задать ему прямой вопрос. Несете ли вы ответственность за события последнего времени, Тернер?

— Конечно, нет, — закричал инженер. — Вы не можете руководствоваться любой ерундой, которую вам наболтает этот юнец, уверенный, что ему все известно лучше всех, только потому, что он, видите ли, Советник!

— Погодите, Тернер, — приостановил его Лакки. — А вы помните ту ночь, когда произошла заваруха со шлюзом?

Вспомните-ка получше.

— Прекрасно помню.

— Значит, помните, как вы подошли ко мне и сказали, что если шлюз откроется, то аварийные барьеры не спасут и Афродита будет затоплена? Вы были напуганы, почти в панике.

— Да. Да, я был напуган. И запаниковать тут есть от чего, и это так же верно, как и то, что вы — бравый Лакки Старр, — добавил Тернер с издевкой.

Лакки не обратил на этот укол ни малейшего внимания.

— А не подошли вы ко мне с этими словами лишь затем, чтобы еще более усилить замешательство и выгадать время для маневра с Эвансом? Чтобы вывести его из города и уничтожить потом в океане? Им управлять было непросто, да он еще вдобавок узнал о тайне В-лягушек. Может, вы хотели заодно выкинуть с Венеры и меня?

— Что за ерунда, — ответил Тернер. — Внутренние перегородки действительно слабы. Спросите у Морриса, он разбирался с моими вычислениями.

— Боюсь, Тернер прав, — Моррис неохотно кивнул.

— Неважно, — отмахнулся Лакки. — Давайте вспомним дальше... Реальная опасность — и Тернер в панике. Вы женаты, Тернер?

— А что? — Тернер с изумлением взглянул на Лакки.

— Ваша жена просто очаровательна и очень молода. Кажется, она гораздо моложе вас. Женаты вы менее года.

— И что из этого?

— Да ничего особенного. Вы сильно привязаны к ней. Сразу после женитьбы вы переезжаете в дорогой Дом, вы позволяете ей обставить квартиру по своему вкусу, хотя не слишком его разделяете. Вы побеспокоились бы о ее безопасности, не так ли?

— Не понимаю. О чем вы?

— Сейчас поймете. В тот раз, когда я к вам приходил, ваша жена обмолвилась, что проспала все представление — как она сказала. И ужасно от этого расстроилась. А потом она стала рассказывать о вашем прекрасном доме. Сказала, что в нем есть даже «блоки». Увы, в тот момент это слово не значило для меня ничего, а то бы удалось все выяснить немедленно. Только позже, когда мы болтались в океане, Лу Эванс случайно заговорил о блоках и объяснил, что это такое. Это индивидуальные убежища, которые строят на случай, если вдруг океан хлынет в Афродиту. Теперь вам все понятно?

Тернер молчал.

— Если вы были так озабочены происходящим, если катастрофа была реальной, то почему вы не подумали о своей

жене? Вы видели панику, эвакуацию, почему вы не подумали о ее безопасности? В вашем доме есть блоки. Две минуты — и она в полной безопасности. А вы ей не звоните, и она спокойно спит.

Тернер что-то пробормотал.

— Только не говорите, что запамятовали, — добивал его Лакки, — Не поверю. Забыть вы могли что угодно, только не это. Дело в другом. Вы не беспокоились за нее по другой причине — вы отлично знали, что никакой шлюз не откроется, — разозлился Лакки. — Вы прекрасно это знали, потому что сами управляли тем парнем. И подвела вас излишняя внимательность к жене. Вы не могли потревожить ее сон — ради того, чтобы сделать версию более правдоподобной.

— Без адвоката я больше ничего не скажу, — прорезался Тернер. — Но учтите, это лишь домыслы, а не факты.

— Прошу прощения, этого вполне достаточно для возбуждения расследования Совета... — парировал Лакки. — Доктор Моррис, вы не пришлете за инженером охрану? Он отправится на Землю. Мы с Бигменом будем его сопровождать. Доставим в целости и сохранности.

Позже, в гостинице, Бигмен озабоченно сказал:

— Слушай, Лакки, я не вижу, как мы соберем доказательства против Тернера. Твои выводы замечательны, но для суда их недостаточно.

Лакки, с удовольствием переваривая дрожжевой ужин, расслабился впервые с того момента, когда они проникли сквозь облачный покров планеты.

— Видишь ли, Бигмен, — вздохнул он, — не думаю, что Совет так уж заинтересован в том, чтобы засадить Тернера за решетку.

— Почему, Лакки! Такая сволочь...

— Конечно. И убийца, К тому же — изменник, да и диктаторские замашки ему не чужды. Но тут куда важнее, что он сделал гениальную работу.

— Ты о его машинке?

— Да. Мы уничтожили единственный экспонат, и нам потребуется другая такая же. Здесь, вообще, возникает масса вопросов. Как Тернер управлял лягушками? Когда, скажем, он хотел убить Эванса, он что, инструктировал их детально, приказывал подвести гигантское пятно? Или говорил просто: «А убейте-ка Эванса», и те, как науськанные собаки, действовали по своему усмотрению?

Опять же, представь, как можно использовать подобный прибор. Его можно применять при лечении душевнобольных, умиряя импульсы криминального характера. С его помощью, похоже, можно будет в будущем предотвращать войны, быстро и

бескровно побеждая противников. Конечно, это устройство бесконечно опасно в руках одиночки, но станет крайне полезным в руках Совета.

— А ты думаешь, Совет сумеет заставить его сделать новую машину?

— Думаю, да. Под присмотром, конечно. Если мы предложим ему в обмен на это реабилитацию, а иначе — он останется заключенным и никогда не увидит жены. Думаю, он согласится. И понятно, первым делом аппарат должен быть испробован на мозге самого Тернера, чтобы избавить его от болезненного желания власти и сохранить человечеству великолепный мозг.

Завтра они покинут Венеру и отправятся на Землю. Лакки думал о ней, ощущая приятную ностальгию по голубому небу родной планеты, по свободному воздуху, нормальной еде и ничем не ограниченному пространству.

— Запомни, Бигмен, — сказал он задумчиво, — нет ничего проще, чем «защитить общество», отправив преступника за решетку. Но его жертв это не вернет. А вот если его удастся исцелить и с его помощью сделать жизнь общества лучше и ярче... Это, по-моему, серьезней и достойней.

**ЛАККИ СТАРР И БОЛЬШОЕ СОЛНЦЕ
МЕРКУРИЯ**

Lucky Starr and the big sun of Mercury

1. Духи Солнца

Лакки Старр со своим маленьким другом Джоном Бигменом Джонсом, а также молодой инженер, шедший впереди, поднимались к воздушному шлюзу, служившему выходом на поверхность Меркурия.

Да-а... Скучать не приходится, подумал Лакки.

Он прилетел на Меркурий всего лишь час назад и нигде, кроме ангара, побывать не успел. Бумажные формальности и осмотр его «Метеора», произведенный местными техниками, — вот, собственно, и все пока впечатления. Да, еще этот Майндс, Скотт Майндс, инженер, ответственный за Световой Проект. Он явно поджидал Лакки и сразу предложил прогуляться по поверхности Меркурия — «в целях ознакомления с достопримечательностями», как было добавлено.

Лакки, конечно же, умилился такому объяснению. Он внимательно рассматривал лицо инженера, маленький, будто срезанный, подбородок, нервно дергающийся рот и глаза, тревожно бегающие, глаза, которые неизменно ускользали от прямого взгляда. Во всем этом присутствовала несомненная тревога, обеспокоенность, во всяком случае.

Ну что ж, достопримечательности так достопримечательности... Может быть, прогулка с этим Майндсом прояснит хоть что-то в здешних проблемах, так озаботивших Совет Науки...

Что до Бигмена Джонса, то он готов был следовать за Лакки куда, когда и для чего угодно. Правда, едва они начали облачаться в скафандры, брови его удивленно взметнулись: скафандр Майндса был украшен кобурой, из которой торчал приклад крупнокалиберного бластера. Лакки, перехватив вопросительный взгляд, кивком успокоил друга.

Когда инженер, а вслед за ним Лакки и замыкающий шествие Бигмен очутились на поверхности, то в этой внезапной, почти кромешной тьме они, на какое-то время потеряв друг друга из виду, видели только яркие звезды, равнодушно глядящие сквозь ледяной вакуум.

Первым ожил Бигмен. Здешняя гравитация почти не отличалась от родной марсианской. И чернота ночей с такими же немигающими звездами вдалеке — была для него привычной.

— О! Да я, кажется, кое-что начинаю различать! — бодрым дискантом известил он своих спутников.

Лакки, который тоже успел освоиться в темноте, думал тем временем о странном свете — не свете даже, а легкой дымке,

мерцающей над как попало раскиданными бледно-молочными скалами. Нечто подобное ему приходилось видеть на Луне, с ее двухнедельной ночью. Тот же безысходно-унылый пейзаж, те же голые и невообразимо холодные скалы, не знающие ни ветра, ни инея, та же молочность. Но Луна-то освещается Землей, чье сияние в 16 раз ярче полнолунного света, — того самого, на который так славно воетса собакам. Здесь же попросту нет ни одной близкой планеты...

— Этот свет — звездный? — Лакки начисто отметал такую возможность, но все же спросил.

— Нет, сэр. Обычное свечение короны Солнца. — В голосе чувствовалась усталость человека, вынужденного без конца разъяснять очевидное.

— Ах да! — Лакки усмехнулся и хлопнул себя по лбу. — Ну разумеется, корона! Как же я сразу не догадался!

— Не догадался? — переспросил Бигмен, не очень-то понимающий, о чем идет речь. — Продолжайте же, Майндс!

— А вы бы лучше обернулись. И посмотрели на то, что у вас за спиной.

Оглянувшись, Лакки тихо присвистнул, а Бигмен и вовсе вскрикнул. Только бывалый Майндс стоял тихо.

Изломанная линия горизонта казалась процарапанной по краю жемчужного неба. Каждая деталь рельефа отчетливо видна. А на высоте примерно одной трети расстояния до зенита небо мягко светилось огромными изогнутыми лентами.

— Вот так, мистер Джонс, выглядит корона, — сказал Майндс.

Даже глубочайшее изумление, которое овладело Бигменом, не смогло подавить сложного комплекса чувств, связанных с представлениями о приличиях.

— Зовите меня, пожалуйста, Бигменом! — сердито бросил он и лишь затем воскликнул: — Солнечная корона, да? Ого! Ничего себе! Не предполагал я, что эта штука окажется такой здоровенной!

— Миллион миль в диаметре, даже чуть больше. И учтите, что мы в данный момент находимся на Меркурии, ближайшей к Солнцу планете, всего в 30 миллионах миль от светила. Вы, кажется, с Марса, если не ошибаюсь?

— Да, я родился и вырос там, — последовал полный и гордый ответ.

— Так вот, если бы вы сейчас посмотрели на Солнце, оно оказалось бы в 36 раз больше и ярче, чем то, которое освещало ваше детство. Настолько же, естественно, ярче и крупнее выглядит отсюда корона.

Лакки кивнул и подумал о том, что применительно к Земле 36 меняется на 9, а корону оттуда увидишь только при полном затмении...

Ну что ж, Майндс, кажется, не обманул их. Обещанные достопримечательности существовали на самом деле, и еще какие... Лакки мысленно заполнил корону спрятавшимся за горизонтом Солнцем, и от этого воображаемого зрелища перехватило дыхание.

Майндс между тем продолжал говорить:

— Они называют этот свет Белым Духом Солнца!

— Белый Дух? — удивился Лакки. — Звучит неплохо! Даже, я бы сказал, красиво!

— Красиво?! — взвился вдруг Майндс. — Не сказал бы! На этой планете только и знают, что болтать о духах! Веселенькое местечко, нечего сказать! Все наперекосяк! И шахты рушатся, и... — Туг его голос, не выдержав возмущения, прервался.

С чего это мы так раскипятились? — подумал Лакки, после чего вслух спросил:

— Майндс, мы могли бы узреть сей феномен? Я имею в виду Белого Духа.

— Да, конечно, тут неподалеку... Особенно, если принять во внимание меркурианскую гравитацию. Кстати, советую вам глядеть под ноги. Тропинок тут нет, а свет короны весьма коварен. Так что давайте-ка лучше включим фонари. — Майндс нажал кнопку, и луч, брызнувший из шлема, осветил желто-черную мешанину грунта.

Зажглись еще два фонаря, и неуклюжие фигуры двинулись вперед. Толстые подошвы ботинок не производили ни малейшего шума, и только вибрация воздуха в скафандрах отмечала шаги.

Майндса продолжала душить все та же злость.

— Ненавижу! — хрипел он сквозь зубы. — Ненавижу Меркурий! Я торчу здесь шесть месяцев — целых два меркурианских года! — и мне все осточертело! Кто мог подумать, что за шесть месяцев не будет сделано ни-че-го! Ровным счетом. Ну просто все не так на этой планете! Она самая маленькая. Она ближе всех к Солнцу. Она обращена к нему только одной стороной. Там, — он указал рукой на сияние, — всегда жарко, там такое пекло, что плавится свинец и кипит сера! А в той стороне, — снова взмах рукой, уже в противоположном направлении, — единственная во всей Системе планетная поверхность, которую Солнце не освещает никогда и не греет, разумеется. Замечательно, что там говорить!

Он умолк, чтобы наверняка перепрыгнуть шестифутовой ширины трещину, след древнего катаклизма, который никак не

мог затяннуться без ветра и смены погоды. Прыжок получился неловким — типичный прыжок беспомощного землянина, на минуту оторванного от искусственной гравитации, имитирующей земную.

Бигмен не преминул презрительно цокнуть языком, прежде чем, как и Лакки, вместо суетливого прыжка, просто широко шагнуть.

Они продвинулись еще на четверть мили, пока Майндс, внезапно остановившись, не сообщил:

— Это можно увидеть отсюда и именно сейчас.

Он резко выбросил обе руки вперед, что помогло ему избежать падения на спину. Лакки с Бигменом после нескольких коротких подскоков, гасящих инерцию, остановились как вкопанные.

Майндс выключил фонарь и пальцем указал вперед, на небольшое белое пятнышко, которое было намного ярче всего солнечного света, посылаемого на Землю.

— Мы на вершине Черно-Белой горы, — продолжил инженер. — Наилучшее место для наблюдений.

— Черно-Белая — это название? — уточнил Бигмен.

— Да. Причем весьма точное. Как видите, терминатор делит ее на две почти равные части. Употребленный мною термин применяется для обозначения границы между светом и тенью.

— Знаем! — Бигмен вспылil, минуя, как всегда, промежуточные стадии. — Грамотные!

— Так вот... Их два, этих пятна. Еще одно, точно такое же, можно видеть над южным полюсом. У экватора граница света и тени то поднимается, то опускается на 700 миль, меняя направление движения каждые 44 дня. Здешняя полумия в сравнении с этим — сущий пустяк. Вот почему обсерватория размещена у северного полюса, а не где-то в другом месте... Однако вернемся к нашей горе. Нетрудно заметить, что сейчас освещена только верхняя ее часть. Позже, когда Солнце опустится еще ниже, тень затопит всю гору.

— Остается уже только вершина, — отметил Лакки.

— Да, пара футов, которые вот-вот погрузятся в темноту. А через двое земных суток свет возвратится вновь.

Пока Майндс живописал картины природы, белое пятно сжалось до точки, пылавшей яркой звездой. Все трое замерли в ожидании.

— А теперь ненадолго отвернитесь, — велел Майндс. — Пусть глаза привыкнут к темноте.

Прошло несколько томительных минут, и Лакки с Бигменом услышали: «Достаточно. Теперь посмотрите».

Выполнив и эту команду, они поначалу ничего перед собой не обнаружили. Но через мгновение возникло нечто кроваво-красное. Оно вскоре оформилось в довольно уродливую, скомканную гору, увенчанную кривулькой-пиком. Краснота стала густеть, густеть — и наконец была побеждена совершенным мраком.

— Что это?! — тихо прошептал Бигмен.

— Солнце всего лишь, — успокоил его Майндс. — Оно опустилось достаточно глубоко, и теперь над горизонтом — лишь корона с мощными, в тысячу миль и выше, столбами протуберанцев. Их ярко-красный свет обычно заглушается светом самого светила.

Лакки кивнул. С Земли с ее атмосферой, подумал он, протуберанцы увидишь только при полном солнечном затмении, да еще вдобавок при помощи разного рода хитроумных приборов.

— Они называют это Красным Духом Солнца... — к Майндсу вернулась его подавленность.

— Ох уж эти духи! — внезапно оживился Лакки. — Что Белый, что Красный! Вероятно, они-то и вынудили вас таскать с собою бластер? А, мистер Майндс?

— Что?! — Крик инженера был явно не из ласкающих слух. — О чем это вы, сэр? — добавил он крайне раздражительно.

— Да о том, знаете ли, что самое время выложить, для чего вам понадобилось вести нас сюда. Ведь не ради местных красот? А заодно объясните нам, с какой стати вы так нешуточно вооружились...

Майндс ответил не сразу — некоторое время собирался с мыслями.

— Вы ведь Дэвид Старр, не так ли? — прозвучал наконец вопрос.

— Да, — сдержанно отозвался Лакки.

— Вы входите в состав Совета Науки, и это именно вас, как человека необыкновенно везучего, прозвали Лакки?

— Угу. — Как и все члены Совета, Лакки избегал ненужных упоминаний о своем титуле, и поэтому слова Майндса пришлось ему не по душе.

— Понятно, понятно... — В голосе инженера появились нотки удовлетворенности. — Значит, я не ошибся и разговариваю со следователем — асом, который намерен заняться Световым Проектом, вернее, тем, что с ним происходит.

Осведомленность инженера отнюдь не привела Лакки в восторг. Его даже задело то, с какой легкостью его разоблачает первый встречный. Не мешало бы, подумал он, слегка осадить этого Майндса...

— Чем я тут займусь, не должно вас интересовать, сэр. Лучше ответьте на мой вопрос о целях нашей прогулки.

— Я привел вас сюда, чтобы сказать правду, прежде чем другие наврут вам с три короба! — на одном дыхании выпалил Майндс.

— Наврут? О чем?

— О неудачах, которые неотступно преследуют Световой Проект!

— Но ведь можно было рассказать мне обо всем там, внутри Купола! Зачем понадобилось идти сюда?

— Тому есть веские причины. — Дыхание Майндса становилось все более неровным. — Во-первых, они во всем винят меня, считая, что Проект мне, видите ли, не по зубам и деньги налогоплательщиков я направляю прямо коту под хвост. Разве можно было позволить этим мерзавцам сбить вас с толку? Вот и пришлось...

— Но почему они решили, что виноваты вы, Майндс?

— Потому, видите ли, что я слишком молод.

— Сколько вам лет?

— Двадцать два года.

Лакки, который был лишь немногим старше, удивленно хмыкнул.

— Ну, а какова другая причина?

— Мне хотелось, чтобы вы почувствовали Меркурий и прониклись тем, как... — тут Майндс внезапно смолк.

Лакки, высокий и стройный, стоял на неприветливой поверхности Меркурия и, отражая металлом скафандра молочный свет короны, — ждал.

— Ну, хорошо, — заговорил он наконец. — Допустим, я верю, что вы не виноваты в неудачах с Проектом. А кто — виноват?

В ответ — лишь неясное бормотанье, сквозь которое можно было различить — «не знаю» и «во всяком случае».

— Не могли бы вы изъясняться более традиционно? — вежливо поинтересовался Лакки.

— Поверьте мне! — В голосе Майндса слышалось неподдельное отчаянье. — Я все тщательнейшим образом расследовал! Я думал над этим даже во сне! Следил за всеми! Анализировал и сопоставлял! Фиксировал время, когда происходили аварии, рвался кабель или уничтожались записи! И теперь я не сомневаюсь, что никто под Куполом не замешан в этом! Нас там 52 человека. По крайней мере, в шести последних случаях, когда что-то выходило из строя, я мог бы поручиться за каждого. Никого не было вблизи тех несчастных мест!

— Но ведь у аварий должна быть причина! — размышлял

Лакки вслух. — Может быть, внутрипланетные толчки? Или воздействие Солнца?

— Духи! — иступленно выкрикнул инженер и резко вскинул руки. — Кроме двух, уже знакомых вам видов, существуют и двуногие духи! Я видел их, но разве кто-то поверит мне? Должен вам сказать, что... скажу вам откровенно... — И речь его стала совершенно бессвязной.

— «Духи»! — Бигмен сочувственно покачал головой. — Не показаться ли вам психиатру?

— И эти мне не верят! — Майндс расхохотался трагически-оперным манером. — Ничего. Заставим поверить. С духами, а заодно и со всеми идиотами будет покончено. Я уничтожу всех! поголовно!

Вновь последовал зловещий смех, и Майндс с необыкновенным проворством выхватил из кобуры бластер (Бигмен даже моргнуть не успел, не то что помешать инженеру) и, прицелившись прямо в Лакки, нажал на спуск. Пучок энергии бесшумно и невидимо вырвался из ствола.

2. Сумасшедший или нет?

На Земле все кончилось бы плачевно. Но Меркурий не Земля.

От Лакки, конечно же, не ускользнуло постепенное и неудержимое нарастание ярости Майндса. Должно было последовать разрешение, иначе инженера разорвало бы собственными эмоциями. И все же применение оружия было совершенно неожиданным.

Движение руки Майндса к кобуре и все его последующие действия были молниеносными. Однако Лакки успел отпрыгнуть в сторону.

Дело в том, что меркурианская гравитация составляла всего 2/5 гравитации Земли, и тренированные мышцы отбросили непривычно легкое тело весьма далеко. А Майндс, следивший за полетом Лакки, повернулся слишком резко и потерял равновесие. Тем не менее, в нескольких дюймах от Лакки, едва опустившегося на поверхность, в скале уже красовалась аккуратная ямка глубиной в фут. Прежде чем Майндс собрался произвести повторный выстрел, Бигмен с неотразимым изяществом человека, еще не забывшего марсианской гравитации, выбил оружие из его рук.

Инженер упал, истошно при этом крича, затем внезапно затих, то ли потеряв сознание от сильного удара при падении, то ли совершенно израсходовав запас эмоций.

Бигмен исключал оба варианта.

— Наш милый друг прикинулся усопшим! — так оценил он ситуацию и, схватив бластер, направил дуло в ненавистное лицо.

— Не дури! — сердито крикнул Лакки.

Бигмен опешил, а потом возмутился.

— Тебя ж хотели убить!

Если бы покушались на него самого, маленький марсианин, казалось, был бы не так зол... Крайне неохотно, что-то бурча под нос, он подчинился.

Лакки, стоя на коленях, при свете своего фонаря внимательно разглядывал застывшие, искаженные черты лица инженера. Показания манометра говорили о том, что, к счастью, скафандр не разгерметизирован ударом об острые камни. Подхватив Майндса одной рукой за запястья, а другой за лодыжки, Лакки вскинул ношу себе на плечи и пружинисто поднялся.

— Быстро к Куполу! — решительно сказал он и чуть потише добавил: — А заодно — к проблемам, которые, увы, не так просты, как видится нашему шефу.

Все еще насупленный Бигмен молча поспешил за Лакки.

Мелкая его трусца облагораживалась гравитацией. Майндса Бигмен все-таки держал на мушке, на всякий случай.

Упомянутым шефом был Гектор Конвей, глава Совета Науки. Когда они оставались наедине, Лакки называл его «дядюшка Гектор», так как именно Конвей вместе с Аугустом Генри стал в свое время опекуном юного Лакки, родители которого были убиты пиратами вблизи Венеры.

Неделю назад Конвей, напустив на себя самый легкомысленный вид, как будто речь шла об очередном отпуске, спросил его:

— А почему бы тебе не отправиться на Меркурий, а?

— Что-то произошло? — насторожился Лакки.

— Да в общем-то, ничего особенного... — Сказав это, Конвей, однако, нахмурился. — Если не считать таковым несколько странные действия некоторых наших мудрецов от политики... Ты ведь знаешь: мы осуществляем один довольно дорогостоящий проект на Меркурии. Он из тех проектов, которые либо не дают ничего, либо переворачивают все. Вещи подобного рода — всегда в значительной мере игра, рискованная азартная игра...

— Есть ли в этой игре что-то такое, чем мне не приходилось заниматься?

— Похоже на то... Понимаешь, сенатор Свенсон обрушился на Проект, представив его типичнейшим примером того, как Совет почему зря просаживает денюжки налогоплательщиков. Тебе, конечно, знаком сей благородный муж... Так вот, этот самый Свенсон яростно настаивает на расследовании. Более того, один из его молодцов поспешил на Меркурий уже несколько месяцев назад.

— Сенатор Свенсон? Все понятно...

Лакки прекрасно знал о тех усилиях, которые прилагал Совет Науки для борьбы с врагом как в пределах, так и вне Солнечной системы. Знал он и о том, что в последние десятилетия усилия стали приносить плоды. Галактическая цивилизация была уже в том почтенном возрасте, когда люди добрались до самых отдаленных звезд Млечного Пути и заселили все пригодные для жизни планеты. Проблемы, которые вставали перед человечеством, ввиду сложности их, мог решить попытаться, во всяком случае, — лишь Совет Науки. К сожалению, в правительстве Земли кое-кто опасался возрастающего влияния Совета, видя в этом угрозу для себя. Иные же виртуозно использовали эти опасения в интересах собственных амбиций. Сенатор Свенсон не только принадлежал к последней группе, но был ее несомненным лидером. Бесконечные нападки на Совет за его «неприкрытое расточительство» — сделали эту фигуру крайне

одиозной...

— Кто возглавляет меркурианскую забаву? — спросил Лакки. — Я знаю его?

— Забава, кстати, называется Световым Проектом. А отвечает за него Скотт Майндс, инженер. Парень неглупый, но не из тех, кто создан руководить. И надо же, именно с того момента, как Свенсон облюбовал в качестве очередной мишени Световой Проект, дела там пошли хуже некуда!

— Я готов этим заняться, дядюшка Гектор.

— Спасибо, Лакки. Понимаешь, я уверен, что все аварии не настолько уж серьезны, но Свенсон постарается с их помощью поставить нас в затруднительное положение. Выясни, что именно он замышляет. И пригляди, кстати, за Уртилом, его эмиссаром, весьма способным и опасным малым...

Вот так преподнес дело Гектор Конвей. Небольшое расследование, не более того. И Лакки, посадив корабль на северный полюс Меркурия, настроился на пустячок. А спустя два часа в него уже разряжали бластер.

Что-то за всем этим кроется, подумал Лакки, с Майндсом на плечах приближаясь к Куполу. И куда более серьезное, чем можно было предположить.

Доктор Карл Гардома, выйдя из палаты и взглянув исподлобья на Лакки с Бигменом, стал сосредоточенно вытирать руки мохнатым пластосорбовым полотенцем, которое вскоре, скомканное, исчезло в контейнере. Гардома хмурился, и с его смуглого лица не сходило выражение глубокой озабоченности. Казалось, даже черные, коротко стриженные волосы доктора топорщатся как-то встревоженно.

— Ну? — спросил Лакки.

— Я дал ему успокоительное. — Гардома смотрел куда-то мимо Лакки. — Думаю, он будет в порядке, когда проснется. Возможно, даже не вспомнит о случившемся.

— Доктор, такие приступы уже случались с Майндсом или это — первый?

— Ничего подобного до сих пор не наблюдалось, сэр. Во всяком случае, с момента его прибытия на Меркурий. Не знаю, что предшествовало этому, но последние несколько месяцев инженер Майндс находился в состоянии сильнейшего нервного напряжения.

— Отчего?

— Видите ли, он все время чувствовал себя виновным в том, что происходит с Проектом.

— А как по-вашему, такое чувство имело под собой основания?

— Нет. Безусловно, нет! Но это ему не мешало... Вы же успели убедиться, насколько разладился этот человек. Он буквально вбил себе в голову, что в происходящем все винят только его! Световой Проект, которым здесь занимаются, принадлежит к разряду работ чрезвычайно важных. Он поглотил и продолжает поглощать уйму денег и сил. На Майндсе лежит тяжелейший груз ответственности за все оборудование, за работу конструкторов, пятеро из которых, между прочим, старше его минимум на десять лет...

— А как получилось, доктор, что столь важный пост занял такой молодой человек?

Гардома улыбнулся, и обнажившиеся в улыбке белые, безупречной формы зубы несколько смягчили мрачность его облика.

— Субэфирная оптика, мистер Старр, совершенно новое направление в науке. И только молодой человек, только что выпорхнувший из школы, кое-что смыслит в ней.

— Такое впечатление, доктор, будто и вы разбираетесь в этом!

— Отнюдь нет... Просто Майндс немножко рассказывал... Мы ведь прибыли сюда на одном корабле, и уже тогда я был поражен, с какой увлеченностью говорил он о Проекте и возможностях, открываемых его осуществлением. Вам, должно быть, известно о них?

— Ничего, ровным счетом ничего.

— Так вот. Здесь мы имеем дело уже с гиперкосмосом — иными словами, той частью пространства, которая находится по ту сторону космоса в традиционном понимании. Законы, которые здесь незыблемы, в гиперкосмосе — отменяются! Скажем, нельзя двигаться со скоростью, превышающей скорость света, — ну нельзя! И до ближайшей звезды нужно тащиться целых четыре года. В гиперкосмосе же — совсем другое дело! Бери и лети хоть... — доктор осекся, а потом спросил с извиняющейся улыбкой: — Вы ведь знаете об этом?

— Конечно. Как, впрочем, и любой, я знаю, что гиперкосмические полеты сделали обычными путешествия к звездам, — сухо отозвался Лакки. — Но при чем тут Световой Проект?

— А вот при чем... — Доктор Гардома поднял вверх указательный палец и принял таинственный вид. — В вакууме обычного космоса свет распространяется, как известно, по прямой, строго по прямой. Изогнуть эту прямую можно только с помощью колоссальных гравитационных усилий. В гиперкосмосе — по-другому. Вы можете делать со световым лучом все, что

заблагорассудится! Как будто имеете дело с нитью самой нежной пряжи! Луч можно сфокусировать, рассеять и чуть ли не завязать бантиком! Так, во всяком случае, утверждают создатели гипероптической теории.

— И Скотт Майндс, если я правильно понимаю, находится здесь именно для того, чтобы проверить эту теорию на предмет стройности?

— Совершенно верно.

— А почему был выбран именно Меркурий?

— Потому что во всей Солнечной системе не найти планетной поверхности с такой огромной концентрацией света, причем на громадной площади. И результаты, которые ожидает инженер Майндс, гораздо проще получить здесь, чем, скажем, на Земле, где, при весьма сомнительном эффекте, все обошлось бы куда дороже.

— Но пока что мы имеем только аварии...

— Которые кто-то подстраивает! — гневно подхватил Гардома. — И с которыми нужно немедленно покончить! Вы понимаете, что для нас всех значит этот Проект? Земля не будет рабыней Солнца! Космические станции станут перехватывать солнечный свет и, пропустив через гиперкосмос, равномерно распределять по всей планете! — Гардома, подхваченный мечтами, уносился все дальше. — Исчезнет зной пустынь и забудется полярная стужа! По нашему усмотрению будет реорганизована смена времен года! Мы будем управлять погодой! Иметь солнечный свет в любом удобном нам месте и ночь той продолжительности, которую захочется мизинцу нашей ноги! Земля превратится в рай с кондиционированным воздухом!

— Но, по-моему, до этого еще далеко?

— Да, вы правы. — Доктор с неохотой вернулся в реальность. — Понадобится много-много времени... Сэр, я, конечно, могу ошибиться, но мне кажется, что вы тот самый Дэвид Старр, которому удалось распутать историю с отравлением пищи на Марсе!

Лакки, для которого такой поворот в разговоре был довольно неожиданным, а также и не очень приятным, нахмурился.

— Почему вы так решили?

— Дело в том, что я все-таки врач. И как врача меня в свое время заинтересовала такая странная эпидемия — ведь это поначалу считалось эпидемией! Потом уже, в слухах, которые, как им положено, ходили и которым я жадно внимал, стало часто встречаться имя одного юного члена Совета, сыгравшего главную роль в разгадке тайны...

— Хорошо. Пусть будет так. — Лакки досадливо поморщился.

Это уже второе за день узнавание никак не входило в его планы.

— Ну, а если так, — радостно продолжил Гардома, — если вы тот самый Старр, то, хочу надеяться, недолго нам терпеть! Я имею в виду так называемые аварии, чтоб их...

Лакки, не удостоив доктора ответом, холодно осведомился:

— Могу я узнать, сэр, когда Скотт Майндс будет в состоянии разговаривать со мной?

— Не ранее чем через 12 часов! — испуганно отчеканил Гардома.

— Надеюсь, он будет в здравом уме?

— Вне всяких сомнений!

— Ты уверен, Гардома? — бесцеремонно вмешался чей-то гортанный баритон. — Наверное, оттого, что славный парнишка Майндс всегда в свое уме, да?

Доктор обернулся на голос, и на лице его обозначилась сильнейшая неприязнь.

— Что вы здесь делаете, Уртил?

— Держу открытыми глаза и уши, хотя некоторым это и не нравится! — развязно ответил вошедший.

Лакки и Бигмен с интересом разглядывали незнакомца. Это был среднего роста мужчина, широкоплечий и мускулистый, с небритым самодовольным лицом.

— Меня не интересует, что вы там проделываете со своими ушами! Но извольте заниматься этим вне моего кабинета! — Гардома подыскал, наконец, разящие слова.

— Почему-у? — гримасничая, протянул Уртил. — Вы же доктор! А пациенты имеют право входить сюда! Я заболел, может быть!

— На что жалуетесь?

— Да подожди ты. Сначала разберемся с этими двумя. Они-то на что жалуются? На гормональную недостаточность, верно? — И его ленивый взгляд остановился на Бигмене Джонсе.

Тут возникла звенящая пауза, и Бигмен сначала побледнел, а потом стал весь как-то странно разбухать. Увеличившись в объеме до опасного предела, он очень осторожно поднялся со своего места. Глаза марсианина были широко раскрыты, а губы шевелились, тихо и без конца повторяя: «Гормональная недостаточность». Казалось, он вполне верит, что можно было произнести такое.

Атакующая кобра выглядела бы в этот момент старой черепахой в сравнении с Бигменом, чьи 5 футов и 2 дюйма мышц, туго свитых в упругий хлыст, метнулись к расплывшемуся в ухмылке наглецу.

Но Лакки двигался еще быстрее. Крепко ухватив Бигмена за

плечи, он тихо произнес:

— Спокойно, дружище, спокойно...

— Но ты же слышал, Лакки! Ты же слышал!

Маленький марсианин вырывался изо всех сил.

— Не время, Бигмен... — успокаивал его Лакки, не разжимая объятий. — Не время, пойми...

Смех Уртила был резким и отрывистым, как лай.

— Ну отпусти его, парень! Я не прочь одним пальцем размазать малыша по полу!

Бигмен отчаянно выл и извивался в тисках Лакки.

— Если скажете еще хоть словечко, Уртил, — Лакки с трудом сдерживал гнев, — ваша жизнь осложнится настолько, что даже друг-сенатор будет не в силах вам помочь! — Глаза его, пока он говорил, стали ледяными, а голос металлическим.

На мгновенье взгляды двоих схлестнулись, и, проиграв эту схватку, Уртил что-то промямлил о неудачной шутке. Тяжелое дыхание Бигмена кое-как успокоилось, и, когда Лакки выпустил его, марсианин занял свое место, вздрагивая от остатков ярости.

Доктор Гардома, который, втянув голову в плечи, безмолвно наблюдал всю сцену, с удивлением спросил:

— Как, вы знаете Уртила, мистер Старр?

— О да. Слава о Джонатане Уртиле, уполномоченном сенатора Свенсона, дошла до меня. Не могла не дойти.

— Уполномоченный? — пробормотал доктор. — Что ж, пусть будет так...

— И я о вас наслышан, дражайший! — сказал, как изрыгнул, Уртил. — Дэвид Старр, или Лакки, как вы себя величаете! Вундеркинд из Совета Науки! Теперь перечисляю... Дело об отравлении, история с астероидными пиратами, венерианская телепатия... Знакомо?

— Немного, — равнодушно отозвался Лакки.

Уртил торжествующе хохотнул.

— Да, архив сенатора содержит много интересного о Совете! А в моей голове, — добавил он с внезапной доверительностью, — есть кое-что о творящемся здесь. Прелюбопытнейшие вещи! Взять хотя бы сегодняшнее покушение... Кстати, я пришел сюда не просто так. Меня привела забота о ближнем.

— Забота?

— Она. И вот доказательство. Я должен, я просто обязан предостеречь вас от опасности! Наверное, наш милый доктор уже вкручивал тут о том, какой замечательный малый Майндс. И о кратковременной вспышке, вызванной невыносимым напряжением. Видите ли, они у нас большущие друзья, Гардома и Майндс...

— Я всего лишь сказал, что... — начал было доктор.

— Дай мне закончить! — рявкнул Уртил и вновь повернулся к Лакки. — Понимаете, Скотта Майндса по безвредности можно уподобить двухтонному астероиду, который несется прямо на ваш корабль. Этот парень вовсе не был сумасшедшим, когда вы танцевали под аккомпанемент его бластера. Он прекрасно понимал, что делает. Вас хладнокровно пытались убить, Старр, и попытаются еще. Будьте уверены и спокойны: Майндс вскоре предпримет новую попытку — я готов поспорить на... да хотя бы на сапоги вашего друга.

3. Смерть поджидает в комнате

Тишина, наступившая после слов Уртила, всем, кроме него самого, показалась гнетущей.

Затем Лакки спросил:

— Но почему? Ведь должна же быть какая-то причина!

— Причина — уважительная, — Уртил говорил совсем тихо, наслаждаясь общим вниманием. — Страх. Майндс попросту не справляется со своей работой, не тянет. А за денежки — за миллионы, которые с традиционной щедростью отвалил ему Совет Науки, — за них ведь нужно будет отчитываться, хотя бы чуть-чуть. Делается это очень просто: по возвращении на Землю громко кричится о несносном Меркурии, от которого одни напасти, и жалобно шмыгается носом. Совет растроган, а когда он растроган — из него сыплются деньги на новую, еще более идиотскую программу... И вот появились вы, и возникла угроза лишиться всех милых сердцу утех. Ведь Совет теперь узнает истинное положение вещей! Как только оно станет известно вам.

— А вам оно уже известно?

— Представьте себе.

— В таком случае, вы тоже представляете опасность для Майндса! Отчего же он не попытался избавиться от вас?

Мясистое лицо Уртила до неузнаваемости деформировалось широчайшей самодовольной улыбкой.

— А кто вам сказал, что он не пытался? *Ещекак!* Но годы работы на сенатора кое-чему меня научили. Во всяком случае, постоять за себя — могу.

— Вы врете, Уртил! — крикнул доктор и побледнел как полотно. — Скотт Майндс никогда и никого не пытался убить! По крайней мере, до сегодняшнего дня! И вы это прекрасно знаете!

Уртил даже бровью не повел. Он продолжал ласково наставлять Лакки.

— А-а, чуть не забыл... Не спускайте глаз с нашего эскулапа. Тоже милейший человек. Они с Майндсом — не разлей вода. Так что, сами понимаете... На вашем месте я не лечился бы у него даже от головной боли. От его пилюли можно... — И Уртил многозначительно посмотрел вверх.

Доктор Гардома, едва не плача, в несколько приемов выдавил из себя:

— Когда-нибудь!.. кто-то!.. убьет вас!.. вас убьет!.. за ваши!.. убьет за ваши!..

— Неужели? — радостно воскликнул Уртил. — И вы думаете это сделать один?

Направившись было к выходу, он внезапно остановился и через плечо бросил Лакки:

— Да, совсем забыл. Вас жаждет лицезреть старая развалина Пивирейл. Он очень расстроен тем, что не было никакой официальной встречи. Поспешите к нему и успокойте, если старик еще не застрелился... И еще, Старр. Не забывайте осматривать свои скафандры. Бывают, знаете ли, досадные дефекты. Надеюсь, понимаете, о чем речь? — И не дожидаясь ответа, Уртил удалился.

Прошло довольно много времени, прежде чем Гардома заговорил.

— Никогда не упустит случая потрепать нервы, никогда... Подлый лгун...

— Этот парень несомненно хитер, — задумчиво произнес Лакки. — Неплохой способ нападения — говорить то, что больней всего задевает собеседника. Разгневанный противник — вдвое слабее... Это, между прочим касается и тебя, Бигмен! Ведь ты бросаешься на всякого, кто осмелится говорить о твоём росте.

— Но Лакки! — пронзительно возопил марсианин — Он обозвал меня гормонально-дефективным!

— А ты найди более достойный способ доказать обратное!

Бигмен что-то проворчал в ответ и, насупившись, принялся колотить своим маленьким кулачком по упругому пластику ярко-красных высоких сапог (такие носят исключительно марсианские парни, те, что работают на фермах. У Бигмена была дюжина подобных сапог, одна пара ослепительней другой).

— Хватит дуться! — Лакки обнял его за плечи. — Давай-ка лучше навестим Пивирейла. Первое лицо здесь как-никак...

— Да-да! — поддержал его доктор. — Все, что находится под Куполом, это его хозяйство. Конечно, Пивирейл уже не юн, и у него нет тех связей, которые были когда-то. Между прочим, как почти все мы, он люто ненавидит Уртила. Ненавидеть-то ненавидит, однако предпринять что-либо не в силах. Тягаться с сенатором Свенсоном занятие, как известно, не из перспективных. Кстати, как на этот счет у Совета Науки?

— Полагаю, что небезнадежно... Доктор! — Лакки решительно оставил бесплодную тему. — Не забудьте о том, что я обязательно должен увидаться с Майндсом, как только он проснется!

— Да, я сразу сообщу вам. Будьте осторожны сэр!

— Быть осторожным? — удивился Лакки. — Что вы этим хотите сказать?

Гардома смутился.

— Ничего. Это у меня такая присказка, знаете ли.

— Тогда понятно. — И, простившись с доктором Лакки вышел. За ним, насупившись, поспешил Бигмен.

Крепкое и энергичное рукопожатие Ланса Пивирейла, человека весьма почтенных лет, удивило их. В темных глазах, которые казались еще темнее под буйными зарослями седых бровей, читалось явное беспокойство. Копна густых волос делала его похожим на льва. Пожалуй, только морщины на острых скулах и шее выдавали его преклонный возраст.

Пивирейл заговорил тихо и не спеша.

— Сожалею, джентльмены, о весьма неприятном инциденте, имевшем место сегодня. Я мог и должен был предотвратить его!

— Не нужно винить себя, сэр, — возразил Лакки.

— Если бы я встретил вас сам — ничего подобного не случилось бы! Но проблемы, которые нас тут опутали, совершенно вытеснили из моей головы правила хорошего тона!

— Вы прощены, и забудем об этом, — улыбнулся Лакки и посмотрел на Бигмена, который с открытым ртом внимал величественному потоку слов старого джентльмена.

— Я не заслуживаю прощения! — с пафосом продолжал астроном. — Но в вашей попытке простить меня усматриваю несомненное и редкое великодушие! И считаю возможным перейти к следующей теме! Ваше жилище!

Он подхватил Лакки с Бигменом под руки и увлек в глубь узких, но ярко освещенных коридоров Купола.

— У нас очень, очень тесно! — восторженно сетовал Пивирейл. — Все переполнено и забито! Особенно с тех пор, как здесь появился Майндс со своими инженерами, а потом еще, — тут астроном замялся, — и другие. И все же, смею надеяться, ваше жилище — не из худших! Да, если возникнет желание перекусить — в любой момент вам доставят пищу. Отдохните, выпитесь хорошенько, — а завтра у вас будет предостаточно времени, чтобы встретиться со всеми, да и мы, хотя бы в общих чертах, узнаем о целях вашего визита. Лично меня вполне удовлетворяет то, что вашим поручителем является Совет Науки... Да! У нас тут имеет место быть что-то вроде банкета в вашу честь!

— Благодарю, вы очень любезны, сэр, — не сразу и рассеянно ответил Лакки. — Надеюсь, у меня также будет возможность осмотреть обсерваторию?

Казалось, этот вопрос окончательно осчастливил Пивирейла.

— О да! В любой момент! Вы не пожалеете о времени, потраченном на осмотр! И увидите удивительные вещи! Наше основное оборудование размещено на подвижной платформе, которая передвигается вместе с терминатором! Это позволяет

никогда не терять нужную вам часть Солнца!

— Просто превосходно, мистер Пивирейл! — в тон воскликнул Лакки. — И еще один вопрос. Что вы думаете о Майндсе? Очень прошу вас ответить без обиняков.

Пивирейл неожиданно помрачнел.

— Вы, как я понимаю, субвременной инженер?

— Да не то чтобы... Однако я спросил о Майндсе.

— Да, извините. Ну-у, это довольно приятный, я бы сказал, молодой человек. Компетентный, смею утверждать... но нервный, страшно нервный! Обидеть его очень, даже очень легко... И проявилось это не сразу, а спустя какое-то время, когда реальность вступила в противоречие с его планами... Он, увы, не был подготовлен к такому обороту... А во всех других отношениях это исключительно милый молодой человек. Формально являясь его начальником здесь, внутри Купола, я, тем не менее, никогда не вмешиваюсь в дела мистера Майндса, не связанные с работой в обсерватории.

— А ваше мнение о Джонатане Уртиле?

Пивирейл остановился как вкопанный.

— Что о нем? В каком плане он вас интересует?

— В общем. Как он вам?

— Мне не хотелось бы говорить об этом человеке, последовал неожиданный ответ.

Некоторое время шли молча. Лицо астронома оставалось мрачным.

— Мистер Пивирейл! — решился наконец заговорить Лакки. Есть ли здесь еще кто-то посторонний, условно говоря? Кроме Майндса с его людьми и Уртила.

— Гардома, доктор Гардома, конечно.

— Разве вы не считаете его своим?

— Но ведь он же врач, а не астроном! Без него, конечно, не обойтись, и он за короткий период пребывания здесь успел показать себя с самой лучшей стороны, но...

— За короткий период, вы сказали?

— Да, он совсем недавно сменил своего предшественника, отработавшего положенный год. Кстати, прилетел Гардома на одном корабле с группой Майндса.

— Врачи работают у вас только один год?

— Не только они. Приходится постоянно обучать новых людей и, едва они освоятся — прощаться с ними. Что делать! Меркурианские условия далеко не курортные, и люди не должны находиться здесь подолгу.

— Не могли бы вы вспомнить, сэр, сколько новых людей прибыло на Меркурий в течение последних шести месяцев?

— Около двадцати. Точные цифры вы найдете в журнале, но около двадцати.

— А сами вы здесь достаточно долго, сэр?

Астроном усмехнулся.

— Да уж! Страшно подумать! Мой заместитель Кук тоже работает здесь уже седьмой год. Разумеется, мы часто берем отпуск и... Ваше жилище, джентльмены! Если возникнут какие-то желания или проблемы — не стесняйтесь, обращайтесь ко мне.

Их комната оказалась довольно маленькой, но в ней были две койки, которые можно было убрать в стенную нишу, два дивных кресла с тем же механизмом исчезновения и самый настоящий письменный стол со стулом. За перегородкой обнаружилась ванная и туалет.

— Ну-у! — одобрительно протянул Бигмен. — Вроде бы лучше, чем на корабле, а?

— Да, брат, недурно, — согласился Лакки, — кажется, нам дали одну из лучших комнат.

— Естественно! Думаю, он знает, кто ты у нас такой!

— Вряд ли, — мотнул головой Лакки. — Ведь он предположил, что я субвременной инженер... Нет, старику известно лишь то, что меня прислал Совет.

— Да тут все тебя знают! — возразил Бигмен.

— Не все, а только Майндс, Гардома и Уртил... Послушай, Бигмен, а почему бы тебе не принять душ? Я бы тем временем распорядился насчет еды и багажа с «Метеора».

— Не возражаю! — радостно закричал марсианин.

В ванной Бигмен громко запел. Вода здесь, как и в других безводных местах, была строго нормирована, и табличка на стене с напоминанием о том, какое количество драгоценной жидкости позволительно использовать, была привычной. Бигмен, как истинный марсианин, испытывал к воде необыкновенно почтительные чувства. Во всяком случае, просто так плескаться ему и в голову не приходило никогда. И вся процедура, исключая стремительный финал, состояла из бесконечного намыливания, пускания пузырей и ликующего пения.

Встав перед сушилкой и направив на себя мощную струю теплого воздуха, Бигмен зажмурился от удовольствия.

— Эй, Лакки! Стол уже накрыт? Я голоден!

Из комнаты донесся голос Лакки, однако слов нельзя было разобрать.

— Ну Лакки же! — шутливо возмутился Бигмен и вышел из ванной.

На столе стояли две тарелки с соблазнительно дымящимся ростбифом с овощами (хотя все это была сплошная имитация,

поскольку выращено на субморских плантациях Венеры).

Лакки, не обращая никакого внимания на своего друга, присев на краешек койки, разговаривал с Пивирейлом, который сосредоточенно моргал на экране переговорного устройства.

— Выходит, о том, в какую именно комнату мы въедем, знали решительно все! — спросил Лакки.

— Соответствующее распоряжение было отдано мною по общему каналу, и, естественно, его мог слышать каждый. Кроме того, у нас не так уж много комнат, зарезервированных на особый случай. Их местонахождение известно всем.

— Понятно. Благодарю вас, сэр.

— А что, собственно, произошло, Старр?

— Да так, ничего особенного. Извините, что потревожил вас... — Вежливо улыбнувшись, Лакки прервал связь и молча уставился в погасший экран.

— Ничего особенного, говоришь? — грозно выкрикнул Бигмен и подбоченился. — Так-таки и ничего? А ну-ка, выкладывай!

— А-а, кое-что произошло, ты прав. Я тут разглядывал наше снаряжение, в том числе и скафандры... А скафандры эти не простые. Они снабжены особым изоляционным слоем — для выхода на солнечную сторону, вероятно.

Бигмен снял один из скафандров, которые висели в нише. Тот оказался на удивление легким для своих внушительных размеров. Марсианин досадливо крикнул. Ну вот, снова все придется подгонять, и даже не по своему росту, потому как эта регулировочная дребедень не рассчитана на него, видите ли. Вот что значит быть недостаточно высоким...

— Ну, раздолье, Лакки! И койка тебе! И ванная! И яства, понимаешь! И скафандры!

— И смерть... — продолжил Лакки без тени улыбки. — О ней позаботились тоже. Вот, взгляни-ка...

Он поднял рукав большего скафандра. У самого плеча, чуть ниже шарнирного соединения, видна была крохотная царапина. Когда пальцы Лакки дотронулись до нее и слегка надавили — царапина углубилась.

Это был настоящий разрез!

— С внутренней стороны — такая же прелесть... — Лакки отпустил рукав. — Все рассчитано таким образом, чтобы я успел добраться до солнечной стороны, а там...

4. За банкетным столом

— Уртил! — сразу закричал Бигмен и напрягся всем своим маленьким телом. — Ну и подлая же тварь!

— Уртил? — Лицо Лакки выражало недоумение. — Почему он?

— Ха! Ты забыл, с какой настойчивостью этот хитрец советовал нам проверять скафандры, а?

— Нет, не забыл. Оттого и проверил.

— Ты проверил его работу! Неплохо придумано, неплохо... Мы, значит, обнаруживаем разрез и — ах, Уртил! Ах, спаситель! После чего не можем смотреть на него без слез умиления... А потом мерзавец избавляется от нас любым из двухсот ему известных способов, совершенно без труда. Ой, Лакки, не клюнь на это! Он...

— Подожди. Не нужно делать поспешных выводов... Итак, Уртил сказал, что Майндс пытался убить его. Что ж, проверим. И предположим, что его скафандр был продырявлен таким же образом, как мой. Уртил обнаруживает дефект и предупреждает нас о наличии этого трюка в репертуаре, как он полагает, Майндса.

— Черта с два это сделал Майндс! Ему ввели чуть ли не ведро снотворного, а до того он ни на минуту не оставлял нас!

— Хорошо. А откуда мы знаем, что Майндс спит и что он получил снадобье?

— Так ведь Гардома... — Тут Бигмен осекся.

— Вот видишь? Со слов доктора Гардомы! А он — большой друг Майндса!

— Значит, они заодно! — незамедлительно выпалил марсианин. — И нечего тут думать!

— Да что же это такое! Только я попытаюсь привести свои мысли в порядок — и ты тут как тут со своими озарениями! А потом еще удивляешься отчего это я не делюсь с тобой!

— Извини, Лакки. — Бигмен смущенно прикусил губу. — Продолжай, пожалуйста.

— Так вот... — Лакки снова принялся рассуждать вслух. — Уртила заподозрить — проще всего. Никто его не любит, даже Пивирейл... Вспомни его реакцию на одно только упоминание имени Уртила! Ты, кстати, тоже ведь невзлюбил этого парня, и причем стойко?

— Еще бы, — буркнул Бигмен.

— И мне он, откровенно говоря, не понравился. А что если человек, повредивший скафандр, учел такое замечательное

свойство Уртила — вызывать неприязнь к себе? И понимает, на кого будут вешать всех собак?

— Ну! — Бигмен явно недоумевал.

— С другой стороны, Майндс, который уже пытался честно шлепнуть меня из своего бластера, вряд ли способен на такую филигранную работу — не в характере... Что касается доктора Гардомы, то он совсем не похож на человека, который согласен участвовать в убийстве — лишь бы не огорчать друга.

— Так что же решим? — Бигмен, казалось, вот-вот загорится от нетерпения.

— Что? А вот что... Пора спать! — И Лакки направился в ванную.

Бигмен, разочарованно глядя ему вслед, пожал плечами.

На следующее утро, когда они зашли к Скотту Майндсу, тот, бледный и измученный, сидел на койке.

— Привет, — печально выдохнул он. — Я уже знаю о случившемся, Гардома рассказал... Я глубоко сожалею, поверьте...

— Как вы себя чувствуете? — По тону вопроса было ясно, что Лакки не растаял.

— Как любой другой выжатый лимон, — Майндс страдальчески усмехнулся. — Но тут, — указательный палец постучал по лбу, — все в порядке. И я смогу присутствовать на сегодняшнем обеде, который старина Пивирейл дает в вашу честь.

— Будет ли это благоразумно?

— Во всяком случае, Уртил поостережется слишком вдохновенно разглагольствовать о сумасшедшем Майндсе! — Гнев мгновенно окрасил лицо инженера. — Да и Пивирейл попридержит свой язык.

— Разве мистер Пивирейл сомневается в вашей вменяемости?

— Видите ли, Старр... С того момента, когда начались эти странные аварии, я — на небольшом скутере — облетаю солнечную сторону. Ведь это мой Проект, и мне безразлична его судьба! Так вот. Пару раз мне приходилось видеть... — Майндс остановился, не решаясь продолжить.

— Ну же! — нетерпеливо воскликнул Лакки.

— Не исключено, конечно, что я ошибаюсь... Ведь между нами было довольно солидное расстояние. Но это было существо, похожее на человека! Оно было в скафандре, однако без всякого намека на изоляцию!

— А вы не пытались приблизиться к этому существу?

— Пытался, но безуспешно. На фотоснимках тоже ничего нельзя было разобрать. Сплошные пятна, светлые и темные... Но

ведь что-то там было и двигалось, совершенно не обращая внимания ни на жару, ни на радиацию! Оно даже останавливалось и подолгу отдыхало, во всяком случае, неподвижно стояло на самом солнцепеке, если выражаться по-земному! Вот что озадачило меня больше всего!

— Разве это так странно — стоять?

Ответу предшествовал короткий сухой смешок.

— На солнечной стороне Меркурия? Весьма странно, как мне думается. Никто не стоит, кроме него. И вовсе не оттого, что неприлично. Уносить оттуда ноги, и как можно быстрее, заставляет радиация! Скафандры с изоляционной прокладкой при всех их достоинствах не могут обеспечить надежной защиты от гамма-лучей!

— Но как объяснить то, что вашему таинственному незнакомцу все это нипочем?

— Я сомневаюсь, что он — человек, — прошептал Майндс, сконфуженно улыбнувшись.

— Двуногий дух, может быть, — насмешливо спросил Бигмен и собрался было развить мысль, но Лакки сердито ткнул его в бок.

Майндс энергично замотал головой.

— Видно, что-то подобное я говорил вам наверху, да? Чушь, забудьте. Никакой не дух. По-моему, это был меркурианец.

— Что?! — В возгласе Бигмена было столько возмущения, что, казалось, ему нанесли смертельное оскорбление.

— Только меркурианец мог бы вынести такую жару и такую радиацию, — убежденно закончил Майндс.

— А зачем ему понадобился скафандр? — спросил Лакки.

— Не знаю, не знаю... — В глазах Майндса появился беспокойный, почти безумный блеск. — Все это крайне загадочно. Когда, после встреч с ним, я возвращался под Купол, то проверял, где находились люди и кто пользовался скафандрами за время моего отсутствия здесь ведь фиксируется каждый твой шаг. И ничего даже в малой степени подозрительного не обнаружил, представьте себе! Необходим настоящий и самый тщательный розыск, но Пивирейл даже слышать об этом не хочет — нет, мол, к сожалению, соответствующей экипировки!

— Вы обо всем рассказали ему?

— Да, и он понял, что я — чокнутый. Что все происходит только в моем воспаленном воображении. Но это не так, Старр, поверьте.

— А с Советом вы не пытались связаться?

— Что толку? Пивирейл никогда не поддержит меня. А Уртил авторитетно заявит, что я не в своем уме, и ему с удовольствием

поверят. Разве кто-то станет слушать меня?

— Я стану.

Майндс резко выпрямился. Его рука непроизвольно дернулась в сторону Лакки, но затем безвольно упала.

— Значит, вы займетесь этим?

— Да, — твердо пообещал Лакки.

Когда Лакки с Бигменом вошли — все уже сидели за столом. Над нестройным гулом приветствий, который вежливо поднялся навстречу им, почти зримо висела несомненная напряженность присутствующих.

В центре, поджав тонкие губы и втянув без того впалые щеки, сидел охваченный чувством собственного достоинства Пивирейл. По левую руку от него находился Уртил, закрывавший своими широкими плечами спинку массивного кресла. Пальцы атлета изящно, как ему, вероятно, казалось, постукивали по хрупкому бокалу.

Скотт Майндс, который сидел в самом конце стола и выглядел невыспавшимся юношей, бросал на Уртила презрительные взгляды.

При Майндсе был Гардома, посматривавший на друга с материнской озабоченностью и готовый в случае чего прикрыть его собой.

Прочие места, за исключением двух, пока пустовавших, справа от Пивирейла — были заняты весьма важными персонами обсерватории. Один из этих людей, Хенли Кук, худощавый и высокий, встал из-за стола, чтобы, крепко ухватив обеими руками руку Старра, радушно поприветствовать его.

Сразу после того как Лакки с Бигменом уселись и был подан салат, Уртил своим режущим ухо голосом поведаль:

— Старр, мы тут как раз обсуждали, не следует ли нашему юному гению рассказать вам об удивительных результатах его экспериментов?

— Позвольте мне самому решать, когда и о чем говорить! — чуть не задохнулся от злости Майндс.

— Да что ты мнешься, Скотт! — ухмыльнулся Уртил. — Отбрось стыд, парень! Ну ладно, я сам расскажу, так и быть...

Рука доктора опустилась на плечо Майндса, и тот, сдержав протестующий крик, нахмурился.

— Слушайте внимательно, Старр, — начал Уртил. — Это может пригодиться вам.

— Должен сказать, — перебил Лакки, — что я в общих, конечно, чертах ознакомился с сутью экспериментов, о которых вы намерены говорить, и считаю их весьма перспективными.

— Вот как? — помрачнел Уртил. — Вы, однако, оптимист! А

известно ли вам, дорогой Старр, что наш бедолага Майндс не продвинулся ни на дюйм в своей успешной работе? Или я ошибаюсь, Скотт?

Майндс попытался было вскочить, но рука Гардомы вновь удержала его.

Глаза Бигмена, как у теннисного болельщика, неотрывно поворачивались от одного к другому из говорящих. Когда глаза останавливались на Уртиле, марсианин от отвращения даже морщился.

Беседа была прервана очередной сменой кушанья, и Пивирейл попытался перевести разговор в безопасное русло. Это удалось ему, но ненадолго. Уртил, пронзив кусок ростбифа вилкой, наклонился в сторону Лакки и утвердительно спросил:

— Итак, вы за осуществление Проекта?

— Да. По-моему, он вполне приемлем.

— Что ж, как члену Совета, вам и положено так думать... Ну, а если я вам скажу, что все здешние эксперименты — жульничество? Что на Земле они обошлись бы в сто раз дешевле? Что тогда? Или, может быть, Совет Науки не подозревает о существовании налогоплательщиков?

— Вы, как мне кажется, лжете, мистер Уртил. У вас к этому, очевидно, природная склонность.

После этих слов в зале все разом замолчали, молчал сам Уртил. Челюсть его от удивления аж отвисла, а глаза расширились. Наконец он вскочил и, едва раздавив перепуганного Пивирейла, тяжело шлепнул ладонь рядом с тарелкой Лакки.

— Чтобы всякие выкормыши Совета Идиотов могли меня тут... — грозно взревел он, но тут же испустил странный, сдвленный крик ужаса.

Это Бигмен, который до сих пор не принимал активного участия в происходящем, сделал едва заметное движение, деталей и характера которого никто не успел уловить по причине их молниеносности.

Над ладонью Уртила, которая, казалось, навсегда приросла к столу, дрожал черенок ножа.

Пивирейл вскочил, повалив свое кресло, и застыл, раскрыв рот. В поведении остальных так или иначе выражалось полное замешательство. Даже Лакки испугался не на шутку.

Торжествующий дискант марсианина был разительным контрастом этой мрачной картине.

— Ну, ты, мешок с дерьмом! Растопырь пальцы и удали свою ручонку на безопасное расстояние!

С минуту Уртил ничего не понимал. А потом, когда до него

дошел смысл сказанного, он подчинился и осторожно поднял руку. Ладонь не была повреждена! Ни единой царапинки!

Торчал лишь нож, лезвие которого, представлявшее собой силовое поле, вонзилось в пластиковое покрытие между указательным и средним пальцами Уртила, напоминая о случившемся.

Уртил, внезапно охваченный испугом, отдернул руку, как от огня. Заметив это, Бигмен нежно промурлыкал:

— А в следующий раз, приятель, если вздумаешь так плохо шутить — будет гораздо хуже... Ты понял меня? Если у тебя припасена ответная речь, я готов выслушать сии почтительные слова...

Он коснулся ножа, и лезвие, вернее, чуть заметное свечение, которое исходило из черенка, исчезло. Грозное оружие вернулось в маленькую кобуру на поясе Бигмена.

— Я не знал, что мой друг вооружен, — обращаясь ко всем, поспешил объясниться Лакки. — Он, разумеется, сожалеет о том, что несколько отвлек нас от обеда. Надеюсь, мистер Уртил не примет этот досадный инцидент слишком близко к сердцу.

Кто-то облегченно рассмеялся, и даже Майндс улыбался.

Уртил же переводил яростный взгляд с одного лица на другое.

— Запомним, как вы со мной обошлись, запомним... — цедил он сквозь зубы. — Да, у сенатора здесь с единомышленниками туговато... Но я останусь! — И Уртил, скрестив руки на груди, с вызовом огляделся. Однако никто и не собирался его выгонять...

Возобновилась непринужденная беседа.

— Сэр, — обратился Лакки к Пивирейлу. — Вы знаете, мне очень знакомо ваше лицо!

— Вот как? — Астроном вежливо улыбнулся. — Вряд ли нам доводилось встречаться...

— Может быть, на Церере?

— На Церере? — Пивирейл, который еще не вполне оправился от испуга, рассеянно смотрел на Лакки. — Там самая большая обсерватория во всей Солнечной системе... Да, в молодости мне приходилось работать там. Сейчас, впрочем, тоже наведываюсь.

— Вероятно, именно там я и видел вас.

В памяти Лакки ожили события тех беспокойных дней. Погоня за капитаном Энтоном, пираты, облюбовавшие астероид, и вторжение их кораблей на территорию Совета...

Пивирейл сокрушенно покачал головой.

— Увы, если бы я вас встретил там — запомнил бы непременно, но... — Он развел руками.

— Очень жаль... — улыбнулся Лакки.

— И для меня это большая потеря, поверьте... Тот период был вообще полосой потерь. Из-за какого-то пустякового недомогания я проморгал самый настоящий пиратский налет! И узнал подробности только от своих медсестер!

Пивирейл оглядел стол с жизнелюбивым выражением и, после того как механический официант подал десерт, возвестил:

— А теперь, джентльмены, предлагаю обсудить Световой Проект. — Он сделал паузу, улыбнулся, а затем продолжил: — Конечно, не слишком приятный предмет для разговора, если вспомнить об авариях. Кстати, о них... Мне хотелось бы поделиться с вами кой-какими соображениями на сей счет. Вот и Майндс здесь. И поели мы на славу. И главное, мне есть что сказать.

— Вам? — с какой-то непонятной, угрожающей интонацией переспросил Уртил.

— А почему бы и нет? — весело удивился Пивирейл. — Не каждый день имеются мысли, годные для сообщения, в конце концов! И я непременно выскажусь! — Голос астронома зазвучал торжественно и величаво. — Я знаю, кто виновник всех напастей!

5. Источник опасности

Пивирейл сделал паузу. Наслаждаясь эффектом, который произвели его слова, старик сиял.

Лакки с интересом наблюдал за происходящим... Кто-то приветствовал заявление Пивирейла восторженными междометиями... Уртил, выпятив нижнюю губу, демонстрировал презрение... Гардома был явно удивлен... Ноздри Майндса нервно вздрагивали... лица остальных выражали самые разнообразные оттенки любопытства...

Но один человек привлек особое внимание Лакки. Это был Хенли Кук, второе по важности лицо меркурианской обсерватории, — «вице-Пивирейл». Он рассматривал свои ухоженные ногти с каким-то непонятным отвращением. Через мгновение, однако, когда Кук оторвался от ногтей, взгляд его выражал совершенное безучастие.

Вот с кем не мешало бы побеседовать, подумал Лакки и вновь повернулся к Пивирейлу.

— Разумеется, диверсант не может быть одним из нас, — заговорил наконец астроном. — К такому выводу пришел Майндс, и я с ним полностью согласен. Я даже полагаю, что в расследовании, которое он провел, не было никакой необходимости. Никто из нас не способен на такое... Тем не менее, диверсии продолжают и своим продуманным, предельно эффективным характером начисто отменяют версию о случайной природе аварий!

— Я все понял! — возбужденно прервал его Бигмен. — Значит, на Меркурии есть жизнь! И все это — шалости абorigенов!

Гул иронических комментариев и даже смешки смутили маленького марсианина.

— Разве не это вы хотели сказать, мистер Пивирейл? — покраснев, промямлил он.

— Не совсем, — деликатно ответил Пивирейл.

— На Меркурии отсутствуют даже малейшие признаки жизни! — раздраженно выкрикнул один из астрономов. — Никаких сомнений!

— Вот как? — Лакки повернулся к говорившему. — А что, кто-нибудь проверял?

— Естественно! Ведь на то и существуют разведывательные отряды!

Лакки грустно улыбнулся, вспомнив о встрече с разумными марсианскими существами, о сюрпризах Венеры...

— А вы можете поручиться за качество исследований, проведенных вашими отрядами? Вы убеждены в том, что обследована каждая квадратная миля?

Астроном высоко поднял брови, как бы говоря этим: «К чему такая дотошность?»

Бигмен усмехнулся и сразу стал похожим на гномика в хорошем настроении.

— Мой дорогой Старр! — вновь раздался мудрый голос Пивирейла. — Так или иначе, но исследованиями ничего не обнаружено. Если даже принять во внимание саму возможность жизни на Меркурии — таковая ничтожно мала. И давайте-ка не мудрить, а считать единственной формой разумной жизни ту, представителями которой мы с вами имеем счастье быть.

Спорить было бесполезно, и Лакки промолчал.

— И к чему, скажите на милость, — обращаясь к Пивирейлу, раздраженно вмешался Уртил, — нам следует приложить эту бесценную информацию?

Пивирейл, казалось, не слыша вопроса, смотрел то на одного, то на другого, обходя взглядом Уртила. Но ответ все же последовал.

— Дело в том, что, как известно, люди есть не только на Земле. Они разлетелись по множеству звездных систем. — Тут лицо Пивирейла внезапно побледнело и напряглось. — Представители человеческого рода есть и на планетах Сириуса! — сообщил он возмущенно. — Не они ли диверсанты?

— А почему именно они? — спокойно, совершенно не в тон Пивирейлу, поинтересовался Лакки.

— А почему бы и нет? Ведь они нападали на Землю?

Это было действительно так. Лакки помнил недавнее вторжение сирианцев. Они уже хозяйничали на Ганимеде, но вскоре вынуждены были убраться восвояси, так ничего и не добившись. Но помнил Лакки и другое. С тех самых пор у землян появилась скверная привычка во всех бедах своих винить сирианцев.

— Совсем недавно, — продолжал тем временем Пивирейл, — месяцев пять назад, мне довелось побывать у них. Сирианцы, как известно, не принимают ни иммигрантов, ни просто гостей... Но так как речь шла о межзвездном симпозиуме, пройдя сквозь все испытания бюрократической волокиты, я получил вожделенную визу. Ну вот... Что бросается в глаза прежде всего? Чрезвычайно низкая плотность заселения планет и ей под стать — степень централизации. Сирианцы объединены в небольшие родовые союзы, каждый из которых имеет свой собственный энергетический источник и все необходимые службы, а также

значительное количество механических рабов — в виде позитронных роботов. Сирианцы не занимаются физическим трудом, понимая себя исключительно как военную аристократию. Все они виртуозны в обращении с космическими крейсерами и другими опасными игрушками. Их голубая мечта — уничтожить Землю и даже память о ней.

— Пусть только сунутся! — Бигмен заерзал в своем кресле. — Только сунутся пусть!

— Подготовятся — сунутся, — сказал Пивирейл, тяжело вздохнув. — И если мы будем и дальше хлопать ушами — победят. А пока что — шесть миллиардов дрожащих ягнят с ужасом слушают клацанье волчьих зубов. Земля беззащитна, и беззащитность эта увеличивается год от года. Зерно мы получаем с Марса, а дрожжи с Венеры... Минералы, после того как были заброшены здешние шахты, — добываются на астероидах, что-то другое — еще где-то... А по осуществлении Светового Проекта Земля будет зависеть также и от космических станций, поставляющих солнечный свет! Почему никто не подумал о том, насколько мы уязвимее от этого станем, Старр? Ведь отряд сирианских налетчиков, атаковав аванпосты Системы, вызовет панику и голод на Земле, даже не нападая на нее непосредственно! А чем мы можем ответить? Даже если перебьем их всех — прилетят новые, и война возобновится!

Старик почти задышался от волнения. Видно было, что ему необходимо выговориться.

Взгляд Лакки вернулся к Хенли Куку. Тот сидел, опустив глаза, подперев голову кулаком. Лицо его горело, и краска эта означала не гнев или возмущение, а скорее замешательство.

В разговор вступил Скотт Майндс. Речь Пивирейла была воспринята им предельно скептически.

— А на кой, скажите, им вся эта возня? Они же процветают! Ведь, покорив Землю, сирианцы вынуждены будут кормить нас!

— Как же! — вознегодовал Пивирейл. — Накормят! Они нуждаются в наших ресурсах, уразумейте! А нам предоставится возможность умирать с голоду!

— Но постойте! — подал голос доктор Гардома. Этого не может быть!

— Ну почему же? Такова их политика. Сирианцы считают нас едва ли не животными. С тех давних пор как земляне колонизировали планеты Сириуса, они там с тщательностью селекционеров изменяли себя, пока не избавились, наконец, от болезней и кое-каких, на их взгляд, излишеств в человеческой природе. В отличие от нас, например, сирианцы имеют единообразный, если не навсегда, то надолго установленный

внешний облик. То есть у всех одинаковый рост, цвет глаз, черты лица и так далее. Мы же, со своей пестротой, воспринимаемся сирианцами как низшие существа. Поэтому мы не можем, если бы даже захотели, жить там. Поэтому, чтобы попасть на симпозиум, я должен был обратиться за помощью к самым влиятельным лицам правительства. В то время как астрономы других систем получили наилюбезнейшие приглашения. Да, еще один милый штришок... Жизнь человеческая ничего для них не значит и ничего не стоит. Сирианцы полностью сосредоточены на всякого рода машинах и механизмах. Я наблюдал, как они обращаются со своими роботами. Куда деликатней, чем друг с другом! Всерьез считая, что один робот стоит сотни землян, они души не чают в своих куклах!

— Роботы стоят дорого, — пробормотал Лакки. — И с ними следует обращаться бережно.

— Может быть, может быть... Но люди, поглощенные заботами о машинах, и только о машинах, становятся черствыми.

Лакки подался вперед и, не сводя с Пивирейла своих умных глаз, не без пафоса произнес:

— Сэр! То, что сирианцы убеждены в своем превосходстве над всеми и унифицировали свою внешность, — погубит их! Без разнообразия нет развития! И пока что Земля, а не Сириус лидирует в научных исследованиях! Даже позитронные роботы, о которых вы упомянули, были созданы землянами!

— Так-то оно так, — согласился астроном. — Но мы не используем роботов, считая, что это расстроит нашу экономику. Относительную стабильность сегодняшней жизни мы ставим выше завтрашней безопасности. Фактически мы умудряемся своими научными достижениями ослаблять себя и крепить мощь Сириуса — вот ведь какая штука... — И Пивирейл, откинувшись на спинку кресла, мрачно засопел.

Механический официант, который благодаря диамагнитному полю передвигался совершенно не касаясь пола и потому — бесшумно, своими чуткими щупальцами убирал тарелки внутрь себя, в довольно вместительную нишу.

— Вот вам разновидность робота, если угодно, — кивнул на него Лакки.

— Это простейший автомат, — пробурчал Пивирейл. — Без позитронного мозга. Он не сможет адаптироваться к малейшему изменению в задании.

— Что верно, то верно... — рассеянно согласился Лакки. — Так, говорите, это сирианцы шалят с нашим оборудованием?

— Да, безусловно, они.

— А с какой целью, позвольте узнать?

Пивирейл пожал плечами.

— Наверное, это только часть их обширного плана. Или разминка перед вторжением. Ведь Световой Проект не значит ничего — для них, во всяком случае... Три диверсии — сигнал об опасности, нависшей над нами! И я бы очень хотел, чтобы Совет Науки и правительство прониклись пониманием этого!

Предварительно кашлянув, в разговор вступил Хенли Кук.

— Сирианцы ведь люди, как и мы, не так ли? Если они здесь — то где именно?

— Чтобы выяснить это, необходима исследовательская экспедиция, — с некоторым раздражением отчеканил Пивирейл. — Хорошо подготовленная и должным образом экипированная экспедиция.

— Но ведь я уже был на солнечной стороне! — Глаза Майндса, произнесшего эти слова, возбужденно горели. — И готов поклясться, что...

— Хорошо подготовленная и должным образом экипированная экспедиция! — еще тверже повторил астроном. — Впечатления от ваших прогулок, Майндс, можете оставить при себе!

Инженер мгновенно сник.

— А вы, Уртил, что думаете по этому поводу? — спросил вдруг Лакки.

Уртил поднял глаза и посмотрел на него с нескрываемой ненавистью.

— Свое мнение я оставляю при себе. Хочу также предупредить кое-кого, что одурачить меня — не так-то просто.

Лакки, оставив Уртила с его поджатыми губами, вновь обратился к Пивирейлу.

— А нельзя ли обойтись без экспедиции, сэр? Ведь, предположив, что сирианцы действительно находятся на Меркурии, мы можем установить примерное их местонахождение, не выходя из-за стола!

— Давай, Лакки! — бурно возликовал Бигмен. — Покажи им класс!

— Как вы себе это представляете, мистер Старр? — насмешливо спросил Пивирейл.

— Поставим себя на место сирианцев... Итак, они совершают регулярные диверсии в течение довольно длительного времени. Для этого необходимо иметь базу неподалеку от места наших с ними, к сожалению, общих работ. Значит, она у нас прямо под носом... Поскольку означенные координаты не слишком точны, давайте разделим Меркурий на две части: солнечную и темную. Вряд ли сирианцы устроились на солнечной стороне — там,

согласиться, не слишком комфортно.

— Будто темная сторона — лучше... — криво усмехнулся Кук.

— Представьте себе — да! По крайней мере, тут уже что-то родное, тут — привычная для людей среда. Самый обычный грунт, который уперся в черноту космоса. Да, холодновато, но не холодней, чем в космосе. Темно и нет воздуха? Это тоже встречалось... люди давно приспособились к такому.

— Так-так-так? — Глаза Пивирейла были переполнены живейшим интересом. — Продолжайте, мистер Старр!

— Однако создание тайной базы, которая должна функционировать не месяц и не два, — штука сложная. У них должен быть корабль, на котором они прилетели и собираются улететь. Если же предположить, что за ними заедут, нужно иметь значительные запасы пищи и воды, а также мощный источник энергии. Одно это занимает целую комнату, а ведь наши друзья должны оставаться незамеченными! Да, есть только одно-единственное место, где сирианцы могут чувствовать себя в полной безопасности...

— Где, где? — Бигмен не сомневался, что его друг, как всегда, на верном пути. — Ну же!

— Как только я появился здесь, — издалека начал Лакки, — мистер Майндс рассказал мне о меркурианских шахтах, ныне бездействующих. Несколько минут назад мистер Пивирейл тоже вспомнил о них. Оба любезно натолкнули меня на мысль о том, что в стволах и проходах могли остаться незасыпанные пустоты. А ведь шахты, как я понимаю, расположены в местах прохладных, то есть вблизи полюсов...

— Да, вы правы, — запинаясь, подтвердил Кук. — Задолго до того, как была построена наша обсерватория, под Куполом действительно велась добыча минералов.

— В таком случае, весьма вероятно, что сирианская база находится под этим столом.

Перешептывание изумленных слушателей бесцеремонно прервал гортанный голос Уртила.

— Все это куда как забавно, бесценный Старр! А что дальше? Что вы намерены предпринять?

— Прежде всего — спуститься туда. А после — посмотрим...

6. Приготовления

— Как, вы с Бигменом отправляетесь туда одни? — встрепнулся доктор Гардома.

— Разумеется! — с глумливым возмущением ответил ему Уртил. — Вход только для героев! Прекрасно знающих, что там никого и ничего нет...

— Мы бы, конечно, взяли тебя с собой, — сокрушенно сказал Бигмен, — но боюсь, что с таким длинным языком ты вряд ли влезешь в скафандр.

— Зато ты поместишься в нем даже на ходулях! — парировал Уртил.

— Все-таки, это опасно, — озабоченно продолжал доктор. — И если там действительно кто-то окажется...

— Не думаю, что риск так уж велик, — поспешил успокоить его Лакки. — Это будет всего лишь беглое предварительное обследование, не более того. Не исключено, что Уртил прав, и там вполне невинная пустота. А если нет — мы вызовем помощь.

— Люблю я, джентльмены, экстремальные ситуации... — мечтательно улыбнувшись, признался Бигмен. — Вот подай мне ее — и все тут!

Лакки, которому не терпелось приступить к делу, встал и обвел взглядом всех присутствующих.

— Если вы не возражаете...

Уртил, не дожидаясь окончания фразы, тоже поднялся из-за стола и, резко повернувшись, направился к выходу чуть ли не строевым шагом.

Стали расходиться и остальные.

Когда мимо проходил Хенли Кук, Лакки остановил его, тронув за руку.

— В чем дело, сэр? — нервно спросил тот.

— Мистер Кук, загляните, пожалуйста, ко мне, как только освободитесь.

— Хорошо. Минут через пятнадцать я буду у вас.

— Договорились.

Кук немного задержался. Когда он вошел в их жилище, на худом лице его была все та же печать озабоченности, которая, похоже, не исчезала никогда.

— Простите, мистер Кук, что не сказал вам, как нас найти!

— Ничего страшного, сэр. Я знал, какая комната вам предназначена еще до вашего прибытия.

— Вот как?... Весьма признателен вам, сэр, за то, что вы нашли время зайти к нам.

— Что вы, сэр!

— Дело вот в чем, мистер Кук. Тут у нас маленькая накладочка со скафандрами — теми, что предназначены для выхода на солнечную сторону.

— Надеюсь, вы получили пленку с инструкцией?

— Да, благодарю вас, но...

— Что-то не так?

— Не так! Не так! — закричал Бигмен. — Вот, полюбуйтесь! — И он ткнул пальцем в разрез.

Глаза Кука округлились, а лицо медленно покраснело. Он выглядел совершенно ошеломленным.

— Не понимаю... не может быть... чтобы здесь, под Куполом!

— Неплохо бы заменить его, и без лишнего шума, — деловито сказал Лакки.

— Но кто, кто мог сделать такое? — возмутился Кук. — Мы немедленно должны выяснить это!

— Только не нужно беспокоить мистера Пивирейла.

— Нет-нет! — испуганно замотал головой Кук.

— Мы сами разберемся во всем, только чуть позже. А пока мне требуется лишь новый скафандр.

— Конечно! Я лично займусь этим! Мне понятно теперь, почему вы захотели встретиться со мной, мистер СтARR... Черт знает что! — И Кук собрался уходить.

— Но это еще не все! — остановил его Лакки. — Есть и другие вещи, которые мне хотелось бы обсудить с вами. Кстати, пока мы не перешли к ним... Как я понял, мистер Кук, вы не согласны с тем, что думает о сирианцах Пивирейл? Ведь так?

— Я не хотел бы обсуждать это, — нахмурился Кук.

— Видите ли, я наблюдал за вами во время его пространной речи, — все же продолжил Лакки. — И то явное неодобрение, с которым вы...

— Пивирейл старый человек... — Кук снова плюхнулся в кресло и крепко сцепил костлявые пальцы. — Он давно и всерьез помешан на сирианцах, которые мерещатся ему даже под собственной кроватью. Он винит этих бедолаг во всем. Даже если кто-то случайно засветит пленку — виноваты только сирианцы. А уж после того как он побывал у них, причуды усилились донельзя... Сирианцы поселили Пивирейла отдельно от всех — изолировали, иначе говоря. И ему все казалось, что они или слишком вежливы с ним, или наоборот. В конце концов к нему приставили позитронного робота, устав, очевидно, от стариковских капризов...

— Он возражал против этого?

— Нет, но потом говорил, что к нему просто не хотели

приближаться... Все, абсолютно все, происходившее там, он воспринимал как оскорбление!

— Вы тоже были с ним?

— Нет, сирианцы согласились принять только одного человека поэтому, как главу обсерватории, послали его. Хотя, конечно же, лететь следовало мне. Ведь Пивирейл безобразно стар — от этого никуда не денешься...

Внезапно обнаружив, что он размышляет вслух, Кук испуганно поднял глаза.

— Надеюсь, все это останется между нами?

— Разумеется, — заверил его Лакки.

— А ваш приятель? — недоверчиво спросил Кук. Я, конечно, не сомневаюсь в его порядочности, но, по-моему, он несколько опрометчив...

— Я?! — возмутился Бигмен.

Лакки взъерошил его волосы.

— Да, мистер Кук, это в нем есть, что да, то да. Он у нас порою предпочитает поработать языком и кулаками, вместо того чтобы использовать голову. И мне приходится постоянно помнить об этом. Но! Если я прошу молчать о чем-то конкретном — он молчит, хоть режьте его!

— Ну что ж, прекрасно, — успокоился, наконец, Кук.

— Однако мне хотелось бы, — продолжил Лакки, — вернуться к своему первому вопросу: согласны ли вы с мистером Пивирейлом, обвиняющим сирианцев во всех неудачах, которые преследуют Проект?

— Разумеется, нет! Каким образом, интересно, они могли узнать о Световом Проекте и с какой стати он заинтересовал их? Какой смысл посылать сюда корабли, рискуя своими отношениями с Солнечной системой, — и все ради обрыва нескольких жалких кабелей? Смешно! Конечно, Пивирейл чувствует себя несколько уязвленным...

— Уязвленным?

— Ну да!.. Пока наш великий ученый гостил у сирианцев, Майндс со своими ребятами успел здесь прочно обосноваться. Конечно, это не было полной неожиданностью для старика, так как это давно планировалось, но, тем не менее, застав их пустившими корни, он был шокирован.

— И вероятно, попытался избавиться от Майндса?

— Нет, ничего подобного. Даже выказывал дружелюбие... Видите ли, присутствие молодого Майндса наводит Пивирейла на мысль о том, что в один прекрасный день его уволят, и мысль эта нестерпима для него. Вот отчего он так старается проявить бдительность и поднимает шум по поводу мнимого присутствия

сирианцев. Ведь обсерватория — его любимое детище...

Лакки согласно кивнул.

— Доводилось ли вам бывать на Церере, сэр?

Кук ответил не сразу, опешив от такого резкого поворота.

— На Церере? Случалось. А что?

— Вы были там с мистером Пивирейлом или один?

— Как правило — с ним. Вот он иногда летал туда без меня.

— Не находились ли вы на Церере во время прошлогоднего вторжения пиратов? — усмехнулся Лакки.

— Нет, знаете ли. А вот старик, представьте себе, ухитрился! Потом он без конца рассказывал нам историю о том, как, заболев — хотя не болеет практически никогда, — пропустил самое интересное.

— Ах вот как! Да, бывает... Однако пора заняться и делом, мистер Кук. Мне не хотелось бы беспокоить вашего патрона, который, как вы справедливо заметили, далеко не молод. А вот его заместителя, полного сил... — И Лакки снова улыбнулся.

— Да, конечно! — почтительно напрягся Кук. — Я к вашим услугам!

— Меня интересуют шахты. Сохранились ли какие-то карты, схемы хотя бы основных стволов? Или нам придется бродить наугад?

— Сохранились, конечно.

— И вы можете предоставить их в наше распоряжение?

— Разумеется.

— Мистер Кук, в данный момент, насколько мне известно, шахты не представляют опасности? Я имею в виду вероятность обвалов или чего-то в этом роде.

— О нет! Подобное исключено! Наш корпус расположен как раз над одним из стволов, и, конечно же, строительству предшествовали работы по усилению шахтных креплений, и без того надежных. А если еще принять во внимание крайне незначительную гравитацию Меркурия — вероятность обвалов практически сведена на нет.

— Отчего же такие замечательные шахты не эксплуатируются? — ехидно поинтересовался Бигмен.

— Хороший вопрос... — Кук улыбнулся. — Какое объяснение вы бы предпочли: правдивое или занятное?

— Оба! — выпалил Бигмен.

Кук вытащил из кармана пачку сигарет и закурил.

— Вот вам правда... — начал он. — Недра Меркурия не то чтобы напичканы, но достаточно богаты залежами тяжелых металлов: свинца, серебра, ртути, платины. Но к сожалению, добывать их здесь оказалось делом крайне невыгодным. Расходы

на транспортировку непомерно велики. И как только обнаружили месторождения неподалеку от Земли — шахты тут же были закрыты... А теперь — занятная версия. Обсерватория была построена 50 лет назад, когда шахты еще вовсю работали. Астрономы впервые прибывшие сюда, не без удовольствия слушали шахтерские рассказы, которые впоследствии обрели статус меркурианских легенд.

— О чем они? — спросил Бигмен шепотом.

— Они о том, как в шахтах умирали шахтеры.

— Тоже мне, легенды! — фыркнул марсианин. — Оч-чень оригинально!

— Они будто бы замерзали до смерти, — продолжил Кук.

— Что?!

— И никто не мог объяснить причину этого замерзания. Ведь шахты обогревались, и, кроме того, каждый имел при себе автономный калорифер! Так или иначе, но в последние годы многие шахтеры наотрез отказывались спускаться поодиночке даже в основные стволы, о вспомогательных и речи не могло быть... И шахты пришлось закрыть.

Лакки задумчиво кивнул.

— Мистер Кук, принесите, пожалуйста, схемы шахт!

— Да, я сейчас же отправляюсь за ними и за скафандром.

Готовились основательно, как к большой экспедиции... Как только был принесен новый скафандр, его тщательно осмотрели и проверили, прежде чем отложить в сторону.

Схемы шахт, как и маршрут, предложенный Куком, были досконально изучены.

Бигмен возился с тубами, наполненными жидкой питательной смесью, без конца проверял аккумуляторы, давление в кислородных баллонах и регулятора влажности.

Лакки отлучился на «Метеор», захватив с собой внушительных размеров пакет, — а вернулся уже без него, с двумя небольшими предметами, напоминающими пряжки от ремня, изогнутыми по краям, с прямоугольной пластиной посередине.

— Что это? — подскочил к нему Бигмен.

— Микроэргометры. Экспериментальная модель. Вроде тех, что на «Метеоре», но поменьше.

— Что же уловят такие малютки?

— На значительном расстоянии — действительно ничего, но, если, скажем, в милях десяти отсюда находится источник атомной энергии — микроэргометр обнаружит его. А вот так он работает...

Лакки легко коснулся пальцем небольшого выступа на

корпусе эргометра, и тонкая игла мгновенно исчезла внутри, чтобы тут же, впрочем, вынырнуть. На пластине появилось красноватое пятно. Лакки стал медленно поворачивать прибор в разные стороны, пока пятно не вспыхнуло вдруг ослепительной голубизной.

— Это электростанция Купола, — последовало объяснение, и Лакки, выключив эргометр, стал опять вертеть его, но теперь любуясь. Знаешь, Бигмен... Не было случая, чтобы, встретившись с дядюшкой Гектором, я ушел бы от него без затейливой вещицы, вроде этой. И всякий раз он желает, чтобы подарок мне не пригодился... Но на этот раз...

— Что, Лакки? Что?

— Видишь ли, если в шахтах действительно есть сирианцы, у них наверняка имеется небольшая атомная станция. Без нее просто не обойтись. Ведь нужна же им энергия для отопления и всех прочих нужд! Вот наши эргометры и обнаружат такую станцию. Пригодятся они и для другого...

Лакки умолк, и Бигмен огорченно вздохнул. Марсианин хорошо знал это молчание. Видно, мысли Лакки были еще слишком зыбкими, неоформленными, чтоб обсуждать их.

— Один эргометр — мой? — спросил Бигмен.

— А как же! — И блестящее достижение техники, описав дугу, шлепнулось в маленькую ладошку.

Хенли Кук уже ждал их, когда Лакки с Бигменом, одетые в скафандры, со шлемами под мышкой, вышли из своей комнаты.

— Я подумал, — сказал он, — что не помешает проводить вас туда...

— Благодарю! — приветливо отозвался Лакки.

Было, условно говоря, раннее утро.

Здесь, на Меркурии, где не существовало ни дня ни ночи, жизнь текла в том ритме, к которому люди привыкли на Земле.

Лакки не случайно выбрал время, когда все спали. Многолюдная процессия и мудрые напутствия Пивирейла — все это было бы сейчас некстати.

Освещенные тусклым светом коридоры были пусты. И казалось, что тяжелая тишина, которую только подчеркивали гулкие звуки их шагов, давит на плечи.

— Это — вход номер два, — остановился Кук.

— Прекрасно, — кивнул Лакки. — Ну что ж... Надеюсь, мы скоро увидимся?

— До встречи.

Пока Лакки с Бигменом надевали свои шлемы, фиксируя их в парамагнитных пазах скафандров, Кук, исполненный важности, возился с замком...

Наконец, привычно и даже не без удовольствия вдохнув первую порцию баллонного воздуха, друзья ступили в воздушный шлюз. Массивная стальная дверь, бесшумно закрывшись, разделила их с Куком.

— Ты готов, Бигмен?

— Спрашиваешь! — Голос марсианина звучал бодро, а его маленькая фигурка выглядела бесплотной тенью в тусклом освещении шлюза.

Стена перед ними поползла вверх. Ворвавшийся вакуум мгновенно вытеснил из помещения весь кислород.

Они опять шагнули вперед.

Когда стена, теперь уже позади них, опустилась, вокруг были только тишина, пустота и непроглядная тьма.

7. В шахтах Меркурия

Они включили фонари, и два мощных луча, не рассеиваясь, пронзили темноту, точно острые клинки. Впереди был туннель.

Двое, землянин и его маленький марсианский друг, двинулись навстречу неизвестности.

Гладкие стены туннеля тянулись по безупречной прямой. Крестовые своды выглядели торжественно и надежно. Это напомнило Бигмену недра Луны.

Воздух внутри скафандра позволял слышать собственные шаги, от Лакки же исходили вибрационные толчки, которые Бигмен, к вакууму привычный, улавливал без труда. Он слушал вибрацию.

Внушительных размеров колонн, подпирающих верхние пласты породы, было тут гораздо больше, чем на Луне, что объяснялось существенной разницей в гравитации.

Многочисленные ответвления туннеля вынуждали Лакки постоянно сверяться со схемой.

А Бигмен печалился, видя повсюду еще не стертые следы пребывания людей: болты, когда-то поддерживавшие плафоны светильников, поблекшие маркировочные полосы, боковые карманы, в каких обычно отдыхают шахтеры или берутся пробы породы...

— Лакки! А эргометр, между прочим, ничего не показывает!

— Знаю, Бигмен, знаю... Может быть, пообщаемся?

Это было сказано подчеркнуто невыразительно, и Бигмен сразу понял, о чем речь. Миниатюрная экранирующая приставка — как обычно, он снабдил ею оба переговорных устройства — исключала возможность перехвата...

— Что случилось, Лакки? — Сердце Бигмена своими ударами заглушало слова.

— Разговор есть, — сквозь шелестящий фон донесся голос Лакки. — Смотри. Согласно схеме, перед нами туннель 7А. По нему можно довольно быстро добраться до ствола, который ведет на поверхность. Мне — туда, Бигмен.

— Зачем?!

— Чтобы попасть наверх! — засмеялся Лакки.

— Наверх?!

— Ну да! И прямиком на «Метеор». Видишь ли, там новый скафандр, принесенный Куком, — я захватил его, когда бегал за эргометрами.

Бигмен долго осмысливал сказанное, но все же осмыслил.

— То есть ты отправляешься на солнечную сторону?

— Точно. На солнышке погреемся, и вообще...

— Нашел время! А сирианцы? Ты ведь сказал, что они здесь!

— Сказать-то сказал, да не... Понимаешь, мне нужно было убедить их в том, что я действительно так думаю!

— А меня тебе тоже хотелось убедить?

— Извини, дружище, но я опасался, что, зная о моем плане, ты — случайно, разумеется — поделишься своим знанием с... хотя бы Куком! Ведь ты у нас парень горячий и, всплыв, можешь выложить все содержимое без остатка.

— Эх, Лакки, Лакки! Да я молчал бы, как рыба на сковородке!

— Ну ладно, ладно... Как бы там ни было, но хотел, чтобы ни одна душа не знала о моем намерении отправиться на солнечную сторону. И поэтому рвался сюда так напористо.

— Но к чему эта конспирация?

— А вдруг за диверсиями стоит кто-то из участников Проекта? — вопросом ответил Лакки. — Не верю я, что сирианцы заинтересовались такими пустяками, не верю! Тут что-то другое...

— Значит, в шахтах никого нет, что ли? — разочарованно протянул Бигмен.

— Если только я не ошибаюсь... Вряд ли Сириус стал бы ради осуществления мелких диверсий возиться с развертыванием базы на Меркурии — тут Кук прав. Нанять землянина — куда проще и дешевле. Опять же история с моим испорченным скафандром... Ведь куда-куда, а в Купол сирианцам, при всей их изощренности, не попасть. Такое, наверное, даже Пивирейл исключает.

— Лакки! Значит, ты ищешь предателя?

— Пока что — диверсанта. Возможно, он действительно отрабатывает сирианские денежки, а может быть, — у человека такое хобби. Мне кажется, что, побывав на солнечной стороне, я приближусь к пониманию всего этого. Тем более, что «густая дымовая завеса» наверняка убедила кое-кого в нашей непроходимой тупости, и он расслабился.

— И что же ты собираешься обнаружить на этой чертовой солнечной стороне? — недоуменно-почтительно спросил Бигмен.

— Пока не знаю...

— А-а... Ну, что ж, теперь ясно, теперь мне все наконец ясно... Пошли, ладно уж! Я согласен!

— Но, Бигмен! — Лакки покачал головой. — С тобой не соскучишься, парень! Пойми: ты остаешься здесь! У нас нет второго скафандра с изоляцией!

— Остаюсь? — растерянно пробормотал Бигмен, пытаясь проникнуть в новое значение слова «я», которое всегда означало «мы». — Лакки!!! — закричал он с обидой и возмущением. — Почему я должен оставаться здесь, Лакки?!

— Но мне же не обойтись без твоей помощи, дружище! Все должны думать, что мы с тобой усердно прочесываем шахты! И поэтому ты, со схемой в руках, пойдешь дальше, по маршруту, который мы разработали. Через каждый час, связавшись с Куком, ты будешь докладывать ему обо всем, что увидел. Только прошу тебя, обойдись без преувеличений. Говори все как есть, но не проболтайся о моем отсутствии.

Бигмен, видя, что им не пренебрегают — вернее, пренебрегают, но не совсем, заметно повеселел.

— А если кому-то захочется поговорить с тобой?

— Скажи, что я занят. Или — что ты наткнулся на сирианца и срочно прерываешь связь. В общем, выкручивайся, как хочешь, но чтоб у них не возникло даже тени подозрения, понятно?

— Понятно-то понятно, но... все же обидно мне, Лакки. Тебя там ждут такие приключения, — а я, как идиот, должен торчать в этой темноте, разыгрывая радиоспектакли!

— Не спеши огорчаться, а то еще скрасят твое одиночество...

— Скрасят, как же. Прекрасно ведь знаешь, что тут нет никого и ничего!

— А замерзнуть не боишься? — улыбнувшись, спросил Лакки. — А то ведь случалось с некоторыми...

— Ладно тебе!! — огрызнулся Бигмен.

— Извини, это не лучшая из моих шуток... Лакки обнял марсианина. — И не кисни, пожалуйста. Я скоро вернусь.

— Ну, все! — Бигмен решительно потряхнул руку Лакки со своего плеча. — Хватит подлизываться. Я сделаю все, что от меня требуется. Иди и помни: ты без моего присмотра!

— Я буду очень осторожен! — засмеялся Лакки.

А потом он повернулся и шагнул в тоннель 7А.

— Лакки!

— Что, Бигмен?

— Послушай-ка... Бигмен прокашлялся. Ты действительно... того ну... не рискуй... ладно? Я хочу сказать, что меня ведь не будет поблизости, чтобы выручить тебя...

— Дядюшка Гектор номер два! Сходство — поразительное! Ну, а если серьезно — взаимно, Бигмен, взаимно...

Это было все, что они сказали, выражая глубокую и нежную привязанность друг к другу... Лакки помахал рукой и, постояв мгновение в грустном луче Бигменова фонаря, исчез.

Бигмен долго смотрел туда, где уже никого не было. Если бы, допустим, он не был Джоном Бигменом Джонсом — то, сникнув в два счета, он был бы немедленно раздавлен навалившимся на него одиночеством. Но он, к счастью, был и Джоном, и Бигменом, и Джонсом! А потому, стиснув зубы, побрел дальше.

Спустя 15 минут Бигмен связался с Куполом. Продраться сквозь помехи удалось не сразу, и он успел еще пару раз обругать себя за то, что вчера был так легковверен и не понял хитрости Лакки, болван.

— Да? — отозвался Кук.

— О, мистер Кук! Как вы там? У нас все в порядке, мистер Кук! И у меня в порядке, и у Лакки! Он тут рядом, буквально в двадцати шагах! А с вами — я...

— Дайте-ка Старра.

— Старра? — игриво переспросил Бигмен. — А Старр занят! В следующий раз — пожалуйста, а сейчас он не может, честное слово!

— Ну, хорошо, — согласился голос.

Еще бы не хорошо, приятель! — очень довольный собою, подумал Бигмен. — Особенно, если учесть, что в следующий раз я просто прерву связь. Как долго это будет еще длиться? Час? Два? Шесть? А если и через шесть часов Лакки так и не появится? Так и торчать здесь до конца своих дней? А если Кук затребует подробную информацию? Описывать ему все эти красоты? И, увлекшись, проболтаться о Лакки? Только не это, только не это... Молчать, молчать, во что бы то ни стало — молчать. Иначе — прощай, доверие, прощай, дружба.

Бигмен попытался отвлечься от мрачных мыслей, но темнота и вакуум, слабая вибрация шагов, звуки собственного дыхания — отнюдь не веселили.

Он уже не смотрел на схему — цифры и буквы на стенах боковых переходов были такими четкими, что необходимость в этом отпадала. Кроме того, бумажный листок сделался чрезвычайно хрупким — очевидно, под влиянием низкой температуры, и воспользоваться схемой вряд ли удалось бы даже при всем желании.

Лицевая пластина запотела от дыхания, и Бигмен, остановившись, стал крутить регулятор влажности.

Он уже заканчивал регулировку, когда вдруг замер, почувствовав легчайшую постороннюю вибрацию; замер и затаил дыхание.

— Лакки? — выдохнул Бигмен в микрофон. — Лакки?

Кроме Лакки никто не смог бы разобрать этот шепот. И сейчас он ответит Бигмену, вот только немножко потомит, попугает — и ответит...

— Лакки? — шепнул марсианин вновь.

И снова ответа не последовало... Но вибрация-то не исчезла!

Дыхание Бигмена участилось, вначале от напряжения, а потом — от безудержной радости, которая всегда охватывала его

в моменты опасности.

Рядом кто-то был! Кто он? Неужели сирианец? И Лакки был прав, когда предупреждал о такой возможности? Может быть...

Бигмен осторожно вытащил бластер и погасил фонарь.

Знают ли сирианцы о том, что он здесь? А возможно, они как раз его-то и ищут?

Той рыхлости, смазанности, какая бывает при наложении одной на другую вибраций нескольких или даже двух людей, не было. Слух Бигмена различал размеренную поступь одного человека.

Вот вибрация заметно усилилась. Человек приближался!

Бигмен, касаясь рукой стены, осторожно двинулся вперед.

Вибрация, исходящая от невидимки, наводила на мысль о его крайнем легкомыслии. Либо он не сомневался в том, что в шахтах никого нет, либо, если это все же преследование, он не знает свойств вакуума. И если Бигмен двигался с кошачьей деликатностью, то тот чуть ли не печатал шаг.

Марсианин резко повернул назад, но невидимка никак не отреагировал на это. Он не догадывался о существовании Бигмена или делал вид.

Свернув в боковой туннель, Бигмен продолжил путь, скользя вдоль стены с грацией танцора.

Слепящий луч заставил его вжаться в стену. Но свет исчез так же внезапно, как появился. Человек пересек туннель.

Бигмен снова метнулся вперед. Найти этот перекресток и подкрасться сзади! Теперь уж они обязательно встретятся — он, Бигмен, представитель, можно сказать, Земли, а также Совета Науки и... кто?

8. Враг

Все было рассчитано точно. Луч подпрыгивал уже далеко впереди, когда Бигмен добрался, наконец, до этого туннеля.

Он по-прежнему держал свой бластер наготове, но стрелять не торопился, так как знал: покойники удивительно молчаливы.

Оставалось, строго соблюдая безопасную дистанцию, преследовать врага.

А может быть, попытаться установить контакт?

Бигмен включил передатчик и, не меняя частоты, властно произнес... Конечно же, было почти невероятным, что этот тип настроен на ту же частоту, — если есть что настраивать, и Бигмен уже подумывал, а не посигнализировать ли сразу бластером, ослепительную вспышку которого поймет всякий, — и все же он произнес:

— Эй, ты! Замри и не моргай у меня! А то так прошью — никто не отпорет!

Освещенный ярким лучом человек стоял неподвижно, не делая ни малейшей попытки оглянуться.

Ага! Значит, ты меня слышишь, приятель!

— А ну-ка, повернись! Медленно!

Приказ был тут же выполнен.

— Теперь ты видишь, что я не шучу? В моем бластере полный заряд! И промахиваться мне еще не приходилось!

Человек тут же посмотрел на грозное оружие и инстинктивно поднял руку, как бы защищаясь.

А Бигмен разочарованно разглядывал скафандр незнакомца, имевший самый необычайный вид. Неужели сирианцы еще пользуются такими моделями?

— В каком режиме ты работаешь? — строго спросил он. — В телеграфном?

В ответ раздался хриплый и почему-то знакомый смех, сменившийся восклицанием:

— Ба! Коротышка! Сколько ле-ет!

Едва ли не весь запас самообладания понадобился Бигмену, чтобы не выстрелить. Бластер, казалось, сам дернулся в его руке, прося покончить с безобразием. Ненавистная фигура тотчас отпрянула.

— Уртил?! — пронзительно крикнул Бигмен.

При всем своем возмущении, он был разочарован тем, что перед ним — не сирианец. Что этот тип здесь делает? — кольнуло вдруг, как иголкой.

— Уртил, Уртил... — послышалось в ответ. — И спрячь свою

игрушку!

— Спрячу, когда сочту нужным! — огрызнулся Бигмен. — Ты лучше скажи, каким ветром тебя сюда занесло?

— Да вот забыл, что шахты — твоя собственность!

— До тех пор пока ты у меня на мушке, боров, — советую считать именно так! Тебе ясно?

Пока Бигмен метал молнии, мысль его напряженно и бесплодно работала. Он не знал, как теперь поступить с этим мерзавцем Уртилом. Отконвоировать его в Купол?

Но тогда все узнают об отсутствии Лакки! А если соврать, будто тот задерживается и вот-вот подойдет? Ну а если не подойдет? И вообще, кто дал Бигмену право хватать людей? Разве кому-то запрещено гулять по шахтам? С другой стороны, нельзя же всю жизнь стоять вот так, размахивая бластером и рыча. Эх, нет здесь Лакки! Уж он бы что-то придумал!

— А где Старр? — туг же спросил Уртил.

Чертов телепат! — подумал Бигмен и ответил:

— Где надо! Получше нужно было шпионить, дорогой! Ведь ты шпионил за нами, не так ли?

— Ну а если да, то что? — отозвался Уртил.

— Ты прошел боковым туннелем, намереваясь подкрасться сзади! — продолжал изобличать его Бигмен.

— Ну и? — Голос Уртила говорил о том, что он полностью расслабился и стоять под дулом бластера для него — плевое дело. — Скажи-ка лучше, где твой дружочек, а?

— Не беспокойся о нем.

— Да я не беспокоюсь! Только ты вызвал бы его! Тем более, что передатчик как раз на ограниченном радиусе... Да, с твоего позволения, я глотну живительной влаги. Пить хочется! Понял или нет? — И рука Уртила слегка поднялась.

— Только без глупостей! — предупредил Бигмен.

— Что ты, что ты!

Однако Бигмен на всякий случай напрягся. Конечно, нагрудным регулятором не выстрелить даже Уртилу, но этот пройдоха может попытаться ослепить его фонарем или... да мало ли что может он выкинуть!

Уртил между тем закончил свои манипуляции, и вскоре можно было услышать, как он пьет.

— Испугался небось? — издевательски-сочувственно прохрипели наконец смоченные связи.

Бигмен не нашелся, что ответить, и это его очень расстроило.

— А ну-ка, вызови Старра! — неожиданно и напористо потребовал Уртил, и марсианин машинально потянулся к регулятору.

— Вот оно в чем дело! — расхохотался Уртил. — Нам, оказывается, нужно перестроиться! Значит, Старр улизнул?

— Ничего подобного! — возмутился Бигмен и — покраснел.

Позволить так себя надуть! Да, этот Уртил чертовски хитер. Стоит себе и посмеивается над ним и его дурацким бластером и чувствует себя хозяином положения... А может быть, все-таки, выстрелить?

Но стрелять было никак нельзя. Насильственная смерть человека, посланного сюда сенатором Свенсоном, доставит Совету страшно подумать сколько неприятностей, не говоря уже о том, как пострадает Лакки... Эх, его бы сюда сейчас!

Луч фонаря Уртила скользнул в сторону.

— О! — раздался его удивленный голос. — Оказывается, и я иногда ошибаюсь! Вот он, наш Старр!

— Лакки!!! — И Бигмен круто развернулся.

Конечно же, в ситуации менее напряженной, он просто дождался бы, когда рука Лакки ляжет ему на плечо, — но тут ведь был совсем особый случай!

Криком «Лакки» все радостное и исчерпалось. Незадачливый марсианин, не успев ничего толком понять, был сбит с ног.

Какое-то время он еще продолжал сжимать свой бластер, но Уртил вскоре вывернул ему руку. Когда же эта туша убралась с него и Бигмен, морщась, попытался подняться, в лицевую пластину его шлема уткнулось грозное дуло.

— У меня, конечно, есть свой, — мрачно процедил Уртил, — но я, кажется, предпочту воспользоваться этим. И не двигайся, милый. Стой именно так, как стоишь, на четвереньках, раком, тебе идет...

У Бигмена от унижения потемнело в глазах. Захотелось исчезнуть, умереть. Это было легче, чем когда-нибудь, если придется, сказать Лакки: «Понимаешь, он сказал, что ты пришел, — и я, конечно, повернулся...»

— Стреляй, паршивец! — зло крикнул марсианин. — Стреляй, если хватит духу! А потом Лакки доберется до тебя и проследит, чтобы остаток своей жизни ты провел на самом холодном из астероидов, лязгая зубами и звеня цепью.

— Ой! И все это сделает твой Лакки? Но где же он?

— А ты поищи, поищи...

— Искать? — Уртил усмехнулся. — Не-ет! Где он, — об этом мне расскажешь ты, но чуть позже... Пока же я хочу узнать, на кой ему понадобилось лезть в шахты?

— Он искал сирианцев, тупица!

— Сирианцев, говоришь? — ласково переспросил Уртил. — А горючее для комет он здесь не искал? Что ты мне тут

вкручиваешь, парень! Он — не выживший из ума Пивирейл и в такую чушь не поверит никогда! Нет, тут что-то не то... А что — ты мне сейчас и выложишь.

— Уверен?

— Абсолютно. Ведь и у тебя жизнь — одноразовая...

— Вообще-то, да. Но, видишь ли, для ее спасения не всякий способ годится. — И Бигмен, встав на ноги, решительно двинулся на врага.

Уртил попятился и тут же уперся в стену.

— Но-но! — испуганно пригрозил он. — Еще один шаг, и тебя нет! Или ты думаешь, что мне так уж нужна от тебя информация? Обойдемся! И послушай-ка, что я тебе скажу... Ты и твой горе-герой Старр ни на что большее чем идиотские шуточки с ножами — не годитесь!

Вот что тебя заело, оказывается! — подумал Бигмен и улыбнулся.

— Да, Уртил... Вид ты имел еще тот. Болван болваном, каждый подтвердит... А теперь, значит, мстим? Валяй! Но меня-то ты не очень напугаешь, не надейся. Лучше сразу стреляй. Быть убитым — менее вредно для моего организма, чем слушать твою трепотню.

— Терпение, карапуз, терпение... Ты совершенно не понимаешь, к чему я веду! А веду я к тому, что сенатор Свенсон — ты, конечно, слышал о нем — намерен покончить с Советом Науки. Вот ведь как. Для него что ты, что твой бравый Старр — обыкновенные козявки, которых даже как-то неловко принимать в расчет. А я — да будет тебе известно — тот человек, которому доверено осуществить замысел сенатора! Я прищучу вашу занюханную контору, ваш Совет по околпачиванию людей!

— Вдохновенно заливаешь! — одобрил Бигмен.

— Кто заливает, это мы еще увидим. Разоблачим все пропагандистские уловки Совета — и послушаем, что скажет народ.

— Ух, разоблачитель! Ну давай действуй!

— За мной не заржавеет, не волнуйся. Кстати, есть уже и первый улов: парочка жуликов, забравшихся в шахты... Уж я-то знаю, зачем вы сюда пожаловали! Он мне про сирианцев травить будет... Ха! Дело было так! Либо Старр велел Пивирейлу рассказать нам сказочку, либо он просто воспользовался идеей старого маразматика! И вы не собирались искать здесь сирианцев! Вы попросту решили имитировать их присутствие! Соорудить что-то вроде базы и представить ее на общее обозрение! «Я разметал их одной левой! — сказал бы Старр, мужественно поигрывая скулами. — Я самый наигеройский

герой!»... Все заплакали бы от счастья, а доблестный Совет тихонечко, никого не беспокоя, прикрыл бы Проект. Ведь эта коровка уже выдоена, пора выходить на новые рубежи! Но на этот раз ничего не получится. Я поймаю Старра с поличным, и он будет весь в дерьме, ну просто весь! Тем же будет достойно отмечен и Совет Науки.

Бигмен еле сдерживался, чтобы не броситься на негодяя. Сдерживался, потому что понимал: Уртил болтает с единственной целью — довести его до такого состояния, когда он выскажет все, что есть на душе. И поэтому Бигмен заговорил тихо и нежно.

— А известно ли тебе, о вонючий козел, что, если вытрясти из тебя всю гадость — ничего, кроме грязной шкуры, не останется?

— Заткнись! — гаркнул Уртил.

Но Бигмен не останавливался.

— Стреляй, дрянь! Стреляй! Или поджилки трясутся? А отобрать у тебя оружие — наверное, вообще умрешь со страху, а? — Он старался задеть Уртила почувствительней, уязвить так, чтобы тот взвыл от ярости. Когда глаза налиты кровью, — не так-то просто целиться, и у Бигмена появился бы шанс на спасение...

Но Уртил был спокоен.

— Заткнулся бы, а? — предлагал он. — Ведь шлепну же, шлепну! И главное, ничего мне за это не будет! Ничегошеньки! Вынужден был, скажу! В целях самообороны, поясню! И все мне поверят — вот ведь какая штука!

— Но уж Лакки-то тебе, допустим, не провести — и не мечтай!

— Твой бедный Лакки будет занят собственными проблемами! И его мнение — после того, как я выведу этого проходимца на чистую воду, — никого уже не заинтересует!

Его рука, сжимающая бластер, шевельнулась.

— Клоп, а не попытаться ли тебе дать тягу?

— Тягу! — эхом отозвался Бигмен.

— Ах да... Не получится... — цокнув с сожалением, Уртил стал деловито прицеливаться, хотя это было совершенно излишним — промахнуться с такого расстояния невозможно.

Бигмен пытался угадать момент для прыжка, подобного прыжку Лакки там, наверху. Но ведь здесь не было никого, кто отвлек бы Уртила, как Бигмен проделал это с Майндсом! И состояние этого ухмыляющегося типа далеко не истерично... И все же Бигмен напряг свои мышцы для прыжка, быть может, последнего в жизни.

9. Тьма и свет

И вдруг Бигмена оглушило хриплым криком!

Они по-прежнему стояли друг против друга, одни в этом мраке, прорезая темноту лучами фонарей. Вне лучей, казалось, не существовало ничего, и поэтому предмет, быстро пересекавший яркую полосу, даже не напугал Бигмена, а вызвал лишь слабое недоумение.

Потом вспыхнула мысль: «Лакки! Он вернулся!»

Но загадочное движение повторилось, и теперь Бигмен увидел, как узкая полоска породы отделяется от стены и медленно падает вниз!

Достигнув плеча Уртила, она прилипла к нему, обнаружив поразительную гибкость. Да! Камень гнулся, как веревка!

Другая полоска уже обвила талию Уртила, а еще одна, зацепившись за кисть одним своим концом, коснулась нагрудного регулятора, и рука была тут же прижата к груди.

— Холодно! — сдавленно просипел Уртил. — Они холодные! — Голос его был полон невыразимого ужаса.

Ошалевший Бигмен пытался что-то понять. Он тупо наблюдал, как эти странные штуки скручивают здоровяка Уртила совсем шутя, как они обматываются вокруг руки, бластера, тела...

Вот еще одна опустилась на Уртила.

Полоски были несомненно единым организмом. Но тела, или центра, или какого-то подобия им не было! Каменный осьминог, состоявший, однако, из одних лишь щупалец, — вот что ползало по Уртилову скафандру.

В мозгу Бигмена вспыхнула догадка...

На Меркурии есть жизнь, совершенно отличная от земной и от всех форм, известных землянам. Жизнь, которая существует только благодаря время от времени перепадающему теплу, в поисках которого щупальца переползают с места на место. Здесь, у северного полюса, они оттого опять-таки, что когда-то шахты, а теперь Купол снабжает их живительными струйками тепла. И человек со своими традиционными тридцатью шестью и шестью, да еще системой обогрева, для них — весьма лакомый кусочек. Шахтер, к примеру... Парализованный внезапным холодом и ужасом, он даже не способен позвать на помощь. А спустя несколько минут он уже слишком слаб для этого. Еще немного времени — и получайте, ребята, окоченевший труп.

Все это пронеслось в сознании Бигмена почти мгновенно, и он даже не успел шевельнуться.

— Не могу... — Шепот Уртила вывел марсианина из

оцепенения. — Помоги... помоги мне... замерзаю...

— Держись! — крикнул Бигмен. — Иду!

То, что этот человек просто не успел с удовольствием убить его, сразу вылетело из головы. Бигмен думал об одном: человек в беде, ему нужна помощь!

С тех самых пор как люди отважились покинуть Землю и выйти в полный загадок и опасностей космос, — существовал неписанный закон, строгий и непреложный. По нему все распри между людьми должны быть забыты при появлении врага извне.

Возможно, и не все следовали этому закону, но для Бигмена он был свят.

Одного энергичного прыжка хватило, чтобы оказаться рядом с Уртилом и с силой потянуть его за руку.

— Помоги... — слабо простонал тот.

Бигмен ухватился за бластер, судорожно сжимаемый Уртилом, и стал вырывать, опасливо поглядывая на щупальца, обвившие приклад. Теперь было видно, что гибкость этой мерзости обуславливалась ее мелким членением на сегменты, жесткие и непонятным образом соединенные.

Свободная рука, которой Бигмен пытался упереться в Уртила, случайно коснулась одного из щупалец — коснулась и тут же рефлекторно отдернулась: Бигмена пронзил обжигающий холод.

Было непонятно, каким образом отбирают тепло эти существа. Они не походили ни на одну из известных Бигмену тварей. Ему не приходилось даже слышать о чем-то подобном...

Бигмен продолжал возиться с бластером. Он так увлекся, что поначалу не заметил легкого прикосновения к спине. А когда заметил, было поздно. Нестерпимо холодное щупальце уже обхватило его и накрепко привязали к Уртилу.

Боль от холода усиливалась с каждой секундой, и Бигмен с отчаянием обреченного пытался вырваться из мощных безжалостных объятий.

— Бесполезно... — пробормотал Уртил, и его равнодушие испугало марсианина больше всего...

Уртил зашатался и мягко повалился набок, увлекая за собой Бигмена, который уже не ощущал своего тела и чьи мысли превращались в густой, неподвижный сироп.

Свет фонаря становился все более тусклым, по мере того как ненасытные щупальца наслаждались своим коктейлем из тепла и энергии.

Смерть поглядывала на часы.

Лакки, расставшись с Бигменом, сразу же поспешил на «Метеор», где облачился в новый скафандр. Спустя короткое время он уже был на поверхности Меркурия.

Повернувшись к короне, он задумчиво разглядывал ее молочное свечение — «Белого Духа», как здесь принято было говорить.

Тело Лакки привыкло к незнакомому скафандру. По сравнению с обычными, эта модель была удивительно эластичной, что, в сочетании с ее не менее удивительной легкостью, — несколько даже пугало. Казалось, что ты ничем не защищен от окружающего вакуума... Лакки, будучи нормальным человеком, тоже испытывал некоторую тревогу по этому поводу, — но вскоре успокоился.

Небо переливалось своими бесчисленными звездами. Прошло уже два дня по Стандартному времени с тех пор, как он видел его в последний раз. Меркурий успел преодолеть 1/44 своего обычного пути вокруг Солнца. Это означало, что примерно 8 градусов неба выползло с восточной стороны и столько же исчезло на западе. Появились новые звезды и планеты. Взошли Венера и Земля.

Венера была как сверкающий бриллиант, гораздо более яркий, чем показалось бы с Земли, — оттуда наблюдатель никогда не видел ее такой, полностью освещенной.

Сейчас Венера находилась в 33 миллионах миль от Меркурия, и все же свет этой крошечной блески был сильнее света короны.

Лакки подумал о том, что за его спиной — две тени, бледная и черная. А может быть, и третья, порожденная светом Земли.

Земля, висевшая у самой линии горизонта, выглядела куда более тусклой, чем Венера. Это объяснялось большей удаленностью от Солнца, а также незначительной облачностью.

Но сине-зеленый свет, исходящий от Земли, — завораживал, и Венера уже казалась самой прозаичной электролампой.

Рядом с Землей, всмотревшись, можно было заметить желтое пятнышко Луны. Эта пара являла собой уникальное зрелище, оценить которое мог всякий, находящийся на планетах внутри орбиты Юпитера. Казалось, по небу блуждают огромные часы с маятником... Лакки, конечно, понимал, что это не лучший момент для созерцаний, — и ничего не мог с собой поделать. Чем дальше забрасывала его судьба, — тем нежнее любил он родную планету. Квадриллионы людей давно разлетелись по всей Галактике, — но разлетелись-то они именно оттуда, с Земли, и только там их единственный Дом...

Лакки решительно тряхнул головой. Нужно приниматься за дело.

Энергичным шагом он направился в сторону светящейся короны. Его ноги едва касались грунта, а фонарь освещал многочисленные неровности.

Мысль, которая погнала Лакки сюда, была, собственно, даже не мыслью, а так, ничем не подкрепленным предположением. Лакки всегда избегал обсуждать такого рода предположения с кем бы то ни было и даже не слишком разрабатывал их в своем мозгу, — чтобы, превратившись в версии, они не перекрыли доступ свежим идеям... Ему часто приходилось наблюдать подобное в Бигмене, который любую зыбкую полумысль норовил тут же возвести в ранг неоспоримой истины...

Лакки нежно улыбнулся, вспомнив о своем экспансивном друге. Да, конечно, Бигмен частенько вел себя неблагоразумно, никому и никогда не докучая своей уравновешенностью. Но каким преданным он был всегда, сколько бесстрашия в этом малыше! Такое понадежней, чем если бы за Лакки стояла целая флотилия грозных космических крейсеров...

Неунывающего марсианина Старру сейчас явно не хватало, и чтобы поскорей отвлечься от грустного, он принялся думать о другом.

До чего ж прекрасно все успело запутаться с того момента, как Лакки ступил на поверхность Меркурия! Сплошные вопросительные знаки.

Взять хотя бы Майндса. Весьма неуравновешенный, дерганный тип, что и говорить... Но не настолько же, чтобы поливать человека из бластера, как из лейки! Тут, скорее всего, был и какой-то расчет. А кто есть Гардома? Друг Майндса и романтик, носящийся с идеей Светового Проекта, или он притворяется с доверчивым инженером из каких-то практических соображений! Вопросы, вопросы...

А тут вам еще и Уртил, он же — генератор напряженности. Парень явно вознамерился развалить Совет, и пока что объектом его наскоков прежде всего является Майндс, страстно ненавидящий Уртила. Самоуверенность этого фрукта вызывает, впрочем, неприязнь и в Гардоме, и в Пивирейле. Последний, правда, старается не проявлять своих чувств, избегая всяких разговоров об Уртиле.

Кук тоже обходит Уртила стороной. Во всяком случае, за столом он позволил себе лишь мельком взглянуть на того. Что это — нежелание нарваться на грубую реплику? Или причины глубже? Кук невысокого мнения о Пивирейле и считает, что старик слегка помешался на сирианских кознях... Кстати, о кознях. Кому понадобилось резать скафандр?

Поток этих мыслей был прерван неожиданной картиной, открывшейся взору Лакки, который только что взобрался на гору.

Над изломанной линией горизонта грозно ворочались исполинские протуберанцы. Ярко-красные струи, лениво и

причудливо изгибаясь, двигались вверх. Безоблачная, незагрязненная и крайне разреженная атмосфера Меркурия доносила всю красоту этого зрелища без малейших потерь. Казалось, языки пламени лижут планету.

Один такой протуберанец, подумал Лакки, мог бы легко вместить в себя сотню шаров размером с Землю или же несколько тысяч Меркуриев.

Он выключил ненужный пока фонарь.

Все скалы вокруг стали двухцветными. Сторона, обращенная к Солнцу, ярко пылала, а противоположная — была чернее дегтя.

Рука Лакки отбрасывала на скафандр густую тень. Грунт, казалось, на глазах становился все более неровным и напоминал скомканную, а затем кое-как расправленную фольгу.

Лакки снова двинулся вперед, навстречу поднимающемуся светилу. К моменту, когда должна была появиться основная часть Солнца, он рассчитывал уже пересечь терминатор. Лакки спешил на солнечную сторону, к возможной разгадке тайны, — и даже не подозревал, что его верный друг Бигмен в эти минуты замерзает.

10. Солнечная сторона

Огненные фонтаны протуберанцев били все сильнее, и звездное небо блекло на глазах.

Лакки ускорил шаг, но энергии, которая захлестывала его, было этого мало, и Лакки побежал. Он мог бы бежать и бежать, не устывая, часами. Так, во всяком случае, ему казалось.

А затем без предупреждения, которое в виде утренних сумерек привыкли получать земляне, показалось Солнце.

Оно было пока лишь тончайшей линией, невыносимо яркой и обрывающейся у огромной уродливой скалы.

Лакки оглянулся. Грунт позади него был весь в красных красках. А у самых ног причудливо играли крупные кристаллы.

Он бежал туда, где стремительно разбухала горящая нить... Солнечный диск был так близок и так огромен, что верхняя его часть выглядела совершенно прямой.

Пылающие протуберанцы были видны и теперь, но лишь у самой кромки короны и походили на рыжие развевающиеся волосы.

Только совершенство скафандра позволяло Лакки наслаждаться всем этим. Ведь если бы его глаза не были должным образом защищены, он давно бы ослеп или даже умер, потому что человек не может выдержать такую в буквальном смысле ослепительную яркость, такое интенсивное ультрафиолетовое излучение. Лицевая пластина шлема обладала поистине замечательным свойством становиться все более темной и матовой по мере возрастания яркости падающего на нее света.

Скафандр был напичкан разного рода защитными хитростями. Так, свинец и висмут отражали ультрафиолетовые и рентгеновские лучи. А положительно заряженные протоны космического излучения легко рассеивались одноименным зарядом оболочки. От жары защищала надежная теплоизоляция, а также зеркальное покрытие скафандра — тончайший молекулярный слой, активируемый при помощи нагрудного регулятора... Только одно вызывало досаду — отсутствие прочного металлического каркаса. Скафандр был уязвим для старого доброго удара дубиной и для прочих деликатностей этого ряда.

Уже целая миля солнечной стороны была за спиной, однако особой жары Лакки не чувствовал. Это несколько его не удивляло, так как в отличие от тех, кто знал космос лишь по бесчисленным и бойким субэфирным триллерам, Лакки не был уверен, что солнечная сторона всякой безвоздушной планеты —

это обязательно невыносимая жара. Все зависело от того, насколько высоко в небе находится Солнце. Когда оно — как сейчас — выглядывало из-за горизонта, вполне сносное тепло мелкими волнами растекалось по огромным пространствам. Но стоило человеку зайти подальше, в ту часть, где Солнце — наверху, над головой — и вот тут вспоминались все когда-либо виденные «страшилки»...

Свет и жара распространялись здесь строго прямолинейно, и поэтому спасительные островки тени были неразбавленно-черными и удивительно холодными. По мере того как Солнце поднималось все выше, тени — кроме имевших надежное укрытие — сгорали.

Когда Лакки впервые ступил в тень огромной скалы, ему показалось, что он нырнул в прорубь. Без фонаря здесь невозможно было что-либо разглядеть, а в двух шагах чуть ли не скворчала яичница меркурианского грунта.

Атмосфера Меркурия была, конечно, далека по своему составу от земной. Азота, кислорода, двуокиси углерода или водяных испарений — всего этого не было и в помине. Однако здесь, на солнечной стороне, поверхностному слою планеты время от времени приходилось кипеть. Серные и прочие пары стлались над лопающимися пузырями. В тени же эти пары превращались в подобие вязкого инея.

Дотронувшись до темного грунта, Лакки брезгливо отдернул руку. Пальцы были выпачканы замерзшей ртутью, которая — когда он покинул свое убежище — сразу растаяла, а потом и вовсе испарилась.

Солнце палило нещадно, но Лакки не был обеспокоен этим, зная, что в любой момент он может спрятаться и остыть. Вот чего действительно следовало опасаться, так это коротковолновой радиации... Лакки вспомнил рассказ Майндса об удивительном существе, которое разгуливает здесь, как по пляжу. Да, такое может озадачить кого угодно...

Под ногами то и дело мелькали темные, почти черные пятна, усиливающие и без того крайнюю унылость красновато-серого пейзажа. Если красное с серым было знакомым еще по Марсу, где в избытке подобной мешанины из силикатов и окиси железа, то чернота оставалась непонятной.

Лакки остановился перед одним из пятен. Как будто в лунку был насыпан какой-то порошок — так это выглядело. С ладони Лакки лениво стекла струйка не то графита, не то сульфида железа.

Он снова укрылся в тени... Итак, за полтора часа пройдено 15 или около этого миль, если судить по Солнцу, выкатившемуся

целиком. Не так уж плохо...

Он отхлебнул питательной смеси и огляделся. И слева, и справа тянулись кабели злосчастного Светового Проекта. Их паутиной были опутаны сотни квадратных миль, и то, что Майндс так и не изловил диверсанта, — вполне закономерно. Он тыкался наугад и, кроме того, о своих вылазках неизменно предупреждал администрацию. Но ведь кто-то, в таком случае, мог предупредить и диверсанта! Потому-то Лакки и отправился сюда втайне от всех...

И еще одно преимущество было у него перед Майндсом — эргометр, который в эту минуту, освещенный фонарем, посверкивал на ладони.

Индикаторная лампочка вспыхнула с неимоверной яркостью, когда на нее упали солнечные лучи. Лакки удовлетворенно улыбнулся и вышел из тени.

Он внимательно посмотрел вокруг. Не скрывается ли где-то поблизости невидимый пока источник атомной энергии?

Индикатор вспыхивал всякий раз, когда рука с эргометром опускалась вниз. Но этому было объяснение: на глубине одной мили располагалась силовая установка Купола.

Лакки, вытянув обе руки вперед и держа эргометр лишь указательными пальцами — чтобы скафандр не мешал работе прибора, — стал совершать медленные обороты вокруг собственной оси — один, другой, третий...

И вдруг — или только показалось? — вспыхнуло! Лишь на короткое мгновение, но вспыхнуло!

Лакки тут же проверил, не ошибся ли он. Никакой ошибки!

Пристально посмотрев туда, откуда шли эти слабые импульсы, Лакки зашагал вперед. Чуткий эргометр, конечно же, мог прореагировать и на самую обычную радиоактивную руду, но проверить не мешало...

Пройдя с милую, Лакки остановился перед кабелем Майндса. Точнее, перед многоцветным множеством кабелей самой разной толщины, уложенных в едва намеченную траншею. Пройдя вдоль нее несколько сотен ярдов, он наткнулся на небольшую, примерно четыре фута на четыре, квадратную пластину, металл которой был отполирован до совершенства. Звезды отражались в ней, как в луже чистой воды.

Пристроившись рядом, Лакки стал с любопытством разглядывать зеркальный квадрат. Он заметил, что пластина начала изменять угол своего наклона, поворачиваясь к Солнцу. И вдруг квадрат стал матово-черным, причем именно в тот момент, когда на него должен был упасть солнечный луч! Но вскоре матовость стала слабеть, слабеть — и вот уже отвернувшийся от

Солнца квадрат сверкал как ни в чем не бывало.

Лакки проследил три цикла этой метаморфозы — и всякий раз, как только квадрат принимал вертикальное положение, блеск исчезал. Насколько равномерно чередовались фазы, Лакки даже не пытался выяснить. При его скромных познаниях в гипероптике, это вряд ли что-то бы дало. В голове его ничего, кроме мыслей о том, что сотни, а может быть, и тысячи таких вот квадратных поглощают и отражают солнечный свет — ничего, кроме, таких мыслей, не высекалось...

Таким способом, очевидно, улавливается световая энергия, а порванные кабели и разбитые пластины снижают, естественно, эффективность всей системы. А вот кто здесь безобразничает — предстоит еще выяснить, если предстоит...

Лакки, поглядывая на эргометр, снова шел вперед. По тому, как странно вел себя индикатор — интенсивность свечения непрерывно и беспорядочно менялась, — можно было уже догадаться, что объект во всяком случае не радиоактивная руда. Он передвигался и был, возможно, человеком!

В подтверждение своих мыслей Лакки увидел впереди едва приметное пятнышко. Это произошло как раз в тот момент, когда он уже совсем было собрался в очередной раз передохнуть в тени.

Туда, быстрее туда! На скафандре уже, наверное, можно было кипятить воду, но сейчас это казалось не таким существенным. Главное было — успеть!

Движения фигуры (Лакки приблизился настолько, что мог ее рассмотреть) не поражали своей грациозностью. Во всяком случае, Лакки чувствовал себя в условиях низкой гравитации куда свободней. Походка же того, кто двигался впереди, представляла собой крайне нелепое зрелище. Это было неким шкандыбанием — весьма, впрочем, стремительным.

Но самым удивительным было то, что на нем отсутствовал скафандр! Парень, казалось отсюда, был просто сделан из металла!

Лакки позволил себе немного передохнуть в тени и, охладившись, снова вышел на солнце.

Фигура тем временем продолжала свой моцион и в тень, в отличие от своего взмокшего преследователя, отнюдь не стремилась. Но Лакки, который уже все понял, не удивлялся таким мелочам.

Он спешил, потому что жара сделалась почти нестерпимой, а ему еще предстояло поработать...

Гигантские 15-футовые шаги стоили Лакки огромных, на грани возможного, усилий воли и мышц.

— Эй, ты! — крикнул он наконец. — Отдохни-ка, приятель! И

для начала — повернись ко мне!

Лакки вложил в эти слова всю властность, на какую был способен, не будучи, однако, уверенным, что его услышат.

Фигура тотчас застыла, а потом, неуклюже переминаясь, развернулась. Стоящий перед Лакки — не был человеком...

11. Диверсант

В нем было футов семь росту, и он буквально сверкал под солнечными лучами. Он не имел ни плоти, ни крови, а одни лишь холодные хитроумные устройства, питаемые микрореактором, на который-то и прореагировал эргометр.

Конечности монстра были уродливо огромными, и стоял он, широко расставив ноги. Два фотоэлемента были его глазами, а узкая прорезь в нижней части головы обозначала рот.

Да, это был робот. И робот не земного производства, как сразу понял Лакки. На Земле никогда не существовало подобных моделей.

Щелевидный рот беззвучно открывался и закрывался.

— Я не слышу в вакууме, робот! Включи передатчик! — Лакки сказал это строгим тоном, на всякий случай.

— Что вы тут делаете, сэр? — равнодушно проскрипело в шлемофоне.

— Вопросы буду задавать я, — ответил Лакки. — Чем ты занимаешься здесь?

— Разрушаю определенные объекты через определенные отрезки времени. — Это была характерная для роботов откровенность.

— Кем ты запрограммирован?

— Я не должен отвечать на этот вопрос.

— Хорошо, не надо... Ты — сирианского производства?

— Я создан на одной из планет Сирианской системы.

Лакки досадливо поморщился. Этот скрип раздражал его. Земные роботы, которых он видел в экспериментальных лабораториях, обычно были снабжены специальными голосовыми коробками, издающими вполне приличные звуки. Нет, сирианцы напрасно пренебрегают этой стороной дела... Жара прервала его размышления.

— Робот! Я должен найти затемненное пространство! Ты отправишься со мной!

— Я покажу вам ближайшую тень. — Сказав это, робот поспешил к скале.

Лакки, едва поспевавший за ним, внимательно наблюдал за странными движениями металлических ног.

То, что издали казалось неуклюжестью, было на самом деле хромотой, причем какой еще хромотой!

Второй явный дефект в, казалось бы, совершеннейшем творении поганых сирианских ручонок! Не многовато ли?

А ведь он может быть просто-напросто уязвим для здешней

жары! — внезапно подумал Лакки, и жалость охватила все его существо.

Теперь он смотрел на ковыляющего впереди робота почти с нежностью, думая о платино-иридиевом чуде, скрытом под массивным стальным черепом.

Позитроны, невообразимое их число, квадриллионы квадриллионов — рождались и исчезали в миллионные доли секунды. И след, оставленный ими, был грубым подобием работы человеческого мозга.

Поведение гуманоидов жестко регламентировалось Законами робота, которых было три.

Согласно Первому из них, действия или пассивность робота не должны причинять вред человеческому существу. Это был основной Закон.

Второй Закон предписывал роботу подчиняться приказам человека, если они не вступают в противоречие с Первым Законом.

Третий Закон позволял роботу защищать себя, если это не нарушало Первый и Второй Законы...

Лакки был выведен из состояния задумчивости тем, что робот внезапно споткнулся. Да, он споткнулся и едва не упал, хотя грунт под ногами был ровным! Как стол! И все-таки робот потерял равновесие. А потом, как будто ничего не произошло, двинулся дальше.

Что-то с тобой творится... — тревожно подумал Лакки.

Войдя в тень, он включил фонарь и осветил робота.

— А что, Первый Закон уже отменили? И ты теперь можешь крушить все подряд, да?

— Я должен подчиняться приказам. — Отсутствие интонаций звучало сейчас как издевательство.

— Приказы? Но ведь это всего лишь Второй Закон! И, выполняя его, ты нарушаешь Первый!

— Не нарушаю, сэр. Я не видел людей, я не мог причинить им вред.

— Однако ж причинил — тем, кого не видел.

— Я не видел людей, я не мог причинить им вред, — упорно талдычил робот, и Лакки окончательно уверился в том, что перед ним не самая удачная модель. — Я должен был избегать людей, — не умолкал робот. — Меня заранее предупреждали об их появлении. Меня заранее не предупредили о вашем появлении.

Лакки задумчиво оглядывал меркурианский ландшафт, вспоминая рассказ Майндса о двух безуспешных попытках приблизиться к шпиону. Если бы он, Лакки, не отправился сюда тайком от всех, захватив к тому же эргометр, — робот вряд ли

был бы обнаружен...

— Кто предупреждал тебя о появлении людей?

Лакки, разумеется, не надеялся, что робот тут же во всем и признается.

Перехитрить его было так же просто, как перехитрить, скажем, фонарь.

— Я проинструктирован не отвечать на этот вопрос, — проскрипел робот. — Не задавайте вопросов, расстраивающих систему, пожалуйста.

— Ух ты! Ну, если уж ей нипочем даже нарушения Первого Закона — система крепкая...

Он вышел из тени и, обернувшись к следующему за ним роботу, спросил:

— Твой серийный номер?

— RL-726.

— Ну так вот, дорогой RL-726... Надеюсь, ты уже догадался, что я человек?

— Да, сэр.

— И понимаешь, что моя экипировка исключает длительное пребывание в этой жаре?

— Моя также, сэр.

— Да-да... — Лакки вспомнил о том, как робот чуть не упал. — Но для человека, видишь ли, это куда опаснее...

— Да, — покладисто отозвался робот.

— Идем дальше... Ты ведь знаешь, что мне не по вкусу твои проделки, и я хочу узнать, кто приказал тебе выводить из строя оборудование...

— Я проинструктирован...

— А если ты не скажешь мне, — повысив голос, продолжал Лакки, — то я останусь здесь и Солнце убьет меня. Ты, таким образом, образцово нарушишь Первый Закон, умышленно не отведя от меня опасность...

Робот долго молчал. За это время в нем обнаружился очередной дефект — часто замигал левый глаз. А потом послышалось неразборчивое, какое-то пьяное бормотание:

— Перенесу... безопасс... месс...

— Но я буду сопротивляться! И ты причинишь мне вред! — радостно возразил Лакки. — Ответив же на мой вопрос, ты спасешь мою жизнь, RL-726!

RL безмолвствовал.

— Ну, так как? Будем отвечать или нет?

Тут робот с неожиданной резвостью метнулся вперед к, остановившись в двух шагах от Лакки, равнодушно проскрипел:

— Я просил вас не задавать мне этого вопроса, сэр.

После чего огромные его руки угрожающе протянулись к человеку, но тут же приняли исходное положение.

Лакки наблюдал за всем этим совершенно спокойно, чуть ли не насвистывая. Он прекрасно знал, что робот не способен причинить вред человеческому существу. Не способен — и все тут.

Но робот снова поднял одну из рук и прижал ладонь к голове так, будто он был человеком и она у него болела.

Головная боль!

Страшная догадка пронзила Лакки, и он оценил всю глубину своего идиотизма.

Не ноги робота, не голос и не глаза были испорчены! Не на них повлияла эта жара! Был поражен сам позитронный мозг! Он не выдержал высокой температуры и щедрой радиации!

Как долго жгли его эти ласковые лучи, будь они неладны? Месяц? Два? А может быть, год?

Итак, мозг, пусть даже частично, но разрушен. Если бы речь шла о человеке, то можно было бы говорить об одной из стадий психического расстройства.

Сумасшедший робот! Настоятельно рекомендую: робот, свихнувшийся от жары и радиации!

Долго ли еще будут держаться в его потрепанных извилинах Законы робота?

RL-726 приближался к нему, вытянув вперед свои ручищи. Похоже было, что Лакки своими милыми вопросиками вызвал в позитронном мозгу настоящий обвал.

— Как ты себя чувствуешь, робот? — бодро поинтересовался он и попятился.

Робот молча наступал.

И Лакки с ужасом понял: если уж он с такой легкостью намеревается преступить священный Первый Закон — от позитронного мозга осталось одно название. Оттянуть время! Нужно оттянуть время и попытаться найти какой-то выход!

— У тебя, случайно, не болит голова, а, RL?

— Я не знаю значения слова «болит».

— Вот как? — светски удивился Лакки. — Что-то мне жарковато... Пойдем-ка лучше в тень! Тут такие замечательные тени — просто не верится! — И он игриво потрусил к скале.

— Я должен устранять все, что мешает исполнению отданных мне приказов, — равнодушно сообщил робот.

— А как же! — согласился Лакки, вытаскивая бластер.

Он вовсе не горел желанием уничтожить этого бедолагу. Такой шедевр, пусть даже контуженный, мог бы очень пригодиться Совету.

— Стоять! — приказал Лакки, резко повернувшись.

Только прерывистость движений металлической руки позволила ему избежать страшного удара. Легко оттолкнувшись от грунта, Лакки прыгнул в сторону.

Если бы удалось заманить робота сюда, в тень, и остудить его раскаленную голову, Лакки смог бы договориться с ним по-хорошему, не применяя оружия.

Если бы, если бы...

Снова прыжок — и черный, поднятый ногами робота песок без промедления — разреженное пространство не ведало пыли — упал на грунт.

Это была жуткая пляска человека с роботом, отчаянная и беззвучная.

К Лакки потихоньку возвращалось спокойствие. Он видел: движения робота становятся все более беспорядочными, бестолковыми.

Но тот был все еще опасен. Он теперь явно преграждал дорогу к тени, пытаясь этим убить человека.

Внезапно Лакки остановился. Замер и робот. Они стояли в пяти футах друг от друга, на большом сульфидном пятне, чернота которого делала жару еще более нестерпимой. Лакки чувствовал приближение обморока. Но между ним и тенью стоял робот.

— Ну-ка, лыжню! — с трудом разлепив губы, прохрипел Лакки.

— Я должен устранять все помехи. Вы являетесь таковой, сэр, — терпеливо объяснил ему робот.

И Лакки понял, что выбора больше нет. Угроза его собственной жизни вынуждает уничтожить робота. Он поднял бластер.

Но жара и чрезмерное утомление заменили мышцы ватой! И рука поднималась медленно, очень медленно!

Робот сжал ее — и бластер плавно опустился на грунт. А потом Лакки оказался в железных объятиях, но это уже ничуть не волновало. Единственное, о чем он думал, было: жара, жара, жара...

RL обнял его еще крепче, хотя в этом не было никакой необходимости, ни один человек не мог противостоять такой чудовищной силе.

Откинувшись назад и вздрагивая в такт неровной поступи, Лакки тупо размышлял о том, как ненадежны все-таки скафандры этой модели, особенно если тебя вот так сердечно обнимают, чуть что — и получите дырку...

Рука Лакки безвольно болталась, оставляя след на рыхлых пятнах черного песка, когда в его сонном мозгу вспыхнула

неожиданная идея.
Это был шанс!

12. Перед дуэлью

Переплет, в который попал Лакки, был причудливым отражением происходящего с Бигменом. Последнему, правда, угрожала не жара, а все более возраставший холод. Каменные «веревки» сжимали так же верно, как руки безумного робота. Но маленький марсианин не оставлял попыток овладеть оружием, судорожно зажатым рукою Уртила.

И это удалось ему! Причем настолько внезапно, что тяжелый бластер едва не выпал из окоченевших пальцев.

— Чтоб тебя разорвало! — испуганно пробормотал Бигмен и сжал приклад крепче.

Знать бы уязвимое место этих щупалец — они сразу получили бы свою порцию заряда. Ну, а пока — рисковать не стоило...

При помощи нагрудного регулятора он свел подачу энергии к минимуму.

Холоднее стать уже не могло — и не стало.

Теперь нужно было активировать бластер, желательно, не выронив его. Крайне желательно — не выпустив его из своих дырявых рук!

Указательный палец дотянулся до кнопки и нажал ее.

Бластер стал быстро нагреваться, сообщая об этом красноватым свечением. Конечно же, такое обращение шло во вред энергосистеме, ведь бластер никак не предназначен для обогрева.

Собрав последние силы, Бигмен отбросил оружие как можно дальше от себя. Все вокруг задрожало, стало зыбким, ирреальным...

А потом он почувствовал первый прилив тепла, которое слабо сочилось из энергоблока. Энергия уже не уходила в ненасытные щупальца — вот что это означало!

Бигмен недоверчиво повел плечами. Потом осторожно шевельнул ногой. Ничего больше не сковывало движений!

Вот зажегся скафандровый фонарь, и луч его осветил то место, куда только что полетел бластер. Там медленно копошился отвратительный клубок щупалец.

Вздвогнув, Бигмен порывисто схватил бластер Уртила, настроил его на минимальный режим, потом включил и бросил туда же, в качестве добавки.

— Эй, Уртил, ты меня слышишь?

Ответа не последовало.

И Бигмен, маленький Бигмен, потащил огромного детину Уртила на себе. Фонарь пострадавшего слегка мерцал, а это

значило, что в энергоблоке кое-что осталось и температура в скафандре скоро должна нормализоваться.

Бигмен, не колеблясь, связался с Куполом, понимая, что теперь, когда он обессилен, а в энергоблоке почти ничего, еще одна встреча с местными ребятами была бы ему в тягость...

Нашли их удивительно быстро.

После двух чашечек кофе и необыкновенно вкусной горячей еды к Бигмену, окруженному теплом, светом и заботой, вернулся его обычный оптимизм. О пережитом он вспоминал не то чтоб с удовольствием, но и без особого ужаса.

Пивирейл крутился возле и был похож на взволнованную наседку. Его седая шевелюра была в полном беспорядке.

— Вы действительно хорошо себя чувствуете, Бигмен? Совершенно никаких симптомов? — допытывался он.

— Я чувствую себя изумительно, мистер Пивирейл! Как никогда! А что Уртил? Надеюсь, он тоже в порядке?

— По-видимому, да, — холодно ответил астроном. — Доктор Гардома, во всяком случае, не видит никаких оснований тревожиться за его состояние.

— Чудесно! — кровожадно обрадовался Бигмен. — Замечательно! Превосходно!

— Вы так о нем беспокоитесь? — удивился Пивирейл.

— Да, сэр! Этот человек мне очень дорог! Нас так иного связывает!

Вбежал взволнованный Кук.

— Туда послана большая группа! Возможно, нам удастся изловить парочку этих созданий! В качестве приманки используются камеры, наполненные постоянно подогреваемым воздухом! — Он был явно горд своей изобретательностью. — Вы, кстати, удачно отделались, мой друг! — Эти слова были адресованы уже непосредственно Бигмену.

— Что?! — Голос оскорбленного марсианина едва не перешел в ультразвук. — Удачно отделался?! Это моя удачно наполненная голова спасла меня, если хотите знать! Как следует поразмыслив, я понял, что этим тварям нужно только тепло, — и лишь потом перешел к решительным и единственно правильным действиям! Которые и увенчались!

Дождавшись окончания тирады, Пивирейл удалился, и Бигмен с Куком повели неторопливую беседу.

— Представьте! — начал Кук. — Вы только представьте! Все эти истории о замерзших шахтерах — чистейшая правда! Вы только подумайте! Это ж надо — каменные щупальца, всасывающие энергию! А? Каково? Да-а... А вы точно их описали, Бигмен?

— Вполне. Поймав одну из этих симпатяг, вы убедитесь в этом.

— Какое грандиозное открытие! — И Кук, схватившись обеими руками за голову, стал бегать взад-вперед.

— Мистер Кук, а как же так вышло, что это грандиозное открытие не было сделано раньше?

— Но вы же сами говорили, что эти существа замечательно растворяются в окружающей их среде! Мимикрия — это вам не что-нибудь! А кроме того, они ведь, мерзавцы, атакуют только одиноких людей, чтоб уж справиться наверняка! И кто знает, может быть, это рудиментарные остатки бывшего интеллекта заставляют их прятаться в темноте, а не просто инстинкт самосохранения... Надо же, как все обернулось! Уже лет тридцать в шахты никто не спускался, и все тепло оттуда, естественно, ушло. Однако они не решались штурмовать Купол — такой тепленький, соблазнительный... Когда же люди сами спустились к ним — искушение стало непреодолимым, и одно из этих существ напало, напало даже при свидетеле!

— Мистер Кук, а почему бы им не перебраться на солнечную сторону? Уж там-то они не озябли бы!

— Полагаю, что эта мысль приходила в их отсутствующие головы, и было решено подождать, пока Солнце немного остынет.

— Но ведь кинулись же они на раскаленный бластер!

— Значит, им не по вкусу радиация! Кстати, на солнечной стороне может обнаружиться еще один вид этих существ — кто знает...

Идеи вылетали из Кука одна за другой.

— Значит, вы спасли Уртилу жизнь? — спросил он ни с того ни с сего, перебив самого себя.

— Да, — кивнул Бигмен.

— Ну что ж, может быть, это и к лучшему... Если бы он умер — обвинили бы наверняка вас. Сенатор Свенсон своими речами уж обольет так обольет. И вас, и Старра, и Совет — покрыло бы толстым слоем...

— Послушайте! — нетерпеливо перебил его Бигмен. — Когда я смогу увидеть Уртилу?

— Как только доктор Гардома позволит вам встать, — несколько озадаченно ответил Кук.

— В таком случае, пожалуйста, свяжитесь с доктором и передайте ему, что я в полном порядке.

Кук подозрительно посмотрел на маленького марсианина.

— А ну-ка, выкладывайте, что вы там еще задумали?

И Бигмен изложил свой план.

Гардома открыл дверь и жестом пригласил Бигмена войти.

— Он ваш! — прошептал доктор. — А я исчезаю!

Облегченно вздохнув, он действительно исчез.

Бигмен и Уртил смотрели друг другу в глаза.

Джонатан Уртил был мертвенно-бледен, и ему стоило немалых усилий растянуть свои губы в ухмылке.

— Ты, конечно, приперся, чтобы справиться о моем здоровье? Должен тебя огорчить, дружок, — я цел и невредим!

— Да уж вижу... Но приперся я еще и затем, чтобы узнать: ты до сих пор считаешь, что Лакки Старр сооружает некое подобие сирианской базы?

— Считаю, милый, считаю. И собираюсь это доказать.

— Заранее зная, что это ложь, грязная ложь! И доказательства твои будут не чище! Впрочем, не ждатель же, в самом деле, что ты, хотя бы из чувства благодарности к спасшему твою жизнь...

— Чего-чего-чего? О каком спасении ты говоришь! Лично меня никогда и никто не спасал. В этом просто не возникало надобности. Может быть, ты что-то перепутал?

— Перепутал?! — Возмущению Бигмена не было предела. — А не ты ли, поганец, звал меня на помощь?

— Впервые слышу! Может быть, у тебя есть свидетели?

— Свидетели тебе понадобились? А кто тебя вытащил из этой переделки — не припоминаешь?

— О чем ты? Какая еще переделка? Эта штукovina как приползла — так и уползла. Испугалась, наверное. Да и не было ее вовсе!.. О! Вспомнил! Там случился маленький, аккуратный обвал! Меня слегка задело, что бывает, но не убило, что приятно. Так за это я должен осыпать тебя поцелуями, букашка? И позволить дружку твоему избежать заслуженного наказания, да? Ну, ты даешь!

— Плоховато у тебя с памятью, плоховато... О попытке убить меня — тоже, наверное, забыл? Выветрилось как-то, да?

— Что?! Убить?! А ну, топай отсюда, гном, пока есть чем!

Бигмен титаническими усилиями сохранял хладнокровие.

— Хорошо. Предлагаю сделку, Уртил. Ты считаешь возможным постоянно угрожать мне лишь по той причине, что дюймов и фунтов в тебе — чуть побольше. Но встретив даже слабое подобие отпора, ты всякий раз в панике ретируешься — этого тоже не отнять...

— Вспомни о своих фокусах с ножичком, ангел!

— Похоже, ты самый обыкновенный трус. А если нет — померимся силами! Прямо сейчас, не откладывая! И без оружия. Или ты слишком слаб для этого?

— Слаб?! Даже провалявшись здесь два года, я не стану слишком слабым для тебя!

— Тогда пошли! Драться будем при свидетелях, чтоб не юлил потом... Я уже договорился с Хенли Куком, и нам предоставлен энергетический зал. Устраивает?

— С Куком, говоришь? О, этот малый терпеть тебя не может! Но это так, к слову... А что Пивирейл?

— Пивирейл — ничего. Он не знает. Кстати, Кук прекрасно относится ко мне.

— Спит и видит покойничка Бигмена. И я, кажется, могу ему угодить. Но чего ради, интересно, мне пачкать руки о такую козявку?

— Трусишь?

— Я сказал «чего ради»! Здесь, кажется, было что-то пискнуто о сделке?

— А говоришь — память плохая... Так вот. Если победишь ты — я ни словом не обмолвлюсь о некоторых деталях нашей встречи в шахтах.

— Убил! О деталях он не обмолвится! А мне-то какое дело до деталей твоих!

— Ты, случайно, не боишься проиграть, Уртил?

— Проиграть?! Да от тебя мокрого места не останется, клоп! И меня обвинят в убийстве — вот чего я боюсь!

— Теперь понятно, — кивнул Бигмен. — И перейдем к следующему пункту. Насколько ты тяжелее меня — хотя бы примерно?

— На сотню фунтов, если не больше, дорогуша! — нежно осклабился, Уртил.

— Надо же — как много в тебе жира! — восхитился Бигмен. — Предлагаю, в таком случае, драться при меркурианской гравитации. У тебя останется преимущество в 40 фунтов, но это уже мелочи. Так как? Идет?

— С каким удовольствием я тебе вклею, малыш, с каким удовольствием! Неужели этот сверчок скоро умолкнет, люди!

Уртил, переполненный безудержным гневом и предвкушением упоительной забавы, быстро исчерпал свои мимические возможности и рычал теперь с совершенно равнодушным выражением бордового лица.

— Значит, сделка заключена?

— Да! Да! — Уртил задыхался. — И я постараюсь не убить тебя, амеба, очень постараюсь! А насчет всего прочего — уж не обессудь, сам напросился...

— Это точно. — По-воробыному подпрыгнув, Бигмен побежал к выходу, размахивая кулаками. Он был настолько занят мыслями о предстоящей схватке, что даже перестал думать о Лакки, который в эту минуту...

В энергетическом зале стояли генераторы и прочее громоздкое оборудование. Незанятого пространства, используемого обычно для собраний всего персонала, было здесь также предостаточно. Зал являлся самой старой частью Купола. Еще до того как были вырыты шахты, рядом с генераторами спали на своих походных кроватях инженеры и проходчики. В последнее же время здесь частенько устраивались кинопросмотры.

Сегодня помещение должно было стать рингом.

У стены смущенно жалось несколько инженеров во главе с Куком.

— Это все, что ли? — бросил Бигмен так удивленно, как будто еще минуту назад он грелся в лучах славы.

— Видите ли, — бросился объяснять Кук, — Майндс со своими людьми — на солнечной стороне, а еще 10 человек — в шахтах, ищут ваши щупальца. Остальные — на своих рабочих местах.

Закончив рапорт и покосившись на Уртила, Кук вполголоса спросил:

— Бигмен, вы уверены, что действуете разумно?

Уртил уже разделся по пояс и демонстрировал свои мышцы, а также густо заросшую грудь.

Марсианин, равнодушно оглядев соперника, спросил у Кука:

— Что там у нас с гравитацией?

— Мы понизим ее уровень по сигналу, как договорились. Надеюсь, Уртил в курсе?

— А как же! — Бигмен улыбнулся. — Все честь честью!

— Да-да... — вздохнул Кук.

— Ну, что там? — раздался крик Уртила. — Составляем завещание?

Довольный своей шуткой, он посмотрел на зрителей.

— Неужто кто-нибудь поставит на мартышку?

Тревожные взгляды устремились на Бигмена, который тоже разделся. Все видели, конечно, что его ладное тело не напоминало студень, но сравнивать с ухмыляющейся горой мышц... Уж какие тут ставки...

— Готовы? — спросил Кук.

— Готовы, — отозвался за обоих Уртил.

Кук облизнул пересохшие губы и протянул руку к пульту. Гул генераторов утих.

Внезапная потеря веса заставила Бигмена качнуться, как и всех, кто находился в зале.

Уртил, едва не упав в первый момент, двигался сейчас очень осторожно.

Мелкими шажками он вышел на середину и стал в

расслабленной, издевательски расслабленной позе.

— Ну, где ты там, насекомое?

13. Последствия

Движения Бигмена были сама грациозность. Он наслаждался. Он чувствовал себя вполне как дома — ведь меркурианская гравитация только слегка отличалась от гравитации его родного Марса.

От внимательного взгляда серых глаз Бигмена не ускользнуло ни одно, даже самое незначительное движение соперника, изо всех сил старающегося сохранить вертикальное положение в явно непривычных для него условиях.

А Бигмен порхал! Причудливые изломы его стремительных, легких прыжков совершенно обескураживали Уртила.

— Что это, марсианский вальс?

— Ага! — кротко ответил Бигмен. — Один из видов! — И резко подавшись вперед, ударил Уртила в бок, отчего тот зашатался.

«Молодец, парень!» — крикнул кто-то из зрителей.

Пока пострадавший приходил в себя, Бигмен, в позе тореадора, отдыхал, любуясь следом от своего удара и разъяренным лицом соперника.

Но вот Уртил стремительно выбросил огромную руку с растопыренными пальцами — и не менее стремительно, не успев даже удивиться, последовал за нею сам.

Бигмен играючи увернулся и с демонстративным любопытством стал рассматривать спину незадачливого верзилы, который уморительно размахивал руками.

Когда спина эта потеряла для Бигмена всякий интерес, взгляд его скользнул чуть ниже — и немедленно к этому взгляду присоединился носок замечательного оранжевого сапога. В следующее мгновение оттолкнувшийся марсианин уже летел высоко в воздухе, а Уртил, так и не успевший развернуться, мешковато топал в противоположном направлении.

Послышался смех. Один из инженеров, сложив ладони рупором, крикнул:

— Эй, Уртил! Я, кажется, ставлю на Бигмена!

Но Уртил уже ничего не слышал. Он громко сопел, и глаза его буравили ненавистного Бигмена.

— Ну-ка, поднять гравитацию! — раздался хриплый крик. — Хватит шуточки шутить!

— В чем дело, цистерна? Разве тебе недостаточно сорока фунтов форы? — Марсианин недоуменно развел руками.

— Я убью тебя! Убью! — чуть не захлебнулся Уртил.

— Пожалуйста! В любой момент! — продолжал издеваться

Бигмен.

— Подожди, подожди... Дай мне только сладить с этой гравитацией. Скоро я вырву из тебя кусочек.

— Выкусишь.

Зрители между тем напряженно молчали. Они понимали, что Бигмену, при всей его ловкости, грозит серьезная опасность со стороны разъяренного Уртила.

А марсианин продолжал забавляться! Вот он подпрыгнул высоко вверх и, когда Уртил попытался до него дотянуться, быстро подобрал ноги к животу и в следующий миг уже стоял позади противника.

Раздались громкие аплодисменты. Бигмен, прижав ладошку к сердцу, театрально раскланялся.

Затем последовал вовсе опасный трюк. Нырнув под одну из раскинутых ручищ, он нанес сильнейший удар по грозному бицепсу.

Уртил сдавленно зарычал и, развернувшись вновь, стал исподлобья наблюдать за мелькающим марсианином, не реагируя ни на поддразнивания, ни на оплеухи.

А Бигмен уже подумывал над расширением репертуара. Ему надоело скакать вокруг Уртила, как собачонке вокруг медведя. Хотелось чего-то свежего, неординарного.

— Ну, что ж ты, приятель! — поддел он Уртила. — Спать сюда пришел? А мне за двоих работать, что ли?

— Подойдешь поближе — тогда помогу! — прохрипело в ответ.

— С удовольствием! — сразу согласился Бигмен и, ринувшись вперед, нанес сильный удар в небритую челюсть, после чего, отлетев легким мячиком назад, сказал с укоризной:

— Нехорошо обманывать!

— Попробуй-ка еще раз!

Бигмен вновь продемонстрировал свою покладистость — и вновь рука Уртила успела лишь дернуться.

Послышался одобрителный гул.

— А ну-ка — теперь... — Язык Уртила заплетался.

— Да, пожалуйста!

Но на этот раз Уртил был начеку. Он не размахивал без толку руками и не крутил головой — он неожиданно прыгнул вперед.

Бигмен попытался сложиться вдвое и перелететь таким образом через противника, но не успел. Его лодыжка была сжата с такой силой, что из глаз марсианина брызнули слезы.

Уртила, к счастью, так нешуточно занесло, что Бигмен смог освободить свою ногу и даже слегка наподдать обидчику.

Уртил, однако, очень быстро восстановил равновесие и с

ревом бросился на него.

Марсианин, нога которого горела все сильнее, уже утратил изрядную часть своей проворности — и не было ничего удивительного в том, что Уртил без особого труда сгреб его в охапку.

Оба рухнули на пол.

Возбуждение зрителей было столь велико, что даже громкое требование Кука прекратить бой — потонуло в общем гаме.

А Уртил уже поднялся, и в вытянутой руке его отчаянно бился бедный Бигмен.

— Ну что, кузнечик? — ласково хрипел прямо в ухо торжествующий верзила. — Допрыгался?

Бигмен, упершись в колено своего мучителя, резко дернулся назад.

Стараясь во что бы то ни стало избежать падения, Уртил тоже отпрянул, но слишком энергично — и упал.

Правое предплечье Бигмена по-прежнему сжимали тиски мохнатых пальцев.

Сильно ударив по локтю Уртила — душераздирающий вопль заставил зрителей похолодеть, — Бигмен вырвался и, не дав противнику опомниться, обхватил, в свою очередь, его предплечье обеими руками.

То, что произошло потом, было совершенно невероятным.

В момент, когда обезумевший от злости Уртил наконец поднялся с четверенок, марсианин, собрав все силы и почти лопаясь от натуги, взметнул над собой эту огромную тушу! И тут же разжал руки.

Разжал и стал с интересом наблюдать за параболическими дугами, которые Уртил медленно и величаво чертил в воздухе, то и дело ударяясь об пол...

Земная гравитация — она вернулась не постепенно, но навалилась моментально, застав всех врасплох. Бигмен, неловко упав, подвернул ногу и теперь корчился от боли. Упал и кое-кто из зрителей. Зал переполнился криками боли и смятения. В первые минуты никто даже не заметил случившегося с Уртилом.

А случилось вот что. Изменение гравитации настигло его в самой верхней точке параболы и безжалостно швырнуло вниз. Голова несчастного ударилась о защитную стойку из генераторов с таким звуком, как будто раскололи большой орех...

Морщась и пошатываясь, Бигмен поднялся на ноги. Он увидел ничком и неподвижно лежащего Уртила и склонившегося над ним Кука.

— Что случилось, черт побери? — крикнул марсианин. — Что случилось с гравитацией?

Нестройное эхо растерянных голосов повторило вопрос. И только Кук, обернувшись, тихо произнес:

— Не до нее. Уртил...

— Что с ним? — испуганно спросил один из инженеров. — Он ушибся?

— Он мертв, — ответил Кук. — Мертв!

Тело окружили тесным кольцом.

— Нужно вызвать доктора... — отрешенно, сам не слыша себя, сказал Бигмен.

— Да-а... Вас ожидает куча неприятностей, милейший. — Кук холодно смотрел в пустоту. — Ведь это вы убили его.

— Его убило изменение гравитации.

— Боюсь, что это трудно будет доказать. Брошен-то он был — вами...

— Я не собираюсь отпираться — можете быть спокойны, мистер Кук.

— Однако действительно нужно вызвать Гардому...

Доктор явился через пять минут, и то, с какой быстротой был произведен осмотр, уже подтверждало правоту Кука.

Вытерев руки носовым платком, Гардома оглядел присутствующих, а потом сказал:

— Да, он мертв. Проломлен череп, чего ж вы хотели... Как это произошло?

Одновременно заговорило несколько человек, но Кук властным жестом заставил их замолчать.

— Поединок между Бигменом и Уртилом, вызванный...

— Между Бигменом и Уртилом?! — взорвался Гардома. — Кто допустил это? Какой идиот мог предположить, что Бигмен устоит против...

— Минуточку! — подал голос Бигмен. — Со мной-то как раз все в порядке!

— Совершенно верно! — поддержал его Кук. — Не забывайте, Гардома, что мертв — Уртил! А Бигмен был инициатором этой злополучной дуэли!

— Да, — согласился марсианин. — Поединок затеял действительно я. И я же настоял на том, чтобы он проходил в условиях меркурианской гравитации.

— Меркурианской гравитации? — Глаза Гардомы удивленно округлились. — Здесь? — Он недоверчиво посмотрел себе под ноги, как бы спрашивая, не обманывают ли его собственные чувства.

— Не ищите ее, — поспешил успокоить доктора Бигмен. — Меркурианской гравитации здесь больше нет. Потому что в самый неподходящий момент она сменилась псевдогравитацией

Земли. Бац — и готово! Примерно таким образом. И именно она убила Уртила, а не ваш покорный слуга!

— В таком случае, кто же включил земную гравитацию? — недоуменно спросил Гардома. Все молчали.

— Это могло быть вызвано коротким... — начал было Кук.

— Исключено! — решительно перебил его Бигмен. — Взгляните на пульт! Рычаг в верхнем положении!

Один из инженеров, прочистив горло, робко и не принимая всерьез собственные слова, пробурчал:

— Кто-то взял и случайно задел плечом...

Остальные радостно поддерживали нелепую версию. Послышалось возгласы: «запросто!», «а что вы думаете?» и «ясное дело!».

Кук прервал общее ликование.

— Я вынужден буду доложить об этом инциденте. Бигмен, вы...

— Ну? — Марсианин вопросительно поднял брови. — Я арестован?

— Нет-нет. Пока нет.

— Что ж, и на том спасибо...

Впервые после своего возвращения из шахт Бигмен подумал о Лакки и о том, что он вряд ли будет рад таким новостям. Вот бы выбраться из этой передраги до его возвращения!..

— Бигмен! — раздался голос.

Все одновременно посмотрели вверх. Оттуда на эскалаторе спускался Пивирейл.

— Бигмен! Вы-то что тут делаете?! А вы, Кук? Кто-нибудь ответит мне, наконец, чем вы все здесь занимаетесь, черт побери?

Но никто не отвечал.

Взгляд старого астронома упал на расprostертое тело Уртила, и он с каким-то детским удивлением спросил:

— Уртил — мертв?

Спросил — и тут же, как показалось Бигмену, забыл.

— Бигмен! А где ваш Старр?

— А почему вы об этом спрашиваете? — вопросом на вопрос ответил Бигмен.

— Он все еще в шахтах? — продолжал наседаь Пивирейл.

— Э-э...

— Или на солнечной стороне?

— Да?

— Вы не хотите отвечать?

— Я хочу знать, почему вы спрашиваете.

— Хорошо... — Пивирейл был явно раздражен. — Видите ли, Майндс в данный момент облетает свое хозяйство. Время от

времени это делать необходимо.

— Ну-ну?

— И то ли он спятил, то ли нет, но наш милый Майндс уверяет меня, что видел там Лакки Старра!

— Где? — недоуменно хлопая глазами, спросил Бигмен.

— Понятно... — Взгляд Пивирейла стал колючим. — Значит, он действительно там. И очевидно, ему не удалось поладить с роботом.

— С роботом?!

— Потому что — так, во всяком случае, считает Майндс — Лакки Старр мертв!

14. Прелюдия к суду

Итак, когда ситуация, казалось бы, обрела окончательную для Лакки безнадежность, вспыхнула надежда. Была ли причиной этому странная нерешительность робота, медлившего с завершением своего черного дела, или же все объяснялось свойствами характера самого Лакки — неизвестно...

— Отпусти меня! — крикнул он со всей строгостью, на которую еще был способен, и поднял руку, до сих пор волочившуюся по черному песку. — Отпусти меня, робот! — вновь повторил Лакки и... принялся поглаживать металлическую голову.

Спустя минуту рука опять безвольно повисла. Теперь оставалось только ждать. И вдруг он почувствовал (или это только показалось?), что хватка робота ослабевает! Да! Она несомненно слабела! Неужели Солнце наконец-то решило помочь человеку?

— Робот! — срывая голос, закричал он и услышал в ответ лишь слабый скрип.

Стальные объятия продолжали размыкаться.

— Ты не должен причинять вред человеческому существу! — напомнил Лакки на всякий случай.

— Я не должен... — запинаясь, согласился робот и — упал на спину, все еще сжимая Лакки достаточно крепко.

— Отпусти меня!

Робот слабо дернулся, и Лакки наконец смог пошевелить головой и ногами.

— Кто приказал тебе разрушать оборудование?

Лакки полностью исключал агрессивную реакцию на свой вопрос, понимая, в каком плачевном состоянии находится теперь позитронный мозг, вернее, остатки этого мозга, чудом удерживавшие Второй Закон.

— Кто приказал тебе разрушать оборудование? Отвечай!

Робот издал пару нечленораздельных, булькающих звуков и умолк.

Было странное и пугающее сходство с человеческой смертью.

Мысль Лакки напряженно работала. Укрыться от опасных лучей Солнца как можно быстрее... Но он зажат! И попытки отвинтить руки робота бессмысленны! Рация раздавлена! Все прекрасно, все просто замечательно...

Морщась от боли и усилий, он стал продвигаться к ближайшей тени, таща на себе неподвижного робота. Каждая минута казалась вечностью, а тень — все не приближалась...

Но Лакки все же добрался до нее! И упал, обессилев. Последнее, что он успел увидеть до того, как потерял сознание, — это нога робота, ослепительно сверкающая на солнце.

Он лежал в мягкой постели и силился вспомнить, что же с ним произошло. В памяти всплывали полустертые лица, гул ракетного двигателя, родной бигменовский голосок, бинты, шприцы, компрессы, воркующий Пивирейл со своими бесконечными расспросами...

Открыв глаза, Лакки увидел Гардому, озабоченно смотревшего на него.

— Ну-с? Как себя чувствует наш герой?

— А как он должен себя чувствовать? — слабо улыбнувшись, спросил Лакки.

— Как покойник, если те что-то чувствуют... У вас удивительно крепкий организм, дорогой Старр! И вы будете жить, черт побери!

— Несмотря на то что Майндс даже не подумал прийти тебе на помощь! Пускай человек умирает, пускай! Ерунда! Все там будем! — Это Бигмен, уже давно крутившийся невдалеке, решительно подлетел к ним.

Доктор Гардома отложил в сторону шприц и принялся неторопливо и тщательно мыть руки.

— Скотт Майндс подумал, что Лакки мертв, — полуобернувшись к Бигмену, сказал он. — И естественно, испугался, как бы его не обвинили в убийстве, припомнив недавнее покушение.

— Думать о себе в такой момент?! — возмутился Бигмен.

— Не будьте так строги, дорогой друг. Бедняга сам не свой в последнее время... И как бы там ни было, именно благодаря ему помощь не опоздала.

— Как ты все драматизируешь, Бигмен! — сказал Лакки. — Ведь ничего страшного не случилось! Я даже смог наконец отоспаться там, в тени... Кстати, что с роботом? — Этот вопрос был обращен уже к Гардоме.

— Его состояние значительно хуже вашего, Старр! То, что когда-то называлось позитронным мозгом, превратилось в обугленную лепешку и совершенно непригодно для исследований!

— Скверно... — поморщился Лакки.

— Да. Но тут уж ничего не поделаешь. — Вытерев руки, Гардома снова повернулся к пациенту. — И хватит о делах! Вам нужен покой, Старр. Попробуйте вздремнуть. А мы с Бигменом, чтобы не мешать вам...

Бигмен бросил на Лакки умоляющий взгляд.

— Если не возражаете, доктор, Бигмен ненадолго останется. Нам с ним есть о чем поболтать.

— Ну, хорошо, — после некоторых колебаний согласился Гардома. — Даю вам полчаса, не больше!

— Спасибо!

Как только они остались наедине, Бигмен, дотянувшись до плеча Лакки, принялся — от избытка чувств — трясти его.

— Ах, Лакки, подлые твои глаза! Ведь не перегрейся робот вовремя и...

— Это не было случайностью, дружище... — Лакки грустно улыбнулся. — Я ускорил его конец.

— Каким образом?

— Понимаешь, отполированная поверхность его металлической головы довольно успешно отражала солнечные лучи. Конечно же, позитронный мозг нагревался в таком пекле, но все же худо-бедно работал. К счастью для меня, прямо под рукой оказалось чудесное черное вещество, которым я и вымазал голову робота.

— А для чего, Лакки? — Бигмен тщетно силился хоть что-то понять.

— Но ведь черное, как ты знаешь, не отражает тепла, а наоборот — поглощает его. И температура позитронного мозга, резко повысившись, тут же повлекла за собой его гибель! Вот, собственно, и все... Ну, а теперь — твоя очередь рассказывать! Обо всем, что приключилось с тобой. Или на этот раз, в виде исключения, никаких происшествий?

— Да где там... — Бигмен махнул рукой и тяжело вздохнул. — Двойная порция...

По мере того как он углублялся в свой рассказ, лицо Лакки становилось все мрачней.

— Но почему, почему тебе приспичило драться с Уртилом? Ручки чесались? Ай, какое безрассудство...

— Безрассудство? — оскорбленно переспросил Бигмен. — Ты называешь безрассудством стратегическую мудрость? Я же не кинулся на него с бухты-барахты, а тщательно все взвесил! Провел скрупулезный анализ! И только поняв, что при низкой гравитации смогу справиться с ним одной левой...

— А чья лодыжка забинтована, герой?

— Уже и поскользнуться нельзя... Я же победил, Лакки! Ты представь только, какой ущерб причинил бы Совету этот негодяй своим наглым враньем!

— А разве он обещал молчать в случае проигрыша?

— Ну-у... — Бигмен замялся.

— Ведь даже после того как ты спас ему жизнь, он не изменил своих намерений! На что ты надеялся?

— Но...

— Что после публичного унижения он восплает к тебе любовью? Эх, Бигмен! Тебе просто хотелось проучить Уртила, а все эти высокие мотивы — только предлог! Ведь так?

— Лакки! Как ты можешь?!

— Так или не так?

— Вообще-то, так... — Бигмен покраснел и опустил глаза. — Прости меня...

— Да ладно уж, чего там... — Лакки сразу смягчился. — Сам я тоже хорош... Дал маху с этим роботом, простофиля! Видел же, видел, что он неисправен, и не догадался о причине! Ничего, впредь поумнее буду... И давай-ка лучше подумаем, как нам действовать дальше.

Бигмен сразу повеселел.

— Теперь, — бодро начал он, — когда нам не мешает этот тип...

— Тип-то не мешает, но нельзя забывать о существовании сенатора Свенсона. Сам подумай: в то время как Совет Науки находится чуть ли не под следствием, некто, едва ли не член Совета, затевает прелестную драку, в результате которой гибнет следователь... Упустит ли наш доблестный сенатор такую уникальную возможность обвинить Совет в терроризме?

— Но ведь тут был просто несчастный случай! Псевдогравитационное поле...

— Это не так-то просто доказать, Бигмен. И я непременно должен поговорить с Пивирейлом, чтобы...

— Старикашка, кстати, не придал случившемуся совершенно никакого значения! — возмущенно воскликнул Бигмен.

— То есть? — Лакки резко приподнялся на локте.

— То и есть! Никакого значения! Ровным счетом! Вошел, посмотрел на Уртила, спросил, мертв ли тот, и успокоился.

— И все?

— Ага... Потом он, правда, спросил, где ты, и тут же объявил, что, по сообщению Майндса, тебя убил робот.

— Дальше?

— Вот теперь, кажется, все.

— Бигмен, вспомни, что было после! Ведь ты не хочешь, чтобы я говорил с Пивирейлом! Почему?

Бигмен отвел взгляд.

— Потому что... он сказал, что меня будут судить...

— Судить?

— Да. Что это — убийство, и я так легко не отделаюсь. И что

пора кончать с безнаказанностью.

— Так. Ну и когда же состоится этот суд?

— Прости, Лакки, я не хотел заводить разговор об этом. Гардома предупредил, что тебе нельзя волноваться.

— Об этом позже. Когда суд, я спрашиваю?

— Завтра. Ровно в 14 по Стандартному времени. Нам ведь нечего бояться, правда?

Но Лакки не спешил успокаивать друга.

— Позови-ка Гардому, — сказал он решительно.

— Зачем?

— Делай то, что я говорю.

Насупившийся Бигмен скрылся за дверью и вскоре вернулся. За ним шел Гардома.

— Доктор, — нетерпеливо начал Лакки, — ведь ничего не случится страшного, если завтра, часика в два пополудни, я совершу легкий моцион?

— Я предпочел бы, Старр, видеть вас завтра в постели.

— Но меня в данном случае совершенно не интересуют ваши предпочтения. Я хочу лишь знать, не смертельна ли для меня такая прогулка?

— Вы не умрете даже в том случае, если встанете немедленно, — с явной обидой в голосе ответил Гардома. — Вы только повредите своему здоровью.

— Замечательно! В таком случае, будьте любезны, передайте мистеру Пивирейлу, что я буду присутствовать на суде. Полагаю, вы понимаете, о чем идет речь?

— Да.

— Я, должно быть, последним узнал об этом.

— Тому причиной ваше состояние, Старр.

— Состояние так состояние... Как бы там ни было, но потрудитесь уведомить Пивирейла о моем намерении.

— Разумеется, — холодно кивнул Гардома. — А теперь я бы все же посоветовал вам вздремнуть, Старр. А мы с Бигменом, пожалуй, пойдем.

— Секундочку! — протестующе крикнул Бигмен.

Подойдя к Лакки поближе и понизив голос, он многозначительно произнес:

— Ты можешь не волноваться, Лакки... Я контролирую ситуацию...

Брови Старра удивленно поползли вверх.

— Да-да, черт побери! — Бигмен лопался от гордости. — Доказать мою невиновность — проще простого. Особенно с такой начинкой. — Он постучал себя по лбу. — Мне известен истинный виновник!

— Кто?!

— Терпение, Лакки, терпение... Скоро ты поймешь, что на уме у Бигмена не одни кулачные бои.

Маленький марсианин загадочно усмехнулся, отчего лицо его потешно сморщилось, и, пританцовывая, удалился вместе с доктором Гардомой.

15. Суд

Когда Лакки вошел в кабинет Пивирейла, все уже были в сборе. Пивирейл, который восседал за своим массивным, заваленным кипами бумаг письменным столом, приветствовал его, любезно кивнув.

— Добрый день, — ответил Лакки.

Все напоминало недавний банкет.

Тот же Кук, дерганный и изможденный — как всегда. Он сидел справа от Пивирейла. Слева от последнего утонул в глубоком кресле Бигмен.

И Майндс, чье худое лицо подергивал тик, а пальцы барабанили по ноге.

И Гардома, флегматичнейший Гардома. Он на мгновение приподнял тяжелые веки, чтобы посмотреть на вошедшего с неодобрением.

И прочие астрономы.

Отсутствовал лишь Уртил...

Пивирейл начал в своей обычной мягкой манере.

— Ну что ж, приступим, если вы не возражаете? Прежде всего, я хотел бы обратиться к вам, дорогой Старр... Пожалуйста, не воспринимайте происходящее как суд! Бигмен дал вам несколько искаженную информацию — невольно, разумеется. Так вот... Никакого суда! Ничего даже отдаленно его напоминающего! Если даже возникнет такая печальная необходимость — а я надеюсь, что нет, — суд свершится на Земле, с неукоснительным соблюдением всех формальностей. Но это так, к слову... А мы здесь собрались для того, чтобы сообща подготовить отчет о положении наших дел.

Пивирейл произвел некоторые перемещения на своем столе и продолжил:

— Почему возникла необходимость в таком отчете? Поясняю. Во-первых, в результате действий мистера Старра, предпринятых им на солнечной стороне Меркурия, был обезврежен опасный диверсант, доставивший столько хлопот Майндсу и всем нам! Диверсант этот, оказавшийся роботом сирийского производства, уже никогда и ничего не сможет нам объяснить... Мистер Старр!

— Да? — встрепнулся Лакки.

— Чрезвычайность ситуации вынудила меня кое о чем расспросить вас, находившегося еще в полубессознательном состоянии.

— Я прекрасно помню об этом.

— В таком случае, не могли бы вы повторить некоторые из

своих ответов — для записи?

— Охотно.

— Итак, есть ли на Меркурии другие роботы-диверсанты, кроме обнаруженного?

— Робот ничего не сказал, но думаю, что он был единственным.

— Это лишь предположение?

— К сожалению.

— Я полагаю, что там орудует целая группа.

— Сомневаюсь, сэр.

— Но ведь робот не сказал вам, что работает в одиночку?

— Нет, не сказал.

— Так. Хорошо. Очень хорошо. А сколько сирианцев участвуют в диверсиях?

— Программа, заложенная в робота, исключала ответы на подобные вопросы.

— Удалось ли вам узнать что-либо о местонахождении сирианской базы?

— Он вообще не упоминал о сирианцах.

— Но ведь робот — сирианского производства, не так ли?

— Во всяком случае, он не отрицал этого.

— Ну что ж... — Пивирейл, откинувшись на спинку кресла, улыбнулся. — Сомнений быть не может! Меркурий кишит сирианцами — это очевидно! Совет Науки незамедлительно должен быть поставлен в известность. Необходимо ликвидировать эту базу! Это будет неплохим уроком для нас всех, даже если сирианцам удастся ускользнуть... Мы станем гораздо серьезней относиться к опасности, исходящей оттуда.

— Сэр! — подал голос Кук. — Позвольте вам напомнить о том, что мы должны рассмотреть еще один вопрос — о собственно меркурианских формах жизни! Кстати, и для Совета это будет небезынтересно. — Он повернулся к присутствующим. — Вчера нам удалось изловить существо, которое...

Старый астроном, однако, не дал ему продолжить.

— Спасибо, любезнейший! — раздраженно перебил он. — Совет обо всем будет информирован, не волнуйтесь. Сейчас не время говорить о пустяках. А до тех пор пока сирианский вопрос не будет решен, все прочее — пустяки! Вот так. Я считаю, что мы должны приостановить все работы.

— Как! — закричал Майндс. — Но в Проект вложено столько денег, времени и сил!

— Успокойтесь, дорогой Майндс, — тихо ответил Пивирейл. — Ну зачем так нервничать? Я же не призываю вовсе отказаться от Светового Проекта! Но согласитесь, в первую

очередь, мы должны думать о безопасности! И сенатор Свенсон наверняка уж употребит все свое влияние, чтобы мы не отвлекались на посторонние предметы!

— Тем более, — подхватил Лакки, — что вы собираетесь отдать ему на съедение беднягу Бигмена, и он не станет слишком пристально следить за тем, как вы крушите сирианские полчища.

— На съедение, вы сказали? Что за странные мысли, Старр? — И седые брови Пивирейла поползли вверх.

— Если можно, — Бигмен нетерпеливо заерзал в кресле, — давайте перейдем к моему делу, мистер Пивирейл! Заодно и посмотрим, странные у Лакки мысли или не странные...

— Что ж, извольте... — кивнул астроном. — Поговорим о вас... Ну, так что же произошло между вами и Уртилом? Сразу хочу предупредить, что все вами сказанное будет записано на пленку.

— И я должен поклясться в том, что...

— О нет! — Пивирейл испуганно замахал рукой. — Ведь это не суд, Бигмен! Мы вам верим!

— Как угодно...

И Бигмен с удивительным бесстрашием, избегая обычных своих восклицаний и темпераментной жестикуляции, рассказал всю историю. Начал он с самых первых впечатлений об Уртиле, потом перешел к схватке в шахтах и, наконец, закончил дуэлью. Единственное, о чем умолчал марсианин, — так это об угрозах Уртила по отношению к Старру и Совету Науки.

Потом говорил доктор Гардома. Он подтвердил все уже сказанное о первой встрече Бигмена с покойным, а также описал случай с силовым ножом.

— Уртил довольно скоро оправился от последствий чрезмерного охлаждения организма, — сказал напоследок доктор. — И первое, о чем он спросил, было — состояние Бигмена. Когда же я сказал, что Бигмен практически здоров, — нужно было видеть выражение лица этого человека. А ведь Бигмен спас ему жизнь! Да, Уртил не был подвержен приступам благодарности — что нет, то нет.

— А вот это уже ваше личное мнение! — поспешно прервал его Пивирейл. — Не следует утомлять нас такими вещами!

Кук полностью сосредоточился на дуэли.

— Бигмен очень настаивал, — сказал он, — и дуэли было не избежать. Полагая, что при свидетелях, да еще при низкой гравитации, риска не будет никакого, и, в случае чего, можно будет вмешаться и прервать бой, я согласился. Ведь дуэль в противном случае состоялась бы все равно, но уже без свидетелей. Кто мог предвидеть, что все так обернется... Конечно,

мне следовало посоветоваться с вами, сэр.

— Конечно! — Пивирейл кивнул. — Вам следовало это сделать непременно! Значит, Бигмен настаивал на дуэли именно при низкой гравитации?

— Да.

— Он намеревался убить Уртила?

— Он только сказал: «Я прибую этого негодяя». Думаю, что это всего лишь оборот речи и он не планировал убийства.

Пивирейл повернулся к Бигмену.

— Может быть, вы прокомментируете этот момент?

— Прокомментирую, но чуть позже, — пробурчал Бигмен. — А пока отвечает мистер Кук — я настаиваю на перекрестном допросе.

— Что за глупости! — удивился Пивирейл. — Мы же не в суде!

— Послушайте, вы! — Бигмен уже начинал распаляться. — Смерть Уртила наступила не в результате несчастного случая! Это было убийство, хладнокровное убийство! И у меня есть доказательства!

Наступившая было тишина тут же сменилась многоголосием.

— Я настаиваю на перекрестном допросе! — зло крикнул Бигмен.

— А почему бы и нет? — поддержал его Лакки.

Пивирейл явно пребывал в замешательстве.

— Вообще-то, я... Бигмен, так сказать, не... — Это было все, что он мог сказать.

— Мистер Кук! — решительно начал Бигмен. — Объясните, пожалуйста, каким образом Уртилу стал известен наш с Лакки маршрут в шахты?

— А разве он знал ваш маршрут? — покраснев, спросил Кук.

— Вне всяких сомнений. Потому что он следовал параллельно, — а для этого, согласитесь, ему нужно было знать наши намерения. Но вот ведь штука! В разработке маршрута участвовало только три человека: мы с Лакки и вы, Кук. Как вы думаете, от кого Уртил мог получить интересующие его сведения?

Кук растерянно смотрел на присутствующих.

— Не знаю...

— От вас, Кук, от вас!

— Неправда! Он мог просто подслушать!

— Теперь уже подслушивают карандашные пометки? До чего мы дошли! — Бигмен иронично улыбнулся. — Ну хорошо... С этим, кажется, разобрались... Пойдем дальше... Мистер Кук, как вы понимаете, Уртил не разбился бы при меркурианской гравитации. Но кто-то повысил ее уровень, и именно в самый

опасный момент. Кто это сделал, на ваш взгляд?

— Понятия не имею.

— Та-ак... Вы, мистер Кук, первым подбежали к упавшему Уртилу! Вам, вероятно, не терпелось убедиться в том, что он мертв?

— Я протестую! И прошу оградить меня... — Кук, будучи не в силах продолжать, с возмущенным видом повернулся к Пивирейлу.

— Бигмен! — взволнованно воскликнул тот. — Вы обвиняете мистера Кука в убийстве?!

— Не я — факты, — спокойно ответил марсианин. — Сами посудите. Резкое изменение гравитации швырнуло все на пол. Естественно, для того чтобы подняться, потребовалось некоторое время. Когда тебе на загривок падает стофунтовая гиря, встать бывает трудновато. Но для Кука это оказалось совершенно плевым делом! Он, опередив всех, в мгновение ока был рядом с Уртилом!

— Ну, и что же вы этим хотите доказать? — закричал Кук.

— А то, что вы не упали в момент изменения гравитации. И знаете почему? Потому что вы знали все об этом заранее и за что-то ухватились. А откуда вам было знать? Наивный вопрос! Ведь это вы все и подстроили!

— Мистер Пивирейл! — подскочил Кук. — Должны же быть, в конце концов, какие-то пределы!

Но Пивирейл смотрел на него расширенными от ужаса глазами.

— Итак, подведем итоги. — Бигмен наслаждался мощью своего интеллекта. — Кук сотрудничал с Уртилом — это вне сомнений. Иначе тот не смог бы узнать наш маршрут. И сотрудничал он с ним не по душевной склонности, а из страха. Скорее всего, Уртил его шантажировал... Кук решил избавиться от своего опасного дружка! Как нельзя кстати подвернувшаяся дуэль помогла ему реализовать эту идею. Все очень просто.

— Чушь! — сказал Кук и засмеялся. — Чушь собачья!

— А чтобы убедиться в моей правоте, — продолжил Бигмен, — необходимо всего лишь обыскать жилище Уртила. Там наверняка имеются документы, подтверждающие эту преступную связь. Не будь таковых, Кук вряд ли бы решился на убийство.

— По-моему, Бигмен прав, — подал голос Лакки.

— Ну что ж... — Пивирейл вздохнул. — Разумеется, мы немедленно...

— Подождите, — еле слышно выдохнул Кук. — Прошу вас, подождите. Я все объясню...

На лбу и впалых щеках Хенли Кука поблескивали капельки

пота. Руки тряслись.

— Уртил пришел ко мне в первый же день своего пребывания на Меркурии. Мы перебросились несколькими незначительными фразами, после чего он с неожиданной откровенностью поведал мне следующее. У сенатора Свенсона имеются якобы доказательства крайней неэффективности нашей работы, сочетаемой с преступным распылением средств. И Пивирейла следует уволить, как неспособного в силу почтенного возраста все это пресечь. А на его место хорошо бы поставить меня.

— Кук! — с горечью воскликнул Пивирейл и медленно покачал головой.

— Я, естественно, согласился с ним, — со злорадным нажимом продолжил Кук. — Вы в самом деле староваты, сэр. И к тому же настолько одержимы своей сирианской манией, что я давно выполняю за вас всю работу. — И он вновь повернулся к Лакки. — Уртил уверил меня в том, что, если я буду сотрудничать с ним — мое восхождение по служебной лестнице неизбежно. И я поверил ему, потому что, как и все мы, был наслышан о могуществе сенатора Свенсона. С тех пор Уртил получал от меня всю интересующую его информацию. Изрядная часть этих документов была — по настоянию Уртила — скреплена моей подписью. Для облегчения судопроизводства, как мне объяснялось... А потом он стал меня шантажировать, пригрозив, что, в случае моего отказа исправно сообщать ему все, касающееся Светового Проекта, а также деятельности Совета Науки, мои записи лягут на стол Пивирейла, вот на этот самый, и — прощай, карьера! И я опять согласился... Маршрут Старра и Бигмена? Пожалуйста! Чем занимается Майндс? А вот этим!.. Его аппетиты росли день ото дня, равно как и бесцеремонность по отношению ко мне. И однажды я понял, что этот человек когда-нибудь обязательно выдаст меня и даже глазом не моргнет. И что единственный способ избавиться от мерзавца — это убить его... Оставалось лишь дожидаться подходящего случая. И тут ко мне приходит Бигмен со своей гениальной идеей! Это было так кстати, так кстати! И я подумал: тебе дается шанс, и ты должен им воспользоваться... Дальнейшее вам всем известно. Уртил получил свое, причем в результате как бы несчастного случая, что бывает. Даже если бы был официально обвинен Бигмен — Совет сумел бы вытащить его из этой лужи. Таким образом, единственная жертва — Уртил, а он-то заслужил не одну такую смерть...

Первым, кто нарушил тягостное молчание, был Пивирейл.

— Кук, — ледяным тоном произнес он. — Надеюсь, вы понимаете, что эти милые излияния вынуждают меня немедленно

освободить вас от занимаемой должности, а также подвергнуть аре...

— Да подождите вы! — строго прикрикнул на него Бигмен. — Мы еще не все выяснили! Послушайте, Кук, ведь вы убили Уртила лишь со второй попытки, не так ли?

— Со второй? — недоуменно переспросил Кук.

— Ну да! Вспомните продырявленный скафандр! Прежде чем оказаться в нашей с Лакки комнате, он ведь был, так сказать, предложен вами Уртилу? Но этот хитрюга обнаружил дефект и приказал отнести скафандр нам. Не пропадать же добру!

— Нет! — иступленно крикнул Кук. — Нет! Я не притрагивался к вашему дурацкому скафандру!

— Так я и думал. Значит, он порвался сам, — съязвил марсианин.

— Ты не прав, Бигмен. — Лакки, произнесший это, был предельно серьезен. — Кук не имеет никакого отношения к этой истории. Скафандр был разрезан человеком, отдававшим приказы роботу.

Бигмен ошеломленно уставился на своего друга.

— Лакки! Неужели ты хочешь сказать, что это проделки сирианцев?

— Нет. Хотя бы потому, что на Меркурии нет никаких сирианцев. И никогда не было.

16. Результаты

Пивирейл вздрогнул от неожиданности.

— Что?! Никаких сирианцев?! Да вы понимаете, что вы такое несете, Старр?

— Понимаю.

Лакки подошел к столу Пивирейла и уселся на краешке.

— Я уверен, что мистер Пивирейл согласится со мной, как только выслушает все мои аргументы!

— Соглашусь? Ну конечно! Как же иначе! — Голос Пивирейла обрел неожиданную мощь и ярость. — Что вы тут еще собираетесь обсуждать? Все давно ясно! Кстати, я должен произвести арест Кука... — Он встал с очень озабоченным видом.

— Не волнуйтесь, сэр. — Лакки жестом усадил его. — Бигмен проследит за тем, чтобы Кук не сбежал.

— Ну что вы! — слабо возразил Кук, когда Бигмен с окаменевшим лицом придвинул к нему свое кресло.

— Мистер Пивирейл! — продолжил Лакки. — Давайте вспомним наш недавний замечательный банкет! В частности, ваши проникновенные слова о сирианских роботах! Кстати, вы прекрасно знали о том, что на Меркурии присутствует один из них...

— С чего вы взяли, Старр?

— Ведь Майндс рассказывал вам о загадочном существе, одетом в легкий скафандр и расхаживающем под невыносимо ласковыми лучами солнца как ни в чем не бывало!

— Да, — подтвердил инженер. — И мне давно следовало понять, что это не человек. Но... — И он сокрушенно развел руками.

— Вы, Майндс, в отличие от мистера Пивирейла, не имели опыта общения с роботами. — Лакки снова смотрел на астронома. — Другое дело — вы, сэр. Когда вам описывают внешний вид сирианского робота, вы сразу понимаете, что это сирианский робот и есть.

Пивирейл настороженно кивнул.

— Что же касается меня, то, как и Майндс, ни о каких роботах я даже не подозревал, во всяком случае, о роботах, орудующих здесь, на Меркурии. Не подозревал — поначалу. Но вы, сэр, вернее, ваши воспоминания навели меня на эту мысль. Меня — дилетанта!

Вновь последовал кивок Пивирейла, после которого он разомкнул уста.

— Вы правы, Старр. Я действительно знал, что это робот. Но я

также понимал и всю степень опасности, исходящей от Сириуса! Вот почему до поры до времени я решил никого понапрасну не будоражить. Ведь наших собственных сил явно недостаточно для отражения сирианской агрессии.

Побледневший Майндс пробормотал что-то свирепое.

— Сэр, но почему вы не сообщили об этом Совету?

— Видите ли, Старр. Я, признаться, боялся. Боялся, что мне никто не поверит, что меня просто-напросто отправят на пенсию как выжившего из ума старика. Я, откровенно говоря, не знал, как мне поступить. Уртил, присланный сюда, не вызывал никакого доверия. Его интересовала только собственная карьера, больше ничего. Когда появились вы, я подумал, что вот, наконец, у меня будет союзник, который поймет и разделит все мои тревоги, с которым мы станем говорить о Сириусе, об удивительных роботах...

— Кстати, о них... — сумел-таки вставить слово Лакки. — Помните, вы говорили об отношении сирианцев к своим роботам? О том, как их любят, балуют, совершенно серьезно полагая, что даже сотня землян не стоит одного сирианского робота.

— Да, — часто закивал Пивирейл. — Это самая настоящая любовь, иначе не назовешь.

— Ну, а если так — разве отправили бы они одного из своих любимцев на Меркурий, не снабдив специальной защитой, — а значит, на верную гибель? Разве решились бы обречь его на верную смерть от жестоких солнечных лучей?

Пивирейл молчал.

— Даже у меня не поднялась рука, чтобы убить его, — и это в момент самой серьезной угрозы для моей жизни! А ведь я, если вы заметили, не сирианец! Возможна ли такая жестокость с их стороны?

— Цель, знаете ли, чего только не оправдывает... — усмехнувшись, заметил Пивирейл.

— Допустим... Допустим, что сирианцам было невтерпех и без диверсий на Меркурии они уже просто не могли жить. Но они же должны были обеспечить надежную защиту позитронного мозга! Даже если, в виде исключения, разлюбили этого бедолагу! Робот ведь действовал бы намного эффективней!

Поднялся одобрителный шум.

— То есть... — Пивирейл судорожно проглотил слюну. — То есть вы полагаете, что это — не сирианец?

— И имею весьма веские основания для этого. Смотрите... Майндс дважды видел робота, и оба раза тот исчезал, как только к нему приближались. Чуть позже — в частной беседе — робот признался мне, что ему было приказано избегать людей. Его, вне

сомнений, предупреждали о каждом приближении Майндса, предупреждали отсюда, из Купола. А со мной вышла осечка — я сделал вид, что, кроме шахт, ничего меня не интересует, и все в это поверили. Идем дальше... Робот — перед тем как умолкнуть окончательно, — попытался ответить на мой вопрос о том, кто же его хозяин. Я не могу ручаться, но, по-моему, это были каких-то два слога.

— Уртил!!! — радостно закричал Бигмен. — Он сказал: «Уртил»! Все совпадает!

— Может быть, может быть... — спокойно продолжил Лакки. — Он мог, впрочем, и не успеть договорить слова «землянин»...

— А также издать пару ничего не значащих звуков... — сухо закончил Пивирейл.

— Да-да, — согласился Лакки. — Не исключено. Но знаете ли, мистер Пивирейл, какой интересный вопрос возникает? А вот какой. У кого из присутствующих здесь была хоть однажды возможность стать счастливым обладателем самого настоящего сирианского робота?

Глаза Пивирейла сузились.

— Ну, у меня, допустим. И что?

— И все, сэр.

Потребовалось довольно продолжительное время, прежде чем утихли возбужденные крики.

Лакки встал. Лицо его было сурово.

— Как член Совета Науки, я заявляю, что с этого момента все, кто находится под Куполом, подчиняются мне. Ваш бывший руководитель Пивирейл снят со своего поста. Я уже связался со штаб-квартирой Совета — и для принятия соответствующих мер уже выслан корабль.

— Я требую, чтобы меня выслушали! — сдавленно выкрикнул Пивирейл.

— Чуть позже, сэр. Вначале выслушайте меня... Итак, вы единственный человек, у которого была возможность похитить сирианского робота. Ведь у вас там был свой персональный робот, не так ли?

— Так, но...

— Так вот, Пивирейл. Оттуда вы возвратились — с ним! Не знаю, каким уж образом вам удалось перехитрить сирианцев... Скорее всего, им не пришла в голову возможность такой кражи. Вероятно, робот не знал даже имени своего нового хозяина и называл вас «землянин»... Он прилежно выполнял все ваши команды, выводя из строя оборудование и скрываясь от людей.

— Ложь, — сквозь стиснутые зубы прошипел Пивирейл.

— Я бы на вашем месте не отпирался! Ведь Совет может запросить информацию у сирианцев. И выяснится, что робот RL-726 пропал именно в тот день, когда вы покинули Сириус. А поскольку между нами существует договор — они потребуют вашей выдачи. Не лучше ли признать свою вину и предстать перед судом Земли, не таким, возможно, суровым?

Пивирейл поднялся, медленно обвел всех невидящим взглядом и рухнул на пол.

Доктор Гарема туг же поспешил к нему.

— Все в порядке, — вскоре объявил он. — Но лучше бы ему лечь в постель.

Двумя часами позже, в присутствии Гардомы и Старра, Пивирейл дал свои первые показания.

Меркурий стремительно уменьшался. Лакки, который сидел в кресле своего «Метеора», выглядел усталым и озабоченным.

— В чем дело, Лакки? — спросил Бигмен.

— Я думаю о Пивирейле... Довольно нелепо все вышло. Ведь старик, вообще-то, хотел как лучше — однако методы... Сирианцы действительно не жалуют нас своей любовью, но зачем же так преувеличивать...

— Лакки, а его не выдадут сирианцам?

— Да нет же! Это была обыкновенная хитрость, которая ускорила признание... Вот как все получилось, Бигмен! Благородные, по сути, мотивы толкнули этого человека на преступление.

— А что Пивирейл имел против Светового Проекта, Лакки?

— Ты разве не помнишь его банкетную речь? О том, как Земля ослабляет себя, добывая все необходимое у черта на куличках. И как осуществление Светового Проекта сделает ее зависимой еще и от работы космических станций, а значит, еще более уязвимой. Все та же сирианская мания... Думаю, что первоначально он собирался лишь показать всем сирианского робота — как символ мощи врага. Но, увидев, что работы тут — уже полным ходом, он превратил робота в диверсанта... Появление Уртила напугало его. Ведь следователь мог докопаться до истины. И в комнате Уртила появляется разрезанный скафандр.

— Да уж, старик не терпел этого Уртила, даже слышать о нем не желал...

— Вот это меня и насторожило! Я не мог понять причину! А без причины, как известно, ничего не бывает...

— Тогда ты и раскусил его, да?

— Нет, Бигмен. Я раскусил его потом. И помог мне в этом все тот же скафандр с сюрпризом. Я подумал, что такую пакость

легче всего было бы осуществить Пивирейлу. Он знал, какая комната предназначена для нас, и, не вызывая подозрений, мог проникнуть туда в любой момент. Но я никак не мог понять: для чего ему нужна моя смерть? Имя мое как будто бы ни о чем ему не говорило. Он даже принял меня за инженера, вроде Майндса. А ведь остальные — и тот же Майндс, и Гардома, и Уртил — знали всю мою биографию! И почему-то все эти слухи не достигли ушей Пивирейла! Потом я заговорил с ним о Церере — помнишь битву с пиратами? Я знал, что там находится крупнейшая обсерватория Системы и что Пивирейлу наверняка приходилось там бывать. Он подтвердил, что летал туда изредка, правда... А Кук потом рассказывал, что — очень даже часто! Затем без всякой видимой причины Пивирейл вдруг стал меня убеждать в том, что был, мол, прикован к постели в тот момент, когда на Цереру напали пираты. И вот тут я все понял.

— А я — ничего... — вздохнул Бигмен.

— Но это же элементарно! С какой стати Пивирейл, которому часто приходилось бывать на Церере, решил обеспечить себе алиби именно на то время, когда было совершено нападение? Он прекрасно знал, кто я такой! А если знал — то почему пытался убить меня, да и Уртила, кстати? Ведь, в конце концов, мы оба были следователями! Чего же так опасался Пивирейл?... И вот была произнесена речь о сирианцах. Загадочные рассказы Майндса сразу обрели новый смысл! Он видел робота! Робота, доставленного сюда сирианцами или же самим Пивирейлом! Я сразу склонился к последней версии, так как старик уж слишком живо рисовал коварство подлых сирианцев. Это было страховкой. В случае обнаружения робота, всегда можно было сказать: я же говорил?... Мне нужны были доказательства. Иначе бы сенатор Свенсон в своей обычной манере обвинил бы нас в том, что мы пытаемся отвлечь внимание общественности от темных делишек Совета...

— Лакки! Но почему ты не поделился своими мыслями со мной? — возмутился Бигмен.

— Но ты же вечно занят своими дуэлями! Я просто не решался отвлекать тебя! — улыбнулся Лакки. — Так или иначе, но я решил поймать робота и использовать его в качестве улики. К сожалению, сделать это не удалось, и признание Пивирейла пришлось чуть ли не выколачивать.

— Ну, а как теперь будет со Свенсоном, Лакки?

— Со Свенсоном у нас пока ничья. Он не сможет использовать в качестве козыря смерть Уртила, так как ему помешают показания Кука. Но и нам торжествовать не приходится. Два главных лица меркурианской обсерватории

должны быть уволены за уголовные преступления, как ни крути.

— Черт возьми! Этот негодяй будет опять пить нашу кровь!

— Видишь ли, Бигмен, сенатор Свенсон — не лучший, конечно, представитель рода человеческого, но именно он не дает Совету расслабиться. Кроме того, Совет Науки так же, как Конгресс и правительство, нуждается в критике. Если мы поставим себя выше ее — это будет началом нашего конца.

— Ну, тогда ладно. Пускай себе живет.

Лакки расхохотался и взъерошил рыжие волосы марсианина.

— И хватит об этом! Перед нами — звезды, и никто не знает, куда нас забросит завтра...

ЛАККИ СТАРР И ЛУНЫ ЮПИТЕРА

Lucky Starr and the moons of Jupiter

1. Неприятности на Юпитере-9

Юпитер, правильный кремового цвета шар, выглядел вдвое меньше, чем наблюдаемая с Земли Луна. Он безнадежно уступал последней в яркости, что, однако, не мешало ему являть собой прекрасное зрелище.

Светильники были выключены; тусклое свечение планеты едва обнаруживало находящихся в рубке Лакки Старра, задумчиво смотревшего на экран, и его компаньона — Бигмена.

— Будь он полым, Бигмен, и вывали ты в него сотен этак с тринадцать шаров величиною с Землю — места еще осталось бы прилично. Эта безделушка перевесит все остальные планеты вместе взятые.

В Джоне Бигмене Джонсе, которого все обязаны были величать не иначе, как Бигменом, — а то плохо будет! — было пять футов и два дюйма роста, если не сутулиться. Джон Бигмен Джонс недолюбливал все крупное за исключением Лакки, и он воскликнул в сердцах:

— А что толку! Никто ведь не может сесть на него! Даже приблизиться!

— Сесть, возможно, мы никогда и не сядем, но приблизиться сумеем наверняка. Как только построим аграв-корабли.

— Что имеет состояться вот-вот, при активном участии шустрых сирианцев, — пробурчал Бигмен.

— Поживем-увидим...

— Проклятье! — вдруг взвился Бигмен, с силой ударяя кулачком по ладошке. — Долго еще мы тут будем прохлаждаться, а Лакки?

Они находились на «Метеоре», корабле Лакки, и двигались по орбите синхронно с Юпитером-9, самым удаленным из спутников планеты.

Юпитер-9 висел перед ними на расстоянии тысячи миль. Вообще-то он назывался Адрастея, но, как не входящий в число самых крупных и близких спутников, подвергся нумерации. Этот астероид 89 миль в диаметре выглядел отсюда гораздо внушительней своей гигантской планеты.

Поверхность его представляла собой нагромождение уродливых серых скал — типичная для пояса астероидов картина, какими Лакки с Бигменом были давно и по горло сыты. Пожалуй, только одним выделялся он среди других спутников — тем, что внутри, под его коркой, тысячи людей и миллиарды долларов работали над созданием антигравитационных кораблей.

Лакки молча разглядывал Юпитер с его восхитительными

цветными поясами — как будто ребенок, обмакнув пальцы в акварель, протащил их по уже готовому рисунку и оставил светло-розовые и зеленовато-голубые следы. Не верилось, что все это неживое...

— Эй! — Голос Бигмена вернул Лакки к реальности. — Ты мне ответишь наконец? Сколько, я спрашиваю, нам еще торчать тут?

— Бигмен, ты ведь прекрасно знаешь — до тех нор, пока не явится Донахью.

— А с какой стати мы ждем его, можно узнать?

— Он просил.

— Ах вот оно что! Он просил! А кто он такой? Кем считает себя наш дорогой друг?

— Он считает себя руководителем аgrav-проекта, — терпеливо объяснил Лакки.

— Но ты же не обязан ему подчиняться! Или не так?

Бигмен имел ясное представление о правах Лакки. Как член Совета Науки, организации, призванной, кроме прочего, вести борьбу с врагами Земли внутри и вне пределов Солнечной системы, Лакки Старр мог не церемониться даже с самыми высокими чинами. Но только не сейчас. Потому что, в отличие от Юпитера, чья невыносимая гравитация и другие губительные прелести были более-менее изучены, — в отличие от него Юпитер-9 таил в себе опасность куда более серьезную, и до поры до времени следовало действовать крайне осмотрительно.

— Терпение, Бигмен, терпение.

Бигмен что-то пробурчал себе под нос и, чтобы хоть как-то изменить обстановку, решительно включил свет.

— Или мы весь день будем паяться на твой Юпитер?!

Он прошел в угол пилотской кабины, туда, где стоял герметически закрытый резервуар с водой. В нем сновало небольших размеров существо. Лицо Бигмена мгновенно расплылось в счастливейшей улыбке, и нежность вытеснила все остальные чувства: В-лягушка действовала так на всех без исключения.

Эта кроха была родом из теплых океанов Венеры. Временами казалось, что состоит она из одних глаз и лапок. Зеленое ее тельце действительно походило на лягушачье. Глаза блестели, как две черных смородины, а кривой не то нос, не то клюв открывался и закрывался совершенно бессистемно. Когда Бигмен слегка постучал по крышке, шесть лапок В-лягушки, только что втянутые, расправились, как складная линейка, и обнаружили изрядную длину.

Маленький уродец, что там говорить. Но человек,

склонившийся над ней, в эту минуту не представлял себе ничего прекраснее, что объяснялось особыми свойствами В-лягушки.

Бигмен осторожно проверил цилиндр с двуокисью углерода, насыщавшей воду, и посмотрел на красную нитку термометра.

— Хватит ли ей травы, Лакки? — вдруг встревожился он, и В-лягушка, словно иллюстрируя реплику, перекусила клювом тонкий стебелек венерианского растения и принялась неспешно его пережевывать.

— До высадки на Девятый — должно, — успел ответить Лакки. Прежде чем они, оба одновременно, задрали головы, услышав резкий сигнал вызова.

Лакки быстро произвел необходимую подстройку, и на экране возникло строгое усталое лицо.

— Я — Донахью.

— Да, господин директор, — ответил Лакки. — Мы ждем вас.

— В таком случае, приготовьте переходной шлюз.

За последние недели Лакки уже привык видеть такие лица с выражением явной обеспокоенности и большого внутреннего напряжения. Такое лицо было и у Гектора Конвея, Главного Научного Советника...

Лакки был для него как сын, и потому надобность подчеркивать конфиденциальный характер беседы отпала сама собой. Конвей, всегда такой цветущий, в короне седых волос, уверенный в себе, великодушный и любезный, был в тот раз мрачным и подавленным.

— Я уже несколько месяцев ищу возможности поговорить с тобой.

— Какие-то неприятности? — тихо поинтересовался Лакки. — Я не получал никакого вызова от тебя.

С месяц назад он вернулся с задания и все время безвылазно сидел в своей нью-йоркской квартире.

— Ты заработал отпуск, — несколько раздраженно начал Конвей, — и я бы охотно продлил его тебе...

— Так в чем же дело, дядюшка Гектор?

Выцветшие глаза Советника сурово в упор глядели в глаза юноши, казалось, ища в них покоя.

— Сириус, — прозвучало наконец.

Лакки почувствовал, как учащенно заколотилось сердце. «Вот он, враг!»

Минули столетия с тех пор, как первопроходцы с Земли начали заселять планеты ближайших звезд. За пределами Солнечной системы давно сложились новые общества, независимые, вряд ли помнящие о своих истоках.

На планетах Сириуса обосновались старейшие и самые

развитые из них. Сирианская наука была на высочайшем уровне, и возможности ее развития далеко не исчерпались. Не представляло секрета то, что сирианцы, убежденные в своей исключительности, ждут не дождутся удобного момента, чтобы перехватить бразды правления Галактикой, и смертельно ненавидят старушку Землю. В прошлом они помогали любому, кто воевал с Землей, но делали это, не покидая своего дома, потому что не чувствовали себя достаточно сильными для открытой битвы. А сейчас...

— Так что там с Сириусом? — спросил Лакки.

Конвей откинулся на спинку кресла и беспокойно забарабанил по подлокотнику.

— Сириус становится сильнее год от года. Но его население все еще весьма малочисленно, всего несколько миллионов. У нас же, в Солнечной системе, людей больше, чем во всей остальной Галактике. Больше кораблей, больше ученых. Это — преимущество, но мы можем утратить его, если будем сидеть сложа руки.

— Каким образом это может произойти?

— Совет располагает доказательствами, что Сириус прекрасно осведомлен о ходе наших аграв-исследований.

— Как! — Лакки был поражен. Аграв-проект считался в высшей степени секретным, поэтому работы и велись на одном из спутников Юпитера. — Как это могло случиться, черт возьми!

Конвей грустно улыбнулся:

— Вопрос именно в этом — как. К ним уплывают все материалы, но каким образом — непонятно. Мы пытались остановить утечку информации: каждого участника проекта подвергали строжайшей и всесторонней проверке. Мы предприняли все мыслимые и немыслимые меры предосторожности. А утечка продолжается! Мы запустили фальшивку, надеясь убедиться в эффективности очередных ловушек, но сирианцы немедленно, по сообщениям нашей разведки, овладели ею, хотя и не могли, никак не могли.

— Почему это — не могли?

— Потому, что мы разбросали содержащиеся в фальшивке сведения так, что не только один человек, но и полдюжины не собрали бы их вместе. И все же... Получается, в шпионаже занято значительное число людей. Совершенно невероятно!

— Или один, имеющий доступ ко всему, — предположил Лакки.

— Чушь! Нет, тут нечто другое, новое... Ты не чувствуешь, к чему я клоню? Если Сириус действительно нашел способ читать наши мысли, мы в опасности. Нам не защититься и никогда не

победить их.

— Постой, дядюшка, сделай паузу, прошу тебя. Что ты имеешь в виду, говоря о чтении наших мыслей?

— О, дьявол! — Глава Совета распалился окончательно. — Я в отчаянии, Лакки! Да как иначе! Они нашли какой-то способ чтения мыслей! Но ведь не могли, не могли!

— Ты совершенно напрасно так взволновался. Знаем же мы о существовании венерианских В-лягушек? Вот тебе и способ!

— Я думал об этом. Но у сирианцев нет В-лягушек! А ведь нужны тысячи этих тварей — только с их помощью можно овладеть телепатией! Вне Венеры держать такую прорву животных хлопотно, куда как хлопотно. И не спрячешь, к тому же. Но другого способа не существует!

— У нас, — мягко подчеркнул Лакки. — А у них? Вполне возможно, что сирианцы опередили нас в этой области.

— Без В-лягушек?

— Даже без В-лягушек.

— Никогда не поверю! — воскликнул Конвей. — Чтобы сирианцы решили проблему, с которой не справился Совет Науки?!

Лакки едва удержался от улыбки — в словах старого ученого звучала неприкрытая гордость за свою организацию, с другой стороны, он имел полное право на это. Несомненно, Совет Науки являл собой невиданную концентрацию интеллекта; в конце концов, все научные идеи так или иначе исходили от Совета. И все-таки Лакки захотелось слегка поддразнить Советника.

— Да уж, куда им до нашего Совета! Только и знают, что клепать со злости своих удивительно совершенных роботов.

— А чего стоили бы эти куклы без нашего позитронного мозга? Правда, кое-что им удалось усовершенствовать...

— Поговорим-ка лучше о будущем. Значит, Сириус вовсю шпионит, а мы разводим руками?

— Именно так.

— И под угрозой аgrav-проект?

— Да.

— И ты, дядюшка, хочешь, чтобы я отбыл на Юпитер-9 и попытался там до чего-нибудь докопаться?

Конвей угрюмо кивнул:

— Да, я лично прошу тебя об этом. Ты виртуоз, перед которым можно ставить задачи любой сложности. Правда, эта задача представляется мне заведомо неразрешимой. Совет испробовал все и не добился ничего. Кто шпион? Каков метод шпионажа? Ни малейшего представления. Что сможешь сделать ты?!

— У меня будут помощники.

— Бигмен? — впервые улыбнулся Конвей.

— Не только... Позволь спросить тебя вот о чем. Знают ли на Сириусе о наших работах по В-лягушке?

— Нет. По нашим сведениям — нет.

— Отлично. Мне нужна В-лягушка.

— В-лягушка! Одна В-лягушка?

— Да. Одна В-лягушка.

— Но что это тебе даст? Ведь психогенное поле В-лягушки крайне слабо! Ты не сможешь читать мысли!

— Однако смогу обнаружить наличие сильных эмоции.

— Пусть так. И?...

— Возможно, я получу то, чего не имели мои предшественники. Внезапная эмоциональная волна может выдать предателя. И потом...

— Ну?

— А если он к тому же обладает телепатическими способностями, то я смогу обнаружить нечто большее, чем эмоцию, — некую определенную мысль. Причем обнаружу раньше, чем преступник успеет экранироваться.

— Но ведь он тоже сможет уловить твои эмоции.

— Лишь теоретически: я буду слышать его эмоцию, почти как произнесенное слово, а он такой возможности будет лишен.

Глаза Конвея ожили.

— Надежда ничтожно малая, однако надежда, клянусь небом! Ты получишь свою В-лягушку! Но прошу тебя, Дэвид, — лишь в минуты глубокой озабоченности он называл Лакки настоящим именем. — Убедительно прошу проникнуться всей важностью стоящей перед тобой задачи. Мы должны разгадать замыслы сирианцев! Без этого нам не отсрочить войны!

— Я знаю, — тихо ответил Лакки.

2. Глава проекта разгневан

Таким вот образом и получилось, что Лакки Старр, землянин, со своим другом Бигменом Джонсом, уроженцем Марса, и с маленьким венерианским животным, способным читать и внушать мысли, очутились далеко за пределами пояса астероидов.

Зависнув в тысячах миль над Юпитером-9, они ожидали момента, когда гибкий пневмотранспортер соединит «Метеор» с кораблем Главы Проекта — Донахью. Транспортер представлял собой эластичную трубу и служил для перехода из одного корабля в другой без скафандра; человеку опытному хватало одного-единственного толчка и легчайших манипуляций на поворотах.

Вначале появились руки, и через мгновение, оттолкнувшись от края люка, Донахью прыгнул в искусственное гравитационное поле (или, как его чаще называли, — псевдограв) «Метеора». Это было сделано столь ловко, что Бигмен, знавший толк в подобных вещах, одобрительно кивнул.

— Добрый день, Советник Старр, — хрипло произнес Донахью. В космосе всегда приветствовали именно так, независимо от того что было на самом деле — утро, день или вечер; хотя, по правде говоря, в безвоздушном пространстве не существовало ни первого, ни второго, ни третьего.

— Добрый день, господин Директор, — отозвался Лакки. — У вас какие-то затруднения с нашей посадкой?

— Затруднения?! Как посмотреть... — Донахью огляделся и сел в кресло пилота. — Я связался со штаб-квартирой Совета... Мне сказали, что все дела я должен решать непосредственно с вами. И вот я здесь.

Казалось, воздух вокруг этого жилистого человека наполнен напряженностью. Уже изрядно седой, Глава Проекта все же еще мог считать себя шатеном. Лицо покрывала сеть глубоких морщин, на руках — набухшие вены. Говорил он нервно и чрезвычайно быстро.

— Дела?! Какие дела, сэр? — спросил Лакки.

— Переговоры, господин Советник. Я прошу вас вернуться на Землю.

— Почему?

Донахью отвел взгляд.

— Тут проблема морального плана. Видите ли, наших людей проверяют, проверяют и снова проверяют. Одно расследование, еще не завершившись, сменяется другим. Это никому не может

нравиться. Постоянно находиться под подозрением — нестерпимо, согласитесь. Сейчас, когда наш агрив-корабль почти готов, не время беспокоить людей, которые, кстати, уже подумывают о забастовке.

— Может быть, ваших людей и проверяли, но утечка информации так и не прекратилась.

Донахью пожал плечами.

— Значит, все происходит где-то в другом месте. Необходимо... — Он оборвал фразу и совершенно другим, дружелюбным тоном спросил: — А что это такое?

Бигмен, проследив за его взглядом, выпалил:

— Это наша В-лягушка, сэр! А я — Бигмен!

Даже не заметив, что ему представились, Донахью устремился к В-лягушке.

— Это существо с Венеры, не так ли?

— Совершенно верно, — ответил Бигмен.

— О, я слышан о них! Вижу, однако, впервые! Какой славный маленький танцор! Вы не находите?

Лакки мрачно наслаждался. Не было ничего странного в том, что в самый разгар серьезного разговора Директор вдруг воспыал нежными чувствами к В-лягушке! А что ему оставалось делать?!

Сейчас маленькое существо, раскачиваясь на гибких лапках, тихо пощелкивало своим попугайским клювом и смотрело на Донахью кроткими черными глазами. Способ выживания В-лягушки был уникален — она не обладала никаким оружием, не имела ни когтей, ни зубов, ни рогов. Конечно, она могла ущипнуть своим клювиком, но и все... Тем не менее В-лягушки безмятежно размножались на покрытой травой поверхности венерианского океана, и даже самые лютые хищники не трогали их. В-лягушки обладали способностью контролировать чужие эмоции, инстинктивно вынуждая все живое обходиться с ними ласково, любить их. Поэтому они не только выжили, но и благоденствовали.

Лягушка столь явно наполнила Донахью нежностью, что этот сугубо военный, чуждый сантиментов человек засмеялся, когда она, сопровождая взглядом скользнувший по стеклу палец, села, втянув лапки.

— Вот бы несколько таких — на наш Девятый! А, Старр? Мы здесь просто обожаем животных! Что бы там ни говорили, а с ними появляется какой-то уют!

— Это не очень практично, — ответил Лакки. — Для них нужна двуокись углерода. Кислород может убить В-лягушку, вот в чем дело.

— Вы хотите сказать, что их нельзя держать в открытом аквариуме?

— Можно, например, на Венере, где двуокись углерода дешевле мусора, и В-лягушку можно выпустить в океан, если понадобится. Но на корабле никто, конечно, не станет примешивать двуокись в воздух. Закрытая система гораздо предпочтительней.

— А-а-а... — Донахью был явно опечален.

— Возвращаясь же к началу нашей беседы, — живо продолжил Лакки, — я должен сказать, что ваше предложение о возвращении на Землю неприемлемо. У меня предписание, и я обязан его выполнить.

Донахью понадобилось несколько секунд чтобы стряхнуть волшебные чары. Его лицо вновь побагровело.

— Я уверен, что вы неправильно оцениваете ситуацию! — Он смерил взглядом Бигмена и опять повернулся к Лакки. — Подумайте хотя бы о нем!

Маленький марсианин покраснел, выпятил грудь и сердито выкрикнул:

— Меня зовут Бигмен! Я, кажется, сказал вам об этом!

— Увы, даже от такого имени не прибавляют в росте.

Лакки попытался успокоить друга, обняв за плечо, но того уже понесло.

— Мистер! Истинная величина — не снаружи, да будет вам известно! Мое имя Бигмен, и я — большой человек! В сравнении с вами и с любым другим! И плевать мне на то, что показывают ваши измерительные линейки! А если вы сомневаетесь... — Он сильно тряхнул плечом. — Отстань, Лакки, понял? Этот тип еще будет...

— Да подожди же! — прервал Лакки. — Выясним сначала, что нам хочет сказать господин Директор.

Донахью был совершенно обескуражен такой атакой Бигмена.

— Но я не имел в виду ничего плохого! Прошу простить меня, если невольно оскорбил вас в лучших чувствах!

— Оскорбил в лучших чувствах! — пропищал Бигмен. — Усвойте одну вещь! Я! Никогда! Не выхожу! Из себя! Но если уж вы приносите извинения — забудем об этом. — Он подтянул пояс и щеголевато прищелкнул красными сапогами — память о покинутой марсианской ферме. У Бигмена имелись и другие сапоги, но того же умопомрачительного цвета.

— Буду с вами предельно откровенен, Советник Старр, — сказал Донахью, вновь обращаясь к Лакки. — Здесь, на Юпитере-9, у меня почти тысяча человек, и далеко не покладистых. Их не изменишь. Потому что дом их далеко, потому

что они работают, как волы, и при этом постоянно рискуют... Это ожесточает. Например, они зло шутят над новичками. Не всякий выдерживает такие шуточки. Многие тут же возвращаются, часто — покалеченные. Кто смог перетерпеть — дальше живет сносно.

— Такое поощряется официально?

— Нет. Но неофициально — да. У людей должна быть какая-то отдушина. Мы не можем лишать их развлечений, пусть грубых. Не так-то легко найти замену хорошему работнику. Вы ведь знаете, как мало желающих лететь на спутники Юпитера. Кроме того, происходит отсев непригодных. Как правило, те, кто сломался уже при — назовем это так — посвящении, впоследствии терпят неудачу и во всем остальном. Именно поэтому я упомянул вашего друга. — Донахью предостерегающе поднял палец. — Не совершите ошибки! Пусть он внутренне велик и необычайно одарен! Но по силам ли ему подобные испытания?

— Вы имеете в виду злые шутки?

— Они будут достаточно грубыми, господин Советник. Людям уже известно о вашем прибытии. Новости, неизвестно как, но доходят.

— Понятно, — прошептал Лакки.

— Они знают также, что вы собираетесь их проверять, и, поверьте, не испытывают по отношению к вам никаких добрых чувств. Настроение у всех паршивое, и они постараются насолить вам как следует, Советник Старр. Поэтому снова прошу вас не садиться на Юпитер-9. Ради спасения Проекта, спасения моих людей, да и нашего собственного. Теперь вы знаете все.

Бигмен с открытым ртом наблюдал стремительное преобразование Лакки: его темно-карие глаза вдруг стали безжалостными, а правильные черты худого и приятного лица до неузнаваемости исказились неудержимым гневом. Казалось, каждый мускул его стройного тела напрягся.

С чеканной яростью Лакки произнес:

— Директор Донахью, я член Совета Науки и подчиняюсь лишь главе Совета, а также Президенту Солнечной Федерации. Я старше вас по званию. Вы обязаны подчиняться мне и выполнять все мои приказы. Предупреждение, которое вы только что мне сделали, свидетельствует, как я полагаю, о вашей некомпетентности. Ни слова, пожалуйста, я еще не закончил... Итак, вы не способны контролировать своих людей и, следовательно, не годитесь для руководства. Теперь слушайте. Я высажусь на Юпитер-9 и проведу тщательнейшее расследование. Я сам буду руководить вашими людьми, если вы не способны на это. — Он сделал паузу, наблюдая за тем, как Донахью ловит

ртом воздух, тщетно пытаясь что-то вымолвить, а потом гаркнул:
— Понятно?!

Наконец Донахью выдал:

— Я доведу это до сведения Совета. Я не позволю какому-то мальчишке, будь он хоть трижды членом Совета, разговаривать со мной таким тоном. Кстати, мое предупреждение будет также включено в рапорт, и если вас на Юпитере-9 изувечат — я счастливо избегу военного суда! Я ничего не сделаю для вас! Я даже рассчитываю, что вас научат хорошим манерам! Вы... — Не в силах больше говорить, он резко повернулся к люку, влез в отверстие, но, забыв о необходимости придерживаться рукой, напоследок еще и споткнулся.

Со страхом и трепетом проводил Бигмен взглядом исчезнувшие в трубе каблучки. Гнев Главы Проекта был столь силен, что маленькому марсианину показалось, будто его обдало раскаленной волной.

— Ого! Таки разошелся наш приятель! Потряс ты его!

Лакки кивнул.

— Да, он рассердился. Никаких сомнений.

— Послушай, а может быть, это и есть шпион? Ведь он знает больше всех!

— Но и проверку прошел самую тщательную. Твоя версия отпадает. Однако то, что он помог нам в одном маленьком эксперименте, — это точно. Не забыть бы извиниться перед ним при встрече...

— Извиниться?! — Бигмен всю жизнь считал, что извиняться — дело исключительно других людей. — Но почему?

— Бигмен! По-твоему, все, что я тут нес, это вполне серьезно?

— Как, разве ты не рассердился?!

— Рассердился, но не по-настоящему!

— Так это — розыгрыш?

— Можно сказать и так. Понимаешь, я хотел его разозлить, здорово разозлить, и мне удалось. Он сам помог мне в этом.

— То есть?

— Послушай, разве тебя не пробрал приступ гнева, не прожог?!

— Ах, чтоб тебя!.. Дошло! В-лягушка!

— Ага. Уловила гнев Донахью и передала его нам. Когда мы проверяли ее на Земле, я сомневался, что одна В-лягушка способна на такое. Но теперь...

— Да, свое дело она знает.

— Несомненно. И мы наконец-то располагаем мощным оружием.

3. Аграв-туннель

Отлично! — воскликнул Бигмен с жаром. — Тогда — в путь!

— Ты только пройди его, выдержи, дружище, — отозвался Лакки. — Оружие-то наше, конечно, очень кстати... Но мы можем и не уловить те эмоции, которые нам нужны, — эмоции, дающие ключ к разгадке тайны. Иметь глаза и видеть — это ведь далеко не одно и то же...

— Уж ты-то увидишь! — успокоил его Бигмен.

Спуск к Юпитеру-9 очень напомнил Бигмену подобные маневры в поясе астероидов. Как объяснил во время перелета Лакки, по мнению большинства астрономов, этот спутник был когда-то настоящим астероидом, но много миллионов лет назад его захватило мощное гравитационное поле Юпитера.

Здесь, в пятнадцати миллионах миль от гигантской планеты, образовалась миниатюрная зона, состоящая из таких же присвоенных Юпитером астероидов. Четыре самых крупных спутника — от сорока до ста миль в диаметре — получили номера двенадцатый, одиннадцатый, восьмой и девятый. Кроме них, была еще добрая сотня спутничков, чуть превышавших одну милю в поперечнике. Их орбиты вычислили лишь в самое последнее время, когда началось использование Девятого в качестве антигравитационного исследовательского центра и когда необходимость многочисленных полетов на него обусловила быстрое заселение окружающего пространства.

Приближающийся спутник, стремительно поглощая небо, выставлял напоказ острые вершины и уродливые впадины, никогда не знавшие ветра.

— А почему он Девятый? — задумчиво спросил Бигмен. — Ведь, по Атласу, Двенадцатый намного ближе к Юпитеру!

Лакки улыбнулся.

— Ты, парень, безнадежен... Человечество, по-твоему, с колыбели принялось носиться по космосу? Первый корабль появился лишь тысячу лет назад!

— Без тебя знаем, — обиделся Бигмен. — Грамотные, в школу ходили. Очень много о себе воображаешь.

— Тук-тук! — постучался Лакки в лоб Бигмена. — Кто-нибудь дома? — Маленький кулачок метнулся в сторону обидчика, но был перехвачен. — Вот так это делается, дружище... Понимаешь, когда-то, еще до выхода в космос, люди наблюдали Юпитер лишь в телескоп. И спутники нумеровались в той последовательности, в которой их открывали.

— Вот бедолаги! — засмеялся Бигмен. Он живо представил

себе этих парней, битком набившихся в своем крохотном мирке и удивленно глазающих на Вселенную в несуразную свою оптику.

— Четыре больших спутника, — продолжил Лакки, — получили и первые четыре номера. Но более употребительны их названия: Ио, Европа, Ганимед и Каллисто. Ближайший к Юпитеру спутник — Пятый, а более дальние пронумерованы до двенадцати. Все прочее было открыто гораздо позже, когда люди добрались до Марса... Внимание! Приготовиться к посадке!

Лакки думал об относительности понятия величины. Конечно, 89 миль в диаметре — это скромно, и вполне уместится на территории штата Коннектикут, а площадь поверхности Девятого даже уступит площади, скажем, Пенсильвании.

Но когда эта малютка наваливается на тебя и, заключив в крепкие объятия, увлекает борющийся с инерцией корабль внутрь просторного грота, где стоит уже сотня таких кораблей, — невольно становишься почтительней. А после того, как ты входишь в контору и видишь на карте сеть подземных помещений, Юпитер-9 еще больше вырастает в твоих глазах.

В двух проекциях — горизонтальной и вертикальной — были изображены бесчисленные коридоры. Иногда они располагались на значительной глубине и имели длину до ста миль.

— Основательно, — сказал, наконец, Лакки стоявшему рядом лейтенанту.

Лейтенант Август Невски сдержанно кивнул. Форма сидела на нем безукоризненно, светлые усы напоминали маленькую щеточку, а голубые, широко посаженные глаза глядели с преданностью.

— Мы еще разрастаемся! — не удержавшись, сообщил он.

Этот лейтенант появился четверть часа назад, едва Лакки с Бигменом покинули корабль, отрекомендовался как гид, закрепленный за ними Директором Донахью.

— Гид? — усмехнулся Лакки. — А может быть, конвоир? Ведь вы вооружены?

Ничего не отразилось на лице Невски, он с готовностью объяснил:

— Как и любой офицер, находящийся при исполнении служебных обязанностей. А в необходимости гида вы скоро убедитесь, господин Советник.

Когда прибывшие похвалили Проект, лейтенант позволил себе немного расслабиться, и в его голосе появилась доверительность.

— Некоторое инженерное трюкачество допускается здесь ввиду чрезвычайно слабого гравитационного поля. Эти коридоры практически не имеют опор.

— Насколько я понимаю, работы над первым аграв-кораблем близятся к завершению? — спросил Лакки.

Невски тотчас окаменел. Уже совсем другим тоном он продолжил:

— А сейчас я провожу вас в ваши апартаменты. Проще всего воспользоваться аграв-туннелем, если только...

— Эй, Лакки! — Вдруг возбужденно вскрикнул Бигмен. — Взгляни-ка!

Лакки обернулся. То была всего лишь кошечка, дымчатого цвета, с глубокой печалью во взоре. Спина ее выгнулась навстречу руке Бигмена. Она мурлыкала, предвкушая удовольствие.

— Директор рассказывал мне о том, как здесь любят животных. Это ваша, лейтенант?

Невски зарделся.

— О нет, господин Советник! Общая! Тут бродит еще несколько кошек. Они попадают к нам с кораблями снабжения. Имеются также канарейки, длиннохвостый попугай, белые мыши, золотые рыбки... Но вот такого... — Он бросил завистливый взгляд на аквариум, который Лакки держал под мышкой.

А внимание Бигмена было по-прежнему приковано к кошке. На Марсе фауна отсутствовала. А пушистые четвероногие Земли неизменно волновали его.

— Ты знаешь, Лакки, кажется я ему нравлюсь!

— Ей, — уточнил лейтенант, но Бигмен оставил реплику без внимания. А кошка, подняв хвост трубой и предельно изогнувшись, ходила перед ним взад-вперед, подставляя то один, то другой бок нежным поглаживаниям.

Внезапно мурлыканье прекратилось, и Бигмен ощутил неодолимую страсть: кошка, приняв охотничью позу, неотрывно смотрела на В-лягушку...

Возбуждение исчезло так же неожиданно, как и появилось. Успокоившись, кошка подошла к аквариуму поближе и удовлетворенно заурчала. Она полюбила В-лягушку, помимо воли, как и все.

— Итак, лейтенант, — прервал идиллию Лакки, — вы, кажется, хотели нам что-то поведать об аграв-туннелях?

Невски, который тоже засмотрелся на В-лягушку, ответил не сразу, ему понадобилось некоторое время, чтобы собраться с мыслями.

— А? Да-да... Все довольно просто. На Юпитере-9 есть искусственные гравитационные поля, такие же, как на любом корабле и любом астероиде. Они расположены в каждом из главных коридоров, причем таким образом, что вы можете падать — почти как в яму на Земле — как туда, так и обратно.

Лакки кивнул.

— С какой скоростью?

— Известно, что гравитация притягивает с постоянной силой, и вы падаете все быстрее и быстрее...

— Мне также это известно, — сухо прервал Лакки.

— Но не с аgrav-управлением! — продолжал лейтенант. — Ведь аgrav — это антиграв! Вы падаете с удобной для вас скоростью! Вы можете ее замедлить с помощью противоположно направленного поля! Двупольный аgrav-туннель, конечно, весьма прост. Однако принципы его действия нашли применение в конструкции аgrav-корабля... А сейчас о жилье. Квартиры инженеров, где для вас приготовлены комнаты, находятся в миле отсюда, и самый короткий путь к ним — по туннелю А-2. Вы готовы?

— Мы будем готовы, когда освоим аgrav-управление.

— Нет ничего проще. — Невски вручил каждому что-то вроде доспехов и, помогая в них облачиться, коротко рассказал об управлении, а потом разрешился неожиданной галантностью. — Не угодно ли джентльменам последовать за мной? Коридор всего в нескольких ярдах отсюда!

Бигмен мялся у входа. Нет, его не пугали падения как таковые! Просто он предпочел бы иметь дело с марсианской или даже меньшей гравитацией. А этот псевдограв по силе своей совпадал с полем Земли, и туннель походил на ярко освещенный ствол шахты, уходящий вниз. Бигмен понимал, что туннель почти параллелен поверхности, но легче от этого не становилось.

— Перед нами самый короткий путь к помещениям инженеров, — сказал Невски. — Если бы нам нужно было попасть туда с другой стороны — «низ» коридора оказался бы в противоположном конце. Мы просто-напросто поменяли бы «верх» и «низ» местами. — Взглянув на озадаченного Бигмена, он ободрительно добавил: — Вы все поймете, как только попробуете! Потом это даже войдет в привычку!

Ступив в туннель, лейтенант не только не упал, а даже не опустился, как будто стоял на чем-то твердом.

— Установите стрелку на ноль! — строго сказал он.

Бигмен подчинился и, почувствовав, как исчезло ощущение гравитации, бодро вошел в туннель.

Лейтенант резко повернул центральную ручку настройки и полетел, набирая скорость, вниз. Вторым, после той же манипуляции с аgrav-управлением, провалился Лакки. И Бигмен — речь шла уже о его чести — набрав в легкие побольше воздуха, рухнул им вослед.

— Поверните опять на ноль! — крикнул Невски. — Вы будете

перемещаться с постоянной скоростью!

Мимо них периодически проплывали ярко-зеленые надписи: «ДЕРЖАТЬСЯ ЭТОЙ СТОРОНЫ!». Промелькнул на огромной скорости человек.

— Бывают ли столкновения, лейтенант? — спросил Лакки.

— Практически нет. Не так уж сложно следить за людьми, которые могут тебя обогнать или которых обгоняешь сам. В любой момент можно без труда изменить скорость движения. Правда, парни иногда сталкиваются нарочно. И могут, например, запросто сломать ключицу. — Он мельком взглянул на Лакки. — Наши парни шутят грубо, тут уж ничего не поделаешь...

— Да, Директор предупреждал меня.

— Лакки! — развеселившись, воскликнул Бигмен. — Это действительно неплохая штука, если вдуматься! — И он с шиком перевел стрелку управления на плюс.

Лакки с лейтенантом остались далеко позади.

— Сейчас же прекрати, ты! — не на шутку встревожился лейтенант. — Переведи назад!

— А ну сбавь скорость! — прикрикнул Лакки.

Они догнали Бигмена, и Невски принялся его распекать.

— Никогда не делайте этого! Здесь полно всяческих перегородок, и если вы не знаете дороги, — ничего не стоит расшибить лоб!

— Бигмен, — вмешался Лакки. — Возьми-ка ты В-лягушку. Может, заботясь о ней, ты будешь вести себя поприличней.

— Ой, Лакки... — сконфуженно промямлил Бигмен. — Я, знаешь, немножко повеселился...

— Ладно. Все в порядке.

И Бигмен опять стал смотреть вниз. Падение с постоянной скоростью значительно отличалось от свободного падения в космосе. Корабль мог двигаться со скоростью сотни миль в час — и все равно, было ощущение абсолютной неподвижности. Здесь же мимо тебя без конца проносилось множество штуквин непонятного предназначения. В космосе никто не ищет «верха» и «низа», но то, что их нет и здесь, казалось несправедливым. Пока Бигмен смотрел «вниз», мимо своих ступней, казалось, что это и есть самый настоящий низ. Но стоило взглянуть «вверх», и уже казалось: низ — там, и ты, стоя на голове, падаешь вверх. Бигмен снова перевел взгляд на ноги, чтобы избавиться от этого неприятного ощущения.

— Не наклоняйтесь вперед, Бигмен, — посоветовал лейтенант. — Иначе начнете кувыркаться.

Бигмен испуганно выпрямился.

— Что, конечно, не смертельно, — продолжал Невски. — Ведь

можно выпрямиться снова. Тем не менее лучше этого избегать... А сейчас мы должны замедлить движение. Переведите стрелку приблизительно на минус "5".

Он уже сбавил скорость, и его ступни покачивались у Бигмена перед глазами.

Бигмен стал крутить ручку настройки, отчаянно пытаясь поравняться с лейтенантом. Но, как только это ему удалось, «верх» и «низ» коридора поменялись местами, и Бигмен почувствовал себя стоящим на голове.

— У меня вся кровь прилила к голове!

— Здесь на стенках есть специальные выступы. — Лейтенант уже с трудом переносил экспансивность Бигмена. — Как только один из них вам попадется, немедленно цепляйтесь за него носком, и ваша замечательная голова снова окажется наверху. — Он тут же показал, как это делается. Вслед за ним переворот выполнил Лакки. А Бигмену понадобилось некоторое время, прежде чем он, суча короткими ножками, зацепился за выступ и ударился локтем об обшивку.

Зато теперь он снова стоял на ногах и не падал, а поднимался. Как пушечное ядро. Все медленней и медленней. Бигмен даже начал опасаться нового падения. Но когда движение почти прекратилось, Невски велел перевести стрелку в нулевое положение, и дальнейший подъем напоминал уже старенький тихоходный лифт.

Наконец они достигли уровня другого туннеля, в их восприятии — горизонтального.

— Квартиры инженеров, джентльмены, — объявил Невски.

— И приемная, — добавил Лакки, потому что в коридоре, явно поджидая их, толпилось человек пятьдесят. — Это и есть ваши любители грубых игр, лейтенант? Кажется, они собрались поиграть.

Прибывшие двинулись по коридору. Бигмен, чьи ноздри возбужденно трепетали, наслаждался устойчивостью пола и крепко сжимал аквариум.

4. Посвящение

Лейтенант Невски положил руку на рукоять бластера и спросил металлическим — насколько у него это вышло — голосом:

— Что вы здесь потеряли, ребята?

Послышалось неясное бормотание, но в общем-то люди хранили тишину. Их глаза были прикованы к стоящему впереди, они ждали, когда заговорит он.

Скуластое лицо вожака сморщилось в радушной улыбке. Его светло-рыжие волосы разделял аккуратнейший прямой пробор. Он усиленно жевал резинку. Одежда его была, как у всех, из синтетического материала, однако имела существенное отличие: рубашку и брюки украшали большие медные пуговицы: шесть на рубашке и по четыре на брючинах.

— Саммерс! — Невски повернулся к нему. — Что вы все тут ищете?

Саммерс заговорил голосом ягненка.

— Ну как же, лейтенант! Ведь гость! Мы подумали, что ему захочется поговорить с нами, да и просто увидеть нас. Вот и решили встретить.

Все это время он поглядывал на Лакки, и лед, сверкавший в его глазах, наилучшим образом комментировал нежные речи.

— По-моему, вы должны находиться на рабочих местах! — продолжал наседать Невски.

— Да помилуйте, лейтенант! — Оказалось, что Саммерс может жевать и медленнее. — В кои-то веки захотелось поздороваться с человеком!

Заметив, что Невски уже иссяк, Лакки решительно спросил:

— Лейтенант, какие у нас комнаты?

— 2А и 2Б, сэр. Чтобы попасть туда...

— Не беспокойтесь. Кто-нибудь из этих милых людей любезно поможет мне. Мы ведь еще увидимся с вами?

— Но я не могу уйти! — многозначительно прошептал Невски.

— Можете, я уверен в этом.

— Более чем можете, лейтенант! — сказал Саммерс, улыбаясь во весь рот. — Скромное приветствие никому не повредит. — Позади захихикали. — Кроме того, вас ведь просят уйти!

— Отдадим В-лягушку лейтенанту, Лакки, — пробормотал Бигмен. — С нею в руке я не смогу драться.

— Ни в коем случае. Она понадобится нам здесь... Всего доброго, лейтенант! Вы свободны!

Невски все еще колебался.

— Это приказ, лейтенант! — добавил Лакки.

— Слушаюсь, сэр! — выпалил Невски и бросил взгляд на В-лягушку, та безмятежно жевала папоротниковый лист. — Позаботьтесь о ней... — Голос лейтенанта задрожал, и ему стоило немалых усилий повернуться и шагнуть к аэро-туннелю.

Лакки смотрел на толпу: выражения лиц не предвещали ничего хорошего. Предстояло доказать этим людям, что он тоже не пяткой сморкается. Иначе они будут мешать ему повсюду, и все усилия останутся бесплодными. «Ни в коем случае не дай положить себя на лопатки...»

Улыбка Саммерса напоминала волчий оскал.

— Ну вот, дорогой друг. Теперь можно и поговорить. Я Рэд Саммерс. А как зовут тебя?

— Я Дэвид Старр, — улыбнулся Лакки. — А моего друга зовут Бигмен.

— Старр? Почему же тебя только что называли Лакки?

— Так меня зовут друзья. Они считают меня везучим.

— Ну разве не прелесть! Лакки! Так ты, получается, счастливчик? И, наверное, намерен оставаться им впредь?

— А что, есть сложности?

— Никаких сложностей, Лакки Старр. — Лицо Саммерса исказилось от злобы. — Если ты уберешься с Девятого!

По толпе прокатился гул одобрения. Несколько голосов повторили: «Убирайся!» Толпа придвинулась к Лакки.

— Не могу, ребята. — Он огорченно развел руками. — Дело у меня тут.

— Тогда недолго тебе быть счастливчиком, — вздохнув, констатировал Саммерс. — Ты у нас новенький и, вдобавок, выглядишь слабаком. А таких на Юпитере-9 обижают. Нам страшно за тебя, мальчик...

— Не думаю, что меня обижают.

— Вот как, да? А ну-ка, Арманд, покажись!

Из задних рядов вышел громадного роста человек, круглолицый, могучего сложения, широкоплечий, грудь колесом. На Лакки с его шестью футами он смотрел сверху вниз, открывая в улыбке редкие желтые зубы.

Предвкушая потеху, люди стали рассаживаться на полу. Они весело окликали друг друга и вели себя так, будто вот-вот начнется увлекательный матч.

Кто-то крикнул:

— Ай, Арманд, поосторожней! Не наступи на парнишку!

Рассерженный Бигмен взглядом поискал наглеца, но безуспешно.

— Еще не поздно испариться, Старр! — прошамкал Саммерс.

— Но мне кажется, что тут намечается что-то веселенькое! — отвечивал Лакки.

— Не для тебя Старр, не для тебя... Мы, видишь ли, хорошо подготовились к твоему визиту. Хвастунишки с Земли у нас уже вот где. — Саммерс показал, где именно. — Наш организм их больше не принимает. А если в это дело сунется Донахью — мы ответим забастовкой. Я прав, ребята?

— Пра-а-ав! — заревела толпа.

— И Донахью прекрасно это понимает, — продолжал Саммерс. — Поэтому он останется в стороне. Так что посвящение пройдет без досадных помех. И завершится очередным предложением отчалить восвояси. Если ты, конечно, еще будешь в сознании.

— Сценарий впечатляет, — сказал Лакки. — Кстати, что я такого вам сделал, а?

— Не сделал. А теперь уже и не сделаешь. Это тебе Саммерс говорит.

— Послушай, приятель! — встрял Бигмен. — Ты разговариваешь с членом Совета, между прочим! Эти шуточки могут плохо для тебя кончиться!

Саммерс запрокинул голову в продолжительном безудержном смехе.

— Люди! Да оно говорящее! — смог, наконец, вымолвить он. — А я все думаю: что же это такое? Оказывается, наш Длинноносый Лакки прихватил с собой еще и сопливого братца!

Пока коридор содрогался от хохота, Лакки наклонился к мертвенно-бледному Бигмену.

— Твое дело — крепко держать лягушку. Саммерса я возьму на себя. И умерь свой гнев! Лягушка передает мне только это!

Бигмен отчаянно глотал слюну.

— Ну, Советник, как у нас дела с аgrav-маневрированием?

— Только что опробовал, мистер Саммерс.

— Это обязательно нужно проверить. Опасное дело, когда рядом кто-то, не знающий все ходы и выходы туннеля. Правильно я говорю? — обратился он к публике.

— Пра-а-авильно!

— Арманд! — Саммерс хлопнул верзилу по плечу. — Наш Арманд... С ним, Старр, ты познаешь все нюансы маневрирования. Лучшего учителя просто не найти. Ты сейчас войдешь в аgrav-туннель, Арманд — следом.

— А если я откажусь?

— Тогда мы просто сбросим тебя туда.

Лакки понимающе кивнул.

— Похоже, что варианты отсутствуют... А правила поведения на уроке?

Раздался всеобщий хохот, который смолк, едва Саммерс поднял руку.

— Рекомендуются держаться в стороне от Арманда, Советник. Это единственное правило, которое следует запомнить. Предупреждаю: мы будем, затаив дыхание, наблюдать за тобой. Если попытаешься выползти — тебя сбросят обратно.

Бигмен вскипел.

— Свиньи! Ваш человек на пятьдесят фунтов тяжелее! И наверняка дока в таких делах!

Саммерс посмотрел на него с притворным удивлением.

— Не может быть! Как же я упустил это из виду? Позор! — Зрители давились от смеха. — Отправляйся, Старр... Давай, Арманд. Втащи его, если понадобится.

— Не понадобится, — бросил Лакки и, повернувшись, вошел в туннель.

Легко оттолкнувшись от стенки, он медленно развернулся лицом к наблюдателям, обсуждавшим увиденное.

— Недурно, мистер! — одобрительно пробасил Арманд.

Саммерс ткнул его в спину.

— Заткнись, идиот! Пошел за ним!

Арманд нехотя двинулся вперед.

— Послушай, Рэд, ну давай хотя бы по сокращенной программе!

— Иди туда! — яростно зашипел Саммерс. — И делай то, что я сказал, понятно? Ты знаешь, что это за птица. Если мы не отделаемся от него — пришлют следующего!

Арманд шагнул в туннель.

Лакки тем временем полностью сосредоточился на слабых потоках эмоций, передаваемых В-лягушкой. Типы и источники некоторых из них распознавались без труда. Например, Саммерс: страх, ненависть и жажда триумфа. А вот Арманд — он потихоньку успокаивается. Время от времени улавливались короткие всплески возбуждения, исходившие от других наблюдателей. Иногда они сопровождались возгласом, и тогда их можно было идентифицировать. И все это, конечно, следовало отделять от постоянно бьющей струи бигменова гнева.

Между тем, Арманд уже входил в роль: он без конца чередовал гравитационные направления, и неизвестно было, как к этому относиться.

Несмотря на весь свой опыт, Лакки был новичком в данном типе невесомости, которая не была абсолютной, как в космосе, а могла изменяться по желанию.

Неожиданно Арманд упал, и упал вверх. Его огромные ноги, поравнявшись с головой Лакки, разошлись и тут же сомкнулись, крепко ее зажав.

Лакки инстинктивно дернулся назад, и тут же потерял равновесие. Оставалось беспомощно барахтаться. Послышался радостный хохот.

Лакки понял свою ошибку: нужно было использовать гравитацию, как только Арманд взмыл вверх, Лакки должен был или последовать за ним — или рвануть в противоположном направлении. А сейчас как можно скорее убрать стрелку с нуля, иначе он так и будет кувыркаться.

Но его пальцы не успели дотянуться до управления — Арманд обрушился вниз и нанес локтем сильный удар в поясницу, схватил за лодыжку и потащил. Потом, не давая Лакки опомниться, резко затормозил и произнес не без теплоты:

— Вам еще тренироваться и тренироваться, мистер!

Лакки резким движением вырвался и сразу перевел стрелку на плече, взмыл вверх, оттолкнувшись от плеча Арманда... Казалось, он падает вниз головой, и это неприятное ощущение замедляло реакцию. Или неполадки в аgrav-управлении...

А Арманд всей своей массой теснил и теснил Лакки, делая столкновение со стеной все более вероятным.

Лакки решил, изменив направление гравитации, нырнуть под Арманда и перехватить инициативу. Но тот вновь опередил его. Резко подавшись назад, Арманд оттолкнулся ногой от стены и мячиком отлетел в сторону. А Лакки сильно ушибся о перегородку, и его протащило до металлических ограждений, зацепившись за которые, удалось наконец-то развернуться.

Арманд горячо зашептал в ухо:

— Хватит, мистер! Скажите Рэду, что вы улетаєте! Я не хочу вас калечить!

Лакки отрицательно мотнул головой. Странно, подумал он, что гравитационное поле изменилось с таким опозданием. Ведь он первым — это точно — первым повернул ручку... Ударив Арманда в солнечное сплетение так, что тот хрюкнул, Лакки стремительно полетел вниз.

Некоторое время он лишь уклонялся от наскоков Арманда, пытаясь улучшить момент для проверки аgrav-управления. С большим трудом ему удавалось избегать ударов.

Лакки повернул ручку настройки — ничего не произошло. Направление гравитации не изменилось.

Верхом на нем снова восседал Арманд, и со всей неотвратимостью они летели на стену.

5. Иглопистолеты и соседи

Бигмен был абсолютно уверен в том, что Лакки может управиться с любой тушей, и не боялся за него. Вот только окружение глубоко несимпатичных ему людей раздражало.

Саммерс приблизился к самому краю туннеля. Рядом с ним стоял смуглый парень, неприятным хриплым голосом комментирующий происходящее, как матч в поло.

Когда Арманд в первый раз припечатал Лакки к стене, раздались крики одобрения. Но Бигмен знал цену этим крикам. Конечно, вопящий болван будет подавать все так, будто перевес на их стороне. Подождите, подождите... Вот Лакки освоится с аграв-техникой, и тогда от вашего Арманда только перья полетят!

Но затем смуглый выкрикнул:

— А сейчас Арманд зажал его башку в тиски! Маневр! Снижение! Оттолкнулся от стенки! Отход! Замах! Вот это уда-а-ар! Красота!!!

Бигмен ощутил тревогу. Он потихоньку приблизился к туннелю. Никто не обратил на это внимания. Так было всегда: из-за маленького роста его не принимали всерьез... Взглянув вниз, Бигмен увидел Лакки, в очередной раз отлетавшего от стены. Арманд лениво поджидал.

— Лакки! — пронзительно вскрикнул Бигмен. — Не приближайся! — Но голос его потонул в общем гоме, из которого вынырнул лишь короткий диалог смуглого с Саммерсом.

— Рэд, а Рэд! Дай ты ему немножко энергии! А то никакой остроты!

— Не нужна мне острота, понял? Я хочу, чтобы Арманд побыстрее закончил работу — и все!

Вначале Бигмен ничего не понял, но мгновение спустя до него дошел весь ужасный смысл сказанного, и сразу в глаза бросились руки Саммерса, плотно прижатые к груди. Эти руки возились с каким-то небольшим предметом, назначения которого Бигмен не знал.

— Дьявол! — чуть не задохнулся Бигмен, в полпрыжка оказавшись на прежнем месте. — Эй! Саммерс! Да ты, оказывается, грязный шулер, приятель!

Второй раз в жизни Бигмен был рад тому, что он всегда — хотя Лакки этого и не одобрял — носит при себе иглопистолет. Лакки считал его почти бесполезным оружием из-за сложной системы фокусировки, но Бигмен скорее позволил бы назвать себя коротышкой, чем усомнился бы в своем искусстве стрельбы.

Пока Саммерс оборачивался на крик, пистолет уже был в

руке, между вторым и третьим пальцами грозной фигой торчало коротенькое дульце. Едва уловимое движение — и пистолет выстрелил.

Саммерс увидел прямо перед носом яркую вспышку. Получилось не слишком эффектно: от выстрела лишь ионизировались молекулы воздуха. Тем не менее Саммерс подскочил как ошпаренный, и тут же, не без помощи В-лягушки, паника охватила всех.

— Вы! — Бигмен разошелся. — Всем стоять! Недоумки! Недоноски!

Очередной заряд разрядился уже над головой Саммерса, и все это видели. Немногие из присутствовавших когда-либо держали в руках иглопистолет — он дорого стоил, и лицензию на его приобретение получить было не так просто. Но все знали, на что способна эта штука, и пятьдесят здоровенных мужчин затаили дыхание, объятые животным страхом.

Бигмен прислонился к стене.

— А теперь слушайте! Кто из вас знал, что миляга Саммерс выводит из строя аgrav-управление моего друга? И не делайте идиотские глаза — это установленный факт!

— В-в-вы... ош-ш-шибаетесь... — стуча зубами, пролепетал Саммерс.

— Да? Ты ведь у нас храбрец, Саммерс, когда у тебя полсотни против двоих? А вот мы сейчас посмотрим, каков ты против моего ружьишка! Прицел, правда, у него не очень, промахнуться ничего не стоит...

Бигмен опять сжал кулак, и на этот раз звук получился оглушительный, а вспышка ослепила всех, кроме самого стрелка, который единственный точно знал, когда жмуриться.

Саммерс сдавленно взвизгнул. С его рубашки исчезла верхняя пуговица.

— Прекрасный выстрел! — восхитился Бигмен. — Такая меткость — редкость! Я бы на твоём месте не двигался, Саммерс. А то, если удача отвернется от меня, ты потеряешь кусочек своей кожи, приятель. Это тебе не пуговица.

Саммерс закрыл глаза, его лоб блестел от пота. Бигмен сжал кулак дважды — исчезло еще две пуговицы.

— О, небеса! Это мой звездный час! Как мило с вашей стороны, что никто нам не может помешать! Ну-ка, еще разок — напоследок!

На этот раз Саммерс завизжал, как поросенок. Сквозь прореху на рубашке обозначилось красное пятнышко.

— Так не на носу же! — успокоил Бигмен. — Что-то я разволновался, сейчас уж точно промахнусь... Или ты что-то

хочешь сказать?

— Да! — закричал Саммерс. — Это я, я подстроил!

— А ведь твой человек и так намного тяжелее, — сказал с укоризной Бигмен. — У него опыт, к тому же. И ты все равно не решился на честный поединок? И не оставил моему другу ни малейшего шанса? А ну, брось свою игрушку! Остальных же попрошу не двигаться. С этого момента у тех двоих все по-честному. И только шевельнитесь мне, пока один из них не выберется!

Он на минуту смолк. Кулак с иглопистолетом медленно перемещался из стороны в сторону.

— Но если вернется этот ваш детина — я буду несколько огорчен. А когда я огорчен, то становлюсь ненормальным. И за свои действия уже не отвечаю. Могу, например, открыть пальбу по толпе, и никто из вас не успеет помешать мне сжать кулак разочков десять. И если десятерым из вас наскучило жить — можете пожелать Лакки Старру поражения.

С иглопистолетом в руке и аквариумом под мышкой Бигмен замер в ожидании. Он очень хотел немедленно прервать поединок, но опасался, что Лакки это не понравится.

Вот в поле зрения промелькнула тень и, вслед за ней, другая. Послышался глухой удар тела о стену, затем второй, третий, и наступила тишина. Кто-то, ухватив неподвижного соперника за лодыжку, возвращался назад. Победитель вошел в коридор. Рядом мешком рухнул побежденный.

Бигмен вскрикнул — перед ним, утирая кровь, стоял Лакки.

С трудом они привели Арманда в сознание. Шишка с небольшой грейпфрут украшала скулу, один глаз полностью заплыл, а нижняя губа кровоточила. Первыми словами Арманда были:

— Клянусь Юпитером, эго не человек, а настоящая пантера! — Он поднялся на ноги и по-медвежьи обнял Лакки. — Как только он нашел опору, на меня как будто навалился добрый десяток! Он что надо, парни!

Парни захлебнулись в радостном вопле. В-лягушка уловила вначале облегчение, а потом — сильное возбуждение.

Арманд осторожно улыбнулся и вытер кровь с губы.

— Этот Советник парень что надо! Каждый, кому он еще не нравится, будет иметь дело со мной! А где Рэд?

Но Рэд Саммерс уже исчез, прихватив с собой свой аппарат.

— Послушайте, мистер Старр, — виновато произнес Арманд. — Я должен вам кое-что сказать. Мне с самого начала не нравилась наша затея. Но Рэд сказал, что если от вас не отделаться сразу — потом хлопот не оберешься...

Лакки поднял руку.

— Это не так. Слушайте все! Лояльно настроенным землянам опасаться нечего, уверяю вас! И еще. Сегодняшнее не подлежит оглашению. Немножко поволновались и забудем об этом. Надеюсь, когда мы увидимся в следующий раз, у вас будет бодрый вид. Ведь ничего не случилось, верно?

Они орали, как сумасшедшие.

— Браво, мистер Старр! Слава Совету!

Лакки уже собрался уходить, когда Арманд окликнул его.

— Подождите! Что это? — Толстым указательным пальцем он ткнул в аквариум.

— Венерианское животное. Наша любимица.

— Симпатичная, очень. — Гигант выглядел довольно глупо. Остальные, столпившись около аквариума, тоже громко выражали свое восхищение. Заодно они пожимали руку Старру и уверяли, что с самого начала были на его стороне.

Бигмен, которому все это порядком поднадоело, взорвался.

— Лакки! Или мы пойдем домой — или я шлепну парочку-другую!

Сразу стало тихо, и толпа расступилась.

Лакки поморщился от холодного компресса, который Бигмен наложил на разбитую щеку.

— Послушай, Бигмен, а что это за история с иглопистолетом, о котором поговаривали после спектакля? Рассказал бы, а?

И Бигмен рассказал как было...

— А я подозревал механические повреждения!.. Особенно после второго падения, когда все так кстати заработало. Значит, ты в это время сражался с Саммерсом?

Бигмен гордо усмехнулся.

— О Космос, неужели я мог спустить ему такое?!

— Ты должен был обойтись без пальбы.

— Ничто так не охлаждает пыл! — обиделся Бигмен. — Или мне следовало погрозить им пальчиком: ай-ай-ай, как нехорошо! Необходимо было напугать их до смерти!

— Зачем?

— Эх, чтоб тебя, да ведь ты уже проигрывал целых два падения, когда я все раскусил! И я не знал даже, есть ли у тебя еще силы! Чуть не заставил Саммерса прервать схватку!

— Ну да! Тогда бы нас сочли просто шарлатанами.

— Именно такой я и представлял твою реакцию. Но пойми же, мне было страшно за тебя!

— Совершенно без причин. Как только управление заработало, все пошло, как по маслу. Обнаружив, что во мне еще есть бойцовский дух, Арманд струсил. Такое случается с людьми,

которым не приходилось проигрывать. Если они не побеждают сразу — это повергает их в смятение, и они вообще не побеждают.

— Да, Лакки, — согласился Бигмен, хитро улыбнувшись.

Лакки молчал пару минут, внимательно глядя на Бигмена.

— Мне не нравится это твое «да, Лакки». Ну-ка, что ты там еще выкинул?

— Ну, вообще-то... — Бигмен закончил работу над синяком и теперь, отступив, прищурился, как художник. — Скажи, разве мог я расстаться с маленький надеждой на твой выигрыш?

— Думаю, что нет.

— Конечно! Вот я и пообещал ребятам, что в противном случае мне придется некоторых из них укокошить.

— Это была шутка?

— Может быть. Но они приняли ее всерьез, помня о судьбе медных пуговиц. Короче говоря, полсотни человек ужасно болели за тебя.

— Вот оно что!

— Во-от... А В-лягушка с удовольствием передавала тебе их эмоции.

— И внушала Арманду мысли о поражении, — огорченно добавил Лакки.

— Вспомни лучше о двух подстроенных падениях! Это, потвоему, честно?

— Да-да... Ладно, может быть, ты и прав.

Над дверью вспыхнула сигнальная лампочка, и Лакки удивленно поднял брови.

— Кто бы это мог быть? — Он нажал на кнопку, и дверь скользнула в паз.

В проеме стоял коренастый, полный мужчина с жидкой шевелюрой и голубыми немигающими глазами. В руке он держал блестящий металлический предмет, который, словно живой, без конца сновал от большого пальца к мизинцу — и обратно. Бигмена это сразу заворожило.

— Я Гарри Норрич, ваш сосед, — представился толстяк.

— Добрый день.

— Лакки Старр и Бигмен Джонс, не так ли? Может быть, заглянете ко мне на пару минут?

— О, это очень любезно с вашей стороны! Мы с удовольствием воспользуемся приглашением!

Норрич довольно неуклюже повернулся и повел их по коридору, время от времени рукой легко касаясь стены. Лакки и Бигмен с В-лягушкой шли чуть позади.

— Прошу вас, джентльмены! — Норрич посторонился, пропуская их в свое жилище. — Усаживайтесь поудобней... А я

уже наслышан о вас!

— А что именно вы слышали? — поинтересовался Бигмен.

— Все только и говорят, что о битве Лакки с Большим Армандом да о фантастической стрельбе Бигмена! Вне сомнений — к утру об этом будет знать весь Девятый! Но мы еще вернемся к этой теме.

Он осторожно налил в две маленькие рюмки красноватого ликера и предложил гостям. Лакки взял рюмку и поставил ее перед собой.

— А это что такое на столе? — спросил Бигмен.

В комнате, кроме обычной мебели, было нечто, напоминавшее рабочий стол, тянущийся вдоль всей стены, со скамьей перед ним. На столе лежало множество металлических штучек, одна из которых привлекала внимание своей необычностью.

— Это? — Рука Норрича, скользя по поверхности стола, легла на шестидюймовой высоты конструкцию. — Это головоломка.

— Простите?

— Трехмерная головоломка. В таком виде она тысячи лет просуществовала у японцев... Бывают головоломки, которые состоят из огромного множества частей и образуют сложнейшие структуры. Например, вот эта. Когда она будет закончена, то станет моделью аграв-генератора. Я сам сконструировал и собрал ее.

Норрич опустил в узкий паз конструкции металлическую пластину, пластина жестко встала на место.

— Теперь берем вот это... — Его левая рука легко скользила по конструкции, а правой, ощутив кучу разбросанных на столе деталей, Норрич отыскал нужную и тоже поместил в свой паз.

Заинтригованный Бигмен подался вперед и в ужасе отпрянул, услышав громкий визг.

Из-под стола показался пес. Он потянулся и положил на скамью передние лапы. Большая немецкая овчарка кротко смотрела на Бигмена.

— Я случайно на него наступил! — стал оправдываться Бигмен.

— Это Матт! — ласково сказал Норрич. — Вообще-то он безобидный. И тихий, если, конечно, на него не наступать. Он — мои глаза.

— Ваши глаза?

— Мистер Норрич слеп, Бигмен, — тихо сказал Лакки.

6. В игру вступает смерть

Бигмен сконфузился.

— Простите меня...

— Не стоит! — бодро ответил Норрич. — Я уже вполне свыкся с этим. Работаю мастером-техником, занимаюсь конструированием такой вот экспериментальной мелочи и не нуждаюсь ни в чьей помощи.

— Да-а, — протянул Лакки, — головоломки — хорошая тренировка.

— То есть, — изумился Бигмен, — вы хотите сказать, что можно сложить все эти замысловатости, не видя их? О Космос!

— Все не так сложно, как вы думаете. Я годами практикуюсь и, кроме того, сам изготавливаю свои головоломки. Поэтому все хитрости для меня не хитры. Вот, Бигмен, взгляните-ка на один из простейших экземпляров. Вы сможете разобрать его?

Бигмен вперился в яйцеобразный предмет, вертя его и поражаясь совершенству исполнения.

— Практически, — продолжил Норрич, — мне нужен только мой Матт, который водит меня по коридорам.

Норрич наклонился, чтобы почесать пса за ухом, и тот сонно раскрыл пасть, демонстрируя большие белые клыки и длинный язык. Через В-лягушку Лакки ощутил, сколь велика привязанность Норрича к собаке.

— Аграв-коридоры для меня, увы, недоступны — я не знаю, когда нужно изменять скорость. Приходится пользоваться обычными. Путь, конечно, более длинный, но зато мы с Маттом знаем Девятый лучше кого бы то ни было. Правда, Матт?... Ну, Бигмен, вас можно поздравить?

— Нет. По-моему, это монолит.

— Не совсем. Дайте-ка мне... — Ловкие пальцы Норрича запорхали над яйцом. — Видите этот маленький квадратик? Нажимаем — и он легко поддается. А ту часть, которая вышла с обратной стороны, поворачиваем на пол-оборота по часовой стрелке и извлекаем деталь. Дальше — вовсе нечего делать... Так, затем так, потом так, и так далее. Теперь возьмите все извлеченные детали, их восемь, и сложите все в обратном порядке. Последним пойдет ключевой кусочек, замыкающий, в полном смысле этого слова.

Бигмен с недоверием смотрел на рассыпанные детали, ничего не понимая.

— Мистер Норрич, — нарушил молчание Лакки. — Вы, по-моему, хотели поговорить о «радушном» приеме, оказанном нам

сегодня, и о моем поединке с Армандом...

— Да-да, Советник. Прошу вас понять следующее. Я здесь, на Юпитере-9, с начала работ над агравом и неплохо изучил этих людей. Некоторые уезжают сразу по истечении срока договора, некоторые остаются, и к ним присоединяются новые... Но про всех можно сказать одно: они опасны.

— Почему?

— Причины различные. Во-первых — есть опасность, представляемая самим аграв-проектом: в результате несчастных случаев мы потеряли не одну сотню людей; я сам лишился зрения пять лет назад и считаю, что еще легко отделался... Вторая причина заключается в том, что они надолго изолированы от друзей и семьи. Изолированы полностью.

— Наверное, кое-кто рад такой изоляции. — Лакки невесело улыбнулся. Все знали, что индивиды, не ладившие с законом, иногда таким образом избегали наказания. Постоянно не хватало людей для работы под сводами искусственных атмосфер в условиях псевдограва — и добровольцам не задавали лишних вопросов. В конечном счете, они расплачивались за свои преступления тем, что работали на благо Земли, и работали в неимоверно тяжелых условиях.

Норрич кивнул, соглашаясь.

— Рад, что вы в курсе. Не имея, разумеется, в виду, офицеров и профессиональных инженеров, можно смело сказать, что на добрую половину здешних парней заведены на Земле уголовные дела, а другая половина чиста лишь по нерасторопности полиции. Я не уверен, что хотя бы один из пяти живет здесь под настоящим именем. И каждый думает, что единственная цель вашей жизни — упечь его в тюрьму, а всякие там сирианские шпионы — просто для отвода глаз. Они все тоскуют по Земле, но отнюдь не рвутся прилететь туда в наручниках. Поэтому Рэд Саммерс и смог их так завести.

— Этот Саммерс, вероятно, в прошлом был большим пройдохой?

Бигмен на мгновение прервал свое безнадежное занятие и буркнул:

— Убийцей, наверное?

— Ничего подобного! — энергично возразил Норрич. — Его можно понять... У этого человека никогда не было своего дома, он не изведал родительской ласки. Дурная компания, потом тюрьма — за мелкое вымогательство... Останься он на Земле — на голову бы сыпались одни невзгоды. И вот Саммерс прибывает на Юпитер-9 и начинает новую жизнь. Он самостоятельно изучает технику монтажа при слабой гравитации, механику силового

поля, аграв-технику. Его выдвигают на ответственную должность, и он показывает себя прекрасным работником. Его уважают и любят. Он впервые познает, что значит иметь доброе имя и положение. И сама мысль о возвращении на Землю, к своей прежней жизни, для него нестерпима.

— Настолько, — добавил Бигмен, — что он, превратив поединок в избиение, попытался убить Лакки.

— Да, мне рассказали о том, как Саммерс, с помощью субфазного осциллятора, нейтрализовал аграв-управление мистера Старра. — Норрич нахмурился. — Глупость, которую можно объяснить только паническим состоянием бедняги. Ведь у него, в сущности, доброе сердце. Когда умер мой старый Матт...

— Ваш Матт? — переспросил Лакки.

— Да, раньше у меня была другая собака, тоже Матт. Она погибла от короткого замыкания в силовом поле. Ей не следовало находиться там, но иногда собаки исчезают по своим личным делам. Мой нынешний Матт поступает так же, если я не нуждаюсь в нем. Но он всегда возвращается. — Норрич ласково шлепнул пса, и тот, закрыв один глаз, застучал хвостом по полу. — Так вот, когда умер мой старый Матт, я нигде не мог раздобыть себе нового пса, и мне едва не пришлось убраться отсюда. Ведь хорошая собака-поводырь — большая редкость, на них всегда очередь. Администрация, конечно же, не хотела этим заниматься, ведь тогда обнаружилось бы, что они держат у себя слепого человека — Конгресс раздул бы это до невероятных размеров. И вот тут-то на помощь пришел Саммерс. Он использовал свои старые связи и доставил мне Матта. Все, конечно, было сделано не вполне легально, и Саммерс очень рисковал ради этой любезности. Так что Саммерс способен и на поступки вроде этого. Не будьте с ним суровы, прошу вас.

— Я не собираюсь и не собирался вредить ему. Но должен буду ознакомиться со всеми сведениями о нем, которые наверняка имеются в Совете.

— Конечно! И вы убедитесь, что он вовсе не головорез!

— Надеюсь. А теперь ответьте мне вот на какой вопрос... Вы не находите странным, что администрация даже не попыталась вмешаться в сегодняшнюю забаву?

Норрич коротко усмехнулся.

— Администрация? Если бы вас даже убили — директор Донахью не слишком огорчился бы! И все было бы замято! У него теперь заботы куда более важные, чем вы с вашим следствием.

— Заботы?

— Еще какие! Понимаете, у нас ежегодно новый руководитель проекта и новая полиция. Донахью — уже шестой,

не лучший, кстати, наш босс, следует признать, правда, он отказался от бюрократической волокиты и не пытается устроить здесь военный лагерь. Время от времени давая людям возможность расслабиться и немножко побуянить, он добился результатов — первый аграв-корабль готов взлететь. Говорят, это дело дней.

— Так скоро?

— Вполне возможно. Потому что менее чем через месяц Донахью будет уволен. Он совсем не заинтересован в отсрочке, ибо в этом случае его имя не попадет в анналы истории, и слава овеет кого-то другого.

— То-то он не хотел, чтобы мы садились сюда! — горячо воскликнул Бигмен.

— Не кипятись, — отмахнулся Лакки.

— Какой подлый тип! Сириус готовится проглотить Землю, а у него одна забота — прокатиться на своем жалком кораблике! — Бигмен поднял сжатый кулак, и сразу послышалось грозное рычанье Матта.

— Что вы делаете, Бигмен? — встревожился Норрич.

— Я? — удивился Бигмен. — Ничего!

— Никаких угрожающих жестов?

— Да нет... — Бигмен быстро опустил руку.

— Будьте осторожны с Маттом! Он обучен охранять своего хозяина! Сделайте-ка шаг в мою сторону и замахнитесь кулаком.

— В этом нет никакой необходимости. — Лакки красноречиво посмотрел на Бигмена. — Мы верим.

— Пожалуйста! — настаивал Норрич. — Никакой опасности, уверяю вас! Я вовремя остановлю Матта. Давайте, Бигмен! А то все тут так носятся со мной, что собака начинает забывать свои обязанности.

Бигмен шагнул вперед и без всякого энтузиазма поднял руку. Тотчас уши Матта прижались, глаза сузились, мышцы напряглись для прыжка, обнажились острые клыки и из гортани вырвалось хриплое рычанье.

Бигмен поспешно отступил.

— Сидеть, Матт! — приказал Норрич.

Пес успокоился. Лакки ясно почувствовал концентрацию напряжения, а затем — его ослабление в сознании Бигмена. От Норрича шли потоки нежного торжества.

— Ну, Бигмен, как ваши трехмерные дела?

— Сдаюсь! — раздраженно ответил марсианин. — Два кусочка я еще кое-как сложил, но это мой потолок.

Норрич засмеялся.

— Смотрите! — Он взял в руки произведение Бигмена. —

Ничего удивительного! Вы неправильно сложили!

Ошибка была быстро исправлена, и вскоре, как по волшебству, возникло аккуратное, но еще зыбкое яйцо, с небольшим отверстием посередине. Артистичным движением Норрич подхватил ключевую деталь, чуть задвинул ее внутрь конструкции, повернул против часовой стрелки и слегка подтолкнул.

— Готово! — объявил он, подбросив яйцо в воздух. Бигмен расстроился окончательно.

— Ну, мистер Норрич, — сказал Лакки, поднимаясь, — надеюсь, мы еще встретимся? Я учту все, что вы сказали о Саммерсе и об остальном. — Его рюмка так и осталась нетронутой.

— Рад был познакомиться. — Норрич встал и пожал им руки.

Уснул Лакки не сразу. Он лежал в темноте, слушал доносившееся из смежной комнаты посапывание Бигмена и мысленно вновь возвращался к событиям минувшего дня.

Казалось, произошло что-то такое, чему не следовало происходить. Но что? Это вертелось почти на поверхности сознания, и Лакки уже было ухватил мысль, но — уснул.

А к утру все стерлось... Бигмен окликнул Лакки из своей комнаты, когда тот, приняв душ, сушился под струями теплого воздуха.

— Эй, Лакки! Я добавил двуокиси углерода и дал лягушке двойную порцию травки. Ведь вы возьмем ее на встречу с этим чертовым Директором?

— Конечно, Бигмен!

— Отлично! А как насчет того, чтобы позволить мне высказать все, что я о нем думаю?

— Не надо, Бигмен.

— Ура! Моя очередь идти в Душ!

Как и все люди Солнечной системы, Бигмен знал толк в водных процедурах, и принятие Душа было для него величайшим наслаждением. Лакки покорно приготовился прослушать неизбежный в таких случаях кошачий концерт.

Едва Бигмен покончил с первой дикой руладой, раздался сигнал внутренней связи.

— Старр! — По экрану растеклось морщинистое лицо Донахью. Его узкие губы были поджаты, и смотрел он на Лакки довольно неприязненно. — Говорят, вы уже успели подраться с одним из наших рабочих?

— Вот как?

— Вижу, вас не очень помяли?

— Нет, все в порядке, — улыбнулся Лакки.

— Вы, надеюсь, не забыли, что я предупреждал вас?

— У меня никаких претензий.

— В таком случае, мне хотелось бы узнать, намерены ли вы сообщить о случившемся на Землю?

— Я нигде не упомяну об этом инциденте, если только он не будет иметь прямого отношения к тому, что привело меня сюда.

— Прекрасно. — Видно было, что Донахью успокоился. — Я попросил бы также не касаться этой темы во время нашей встречи. Подслушивающие устройства, знаете ли... Мне бы не хотелось...

— Можете быть спокойны, господин Директор.

— Отлично. — Взгляд Донахью смягчился еще более. — Увидимся через час.

Лакки услышал, как Бигмен выключил воду и сокрушительное пение сменилось тихим мурлыканьем.

— Хорошо, мистер Донахью, — приветливо отозвался он и тут же вздрогнул от пронзительного, душераздирающего крика:

— Лакки!!!

В два прыжка он был в дверях, там уже стоял Бигмен с округлившимися от ужаса глазами.

— Лакки! В-лягушка, Лакки! Она мертва! Она убита!

7. В игру вступает робот

Обломки пластикового аквариума уже высохли, лишь на полу оставалось немного влаги. Лист папоротника наполовину прикрывал тельце В-лягушки.

Теперь, когда она была мертва и уже не могла контролировать эмоции окружающих, Лакки смотрел на нее без обычной нежности. Он чувствовал лишь гнев, и, прежде всего, это был гнев по отношению к себе, не предотвратившему беды.

Бигмен, по-прежнему в одних брюках, сжимал и разжимал кулаки.

— Это моя вина, Лакки. Все из-за меня. Я так громко орал, что не слышал, как кто-то вошел.

«Вошел» — было не вполне подходящее слово Убийца не просто вошел — он прожег себе дорогу. Блок управления дверью буквально испарился под действием мощного источника энергии.

Лакки вернулся к экрану.

— Мистер Донахью...

— Что там у вас стряслось?

— До встречи. — Лакки прервал связь и вернулся к глубоко опечаленному Бигмену. — Нет, Бигмен, это я виноват. Не следовало принимать на веру слова дядюшки Гектора о том, что сирианцам ничего не известно про В-лягушку и ее особые свойства. Предположи я обратное — она бы ни на минуту не осталась без присмотра.

Лейтенант Невски вытянулся по стойке смирно, едва Лакки с Бигменом переступили порог своей комнаты.

— Сэр, я рад, что вы живы и невредимы после вчерашней стычки! Если бы не было приказа, я ни за что не оставил бы вас!

— Забудьте, лейтенант, — рассеянно ответил Лакки. Он вспоминал тот миг прошедшей ночи, когда в его сознании вспыхнула некая важная догадка. Но попытки хоть что-то оживить оставались безуспешными, и Лакки стал думать о другом.

Они вошли в аграв-туннель, где на этот раз кипела жизнь множество равнодушных лиц стремительно проносились мимо. Начинался рабочий день. Здесь соблюдался родной 24-часовой ритм, с которым люди не расставались даже на самых отдаленных мирах. И хотя были места, где работа шла круглосуточно, основная масса людей работала в «дневную» смену, с девяти до пяти по стандартному солнечному времени. Стрелка часов подползала к девятке, и все направлялись к своим рабочим местам. Ощущение настоящего утра было не меньшим, чем оно бывает при виде восходящего солнца и капелек росы на траве.

Двое мужчин сидели за столом в глубине конференц-зала. Донахью встал и холодно представил Лакки незнакомца — Джеймса Пэннера, главного инженера и гражданского руководителя Проекта. Пэннер был приземистым, смуглым, с бычьей шеей и глубоко посаженными темно-кариими глазами, на его рубашке не было никаких знаков отличия.

Когда Невски, козырнув, удалился, и дверь за ним закрылась, Донахью сказал:

— Теперь, когда мы остались вчетвером, можно приступить к делу.

— Впятером, — возразил Лакки, погладив кошку. — Это, случайно, не та, которую мы встретили вчера?

— Возможно, — раздраженно бросил Донахью. — Вообще-то, у нас этого добра хватает. Однако, как мне кажется, мы собрались не для того, чтобы рассуждать о кошках.

— Не такая уж дурная тема для начала, господин Директор. И я выбрал ее не случайно. Вы помните нашу любимицу, сэр?

— Ваше маленькое венерианское чудо? — Вопрос был задан с неожиданной теплотой. — Помню! Это такая... — Донахью в замешательстве остановился, поймав себя на неожиданном всплеске чувств.

— У этого маленького существа, — продолжил Лакки, — была удивительная способность: оно могло обнаруживать, передавать и даже вызывать эмоции.

Донахью удивленно вскинул брови, но Пэннер насмешливо просипел:

— Я однажды уже слышал рассказы об этом, господин Советник. И так хохотал, что чуть не упал со стула.

— Хохотать не следовало: вам сказали правду. И я намеревался, заручившись поддержкой господина Директора, побеседовать с людьми именно в присутствии В-лягушки! Я прочувствовал бы эмоции каждого!

— Но чего вы добились бы этим? — недоуменно спросил Донахью.

— Возможно и ничего. Но попробовать все же стоило...

— Стоило? — заинтересованно переспросил Пэннер. — Почему вы постоянно употребляете прошедшее время, Старр?

Лакки тяжело посмотрел на Пэннера, затем на Донахью.

— В-лягушка мертва.

— Убита сегодня утром! — горестно воскликнул Бигмен.

— Кто это сделал?

— Мы не знаем.

Донахью откинулся на спинку кресла.

— Значит, ваше расследование завершено? Ведь новую

лягушку вы получите не через пару минут, насколько я понимаю?

— Мы не можем ждать, — ответил Лакки. — Сам факт убийства В-лягушки говорит о том, что дело куда серьезней, чем мы предполагали.

— То есть?

Донахью, Пэннер и даже Бигмен вопросительно смотрели на Лакки.

— Я ведь уже сказал: В-лягушки обладают телепатическими способностями. И вы, Директор Донахью, испытали это в полной мере. Вспомните свой визит на «Метеор»! Поначалу вы были настроены совсем не лирически, а когда на глаза попала В-лягушка — что вы почувствовали?

— Пожалуй, я был просто очарован ею... — смущенно признался Донахью.

— А можете ли ответить на вопрос — почему?

— Нет, откровенно говоря. Весьма уродливое создание.

— И все-таки оно вам понравилось! Вы не в силах были противиться своему чувству! А смогли бы в тот момент причинить В-лягушке зло?

— Вряд ли.

— Я уверен, что нет! Как не смог бы никто, наделенный чувствами! И все же она убита.

— Ну и как вы теперь намерены объяснить этот парадокс? — обрадовался Пэннер.

— Очень просто. Убийца не наделен органами чувств, он — робот. Почему бы не предположить, что на Юпитере-9 есть робот, внешне не отличимый от человека?

— Гуманоид, вы хотите сказать? — вскипел Донахью. — Послушаем сказочки!

— Думаю, что вы не вполне представляете себе, насколько сирианцы преуспели в этой области. Не исключено, что в качестве модели они использовали кого-то из здешних, возможно самого порядочного человека, и, точно скопировав его, подменили. Такой гуманоидный робот был бы замечательным шпионом! Он, например, видел бы в темноте и сквозь стены. Мог бы передавать информацию при помощи вмонтированного субэфирного передатчика.

— Бредни! — Донахью энергично тряхнул головой. — В-лягушку мог запросто убить и человек! Отчаянный и, вдобавок, напуганный чем-то — он преодолел влияние вашей лягушки! Исключаете такой вариант?

— А по какой причине ваш человек убил бы безвредную В-лягушку? Наверное, она представляла для него опасность? Убийца боялся, конечно, не удара маленькой лапки, а

способности к обнаружению эмоций. Особенно, если это немедленно разоблачило бы его как шпиона.

— Каким образом, интересно узнать? — спросил Пэннер.

— А что, если у нашего убийцы вообще нет эмоций? Не доказывает ли это, что он робот? И еще одно... Почему убита только В-лягушка? С таким трудом проникнув в нашу квартиру и обнаружив одного — хлопающим ушами в душе, а другого — за тем же занятием в комнате — почему он не убил нас вместо лягушки? Или почему не убил заодно?

— Спешил, вероятно, — нашелся Донахью.

— Есть более правдоподобная причина. Знаете ли вы Три Закона Роботехники?

— Лишь в общих чертах. Прочитывать не смогу.

— Тогда, если не возражаете, это сделаю я. Первый Закон гласит: робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред. Второй Закон: робот должен повиноваться всем приказам человека, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону. Третий Закон: робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму Законам.

Пэннер кивнул.

— Замечательно, Советник Старр. И что мы доказали?

— Роботу можно приказать убить В-лягушку, потому что она не человек. Он пойдет на риск, так как самосохранение — это лишь Третий Закон. Но он ни за что не убьет Бигмена или меня, потому что Первый закон превосходит остальные. Человек-шпион убил бы нас и В-лягушку, робот-шпион убил бы только лягушку. Вот так.

Донахью погрузился в размышления. Казалось, морщины на его лице стали глубже.

— Что вы намереваетесь предпринять? — наконец разомкнул он уста. — Загнать всех под рентген?

— Нет, это без толку. Вряд ли гуманоидный робот изготовлен в единственном экземпляре, и шпионаж ведется только здесь. Мы должны обнаружить по возможности всех. Если же действовать открыто, то нейтрализовав одного — спугнем остальных, и проблема, рано или поздно, встанет перед нами опять.

— Так что же вы предлагаете, в конце концов!

— Не спешить. Если мы действительно имеем дело с роботом, то он сам выдаст себя, даже не заметив этого. Кстати, кое-кого я уже проверил. Вот вы, мистер Донахью, не робот. Я обнаружил в вас эмоции. Прошу меня простить, но ваш вчерашний гнев умышленно спровоцирован мною, чтобы

проверить В-лягушку.

— Я — робот? — Лицо Донахью стало розовато-лиловым.

— Повторяю: с вашей помощью я испытывал В-лягушку.

— Ну, а меня, господин Советник, вы конечно же подозреваете? — У Пэннера был крайне оскорбленный вид. — Как не имевшего счастья быть представленным вашей В-лягушке.

— Да, — согласился Лакки, — вас следует проверить. Снимите-ка рубашку!

— Что?! — взвизгнул Пэннер. — Это еще зачем?

— Спасибо, вы проверены. Робот не обсуждал бы мой приказ.

Донахью со всего размаху грохнул кулаком по столу.

— Прекратить! Хватит с нас таких проверочек! Я не позволю вам измываться над моими людьми! Я обязан довести свое дело до конца, Старр! Мне поручено запустить в космос аграв-корабль и я это сделаю! Все люди проверены и перепроверены! Они чисты! А байки о роботах рассказывайте другим! Повторяю, Старр, я не позволю вам дергать моих людей! Да, вчера вы вели себя нагло, и сегодняшние извинения выдержаны в том же духе. Я не чувствую особой необходимости помогать вам и не буду этого делать. А теперь примите к сведению следующее. Мною полностью прекращена связь с Землей. На Юпитере-9 введено чрезвычайное положение. У меня все полномочия военного диктатора. Вам понятно?

Лакки слегка прищурился.

— Как член Совета Науки я выше вас.

— Это уже не имеет никакого значения. Мои люди подчиняются только мне. Вас просто изолируют, если хоть пикните против моих распоряжений.

— Против каких именно?

— Завтра, в шесть часов вечера по стандартному солнечному, первый в истории аграв-корабль начнет свой первый полет по маршруту Юпитер-9 — Юпитер-1, или спутник Ио. После нашего возвращения — лишь после возвращения, Советник Старр! — вы сможете заняться своим расследованием. А также связаться с Землей и организовать работу военного суда. Буду всецело в вашем распоряжении.

Лакки неожиданно обратился к Пэннеру:

— Корабль готов?

— Вообще-то, да...

— Мы отправляемся завтра, — смерив Пэннера презрительным взглядом, сказал Донахью. — Ну, так как, Советник Старр? Уймете свою прыть или лучше арестовать вас?

Последовала глубокая пауза. Бигмен почти не дышал, Пэннер извлек из кармана пластинку жевательной резинки, развернул и

отправил в рот. Нос Донахью побелел и заострился.

Лакки решительно откинулся на спинку кресла и неожиданно объявил:

— Буду рад сотрудничать с вами, господин Директор.

8. Слепота

— Лакки! Неужели ты так просто позволишь им прикрыть расследование? — возмущению Бигмена не было предела.

— Ну почему же — прикрыть... Мы продолжим его на корабле.

— Увы, сэр. — Донахью изобразил сожаление. — На корабле вас не будет. Даже не мечтайте.

— А кто будет, господин Директор? Вы, конечно?

— Я. А также Пэннер как главный инженер, два моих офицера, пять инженеров и столько же рядовых членов экипажа. Состав утвержден давно. Мы с Пэннером включены в него как ответственные руководители Проекта, инженеры — как специалисты по управлению кораблем, остальные — в благодарность за их заслуги.

— Заслуги?

— Вот, например, Гарри Норрич, — вступил в разговор Пэннер. — Он...

— Этот слепой? — удивился Бигмен.

— Вы знакомы с ним?

— Со вчерашнего вечера, — объяснил Лакки.

— Так вот, о Норриче. Он здесь с самого начала. Предотвращая выгибание силового поля, бросился к контактам и потерял зрение. Вернее, это единственное, чего не смогли ему вернуть в госпитале. Благодаря мужественному поступку Норрича, спутник не потерял изрядного, размером с гору, кусочка, и осталась в живых пара сотен людей. Был спасен и сам Проект, так как крупная авария неизбежно повлекла бы за собой прекращение ассигнований. Разве такой человек не достоин лететь на аграв-корабле?

— Жалко, что он не увидит Юпитера, — вздохнул Бигмен. — А как он поднимется на корабль?

— Мы возьмем и Матта. Очень воспитанный пес.

— Именно это я и хотел узнать! — разозлился Бигмен. — Если уж вы берете собаку, то какие проблемы со мной и Лакки?

Донахью демонстративно посмотрел на часы.

— Разговор окончен, господа! — объявил он и, опершись ладонями о стол, приготовился встать.

— Почти, — сказал Лакки. — Крохотная деталь. Бигмен сформулировал это грубовато, но в принципе он прав: мы тоже будем на аграв-корабле без опоздания.

— Исключено, — отрезал Донахью.

— Вы хотите сказать, что дополнительная масса двух человек

выведет из строя систему управления кораблем?

— Да мы можем к нему хоть гору прицепить! — рассмеялся Пэннер.

— Тогда, может быть, у вас плохо с каютами?

Донахью посмотрел на Лакки с нескрываемой злобой.

— Не собираюсь отчитываться перед вами. Вас не возьмут, потому что так решил я. Понятно? — Его глаза торжествующе вспыхнули, и Лакки понял, что это маленькая месть за вчерашний эксперимент.

— Вы бы все же взяли нас, господин Директор...

Донахью сардонически усмехнулся.

— Не вижу смысла. Я буду уволен по решению Совета? Но у вас нет возможности связаться с ним! А после моего возвращения — увольняйте хоть трижды.

— Боюсь вас огорчить, но кажется, вы не все учли. — Лакки сделал печальную мину. — Уволить-то могут и задним числом. И сделают это, вне всяких сомнений. Что касается правительственных сообщений, то в них будет упомянуто имя вашего преемника. Вас даже не будет в списках.

Донахью побледнел. Он готов был наброситься на Лакки с кулаками.

— Ваше решение, господин Директор?

— Приходите, — еле выдавил из себя Донахью голосом в высшей степени неестественным.

Остаток дня Лакки провел в архиве, изучая досье занятых в Проекте людей. Бигмен же, в сопровождении Пэннера, путешествовал по бесчисленным лабораториям и громадным испытательным залам.

Лишь после ужина они вернулись в свою квартиру. Молчание Лакки само по себе не было чем-то удивительным, молодой Советник и в лучшие времена не отличался болтливостью. Но маленькая складка между бровей говорила Бигмену о многом.

— Лакки, мы топчемся на месте, да?

— Пока что удача не слишком назойлива, скажем так.

Лакки сидел над библиотечным микрофильмом, из названия которого — «Высшая роботехника» — Бигмен понял, что пообщаться сегодня не удастся.

— Лакки, это надолго?

— Боюсь, что так, Бигмен.

— Ты не будешь против, если я навещу Норрича?

— Давай. — Лакки сосредоточенно возился с проектором.

Бигмен закрыл за собою дверь, но какое-то время топтался на месте, обуреваемый сомнениями. Он думал о том, что все-таки следовало бы обсудить затею с Лакки.

— А я ничего не собираюсь делать! Только проверю кое-что! Зачем беспокоить Лакки? Вот если подтвердится — тогда и расскажу! — сказал он себе и уверенно зашагал по коридору.

За шахматным столиком, на котором стояли шашки, устремив невидящий взгляд в сторону Бигмена, сидел Норрич.

Услышав вопросительное «да?», Бигмен торопливо представился.

— О! Входите, присаживайтесь! Советник Старр тоже с вами?

— Нет, он занят. Что касается меня, то я сыт этим аграмом по горло. Доктор Пэннер таскал нас по всем закоулкам, но вряд ли я что-нибудь понял.

— Вы не принадлежите к меньшинству на этом спутнике! — Норрич улыбнулся. — Однако если отбросить математику, то кое-что понять не так уж трудно.

— Да? И вы могли бы объяснить мне это? — Бигмен, устроившись в большом кресле, слегка наклонился и заглянул под скамью. Собака лежала там, положив голову между лапами и одним глазом поглядывая на гостя.

«Заставить Норрича говорить, — думал Бигмен. — Заставить говорить до тех пор, пока я не найду уязвимого места».

— Слушайте внимательно, — начал Норрич, подняв одну из кругляшек. — Гравитация — это вид энергии. Фигура, которую я держу в руке, находится под влиянием гравитационного поля, но ей не позволяют двигаться. В таких случаях принято говорить, что объект обладает потенциальной энергией. Если бы я выпустил эту фигуру, то потенциальная энергия перешла бы в энергию кинетическую. Под влиянием гравитации фигура падала бы все быстрее и быстрее. — Он выронил кругляшку, и та упала.

— Пока не шлепнулась бы, — добавил Бигмен.

Кругляшка, стукнувшись об пол, покатилась. Норрич наклонился за нею, однако найти не смог.

— Окажите любезность, Бигмен! Ума не приложу куда она закатилась.

Бигмен едва не крикнул с досады. Победа была так близка! Пришлось лезть под стол.

— Спасибо. Так вот... До недавнего времени единственное, что можно было сделать с потенциальной энергией — это превратить ее в кинетическую. Конечно, кинетическая энергия — вещь тоже небесполезная. Например, Ниагарский водопад можно использовать для получения электричества или еще чего-нибудь. Но в космосе результатом гравитации является движение, и только оно... Теперь представим себе систему спутников Юпитера. Мы на Девятом. До планеты — пятнадцать миллионов миль, и у нас чудовищные запасы потенциальной энергии.

Слетаем-ка на Ио, от которой до Юпитера всего 285 тысяч миль, рукой подать. Фактически, наш полет будет падением, все более и более стремительным. И вот мы примемся гасить ускорение, как бы отталкиваясь от Юпитера с помощью гиператомного двигателя. Это потребует колоссального количества энергии. Кроме того, если мы, промахнувшись, не сядем на Ио, то разобьемся в лепешку. Допустим, что все обошлось, и мы благополучно сели на Юпитер-1. Но вот нам захотелось назад, соскучились. И мы с ужасом понимаем, что все пятнадцать миллионов миль нужно будет вырываться из гравитационного поля Юпитера, а у нашего корабля на такое не хватит силенок!

— Ну, а если это аграв?

— Тогда совсем другое дело! Имея в своем распоряжении аграв-преобразователи, мы можем превратить потенциальную энергию не только в кинетическую! В аграв-туннеле, например, гравитационные силы, заставляющие нас падать, одновременно заряжают противоположно направленное поле. Люди, падающие «туда», работают на падающих «оттуда». Перекачивая энергию таким образом, мы больше не зависим от ускорения и можем падать с любой удобной нам скоростью. Понятно?

— Конечно! — не задумываясь, ответил Бигмен. — Продолжайте, пожалуйста!

— Однако в космосе дела обстоят несколько иначе. Здесь нет второго гравитационного поля, куда можно было бы переместить энергию. Поэтому она переходит в гиператомное энергетическое поле. И наш корабль падает с Юпитера-9 на Ио с нужной нам скоростью. Двигатели включаются лишь в самом конце, а также для корректировки направления полета. При необходимости можно даже полностью нейтрализовать гравитацию Юпитера. Откуда мы возьмем энергию для того, чтобы вернуться? Из конденсаторов гиператомного поля! То есть, используем энергию гравитации самого Юпитера!

— Впечатляет, — одобрительно заметил Бигмен, беспокожно ерзая в кресле. — А что это у вас на столике? — спросил он без всякого перехода.

— Это шахматы. Вы играете?

— Довольно неважно, — сознался Бигмен. — Лакки меня научил, но играть с ним неинтересно — он всегда выигрывает. А как вы можете играть в шахматы? — Бигмен расценил свой вопрос как коварнейший.

— Вы хотите спросить, не мешает ли мне моя слепота?

Бигмен что-то промышчал.

— Да не смущайтесь вы так! У меня нет этих комплексов... А что до шахмат — все очень просто. Доска намагничена, и фигуры

сделаны из легкого магнитного сплава. Они прилипают, куда бы их ни поставили, и не падают, если случайно их задеть. Попробуйте сами! — Бигмен потянулся за одной из фигур. Ее будто погрузили в густой сироп, на четверть дюйма. — К тому же, это не обычные шахматные фигуры.

— Шашки, скорее, — буркнул Бигмен.

— Обратите внимание на их поверхность. Прикоснувшись, я без труда опознаю любую фигуру по характерному рельефу.

Бигмен тоскливо разглядывал фигуры, узнавая в острие — ферзя, в маленьком крестике — короля; две расходящиеся канавки были слоном, кружочек — ладьей, уши — конем, а острый бугорок — пешкой.

— Чем вы занимались до моего прихода? Играли сами с собой? — спросил Бигмен, чтобы просто спросить.

— Нет, решал задачу. Взгляните. Мат в три хода.

— Как же вы различаете цвета?

— Ничего проще! Белые фигуры с небольшим углублением вдоль края, а черные — без!

— А-а-а... Значит, вам приходится держать в памяти расположение всех фигур?

— Мне приходится лишь время от времени проводить рукой по доске. Как видите, клетки тоже помечены.

— Могу я взглянуть на позицию?

— Конечно! Может, хоть вам повезет. Бьюсь над ней уже полчаса.

Бигмен, стараясь действовать бесшумно, достал из кармана маленький фонарик и осторожно двинулся к стене. Норрич неподвижно сидел за столиком. Матт тоже не проявлял беспокойства. Добравшись до выключателя, Бигмен погасил свет и поднял свой фонарик.

Вдруг раздался непонятный глухой звук, а затем — голос Норрича, звучавший удивленно и с оттенком легкого недовольства.

— Почему вы погасили свет, Бигмен?

— Ага-а-а!!! — грянул торжествующий вопль, и луч фонарика осветил лицо Норрича. — Никакой ты не слепой! Ты — шпион!

9. Аграв-корабль

— Я не знаю, что вы там делаете, но — о, Космос! — ни в коем случае не совершайте глупостей, иначе Матт прыгнет на вас! — закричал Норрич.

— Ты прекрасно знаешь, что я делаю, — отрубил Бигмен. — Потому что видишь мой иглопистолет, который я так кстати вытаскиваю. Ты ведь слышан о моем искусстве стрельбы. Так что, если твой пес попробует приблизиться ко мне, — ему крышка.

— Прошу вас, не причиняйте Матту зла!

Бигмена поразило, с какой внезапной болью это было сказано.

— Ты успокоишь его и пойдешь со мной. И все будут целы. Самое время провести Лакки, по-моему... В случае, если мы встретим кого-то в коридоре, — поздороваемся, и не более того. Я буду рядом, учти...

— Мне понадобится Матт, я не могу без него.

— Обойдешься. Здесь каких-то пять шагов. Даже если бы ты действительно был слепым — это гораздо проще твоих головоломок и прочей дребедени.

Лакки обернулся на звук открывающейся двери.

— Добрый день, Норрич! А где Матт?

— Матт остался в его комнате! — возбужденно затараторил Бигмен. — Норричу он совершенно не нужен! Лакки! Этот тип такой же слепой, как мы!

— Что-о?

— Ваш друг заблуждается, мистер Старр, — мягко начал Норрич. — Я должен сказать...

— Молчать! — оборвал его Бигмен. — Сначала я скажу, а потом уж, если понадобится, выслушаем тебя!

Лакки скрестил руки на груди.

— Мистер Норрич, если не возражаете, я действительно выслушаю его первым. А ты дружище, сначала спрячь свой пистолет.

Бигмен нехотя подчинился.

— Послушай, Лакки! Я этого хитреца подозревал с самого начала! С того момента, как увидел его трехмерные игрушки! Уж очень ловко он их вертел Я сразу сообразил, этот малый вполне потянул бы на шпиона.

— Вы уже дважды назвали меня шпионом! — вскричал Норрич — Я не потерплю!

— Послушай, Лакки, как ни в чем не бывало продолжал

Бигмен, — ведь это гениально — сделать шпионом человека, которого все считают слепым. Он может увидеть очень много и никто об этом не будет знать. Что скрывать от слепца! Он носом уткнется в любой секретнейший документ, а все будут думать. «Ах, бедняга! Ведь он ничегошеньки не видит!» О, небо, какое великолепное прикрытие!

— Но я действительно слепой! А про мои головоломки и шахматы я вам все детально...

— О, конечно! Ты объяснил! — усмехнулся Бигмен. — Объяснять ты мастер! И все же, как так получилось, что ты сидел в комнате с зажженным светом? Знаешь, Лакки, когда я вошел туда, свет уже горел. Он не включил его для меня. Выключатель был слишком далеко. Ну так что, Норрич?

— А то, что для меня безразлично, горит свет или нет, и поэтому он может быть включен до тех пор, пока я бодрствую на случай, если кто-то придет как вы, например.

— Допустим, — иронично сказал Бигмен. — Парень способен дать объяснение всему — как он играет в шахматы, как он различает цвета — всему! Но однажды он забылся... — Бигмен цокнул языком. — Уронил шахматную фигуру и наклонился, чтобы поднять ее. Но, к счастью, вовремя вспомнил о своей слепоте и попросил меня помочь.

— Как правило, я знаю, куда падает предмет, по звуку. Но эта фигура закатилась, — объяснил Норрич.

— Вот как славно! И все-таки, есть одна вещь, объяснить которую ты не сможешь, уж извини... Лакки, я решил его проверить. Выключить свет и направить лучи фонарика прямо ему в глаза. Он должен был, по моим расчетам, вскочить или хотя бы зажмуриться. Я не сомневался в успехе. Но случилось неожиданное! Бедняга так растерялся, что спросил меня, почему, видите ли, я оставил его в темноте. Как он мог узнать об этом, Лакки? Как?

— Но... — Норрич попытался вставить слово, однако Бигмен летел на всех парусах.

— Он может осязать шахматные фигуры или головоломки, но как он чувствует темноту? Ведь для этого нужно видеть!

— Полагаю, — сказал Лакки, — что самое время позволить высказаться мистеру Норричу.

— Благодарю вас. — К Норричу уже вернулась его обычная невозмутимость. — Господин Советник, я — слепой, но мой пес — нет. Когда я выключаю свет на ночь, Матт понимает это как сигнал отбоя и отправляется в свой угол. Я прекрасно слышал, что Бигмен крадется в направлении стены. Он очень старался не производить шума, но человек с пятилетним стажем слепоты

слышит даже самые легкие шаги. После того, как Бигмен остановился, я услышал, как Матт встал и пошел к себе. Не нужно было особого умственного напряжения, чтобы оценить обстановку — Бигмен стоит у выключателя, Матт улегся спать. Значит, Бигмен выключил свет.

Норрич повернулся к Бигмену, потом к Лакки. Видно было, что он ждет ответа.

— Все понятно, — выдохнул Лакки. — Похоже, что мы должны извиниться перед вами.

Лицо Бигмена, только что грозное, сморщилось, как печеное яблоко.

— Но Лакки!..

— Да-да, Бигмен. Никогда не цепляйся за гипотезу после того, как она опровергнута. Надеюсь, мистер Норрич, вы понимаете, что Бигмен руководствовался чувством долга.

— Но прежде, чем что-то предпринимать, он мог бы задать мне несколько вопросов, холодно заметил Норрич. — Я, с вашего позволения, пойду?

— Конечно, можете идти. Да, официальная, так сказать, просьба: о происшедшем никому. Это очень важно.

— Хорошо, забудем. Хотя случай, несомненно, подходит под статью об ответственности за ложное обвинение... Забудем. — Он быстро отыскал кнопку дверного управления и мгновение спустя вышел.

Бигмен набросился на Лакки:

— Тебя провели, как мальчишку! Нельзя было отпускать его!

Лакки подпер голову ладонью и задумчиво посмотрел мимо Бигмена.

— Нет, это не тот человек, ради которого мы здесь.

— Еще какой тот, Лакки! Даже если он действительно слепой — это тоже против него! Бигмен вновь разволновавшись, сжал кулаки. Он мог подойти к В-лягушке, потому что не видел ее! И по этой же причине мог ее убить!

— Нет, Бигмен, нет. — Лакки покачал головой. Влияние В-лягушек не зависит от того, видят их или не видят. Это непосредственный контакт. Тот, кто убил ее, должен быть роботом. А Норрич не робот!

— Интересно, откуда ты можешь знать, что... — Тут Бигмен осекся.

— Ну вот, ты сам ответил на свой вопрос. Да, мы прощупали его при первой же встрече, когда В-лягушка была еще с нами. У него есть эмоции, а значит, он не робот и, следовательно не тот, кто нам нужен.

Но эта маленькая ясность не могла рассеять озабоченности

Лакки, он раздраженно отшвырнул «Высшую роботехнику».

Первый аграв-корабль был назван «Великая Адрастея» и не походил ни на один из когда-либо виденных Старром кораблей. Он был величиной с роскошный космический лайнер, однако каюты экипажа и пассажиров сбились в носовой части корабля, в то время как девять десятых занимали аграв-преобразователь и конденсаторы энергетического поля. От средней части к хвосту тянулись изогнутые лопасти, отдаленно напоминающие крылья летучей мыши. Эти лопасти, как ему объяснили, пересекая силовые линии, преобразуют гравитацию в гиператомную энергию, только и всего. Но вид их был поистине зловещим.

Сейчас корабль находился в гигантской шахте. Железобетонный колпак был убран, и на все безвоздушное пространство шахты распространялась обычная гравитация Юпитера-9.

Весь персонал Проекта, около тысячи человек, собрались в этом амфитатре. Лакки впервые видел столько людей в скафандрах одновременно. Все были, ввиду экстраординарности события, заметно возбуждены, что проявлялось в грубых развлечениях, возможных при низкой гравитации. А Лакки думал о том, что вот в одном из этих скафандров — вовсе не человек. Но как его обнаружить?

Донахью выступил с короткой речью о преданности и самоотверженности, в то время как Лакки задумчиво взирал на Юпитер, а вернее, на небольшой объект рядом с ним. Это была еле заметная, светящаяся полоска, изогнутая, как ноготь, и если бы тут был хоть какой-нибудь воздух, а не безвоздушная пустота Девятого, изгиб этот виделся бы бесформенным пятнышком света.

Лакки знал, что крошечный полумесяц — это Ганимед, Юпитер-3, самый крупный из спутников Юпитера и достойная луна на небосклоне гигантской планеты. Известно ему было и то, что Ганимед скоро станет центром Солнечной системы, а произойдет это по завершении работ над аграв-флотилией.

Наконец Директор Донахью хриплым от избытка чувств голосом благословил корабль, и почтенная публика небольшими, по 5–6 человек, партиями исчезла в недрах Юпитера-9. Остались лишь те, кто должен лететь. Один за другим они поднимались на эскалаторе к входному люку корабля, и первым плыл Донахью.

Лакки с Бигменом вошли на борт «Великой Адрастеи» после всех. Глава Проекта даже не обернулся.

— Лакки, ты заметил, что Рэд Саммерс тоже тут? — взволнованно прошептал Бигмен.

— Знаю.

— Это тот самый миляга, который пытался убить тебя!

— Да, Бигмен, да.

И вот корабль, содрогнувшись, медленно пополз вверх. Гравитация Юпитера-9 составляла лишь 1/18 гравитации Земли, и хотя вес корабля измерялся сотнями тонн — не это было причиной такой медлительности. Если бы даже гравитация отсутствовала, корабль по-прежнему сохранял бы полный объем вещества с соответствующей этому объему инерцией, и привести все это вещество в движение или, если оно сдвинулось с места, — остановить, было бы не менее трудно.

Неохотно, однако все быстрее и быстрее, шахта уходила вниз, и вскоре Девятый сжался в шероховатый серый булыжник, звезды припудрили небо, а Юпитер стал казаться мраморным шариком.

Джеймс Пэннер, подойдя к ним, по-свойски положил руку на плечо сначала Бигмена, потом — Лакки.

— Не угодно ли джентльменам отобедать со мной? Ведь в обзорном отсеке сидеть пока что скучновато. — Его большой рот растянулся в улыбке, от которой мышцы толстой шеи вздулись.

— Благодарю! — в тон ему ответил Лакки. — Очень мило с вашей стороны — пригласить нас!

— Видите ли, Донахью явно не собирается этого делать, да и остальные смотрят на вас косо... Мне не хочется, чтобы вы чувствовали себя неуютно. Тем более, что путешествие будет довольно продолжительным.

— А вы, доктор Пэннер, не злитесь на меня? — довольно сухо полюбопытствовал Лакки.

— О нет! Ведь — помните? — я уже прошел вашу проверку!

Каюта Пэннера едва вместила троих. Как и все жилые помещения на аgrav-корабле, она была более чем миниатюрна. Пэннер вскрыл три банки чего-то концентрированного и неизбежного на всех космических кораблях. Для Лакки и Бигмена обстановка была почти домашней: запах разогреваемой пищи, стены, давящие на тебя, за которыми — безграничная пустота космоса и гул гиператомных двигателей, преобразующих энергию поля в направленное давление, а также питающих внутренности корабля. Гул этот нетрудно было представить как воплощение древнего понятия «музыки сфер».

— Теперь, — просипел Пэннер, — нам уже не свалиться обратно.

— То есть, мы свалимся на Юпитер? — уточнил Лакки.

— Да, хорошенькое такое падение с высоты пятнадцать миллионов миль. Как только мы наберем приличную скорость (чтоб уж падать так падать), перейдем на аgrav-режим.

Пэннер вытащил из кармана часы, легко сжал их, и на циферблате вспыхнули цифры, очерченные вспышками красной

дуги.

— Уже так скоро?

— Да, не заждемся. Пэннер положил часы перед собой. Некоторое время ели молча, затем инженер вновь взял часы в руку — Остается меньше минуты. Все произойдет автоматически. — Хотя он старался выглядеть невозмутимым, рука слегка дрожала. — Внимание!

И наступила тишина. Полная. Исчез шум двигателей. Вся необходимая энергия поступала теперь от гравитационного поля Юпитера.

— Эй, на носу! — крикнул Пэннер. — Потрясающе! — Он отложил часы в сторону и теперь на его широком, некрасивом лице была не только сдержанная улыбка; на нем еще можно было прочесть гордое: «Вот сейчас мы действительно на аgrav-корабле!»

Лакки тоже улыбнулся.

— Мои поздравления! Я рад, что нахожусь на борту в такой момент!

— Еще бы! Вы, надо сказать, здорово потрудились для этого! Бедный Донахью!

— Извините, что мне пришлось так сурово обойтись с ним, но иного выхода не было. — Лакки стал серьезным. — Я во что бы то ни стало должен был попасть сюда.

Пэннер очень внимательно посмотрел на него.

— Должны были?

— Именно — должен был. Потому что, вне всяких сомнений, шпион находится здесь — на корабле.

10. В сердце корабля

Пэннер удивленно уставился на Лакки.

— Почему?

— Сирианцам наверняка не терпится узнать, как ведет себя корабль в космосе. И если их метод шпионажа до сих пор ни разу не дал осечки, то отчего бы не продолжить его здесь?

— Что вы такое говорите! Ведь тогда получается, что робот — это один из тех четырнадцати, которые находятся на борту «Адрастеи»!

— Именно это я и подразумеваю.

— Но все люди отобраны задолго до полета!

— Сирианцы знали все о Проекте, не исключая, конечно, и критериев отбора. И своего робота они могли подогнать под эти критерии.

— Что делает им честь, — рассеянно пробормотал Пэннер.

— Это лишь предположение, — продолжал Лакки. — Есть вариант.

— Какой?

— Робот летит «зайцем».

— Сомнительно. — Пэннер медленно покрутил головой.

— Но не исключено. Он, к примеру, мог попасть сюда, воспользовавшись суматохой, которая предшествовала торжественной речи. Я глядел в оба, но куда там... По-моему, в машинном отделении уйма укромных местечек.

— Не так много, как вы думаете, — немного поразмыслив, возразил Пэннер.

— И все же мы должны осмотреть корабль. Доктор Пэннер, вы поможете нам?

— Я?

— Ведь вы, как главный инженер, знаете каждый дюйм машинного отделения!

— Подождите. Это дурацкая затея.

— Даже если «зайца» там не окажется, мы все равно выиграем, потому что поймем: все внимание нужно сосредоточить на людях, попавших сюда легальным путем.

— Ваше «мы» означает нас троих?

— А кому прикажете довериться, если любой может оказаться тем самым роботом, которого мы ищем? И давайте прекратим обсуждение этого вопроса. Ответьте только, вы поможете нам в осмотре корабля? Я обращаюсь к вам с этой просьбой как член Совета Науки.

Пэннер неохотно поднялся.

— Вынужден, в таком случае.

Осторожно, цепляясь за поручни, они спускались по узкому стволу шахты к первому машинному уровню. Освещение было мягким, и огромные конструкции совершенно не отбрасывали тени.

Не было слышно ни звука, ни даже шороха, который позволил бы догадаться о том, какие колоссальные силы действуют здесь. Бигмен искал глазами хоть что-то знакомое и не находил. Казалось, от обычных рабочих узлов космического корабля, вроде их «Метеора», ничего не осталось.

— Все спрятано внутри, — сказал он вслух.

Пэннер кивнул.

— Предельная автоматизация. Потребность в человеческом участии сведена до минимума.

— А если авария?

— Исключено. Здесь на каждом шагу альтернативные цепи, дублирующие устройства, блоки самоконтроля, которые включают все в нужный момент.

Узкими переходами Пэннер повел их дальше. Он двигался очень осторожно, будто опасаясь, что на них вот-вот набросится кровожадный зверь; методично, уровень за уровнем, боковыми стволами удаляясь от центрального прохода, с уверенностью и дотошностью эксперта главный инженер проверял каждый уголок.

Наконец они оказались в самом низу, у огромных сопел, сквозь которые — если полет проходил в обычном режиме — вырывалась наружу сила, толкавшая корабль вперед.

Отсюда, изнутри, укрытые многослойной теплоизоляцией, сопла выглядели довольно невинно — как четыре гладких трубы, каждая примерно вдвое толще человека; их венчали невыразительные конструкции с гиператомными двигателями.

— В одной из труб! — осенило Бигмена.

— Нет, — флегматично возразил Пэннер.

— Но почему? Ведь он запросто может там спрятаться! Открытый космос ничем ему не грозит!

— Гиператомных толчков, — сказал Лакки, — не выдержать даже роботу. А их еще час назад было предостаточно. Сопла отпадают.

— А это означает, — обрадовался Пэннер, — что в машинном отделении никого нет.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно. Нет места, которого бы мы не осмотрели, а маршрут, мною выбранный, не позволил бы никому улизнуть незаметно.

Легкая реверберация придавала звучанию их голосов что-то

ирреальное.

— Дьявол! Возиться с этими четырнадцатью парнями! — возопил Бигмен.

— Их уже одиннадцать, — уточнил Лакки. — Донахью, Норрич и Саммерс отпадают.

— А я? — обиделся Пэннер. — Неподчинение приказу! Остается десять.

— Вы затронули очень интересную тему... — улыбнулся Лакки. — Насколько глубоко ваши познания в роботехнике?

— Мои? — удивился Пэннер. — Я даже не знаю, с какой стороны к этим игрушкам подходить!

— Так я и думал. Земляне создали позитронного робота и впоследствии значительно усовершенствовали его — но все же, за исключением нескольких специалистов, никто ничего не знает о роботехнике! Роботов не изучают в школах и не используют в практической деятельности. Я сам знаю кое-как Три Закона и немного сверх того. Директор Донахью об этих законах лишь догадывается. А теперь вообразите, каких вершин могли достичь сирианцы с их насквозь роботизированными структурами! Вчера, чтобы хоть как-то восполнить пробел, я взял одну книжицу — единственную, кстати, по данному предмету во всей вашей библиотеке.

— Вот как?

— И вскоре понял, что Три Закона отнюдь не так просты, как может показаться... Кстати, не пора ли нам вылезать отсюда? Заодно проверим все еще раз. — И он двинулся по нижнему уровню, с любопытством озираясь по сторонам. — Я, например, думал, — продолжал на ходу Лакки, — что достаточно будет отдать любой идиотский приказ, подождать, не будет ли он выполнен, — и все сразу станет ясно. Но оказывается, позитронный мозг робота можно настроить таким образом, что он будет выполнять только приказы, непосредственно относящиеся к роду его деятельности. Однако он может выполнить и приказ, который противоречит его служебным обязанностям или не относится к ним — при условии, что приказ этот будет предварен определенными словами-кодом. В роли кода могут выступить и чисто внешние признаки человека. То есть, в особых ситуациях этот робот будет подчиняться своим надсмотрщикам и игнорировать прочих людей.

Пэннер, который уже ухватился за поручень, разжал руку и медленно повернулся к Лакки.

— Иными словами, то, что я не снял по вашему приказу рубашку, — еще ничего не значит, да?

— Вернее сказать — могло бы ничего не значить, доктор

Пэннер! Так как раздевание не входит в ваше служебные обязанности, а мой приказ, естественно, не содержал кода.

— То есть, вы хотите сказать, что я — робот?

— Нет. Сирианцы не смогли бы подменить главного инженера Проекта. Им пришлось бы напичкать своего робота колоссальным объемом информации по аграву. Если бы они изначально располагали ею, не возникло бы нужды в шпионаже.

— Ну, спасибо. — Пэннер произнес это полусердито-полупольщенно и вновь взялся за поручни.

— Не двигаться, Пэннер! — Бигмен, произнесший грозную фразу, уже держал наготове свое знаменитое оружие. — Торопись, Лакки, торопись... С чего ты взял, что он такой знаток аграва? Это только предположение, не более. Разве он демонстрировал нам свои знания? Что-то не припоминаю. Где он был, когда «Адрастея» переходила на аграв-режим? Отсидживался в своей каюте, вот где он был!

— Ты знаешь, я тоже обратил на это внимание. И отчасти потому затащил Пэннера сюда. Так вот: он явно знает свое дело. Я следил за тем, как он все здесь проверял, и утверждаю, что это были действия истинного знатока своего дела.

— Удовлетворен, марсианин? — сверкая глазами, поинтересовался Пэннер и, сопя, стал взбираться по трапу.

Они остановились на следующем уровне.

— Хорошо, остается десять человек, — возобновил разговор Пэннер. — Два офицера, четыре инженера и рабочие. Что вы намереваетесь делать? Просветить каждого в отдельности, да?

Лакки мотнул головой.

— Слишком большой риск. Сирианцы наверняка позаботились о маленькой защитной хитрости. Ведь они научили робота передавать сообщения или выполнять секретные задания — по приказу. Значит, робот не сможет сохранить тайну, если человек должным образом попросит ее открыть! Что же делают сирианцы? Они снабжают робота взрывным устройством, которое немедленно срабатывает при угрозе разоблачения!

— И если окунуть его под рентгеновский душ — он взорвется?

— Весьма вероятно. Он должен держать в тайне саму свою природу и отреагирует на любую попытку в эту тайну проникнуть. Сирианцы, однако, не предвидели появления В-лягушки. — Глаза Лакки наполнились скорбью. — На нее не было предусмотрено никакой реакции, и робота приказали убить беднягу.

— Но ведь робот своим самоубийством может нанести вред находящемуся рядом человеку! Не будет ли этим нарушен

Первый Закон? — язвительно улыбнувшись, спросил Пэннер.

— Нет. Потому что взрыв не контролируется роботом. Устройство реагирует на чьи-то определенного рода вопросы или действия, робот ничего не решает.

Они поднялись еще на один уровень.

— Так что же все-таки вы думаете предпринять? — не успокаивался Пэннер.

— Даже не знаю, — честно признался Лакки. — Нужно заставить робота выдать себя. И использовать для этого Три Закона, со всей их зыбкостью и многозначностью. Что требует, однако, хорошего владения предметом... Как вынудить робота разоблачиться и не потревожить при этом взрывное устройство? Если бы у меня была возможность так манипулировать Тремя Законами, чтобы они вступали в конфликт один с другим, — это сирианское создание было бы полностью парализовано! Если бы...

— Если вы, — бесцеремонно перебил его Пэннер, — господин Советник, ждете помощи от меня — то напрасно. Я уже говорил — в роботехнике я абсолютный... — Он резко дернулся. — Что это?

Бигмен тоже настороженно огляделся.

— Я ничего не слышал!

Пэннер, молча протиснувшись мимо них, исчез за изгибом трубы. Лакки с Бигменом вскоре догнали его, бормотавшего:

— А не втиснулся ли он между выпрямителями? Ну-ка, проверим еще раз!

Лакки сосредоточенно вглядывался в сложные переплетения кабелей.

— Кажется, все в порядке? — спросил он.

— Посмотрю на всякий случай, — твердо сказал Пэннер. Он отодвинул панель в стене и осторожно шагнул туда. — Не двигайтесь, Бигмен!

— Что случилось? Там же пусто!

— Знаю. — Голос Пэннера стал мягче. — Я попросил вас не двигаться, так как не хотел лишиться руки в момент включения силового поля.

— Какого еще поля?

— Оно как раз пересекает коридор, в котором вы стоите! Столько же шансов выбраться, как пробить лбом трехфутовый лист стали.

— Лакки! Сукин сын! Он — робот! — Рука Бигмена вновь потянулась за оружием.

— Но-но! — крикнул Пэннер. — Этим вы убьете и себя! — Он смотрел на них, сверкая глазами. — Запомните: через силовое

поле может пройти только энергия, но не вещество, даже не воздух. Убив меня, вы задохнетесь задолго до того, как кто-то набредет на вас.

— Я же говорил тебе, говорил, что он робот! — шипел Бигмен в бессильной ярости.

Пэннер коротко усмехнулся.

— Вы ошибаетесь, я не робот. Но если он все же здесь — я знаю, кто это.

11. Через лунные орбиты

— Кто?! — оторопело спросил Бигмен.

Лакки устало вздохнул.

— Очевидно, дружище, кто-то из нас с тобой...

— Благодарю, — сказал Пэннер. — А теперь — мои рассуждения... Вы очень горячо убеждали меня в том, что шпиону удалось попасть на корабль. Причем самым неожиданным и дерзким способом. И вдруг я понял, что знаю людей, которые буквально вломились сюда! Что это была за напористость! Я восхищен вами!

— Неплохо, — заметил Лакки.

— Вы потащили меня в машинное отделение, чтобы разнюхать все о рабочих узлах корабля. Вы довольно складно болтали о роботах, а я все любовался вашим микроскопом, который неизвестно зачем вам тут нужен...

— Лакки имеет все права на это! — свирепо выпалил Бигмен. — Вы разговариваете с Лакки Старром, между прочим!

— Скажите пожалуйста! Какая честь! Ну, если он в самом деле Лакки Старр, член Совета Науки, то пусть докажет. Конечно, будь у меня чуть побольше мозгов, вы бы предъявили мне свои удостоверения еще наверху.

— Лучше поздно, чем никогда, — спокойно ответил Лакки. — Вы увидите на таком расстоянии? — Слегка засучив рукав, он поднял руку ладонью к Пэннеру.

— Ближе я не подойду! — предупредил Пэннер.

Но Лакки молчал. На коже запястья, обработанной особым способом еще несколько лет назад, появился вызванный внутренним усилием черный овал. Желтые точки на нем изображали Большую Медведицу и Орион.

Пэннер от волнения стал задыхаться. Лишь очень немногим доводилось видеть то, что видел сейчас он — отличительный знак члена Совета Науки.

Придя в себя, он тут же снял силовое поле и предусмотрительно попятился от Бигмена.

— Ты, кривобокий, — уже наступал тот. — Жалко, что я не успел всадить в твой череп...

— Хватит, Бигмен! — вмешался Лакки. — Почему мы можем его подозревать, а он нас — нет?

Пэннер смущенно повел плечом.

— Я был почти уверен...

— Вполне возможно. Но теперь-то, я думаю, мы можем доверять друг другу?

— Лично вам я теперь доверяю безусловно. — Пэннер выдержал многозначительную паузу. — А как быть с этим маленьким крикуном — не знаю...

Когда Бигмен прекратил издавать пронзительные и бессвязные звуки, Лакки сказал:

— Я его знаю и несу полную ответственность за его действия. И давайте-ка вернемся в свои каюты, пока нас не хватились. Обо всем, что здесь произошло, никто, разумеется, не должен знать.

И они направились к трапу.

В каюте, отведенной Лакки с Бигменом, были лишь койки в два яруса и умывальник, из которого выжималась скупая струйка воды. Спартанские условия «Метеора» казались теперь просто роскошными.

Пока Лакки умывался, Бигмен сидел наверху, по-турецки поджав ноги. Говорили они шепотом, на всякий случай.

— Послушай, Лакки... Предположим, я подойду к кому-то из тех десяти, которые у нас с тобой остались... и затею с ним драку. Ну, естественно, предварительно обругав как следует. Если не получу сдачи, значит — робот!

— Вовсе не обязательно. Может, он просто не захочет нарушать дисциплину. Или вспомнит о твоём пистолете. А может быть, этот человек вообще не связывается с теми, кто ниже его ростом.

— Перестань, Лакки! — Бигмен, обидевшись, помолчал с минуту, а потом заговорил снова. — Я все думаю: почему ты так уверен, что робот здесь? А если он остался на Юпитере-9?

— Теоретически это возможно. Но я не сомневаюсь, что он среди нас. — Лакки задумчиво прислонился к койке. — Да, в первый день нашего пребывания на Девятом что-то произошло...

— Что?!

— Если бы я знал, Бигмен! Вернее сказать, я знаю, но это ушло куда-то вглубь, в подсознание. Никак не могу вытащить. На Земле проблема легко разрешилась бы с помощью психозондирования, но тут... Я перепробовал все, что мог, и сегодня, разговаривая с Пэннером, там, внизу, я касался по возможности всех аспектов дела, полагая, что смогу задеть эту чертову мысль — но все тщетно. Если бы я только мог хоть потрогать ее — робота несдобровать бы... Если бы я только мог!..

Это звучало почти отчаянно. Никогда Бигмен не видел на лице друга такой безысходности.

— Лакки, давай поспим.

— Угу, давай.

Уже засыпая, Бигмен тихо спросил:

— Лакки, а почему ты уверен, что я не робот?

— Потому что сирианцы никогда не додумались бы построить робота с такой отталкивающей внешностью, — прошептал Лакки и выставил локоть навстречу летящей подушке.

Шли дни. На полпути к Юпитеру они миновали внутреннюю, менее заселенную зону небольших спутников, из которых были пронумерованы только Шестой, Седьмой и Десятый. Юпитер-7 ярко светился, остальные терялись на фоне созвездий.

Сам Юпитер заметно увеличился и, так как Солнце было позади «Великой Адрастеи», выглядел яркой тарелкой, правда до Луны не дотягивал — он получал почти в 30 раз меньше света.

Пояса Юпитера превратились в совершенно отчетливые изогнутые полосы коричневого цвета на бледно-желтом фоне. Вот показался огромный овал Большого Красного Пятна, который медленно переполз на другую сторону и исчез.

— Лакки, отсюда кажется, что Юпитер не совсем круглый. Оптический обман, да?

— Нет, не обман. Он немного сплюснут у полюсов, как Земля.

— Но у нее это почему-то не бросается в глаза!

— И не должно бросаться. Подумай сам! Период вращения Земли вокруг оси — 24 часа. Длина экватора — 25 тысяч миль. Значит, всякая точка на нем движется со скоростью более тысячи миль в час. Центробежная сила деформирует шарик. В результате чего диаметр Земли по экватору на 27 миль больше диаметра, соединяющего полюса. Разница ничтожная, около трети процента, поэтому из космоса мы видим вполне respectable шар.

— А-а...

— Другое дело — Юпитер, он в 11 раз больше Земли, полный оборот совершает всего за десять часов. И точка на его экваторе несется с ветерком — 28 тысяч миль в час. Поэтому и разница в диаметрах уже нешуточная — целых пятнадцать процентов.

Бигмен с сочувствием посмотрел в иллюминатор и пробормотал:

— Ну надо же...

С того момента, как началось это бесконечное падение, Солнце пряталось за кораблем. Они уже пересекли орбиту Каллисто, Юпитера-4 — наиболее удаленного из главных спутников, эта горошинка должна была вот-вот исчезнуть в тени Юпитера.

Ганимед, или Юпитер-3, оказался достаточно близко и напоминал Луну, хотя и в миниатюре; одна четверть Ганимеда была погружена во мрак.

Лакки с Бигменом довольно скоро почувствовали более чем прохладное отношение к себе со стороны экипажа. Донахью ни разу не заговорил с ними, а сталкиваясь нос к носу — устремлял

взгляд в пространство. Норрич при встрече вежливо кивал, но, когда на его приветствие однажды ответил Бигмен, холодно напрягся и, легко потянув поводок Матта, поспешил прочь.

И Лакки с Бигменом решили, что наиболее удобным для них будет питаться у себя в каюте.

— Подумаешь, — ворчал Бигмен. — Кем они себя вообразили?! Даже это чучело. Пэннер, как только я появляюсь рядом, становится невообразимо занятым!

— Во-первых, пока сам Донахью столь явно демонстрирует свою аллергию — его подчиненные вряд ли станут с нами обниматься. А во-вторых, не кажется ли тебе, что до сих пор наши контакты с ними были не из приятных?

— Ты знаешь, я встретил сегодня нашего очаровательного Рэда Саммерса, он выходил из машинного отделения и чуть не налетел на меня.

— Что случилось? Ты не...

— Нет, я ничего... Я просто стоял и ждал, что он начнет первым, — как я этого ждал, Лакки! Но он нежно осклабился и прошел мимо.

Весь корабль с волнением наблюдал... Ганимед, закрыв собой крошечную часть Юпитера, лишь напомнил о грозных размерах последнего, настоящего затмения быть не могло, но все же...

Ганимед наплывал на Юпитер чуть ниже экватора, и казалось, что два небесных тела медленно сливаются. Там, куда вошел спутник, возник тусклый круг Ганимед, лишенный атмосферы, слабо отражал солнечные лучи; следить за ним помогала тень на Юпитере. Черным, все более сужающимся серпом двигалась она вместе со спутником. Когда же Юпитер, Ганимед, «Великая Адрастея» и Солнце оказались на одной линии, тень исчезла, чтобы возникнуть уже с другой стороны и, медленно увеличиваясь, соскользнула, наконец, с гиганта. Затмение длилось три часа.

Орбиту Ганимеда аgrav-корабль миновал, когда тот уже был маленьким пятнышком. По этому — поводу устроили целый праздник. Обычные корабли, хоть и не часто, достигали Ганимеда и даже садились на него, однако еще никому из людей не удавалось настолько приблизиться к Юпитеру.

Корабль прошел в ста тысячах миль от Европы, Юпитера-2, самого мелкого из спутников — всего 1900 миль в поперечнике. Темные отметины оказались цепями гор. Сверкающие пятна — возможно, лед.

Падение продолжалось.

Ио напоминала Луну не только размерами, но и удаленностью от планеты, правда сходство на этом и кончалось.

Если, благодаря слабому гравитационному полю Земли, Луна совершала полный оборот вокруг нее за четыре недели, то Ио, подхваченная гравитацией Юпитера, облетала его за 24 часа, со скоростью 22 тысячи миль в час. Посему сесть на нее было делом мудреным.

Тем не менее корабль сманеврировал идеально!

Включились аgrav-двигатели, и тишина, к которой за минувшие недели все привыкли, была нарушена переполнившим корабль гулом гиператомных реакторов. «Великая Адрастея», изменив траекторию, устроилась на околоспутниковой орбите, менее чем в десяти тысячах миль от шара Ио, заполняющего теперь собой все небо.

Скорость корабля падала с каждым кругом; похожие на крылья летучей мыши аgrav-стабилизаторы втянулись внутрь: при входе в атмосферу их могло разнести в клочья.

Послышался пронзительный свист, порождаемый трением о верхние слои атмосферы. Боковые реактивные двигатели развернули корабль хвостом к Ио, а гиператомные — смягчили посадку. После недолгой вибрации «Адрастея» неподвижно замерла на поверхности спутника.

На борту творилось что-то невообразимое! Даже Лакки с Бигменом досталось несколько тумачков от людей, которые на протяжении всего полета избегали их.

Часом позже в темноту Ио один за другим, ведомые Главой Проекта — Донахью, ступили шестнадцать облаченных в скафандры людей. Или, по Лакки, — пятнадцать. Пятнадцать человек и робот.

12. Небо и снег Ио

Все как один запрокинули головы и уставились на Юпитер. Гигант внушал почтение и заставлял людей быть крайне сдержанными. Во всяком случае болтовня смолкла — Юпитер был выше разговоров. Исполинский шар занимал как минимум восьмую часть небосвода, и если бы не ночная тень, отнявшая у него целую треть, — был бы эдак в две тысячи Лун.

Зоны и пояса, пересекающие планету, были видны удивительно отчетливо: как будто разноцветные ленты — розовые, зеленые, фиолетовые, синие разбросало по поверхности страшным ураганом. Разреженная атмосфера Ио не скрадывала ни одной детали.

Снова появилось Большое Красное Пятно, похожее на лениво кружащуюся лужу бензина.

Стояли они долго, и за все это время Юпитер не изменил своего положения — он продолжал висеть огромным полукругом над горизонтом западной части неба: Ио всегда была обращена к планете одной своей стороной, на другой Юпитер никогда не восходил и не садился.

— Неплохое местечко для телескопа, — пробормотал Бигмен на частоте Лакки.

— Скоро здесь будет и телескоп, и многое другое.

— Бедняга Норрич, — сокрушенно вздохнул Бигмен, — он ведь не видит всего этого!

— Да-да. Смотри, и Матт с ним!

— Ага. Сдуреть можно, ну и хлопот у них с этим Норричем. Взять хотя бы скафандр для пса — уже специальный заказ... Пока ты наблюдал за посадкой, я смотрел, как его одевали. Целое дело! Нужно было еще убедиться, слышит ли он в своем скафандре команды... Но, как видишь, все в порядке.

Лакки кивнул и, повинаясь внутреннему импульсу, направился к Норричу. Он довольно уверенно чувствовал себя в здешних условиях, впрямь как на Луне, и, сделав несколько широких шагов, достиг цели.

— Норрич! — Лакки переключился на частоту инженера.

— Кто это? — Слепые глаза Норрича беспомощно смотрели вокруг.

— Это я, Лакки Старр. — Стоя напротив, Лакки разглядывал возбужденное лицо Норрича. — Вы, по-моему, счастливы находиться здесь?

— Счастлив? Можно сказать и так. Скажите, а как вам Юпитер? Очень красив?

— Да. Хотите, я вам его опишу?

— Спасибо, в этом нет необходимости. Я видел его в телескоп, когда... когда видел. Это до сих пор сохранилось в памяти, поверьте. Не знаю, поймете ли вы то, что я сейчас скажу... Мы из тех немногих, которым выпало счастье первыми ступить на еще нехоженую поверхность. Осознаете ли вы, что мы как бы переходим в особую группу людей?

Его рука потянулась вниз, чтобы погладить Матта, но наткнулась на жесткий шлем. Сквозь изогнутую лицевую пластину были видны высунутый язык и беспокойные глаза пса, взволнованного, должно быть, непривычной обстановкой и тем, что голос хозяина звучит совсем непривычно.

— Бедный мой Матт! Эта низкая гравитация совершенно сбивает тебя с толку! Придется держать тебя на поводке. — Поговорив с собакой, Норрич продолжал: — Вдумайтесь! Триллионы людей в Галактике, и лишь единицам посчастливилось быть первыми! Мы почти всех их знаем! Яновски и Стерлинг — Луна, Чинг — Марс, Лабелл и Смит — Венера... Прибавим к ним впервые побывавших на астероидах и за пределами Солнечной системы. Все равно, их очень, очень мало! И мы теперь среди них. И я, я — тоже! — Он так широко раскинул руки, будто собирался обнять весь спутник. — И этим я обязан Саммерсу. Когда он предложил новый способ изготовления контактного наконечника — важнейшей детали наклонного ротора, что позволило сэкономить два миллиона долларов и один год времени — его включили в состав экипажа. Вы знаете, что он сказал на это? «Норрич, — сказал он им, — заслужил такую награду в гораздо большей степени!» Они ответили: «Да-да! Но ведь он слепой!». А Саммерс напомнил им, отчего я слепой, и сказал, что без меня никуда не полетит. И нас взяли обоих. Я знаю, что вы недолюбливаете Саммерса, но когда я думаю о нем, то сразу вспоминаю эту историю...

В шлемофонах вдруг раздался зычный голос Донахью:

— За работу, друзья! Юпитер никуда от вас не убежит. Еще налюбуетесь.

За несколько часов корабль был разгружен, оборудование установлено, тенты натянуты, приготовлены временные герметические камеры с кислородом.

Даже занятые работой, люди то и дело поглядывали на незнакомое небо, там уже красовались три спутника.

Ближе всех — Европа, небольшим полу месяцем зависшая над восточным горизонтом. Половинка Ганимеда находилась почти в зените, а Каллисто расположилась совсем рядом с Юпитером, так же, как он — без одной своей трети. Но все три спутника не

давали и четверти света полной Луны и «совершенно терялись в присутствии патрона», как выразился Бигмен.

Лакки посмотрел на своего маленького друга.

— Ты думаешь, здесь нет ничего, что могло бы превзойти Юпитер?

— Исключено! — отрезал Бигмен.

— Что ж, тогда подождем...

И вот, без каких бы то ни было рассветных сумерек — что исключала разреженная атмосфера Ио — над покрытой инеем грядой низких холмов вспыхнуло, как алмаз, и, спустя несколько мгновений, увенчало горизонт — Солнце. Этот кружочек блистал гораздо ярче громады Юпитера.

Установили телескопы, и все успели увидеть, как Каллисто прячется за Юпитер; вскоре за ним последовали и два других спутника.

Ио обращалась вокруг Юпитера всего за 42 часа, и все звезды вместе с Солнцем маршем проходили по ее небесам. Если же говорить об остальных спутниках, то быстрая Ио легко догоняла их в беге вокруг Юпитера: Каллисто вернулась на небо через два дня, Ганимед был настигнут через четыре, а Европа — через семь дней. Все они летели с востока на запад, и время от времени заслонялись Юпитером.

Затмение Каллисто случилось первым, и все здорово волновались, даже Матт. Он уже несколько освоился в низкой гравитации, и Норрич все чаще давал ему свободу. При этом Матт, неуклюже барахтаясь, пытался сквозь шлем обнюхать все попадающиеся ему предметы. Но когда Каллисто коснулась, наконец, сияющего Юпитера и люди притихли — Матт тоже уселся на задние лапы и, высунув язык, стал внимательно смотреть вверх.

Но чего все ждали с нетерпением, так это Солнечного затмения... Двигалось Солнце намного стремительней любого из спутников; на всем ходу оно налетело на Европу, Европа тут же, истончившись, пропала на полминуты, затем обратила свой серп в другую сторону. Ганимед нырнул за Юпитер, в то время как Каллисто уже скрылась за горизонтом.

Маленькая жемчужина взбиралась все выше в небо, делая из Юпитера вначале огромный полумесяц, а затем тающий на глазах серп.

Залитое солнечным светом небо стало темно-пурпурным, и лишь тусклые звезды кое-где пятнами проступали на нем. На этом мрачном фоне пылал гигантский полукруг, слегка выгнутый в сторону неумолимо надвигающегося светила. Как будто Давидов булыжник, выпущенный из некоей космической пращи,

летел в лоб Голиафа.

Свет Юпитера мерк все больше и вот, когда виднелась одна только желтоватая изогнутая нить, Солнце коснулось гиганта, и люди, убрав темные стекла, разразились громкими приветственными возгласами.

Полностью свет, однако, не исчез: даже заслоненное Юпитером Солнце продолжало, хоть и мрачно, светить. Сам Юпитер потух, и только его водородно-гелиевая атмосфера дымилась, преломляя солнечный свет. Легкая дымка растекалась по всей окружности, пока не сомкнулась внизу, два бледных рога образовали кольцо.

А Солнце продолжало удаляться, и кольцо, совсем потускнев, исчезло. На черном небе остались только звезды и совсем выцветший кусочек Европы.

— Потом, — сказал Лакки, — все повторится в обратной последовательности.

— И это показывают каждые 42 часа? — недоверчиво спросил Бигмен.

— Если ты не возражаешь...

На следующий день к ним подошел Пэннер.

— Как поживаете? А мы, между прочим, уже почти управились со своими делами. — Он показал на заполненную оборудованием долину. — Все это хозяйство остается на Ио.

— Остается? — удивился Бигмен.

— Конечно! Ведь на спутнике нет ни погоды как таковой, ни признаков жизни. Так что оборудование в полной безопасности. Все надежно укрыто от аммиака и чудесно дождетсЯ следующей экспедиции. — Внезапно Пэннер понизил голос. — Мистер Старр, кто-нибудь настроен на вашу частоту?

— Нет. Вроде нет.

— Не хотите прогуляться? — И, не дожидаясь ответа, Пэннер двинулся в направлении холмов. Лакки с Бигменом последовали за ним.

— Я должен извиниться перед вами, — сказал Пэннер. — В последнее время я был не слишком приветлив. Просто мне показалось, что так будет лучше.

— Забудем об этом, — примирительно отозвался Лакки.

— Видите ли... я намеревался провести собственное расследование, без вашего участия. И был уверен, что кто-то обязательно себя выдаст, совершив нехарактерный для человека поступок. Но этого, увы, не произошло... — Они взобрались на первый холм, и Пэннер оглянулся. — Посмотрите-ка на нашего пса! — восхищенно воскликнул он. — Вот кто освоился в низкой гравитации!

Матт, в самом деле, многому научился за это время. Его тело грациозно изгибалось и вновь выпрямлялось в двадцатифутовых прыжках, которые он совершал с явным удовольствием.

Пэннер перестроился на частоту, предназначенную для их четвероногого товарища, и крикнул:

— Эй, Матт! Ко мне, мальчик, ко мне!

Пес высоко подпрыгнул от неожиданности. Лакки, тоже переключившись, услышал радостное рычание.

Пэннер помахал рукой, пес помчался к ним, но вдруг остановился и посмотрел назад, сомневаясь в своем праве оставить хозяина. Приблизился он совсем медленно.

— Сирианский робот, — вернулся Лакки к начатому разговору, — созданный именно для того, чтобы обмануть человека, должен быть совершенным. Во всяком случае, он никогда не клонет на что-то поверхностное...

— Мое расследование не было поверхностным! — горячо возразил Пэннер.

— Я все более склонен думать, что в нашем случае любое расследование, проведенное не специалистом в роботехнике, может быть только поверхностным. — В голосе Лакки было нечто большее, чем просто горечь.

Они шли если не по снегу, то, во всяком случае, по чему-то очень его напоминающему. Вещество это, к большому удовольствию Бигмена, сверкало в лучах Юпитера.

— Оно тает от одного взгляда! — возбужденно сообщил он; с его ладони сбегала тонкая струйка воды.

— Потому что это не снег, Бигмен, а замерзший аммиак. Температура его таяния на 80 градусов ниже, чем у льда.

Бигмен ринулся вперед, туда, где сугробы были глубже. Оставляя за собой глубокие дыры, он, захлебываясь от восторга, кричал.

— Ух, здорово!

— Проверь, включен ли обогреватель!

— Конечно, Лакки! — И Бигмен, делая огромные прыжки, полетел вниз по склону, то и дело с головой исчезая в огромных сугробах аммиака. — Это — как нырнуть в облако, Лакки! Ты слышишь меня? Это даже приятнее, чем кататься на лыжах по лунному песку!

— Ладно, Бигмен! — Лакки вновь повернулся к Пэннеру. — Вы пытались испытать конкретного человека? — Краем глаза Лакки видел, как Бигмен нырнул в сугроб. Несколько мгновений спустя он опять посмотрел в ту сторону — Бигмен!!!

Ответа не последовало.

Лакки побежал. Раздался, наконец, слабый голос Бигмена:

— Дыхание... упал... скала... река тут... внизу...

— Держись, я с тобой! — Лакки с Пэннером уже спешили на помощь.

Нетрудно было догадаться, что произошло. Температура поверхности Ио близка к температуре таяния аммиака, сугробы начали подтаивать, в результате чего возникали скрытые реки из этого зловонного вещества...

Послышался мучительный кашель Бигмена.

— Разорван... шланг аммиак... задыха...

Лакки достиг дыры, оставленной Бигменом, и посмотрел вниз.

Аммиачная река, медленно, пузырясь, текла мимо острых скал, одна из которых и повредила, очевидно, воздушный шланг.

— Бигмен! Где ты?

И хотя в ответ послышалось еле слышное «здесь» — Бигмена нигде не было видно.

13. Падение

Лакки, не задумываясь, прыгнул прямо в аммиачный поток и теперь осторожно продвигался вниз по течению. Он отчаянно ругал себя за медлительность, а Бигмена — за ребячество, обернувшееся бедой, — и снова себя, за то, что не предотвратил этого, хотя и мог.

Он ударил ладонью по равнодушно текущей жидкости, и брызги аммиака, высоко взлетев, упали с удивительной быстротой: разреженная атмосфера не удерживала капли.

Вряд ли река могла унести человека — плотность и подъемная сила аммиака слишком малы, да и скорость потока незначительна. Если бы Бигмен не повредил воздушный шланг, проблема заключалась бы лишь в том, чтоб вырваться из реки и нескольких образовавшихся сугробов. Если бы!

Лакки яростно шлепал вниз. Где-то впереди его маленький друг борется с удушливыми испарениями. Только бы разрыв в шланге оказался не слишком велик! Тогда ничем уже не поможешь... От мысли, что он опоздал, сердце Лакки сжалось.

Внезапно мимо него промелькнула вывалившаяся в аммиаке фигура и исчезла в сугробе, оставив за собой медленно оседающий туннель.

— Пэннер? — крикнул Лакки вдогонку.

— Я здесь, — раздался голос сзади. — Это Матт. Он прибежал на ваш крик. Мы с вами были на его частоте.

Они стали пробираться по следу и вскоре увидели Матта, он возвращался. Лакки ликующе вскрикнул:

— Он нашел Бигмена!

Марсианин крепко держался за задние лапы собаки, и это стесняло движения Матта. Однако, благодаря низкой гравитации, он все же продвигался вперед.

Когда Лакки подбежал к Бигмену, тот, уже не в силах держаться, расцепил руки.

Нельзя было терять ни минуты. Нагнувшись, Лакки прежде всего увеличил подачу кислорода, а затем, бережно подхватив Бигмена на плечо, побежал к кораблю. Никогда еще Лакки так не бежал! Со стороны это было, наверное, похоже на полет.

Позади грузно топал Пэннер, далеко опережая его, во весь опор мчался Матт.

На бегу Лакки сообщил о случившемся по рации, и их ждала одна из воздушных камер.

Лакки без промедления бросился внутрь. Дверь за ним тут же закрылась, и в помещение хлынул спасительный воздух.

Торопливо сняв с Бигмена сначала шлем, а затем скафандр, Лакки нащупал сердце и, почувствовав слабые толчки, облегченно вздохнул. В санитарной сумке он нашел все необходимое для стимулирующего укола. Теперь оставалось ждать, когда тепло и обильный приток кислорода сделают свое дело.

Веки Бигмена задрожали, взгляд остановился на Лакки, беззвучно шевелились губы.

Лакки счастливо засмеялся и стал не спеша стягивать с себя скафандр.

Гарри Норрич стоял в дверях отсека и невидящими голубыми глазами приветливо смотрел на Бигмена.

— Как дела у нашего больного?

Бигмен с трудом приподнялся на койке и оглушительно возвестил:

— Пр-ревосходно! Разрази меня гром, да я никогда не чувствовал себя так хорошо! Если бы не этот Лакки, давно уже бегал бы...

Лакки бросил на него взгляд строгой сиделки, но Бигмен не успокаивался.

— О, старина Матт! Почему вы не даете войти моему другу? Сюда, песик, сюда!

Матт, волоча за собой поводок, подбежал к Бигмену и принялся энергично вилять хвостом. В умных глазах его были все оттенки собачьей радости.

Маленькие руки Бигмена ласково обхватили шею собаки.

— Вот это, я понимаю, друг! Вы ведь слышали, Норрич, о его геройском поступке, не так ли?

— Об этом уже все слышали! — Было видно, что Норрич страшно гордится своим замечательным псом.

— Жаль, что я плохо все помню... Мои легкие так забились аммиаком, что я уже не надеялся выбраться... Потом покатился вниз, сквозь все эти сугробы... Потом кто-то приблизился ко мне, я подумал, Лакки... но когда он умудрился стряхнуть с меня целую гору аммиака, и стало светло — я понял, что это Матт, и ухватился за него...

— И правильно сделал, — сказал Лакки. — Пока мы с Пэннером откопали бы тебя — ты бы уже...

— Ой, Лакки, ты целое дело раздул! Ничего бы не случилось, не зацепись я шлангом за скалу и не порви его. Да и в этом случае я запросто мог, повысив кислородное давление, вытеснить аммиак. Не догадался только. В этой вони невозможно было соображать!

В дверь заглянул проходивший мимо Пэннер.

— Как вы себя чувствуете, Бигмен?

— Вот дела! Похоже, что все здесь считают меня инвалидом или вроде того. Я в полном порядке! На меня даже Донахью ворчал! Во!

— Как, неужели он спустился с Олимпа?

— Если бы! Просто ему хочется, чтобы исторический полет ничем не омрачился, вот и все!

Пэннер засмеялся.

— Кстати, все ли готовы к взлету?

— Мы покидаем Ио? — спросил Лакки.

— С часу на час. Уже грузится кое-что из оборудования. Советую вам пойти в штурманскую, Юпитер стоит того...

Он пощекотал Матта за ухом и удалился.

На Юпитер-9 было передано, что корабль покидает Ио.

— Почему мы не вызываем Землю? — удивился Бигмен. — Разве доктор Конвей не должен знать об этом?

— Для него мы все еще сидим на Девятом, — объяснил Лакки. Он хотел добавить, что вовсе не горит желанием вернуться на Юпитер-9, а тем более — встретиться с Конвеем: ведь задание не выполнено, но промолчал.

Карие глаза Лакки внимательно осматривали пульт управления. Все инженеры и члены экипажа разошлись по своим местам, остались лишь Донахью, два офицера и Пэннер.

Лакки думал об офицерах, он часто думал о каждом из десяти, не видевших В-лягушку. При всяком удобном случае он заводил с ними разговор, он обыскал их каюты, он, с Пэннером вместе, детально изучил все досье. Безрезультатно.

Лакки возвращался на Девятый, так и не обнаружив робота. Теперь отыскать его будет практически невозможно. Кроме того, придется доложить Совету о своем позорном фиаско.

Вновь в голову пришла отчаянная мысль о рентгене и о других способах принудительной проверки, но, как всегда, за ней последовала другая мысль — о взрывном устройстве, возможно даже ядерном.

Взрыв уничтожит робота, убьет 13 человек, разнесет в молекулы бесценный корабль. Но главное — не откроет безопасного способа обнаружения гуманоидных роботов, которые, Лакки чувствовал это, орудовали во многих частях Солнечной Федерации.

Размышления прервал крик Пэннера:

— Поехали!

Послышался знакомый гул, и Ио с нарастающей скоростью полетел вниз.

В центре экрана медленно вращалось Большое Красное

Пятно.

— Мы в аgrav-режиме, — сообщил Пэннер. — Теперь Ио отталкивает нас.

— Кажется, мы падаем в сторону Юпитера! — встревожился Бигмен.

— Да, пока это устраивает нас. В нужный момент будут включены гиператомные двигатели, и корабль выйдет на гиперболическую орбиту. Приблизившись к Юпитеру на расстояние 150 тысяч миль, мы снова перейдем на аgrav, и гравитация выстрелит нами, как рогатка камешком. Таким образом мы израсходуем гораздо меньше энергии, чем израсходовали бы, направляясь сразу к Девятому. И, кроме прочего, получим потрясающие снимки Юпитера!

— Крупный план! — Пэннер взглянул на часы. Осталось пять минут.

Как понял Лакки, последнее относилось к запланированному выходу на гиперболическую орбиту.

— Если все расчеты правильны, продолжил Пэннер, — то для посадки на Юпитер-9 нам даже не понадобится никаких маневров, что немаловажно. Ведь чем больше энергии нам удастся сэкономить тем меньше останется сомнений в перспективности аgrav-кораблей! Должно остаться 85 процентов. Но если будет больше, я тоже не огорчусь.

— А предположим, — мечтательно сказал Бигмен, — что вы вернулись с таким запасом энергии, который больше первоначального! Что тогда?

— Это было бы просто замечательно, Бигмен! Но, к сожалению, существует второй закон термодинамики, очень вредная штука. Он проследит за тем, чтобы мы не разбогатели на наших катаниях. И даже понесли бы некоторые убытки — Пэннер широко улыбнулся. — Пошла последняя минута!

Дождавшись, когда корабль наполнится знакомым гулом, Пэннер, с выражением глубокого удовлетворения на лице, спрятал часы в карман.

— С этого момента, торжественно объявил он, — обо всем заботится автоматика!

Едва прозвучали эти слова, как двигатели умолкли, и свет, замигав, погас. На контрольной панели вспыхнули красные буквы: АВАРИЯ!

Пэннер вскочил и с ревом «Какого черта!» выбежал из помещения. Оставшиеся с ужасом глядели ему вслед. Морщинистое лицо Донахью превратилось в мертвенно-бледную маску.

Лакки, сбросив оцепенение, бросился за Пэннером. Бигмен

побежал тоже.

Они столкнулись с одним из инженеров, выбиравшимся из машинного отделения.

— Сэр! — тяжело выдохнул он.

— В чем дело? — нетерпеливо перебил его Пэннер.

— Аграв выведен из строя, сэр... Ничего нельзя сделать...

— Что с двигателями?

— Пришлось блокировать главный резервуар: замкнута цепь, и мы едва успели предотвратить взрыв. Если включить его снова — весь корабль разлетится на куски.

— То есть, мы работаем на аварийном запасе?

— Да.

Смутное лицо Пэннера налилось кровью.

— А что толку! Аварийного запаса не хватит для выхода на орбиту! Пропустите-ка меня...

Инженер посторонился, и Пэннер скользнул в шахту. Туда же последовали Лакки с Бигменом.

Они не появлялись здесь с того, первого дня на «Великой Адрастее». Все теперь выглядело по-другому. Ушло ощущение надежности и таинственности, слышались возбужденные голоса.

Пэннер спрыгнул на третий уровень.

— Ну, что там у вас?

Люди расступились, пропуская его, и вновь склонились над опустошенными внутренностями сложного механизма. В голосах и жестах были отчаянье и злость.

Возник Донахью; почему-то он решил обратиться к стоящему в стороне Лакки.

— В чем дело, Старр?

— Серьезные повреждения, Директор.

— Как это могло случиться? Пэннер!

Пэннер, прервав осмотр, раздраженно бросил:

— Какого черта вы тут расшумелись!

Ноздри Донахью зашевелились.

— Почему вы вовремя не устранили неполадки?

— Потому что их не было.

— В таком случае, как называется то, из-за чего мы все тут торчим?

— Оно называется диверсией. Да, да! Преднамеренной диверсией!

— Что?!

— Пять гравитационных реле вдребезги разбиты, а запасные исчезли неизвестно куда. Блок управления осевым давлением расплавлен и ремонту не подлежит. Вы еще сомневаетесь?

Донахью тупо уставился на главного инженера.

— Можно ли что-то сделать? — сдавленно произнес он.

— Если не удастся найти запасные реле, то попробуем собрать их из других деталей, не представляю правда, каким образом. Блок управления можно заменить. Но все это потребует нескольких дней и я не могу гарантировать успеха.

— Дней?! — рявкнул Директор. Каких еще дней? Мы падаем на Юпитер! На Юпитер падаем!

Наступила мертвая тишина. А затем Пэннер сказал то, о чем подумали все:

— Да, сэр. Мы падаем на Юпитер и не в силах остановить наше падение. Это означает, что нам конец, сэр. Все мы уже мертвецы!

14. Юпитер крупным планом

Вновь навалившуюся тишину решительно нарушил Лакки.

— Человека нельзя считать мертвым, пока он способен думать! Скажите-ка мне лучше, кто на этом корабле в хороших отношениях с компьютером?

— Майор Брант, — отозвался Донахью. — Наш специалист по траекториям.

— Он сейчас на пульте управления?

— Да.

— Тогда поднимемся к нему. Мне понадобится «Справочник эфемерид». Пэннер, вы останетесь здесь и немедленно приступите к работе.

— Что толку от... — начал было Пэннер, но Лакки немедленно оборвал его.

— Может быть и никакого толку. Если так, то мы врежемся в Юпитер после того, как вы напрасно поработаете несколько часов. А пока что извольте выполнять приказ.

Но это было все, что мог сказать Донахью.

— Как член Совета Науки, я принимаю командование кораблем, — обращаясь к нему, отчеканил Лакки. — Если вы захотите обсуждать это, Бигмен запрет вас в каюте. А на военном суде поделитесь своими соображениями.

Резко повернувшись, Лакки направился к центральной шахте. Бигмен строго ткнул Донахью большим пальцем в спину и отконвоировал его в том же направлении. Пэннер хмуро посмотрел им вслед и обратился к инженерам с краткой, но проникновенной речью:

— Ладно, вы, куча трупов! Так и будем стоять с пальцем во рту? А ну, взялись!

Сидевший на пульте офицер шевельнул белыми губами:

— Что там случилось?

— Вы, как я понимаю, майор Брант. Нас не представили друг другу, но это не столь важно. И Дэвид Старр, член Совета. А сейчас садитесь к компьютеру и делайте то, что я вам скажу, по возможности быстро.

Перед Лакки уже лежал потрепанный том «Эфемерид». К справочникам, имеющим вид собственно книги, Лакки всегда относился с большой теплотой. Ему казалось, что перелистывая страницы, можно гораздо быстрее отыскать необходимое, чем прокручивая туда-сюда микро пленку.

Он перелистал несколько страниц с бесконечными колонками цифр, определяющих местонахождение любого тела Системы в

определенный момент Стандартного времени.

— Наберите входные данные, которые я вам сейчас назову, а затем рассчитайте характеристики орбиты и координаты тела в данный момент и в последующие 48 часов...

Как только пальцы майора перестали летать над клавиатурой, Лакки добавил:

— А теперь дайте мне точку пересечения траекторий корабля и этого объекта...

Компьютер разрешился кодированной лентой, а печатное устройство — цифрами.

— На сколько мы расходимся с ним по времени?

Опять замелькали пальцы взмокшего майора.

— На 4 часа, 21 минуту и 44 секунды, сэр!

— И последнее. Если мы изменим нашу скорость ровно через час — то какой она должна быть для того, чтобы не пролететь мимо?

— В такой близости от Юпитера, — вмешался Донахью, — аварийная энергия не оторвет нас! Как вы этого не можете понять?

— Никто не собирается отрываться. Нужно ускорить движение в направлении Юпитера, только и всего.

Донахью в ужасе отшатнулся.

— В направлении Юпитера?!

— Майор, хватит ли нашей энергии на такое ускорение? — спросил Лакки, дождавшись очередных данных.

— Думаю, да.

— В таком случае, выполняйте.

Донахью, окончательно сбитый с толку, жалобно переспросил:

— В направлении Юпитера?

— Совершенно верно Йо, если вам приходилось слышать, не является ближайшим спутником Юпитера. В природе существует еще и Амальтея, Юпитер-5. Надеюсь, нам удастся сесть на него. В противном случае, наша смерть наступит на два часа раньше.

Бигмен почувствовал, как к нему возвращается надежда. Он никогда, конечно, не отчаивался, если рядом был Лакки, но этот случай казался совершенно безнадежным. Да! В запасе у них была Амальтея, замечательный спутник! Ее открыли позже остальных — главных, и несмотря на то, что располагалась она ближе всех к Юпитеру — значилась под номером 5. А так как Йо была Юпитером-1, то о существовании Амальтеи частенько забывали.

Спустя час падающий на Юпитер корабль резко увеличил скорость.

В центре экрана вырисовалась теперь та часть звездного неба,

в которой находилась Амальтея. Эта крупинка должна была подхватить их и спасти. Пока же она безмятежно кружилась по своей орбите, а корабль все падал и падал.

— Вот! — радостно воскликнул Бигмен. — Ясно виден диск!

— Определить координаты объекта и сверить с расчетной траекторией, — скомандовал Лакки. — Нужна ли коррекция? — спросил он через несколько минут.

— Мы должны снизить скорость на...

— Цифры меня не интересуют. Выполняйте, майор.

Амальтея совершала полный оборот вокруг Юпитера за двенадцать часов, при скорости в полтора раза большей, чем скорость Ио, а гравитация там была в 20 раз ниже. По двум этим причинам Амальтея представляла собой весьма труднодоступную цель.

Руки майора Бранта задрожали на рычагах, когда «Великая Адрастея», уворачиваясь от атакующего спутника, слегка изменила курс. Теперь оставалось, пропустив Амальтею чуть вперед и уравнив с нею скорость, дождаться того момента, когда гравитация уложит корабль на орбиту. Если Юпитер-5, который выглядит сейчас огромным, станет уменьшаться, — они промахнулись...

— Получилось, — прошептал Брант, и его голова упала на трясущиеся ладони.

Лакки с чувством огромного облегчения закрыл глаза.

Ситуация на Юпитере-5 существенно отличалась от той, что была на Ио. Там все, как туристы, любовались достопримечательностями и ахали при виде красот неба — здесь их интересовал только ремонт, все прочее отпало. Люди знали, что в случае неудачи, посадка на Амальтею только отсрочит неминуемую гибель...

Было понятно, что обычный космический корабль не долетит до Юпитера-5, а другого аэро-корабля не существует и не будет существовать по крайней мере год. И если ремонт не даст результатов — времени на любование будет недостаточно.

И все же зрелище — найдись хоть один зритель — было прекрасным.

До Юпитера, казалось, ничего не стоило дотянуться рукой. В момент посадки он был почти полным, на сверкающем блюде уместилось бы десять тысяч Лун, не меньше.

Амальтея облетала Юпитер за 12 часов, и видимые спутники перемещались по небосклону втрое быстрее, чем на Ио. То же происходило со звездами и со всем прочим, кроме застывшего Юпитера, одной стороной неизменно обращенного к спутнику.

Через пять часов взошло Солнце, оно было точно таким же,

как на Ио, но помчалось к Юпитеру с утроенной скоростью и устроило затмение в сотню раз более великое и ужасное.

Однако никто не наблюдал затмения, ни в первый раз, ни во второй за время их пребывания на Юпитере-5, никто не обратил на него внимания. Ни у кого не было времени. Никому даже мысль такая в голову не пришла...

Пэннер сел и посмотрел вокруг мутным взором. Веки его вспухли и покраснели. Говорил он хриплым шепотом.

— Ладно. Все по местам. Холостой прогон.

Пэннер не спал сорок часов. Остальные работали посменно, один Пэннер не спал и не ел.

Бигмен, который во время ремонта что-то подносил, уносил, снимал показания приборов и дергал рычаги, когда его просили, — теперь остался без дела. Угрюмый, он бродил по кораблю в поисках Лакки, пока не нашел его у Донахью у пульта управления.

По пояс голый, Лакки вытирался большим пуховым полотенцем. Увидев Бигмена, он поспешил обрадовать друга.

— Бигмен! Корабль полетит! Мы вскоре взлетим!

— Но ведь это всего лишь холостой прогон, Лакки.

— Корабль полетит, говорю тебе! Джим Пэннер сотворил чудо!

Донахью, собрав всю свою волю, выпалил:

— Советник Старр, это вы спасли мой корабль!

— О нет, господин Директор. Если кто-то и заслуживает похвалы, так это Пэннер. С помощью медной проволоки и клея он заставил-таки работать это чудовище.

— Но вы повели корабль на Юпитер-5, в то время, как остальные тряслись от страха! Представ перед военным судом, я подробно опишу этот случай.

— А вот как раз этого-то делать и не следует. Как член Совета, я должен избегать рекламы. Что же касается официального отчета, то все это время командиром оставались вы. Мои действия упомянуты не будут.

— Это невозможно. Я никогда не позволю, чтобы меня превозносили за то, чего я не совершал.

— Вам придется потерпеть. Это — приказ. И давайте-ка оставим эти разговоры о военном суде!

Донахью принял героическую позу.

— Меня необходимо отдать под суд! Вы неоднократно говорили мне о сирианских агентах! Я пренебрег этой опасностью — в результате чего на вверенном мне корабле произошла диверсия!

— Здесь и моя вина, — возразил Лакки. — Я был на борту

корабля и не предотвратил беды... Кстати, если нам удастся обнаружить диверсанта, вопроса о суде даже не возникнет.

— Диверсант, конечно же, — робот, о котором вы меня предупреждали... Как я был слеп!

— Боюсь, директор, что вы еще не окончательно прозрели. Он не робот.

— Нет? — Донахью опять ничего не понимал.

— Робот не пошел бы на такое. Ведь мы едва не погибли! А это уже нарушение Первого Закона.

— Ну, а если он не знал, что причиняет вред?

— Все, находящиеся на борту «Адрастеи», не исключая гуманоида, прекрасно понимают, что такое аgrav для корабля. Как бы то ни было, а теперь установление личности диверсанта будет делом пустячным.

— Как это?!

— Ну подумайте сами. Если человек совершает такую серьезную диверсию, то он должен быть либо сумасшедшим, либо жутким фанатиком, чтобы оставаться на корабле.

— Логично.

— После нашего взлета с Ио люки не открывались. Иначе мы сразу почувствовали бы спад давления. Это означает, что диверсант остался на Ио. Он и сейчас там, если не улетел.

— Каким образом? Кроме нашего, туда не доберется ни один корабль!

— Ни один — наш...

Глаза Донахью на мгновение расширились.

— А также ни один сирианский!

— Вы уверены в этом?

— Да, уверен. — Донахью нахмурился. — Пойдите... Но ведь прежде, чем мы покинули Ио, мы произвели поверку! Каждый доложил о своем присутствии!

— Значит, все на борту?

— Полагаю, что да.

— Хорошо, — сказал Лакки. — Во время прогона все должны быть на своих местах, не так ли? И местонахождение каждого четко фиксируется? Вызовите-ка Пэннера и спросите, не пропустил ли он кого-нибудь...

Донахью нажал на клавишу.

Голос Пэннера был голосом безмерно уставшего человека.

— Я как раз собирался связаться с вами, сэр. Прогон закончен. Все в порядке. Можно взлетать. Надеюсь, нам повезет, и эти штуки развалятся уже на Юпитере-9.

— Отлично. Ваша работа будет оценена по достоинству, Пэннер. Кстати, все ли на своих местах?

Лицо Пэннера сразу напряглось.

— Нет, сэр. Я собирался сказать вам об этом. Мы не можем найти Саммерса.

— Рэд Саммерс? — подпрыгнул Бигмен. — Снова этот грязный тип? Лакки...

— Минуточку, Бигмен, — остановил его Лакки. — Доктор Пэннер, вы хотите сказать, что Саммерса нет в его каюте?

— Нет нигде. Если бы это не было исключено, я бы сказал, что его нет на борту.

— Благодарю вас. — Лакки прервал связь. — Ну, командир?

— Послушай, Лакки! — Бигмен не мог молчать. — Помнишь, однажды я рассказал тебе о встрече с Саммерсом у машинного отделения? Что он мог делать внизу?

— Теперь мы знаем — что... — вздохнул Лакки.

— Нужно взять его! — Донахью побелел. — Мы высадимся на Ио и...

— Подождите, — деликатно перебил его Лакки. — У нас есть кое-что поважнее, чем предатель.

— Поважнее?

— Это робот.

— Ну, робот может и подождать.

— А может — и не гложет... Перед взлетом все доложили о своем присутствии на борту. Если так, то один рапорт был ложным?

— Ну?

— В таком случае, нужно найти источник этого рапорта. Робот не может подвергнуть корабль опасности, но если это сделает человек и, скрыв от робота свой поступок, попросит о помощи — робот непременно окажет ее.

— Вы хотите сказать, что ложный рапорт исходил от робота?

Лакки медлил с ответом. Ему не очень нравилась собственная уверенность, и все же аргументы казались весьма убедительными.

— Да вроде бы так.

15. Предатель

Взор Донахью помрачнел.

— Значит, майор Левинсон... Но я не могу в это поверить!

— Во что? — спросил Лакки.

— Нет, он не робот... Я говорю о человеке, произведшем поверку перед отлетом с Ио. В его ведении все наши записи. Я хорошо знаю майора и уверен в нем, как в себе.

— Мы поговорим с ним. Ни в коем случае не предъявляйте ему обвинений в том, что он робот, не спрашивайте и даже не намекайте на это. Он не должен ничего почувствовать.

— Почему?!

— Откровенное подозрение может привести в действие взрывной механизм, если...

— О, боже! — выдохнул Донахью.

Напряженное состояние, которое теперь было присуще всем, явно владело и майором Левинсоном. Его прямо-таки подбросило в стойку смирно.

— Да, сэр?

— Советник Старр задаст вам несколько вопросов, — робко произнес Донахью.

Майор Левинсон дернулся и резко развернулся к Лакки. У него были светлые волосы, голубые глаза и высокий рост.

— Итак, майор, — начал Лакки, — все люди рапортовали вам о своем прибытии на борт «Адрастеи» и это фиксировалось вами. Так?

— Да, сэр.

— Вы видели каждого из них?

— Нет, я пользовался внутренней связью. Мне отвечали или прямо с рабочих мест, или из кают.

— Каждый человек? Вы слышали голос каждого?

— Да, по-моему... — Вопрос явно удивил майора. — По правде говоря, я не запоминаю вещей подобного рода.

— Тем не менее это очень важно. Попытайтесь вспомнить.

Майор наморщил лоб и, как оказалось, не напрасно.

— Точно! Саммерс был в ванной — поэтому за него ответил Норрич... Подождите! Ведь именно Саммерса сейчас и разыскивают!

Лакки остановил майора поднятой ладонью.

— Успокойтесь. И разыщите Норрича. Я хотел бы увидеться с ним.

Норрич вошел, опираясь на руку майора Левинсона. Он выглядел довольно растерянно.

— Сэр, похоже никто не может найти Рэда Саммерса? Что же с ним могло произойти?

— Это мы и хотим выяснить, Норрич, — ответил Лакки. — Ведь вы доложили о присутствии Саммерса, не так ли?

Норрич покраснел.

— Да.

— Вы сказали, что Саммерс в ванной. Он действительно был там?

— З-э... Нет, его там не было, господин Советник. Понимаете, он забыл на Ио что-то из своих вещей и побежал за ними. А чтобы командир не пилил его — прошу прощения, сэр, — за минутную отлучку, попросил меня об этом одолжении.

— А он успел вернуться?

— Я... По-моему, да. Матт зарычал, и я понял, что это Саммерс. Потом мне захотелось спать, и уже как-то не думалось о таких вещах. А когда началась кутерьма в машинном отделении — стало и вовсе не до того.

Все вдруг вздрогнули от громового голоса Пэннера:

— Внимание! Мы взлетаем! Всем немедленно занять свои места!

«Великая Адрастея» вновь находилась в открытом космосе. Расход энергии опустошил бы пять обычных кораблей. Слабые звуки, появившиеся в гуле гиператомных двигателей, говорили о том, что состояние корабля небезупречно.

Пэннер уныло думал о том, сколько энергии они теряют в итоге.

— Если даже следовать прямоиком на Девятый, — вслух размышлял он, — то у нас останется семьдесят процентов. А с посадкой на Ио — и вовсе пятьдесят от первоначального запаса. И неизвестно, сможем ли мы взлететь еще раз.

— Нам нужно взять Саммерса, — сказал Лакки. — Вы прекрасно знаете это.

На экране уже раздувался Ио. Лакки задумчиво смотрел на спутник.

— Ты знаешь, Бигмен, я не вполне уверен, что мы сможем найти его.

— Так я и поверил, что за ним могут прилететь сирианцы!

— Нет, но ведь Ио не настолько мал, чтобы на нем нельзя было затеряться. Если Саммерс куда-то ушел, нам не отыскать парня. Но, скорее всего, он остался на месте, не утруждая себя перетаскиванием запасов воздуха, пищи и воды. Тем более, что наше возвращение исключено.

— Давно нужно было догадаться, Лакки, что у Саммерса рыльце в пушку. Ты забыл, что ли, как он пытался убить тебя? С

чего бы это? Перед сирианцами выслуживался — вот с чего!

— Ты, конечно, прав, Бигмен, но вспомни, кого мы искали. Шпиона! А Саммерс не мог им быть по двум причинам. Во-первых, он не имел доступа к интересующей сирианцев информации. Во-вторых, потому что выяснилось: шпион — робот. Лягушка же обнаружила у Саммерса эмоции. Разумеется, это не помешало ему стать предателем. Я должен был вовремя раскусить негодяя, но моя голова была занята другим. — Лакки опустил глаза и продолжил. — Тот случай, когда разгадка разочаровывает. Если бы Саммерс использовал в качестве прикрытия кого угодно, кроме Норрича, — мы бы обнаружили робота. Вся беда в том, что Норрич — единственный человек, у которого могли быть вполне невинные мотивы для содействия Саммерсу. Мы ведь знаем, что они дружили. Кроме того, Норрич — слепой, какой с него спрос, откуда ему знать, что Саммерс не вернулся.

— Вспомним также, что он проявил эмоции, — важно заметил Бигмен. — И потому совершенно не может быть роботом.

— Абсолютно с тобой согласен! — кивнул Лакки, нахмурился и надолго умолк.

Садились почти на метки оставленные недавним взлетом. Точки и расплывчатые тени, по мере снижения корабля, превращались в зачехленное оборудование. Лакки, глядя на экран, внимательно изучал поверхность Ио.

— Разве у нас были камеры вот здесь, слева, внизу?

— Нет.

— Посмотрите, одна камера установлена за скалами... У вас есть список неподотчетных материалов? — Донахью протянул список. — Так... Я и Бигмен отправляемся за Саммерсом. Не думаю, что нам понадобится помощь.

Солнце стояло за спиной, высоко в небе, и они шли по собственным теням.

— Он, конечно, заметил корабль, — сказал Лакки. — Если не спал.

— Или не ушел.

— Вряд ли.

— Ага, Лакки! — вдруг заорал Бигмен — Посмотри наверх!

На вершине скалы показалась человеческая фигура. В тусклом свете Юпитера она выглядела совсем черной.

— Стоять! — Низкий голос звучал на частоте Лакки. — Вы у меня на мушке!

— Спускайтесь оттуда, Саммерс! И сдавайтесь!

В наушниках усмехнулись.

— Я ведь угадал длину твоей волны, а, Советник? Правда, это

было несложно, мне помог твой приятель, вернее, его росточек... А сейчас быстро на корабль — или прикончу обоих!

— Не блефуйте. С такого расстояния вам не попасть, как ни старайтесь.

— Я, кстати, тоже вооружен, Саммерс! — яростно добавил Бигмен. — И моя игрушка достанет тебя без труда! Так что будь поскромней!

— Бросайте оружие, Саммерс! Сдавайтесь!

— Никогда!

— Почему? И ради чего? На кого вы работаете? На сирианцев? Они обещали прилететь за вами? Они обманули вас и не стоят преданности, Саммерс! Но вы еще можете сделать доброе дело... Ведь в системе Юпитера располагается одна из сирианских баз, да? Где?

— Угадай, Старр! Ты ведь такой умный!

— Какой субволновой комбинацией вы пользовались для связи?

— И это тоже вычисли... Не приближаться!

— Если поможете, Саммерс, то, по возвращении на Землю, вам зачтется.

— Слово Советника? — Саммерс слабо усмехнулся.

— Да.

— Я не верю... А ну, бегом на корабль!

— Саммерс! Почему вы действуете против нас? Что вам наобещали сирианцы? Золотые горы?

— Ты хочешь знать, что мне предложили? — в голосе Саммерса была ярость. — Я скажу тебе! Приличную жизнь! Ясно? — Саммерс закрипел зубами. — Что я имел на вашей поганой Земле? Страдания, страдания, страдания! Больше ничего! Ни малейшего шанса вылезти из дерьма! Куда бы я ни шел, вокруг было одно и то же — толпы людей, рвущих друг друга когтями. А когда я захотел последовать их примеру — меня упекли в тюрьму. И я решил: если только мне представится возможность — сполна рассчитаюсь с Землей!

— Ну, и каким же образом должен осуществиться ваш переход к приличной жизни?

— Мне предложено эмигрировать на сирианские планеты, чтобы ты знал. — Саммерс сделал паузу. Дыхание его было слабым и свистящим. — Новые миры! Чистые! Там есть пространство... там нужны люди... там ценят талант... там у меня будет шанс...

— Вы никогда не попадете туда. Ведь они давно должны были прилететь!

Саммерс промолчал.

— Посмотрите фактам в лицо, дружище! Сирианцы не прилетают за вами, потому что у них нет никакой приличной жизни для вас, нет даже просто жизни. Вам приготовлена смерть. Оттого и не дождались вы корабля.

— Еще рано.

— Не стоит лгать. Мы точно знаем, сколько кислорода пропало с «Адрастеи». Кислородные баллоны — вещь довольно громоздкая, а вам ведь пришлось выносить их в спешке. Запасы воздуха на исходе, не правда ли?

— У меня уйма воздуха!

— Нет, Саммерс, нет. Сирианцы не прилетят еще и потому, что у них нет аграва. Как же просто позволяете вы себя убить. Саммерс, какие услуги вы успели оказать сирианцам?

— Все, о которых меня попросили. Это не так много, не волнуйтесь. Но вот о чем я действительно жалею, — Саммерс захлебывался бравадой, — так это о неудаче с вашей «Адрастеей»! Как же вы уцелели? Я устроил такую славненьк... — Он уже задыхался.

Лакки с Бигменом бросились к скале. Саммерс резко вскинул руку, Лакки услышал слабый хлопок, и в песке позади него образовалась небольшая воронка.

— Вам не взять меня! — полукричал-полухрипел Саммерс. — Я не вернусь на Землю! За мной прилетят!

— Наверх, Бигмен! — Сам Лакки уже взбирался по острым выступам. Благодаря низкой гравитации, он делал это с ловкостью горного архара.

Саммерс издал тонкий, жалобный звук, обхватил голову руками и исчез.

Когда они достигли вершины, тело Саммерса еще падало в пропасть и, ударяясь о камни, кувыркалось в воздухе.

— Лакки, давай достанем его, — тихо сказал Бигмен и первым прыгнул вниз.

На Земле и даже на Марсе это был бы смертельный прыжок. Лакки поспешил за другом. Они не слишком мягко приземлились на колени и покатались вниз по склону.

Лакки первым достиг дна ущелья и подошел к неподвижно распростертому Саммерсу.

— Что с ним, Лакки? — спросил подросевший Бигмен.

— Он мертв... Я понял по звуку, что кислород кончается. Поэтому и побежал к нему. — Лакки покачал головой. — Действовал наверняка... Видишь, забрало даже поднял...

Лакки отошел в сторону, и Бигмен увидел до неузнаваемости обезображенное лицо.

— Бедняга... — тихо сказал Лакки.

— Он же предатель! — возмутился Бигмен. — Он ведь явно что-то знал, а не сказал нам! И теперь уже не скажет, это точно.

— Он не знал ответа на наш вопрос, Бигмен. Но этот ответ знаю теперь я.

16. Робот!

— Знаешь?! — Голос ошеломленного марсианина поднялся до тончайшего писка. — Ну же, Лакки! горя нетерпением, взмолился он.

— Не сейчас, Бигмен. — Лакки пристально посмотрел на Саммерса, чьи остекленевшие глаза были обращены в чужое небо. Ну вот, у него появилась отличительная особенность — первый человек, умерший на Ио.

Невидимое Солнце еще светило из-за Юпитера.

— Скоро стемнеет, сказал Лакки. — Пора возвращаться.

Бигмен, насупившись, мерил короткими шажками каюту: три туда — три обратно, три туда — три обратно.

— Лакки! Ты все знаешь и ничего не предпри...

— Не забывай о взрывном устройстве, Бигмен! И позволь мне самому решать, когда и что делать!

По тону, каким это было сказано, Бигмен понял что тема исчерпана. Он завел разговор о другом.

— Не пойму я что-то, зачем нам возиться с тем типом, который... ну-у... скучает снаружи. Он ведь мертв. И ничем не может быть полезен.

— Кроме одного.

У двери вспыхнула сигнальная лампочка.

— Открой, Бигмен. Это, должно быть, Норрич.

Норрич стоял в дверях, тупо, но очень быстро моргая.

— Я уже слышал о Саммерсе, мистер Старр. Это ужасно... Это ужасно, что он оказался предателем. И все же мне жаль его.

— Да, я знаю. Поэтому и просил вас прийти. Сейчас на Ио темно, но когда кончится затмение, не спуститесь ли вы с нами, чтобы похоронить Саммерса.

— Конечно! Ведь любой человек заслуживает того, чтобы быть похороненным... — Рука Норрича опустилась на морду Матта, и пес прижался к хозяину, будто чувствуя необходимость утешить его.

— Я не сомневался, что вы захотите пойти. В конце концов, вы ведь были его другом и конечно хотите отдать последний долг.

— Да, это так. — Глаза Норрича увлажнились.

Перед тем как надеть шлем, Лакки обратился к Донахью:

— Последний выход. Как только мы вернемся, корабль тут же стартует.

— Хорошо, — ответил Донахью и понимающе кивнул.

Норрич тем временем быстро и ловко одевал Матта, который,

предвкушая прогулку, радостно вертел головой.

На Ио появилась первая могила. Яму, выбитую в жесткой, неподатливой почве, засыпали мелким гравием, а вместо надгробья притащили большой серый валун.

Втроем они молча стояли у могилы; неподалеку бродил Матт, тщетно пытаясь хоть что-то унюхать.

Бигмен, помня о странном поручении, данном ему Лакки, напряженно ждал.

— Пагубная мысль, овладевшая этим человеком, толкнула его к неблагоприятным поступкам, за что он и поплатился, — склонив голову, тихо сказал Норрич.

— Он сделал то, что ему велели сирианцы, — снизил слог Лакки. — В этом его преступление. Он совершил диверсию и...

— И?...

— И протащил на корабль вас! Ведь вы сами признались, что только благодаря Саммерсу оказались на корабле! — В голосе Лакки появились металлические нотки. — Вы — робот-шпион, которого подбросили нам сирианцы! Ваша слепота не более, чем трюк, отводящий всякие подозрения! Вы убили В-лягушку и прикрыли Саммерса, позволив ему сойти с корабля. Ведь собственная смерть для вас — ничто, если нужно выполнить приказ! Так, кажется, говорит ваш Третий Закон? Да, вы ловко одурачили меня своими псевдоэмоциями!

Именно этой реплики дожидался Бигмен, он бросился к Норричу, лепечущему что-то совершенно бессвязное.

— Я говорил, что это ты! — Бигмен негодовал и ликовал одновременно. — Сейчас я тебе покажу!

— Неправда! — нашел, наконец, нужное слово Норрич. Он закрыл голову руками и упал.

Внезапно в десяти футах от них вырос Матт. Он летел, высунув язык и не видя никого, кроме Бигмена. А Бигмен даже не заметил собаки. Сидя верхом на Норриче, он уже замахнулся...

И тут Матт упал, упал как подкошенный, проехал на брюхе почти вплотную к борющейся паре — и застыл оскалившись, застыл навсегда.

Бигмен пребывал все в той же позе.

Быстрыми шагами Лакки приблизился к Матту. Осторожно орудуя громоздким дробильным автоматом, что он прихватил для рытья могилы, Лакки разбил скафандр пса от шеи до самого хвоста, затем ножом разрезал шкуру и запустил руку вовнутрь.

Наконец пальцы нащупали маленький твердый шарик, который никак не мог быть костью. Лакки осторожно попытался вытащить его, но почувствовал еле уловимое сопротивление. Затаив дыхание, он оборвал тонкую металлическую нить и встал,

глубоко вздохнув. Да, он угадал, это — взрывное устройство. Теперь Матт безопасен.

Норрич под Бигменом вскрикнул, как будто уже знал о новой своей утрате.

— Мой пес! Не причиняйте ему боли!

— Это не пес. — На Лакки навалилась смертельная усталость. — И он никогда не был псом. Ваш Матт — робот... Бигмен, помоги мистеру Норричу встать и добраться до корабля. Я понесу Матта.

Лакки и Бигмен сидели в каюте Пэннера. «Великая Адрастея» вновь находилась в полете. Ио маленькой монеткой стремительно падала вниз.

— Что его выдало? — спросил Пэннер.

— Его выдавало множество вещей, — ответил Лакки. — Каждая нить указывала на Матта, но я так увлеченно гонялся за гуманоидным роботом, что все проглядел.

— Когда же вы все-таки догадались?

— Когда Саммерс покончил с собой, бросившись со скалы. Я сразу вспомнил о том, как едва не погиб Бигмен, провалившись в аммиак. Вот бы, подумал я, Матта сюда! И тут оно сработало...

— Простите — не понял.

— Как Матт спас Бигмена? Ведь Бигмен лежал подо льдом, его не было видно! Однако Матт нырнул именно туда, куда нужно! Мы не удивились этому, потому что знаем о необыкновенном собачьем нюхе. Но!!! Но Матт-то был в скафандре! Значит, он воспользовался каким-то неизвестным способом восприятия! Каким — выяснят специалисты, покопавшись в нашем подарке.

— Да-а-а... Теперь, когда вы все объяснили, дело выглядит довольно просто, — сказал Пэннер. — Роботу пришлось себя выдать, так как Первый Закон для него превыше всего, даже соображений безопасности.

— Да. И другие вещи тоже встали на свои места... Смотрите. Саммерс устраивает так, чтобы Норрича взяли в полет. И тем самым помогает попасть на борт Матту, которого, кстати, для Норрича достал тоже он, Саммерс. Очевидно, на Земле существует развитая шпионская сеть, в число задач которой входит распределение роботов-собак среди людей, работающих в важных исследовательских центрах. Собаки — великолепные шпионы! Разве, обнаружив, как этот четвероногий обнюхивает ваши бумаги или разгуливает по трижды засекреченному отделу лаборатории, вы насторожитесь? Да нет же! Вы приласкаете его и еще угостите чем-то вкусеньким! На Матте я убедился, что у таких роботов есть вмонтированные передатчики. Сирианцы

могут видеть и слышать все то, что видит и слышит их робот. Когда глазами Матта они увидели В-лягушку и оценили опасность — тотчас последовала команда убить ее. Для этого робота обучили пользованию энергометом, которым он замечательно взорвал дверной замок. Даже если бы его застигли на месте преступления — все выглядело бы вполне невинно: собака играла найденным оружием, оружие случайно сработало... Но когда все это пришло мне в голову, предстояло еще найти способ поимки робота. Прежде всего я решил увести Норрича и Матта подальше от «Адрастеи». Если бы даже Матт взорвался — корабль и люди остались бы невредимыми. Естественно, я оставил директору Донахью записку, которую следовало вскрыть в случае моей гибели. На Земле, по крайней мере, обследовали бы всех собак. Ну, а потом я обвинил бедного Норрича.

— Эх, раздери меня! — подскочил Бигмен. — А я ведь и впрямь подумал, что Норрич убил В-лягушку и одурачил нас своими эмоциями!

— Нет, Бигмен. Если бы он мог одурачивать нас, ему не понадобилось бы убивать В-лягушку. А убеждал я тебя так старательно, чтобы сирианцы, если они слушали нас, убедились в моей глупости. К тому же я подготавливал бенефис Матта... Видите ли, — Лакки вновь повернулся к Пэннеру, — Бигмен по моей команде напал на Норрича, а Матт, как и полагается собаке-поводырю, носил в себе постоянный приказ защищать хозяина в случае нападения. Приказы — это, как известно, Второй Закон. И до самого последнего времени ничто не мешало Матту блюсти этот закон: если даже кому-то вздумается поднять руку на слепого — пес остановит наглеца одним рыком... Но Бигмен продолжал размахивать кулаками — и тогда Матт приступил к выполнению своих обязанностей. Однако... он не мог их выполнить! Потому что, причинив боль Бигмену, он нарушил бы священный Первый Закон! Но... Снова «но». Первый Закон все равно нарушался, нарушался тем, что Матт позволял причинять боль Норричу! Дилемма для робота оказалась непосильной, и он вышел из строя. А я сразу же обезопасил взрывной механизм.

— Как ловко! — восхитился Пэннер.

— Ловко? Если бы я не хлопал ушами, то робот был бы обнаружен еще на Юпитере-9. И ведь эта мысль пришла ко мне, только я не сумел удержать ее!

— Какая мысль, Лакки? — удивился Бигмен. — Почему я ничего не знаю?

— Мысль как мысль... В-лягушка обнаруживала эмоции животных так же хорошо, как человеческие. Вспомни, Бигмен, какая страстная кошка встретила нас в первый день. Потом мы

пошли к Норричу, который настоял на том, чтобы ты замахнулся на него и увидел, какой чудный пес этот Матт. Ты замахнулся, а я зафиксировал эмоции только Норрича и твои. А у Матта, демонстрировавшего все признаки злобы, эмоциями и не пахло. Но я в тот момент собаками не занимался... Ладно, пойдемте обедать, а по дороге заглянем к Норричу. Надо сказать, что мы достанем ему другого пса, настоящего.

Они встали, и Бигмен торжественно провозгласил:

— Так или иначе, Лакки, но мы все-таки остановили сирианцев! Хотя и пришлось немного повозиться.

— Остановить — не остановили, но шаг их уже не тот, — тихо закончил Лакки.

ЛАККИ СТАРР И КОЛЬЦА САТУРНА
Lucky Starr and the rings of Saturn

1. Захватчики

Солнце сверкало бриллиантом в небе, достаточно большим, чтобы невооруженным глазом можно было разобрать: это нечто большее, чем обычная звезда, больше, чем крошечный, величиной с горошину, раскаленный добела шар.

Сюда, в просторы космоса, в окрестности второй по величине планеты Солнечной системы, Солнце отдавало лишь один процент света, который оно проливало на родную планету человека. И все же оно было самым ярким объектом в небе — даже четыре тысячи полных Лун вряд ли могли бы с ним сравниться.

Лакки Старр задумчиво смотрел на экран, в центре которого было изображение далекого Солнца. Вместе с ним в экран уставился Джон Бигмен Джонс. Полная противоположность высокому и стройному Лакки, Джон Бигмен Джонс, вытянувшись в полный рост, достигал лишь пяти футов и двух дюймов. Но этот коротышка не измерял себя в дюймах и позволял называть себя только средним именем: Бигмен.

— Ты знаешь, Лакки, до него отсюда почти со миллионов миль. Я имею в виду — до Солнца. Я никогда не был так далеко, — задумчиво сказал Бигмен.

Третий мужчина в кабине, Советник Бен Вессилевски, усмехнулся, глянув на них через плечо со своего места у пульта управления. Он был тоже крупным мужчиной, хотя и не таким высоким, как Лакки. Копна желтых волос взималась над его лицом, покрывшимся темным космическим загаром за время службы в Совете Науки.

— В чем дело, Бигмен? — поинтересовался он. Неужели тебя пугает дальняя дорога?

— Клянусь Марсом, Весс! — завопил пронзительно Бигмен. — Ты уберешь руки от управления и повторишь это.

Он обошел Лакки и направился уже к Советнику, когда руки Лакки опустились на плечи Бигмена и подняли его в воздух. Ноги Бигмена все еще двигались, как бы неся его в сторону Весса, но Лакки вернул своего друга-марсианина на прежнее место.

— Успокойся, Бигмен.

— Но, Лакки, ты же слышал. Этот верзила думает, что он более человек, чем я, лишь потому, что занимает места больше. Если у Весса рост шесть футов, то это означает лишь то, что в наличии лишний фунт сала...

— Ладно, Бигмен, — прервал Лакки. — И, Весс, ты тоже, поберегите юмор для сирианцев.

Он говорил негромко, но никаких сомнений в его авторитете не возникало. Бигмен откашлялся и уже спокойно спросил:

— Где Марс?

— По другую сторону Солнца.

— Все-то ты знаешь, — заметил коротышка раздосадованно. Потом лицо его прояснилось: — Постой-ка, Лакки, мы на миллион миль ниже плоскости эклиптики. Значит, мы должны видеть Марс ниже Солнца, хотя бы чуть-чуть выглядывающим из-за него. По-моему, так.

— Держи карман шире, увидим! В самом деле, он на градус или около того отстоит от Солнца, но это все равно слишком близко, и Марс тонет в ослепительном сиянии. А вот Землю, я думаю, ты можешь увидеть.

Лицо Бигмена передернулось в надменном отвращении.

— Кому в космосе хочется видеть Землю? Там ничего нет, кроме людей; в большинстве своем сурков, которые никогда не отрывались даже на сотню миль от поверхности. Я бы не взглянул на нее, даже если бы в небе вообще не на что было смотреть. Предложи Вессу смотреть на нее. Это для него, — и он угрюмо отошел от экрана.

— Эй, Лакки, — предложил Весс, — как насчет того, чтобы сесть на Сатурн и посмотреть хорошенько на него под этим углом? Давай, я обещал тебе удовольствие.

— Не думаю, — возразил Лакки, — что вид Сатурна в эти дни доставит удовольствие.

Он сказал это непринужденно, но на минуту тяжелое молчание воцарилось в кабине пилотов «Метеора».

Все трое почувствовали изменение в атмосфере. Сатурн означал опасность. Сатурн стал новым олицетворением смерти для людей Земной Федерации. Для шести миллиардов людей Земли, для нескольких миллионов на Марсе, Луне, Венере, для сотрудников научных станций на Меркурии, Церере и внешних лунах Юпитера Сатурн недавно и неожиданно стал смертоносным.

Лакки почувствовал, что он должен как-то изменить атмосферу, и, послушные прикосновению его пальцев, чувствительные радиоэлектронные антенны, установленные в корпусе «Метеора», мягко повернулись на своих подвесках. Как только это произошло, поле обзора на экране сместилось.

Звезды двигались через экран непрерывной чередой, и Бигмен, криво усмехнувшись, спросил:

— Какая-то из них Сириус, Лакки?

— Нет, мы движемся через Южную небесную полу сферу, а Сириус находится в Северной. Не желаешь взглянуть на Канопус?

— Нет, ответил Бигмен. — Чего ради?

— Я просто подумал, что, возможно, интересно. Это вторая по яркости звезда, и ты мог бы принять ее за Сириус. — Лакки слегка улыбнулся. Его забавляло, что патриотически настроенный Бигмен, вероятно, испытывал досаду оттого, что Сириус, родная звезда главных врагов Солнечной системы (хотя сами происходили от землян), был самой яркой звездой небе Земли.

— Очень забавно, — проворчал Бигмен. — Давай-ка, Лакки, посмотрим Сатурн, а потом, когда возвратимся на Землю, ты поставишь шоу, от которого все будут в шоке.

Звезды на экране продолжили свое плавное движение, затем замедлились и остановились.

— Вот он — собственной персоной, — с некоторой торжественностью произнес Лакки.

Весс заблокировал рычаги управления и повернулся в кресле пилота, чтобы посмотреть на экран.

Это было похоже на полумесяц, только заметно раздававшийся, светящийся мягким желтым светом, более тусклым в центре, чем по краю.

— Как далеко мы от него? — спросил удивленно Бигмен.

— Думаю, около сотни миллионов миль, — заметил Лакки.

— Что-то не так. Где кольца? Я полагал, что их хорошо видно.

«Метеор» находился высоко над южным полюсом Сатурна. Из этого положения кольца должны были хорошо просматриваться.

— Кольца становятся размытыми на фоне планеты, Бигмен, из-за расстояния. Пожалуй, мы увеличим изображение и посмотрим поближе.

Пятнышко света, которое было Сатурном, расширилось и растянулось, разрастаясь во всех направлениях. И то, что представлялось полумесяцем, распалось на три части.

По-прежнему сохранялся центральный шар, выглядевший полумесяцем. Однако вокруг него, не касаясь шара ни в одной точке, шла огибающая его по кругу узкая полоска света, разделенная на две неравные части темной линией. В том месте, где полоска огибала Сатурн и достигала его тени, она обрывалась в темноту.

— Да, сэр Бигмен, — начал Весс свою лекцию. — Сам Сатурн имеет только семьдесят восемь тысяч миль в диаметре. С расстояния ста миллионов миль он представляется всего лишь светящейся точкой, тогда как, включая кольца, отражающая поверхность от одного конца до другого составит около двух сотен тысяч миль.

— Я все это знаю, — возмутился Бигмен.

— И вот что еще, — продолжал Весс, не обращая на него

внимания, — с расстояния ста миллионов миль промежуток шириной семь тысяч миль между поверхностью Сатурна и внутренним краем колец совсем нельзя заметить, не говоря уже о промежутке в двадцать пять сотен миль, разделяющем кольца надвое. Эта черная линия называется делением Кассини, как ты знаешь, Бигмен.

— Я сказал, что знаю, — проревел Бигмен. — Послушай, Лакки, этот парень хочет доказать, что я не ходил в школу. Может, я и не слишком блистал в учебе, но рассказывать мне о космосе?! Скажи, Лакки, скажи, чтобы он перестал прятаться у тебя за спиной, и я раздавлю его, как клопа.

Но Лакки сказал совсем другое:

— Можете увидеть Титан.

— Где? — хором отозвались Бигмен и Весс.

— Там, справа.

Титан выглядел крошечным полумесяцем и был примерно такого же размера, при нынешнем увеличении, который, по-видимому, имел Сатурн с кольцами без увеличения. Он находился близко к краю экрана.

Титан был единственной лунной солидной величины в системе Сатурна. Но вовсе не его величина приковала пристальные взгляды Весса и Бигмена. Причем Весс смотрел с любопытством, а Бигмен — с ненавистью.

Настоящая причина крылась в том, что все трое были почти уверены: Титан — единственный мир в Солнечной системе, населенный людьми, которые не признают верховенство Земли. И вот внезапно он открылся как стан врага.

Это вдруг приблизило опасность.

— Когда мы войдем в систему Сатурна, Лакки?

— Нет настоящего определения тому, что является системой Сатурна, Бигмен. Большинство людей считает, что система какого-либо мира включает в себя все пространство, где самое отдаленное тело движется под гравитационным влиянием этого мира. Если так, то мы пока еще вне системы Сатурна.

— Однако сирианцы говорят... — начал Весс.

— Пошел ты в центр Солнца со своими сирианскими подонками, — взревел Бигмен, топая в гневе своими высокими сапогами. — Кого интересует, что они говорят? — Он топнул еще раз, будто все сирианцы должны были ощутить силу его ударов. (Его сапоги были истинно марсианской вещью. Их кричащая окраска, оранжево-черный изгибающийся узор громко возвещали о том, что их владелец рожден и вскормлен среди марсианских ферм и куполообразных городов.)

Лакки выключил экран. Приборы обнаружения на корпусе

корабля втянулись, и внешняя обшивка корабля стала гладкой, блестящей и цельной, выделялась лишь выпуклость, которая опоясывала корму и несла на себе аgrav-устройство.

Лакки сказал:

— Мы не можем, Бигмен, позволить себе такой роскоши, как кого-интересует-что-они-говорят. В данный момент у сирианцев преимущество. Возможно, со временем мы выпроводим их из Солнечной системы, но в данный момент единственное, что мы можем, играть по их правилам.

— Мы находимся в нашей собственной системе, — не сдавался Бигмен.

— Конечно, но Сириус оккупировал эту часть, и в ожидании межзвездной конференции Земля ничего не может с этим поделать, если не желает войны.

На это нечего было возразить. Весс вернулся к своим приборам, и «Метеор» с минимальным расходом энергии, используя до максимума силу притяжения Сатурна, продолжал быстро снижаться к полярным областям планеты.

Ниже, ниже, глубже в объятия того, что было теперь миром Сириуса, пространство которого кишело сирианскими кораблями на расстоянии почти пятидесяти триллионов миль от их родной планеты и всего лишь в семистах миллионах миль от Земли. Одним гигантским шагом Сириус одолел 99,999 % расстояния между ним и Землей и основал военную базу у самого порога Земли.

Если Сириусу позволить остаться здесь, то потом в один прекрасный момент Земля опустится до статуса второразрядной державы под властью Сириуса. А в данный момент складывалась такая межзвездная политическая ситуация, что вся гигантская военная машина Земли, все ее могучие корабли и вооружение не могли оказать сопротивления.

Только трем мужчинам в одном маленьком корабле, по собственной инициативе и без ведома Земли, оставалось попытаться ловкостью и хитростью изменить ситуацию, зная, что, если они будут пойманы, они будут сразу же казнены захватчиками Солнечной системы как шпионы — в их собственной Солнечной системе! — и что Земля ничего не сможет сделать для их спасения.

2. Погоня

Еще месяц назад не было и мысли об опасности, ни малейшего представления, пока не грянул взрыв перед лицом правительства Земли. Неуклонно и методично Совет Науки чистил гнездо роботов-шпионов, которые наводнили Землю и ее владения и власть которых сокрушил Лакки Старр в снегах Ио.

Это было суровое и в известном смысле пугающее задание, ибо шпионаж был всепроникающим и эффективным, более того, его успехи были таковы, что вот-вот должны были достичь цели и нанести ужасный ущерб Земле.

Позже, в тот момент, когда ситуация, казалось, наконец полностью прояснилась, структура защиты Земли дала трещину. И тогда поздней ночью Гектор Конвей, Главный Научный Советник, разбудил Лакки.

Лакки, усиленно моргая, чтобы прогнать сон и прояснить взор, предложил кофе и только после этого удивленно спросил:

— Что случилось, дядя Гектор (Лакки звал его так со своих ранних сиротских дней, когда Конвей и Аугустус Генри были его опекунами), разве нет видеофонов?

— Я не доверяю видеофону, мой мальчик. Мы попали в ужасную беду.

— В каком смысле? — Лакки задал вопрос спокойно, но при этом быстро сбросил верхнюю часть своей пижамы и начал умываться.

Вошел Бигмен, потягиваясь и зевая.

— Эй, по какому случаю весь этот марсианский тарарам? — При виде Главного Советника его сонливость как рукой сняло. — Неприятности, сэр?

— Агент Х ускользнул от нас.

— Агент Х? Таинственный сирианец? — Глаза Лакки сузились. — Но насколько мне известно, Совет вынес решение, что его не было.

— Это было до того, как внезапно возникло дело робота-шпиона. Он очень умен, Лакки, ужасно умен. Нужен умный шпион, чтобы убедить Совет в том, что он не существует. Мне бы следовало направить тебя по его следу, но всегда оказывалось, что ты должен делать что-то еще. Так или иначе...

— Да?

— Ты знаешь, что, как показывает дело робота-шпиона, должно существовать центральное легальное агентство для сбора информации и что наиболее вероятное место нахождения этого агентства — Земля. В конце концов это снова вывело нас на след

агента Х, и подозрение пало на человека по имени Джек Дорренс, работающего в «Акме Эйр Продактс» здесь, в Интернейшенл-Сити.

— Я не знал этого.

— Подозревались и другие. Но тут Дорренс увел частный корабль с Земли и стартовал прямо в момент аварийной блокировки. Нам повезло, что один из Советников был в Портовом Центре. Он сразу предпринял надлежащие действия и начал преследование. Когда до нас дошло сообщение о старте корабля во время блокировки взлетов, понадобилось время, чтобы выяснить, что из всех подозреваемых только Дорренс оказался без контрольного наблюдения. Он прошел мимо нас. Затем совпали несколько других моментов, и, в общем, он является агентом Х. Теперь мы в этом уверены.

— Ну ладно, дядюшка Гектор. В чем беда? Он же ушел.

— Мы знаем сейчас еще одно. Он взял с собой личную капсулу, и у нас нет сомнений, что эта капсула содержит информацию, сбором которой от шпионской сети по Федерации он руководил, и он пока еще не успел вручить ее своим хозяевам. Это точно, но стоит этим сведениям попасть в руки сирианцев — и от нашей безопасности не останется и мокрого места.

— Вы сказали, что его преследовали. Его вернули назад?

— Нет. — Утомленный Главный Советник не сдержал своего раздражения. — Разве я был бы здесь, если бы его вернули?

— А корабль, на котором он сбежал, был оборудован для совершения скачка? — неожиданно осенило Лакки.

— Нет, — закричал Главный Советник. Лицо его покраснело, и он пригладил свои густые седые волосы, как если бы они встали дыбом от ужаса при одной мысли о скачке.

Лакки тоже облегченно вздохнул. Скачок, само собой разумеется, был прыжком через гиперпространство, при этом корабль выходил из обычного пространства и затем возвращался обратно в нужную точку в космосе на расстоянии многих световых лет, и все совершалось мгновенно.

В таком корабле агент Х, очень похоже, удрал бы наверняка.

— Он работал один, продолжил Конвей, — и бежал в одиночку. Вот почему ему удалось ускользнуть от нас. И корабль, который он взял, — межпланетный крейсер, управляемый одним человеком.

— А корабли, оборудованные для скачка через гиперпространство, не могут управляться одним оператором. По крайней мере, пока. Но, дядюшка Гектор, если он взял межпланетный крейсер, то, по-моему, ему больше ничего не нужно.

Лакки закончил умываться и стал быстро одеваться. Вдруг он

повернулся к Бигмену.

— А ты чего ждешь? Живо одевайся!

Бигмен, сидевший на краю кушетки, чуть не перекувырнулся, слезая с нее.

— Вероятно, существует сирианский корабль, оборудованный для скачка через гиперпространство и ожидающий этого шпиона где-то в космосе, — предположил Лакки.

— Возможно. И корабль у него быстрый, так что мы не можем поймать его или даже приблизиться на расстояние выстрела. И остается...

— ..."Метеор". Я понял вас, дядюшка Гектор. Буду на «Метеоре» через час, и Бигмен со мной, если конечно он успеет натянуть свою одежду. Только дайте мне координаты местонахождения и курс преследующих кораблей и данные для идентификации корабля агента X, и мы отправляемся в путь.

— Хорошо. — Изможденное лицо Конвея немного просветлело. — И, Дэвид, — он употребил настоящее имя Лакки, как всегда в моменты душевного волнения, — ты будешь осторожен?

— Вы попросили об этом людей на десяти других кораблях тоже, дядюшка Гектор? — усмехнулся Лакки, но голос его был мягким и нежным.

Бигмен один сапог уже натянул, другой — держал в руке. Он любовно похлопал маленькую кобуру, встроенную на бархатной поверхности ненадетого сапога.

— Отправляемся, Лакки? — Огонек энтузиазма горел в его глазах, и его маленькое плутоватое лицо сморщилось в свирепой ухмылке.

— Мы в пути, — сказал Лакки и взъерошил песочные волосы Бигмена. — Сколько времени мы ржавели на Земле? Шесть недель? Ну, это достаточно долго.

— Еще бы, — весело согласился Бигмен и натянул второй сапог.

Они миновали орбиту Марса, прежде чем установили нормальную эфирную связь с преследующими кораблями, используя при этом секретный шифр.

Отозвался Советник Бек Вессилевски с корабля «Гарпун».

— Лакки! — прокричал он. — Ты присоединяешься к нам? Превосходно! — Он ухмыльнулся с экрана и подмигнул: — Не покажешь ли кабину, чтобы глянуть на Бигменовскую страшную рожу? Или его нет с тобой?

— Я с ним, — заревел Бигмен, бросаясь между Лакки и экраном. — Думаешь, Главный Советник Конвей позволил бы этому балбесу куда-нибудь отправиться без меня? А кто будет

присматривать, чтобы он не запутался в своих длинных ногах?

Лакки приподнял Бигмена и, несмотря на его протест, зажал у себя под мышкой.

— Кажется, связь с помехами, Весс, — сказал он. — Каково местонахождение корабля, за которым мы следуем?

Весс, становясь серьезным, сообщил данные:

— Это корабль «Космическая ловушка». Он частного владения, с законной регистрацией производства и продажи. Агент Х, должно быть, купил его под фиктивным именем и давно подготовил на крайний случай. Это отличный корабль, и он все увеличивает скорость. Мы отстаем.

— Каковы его силовые возможности?

— Мы это уточняем. Мы проверили заводскую документацию судна. В случае, если он выжмет все возможное из двигателей, корабль не сможет лететь с максимальной скоростью и придется либо уменьшить тягу двигателей, либо в жертву приносится маневренность при достижении места назначения. Мы рассчитываем загнать его именно в такую неприятную ситуацию.

— Однако, по-видимому, у него пока есть некоторый смысл увеличивать тягу двигателей корабля.

— Вероятно, — согласился Весс, — но даже если так, он не может это делать до бесконечности. Меня беспокоит, что он может ускользнуть от наших масс-детекторов, перескочив за астероиды. Если он использует разрывы в поясе астероидов, мы потеряем его.

Лакки знал эту уловку. Двигайся так, чтобы астероид находился между тобой и преследователем, и масс-детекторы преследователя скорее обнаружат астероид, чем корабль. Когда в зоне досягаемости окажется второй астероид, корабль перемещается от одного к другому, оставляя преследователя со всеми его приборами привязанным к первой глыбе.

— Он движется слишком быстро, чтобы маневрировать, — заметил Лакки. — Ему потребовалось бы полдня, чтобы снизить скорость.

— Понадобилось бы чудо, — искренне согласился Весс, — но чудо уже то, что мы сели ему на хвост, поэтому я почти жду, что другое чудо сведет на нет первое.

— Что было первым чудом? Шеф что-то говорил об аварийной блокировке.

— Да, это так. — И Весс подробно изложил историю, но это не заняло много времени. Дорренс, или агент Х (Весс назвал его тем и другим именем), ускользнул из-под наблюдения, использовав аппарат, который исказил поисковый радиосигнал, тем самым сделав его бесполезным. (Аппарат был обнаружен, но

фабричные клейма на нем были оплавлены, и даже невозможно было определить, был ли он сирианского производства.)

Он добрался до корабля «Космическая ловушка» без хлопот и приготовился взлететь: протонный микрореактор был активирован, двигатель и средства управления проверены, сверху чистое пространство — и тут в стратосфере появился с трудомдвигающийся грузовой корабль, поврежденный метеоритом и не имевший возможности посылать радиосообщения, отчаянно сигналящий, умоляя освободить пространство.

Был подан сигнал об аварийной блокировке. Все корабли в порту были тут же задержаны. Любому кораблю на старте, если только он уже не находился в полете, предписывалось отменить взлет.

«Космической ловушке» следовало отменить взлет, но она этого не сделала. Лакки Старр догадывался, какие чувства должен был испытывать на борту агент Х. Он владел новейшей информацией о Солнечной системе и каждая секунда была на счету. Он не мог полагаться на то, что пройдет достаточно много времени, прежде чем Совет будет у него на хвосте. Отмени он свой взлет, и время задержки трудно предсказать. Пока еще поврежденный грузовой корабль медленно опустится, и машины «скорой помощи» примут членов экипажа и возможных пассажиров... Потом, когда взлетное поле снова освободят, понадобится реактивация микрореактора и повторная контрольная проверка. Нет, он не мог позволить себе задержку.

Итак, его реактивный двигатель выбросил струю, и он стартовал.

И все же агент Х смог ускользнуть. Звучал сигнал тревоги, полиция порта посылала отчаянные призывы «Космической ловушке», но именно Советник Вессилевски, служивший постоянной помехой в Портовом Центре, предпринял надлежащие меры. Он сыграл свою роль в поиске агента Х, и теперь, когда корабль стартовал в нарушение аварийной блокировки, он вызвал его подозрение. Конечно, поступок капитана корабля был слишком отчаянным, привлекающим внимание, чтобы предположить, что в космос взлетел агент Х, но Вессилевски начал действовать.

Опираясь на авторитет Совета Науки, власть которого уступала разве только что прямым распоряжениям Президента Земной Федерации, он приказал вывести корабли в космос, связался со штаб-квартирой Совета и возглавил погоню на «Гарпуне». Он был уже несколько часов в космосе, прежде чем Совет осознал ситуацию. И вскоре пришло сообщение, что Вессилевски действительно преследует агента Х и что к нему

присоединятся другие корабли.

— Ты сделал все, что мог, Весс. И как следует. Хорошая работа, — одобрил Лакки действия Советника.

Весс ухмыльнулся. Советники обычно избегают рекламы и внешних атрибутов славы, но одобрение товарищей всегда принималось с удовольствием.

— Я двигаюсь дальше, — передал Лакки. — Пусть один из ваших кораблей поддерживает со мной масс-контакт.

Он выключил визуальный контакт, и его сильные, мускулистые руки почти нежно легли на рычаги управления его корабля — «Метеора», во многих отношениях самого лучшего корабля в космосе.

«Метеор» имел самые мощные протонные микрореакторы, какие только возможно установить на корабле такого размера; реакторы мощностью почти достаточной для выполнения скачка через гиперпространство. Корабль имел ионный привод, который устранял значительную часть нежелательных эффектов ускорения посредством воздействия одновременно на все атомы на борту корабля, в том числе и на те, из которых состояли живые тела Лакки и Бигмена. Он даже имел аgrav-устройство, недавно изобретенное и пока экспериментальное, которое позволяло маневрировать в сильных гравитационных полях больших планет. И сейчас могучие двигатели «Метеора» ровно, монотонно, чуть слышно жужжали, и Лакки почувствовал легкое давление обратной тяги, которая возникала при неполной компенсации ионным приводом. Корабль рвался в дальние пределы Солнечной системы — быстрее, быстрее, еще быстрее...

И все же агент X сохранял лидерство, «Метеор» сокращал расстояние между ними слишком медленно. Когда основной массив пояса астероидов остался далеко позади, Лакки проговорил:

— Похоже, дело плохо, Бигмен.

— Мы же запросто достанем его, Лакки, — удивился Бигмен.

— Я имею в виду то, куда он держит курс. Я был уверен, что его поджидает сирианский корабль-матка, чтобы подобрать его и совершить скачок к дому. Но такой корабль мог бы находиться вне плоскости эклиптики или прятаться в поясе астероидов. В обоих случаях вероятность его обнаружения невелика. Но агент X остается в эклиптике и движется за астероиды.

— Может, он просто пытается замотать нас, перед тем как направиться к кораблю?

— Может быть, — согласился Лакки, — а может, сирианцев база на внешних планетах.

— Ну ты даешь, Лакки. — Маленький марсианин зашелся в

смехе. — Прямо у нас под носом?

— Иногда именно под самым носом и трудно углядеть. Во всяком случае, его курс лежит прямо на Сатурн.

Бигмен сверился с компьютерами, которые непрерывно следили за курсом корабля агента Х.

— Смотри, Лакки, — заметил он, — парень до сих пор на баллистическом курсе. Он не трогал свои двигатели на протяжении двадцати миллионов миль. Возможно, у него кончилась энергия.

— А возможно, он сберегает свою энергию для маневров в системе Сатурна. Там сильное гравитационное поле. По крайней мере, я *надеюсь*, что он сбережет энергию. Я *надеюсь* *наэто*. — Худощавое, красивое лицо Лакки помрачнело, губы плотно сжались.

— Но, Лакки, почему ты беспокоишься за его энергию?! — изумился Бигмен.

— Потому что, если существует сирийская база в системе Сатурна, нам нужно, чтобы агент Х привел нас к ней. У Сатурна один гигантский спутник весьма солидных размеров и множество осколочных сателлитов. Надо узнать точно, где находится база сирийцев.

— Вряд ли наш приятель настолько туп, чтобы повести нас туда. — Нахмурил брови Бигмен.

— Или позволить нам поймать его... Бигмен, просчитай-ка его курс вперед до точки пересечения с орбитой Сатурна.

Бигмен выполнил указание. Для компьютера это была обычная работа.

— А как насчет положения Сатурна в момент пересечения? Далеко ли будет Сатурн от корабля агента Х? — поинтересовался Лакки.

После короткой паузы, необходимой для получения данных об орбите Сатурна из таблиц эфемерид, Бигмен ввел их в компьютер. Несколько секунд работы вычислителя, и вдруг Бигмен в тревоге вскочил на ноги:

— Лакки! О пески Марса!

Лакки не нуждался в деталях.

— Итак, агент Х решил не приводить нас к сирийской базе. Если он будет следовать точно баллистическому курсу, как сейчас, он ударится в сам Сатурн — и безусловно погибнет.

3. Смерть в кольцах

С каждым часом все меньше оставалось сомнений в этом. Даже экипажи преследующих беглеца сторожевых кораблей, находившихся далеко позади «Метеора», слишком далеко для того, чтобы достаточно точно определить местоположение при помощи своих масс-детекторов, были обеспокоены.

Советник Вессилевски связался с Лакки Старром.

— О Лакки, куда он движется?

— Кажется, на Сатурн.

— Думаешь, на Сатурне его ждет корабль? Я знаю, он имеет тысячи миль атмосферы с давлением в миллион тонн, и без аграв-двигателей они бы не смогли... Лакки! Ты допускаешь, что у них есть аграв-двигатель и пузыри силового поля?

— По-моему, он просто собирается разбиться, чтобы мы его не поймали.

— Если умереть — это все, чего он желает, — сухо проговорил Весс, — почему он не разворачивается и не нападает, чтобы вынудить нас уничтожить его и чтобы, может быть, прихватить одного-двух из нас с собой?

— Согласен, или почему не замкнуть свои двигатели, и оставить Сатурн в сотне миллионов миль в стороне от курса? Меня беспокоит, почему он своими действиями привлекает внимание к Сатурну.

— Ну, тогда можешь ли ты его отрезать, Лакки? Космос свидетель, мы *слишком* далеко, — прервал молчание Весс.

Бигмен закричал со своего места у управляющей панели:

— Но, Весс! Если мы усилим ионный луч настолько, чтобы догнать его, мы будем двигаться слишком быстро, чтобы маневром отрезать его от Сатурна.

— Сделай *что-нибудь*.

— О космос, это разумный приказ, — съехидничал Бигмен. — Действительно полезный. «Сделай что-нибудь».

— Продолжай движение, Весс. Я что-нибудь сделаю, — спокойно отозвался Лакки.

Он выключил связь и повернулся к Бигмену.

— Он отвечает на наши сигналы, Бигмен?

— Ни слова.

— Теперь забудь об этом и сосредоточься на перехвате его луча связи.

— Не думаю, что он использует его, Лакки.

— Он может использовать его в последнюю минуту. Ему нужно будет воспользоваться этим шансом, в том случае,

конечно, если ему есть что сказать. А пока мы атакуем его.

— Как?

— Ракетой. Просто маленький снарядик величиной с горошину, — и Лакки склонился над компьютером. Пока «Космическая ловушка» двигалась по известной им орбите, сложных вычислений не требовалось, чтобы направить дробинку в надлежащий момент с соответствующей скоростью для удара в убегающий корабль.

Лакки подготовил пулю. Она не предназначалась для взрыва. Она была только четверть дюйма в диаметре, но энергия протонного микрореактора выбросит ее со скоростью пятисот миль в секунду. Ничто в космосе не снизит этой скорости, и пуля пройдет через корпус «Космической ловушки», как сквозь масло.

Однако Лакки рассчитывал вовсе не на это. Пуля должна оказаться достаточно большой, чтобы ее обнаружили масс-детекторы намеченной жертвы. «Космическая ловушка» автоматически изменит курс, чтобы уйти от пули, и это собьет ее с прямого курса к Сатурну. Время, потраченное агентом X на вычисление нового курса, позволит «Метеору» подойти ближе и применить магнитный захват.

Все это давало некоторый шанс, возможно, ничтожно малый, но, казалось, другого варианта действий нет. Лакки нажал контакт. Пуля удалилась в беззвучной вспышке, и стрелки корабельного масс-детектора прыгнули, затем, когда пуля удалилась, быстро успокоились.

Лакки вернулся в свое кресло. Пуле понадобилось два часа, чтобы коснуться (или почти коснуться) цели. Ему пришло в голову, что у агента X, может быть, совсем иссякла энергия, что автомат может выдать команду на изменение курса, которая не сможет быть исполнена, что пуля пробьет, возможно, взорвет корабль, и в любом случае оставит его курс неизменным — на Сатурн.

Он почти сразу прогнал эти мысли. Было бы невероятным предположение, что агент X истратил остаток энергии в тот момент, когда его корабль взял курс, явно ведущий к столкновению с планетой. Гораздо более вероятно, что часть энергии все же им оставлена.

Часы ожидания были ужасны. Даже Гектор Конвей, далеко на Земле, проявлял растущее беспокойство и держал прямой контакт по субэфиру.

— Но где в Сатурнианской системе, по-твоему, может быть база? — спросил он с тревогой.

— Если она существует, — осторожно предположил Лакки. — Если то, что делает агент X, не является потрясающей попыткой

вести нас в заблуждение, тогда я бы сказал, что наиболее очевидным выбором является Титан. Это действительно большой спутник Сатурна, с втрое большей массой по сравнению с нашей Луной и более чем в два раза большей площадью поверхности. Если сирианцы спрятались под поверхностью, то попытка перекопать весь Титан для того, чтобы их найти, заняла бы много времени.

— Трудно поверить, что они отважились бы на это. Ведь фактически — это акт войны.

— Возможно, и так, дядюшка Гектор, но совсем недавно они уже попытались основать базу на Ганимеди.

— Лакки, он перемещается! — раздался крик Бигмена.

Лакки взглянул на него в изумлении.

— Кто перемещается?

— «Космическая ловушка». Сирианский приятель.

— Я свяжусь с вами позже, дядюшка Гектор, — торопливо проговорил Лакки и выключил связь.

— Но ему же это ни к чему, Бигмен. Он же пока не обнаружил пулю.

— Посмотри и убедись, Лакки. Говорю тебе: он перемещается.

Моментально Лакки оказался у масс-детектора «Метеора». В течение долгого времени прибор показывал местоположение убегающей добычи. Он был настроен на свободный полет корабля через пространство, и движущийся объект на экране выглядел маленькой яркой звездочкой.

Но теперь это яркое пятнышко смещалось. Оно превратилось в короткую черточку.

— О великая Галактика! Конечно же! Теперь это имеет смысл. Как я мог подумать, что его главная задача — избежать захвата? Бигмен... — В голосе Лакки чувствовалось напряжение.

— Да, Лакки. Что? — Маленький марсианин был готов ко всему.

— Нас переигрывают. Теперь мы должны уничтожить его, даже если нам самим придется врезаться в Сатурн.

Впервые с тех пор, как год назад на «Метеоре» были установлены ионно-лучевые реактивные двигатели, Лакки прибавил аварийную тягу к главному двигателю. Корабль дрогнул, когда вся несомая им энергия была превращена в мощнейший толчок реактивной силы от гигантского выброса назад, который едва не сжег корабль.

— Но что это значит, Лакки? — Напряжение передалось Бигмену.

— Он направляется к Сатурну, Бигмен. Он только использовал могучую силу его гравитационного поля, чтобы

опередить нас. Теперь он срезает курс вблизи планеты, чтобы попасть на орбиту. Он направляется к кольцам. Кольцам Сатурна. — Лицо Советника было искажено от напряжения. — Продолжай следить за этим лучом связи, Бигмен. Он должен заговорить. Теперь или никогда.

Бигмен склонился над волновым анализатором с учащенным сердцебиением, хотя не мог взять в толк, почему мысль о кольцах Сатурна так взволновала Лакки.

Пуля «Метеора» пролетела теперь мимо цели не менее чем в пятидесяти тысячах миль. Но теперь сам «Метеор» был пулей, стремящейся к месту встречи, но и он тоже пройдет мимо.

Лакки застонал.

— Мы никогда не сделаем этого. Слишком мало пространства, чтобы сделать это.

Сатурн был теперь гигантом в небе, с кольцами, пересекавшими тонким шрамом его лицо. Желтый шар Сатурна был почти полным, ибо «Метеор» мчался к нему со стороны Солнца.

И вдруг Бигмен взорвался:

— Вот как, грязный приятель! Он растворяется в кольцах, Лакки. Теперь я понимаю, что ты имел в виду, говоря о кольцах.

Он яростно трудился у масс-детектора, но, кажется, безнадежно. Стоило части колец попасть в фокус — и каждое из образующих эти кольца неисчислимых твердых тел дало свою метку-звездочку на экране. Экран стал просто-напросто белым, и «Космическая ловушка» исчезла.

Лакки покачал головой.

— Ничего страшного. Мы достаточно близко, чтобы визуально определить местоположение. Приближается, по-моему, что-то еще.

Перед Лакки, бледным и сосредоточенным, находился экран для визуального наблюдения при максимальном усилении телескопа. «Космическая ловушка» виднелась на нем крошечным металлическим цилиндром, затемненным, но не скрытым веществом колец. Отдельные частицы в кольцах были не более чем крупный гравий и вспыхивали искорками, поскольку ловили и отбрасывали свет далеко от Солнца.

— Лакки! — крикнул Бигмен. — Я поймал его луч связи... Нет, нет, подожди... фу, я поймал его.

Теперь в кабине управления звучал дребезжащий, колеблющийся голос, неясный и искаженный. Проворные пальцы Бигмена работали над дешифрирующим устройством, стараясь настроить его в соответствии с неизвестными характеристиками сирианской кодирующей системы.

Слова было исчезли, но потом послышались вновь. Повисла тишина, раздавалось лишь слабое жужжание записывающего устройства, постоянно фиксирующего все звуки.

— ... нет... напр... сюда... — Пауза в то время, когда Бигмен неистово сражался со своими детекторами. — ... на хвосте и... невозможно стряхнуть... испорчено... и я должен сообщить... колец... рна на нормальную орб... же запущ... рычаги управления вра... следуя... координаты такие...

Затем все разом прекратилось — голос, помехи, треск.

— О проклятье! Что-то сломалось — чуть ли не застонал от бессилия Бигмен.

— Здесь все в порядке, — возразил Лакки. — Это на «Космической ловушке».

Он видел, как это произошло через две секунды после прекращения передачи. (Передача через субэфир шла с практически неограниченной скоростью. А свет, который он видел через экран, преодолевал только 186 тысяч миль в секунду.)

Он видел, как задняя часть «Космической ловушки» засветилась вишнево-красным цветом, затем раскрылась и брызнула цветком плавящегося металла.

Бигмен застал самый конец зрелища, и он, и Лакки без слов наблюдали, как под воздействием радиации все охладилось и застыло.

Лакки покачал головой.

— Вблизи колец, даже если вы находитесь вне их основной массы, в космосе больше обычного летящих с огромной скоростью тел. Возможно, у него не хватило энергии, чтобы увести корабль с пути одного из этих кусочков. Или, может быть, два осколка вонзились в него с разных направлений. В любом случае — он был храбрым человеком и умным противником.

— Я не понял, Лакки. Что он делал?

— Ты не понял даже сейчас? Мне следовало самому сообразить это раньше. Его самой главной задачей было доставить находящуюся у него украденную информацию на Сириус. Он не рискнул использовать субэфир для передачи того, что, возможно, составляло тысячи слов информации — из-за погони и вероятного перехвата его луча. Он вынужден был максимально сократить свое послание, оставив лишь самое существенное, и проследить за тем, чтобы капсула попала в руки сирианцев.

— Как он мог сделать это?

— То, что мы поймали из его сообщения, содержит слог «орб» — вероятно, соответствующий слову «орбита», и сочетание слов

«... же запущен» явно означает «уже запущен».

Бигмен крепко сжал своими маленькими пальцами запястье Лакки.

— Он запустил капсулу в кольца, так, Лакки?! Кусочек гравия среди тьмы-тьмущей других кусочков, как пыль на Луне или капля воды в океане.

— Или, — подхватил мысль Лакки, — как кусочек гравия в кольцах Сатурна, что хуже всего. Конечно, он погиб, не успев дать координаты орбиты, которую выбрал для капсулы, так что сирианцы и мы на равных, и нам бы следовало поспешить.

— Начать искать? Сейчас?

— Сейчас! Если он готов был дать координаты, зная, что я дышу ему в затылок, он также должен был знать, что сирианцы были близко к... Свяжись с кораблями, Бигмен, и передай им новости.

Бигмен повернулся к передатчику, но даже не коснулся его. Кнопка приема светилась, сигнализируя о перехвате радиоволн. Радио! Обычная радиосвязь! Очевидно, кто-то находился близко (определенно в пределах системы Сатурна) и кто-то, более того, совершенно не таился, поскольку радиосвязь, в отличие от субэфирной связи, не составляло никакого труда перехватить.

Глаза Лакки сузились.

— Давай примем, Бигмен.

Послышался голос с легким акцентом, протяжно произносивший гласные и резко, отрывисто — согласные. Это был голос сирианца.

— ... себя, прежде чем мы вступим в схватку с вами и возьмем вас под стражу. У вас есть четырнадцать минут, чтобы подтвердить прием. — И снова после минутной паузы. — Властью Центрального Тела вам приказывают назвать себя, прежде чем мы вступим в схватку с вами и возьмем вас под стражу. У вас есть четырнадцать минут, чтобы подтвердить прием.

— Прием подтверждается. Это «Метеор» Земной Федерации, мирно выходящий на орбиту в пространстве Земной Федерации. Никакой другой власти, помимо власти Федерации, не существует в этом пространстве, — холодно откликнулся Лакки.

Прошла секунда или две тишины (радиоволны распространяются всего лишь со скоростью света), и голос резко возразил:

— Власть Земной Федерации не признается в мире, колонизированном людьми Сириуса.

— Что это за мир? — поинтересовался Лакки.

— Необитаемая Сатурнианская система была взята во владение от имени нашего правительства по межзвездному

закону, который присуждает любой необитаемый мир тем, кто колонизирует его.

— Не любой необитаемый мир. Любую необитаемую звездную систему.

Ответа не последовало. Затем голос бесстрастно проговорил:

— Вы находитесь в Сатурнианской системе, и вам предлагается немедленно удалиться. Любая задержка приведет к тому, что мы возьмем вас под стражу. Все последующие корабли Земной Федерации, заходящие на нашу территорию, будут взяты под стражу без дополнительного предупреждения. Ваше продвижение за пределы Сатурнианской системы должно начаться не позднее чем через восемь минут, или мы предпримем соответствующие действия.

Бигмен, с лицом, искаженным от яростного веселья, прошептал:

— Давай достанем их, Лакки. Давай покажем им, как старый «Метеор» может драться.

Но Лакки, не обращая на него внимания, спокойно передал по радио:

— Ваше замечание принято во внимание. Мы не признаем сирианскую власть, но мы сами принимаем решение уйти и сейчас так поступим.

Бигмен был потрясен.

— О, Лакки! Неужели мы собираемся бежать от компании сирианцев? Неужели мы собираемся оставить эту капсулу в кольцах Сатурна, чтобы сирианцы спокойно подобрали ее?

— Прямо сейчас, Бигмен, мы должны это сделать. — Лицо Лакки побледнело и напряглось, но что-то в его глазах совсем не соответствовало тому, что должно быть в глазах отступающего человека. Все, что угодно, только не это.

4. Между юпитером и сатурном

Самым старшим по званию офицером в преследующей эскадре (не считая, разумеется, Советника Вессилевски) был капитан второго ранга Майрон Бернольд. Ему не было еще и пятидесяти, а по своему телосложению он выглядел на десять лет моложе. Волосы его уже седели, но брови были все еще первоначального черного цвета, и тщательно выбритый подбородок отливал синевой.

Он пристально смотрел на гораздо более молодого Лакки Старра с явным презрением.

— И вы отступили?

«Метеор», взявший курс обратно по направлению к Солнцу, встретил корабли эскадры приблизительно на полпути между орбитами Юпитера и Сатурна Лакки перешел на борт флагманского корабля.

— Я сделал все необходимое, — спокойно ответил ему Лакки.

— Когда враг вторгается в нашу родную систему отступление невозможно просто-напросто. Вы должны были хоть лопнуть, но найти время предупредить и мы прибыли бы, чтобы заменить.

— С каким количеством энергии, оставшейся в ваших микрореакторах, капитан?

Капитан вспыхнул.

— Это не имело бы значения, если бы взорвали космос. Но перед этим мы предупредили бы об опасности родную базу.

— И начали войну?

— Они начали войну. Сирианцы... Я собираюсь сейчас двинуться на Сатурн и атаковать.

Мускулистая фигура Лакки напряглась. Он был выше, чем капитан, и его хладнокровный взгляд не дрогнул.

— Как старший Советник Совета Науки, капитан, я выше вас по званию, и вы знаете это. Я не отдам распоряжения атаковать. Мой приказ — вернуться на Землю.

— Я бы скорее... — Капитан явно боролся со своим темпераментом. Его кулаки сжались. Сдавленным голосом он произнес: — Могу я спросить о причине такого приказа, сэр? — С иронией он сделал особое ударение на уважительном обращении. — Если, сэр, вы были бы так добры раскрыть те убедительные основания, которые у вас, безусловно, есть, сэр. Мое собственное понимание базируется на небольшой традиции флота. На традиции, сэр, что флот никогда не отступает, сэр.

— Если вы хотите мои объяснения, капитан, сядьте, и я их вам изложу. И не говорите мне, что флот не отступает.

Отступление — это часть военных маневров, и офицер, который скорее позволил бы уничтожить свои корабли, чем отступить, не может быть командующим. Полагаю, в вас говорит только ваш гнев. Теперь, капитан, готовы ли мы начать войну?

— Я сказал вам, что они уже начали. Они вторглись в Земную Федерацию.

— Не совсем точно. Они заняли необитаемый мир. Беда в том, капитан, что скачок через гиперпространство сделал путешествие к звездам таким простым, что земляне колонизировали планеты других звезд задолго до колонизации более удаленных частей нашей собственной Солнечной системы.

— Граждане Земной Федерации высадились на Титане. В году...

— Мне известно о полете Джеймса Френсиса Хогга. Он высадился также на Оберон в системе Урана. Но это была лишь дальняя разведка, а не колонизация. Система Сатурна осталась необитаемой, а незаселенный мир принадлежит первой группе, которая колонизирует его.

— Если, — мрачно проговорил капитан, — эта необитаемая система планеты является частью необитаемой звездной системы. Сатурн не является таковым, если позволите. Он является частью нашей Солнечной системы, которая, клянусь завывающими чертами космоса, обитаема.

— Это так, но я не думаю, что есть какое-нибудь официальное соглашение на такой случай. Возможно, будет решение, что Сириус вправе занять Сатурн.

Капитан опустил кулак на свое колено.

— Меня не волнует, что говорят космические законники. Сатурн наш, и любой землянин, в чьих жилах течет кровь, согласится с этим. Мы вышибем сирианцев и предоставим нашему оружию утвердить закон.

— Но это как раз то, на что Сириус нас толкает!

— Тогда дадим ему то, что он хочет.

— Нас обвинят в нападении... Капитан, среди звезд находятся пятьдесят миров, которые никогда не забывают, что они когда-то были нашими колониями. Мы дали им свободу без войны, но они забывают это. Они только помнят, что мы все еще самый населенный и самый развитый из всех миров. Если Сириус закричит, что мы совершили неспровоцированную агрессию, то он объединит их всех против нас. Именно по этой причине он сейчас и пытается спровоцировать нашу атаку, и именно по этой причине я отказался от подобного приглашения и ушел.

Капитан прикусил нижнюю губу и хотел было ответить, но Лакки продолжал:

— С другой стороны, если мы ничего не сделаем, мы можем обвинить сирианцев в агрессии, и мы расколем общественное мнение во внешних мирах. Мы можем использовать это и склонить их на нашу сторону.

— Внешние миры на нашу сторону?

— Почему нет? Не существует звездной системы, которая не имела бы сотен необитаемых миров разной величины. Они не захотят создавать прецедент, который подталкивал бы каждую систему вторгаться в любую другую систему для создания баз. Наибольшая опасность заключается в том, что мы обратим их в оппозицию к нам, если план действия будет выглядеть так, что мы, могущественная Земля, подавляем своим авторитетом наши бывшие колонии.

Капитан поднялся со своего кресла и промерил большими шагами помещение, затем вернулся к Лакки и сказал:

— Повторите ваш приказ.

— Но вы понимаете причину моего отступления?

— Да. Могу я получить приказ?

— Отлично. Я приказываю вам вручить эту капсулу с моим донесением, которую я сейчас вам дам, Главному Советнику Конвею. Вы не должны обсуждать все, что произошло во время этой погони с кем бы то ни было еще как по субэфиру, так и любым другим способом. Вы не должны предпринимать никаких враждебных действий — повторяю, никаких враждебных действий — против любых сирианских сил, если только не будете непосредственно атакованы. И если вы сойдете с вашего пути, чтобы встретить такие силы или если вы умышленно спровоцируете нападение, то вы будете судимы военным трибуналом и признаны виновным. Все ясно?

Капитан стоял с застывшим лицом. Его одеревеневшие губы с трудом выталкивали слова.

— При всем уважении к вам, сэр, не сочтет ли Советник возможным принять командование моими кораблями и самому передать послание?

Лакки Старр слегка пожал плечами.

— Вы очень упрямы, капитан, и я даже восхищаюсь вами. Бывают моменты в бою, когда такое упорство может быть полезно... У меня нет возможности передать это послание, поскольку моим намерением является вернуться на «Метеор» и снова стартовать к Сатурну.

Суровая неприязнь мигом слетела с лица капитана.

— Что?! Что вы сказали?!

— Думаю, что я ясно выразился, капитан. Я кое-что оставил там недоделанным. Моей первой задачей было позаботиться о

том, чтобы Земля была предупреждена об ужасной политической опасности, перед лицом которой мы стоим. Если вы примете на себя заботу об этом предупреждении, я могу продолжать то дело, с которым я теперь связан — там, в Сатурнианской системе.

Капитан широко ухмыльнулся.

— Ну, тогда это другое дело. Я был бы не прочь прогуляться с вами.

— Я знаю это, капитан. Уклонение от боя — задача для вас трудная, и я прошу вас сделать это, потому что, я надеюсь, вы можете справиться с трудными задачами. Теперь я хочу, чтобы каждый из ваших кораблей передал часть своей энергии в микрореакторные установки «Метеора». Мне будут нужны и другие запасы из ваших хранилищ.

— Вам стоит только попросить.

— Очень хорошо. Я вернусь на свой корабль и попрошу Советника Вессилевски сопровождать меня.

Он коротко попрощался с теперь совершенно дружественным капитаном, и затем Советник Вессилевски присоединился к нему, когда Лакки вошел в переходную трубу, извивающуюся змеей между флагманским кораблем и «Метеором».

Труба между кораблями вытянулась почти на всю свою длину, и потребовалось несколько минут, чтобы преодолеть расстояние между кораблями по трубе. Она была без воздуха, но два Советника могли легко поддерживать контакт между скафандрами: звуковые волны распространялись по металлу, и голоса звучали, хотя и пронзительно, но достаточно отчетливо. В конце концов, никакая другая форма связи так не совершенна в смысле конфиденциальности, как звуковые волны на коротком расстоянии, поэтому именно в трубе Лакки имел возможность коротко поговорить со спутником.

Наконец Весс, слегка изменив тему, сказал:

— Послушай, Лакки, если сирианцы так стараются развязать конфликт, почему они позволили тебе все-таки уйти? Почему не вынудили принять бой?

— Что касается этого, Весс, то послушай-ка запись обращения сириянца. Явное отсутствие эмоций, а так же отсутствие угрозы нанесения действительного ущерба — только возможность магнитного захвата. Я убежден, что это был корабль, пилотируемый роботом.

— Роботы!

— Да. Судя по твоей собственной реакции, какой она была бы у Земли, если бы эта затея удалась. Факт состоит в том, что эти корабли, пилотируемые роботом, не могут причинить никакого ущерба кораблям, пилотируемым человеком. Первый Закон

робототехники — ни один робот не может причинить вред человеку — предотвратил бы это.

И это только увеличивает опасность. Если бы я атаковал — а этого они, вероятно, ожидали от меня, — сирианцы бы утверждали, что я совершил смертоносное и неспровоцированное нападение на незащищенное судно. А внешние миры понимают истины робототехники еще лучше, чем Земля. Нет, Весс, единственный способ воспрепятствовать им — это уйти, что я и сделал.

Тем временем они подошли к воздушному шлюзу «Метеора». Бигмен ждал их. На его лице появилась ухмылка облегчения, как всегда при встрече с Лакки даже после краткой разлуки.

— Эй! Вот это да! Ты не выпал из трубы между кораблями в конце концов и... Что здесь делает Весс?

— Он отправляется с нами, Бигмен.

Маленький марсианин выглядел недовольным.

— Зачем? У нас корабль для двух человек.

— Мы устроим гостя временно. А теперь нам бы лучше заняться отводом энергии с других кораблей и получением дополнительного оснащения по трубе. После чего мы готовимся к немедленному старту.

Лакки говорил твердо, резко переменяя тему разговора.

Бигмен понял: лучше не спорить.

— Так точно, — проворчал он и, бросив сердитый взгляд на Советника Вессилевски, прошагал в машинное отделение.

Весс удивился:

— Что его так терзает? Я не сказал ни слова о его росте.

— Ну, ты должен понять малыша. Формально он не Советник, хотя фактически является таковым во всех практических делах. Хотя сам не осознает этого. Ну и значит, думает, что, поскольку ты еще один Советник, мы будем общаться без него, скрывать наши маленькие тайны от него.

— Понимаю, — кивнул Весс. — Полагаешь ли ты в таком случае, что мы расскажем ему...

— Нет, — хотя и мягко, но достаточно определенно акцентировал Лакки — Я сказал ему то, что следовало. Ты ничего не говори.

В этот момент вошел в кабину Бигмен и объявил:

— Машина впитывает энергию. — Затем перевел взгляд с одного на другого и проворчал: — О, извините, что помешал. Мне покинуть корабль, джентльмены?

— Сначала сбей меня с ног, Бигмен, — усмехнулся Лакки.

— О, парень, какая трудная задача! Ты думаешь, дополнительный слой сала поможет тебе? — С молниеносной

быстротой Бигмен нырнул под руку Лакки, выброшенную в шутку по направлению к нему, и его кулаки замолотили по корпусу друга.

— Теперь чувствуешь себя лучше? — улыбнулся Лакки.

Бигмен отпрыгнул назад:

— Я попридержал удар. Не хочется, чтобы Главный Советник Конвей накричал на меня, что я больно тебя поколотил.

Лакки рассмеялся.

— Спасибо. Теперь слушай. Нужно рассчитать орбиту и отослать капитану Бернольдю.

— Так точно. — Бигмен, казалось, успокоился, не осталось и следа от злости.

— Послушай, Лакки, — сказал Весс, — не хочется тебя расхолаживать, но мы не очень далеко от Сатурна. Мне кажется, сирианцы спокойно определяют наше местоположение и будут точно знать, где мы, когда мы вышли и куда летим.

— Я тоже так думаю, Весс.

— Но тогда каким образом в космосе нам незаметно покинуть эскадру, чтобы направиться к Сатурну и чтобы при этом сирианцы не узнали, где мы находимся и куда мы направляемся?

— Хороший вопрос. Мне было интересно, догадаешься лишь — как. Если даже ты не догадался, то теперь я вполне уверен, что сирианцы также не догадаются, ведь они не знают так хорошо детали нашей системы, как знаем их мы.

Весс откинулся в своем кресле пилота.

— Не темни, Лакки.

— Все очень просто. Корабли, включая наш, стартуют в плотном строю, так что, учитывая расстояние между сирианцами и нами, мы будем выглядеть на их масс-детекторах одним пятнышком. Мы сохраняем этот строй, летя к Земле по почти минимальной орбите, но позволяющей подойти достаточно близко к астероиду Идальго, который сейчас выдвигается к афелию.

— Идальго?

— Да, Весс, ты знаешь его. Это зарегистрированный астероид, известный с первобытных времен, еще до космических путешествий. Его особенность в том, что он выходит из пояса астероидов. В ближайшей точке он подходит к орбите Марса, а в наиболее удаленной точке он отдаляется почти до орбиты Сатурна. Теперь, когда мы будем проходить около него, Идальго также будет зафиксирован на экранах сирианских масс-детекторов, по силе, с которой будет светиться его отметка, они будут знать, что это астероид. Затем они увидят, что масса наших кораблей проходит мимо Идальго по направлению к Земле, и они

не обнаружат менее чем десятипроцентного общего уменьшения в массе кораблей, которое произойдет, когда «Метеор» развернется и направится обратно от Солнца в тени Идальго. Путь Идальго вовсе не ведет прямо к нынешнему положению Сатурна, но после двух дней движения в его тени мы можем значительно удалиться от эклиптики по направлению к Сатурну и быть уверенными в том, что нас не обнаружили.

Весс поднял свои брови.

— Надеюсь, это сработает, Лакки.

Он понял стратегию. Плоскостью, в которой располагались все планеты и маршруты коммерческих космических полетов, была эклиптика. Никто практически никогда ничего не искал значительно выше или ниже этой зоны. Логично предположить, что космический корабль, движущийся по орбите, намеченной Лакки, ускользнет от сирианских приборов. И все же на лице Весса сохранилось выражение неуверенности.

— Как ты думаешь, мы справимся с этим? — спросил Лакки.

— Может быть, и справимся, — ответил Весс. — Но даже если мы вернемся обратно... Лакки, я в этом участвую и сделаю свою работу, но позволь мне сказать один раз и больше к этому не возвращаться. По-моему, мы уже приговорены к смерти!

5. Скольжение вдоль поверхности Сатурна

И таким образом «Метеор» пронесся бок о бок с Идальго и вдали от эклиптики взял курс снова в направлении южных полярных областей второй по величине планеты Солнечной системы.

Еще ни разу в их пока еще короткой истории космических приключений не оставались Лакки и Бигмен в космосе в течение такого продолжительного времени без перерыва. Прошел уже примерно месяц с тех пор, как они покинули Землю. И все же маленький пузырь воздуха и тепла — их «Метеор» — представлял собой частицу Земли, которая могла поддерживать сама себя в таком состоянии в течение почти неограниченного времени.

Их запаса энергии, доведенного до максимума пожертвованиями других кораблей, хватило бы примерно на год, если не принимать во внимание возможное полномасштабное сражение, воздуха и воды, воспроизводимых в резервуарах с морскими водорослями, хватило бы на всю жизнь. Водоросли обеспечивали резерв пищи на тот случай, если бы кончились их обычные концентраты.

Лишь присутствие третьего человека создавало некоторое реальное неудобство. Как заметил Бигмен, «Метеор» был создан для двоих. Его необыкновенная концентрация энергии, скорости и вооружений стала возможной во многом благодаря продуманной экономии его жилых помещений.

Поэтому третьему пришлось спать на стеганом одеяле в кабине пилотов.

Лакки заметил, что некоторое неудобство компенсировалось преимуществом. Теперь можно было установить четырехчасовые дежурства у пульта управления вместо обычных шестичасовых.

На что Бигмен горячо возразил:

— Конечно, но, когда я пытаюсь заснуть на этом чертовом одеяле, а у приборов олух Весс, он делает так, что все сигнальные лампы светят мне прямо в лицо.

— Я проверяю разные аварийные сигналы, чтобы убедиться в их исправности. Таков порядок, — спокойно ответил Весс.

— И, — продолжал Бигмен, — он все время свистит. Послушай, Лакки, если он еще раз выдаст мне припев из «Моей милой Афродиты» — хоть еще раз, — я встану и обломаю ему руки и потом забью его этими обрубками до смерти.

— Весс, пожалуйста, воздержись от насвистывания припевов. Если Бигмен будет вынужден покарать тебя, то он зальет кровью всю пилотскую кабину, — очень серьезно предупредил Лакки.

Бигмен промолчал, но в следующий раз во время дежурства у приборов, он, направляясь к креслу пилота, умудрился наступить на кисть руки мелодично похрапывающего на одеяле Весса.

— О проклятье! — воскликнул марсианин, воздевая руки вверх и вращая глазами в ответ на свирепый вопль Весса. — А я и подумал, что это такое, под моими тяжелыми марсианскими сапогами? О, мой Весс, неужели это были твои маленькие пальчики?

— Теперь тебе лучше совсем не спать! — вопил Весс от боли. — Если ты заснешь, когда я буду у пульта, я раздавлю тебя, марсианская песчаная крыса, как клопа.

— Я так испуган, — запричитал Бигмен в притворных рыданиях, что вконец вывело из себя Лакки.

— Послушайте, — рассердился он, — любой из вас двоих, кто разбудит меня, потащится за «Метеором» в своем скафандре на конце каната весь остаток путешествия.

Но когда Сатурн и его кольца стали видны совсем близко, они все собрались в кабине пилотов. Даже если посмотреть, как обычно, со стороны экватора, Сатурн представлял собой самое красивое зрелище в Солнечной системе, а со стороны полюса...

— Если я верно помню, — сказал Лакки, — даже исследовательский полет Хогга затронул эту систему только у Япета и Титана, так что он видел Сатурн лишь со стороны экватора. Если сирианцы не видели его по-иному, то мы первые люди, когда-либо видевшие его так близко с этого направления.

Как и в случае с Юпитером, мягкое желтое свечение поверхности Сатурна в действительности было солнечным светом, отраженным от верхних слоев бурной атмосферы глубиной в тысячи или более миль. И как и в случае с Юпитером, атмосферные возмущения проявлялись в виде зоны изменяющихся цветов. Но зоны не были полосами, как представлялось с обычного экваториального угла зрения. Они образовывали концентрические окружности неяркого коричневого, более светлого желтого и пастельно-зеленого цвета вокруг сатурнианского полюса как центра.

Но даже это зрелище не шло ни в какое сравнение с кольцами. При их нынешнем удалении кольца вытянулись на угол в двадцать пять градусов в пятьдесят раз шире, чем полная Луна Земли. Внутренний край колец был отделен от планеты промежутком в сорок пять угловых минут, в котором хватило места для довольно свободного размещения объекта размером с полную Луну. Кольца, окружающие Сатурн, нигде не касались его поверхности. Так, во всяком случае, виделось с «Метеора». Они были видны на три пятых своей окружности, остальное же резко

обрезалось тенью Сатурна. На трех четвертях пути к наружному краю кольца находился черный промежуток, известный как деление Кассини. Он был шириной около пятнадцати минут, плотная полоска черноты, разделяющая кольца на две светлые части неравной ширины. Во внутренней кромке колец — мерцающая россыпь сверкающих искорок, так называемая траурная каемка.

Общая площадь колец в восемь раз превышала площадь шара Сатурна. Более того, кольца были явно ярче, чем сам Сатурн, так что в целом, по крайней мере, девяносто процентов света, достигающего к ним от планеты, шло от ее колец. Количество света, достигавшего их, было примерно в сто раз большим, чем от полной Луны.

Даже Юпитер, каким он видится со столь поразительно близкой Ио, нельзя было сравнить с этим. Когда Бигмен в конце концов заговорил, с его губ сорвался лишь шепот:

— Лакки, как получается, что кольца такие яркие? Сам Сатурн выглядит тускло. Это не оптическая иллюзия?

— Нет, это реальность. Сатурн и кольца получают от Солнца одинаковое количество света, но отражают вовсе не одинаковое. То, что мы видим исходящим от Сатурна, это свет, отраженный от атмосферы, состоящей в основном из водорода и гелия плюс немного метана. Она отражает около шестидесяти трех процентов света, падающего на нее. Кольца, в основном твердые глыбы льда, посылают обратно как минимум восемьдесят процентов, что делает их значительно более яркими. Глядеть на кольца — все равно что глядеть на снег.

— И нам нужно найти одну снежинку на снежном поле, — посетовал Весс.

— Но черную снежинку, — взволнованно проговорил Бигмен. — Послушай, Лакки, если все частицы кольца — лед, а мы ищем капсулу, которая представляет собой металл...

— Полированный алюминий, — уточнил Лакки, — отразит даже больше света, чем лед. Он будет просто слепящим.

— Ну, тогда, — Бигмен в отчаянии посмотрел на кольца, находившиеся в полумиллионе миль отсюда, но все столь огромные даже на таком расстоянии, — это дело безнадежное.

— Посмотрим, — проговорил Лакки уклончиво.

Бигмен сидел за пультом управления, регулируя орбиту короткими бесшумными вспышками ионного двигателя. Великолепно отлаженные приборы управления аграмом делали «Метеор» значительно более маневренным в этом столь близком к массе Сатурна пространстве, чем любой сирианский корабль.

Лакки находился у масс-детектора, который чутко

прощупывал пространство в поисках какого-либо предмета, фиксируя его местонахождение посредством измерения его отклика на гравитационную силу корабля, если он был мал, или влияния его гравитационной силы на корабль, если он был велик.

Весс только что проснулся и вошел в кабину пилота, где царили тишина и напряженность в эти минуты снижения к Сатурну. Бигмен наблюдал за лицом Лакки краешком глаза.

Лакки все более погружался в свои мысли и становился менее общительным по мере того, как приближался Сатурн.

— Не думаю, что тебе следует так потеть над масс-детектором, Лакки, — прервал молчание Весс. — Здесь не будет кораблей. Мы встретим корабли тогда, когда опустимся к кольцам. Возможно, даже много. Сирианцы тоже будут искать капсулу.

— Согласен, поскольку так оно и есть.

— Может быть, — мрачно проговорил Бигмен, — эти приятели уже нашли капсулу.

— Даже это возможно, — согласился Лакки.

Они теперь разворачивались, начиная движение вдоль окружности шара Сатурна, сохраняя дистанцию в восемь тысяч миль от его поверхности. Дальняя часть колец (или, по крайней мере, часть, которая была освещена Солнцем) незаметно сливалась с Сатурном, так как их внутренняя кромка спряталась за гигантской выпуклостью.

У колец, которые ближе к планете, внутренняя траурная каемка более заметна.

— Ты знаешь, я не вижу края этого внутреннего кольца, — удивился Бигмен.

— Возможно, края и нет. Самая внутренняя часть основных колец находится всего лишь в шести тысячах миль над видимой поверхностью Сатурна, а атмосфера Сатурна может простираться на это расстояние, очень даже миролюбиво отозвался Весс.

— Шесть тысяч миль!

— Очень разреженная, но достаточно плотная для того, чтобы создавать трение для самых ближних кусков гравия и заставлять их кружить ближе к Сатурну. Те, которые продвигаются ближе, образуют траурную кайму. Чем ближе они движутся, тем больше трение, так что они вынуждены двигаться еще ближе. Вероятно, частицы находятся на всем пути вниз, к Сатурну, причем часть из них сгорает, попадая в более плотный слой атмосферы.

— Значит, кольца не будут существовать вечно, — заметил Бигмен.

— Вероятно, нет. Но они будут существовать еще миллионы лет. Достаточно долго для нас. — Весс помолчал и мрачно

добавил — Слишком долго.

— Я покидаю корабль, джентльмены, — прервал их Лакки.

— Зачем? — закричал Бигмен.

— Хочу посмотреть снаружи, — коротко ответил Лакки, натягивая скафандр.

Бигмен бросил быстрый взгляд на автоматическое записывающее устройство масс-детектора. Ни одного корабля в космосе. Лишь редкие изломы линии, но ничего существенного. Да еще дрейфующие метеориты, разбросанные повсюду в Солнечной системе.

— Займи место у масс-детектора, Весс. Пусть он все время работает. — Лакки надел шлем и защелкнул его. Он проверил измерительные приборы на груди, давление кислорода и двинулся к воздушному шлюзу. Его голос теперь раздался из маленького радиоприемника на панели управления. — Я буду использовать магнитный канат, так что не делайте внезапных выбросов энергии.

— Когда ты снаружи? Думаешь, я сумасшедший? — возмущился Бигмен.

Лакки появился в поле зрения у одного из иллюминаторов, за ним змеиными кольцами вился кабель, не образуя в отсутствие притяжения гладкой кривой.

Маленький ручной реактор в его закованном в латы кулаке выстрелил маленькой реактивной струей, ставшей в слабом солнечном свете едва видимым облаком крошечных ледяных частиц, которое рассеялось и исчезло. Лакки, по закону действия и противодействия, переместился в обратном направлении.

— Как ты думаешь, что-то неладно с кораблем? — спросил Бигмен.

— Если это так, — ответил Весс, — то на панели управления ничего не видно.

— Тогда чем занимается большой начальник?

— Я не знаю.

Но Бигмен бросил на Советника подозрительный, свирепый взгляд, затем повернулся снова, чтобы следить за действиями Лакки.

— Если ты думаешь, — проворчал он, — что так как я не являюсь Советником...

— Может, он просто захотел побыть несколько минут вне пределов досягаемости твоего голоса, Бигмен, — пошутил Весс.

Масс-детектор в автоматическом режиме методично прощупывал пространство вокруг них, градус за градусом, при этом экран становился чисто-белым всякий раз, когда он продвигался слишком далеко в сторону Сатурна.

— Я хочу, чтобы что-нибудь произошло, — вдруг заявил Бигмен, как бы стряхивая с себя уныние от слов Весса.

И что-то произошло.

Весс, вернувшись взглядом к масс-детектору, увидел подозрительный всплеск на записывающем устройстве. Он быстро зафиксировал на нем прибор, подключил вспомогательные обнаружители и следил за ним в течение двух минут.

— Это корабль, Весс, — взволнованно сказал Бигмен.

— Похоже, — неохотно согласился Весс.

Одинокая масса могла означать большой метеорит, но здесь был также выброс энергии, который мог исходить только из микрореакторных двигателей корабля; энергии именно того вида и именно в тех количествах. Это так же хорошо идентифицировалось, как отпечатки пальцев. Любой мог даже обнаружить некоторые отличия от структуры энергии, вырабатываемой земными кораблями, и безошибочно установить, что этот объект — сирианский корабль.

— Он направляется к нам, — заметил Бигмен.

— Не прямо. Вероятно, он не отваживается рисковать в условиях гравитационного поля Сатурна. Все же он медленно приближается и примерно через час сможет установить против нас заграждение... Чему, о космос, ты так радуешься, ты, марсианский фермач?

— Разве не ясно, ты, ком сала? Это объясняет, почему Лакки там, снаружи. Он знал, что приближается корабль, и он ставит ловушку для него.

— Как, о космос, он мог узнать, что приближается корабль? — изумился Весс. — Еще десять минут назад не было никаких показаний масс-детектора. Он не был даже сфокусирован в нужном направлении.

— За Лакки не беспокойся! У него есть способ узнать. — Бигмен, довольный, ухмылялся.

Весс пожал плечами, подвинулся к панели управления и позвал в передатчик:

— Лакки! Ты слышишь меня?

— Конечно, я тебя слышу, Весс. Что случилось?

— В зоне досягаемости масс-детектора сирианский корабль.

— Как близко?

— Около двухсот тысяч, и приближается.

Бигмен, наблюдавший в иллюминатор, заметил вспышку ручного реактора Лакки, и ледяные кристаллы вихрем закружились прочь от корабля. Лакки возвращался.

— Я вхожу, — предупредил он.

Бигмен заговорил сразу же, как только Лакки снял с головы

шлем и открылись коричневая копна волос и ясные карие глаза.

— Ты ведь знал, что приближается корабль, не так ли, Лакки?

— Нет, Бигмен. И мысли не было. Не понимаю, каким образом они обнаружили нас так быстро. Возникает слишком много вопросов, чтобы считать простым совпадением появление сирианцев в этом районе.

Бигмен постарался скрыть свою досаду.

— Хорошо, в таком случае не разнести ли нам его в космосе, Лакки?

— Не стоит вновь себя подвергать опасным политическим последствиям, возможным после нашего нападения. Кроме того, на нас возложена определенная миссия, а это более важно, чем игры в войну с другими кораблями.

— Я понимаю, — прервал его нетерпеливо Бигмен. — Существует капсула, которую нам нужно найти, но...

Марсианин удрученно покачал головой. Капсула есть капсула, он понимал ее значимость. Но ведь и хороший бой — это хороший бой, и политические аргументы Лакки об опасности агрессии к нему не относятся, если все равно будет развязана война.

— Что мне делать в таком случае? — буркнул он. — Держаться прежнего курса?

— И ускорить движение. Направиться к кольцам.

— Если мы так поступим, то они направятся туда вслед за нами.

— Совершенно верно. У нас начнется состязание.

Бигмен медленно вернулся к контрольному пункту, и протонный распад в микрореакторе пошел с невероятной силой.

Корабль понесся вдоль выпуклого изгиба Сатурна.

Сразу же под ударами радиоволн ожил приемный фиск.

— Мы вступим в активный контакт с ними? — спросил Бигмен.

— Нет, известно, что они скажут. Капитуляция, или нас захватят магнитными щупальцами.

— Да?

— У нас сейчас только один шанс — бежать.

6. Сквозь ущелье

— Из-за одного дурацкого корабля, Лакки? — завопил Бигмен.

— Времени хватит и на бой, только попозже, Бигмен. Дело прежде всего.

— Но это означает, что мы снова покидаем Сатурн.

Лакки мрачно улыбнулся.

— Не в этот раз, Бигмен. На этот раз мы создадим базу в системе этой планеты, и как можно скорее.

Корабль стремительно понесся к кольцам. Лакки оттеснил Бигмена от пульта управления, став на его место.

— Появилось множество кораблей, — тревожно сообщил Весс.

— Где? К какому спутнику они ближе всего?

Весс реагировал быстро.

— Они все в районе кольца.

— Хорошо, — пробормотал Лакки, — тогда мы еще поохотимся за капсулой. Сколько там кораблей?

— Вдали видны пять, Лакки.

— Между нами и кольцами есть корабли?

— Показался шестой. Мы неуязвимы, Лакки. Они слишком далеко от нас, чтобы прицельно стрелять, но, похоже, они намерены следовать за нами до тех пор, пока мы не покинем систему Сатурна.

— Или пока наш корабль не будет уничтожен, так?

Кольца Сатурна увеличивались и наконец заполнили весь экран своей снежной белизной; корабль тем временем все быстрее мчался вперед. Лакки не сделал ни одного движения, чтобы снизить скорость.

Вдруг Бигмен подумал, что Лакки старается намеренно разбить корабль среди колец. Он произвольно вскрикнул:

— Лакки!

И тут кольца исчезли.

Бигмен изумился. Его руки потянулись к рукояткам управления видеоэкрана.

— Где они? Что случилось? — закричал он.

Весс, потевший над масс-детектором и с беспокойством лохмативший свои желтые волосы, бросил через плечо:

— Деление Кассини.

— Что?

— Промежуток между кольцами.

— Ох! — Шок миновал. Бигмен стал вращать окуляром

смотрового люка на корпусе корабля, и снежная белизна колец постепенно снова заполнила экран. Он маневрировал еще осторожнее.

Сначала показалось одно кольцо. Затем пространство, черное пространство. Затем другое кольцо, чуть-чуть более тусклое. Внешнее кольцо было покрыто нетолстым слоем ледяного гравия. И опять пространство между кольцами. Деление Кассини. Здесь нет гравия. Только широкая черная брешь.

— Она большая, — заметил Бигмен.

Весс вытер пот со лба и посмотрел на Лакки.

— Мы пролетим насквозь, Лакки?

Лакки не отрывал глаз от пульта управления.

— Через несколько минут, Весс, мы пройдем насквозь. Дыши спокойно и надейся.

Весс повернулся к Бигмену и быстро проговорил:

— Несомненно, брешь большая. Я тебе говорил, что она две с половиной тысячи миль шириной. Полно ангаров от кораблей, как раз то, что тебя так напугало.

— Твой голос звучит чуть-чуть нервозно для такого парня высотой в шесть футов, — произнес Бигмен. — Тебе кажется, что Лакки летит чересчур быстро?

— Смотри, Бигмен, если мне придет в голову сесть на тебя, то...

— Да в той твоей части, на какой ты сидишь, мозгов больше, чем в твоей голове, — захохотал довольный своей шуткой Бигмен.

— Через пять минут мы будем в делении Кассини, — предупредил Лакки.

Бигмен удивился и повернулся к смотровому экрану:

— Время от времени в расщелине какое-то мерцание.

— Это гравий, Бигмен, — пояснил Лакки. — Деление Кассини свободно от него в отличие от самих колец, а они на сто процентов не свободны. И если мы заденем один из этих кусочков на пути через...

— Один шанс из тысячи, — прервал его Весс, пожимая плечами.

— Один шанс из миллиона, но именно этот один шанс из миллиона пришелся на агента Х в его «Космической ловушке»... Мы почти у самой границы бреши. — Его руки уверенно лежали на рычагах управления.

Бигмен глубоко вздохнул, он весь напрягся в ожидании удара, который расколет корпус корабля, а может быть, и превратит протонный микрореактор в бушующее пламя красной энергии. По крайней мере, все закончилось бы до того...

— Порядок, — спокойно сказал Лакки.

Весс шумно выдохнул.

— Мы уже прошли насквозь? — удивился Бигмен.

— Конечно, мы уже прошли насквозь, глупенький марсианин, — ухмыльнулся довольный Весс. — Кольца всего лишь десять миль толщиной, и, как ты думаешь, сколько секунд требуется на преодоление всего десяти миль?

— И мы уже на другой стороне? — не верил Бигмен.

— Можешь быть в этом уверен. Постарайся найти кольца на видеозэкране.

Бигмен изменил угол обзора, посмотрел назад, затем вверх и снова вверх, захватывая большое пространство.

— Виден какой-то туманный контур.

— И это все, что ты увидишь, дружок. Теперь ты находишься на теневой стороне колец. Солнце освещает другую сторону, и свет не проникает через десятимильный плотный слой гравия. Скажи, Бигмен, что преподают по астрономии в марсианских школах, что-нибудь вроде — «мерцай, мерцай, маленькая звездочка»?

Бигмен медленно выпятил нижнюю губу.

— Ты знаешь, свинная башка, мне хотелось бы заполучить тебя на один сезон на марсианскую ферму. Я спустил бы с тебя шкуру и посмотрел бы, что за мясо у тебя — думаю, всего фунтов десять, и все в твоей большой ноге.

— Я по достоинству оценил бы вашу аргументацию, Весс, если бы вы с Бигменом отложили ее до лучших времен. Не проверил бы ты, что там, на масс-детекторе? Будь добр!

— Будь спокоен, Лакки. Эй, с ним не все в порядке. Насколько резко ты намерен изменить курс?

— Насколько способен корабль. Мы останемся под кольцами на таком расстоянии, на каком возможно.

Весс кивнул.

— О'кей, Лакки. Это выведет из строя их систему обнаружения.

Бигмен ухмыльнулся. Сработано превосходно. Ни один из масс-детекторов не может опознать «Метеор» из-за влияния массы колец Сатурна, а оптическое обнаружение сквозь кольца было просто невероятно.

Лакки вытянул свои длинные ноги, и мускулы на его спине плавно задвигались, когда он потянулся и нагнулся, слегка напрягая руки и плечи.

— Сомневаюсь, — сказал Лакки, — чтобы у какого-либо из сирианских кораблей хватило смелости последовать за нами через ущелье. У них нет аграва.

— О'кей, пока все хорошо. Но куда мы теперь летим? Кто-нибудь мне скажет? — спросил Бигмен.

— Нет секрета, — ответил Лакки. — Мы направляемся к Мимасу. Мы полетим, придерживаясь колец, пока не приблизимся вплотную к Мимасу насколько удастся, а тогда сделаем стремительный бросок через разделяющее нас пространство. Мимас находится всего в тридцати тысячах миль от колец.

— Мимас? Это одна из лун Сатурна, не так ли?

— Верно, — включился в разговор Весс. — Ближайшая к планете.

Их полет теперь выравнился, и «Метеор» помчался вокруг Сатурна теперь уже с запада на восток по линии, параллельной его кольцам.

Весс поудобнее уселся на плече и, ехидно улыбаясь, обратился к Бигмену.

— Не желаешь ли ты чуть-чуть заняться астрономией? Если в грецком орехе, находящемся в твоём черепе, есть хотя бы малюсенькое пространство, я могу рассказать тебе, что такое бреешь в кольцах.

Любопытство и презрение боролись в душе маленького марсианина.

— Ну, давай, давай быстрее, ты, невежественный обалдуй. Давай, я послушаю твой бред.

— Не бред, — высокомерноотреагировал Весс. — Слушай и учись. Внутренние части двух колец обращаются вокруг Сатурна за пять часов. Самые удаленные их части совершают оборот за пятнадцать часов. Справа, где находится деление Кассини, материал, из которого состоит кольцо, если там что-то есть, должен двигаться по окружности со средней скоростью, совершая круг за двенадцать часов.

— Ну и что?

— Так, спутник Мимас, к которому мы направляемся, делает оборот вокруг Сатурна за двадцать четыре часа.

— И опять же — ну и что?

— Все частицы в кольце притягиваются так или иначе спутниками, поскольку они и спутники вращаются вокруг Сатурна. Притяжение на Мимасе наибольшее, так как он ближе всего расположен к Сатурну. Обычно притяжение идет сейчас в одном направлении, а через час в другом, так что все аннулируется. Если бы в делении Кассини находился гравий и каждый второй раз он совершал свое вращение, то Мимас оказался бы на том же самом месте в небе, двигаясь в старом направлении. Часть гравия постоянно движется вперед, так что он закручивается в спираль и перемещается во внешнее кольцо;

другие части гравия оттягиваются назад, так что они движутся по внутреннему кольцу. Они не остаются там, где находятся; части кольца освобождаются от частиц, и вот — ты получаешь деление Кассини и два кольца.

— Это так? — тихо спросил Бигмен. Разумом он понимал, что Весс рассказал ему все правильно. — Тогда как туда попадает какая-то часть гравия, в эту брешь? Почему он весь не переместился во внешнее кольцо к настоящему времени?

— Потому что, — ответил Весс с высокомерным видом превосходства, — некоторые частицы постоянно либо втягиваются, либо вытягиваются из-за случайного воздействия спутников, но ни одна из них никогда надолго не останавливается... И надеюсь, ты запишешь все это, Бигмен, потому что я могу тебе позже задать несколько вопросов.

— Пошел бы ты куда подальше! — проворчал Бигмен.

Улыбаясь, Весс вновь повернулся к своему масс-детектору. Но то, что он там увидел, моментально стерло улыбку с его лица.

— Лакки!

— Да, Весс?

— Кольца нас не прикрывают.

— Что?

— Ну, посмотри сам. Сирианцы приближаются. Кольца им больше не мешают.

— Ну и ну, как же это могло случиться?

— Это нельзя считать слепым везением, ведь все восемь кораблей оказались на нашей орбите. Мы проделали поворот под прямым углом, и они изменили соответственно свою орбиту. Они, должно быть, обнаружили нас.

Лакки костяшками пальцев задумчиво потер подбородок:

— Если они это сделали, значит, они это сделали. Нет смысла обсуждать факт, что они не смогут этого сделать. Это может означать только то, что у них есть нечто, чего нет у нас.

— Никто и никогда не утверждал, что сирианцы тупицы, — заметил Весс.

— Нет, но иногда некоторые из нас действуют так, как будто наши враги — глупцы, будто весь научный прогресс сосредоточен только в умах Совета Науки и пока сирианцам не удастся узнать наши секреты, у них ничего не будет. А порой и я попадаю в такой переплет... Ну что ж, двинулись.

— Куда двинулись? — потребовал ответа Бигмен.

— Я уже сказал тебе, Бигмен, — ответил Лакки. — На Мимас. Но они придут туда после нас.

— Понятно. Это только означает, что мы должны лететь туда скорее, чем когда-либо... Весс, а не могут они перерезать нам

путь, прежде чем мы достигнем Мимаса?

— Нет, если им не удастся ускорить свой полет, по крайней мере, в три раза, по сравнению с нашим.

— Ответно. Отдавая сирианцам должное, я не могу поверить, что у них большая мощность, чем у «Метеора». Итак, мы выполним это.

— Но, Лакки, — вмешался Бигмен, — ты сошел с ума. Давай лучше сражаться, или совсем уберемся из системы Сириуса. Мы не можем приземлиться на Мимасе.

— Извини, Бигмен, но у нас нет выбора. Мы должны приземлиться на Мимасе.

— Но они нас, несомненно, заметят. Они будут следовать за нами вплоть до Мимаса, и нам тогда придется драться, так почему же не вступить в бой теперь, когда мы с помощью аграва можем маневрировать, а они нет?

— Они не собираются следовать за нами на Мимас.

— Почему же они не последуют?

— Ну, Бигмен, мы же хотели отправиться в кольца и забрать то, что осталось от «Космической ловушки»?

— Но тот корабль взорвался.

— Вот именно.

В приборном отсеке наступило молчание. «Метеор» рванулся через пространство, медленно сворачивая в сторону от Сатурна, затем полетел быстрее, выскользнув из-под самого дальнего кольца в открытый космос. Впереди лежал Мимас, сверкающий мир, видимый в форме крошечного полумесяца. В диаметре он имел всего лишь 320 миль.

Пока еще далеко позади виднелась плотная группа кораблей сирианского флота.

Мимас увеличивался в размере. Наконец вступила в действие передняя тяга «Метеора», и корабль начал сбрасывать скорость.

Но Бигмену казалось просто невероятным, чтобы Лакки со своим космическим опытом мог так просчитаться. Он сдержанно проговорил:

— Слишком поздно, Лакки. Мы не успели снизить скорость, чтобы приземлиться. Нам необходимо перейти на спиральную орбиту, пока скорость значительно не уменьшится.

— Нет времени для вывода корабля на спираль вокруг Мимаса, Бигмен. Мы летим прямо.

— Но это невозможно! На такой скорости!

— Вот именно, на это, я надеюсь, сирианцы и не решатся.

— Но, Лакки, они будут правы.

— Не хочется это говорить, Лакки, но я согласен с Бигменом, — поддержал Весс марсианина.

— Нет времени аргументировать или объяснять, — бросил Лакки и склонился над приборами.

На видеоэкране Мимас летел на них с сумасшедшей скоростью. Бигмен облизнул враз пересохшие губы.

— Лакки, если ты думаешь, что лучше такой путь, чем сдаться в плен, то о'кей. Тогда вперед. Но, Лакки, если мы намерены продолжать двигаться, не лучше ли нам завязать бой? Может, мы сумеем сначала рассчитаться с одним из этих парней?

Лакки покачал головой и ничего не сказал. Его руки двигались теперь так быстро, что Бигмен не успевал уследить, что он делал. Скорость уменьшалась все еще медленно.

Внезапно Весс протянул руку, как будто хотел силой отодвинуть Лакки от приборов, но Бигмен быстро положил свою руку ему на запястье. Бигмен понимал, что они идут на верную смерть, но его безграничная вера в Лакки оставалась непоколебимой.

Они летели все медленнее, медленнее, медленнее, только этого торможения было явно недостаточно — Мимас заполнял собой уже весь видеоэкран.

Сверкнув при падении на смертельной скорости, «Метеор» врезался в поверхность Мимаса.

7. И больше ничего

Раздался резкий свист, столь знакомый Бигмену. Так было всегда, когда корабль проникал в атмосферу.

Атмосферу?

Но ведь это невозможно. Ни один мир, по размеру равный Мимасу, не мог обладать атмосферой. Бигмен посмотрел на Весса, который вдруг вновь сел на плед, беспомощный и бледный, но так или иначе удовлетворенный.

Бигмен шагнул к Лакки:

— Лакки...

— Не теперь, Бигмен.

И внезапно Бигмен понял то, что делал Лакки с приборами. Он манипулировал термоядерным лучом. Бигмен подбежал к видеоэкрану и направил камеру прямо вперед.

Да, теперь не оставалось никаких сомнений, он окончательно понял идею Лакки. Термоядерный луч считали самым могущественным «тепловым лучом» со времени его открытия. Он применялся главным образом как оружие ближнего боя, но, совершенно точно, никто никогда его не использовал так, как теперь им воспользовался Лакки.

Струя дейтерия, бьющая перед носом корабля, искривилась под воздействием мощного магнитного поля, и на много миль впереди все озарилось ядерной вспышкой от мощного импульса из микрореактора. Сохранись силовой импульс хотя бы некоторое время, он обязательно должен был разрушить корабль и миллионной доли секунды было достаточно. После этого распространялась сама собой дейтериевая реакции и ужасное термоядерное пламя сжигало все, достигая трехсот миллионов градусов.

Этот пылающий шар, возникший перед поверхностью Мимаса, вонзился в тело спутника, пробуравив в его организме туннель. В этот туннель со свистом влетел «Метеор». Парообразная субстанция Мимаса служила атмосферой, которая их окружала, помогая снизить скорость корабля, вместе с тем повышая температуру внешней обшивки корабля до опасной отметки.

Лакки посмотрел на измеритель температуры обшивки.

— Весс, добавь побольше энергии в катушки испарения.

— Для этого потребуется вся вода, какая у нас есть, — ответил Весс.

— Сделай это. Нам не нужна вода для собственного потребления в этом море.

Вода под сильным напором пошла к внешним змеевикам из пористой керамики, в которых она испарялась, способствуя снижению температуры, возникшей от испарения. Но вода испарялась столь же быстро, сколь быстро подавалась в змеевики. Температура обшивки продолжала нарастать.

Но нарастала более медленно. Постепенно снижалась и скорость корабля, и Лакки уменьшил силу струи дейтерия и отрегулировал магнитное поле. Горящее пятно термоядерного дейтерия становилось все меньше и меньше. Свист атмосферы также уменьшился.

Наконец струя исчезла полностью, и корабль понесло вперед в твердую стену, где он продолжил свой путь, расплавляя окружающую массу своим жаром, и наконец остановился.

Только теперь Лакки сел.

— Джентльмены, — обратился он к своим коллегам. — Простите, у меня не было времени для объяснения, но решение пришло в самую последнюю минуту, и управление кораблем отняло у меня всю мою энергию. Как бы то ни было — добро пожаловать во чрево Мимаса!

Бигмен вздохнул во всю глубину легких и проговорил:

— Никогда не думал, что ты станешь использовать термоядерную струю, чтобы проложить путь летящему кораблю в недра этого мира.

— Обычно это невозможно, — сказал Лакки. — Уж так случилось, что Мимас — это особый случай. Таков и Энцеладус, следующий спутник.

— Как это происходит?

— Они представляют собой снежные комья. Астрономы знали об этом давно, еще до космических путешествий. Их плотность меньше, чем у воды, и они отражают около восьмидесяти процентов света, который падает на них, так что вполне понятно, что они могут быть только из снега плюс чуть замерзшего аммиака, тоже не слишком плотно сбитого.

— Верно, — присоединился к разговору Весс. — Кольца — это лед, и те первые два спутника тоже представляют собой всего-навсего скопления льда слишком удаленные, чтобы стать составной частью колец. Вот почему Мимас так легко плавится.

— Но добрая часть работы еще впереди, — заметил Лакки. — Давайте начнем.

Они оказались в настоящей пещере, образовавшейся под действием термоядерного луча, и были зажаты со всех сторон. Туннель, который они проделали, когда проникали внутрь, сжимался по мере их движения, пар конденсировался и замерзал. На масс-детекторе появились показатели, свидетельствовавшие о

том, что они углубились почти на сотню миль от поверхности сателлита. Из-за массы льда над ними пещера даже при слабой гравитации Мимаса медленно сжималась.

«Метеор» постепенно зарывался все глубже, протыкая Мимас насквозь, подобно раскаленной проволоке, вонзенной в масло, и, когда они достигли точки в пяти милях от поверхности, они остановились и образовали кислородный пузырь.

Поскольку топливных запасов, да и запасов продовольствия и водорослей, в резервуарах хватало надолго, Весс покорно пожал плечами:

— Ну что ж, это на время станет моим домом; давайте сделаем его удобным.

Бигмен очнулся ото сна. Он скривил лицо, глянув с горьким осуждением.

— Бигмен, в чем дело? — поинтересовался Весс. — Неужели будешь скучать по мне?

— Справлюсь как-нибудь. Через два-три года я, пролетая мимо Мимаса, брошу тебе письмо. — Затем он воскликнул: — Послушай, я слышал, ты что-то говорил, думая, что я сплю без задних ног. О чем речь? Секреты Совета?

Лакки смущенно покачал головой.

— Все в свое время, Бигмен.

Позднее, когда Лакки с Бигменом остались на корабле одни, Советник сказал:

— Действительно, Бигмен, почему бы тебе не остаться здесь вместе с Вессом?

— Ну конечно. Стоит два часа побыть с ним вместе в клетке — и я разрублю его топором на части и положу на лед, чтоб сохранить для его родственников. — Затем добавил: — Ты это серьезно, Лакки?

— Вполне серьезно. То, что произойдет в дальнейшем, может быть для тебя более опасным, чем для меня.

— Да? А зачем мне эта радость?

— Если ты останешься с Вессом, то, что бы ни случилось со мной, тебя отсюда заберут в течение двух месяцев.

Бигмен попятился. Его маленький рот скривился:

— Лакки, если ты прикажешь мне остаться тут дм того, чтобы здесь что-то делать, о'кей. Я выполню это, но, когда сделаю, я хотел бы присоединиться к тебе. Но если ты хочешь просто оставить меня здесь, чтобы спасти, тогда как ты сам отправляешься навстречу опасности, мы закончим разговор. У меня с тобой нет больше дел, а без меня ты, переросший дружище, не сможешь выполнить дело, и ты знаешь, что не выполнишь его. — Марсианин быстро заморгал глазами.

— Но, Бигмен... — начал Лакки.

— Ладно, я буду в опасности. Ты что, хочешь, чтобы я подписал бумагу, где сказано, что я беру ответственность на себя, что ты ни при чем? Хорошо. Я подпишу. Это тебя удовлетворяет, Советник?

Лакки с нежностью схватил Бигмена за волосы и подергал его голову взад-вперед.

— Да, пытаться заботиться о тебе — это все равно что черпать воду решетом.

Бесс возвратился в отсек и объявил:

— Дистиллятор установлен и работает.

Вода из ледяной субстанции Мимаса вошла в резервуары «Метеора», наполняя их и заменяя ту воду, которая была использована для охлаждения корабля. Часть выделенного аммиака была тщательно нейтрализована и помещена в отсеке обшивки, где его можно было использовать в резервуарах с водорослями в качестве азотного удобрения.

И тогда они прошли в воздушный пузырь с изящно очерченными ледяными стенами и осмотрели довольно уютное помещение.

— О'кей, Бесс, — наконец проговорил Лакки, крепко пожав ему руку. — По-моему, ты все устроил.

— Я сделал все, что мог, Лакки.

— Тебя заберут отсюда, примерно через два месяца, во что бы то ни стало. Тебя отсюда возьмут значительно раньше, если дела пойдут как следует.

— Ты поручил мне эту работу, — холодно произнес Бесс, — и она будет сделана. Ты сосредоточишься на своем задании и заодно позаботишься о Бигмене. Следи, чтобы он не вывалился из койки и не поранился.

— Не думай, что я не понимаю вашего тайного сговора. Вы оба занимаетесь интригами и не рассказали мне... — начал возмущенный Бигмен.

— В корабль, Бигмен, — прервал его Лакки и подтолкнул марсианина вперед. Тот отчаянно сопротивлялся, пытаясь закончить свою отповедь Вессу.

— О, Лакки, — воскликнул он как только они вернулись на корабль. — Посмотри, что он сделал. Достаточно того, что ты от меня скрываешь ваши проклятые тайны Совета, но ты к тому же позволил этому обалдую оставить за собой последнее слово.

— Ему предстоит тяжелая работа, Бигмен. Он должен остаться здесь, в то время как мы улетаем и добавляем ему беспокойства. Так пусть хоть получит удовольствие от того, что последнее слово осталось за ним.

Они легко оторвались от Мимаса в том месте, с которого ни Солнце, ни Сатурн не были видны. На темном небе самым большим объектом был Титан, расположившийся у подножия небосклона, и его величина едва достигала четверти видимого диаметра земной Луны.

Его шар был наполовину освещен Солнцем, и Бигмен мрачно взирал на его изображение. Энтузиазм покинул его.

— И именно там находятся сирианцы, не так ли? — спросил он.

— Думаю — да.

— И куда мы направляемся? Назад, в кольца?

— Верно.

— А если они обнаружат нас опять?

Должно быть, это был сигнал. Приемный диск загорелся, оживая.

Лакки это встревожило.

— Они обнаружили нас слишком легко.

Он установил контакт. На этот раз это был не безжизненный голос робота, отсчитывающего минуты. Напротив, это был резкий, вибрирующий, полный жизни голос, и, несомненно, он принадлежал сирианцу.

— ... рр, пожалуйста, ответьте! Я пытаюсь установить контакт с Советником Дэвидом Старром с Земли. Дэвид Старр, пожалуйста, ответьте! Я пытаюсь...

— Советник Старр у микрофона. Кто вы?

— Я Стен Девур с Сириуса. Вы проигнорировали требование наших кораблей-автоматов и возвратились в нашу планетную систему. Поэтому вы наш пленник.

— Кораблей-автоматов?

— Управляемых роботами. Вам это понятно? Наши роботы могут вполне удовлетворительно управлять кораблями.

— Я это понял.

— Так я и думал. Они следовали за вами, когда вы вышли за пределы нашей системы, затем повернули назад под прикрытием астероида Идальго. Они проследовали за вами во время вашего полета от эклиптики к южному полюсу Сатурна, потом через деление Кассини, под кольцами, а затем и внутрь Мимаса. Вам никогда не удастся ускользнуть из-под нашего надзора.

— И что же делает ваши наблюдения столь эффективными? — спросил Лакки, стараясь говорить ровным и спокойным голосом.

— О, уверен, землянин не понимает, что сирианцы могут иметь свои собственные методы. Но это неважно. Мы несколько дней ожидали вашего выхода из норы в Мимасе, куда вы так

остроумно проникли при помощи направленной термоядерной реакции. Это нас так позабавило, что мы позволили вам скрыться. Некоторые из нас даже стали заключать пари по поводу того, как скоро вы высунете снова свой нос. Тем временем наши корабли, укомплектованные экипажами из роботов, окружили вас. Вы не преодолеете и тысячи миль, и мы вас взорвем, если захотим.

— Только, конечно же, не с помощью ваших роботов, которые не могут причинять вред людям.

— Дорогой мой Советник Старр, — раздался насмешливый голос сирианца, — разумеется, роботы не причинят вред человеческим существам, если они случайно узнают, что здесь человеческие существа. Но видите ли, роботы, управляющие оружием, тщательно проинструктированы, что на вашем корабле летят только роботы. Они не испытывают угрызений совести из-за уничтожения роботов. Не хотите ли капитулировать?

Бигмен вдруг наклонился к самому микрофону и прокричал:

— Послушай ты, ублюдок, а что если мы сначала выведем из строя несколько ваших жестянок-роботов? Как вам это понравится? (Во всей Галактике было известно, что сирианцы считали разрушение роботов чуть ли не убийством.)

Но Стен Девур был непоколебим.

— Это то существо, с которым вы поддерживаете дружбу, Советник? Бигмен? Если так, то у меня нет никакого желания вступать с ним в разговор. Скажите ему и осознайте сами: я сомневаюсь, успеете ли вы причинить ущерб хотя бы одному кораблю, прежде чем будете уничтожены. Думаю, дам вам, пожалуй, пять минут для решения. Что вы предпочитаете: уничтожение или капитуляцию? Со своей стороны, я давно жду встречи с вами, так что примите как надежду — вашу капитуляцию. Идет?

Лакки на мгновение застыл, стиснув зубы.

Бигмен спокойно смотрел на него, скрестив руки на своей маленькой груди, и ждал.

Прошли три минуты, и Лакки медленно, но четко проговорил:

— Я отдаю свой корабль и его содержимое в ваши руки, сэр.

Бигмен молчал.

Лакки прервал связь и повернулся к маленькому марсианину. Беспokoйно и смущенно Советник кусал нижнюю губу.

— Бигмен, ты должен понять. Я...

Бигмен пожал плечами.

— Мне действительно это не нравится, Лакки, но я понял после нашего приземления на Мимасе, что ты умышленно решил сдаться сирианцам сразу же, как мы полетели второй раз к

Сатурну.

8. К Титану

Лакки вскинул брови.

— Как ты это узнал, Бигмен?

— Я не так глуп, Лакки. — Маленький марсианин был важен и чрезвычайно серьезен. — Ты помнишь, когда мы держали курс к южному полюсу Сатурна, и ты покинул корабль? Это было как раз перед тем, как сирианцы заметили нас и мы были вынуждены отогнать их огненной струей к делению Кассини.

— Да.

— У тебя была причина так поступать. Ты не говорил какая, потому что полностью был поглощен своим делом и находился в напряжении, а потом мы удирали от сирианцев. Ну а когда мы строили помещение для Весса на Мимасе, я сразу же осмотрел «Метеор» снаружи и понял, что ты работал на аграв-блоке. Так ты все устроил, что мог взорвать всю установку нажатием кнопки на панели управления.

Лакки мягко проговорил:

— Аграв-блок — это единственная абсолютно сверхсекретная установка на «Метеоре».

— Мне это известно. И я исходил из того, что ты хорошо знаешь: если ты вступаешь в бой, то не имеешь права покинуть «Метеор», не взорвав его вместе с нами. Чтобы уничтожить аграв-блок и все остальное. Если ты решил взорвать только аграв, а все остальное сохранить невредимым, значит, ты не думал вступать в бой. Ты собирался капитулировать.

— И об этом-то ты так грустно размышлял, когда мы приземлились на Мимасе.

— Ладно, Лакки, я ведь с тобой, что бы ты ни предпринял, — вздохнул Бигмен и отвел взгляд, — но капитуляция — не шутка.

— Согласен, но можешь ли ты придумать другой способ, как добраться до их базы? Наше дело, Бигмен, всегда не забава. — И Лакки коснулся переключателя скоростей на контрольной панели. Корабль слегка вздрогнул, когда наружные детали аграва превратились в кипящую белую массу и в виде капель стали отрываться от корабля.

— Ты думаешь, что сможешь вырваться отсюда? И это причина капитуляции?

— В какой-то мере.

— А не взорвут ли они нас, как только поймают?

— Думаю, они этого не сделают. Если бы они хотели нас уничтожить, они могли это совершить в космосе, как только мы оторвались от Мимаса. Подозреваю, что мы нужны живыми... И

если мы останемся в живых, у нас теперь есть Весс на Мимасе, как своего рода заслон. Я вынужден был подождать, пока мы не организуем этот заслон, прежде чем позволить себе капитулировать. Вот ради чего мы рисковали свернуть себе шею на Мимасе.

— Возможно, Лакки, они знают и о нем. Похоже, они знают обо всем.

— Может быть, и так, — задумчиво согласился Лакки. — Этот сирианец знал, что ты был моим партнером, может, он думает, что мы образуем пару, а не трио, и не станет искать третьего человека. По-моему, просто замечательно, что я не настоял на том, чтобы ты остался вместе с Вессом. Если бы я вышел один, сирианцы стали бы тебя искать и принялись обследовать Мимас. Конечно, если бы они обнаружили тебя и Весса... я уверен, они не уничтожили бы вас... Нет, пока я находился в их руках, я мог бы что-то делать... — Он разговаривал сам с собой и наконец совсем замолчал.

Молчал и Бигмен, и первым звуком, нарушившим тишину, был хорошо знакомый лязг, который отдался в стальном корпусе «Метеора». Магнитный провод вошел в контакт, связывая их с другим кораблем.

— Кто-то к нам пожаловал, — беззвучно проговорил Бигмен.

На видеоэкране им удалось различить сначала часть провода, затем фигуру, размахивающую рукой вверх-вниз, чтобы привлечь внимание, затем она исчезла. Потом корабль вздрогнул, как от удара грома, и зажегся сигнал воздушного шлюза.

Бигмен привел в движение рычаг, открывающий наружную дверь шлюза, дождался следующего сигнала, затем закрыл наружную дверь, открыв внутреннюю.

И вошел захватчик.

Но он не был одет в скафандр, ибо это был не человек. Перед ними предстал робот.

В Земной Федерации также были роботы, в том числе и весьма совершенные, но в значительной мере они были заняты в точно обозначенных рамках, что не позволяло им вступать в контакт с человеческими существами помимо тех, кто ими управлял. Так что, хотя Бигмен и видел роботов, но не так уж много. Поэтому он внимательно разглядывал вошедшего.

Он был подобно всем сирианским роботам большим и блестящим. Его внешняя форма отличалась однообразной простотой, соединения конечностей и торса были так хорошо сделаны, что почти не были заметны.

А когда он заговорил, Бигмен замер. Потребовалось немало времени, чтобы привыкнуть к почти настоящему человеческому

голосу, раздающемуся из металлической имитации человеческого существа.

— Добрый день, — произнес робот. — В мою обязанность входит наблюдение за тем, чтобы ваш корабль и вы сами в безопасности прибыли к месту назначения. Первая часть информации, которую мне следует получить, заключается в следующем: не повлиял ли взрыв, который заметили на корпусе вашего корабля, на снижение его навигационных возможностей?

Его голос был глубоким и мелодичным, без эмоций и с явным сирианским акцентом.

— Взрыв не подействовал на космические достоинства корабля, — ответил Лакки.

— Что же тогда произошло?

— Его произвел я сам.

— Зачем?

— Этого я не могу сказать.

— Очень хорошо. — Робот сразу же оставил тему. Человек может настаивать, угрожать силой. Робот — никогда. Он продолжил: — Я обязан управлять космическими кораблями, сконструированными и построенными на Сириусе. Я смогу управлять этим космическим кораблем, если вы объясните мне сущность различных приборов, которые я здесь вижу.

— О, Лакки, — вклинился Бигмен, — мы не должны ничего рассказывать этой штуковине, верно?

— Он не может нас заставить что-нибудь рассказать, Бигмен, но коль скоро мы капитулировали, какой еще дополнительный ущерб мы причиним этим объяснением, которое поможет им доставить нас туда, куда мы летим?

— Давай сперва выясним, куда мы должны отправиться? — Бигмен обратился к роботу резким тоном: — Ты! Робот! Куда ты заберешь нас?

Робот уставился в Бигмена красным немигающим глазом.

— По инструкции мне не позволено отвечать на вопросы, не относящиеся к моему непосредственному заданию.

— Ну, смотри. — Взволнованный Бигмен отбросил руку Лакки, пытающегося его удержать. — Куда бы ты ни завез нас, сирианцы причинят нам зло, возможно даже убьют. Если ты не хочешь повредить нам, помоги нам вырваться, пойдем с нами... Ох, Лакки, позволь мне договорить или ты сам хочешь?

Но Лакки твердо покачал головой, и заговорил робот:

— Я уверен, что вам не будет нанесен никакой вред. А теперь, если бы я мог получить инструкции относительно способа пользования этим аппаратом, я немедленно бы приступил к выполнению моего задания.

Шаг за шагом Лакки объяснил ему систему управления кораблем. Робот показал превосходное знакомство с существом рассматриваемых технических вопросов, тщательно проверил каждый прибор, чтобы убедиться в правильности полученных сведений, и к концу объяснений Лакки стало очевидно, что он великолепно освоил управление «Метеором».

Лакки улыбнулся, и в его глазах засветилось искреннее восхищение.

Бигмен затащил его в их кабину.

— С чего это ты скалишь зубы?

— Бигмен, этот робот — великолепная машина. Мы должны признать заслуги сирианцев. Они сумели создать роботов, работающих с таким искусством.

— О'кей, но давай потише. Я не хочу, чтобы он слышал то, что я собираюсь сказать. Послушай, ты решил сдаться только ради того, чтобы попасть на Титан и получить информацию о сирианцах. Конечно же, мы можем никогда не вырваться, и тогда что толку от этой информации? Но теперь у нас есть этот робот. Если мы сумеем заставить его помочь нам убраться отсюда прямо сейчас, то получим то, что хотели. У робота должна быть масса информации о сирианцах. Таким образом мы добудем больше информации, чем если бы приземлились на Титане.

Лакки покачал головой.

— Звучит хорошо, Бигмен. Но как ты предлагаешь убедить робота присоединиться к нам?

— Во-первых, Закон. Мы растолкуем ему, что на Сириусе всего лишь пара миллионов жителей, в то время как в Земной Федерации — свыше шести миллиардов. Мы объясним, что важнее уберечь от близящейся беды большее количество людей, чем незначительное меньшинство, так что Первый Закон на нашей стороне. Ну как, Лакки?

— Беда в том, — сказал Лакки, — что сирианцы являются специалистами в управлении роботами. Этот робот, возможно, запрограммирован на то, что он теперь не причиняет никакого вреда ни одному человеческому существу. Он ничего не знает о шести миллиардах жителей Земли, кроме того, что услышит от тебя, а это не совпадает с его программой. Ему нужно видеть, что человеческому существу угрожает реальная опасность, чтобы отбросить инструкции.

— Я постараюсь.

— Отлично. Вперед. Для тебя это хорошая практика.

Бигмен приблизился к роботу, который уверенными движениями рук направлял стремительно несущийся сквозь космическое пространство «Метеор» на новую орбиту.

— Что ты знаешь о Земле? О Земной Федерации? — приступил к выполнению своего плана марсианин.

— По инструкции я не должен отвечать на вопросы, не относящиеся к моему непосредственному заданию, — ответил робот.

— Приказываю тебе игнорировать прежние инструкции.

В ответе робота почувствовалось чуть заметное колебание:

— По инструкции мне не позволено получать инструкции от неправомочного лица.

— Мои указания даются тебе для того, чтобы предотвратить зло, которое может быть причинено человеческим существам. Значит, их следует выполнять, — настаивал на своем Бигмен.

— Я уверен, что человеческим существам не угрожает никакая опасность, и я не чувствую никакой грозящей беды. Мои инструкции обязывают меня воздерживаться от ответа на запретные побуждения, если они бесполезно повторяются.

— Ты лучше послушай. Зло надвигается. — И Бигмен вдохновенно говорил в течение некоторого времени, но робот больше не отвечал.

— Бигмен, ты напрасно тратишь силы, — заметил Лакки.

Бигмен лягнул робота по сверкающей лодыжке. Потом с силой ударил по корпусу корабля, вот и весь эффект от разговора. С покрасневшим от злости лицом он шагнул к Лакки.

— Просто великолепно! Человеческие существа совершенно бесполезны из-за того, что какой-то кусок металла имеет свои собственные идеи! Мы даже не знаем, куда мы направляемся.

— Нам для этого не нужен робот. Я проверил курс. Мы летим к Титану.

Они оба стояли у видеозэкрана в течение последних часов приближения к Титану. Это был третий самый большой спутник в Солнечной системе (лишь Ганимед у Юпитера и Тритон у Нептуна были больше, и то незначительно), и из всех спутников он обладал наиболее плотной атмосферой.

Воздействие его атмосферы было заметно даже с дальнего расстояния. На большинстве спутников (включая Луну Земли) терминатор — то есть линия, разделяющая дневное и ночное время, — был резким: по одну сторону — тьма, по другую — свет. Но в данном случае было не так.

Полумесяц Титана был очерчен скорее полосой, чем четкой линией, и рожки полумесяца выходили далеко вперед и почти соединялись туманным изгибом.

— У Титана атмосфера почти такая же плотная, как и на Земле, Бигмен, — проговорил Лакки.

— Пригодная для дыхания? — поинтересовался Бигмен.

— Нет, не пригодная. В ней преобладает метан.

Появилась, по крайней мере, дюжина других кораблей. Их можно было разглядеть невооруженным глазом. Они спускались к Титану один за другим, сходя с космической трассы.

Лакки покачал головой.

— Двенадцать кораблей выделено для одного этого мероприятия. Должно быть, они находятся здесь уже долгие годы, занимаясь строительством и подготовкой. Как мы сможем их когда-нибудь изгнать отсюда, если не при помощи войны?

Бигмен и не пытался ответить.

К тому же резкий свист пучков газа, завихряющихся вокруг обтекаемого корпуса корабля, безошибочно свидетельствовал, что они вошли в атмосферу.

Бигмен беспокойно смотрел на циферблаты, регистрирующие температуру корпуса, но опасности не было. Робот уверенно управлял кораблем. Корабль снижался к Титану по тугой спирали, одновременно теряя скорость и высоту, так что от трения о плотные слои атмосферы температура резко повысилась.

Лакки опять засиял от восхищения.

— Он управлял кораблем, совершенно не затратив топлива. Честно говоря, по-моему, он мог бы посадить нас в нужном месте, используя атмосферу в качестве единственного тормоза.

— Что в этом хорошего, Лакки? — удивился Бигмен. — Если эти роботы могут управлять кораблем, как этот, то как мы можем надеяться когда-нибудь победить сирианцев, а?

— Мы обязаны научиться создавать своих собственных роботов, Бигмен. Эти роботы — достижение человека. Люди, достигшие этого, сирианцы, да, но они — человеческие существа, и все другие люди также могут вместе с ними гордиться таким достижением. Если нас страшат результаты их открытий, давай постараемся состязаться с ними или даже превзойти их. Но нет смысла отрицать ценность их достижений.

Поверхность Титана открылась из-под бледной атмосферной дымки. Они могли теперь различать горные кряжи: не остrokонечные, скалистые пики безвоздушного мира, а сглаженные горные массивы свидетельствовали, что здесь поработали ветры и погода. Вершины были обнажены, в ущельях и долинах лежал глубокий снег.

— На самом деле это не снег, — пояснил Лакки, — а замерзший аммиак.

И конечно, всюду было безлюдно. Расположенные между горных кряжей холмистые равнины были либо покрыты снегом, либо представляли собой голую скалистую местность. Никаких признаков жизни. Ни рек, ни озер.

И тогда...

— О великая Галактика! — воскликнул Лакки.

Появился купол. Плоский купол достаточно обычного вида для внутренних планет. Купол был того же типа, что на Марсе и на мелководьях океанов Венеры, но купол, построенный сирианцами здесь, на необитаемом Титане, выглядел бы respectable городом даже на давно колонизированном Марсе.

— Мы спали, а они в это время строили, — вздохнул Лакки.

— Когда радиокomentаторы растрезвонят об этом, — заметил Бигмен, — не очень здорово это будет выглядеть для Совета Науки.

— О космос, в Солнечной системе, которая исследована вдоль и поперек и где периодически проверяется каждый камешек, затерялся мир, подобный Титану!

— Кто бы мог подумать...

— Членам Совета Науки следовало бы подумать. Народ системы поддерживает их и верит в то, что они думают и заботятся о нем. И мне тоже следовало бы подумать.

Голос робота прервал их.

— Этот корабль приземлится после еще одного облета вокруг спутника. Принимая во внимание ионный мотор на борту этого корабля, не потребуются специальные предосторожности в связи с приземлением. Тем не менее чрезмерная беззаботность может нанести вред, и я не могу идти на это. Поэтому я должен попросить вас лечь и пристегнуть ремни.

— Неужели надо повиноваться этому куску металлической трубы, которая нам указывает, как нам вести себя в космосе! — возмутился Бигмен.

— Вот именно, — сказал Лакки, — тебе лучше лечь. Он нас силой заставит лечь, если мы этого не сделаем. Это его обязанность — следить, чтобы нам не был причинен вред.

Бигмен внезапно крикнул:

— Скажи, робот, как много людей приземлилось здесь, на Титане?

Ответа не последовало.

Поверхность спутника стремительно приближалась, притягивая их к себе. «Метеор» пошел к точке приземления хвостом вниз, двигатели сделали последний рывок, перед тем как заглохли, завершив свою работу.

Робот отвернулся от приборов управления.

— Вы целыми и невредимыми прибыли на Титан. Мои непосредственные задачи выполнены, и я хочу теперь передать вас наставникам.

— Стену Девуру?

— Это один из наставников. Вы можете беспрепятственно покинуть корабль. Температуру и давление вы найдете нормальными, а гравитация приближена к вашей норме.

— Мы прямо сейчас можем выйти? — спросил Лакки.

— Да. Наставники вас ждут.

Лакки кивнул. Так или иначе, но ему не вполне удалось справиться с охватывающим его необычным волнением. Хотя сирианцы были главным врагом в его столь недолгой, но бурной карьере в Совете Науки, он никогда не видел живого сирианца.

Он вышел из корабля, шагнув на выдвижную площадку выхода, Бигмен приготовился последовать за ним, и оба остановились в полнейшем изумлении.

9. Враг

Лакки поставил ногу на первую ступеньку лестницы, ведущей к поверхности спутника. Бигмен выглянул из-за широкой спины друга. Оба застыли с открытыми ртами.

Все вокруг выглядело так, как если бы они приземлились на поверхности Земли. Если над ними и была сводчатая крыша — свод из твердого металла и стекла, — то она была невидима в ярком свете голубого неба, и, была ли это иллюзия или нет, — в небе плыли летние облака.

Перед ними простирались лужайки и тянулись ряды зданий, перед которыми там и здесь были разбиты цветочные клумбы. Неподалеку бежал открытый ручей, а через него были переброшены маленькие каменные мостки.

Дюжинами спешили куда-то роботы, механически сосредоточенные, каждый своим путем, каждый со своим собственным заданием.

В нескольких сотнях ярдов поодаль стояли группой пять существ — сирианцы! — и с любопытством наблюдали за пришельцами.

Резкий и властный голос обрушился на Лакки и Бигмена:

— Эй, вы там! Спускайтесь! Спускайтесь, я сказал. Не теряйте времени!

Лакки посмотрел вниз. Высокий человек стоял внизу у лестницы, уперев руки в бока и широко расставив ноги. Его узкое, оливкового цвета лицо с выражением высокомерия было обращено к ним. Его темные волосы были подстрижены простым ежиком по сирианской моде. К тому же у него была аккуратная и хорошо подстриженная бородка и тонкие усики. Его одежда была просторной и пестрой; рубашка распахнута на шее, а ее рукава доходили лишь до локтя.

— Если вы, сэр, так торопитесь — пожалуйста, — откликнулся Лакки.

Он качнулся и шагнул, балансируя руками, на лестницу, его гибкий стан грациозно изогнулся безо всяких усилий. Он оторвался от корабля, спустился по последним двенадцати ступенькам и очутился лицом к лицу с человеком, стоящим внизу. Его ноги слегка спружинили, чтоб амортизировать толчок, и, вновь выпрямившись, он легко отскочил в сторону, чтобы и Бигмен мог спрыгнуть.

Человек, рядом с которым оказался Лакки, был достаточно высоким, но все-таки на дюйм ниже его. Вблизи можно было разглядеть рыхлость кожи сирианца и одутловатость его лица.

Сирианец нахмурился, и его нижняя губа оттопырилась в презрительной гримасе:

— Акробаты! Обезьяны!

— Ничуть, сэр, — со спокойным добродушным юмором отозвался Лакки. — Земляне.

Человек сказал:

— Ты Дэвид Старр, но зовут тебя Лакки. Что это означает на жаргоне землян и что это означает на нашем языке?

— Это означает «счастливчик».

— Похоже, ты недолго был «счастливчиком». Я Стен Девур.

— Я догадался об этом.

— Вы, видимо, удивлены всем увиденным, а? Обнаженной рукой Девур обвел окружающий ландшафт. — Это прекрасно.

— Да, но нужна ли это трата энергии?

— Трудом роботов по двадцать четыре часа в сутки это можно сделать, и у Сириуса достаточно энергии для этого. А у Земли, по-моему, ее нет.

— У нас есть все необходимое, ты узнаешь об этом, — спокойно ответил на это Лакки.

— Узнаю? Пошли, я поговорю с тобой в своем кабинете. — Он властно махнул пяти другим сирианцам, которые, сгрудившись, глазели на землянина, который до недавнего времени был таким везучим врагом Сириуса и которого наконец-то поймали.

Сирианцы ответили приветствием на жест Девура и тотчас же, повернувшись на каблуках, разошлись в разные стороны.

Девур сел в маленький открытый экипаж, который приблизился на бесшумном диагравитационном двигателе. Его плоское дно, без колес и какого-либо другого механического приспособления, висело в шести дюймах над поверхностью. Другой экипаж подъехал к Лакки. Каждый управлялся, разумеется, роботом.

Лакки сел во второй автомобиль. Бигмен двинулся вслед за ним, но робот-водитель, протянув руку, вежливо преградил ему вход.

— Эй... — начал Бигмен.

Лакки прервал его:

— Мой друг едет со мной, сэр.

Впервые Девур направил свой пристальный взгляд на Бигмена, и необъяснимый огонь ненависти вспыхнул в его глазах.

— Меня абсолютно не интересует этот предмет, — процедил сквозь зубы он. — Если ты заинтересован в его компании, можешь пока взять его с собой, но мне не хотелось бы иметь от него лишнее беспокойство.

Бигмен с побелевшим лицом посмотрел на сирианца.

— Я тебя сейчас побеспокою своей правой, ты ублю...

Но Лакки схватил его и строго прошептал ему на ухо:

— Сейчас, Бигмен, ты ничего не сможешь сделать. Малыш, сейчас придется потерпеть. — И Лакки втянул его в автомобиль. Девур в это время сохранял полное безразличие.

Машины начали плавное движение, напоминавшее полет ласточки, и через две минуты замедлили ход перед одноэтажным зданием из белого гладкого кирпича, ничем не отличавшегося от остальных зданий, кроме темно-красной отделки окон и дверей, и по подъездной дорожке проехали вдоль одной из его сторон. На всем протяжении короткого путешествия им не повстречалось ни одного человеческого существа — одни роботы.

Девур первым прошел через сводчатую дверь в маленькую комнату с конференц-столом и альковым, в котором стоял большой диван. С потолка лился голубовато-белый свет, такой же голубовато-белый, как и под открытым небом.

Слишком синий, подумал Лакки, затем вспомнил, что Сириус более крупная, более горячая и поэтому более голубая звезда, чем Солнце Земли.

Робот принес два подноса с едой и высокими, покрытыми инеем стаканами с пенистым молочно-белым содержимым. Нежный фруктовый аромат наполнил воздух, и после долгих недель, проведенных в корабле, Лакки в предвкушении вкусной еды улыбнулся про себя. Один поднос поставили перед ним, другой — перед Девуром.

Лакки сказал роботу:

— Мой друг тоже хотел бы получить то же самое.

Робот, быстро взглянув на Девура, который, словно окаменев, смотрел вдаль, ушел и вернулся с еще одним подносом. Во время еды никто не проронил ни слова. Землянин и марсианин пили и ели с удовольствием.

После того как подносы унесли, сирианец заговорил:

— Прежде всего я должен заявить, что вы — шпионы. Вы проникли на территорию Сириуса и получили предупреждение о необходимости покинуть ее. Вначале вы ее покинули, а затем вернулись, делая всяческие усилия, чтобы замаскировать ваше возвращение. По законам межзвездного кодекса мы имеем полное право немедленно расправиться с вами, и это будет выполнено, хотя сейчас ваши действия заслуживают милосердия.

— Это какие же действия? — поинтересовался Лакки. — Приведите мне хоть один пример, сэр.

— С удовольствием, Советник. — Черные глаза сирианца засветились интересом. — Имеется капсула информации, которую наш человек до своей гибели установил в кольцах.

— Ты полагаешь, что она у меня?

Сирианец снисходительно засмеялся.

— Во всем космосе нет ни единого шанса для этого. Мы ни в коем случае не позволили бы тебе приблизиться к кольцам менее чем на полусветовой скорости. Ну, спокойно — ты очень умный Советник. Мы так много слышали о тебе и твоих подвигах, даже на Сириусе. Были моменты, когда ты, скажем так, слегка мешал нам.

Внезапно Бигмен включился в разговор и резко выкрикнул:

— Совсем чуть-чуть: задержал вашего шпиона на Юпитере-9, добился прекращения вашей практики пиратства на астероидах, помог вас изгнать с Ганимеда...

— Советник, ты успокойсь это, — вспыхнув от гнева, потребовал Стен Девур. — Меня раздражает скрип этого предмета, который ты прихватил с собой.

— Тогда говорите то, что вы хотите сказать, властно потребовал Лакки, — не оскорбляя моего друга.

— Что я хочу, так это чтобы ты помог мне найти капсулу. Скажи мне, только избавь меня от своего невероятного остроумия, как бы ты взялся за это дело? — Девур оперся о стол локтями и в ожидании пытливо посмотрел на Лакки.

— С какой информации мне начать?

— Только с той, мне кажется, какую ты получил. Последние сообщения нашего человека.

— Да, мы получили информацию. Не всю, но достаточную для того, чтобы понять, что он не дал координаты той орбиты, на которой поместил капсулу, и достаточную для того, чтобы знать, что он ее все-таки оставил.

— Да?

— С тех пор как этот человек довольно давно ускользнул от наших собственных агентов и почти преуспел с выполнением своей миссии, я пришел к выводу, что он умен.

— Он был сирианец.

— Это, — с важной учтивостью кивнул Лакки, — не одно и то же. В данном случае, однако, мы можем предположить, что он не сумел поместить капсулу в кольца таким образом, чтобы вы легко ее обнаружили.

— И следующий твой вывод, землянин?

— И если он поместил капсулу в сами кольца, то ее просто невозможно найти.

— Ты так думаешь?

— Да. И единственную альтернативу этому вижу в том, что он отправил ее на орбиту внутри деления Кассини.

Девур откинул назад голову и громко рассмеялся.

— Это приятно слышать от Лакки Старра, великого Советника, тратящего свою умственную энергию на эту проблему. Я думал, что ты предложишь что-нибудь удивительное, что-нибудь совершенно потрясающее. А вместо этого только предположения. Советник, а что если я скажу тебе, что мы без твоей помощи нашли такое решение сразу и что наши корабли прочесали деление Кассини почти в тот момент, как капсула была сброшена?

Лакки кивнул. (Если большинство личного состава баз на Титане находилось в кольцах, наблюдая за поисками капсулы, то это отчасти объясняло малочисленность людей на самой большой базе.)

— Ну, что ж, поздравляю вас и напоминаю, что деление Кассини велико и в нем есть некоторое количество гравия. К тому же капсула может оказаться из-за притяжения Мимаса на непостоянной орбите. В зависимости от ее положения ваша капсула будет медленно двигаться по внутреннему или внешнему кольцу, и если вы ее в ближайшее время не найдете, то она навечно потеряна для вас.

— Твоя попытка попугать меня глупа и бесполезна. Даже внутри самих колец капсула выглядела бы все же алюминием по сравнению со льдом.

— Большинство масс-детекторов не может отличить алюминий ото льда.

— Это относится к масс-детекторам твоей планеты, землянин. Спросил ли ты себя, как мы выследили тебя, несмотря на твой топорный трюк с Идальго и твою авантюру с Мимасом?

— Я удивлен этим, — честно признался Лакки.

Девур снова рассмеялся:

— Ты прав, что удивляешься. Очевидно, Земля не обладает селективным масс-детектором.

— Совершенно секретным? — поинтересовался вежливо Лакки.

— Нет, в принципе — нет. Наш детекторный луч использует мягкие X-лучи, которые по-разному разбрасываются различными веществами в зависимости от массы их атомов. Некоторые из них возвращались отраженными к нам, и, анализируя отраженный луч, мы можем отличить металлический космический корабль от твердого астероида. Когда космические корабли проходят мимо астероида, движущегося тем временем своим путем, регистрируется значительная металлическая масса, которой он раньше не обладал, и совсем не трудно прийти к выводу о том, что вблизи от астероида находится крадущийся космический корабль, на котором необоснованно предполагают, что их не

обнаружили. Ну как, Советник?

— Понятно.

— Понимаешь ли ты то, что никоим образом не сумеешь замаскироваться с помощью колец Сатурна или даже самого Сатурна? Металла совсем нет в кольцах или во внешней поверхности Сатурна до глубины десять тысяч миль. Даже внутри Мимаса не удалось бы спрятаться. Через несколько часов мы узнали бы, что вы там делаете. Мы могли бы обнаружить металл подо льдами Мимаса или же то, что осталось от вашего погибшего корабля. Но затем металл начал движение, и мы узнали, что вы все еще находитесь у нас. Мы разгадали ваш термоядерный трюк и только выжидали.

— Пока игра за вами.

— А теперь ты думаешь, что мы не сможем найти капсулу, даже если она путешествует по кольцам или была прежде всего помещена в кольцах?

— Хорошо, тогда как получилось, что вы до сих пор ее не нашли?

На мгновение лицо Девура помрачнело, будто он заподозрил в вопросе сарказм, но еще не успел Лакки вежливо полюбопытствовать, как он грубо прервал его:

— Мы найдем. Но это лишь вопрос времени. И поскольку ты не можешь помочь нам впредь в этом деле, то нет никакого резона откладывать экзекуцию.

— Сомневаюсь, что ты действительно понимаешь значение только что сказанного тобой. Погибнув, мы станем для вас очень опасными.

— Может, от вас живых в какой-то мере и существует угроза, но я не могу поверить, что ты это говоришь всерьез.

— Мы — члены Совета Науки Земли. Если нас убьют, Совет не забудет этого и не простит. Возмездие будет направлено в одинаковой степени как против Сириуса, так и против тебя лично. Запомни это.

— Думаю, что знаю об этом больше, чем ты думаешь, — возразил Девур. — Это создание, которое прилетело вместе с тобой, не член вашего Совета.

— Формально, может быть, и нет, но...

— А ты сам, если ты позволишь мне закончить, намного больше чем просто его член. Ты приемный сын Гектора Конвея, Главного Советника, и ты являешься гордостью Совета. Поэтому, возможно, ты и прав. — Губы Девура растянулись в кривой усмешке. — Может быть, существуют условия, давай подумаем об этом, при которых для нас более выгодно оставить тебя в живых.

— Что за условия?

— В ближайшие недели Земля созывает межзвездную конференцию наций, чтоб рассмотреть то, что они называют нашим вторжением на их территорию. Может быть, ты знаешь об этом.

— Я предлагал такую конференцию, когда первым узнал о существовании этой базы.

— Хорошо. Сириус согласился на эту конференцию, и встреча вскоре состоится на вашем астероиде — Весте. Земля, похоже, — Девур улыбнулся более широко, — торопится. И мы уступим им, ибо мы не боимся ее результатов. Внешние миры большей частью не любят Землю и вовсе не обязаны ее любить. Наш собственный случай — лучшее подтверждение тому. Однако мы могли бы сделать все намного более драматично, если бы нам удалось представить доказательства земного лицемерия. Земляне созывают конференцию; они говорят, что желают разрешить дело мирными средствами; но в то же самое время они послали военный корабль на Титан с инструкциями разрушить нашу базу.

— Эти инструкции ко мне не относятся. Я действовал без инструкций, и у меня не было намерения предпринять какой-либо военный акт.

— Тем не менее, если ты подтвердишь то, что я сказал, это произведет большое впечатление.

— Я не могу свидетельствовать в пользу того, что не является правдой.

Девур проигнорировал его слова и жестоко сказал:

— Пусть они знают, что тебе не давали наркотиков и не обследовали. Дай показания по собственной воле, как мы проинструктируем тебя. Пусть конференция узнает, что премированный член Совета Науки, сам сын Конвея, принял участие в незаконной вооруженной авантюре в то самое время, когда Земля лицемерно созывала конференцию и провозглашала приверженность миру. Это раз и навсегда решило бы дело.

Лакки сделал глубокий вздох и посмотрел в холодное улыбающееся лицо.

— И это все? Дача фальшивых показаний в обмен на жизнь?

— Совершенно верно. Воспользуйся случаем: сделай свой выбор.

— Это исключено. Я не хотел бы стать лжесвидетелем в подобном деле.

Глаза Девура сузились в щелки.

— Я думаю, ты захочешь. Наши агенты тщательно изучали тебя, Советник, и мы знаем твои слабые места. Ты можешь скорее предпочесть смерть, чем сотрудничать с нами, но тебе, как землянину, присуще чувство жалости к слабому, калеке, уроду.

Ты вынужден будешь сделать это, чтобы предотвратить, — и мягкая, пухлая рука сирианца внезапно поднялась, указывая пальцем на Бигмена, — его смерть.

10. Наставники и роботы

— Спокойно, Бигмен, — прошептал Лакки.

Маленький марсианин сгорбился в кресле, его глаза взволнованно следили за Девуром.

— Не стоит нас запугивать, — заметил Лакки. — Экзекуция на так проста в мире роботов. Роботы не могут нас убить, и я не уверен, что вы или ваши коллеги хладнокровно готовы убить человека.

— Конечно, нет, если ты подразумеваешь под убийством гильотинирование или расстрел. И к тому же нет ничего пугающего в быстрой смерти. Предположим, однако, что наши роботы подготовили разоруженный корабль. Твоего — ух! — компаньона можно приковать к одной из переборок корабля с помощью роботов, которые, конечно, позаботятся, чтобы не причинить ему вреда. Корабль можно снабдить автопилотом, который выведет его на орбиту, далекую от вашего Солнца и за пределами эклиптики. Нет ни единого шанса, что об этом когда-либо кто-либо узнает на Земле. Это будет путешествие в вечность.

Бигмен прервал его:

— Лакки, они никогда не поступят так со мной. Ни на что не соглашайся.

Девур продолжил, не обращая на него внимания:

— Твой компаньон получит достаточно воздуха и тубик с водой в пределах досягаемости, чтоб утолить жажду. Конечно, он будет один и не получит никакой пищи. Голод — это медленная смерть, а голод при полном одиночестве в космосе — это самая ужасная вещь, какую только можно представить.

— Это подлый и бесчеловечный способ обращения с военнопленным, — возмутился Лакки.

— Это не война. Вы ведь только шпионы. И во всяком случае, необязательно, чтобы это случилось, а, Советник? Тебе следует лишь подать знак, что ты готов признаться в том, что ты намеревался атаковать нас и согласен подтвердить это лично на конференции. Я уверен, ты примешь во внимание просьбы того предмета, с которым ты дружишь.

— Просьбы! — сильно покраснев, Бигмен вскочил на ноги.

Девур вдруг повысил голос:

— Этот предмет следует взять под стражу. Действуйте.

Дна робота молчаливо стали по обе стороны Бигмена, схватив его за руки. На момент Бигмен скорчился от боли и, приложив все силы, оторвался от пола, но его руки остались неподвижными, крепко зажатыми роботами.

Один из роботов монотонно произнес:

— Пусть господин не сопротивляется, иначе господин причинит себе вред, несмотря на все, что мы можем сделать.

— У тебя будет двадцать четыре часа на раздумье. Уйма времени, а, Советник? — И Девур взглянул на сверкающие цифры на полоске декорированного металла, которая опоясывала его левое запястье. — И тем временем мы приготовим наш разоруженный корабль. Если он не пригодится, на что я надеюсь, ну что же, ведь это труд роботов, а, Советник? Сиди там, где находишься, бесполезно стараться оказать помощь твоему компаньону. Он останется пока невредим.

Бигмена вывели из комнаты; Лакки, наполовину приподнявшись со своего кресла, беспомощно наблюдал за этим.

На маленьком ящике на конференц-столе вспыхнул свет. Девур перегнулся и коснулся его, и светящаяся трубка появилась над ящиком. В ней возникло изображение головы. Раздался голос:

— Йонг и я получили сообщение о том, что у тебя Советник, Девур. Почему нам сказали только после его приземления?

— А какая разница, если это уже сделано, Зейон? Теперь вы знаете. Вы придете?

— Конечно. Мы хотим встретиться с Советником.

— Приходите тогда в мой офис.

Спустя пятнадцать минут прибыли два сирианца. Оба такие же высокие, как и Девур; оба с оливкового цвета кожей (более значительное ультрафиолетовое излучение Сириуса вызывает потемнение кожи, сообразил Лакки), но они были старше. Подстриженные волосы одного из них отливали стальной сединой. Он был тонкогуб и говорил быстро и четко. Его представили как Харрита Зейона, а его одеяние свидетельствовало о том, что он был членом Космической Службы Сириуса.

Другой начинал уже лысеть. На предплечье у него был шрам, и выглядел он старым космическим волком. Это был Баррет Йонг, тоже из Космической Службы.

— Ваша Космическая Служба, по-моему, что-то вроде нашего Совета Науки, — сказал Лакки.

— Да, это так, — важно подтвердил Зейон. — В этом смысле мы коллеги, хотя находимся в другом лагере.

— Значит, член Службы — Зейон. И член Службы Йонг. А мистер Девур...

Девур не дал Лакки договорить:

— Я не являюсь членом Космической Службы. Вовсе не нужно, чтобы я был им. Сириусу кто-то может служить и вне Службы.

— Особенно, — заметил Йонг, положив руку на шрам на предплечье, как бы прикрывая его, — если этот кто-то является племянником директора Центрального Управления.

— Что означает этот сарказм, Йонг? — вскочил Девур.

— Никакого сарказма. Это буквально. Родство позволяет вам приносить Сириусу больше пользы.

Это было лишь сухой констатацией факта, и Лакки не подозревал о вражде между двумя стареющими членами Службы и молодым и, без сомнения, властным родственником повелителя Сириуса.

Зейон попытался наладить отношения и, повернувшись к Лакки, мягко спросил:

— Наши предложения приняты тобой?

— Вы имеете в виду предложение, чтобы я солгал на межзвездной конференции?

Зейон посмотрел на него с досадой и легким недоумением:

— Я имею в виду, что ты присоединишься к нам, станешь сирианцем.

— По-моему, мы не подошли к этому пункту.

— Ладно, тогда рассмотрим этот вопрос. Наша Служба хорошо тебя знает, и мы уважаем твои способности и достижения. Они работали на Землю, которая однажды должна погибнуть как биологический факт.

— Биологический факт? — нахмурился Лакки. Сирианцы, происходят от землян.

— Да, это так, но не ото всех землян; только от некоторых, от лучших, от тех, которые проявили инициативу и силу, чтобы достигнуть звезды и колонизировать ее. Мы сохранили наше происхождение в чистоте; мы не допускаем появления хилых или со слабыми генами. Мы избавляемся от непригодных в нашей среде, так что теперь мы — чистая раса сильных, способных и здоровых, в то время как Земля остается конгломератом больных и уродливых.

Девур прервал его:

— У нас здесь есть образец такого, это компаньон Советника. Он приводит меня в бешенство и вызывает отвращение у меня, просто находясь со мной в одной комнате; обезьяна, человеческое существо ростом в пять футов, уродливый чурбан...

— Он лучше тебя, сирианец, — медленно проговорил Лакки.

Девур поднялся, дрожа, со сжатыми кулаками. Зейон быстро подошел к нему и положил руку на плечо.

— Девур, сядь, пожалуйста, и позволь мне продолжить. Сейчас не время для отвлеченных споров. — Девур грубо сбросил его руку и сел на свое место. Наставник Зейон серьезно

продолжил: — Для внешних миров, Советник Старр, Земля представляет страшную угрозу, бомбу недочеловечества, готовую взорваться и заразить чистую Галактику. Мы не хотим, чтобы это произошло; мы не можем позволить, чтобы это произошло. Вот за что мы боремся: за чистую человеческую расу, состоящую из достойных.

— Состоящую из тех, кого вы считаете достойными, — возразил Лакки. — Но достоинства проявляются во всех видах и формах. Великие люди Земли происходят от высоких и низких, от людей, обладающих всеми формами головы, разным цветом кожи и говорящих на разных языках. Разнообразие — вот в чем наше спасение и спасение всего человечества.

— Ты просто повторяешь, как попугай, нечто, что ты выучил. Советник, ты не молишь не видеть, что в действительности ты один из нас. Ты высокий, сильный, сложен, как сирианец, ты храбр и мужествен, как сирианец. Зачем смешивать пену Земли с людьми, подобными тебе, только из-за того, что ты родился на Земле?

— Итог всего этого, наставник, заключается в том, что вы хотите заставить меня прийти на межзвездную конференцию на Весте и там заявить о своем желании помогать Сириусу, — проговорил Лакки.

— Помогать Сириусу, да, но заявление должно быть искренним. Ты шпионил за нами. Твой корабль был вооружен.

— Вы впустую тратите свое время. Мистер Девур уже обсуждал со мной этот вопрос.

— И ты согласился стать сирианцем, ты им в действительности и являешься? — Лицо Зейона загорелось ожиданием.

Лакки бросил мимолетный взгляд на Девура, рассматривавшего с безразличием костяшки своих рук.

— Правда, мистер Девур выдвинул предложение в несколько иной форме, — уклонился от ответа Лакки. — Может, прежде чем информировать вас о моем прибытии, он хотел обсудить со мной один на один этот вопрос и использовать для этого свои методы. Короче, он просто сказал, что я должен посетить конференцию на сирианских условиях и что мой друг Бигмен будет послан на разоруженном космическом корабле умирать голодной смертью.

Оба сирианских наставника повернулись к Девуру, который продолжал созерцать костяшки пальцев.

Йонг медленно проговорил, обращаясь к Девуру:

— Сэр, это не в традициях Службы...

Девур внезапно взорвался:

— Я — не член Службы и не дам и половины кредитного

билета за ваши традиции. Я отвечаю за эту базу и за ее безопасность. Вы оба назначены сопровождать меня как делегаты на конференцию на Весте, чтобы представлять там Службу, но я — глава делегации, и на мне лежит ответственность за успех конференции. Если этому землянину не нравится тот вид смерти, который уготован его другу-обезьяне, то ему остается только пойти на наши условия, и он согласится на них еще быстрее благодаря вашему предложению сделать из него сирианца. И слушайте дальше. — Девур поднялся из кресла, прошел быстро в дальний угол комнаты, затем повернулся, глядя прямо в застывшие лица наставников, которые слушали его с дисциплинированным самоконтролем. — Я устал от вашего постоянного вмешательства. У Службы было достаточно времени, чтобы обогнать Землю, и она сделала ничтожно мало в этом отношении. Пусть этот землянин слушает, что я говорю. Он знает это лучше, чем кто-либо другой. Достижения Службы жалки, и именно я заманил в ловушку этого Стажера, а не Служба. У вас, джентльмены, кишка тонка, и я намерен восполнить...

В этот момент робот распахнул дверь и произнес:

— Наставники, я должен извиниться за вторжение без вашего приказа, но я обязан рассказать вам нечто касающееся маленького господина, который был взят под стражу...

— Бигмен! — воскликнул Лакки, вскочив на ноги. — Что с ним случилось?

После того как Бигмена вывели из комнаты два робота, он напряженно обдумывал положение. Неужели на самом деле нет путей к освобождению? Он был достаточно реалистичен, чтобы думать пробиться сквозь орду роботов и без посторонней помощи убежать с базы, столь хорошо охраняемой, будь даже в его распоряжении «Метеор», чего в действительности не было.

Это более чем очевидно.

Лакки склоняют пойти на бесчестье и предательство, жизнь Бигмена была приманкой.

Лакки ни в коем случае не должен соглашаться на это. Ему не следует спасать жизнь Бигмена ценой предательства. Не должен он также спасать свою честь, пожертвовав Бигменом, и потом испытывать вину за это до конца своих дней. Есть единственная возможность избежать и того и другого. Бигмен пришел к этому решению хладнокровно. Если он изберет такой способ смерти, против которого Лакки ничего не сможет предпринять, то большого землянина не смогут ни в чем обвинить, да и сам себя он не сможет ни в чем обвинить. И Бигмен не был бы больше предметом сделки.

Бигмена втиснули в маленький диагравитационный экипаж и

одну-две минуты куда-то везли.

Но этих двух минут хватило, чтобы у него в голове четко сложился план. Его годы, проведенные с Лакки, были годами счастья. Он прожил полнокровную жизнь и не испытывал страха перед смертью. Теперь он мог спокойно умереть. Но прежде он должен еще этим вечером использовать малейшую возможность расквитаться с Девуром. В его жизни не было случая, чтобы человек, оскорбивший его, ушел от возмездия. Он не мог умереть, не сравняв счет. Мысль о высокомерном сирианце наполняла Бигмена таким гневом, что временами он не мог сам себе сказать, что им движет — дружба к Лакки или ненависть к Девуру.

Роботы вытащили его из диагравитационного экипажа, и один ощупал бока марсианина своими крючковатыми металлическими лапами нежно и опытно снизу вверх, как обычно ищут оружие.

Бигмен на мгновение запаниковал, безуспешно стараясь оттолкнуть руку робота.

— Меня обыскали на корабле, прежде чем разрешили покинуть его, — закричал он, но робот продолжил обыск, не обращая на него никакого внимания.

Второй снова схватил его, собираясь поместить в камеру. Итак, наступило время. Однажды он уже был в настоящей камере — в помещении с мощными стенами его задача станет намного тяжелее.

Бигмен отчаянно взбрыкнул ногами и перекувыркнулся между роботами. Но роботы крепко держали его руки.

Один из них произнес:

— Мне неприятно, господин, что вы поставили себя в такое положение, которое причиняет вам боль. Если вы будете вести себя спокойно и не сопротивляться выполнению поставленного перед нами задания, то мы будем сжимать вас как можно легче.

Но Бигмен вновь брыкнулся и затем пронзительно закричал:

— Моя рука!

Роботы разом стали на колени и мягко положили Бигмена на спину.

— Вам больно, господин?

— Вы, глупые болваны, сломали мне руку. Не касайтесь ее! Привезите какого-либо человека, который знает, как позаботиться о сломанной руке, или робота, который это умеет, — закончил он со стоном, и его лицо скривилось от боли.

Роботы медленно, глядя на него, отступили. Они не испытывали никаких чувств, да и не могли их иметь. Но внутри их находились извилины позитронного мозга, ориентация которых контролировалась потенциалами и контр-потенциалами,

основанными на Трех Законах робототехники. Выполняя установку одного из Законов, Второго — обязательность повиновения приказу, они в данном случае причинили человеческому существу боль и тем самым нарушили высший Закон, Первый, гласящий, что они никогда не могут причинить вред человеческому существу. В результате этого в их позитронном мозгу должен был возникнуть хаос.

Бигмен выкрикнул резко и повелительно:

— Помогите... проклятые... помогите!..

Это был приказ, основанный на власти Первого Закона. Человеческому существу был причинен вред. Роботы повернулись, стали удаляться, а правая рука Бигмена потянулась к голенищу его сапога и проникла внутрь. Он быстро поднялся с игольчатым пистолетом, согретым теплом его руки.

Услышав шум, один из роботов возвратился, его голос звучал неясно и хрипло, как признак ослабленного действия сбитого с толку позитронного мозга.

— Как, разве господин не пострадал? — Второй робот тоже вернулся.

— Отведите меня к вашим сирианским наставникам, — строго бросил Бигмен.

Это был другой приказ, но он больше не подкреплялся Первым Законом. Человеческому существу, в конце концов, не был причинен вред. Это открытие не вызвало ни потрясения, ни удивления. Стоящий ближе робот просто произнес чуть более ясным голосом:

— Поскольку ваша рука в действительности не пострадала, это обязывает нас выполнить наш первый приказ. Просим пройти с нами.

Бигмен не терял времени. Его игольчатый пистолет беззвучно сверкнул — и голова робота превратилась в брызги плавящегося металла. Это его доконало.

— Это не сможет разрушить наше функционирование, — сказал второй робот и двинулся к нему.

Самозащита была для робота лишь Третьим Законом. Робот не мог отказаться от выполнения приказа (Второй Закон), опираясь лишь на Третий Закон. Поэтому он был готов двинуться на нацеленный на него игольчатый пистолет. Со всех сторон приближались уже другие роботы, без сомнения, вызванные по радио в тот момент, когда Бигмен притворился, что у него сломана рука.

Все они двигались навстречу игольчатому пистолету, но их было довольно много, и какие-то вполне могли ускользнуть от его выстрелов. Те, которым удастся спастись, затем схватят его и

отправят в тюрьму. Он терял надежду на столь необходимую ему быструю смерть, и перед Лакки снова вставала невыносимая альтернатива.

Оставался единственный выход. Бигмен приставил игольчатый пистолет к своему виску.

11. Бигмен против всех

Бигмен пронзительно выкрикнул:

— Ни шагу вперед! Чуть кто двинется, я стреляю в себя. Значит, вы меня убьете.

Он сам нервничал из-за возможного выстрела. Если ничего не получится, то придется выстрелить.

Но роботы остановились. Не двигался ни один. Глаза Бигмена медленно перебежали справа налево. Один робот лежал на земле, обезглавленный, бесполезная груда металла. Один стоял, чуть вытянув руки по направлению к нему. Еще один застыл с приподнятой в шаге ногой на расстоянии ста футов от него.

Бигмен медленно повернулся, из здания вышел робот. Он остановился на пороге. Еще несколько роботов находились поодаль. Будто леденящий ветер коснулся их всех, мгновенно парализовав.

Вступил в силу Первый Закон. Все остальное: приказы, их собственное существование — все отошло на второй план. Они не могли двигаться, если движение наносило вред человеческому существу.

И тогда, передохнув, Бигмен начал отдавать приказы:

— Все роботы, кроме одного, — он указал на того, что стоял около него, ближайшего, который был компаньоном разрушенного, — уходите. Немедленно приступайте к выполнению вашего первоначального задания и забудьте обо мне и о том, что здесь сейчас произошло. Отказ повиноваться будет означать мою немедленную смерть.

Итак, все, кроме одного робота, должны оставить его.

Он обошелся с ними грубо и теперь с напряженным лицом ожидал, не пойдет ли позитронный процесс столь интенсивно, что сможет причинить вред иридиевой трубке, образующей тончайшую мозговую структуру робота.

У него, как и у землянина, существовало недоверие к роботам, и все же он в какой-то мере надеялся, что все будет как нужно.

Все роботы, кроме одного, теперь ушли. Дуло игольчатого пистолета все еще было приставлено к виску Бигмена.

— Отведи меня назад к твоему наставнику, — велел он роботу и с трудом сдержался, чтобы не выругаться, да вряд ли этот робот понял бы оскорбительный намек. — Сейчас же, — приказал он, — и быстро. Нельзя допустить, чтобы какой-либо наставник или робот стали помехой на нашем пути... У меня игольчатый пистолет, и я выстрелю в любого приблизившегося к

нам наставника или убью самого себя.

Робот хрипло проговорил (первый признак плохого функционирования позитронов, как однажды Лакки объяснил Бигмену, — изменение в тембре голоса):

— Я выполняю приказ. Господин может быть уверен, что я ничего не сделаю, что может повредить ему или другому господину.

Он повернулся и направился к диагравитационному экипажу. Бигмен шел за ним. Он был готов к возможному обману с его стороны, но ничего не произошло. Робот был машиной, следовавшей нерушимым правилам действия. Он должен был это помнить. Только человеческие существа могут лгать и жульничать.

Когда они остановились у офиса Девура, Бигмен твердо сказал:

— Я подожду в машине. Я не хочу из нее выходить. Войди и скажи наставнику Девуру, что господин Бигмен на свободе ожидает его.

Бигмен пытался снова преодолеть искушение выругаться, но на этот раз не выдержал — уж слишком близко был Девур.

— Скажи ему, что он может захватить меня с помощью игольчатого пистолета или кулаков, мне безразлично. Скажи, что если он слишком гнушается сделать либо то, либо другое, то я приду и заберу его отсюда на Марс.

Стен Девур смотрел недоверчиво на робота, его темное лицо приняло угрожающий вид, а злые глаза сверкали из-под нависших бровей.

— Ты говоришь: он на свободе? И вооружен?

Девур посмотрел на двух наставников, которые, в свою очередь, с неопишным изумлением глядели на него. (Лакки в ужасе прошептал: «Неукротимый Бигмен разрушит все, а также распрощается со своей собственной жизнью».)

Наставник Зейон тяжело поднялся.

— Ну, Девур, вы не исключаете, что робот лжет, а? — Он подошел к телефону на стене и набрал аварийную комбинацию цифр. — Если у нас на базе находится землянин, вооруженный и решительный, то нам лучше начать действовать.

— Но как получилось, что он вооружен? — Девур все еще не преодолел замешательства, но теперь он двинулся к двери.

Лакки последовал за ним, и сирианец сразу же пришел в себя:

— Старр, вернись.

Он повернулся к роботу:

— Оставайся с этим землянином. Он не должен покидать это

здание ни при каких обстоятельствах.

Теперь, по-видимому, он принял решение. Он выбежал из комнаты и, как обычно, захватил тяжелый бластер. Зейон и Йонг колебались, быстро взглянули на Лакки, затем на робота и, приняв решение, также последовали за Девуром.

Обширное пространство перед офисом Девура утопало в искусственном свете, напоминавшем слабую голубоватую окраску атмосферы Сириуса. Бигмен стоял один в центре, а на расстоянии ста ярдов от него находились пять роботов. С другой стороны приближались еще роботы.

— Подойдите и возьмите его, — прорычал Девур, указывая ближайшим роботам на Бигмена.

— Они не подойдут ближе, — прокричал в ответ Бигмен. — Если они сделают хотя бы шаг в мою сторону, я зажгу твое сердце в груди, и они знают, что я это сделаю. По крайней мере, они не станут рисковать. — Он стоял спокойно и усмехался.

Девур вспыхнул и поднял свой бластер.

— Смотри, не причини сам себе вреда этим бластером. Ты держишь его слишком близко к телу, — продолжал дерзить Бигмен.

Его правый локоть был опущен на ладонь левой руки. Его правый кулак мягко сжимался, пока он говорил, и из дула игольчатого пистолета, торчащего между вторым и третьим пальцами, вырвалась струя дейтерия, управляемая мгновенно установленным магнитным полем. Требовалось мастерство высшего порядка, чтобы точно регулировать сжатие и позицию большого пальца, но Бигмен всем этим владел. Ни один человек в Солнечной системе не обладал большим искусством. На кончике дула бластера Девура появилась крошечная белая искорка, и Девур завопил от удивления и опустил его.

— Я не знаю, кто эти двое, но если кто-либо из нас сделает движение, чтобы достать бластер, то вам уж не удастся закончить это движение, — предупредил Бигмен.

Все замерли. Йонг наконец опомнился и спросил:

— Как тебе удалось вооружиться?

— Робот, — усмехнулся Бигмен, — оказался таким же несообразительным, как и парень, который управляет им. Роботы, обыскивавшие меня на корабле и потом здесь, были проинструктированы кем-то, кто не знал, что марсианин использует свои сапоги не только для того, чтобы надевать их на ноги.

— И как тебе удалось избавиться от роботов?

— Я вынужден был разрушить одного из них, холодно ответил Бигмен.

— Ты разрушил робота? — Нечто вроде электрошока охватило трех сирианцев.

Бигмен почувствовал нарастание напряженности. Его не беспокоили роботы, стоящие вокруг, но в любой момент мог появиться еще один сирианец и выстрелить ему в спину с безопасной дистанции.

Место между лопатками заныло в ожидании выстрела. Конечно, была бы вспышка. Он ее совсем бы не почувствовал. И после этого они потеряли бы возможность оказывать давление на Лакки и, мертвый или нет, Бигмен вышел бы победителем.

Разумеется, он хотел сначала решить судьбу Девура, этого изнеженного сирианского ублюдка, который сидел напротив него за столом и говорил вещи, которые ни один человек во Вселенной не мог сказать ему, Бигмену, и остаться в живых.

— Я мог расстрелять вас всех. Приступим ли мы к переговорам? — хладнокровно произнес маленький марсианин.

— Ты не можешь нас расстрелять, — спокойно возразил наставник Йонг. — Расстрел означал бы, что землянин начал военные действия на планете сирианцев. Это может означать войну.

— Кроме того, — прорычал Девур, — если ты атакуешь, это освободит роботов. Они станут скорее защищать трех человек, чем одного. Брось на землю свой игольчатый пистолет и вернись под их стражу.

— Хорошо, отошлите роботов, и я капитулирую.

— Роботы вновь тебя захватят, — сказал Девур и, повернувшись к другим сирианцам, добавил: — У меня по коже мурашки бегут, когда я вынужден разговаривать с этим бесформенным гуманоидом.

Пистолет Бигмена сразу же вспыхнул, маленький огненный шарик взорвался в фуге от глаз Девура.

— Скажи снова что-нибудь подобное — и я навсегда ослеплю тебя. Если роботы сделают движение, все вы трое получите то же, прежде чем они подойдут к нам. Это может означать войну, но вы трое не увидите этого, если это случится. Прикажите роботам уйти, и я сдамся Девуру, если он сам сможет взять меня. Я брошу свой игольчатый пистолет одному из вас двоих и сдамся.

Зейон сказал жестко:

— Это звучит разумно, Девур.

Девур все еще потирал свои глаза.

— Возьмите тогда его пистолет. Подойдите и схватите его.

— Подожди, — сказал Бигмен, — пока не двигайся. Я хочу получить от вас слово чести, что меня не расстреляют или не отдадут роботам. Девур сам должен взять меня.

— Мое слово чести тебе? — взорвался Девур.

— Мне. Но не твое. Слово чести одного из тех двух. Они облачены в форму Космической Службы, и я поверю их слову. Если я отдам им игольчатый пистолет, будут ли они стоять безучастно и позволят ли тебе, Девур, подойти и взять меня голыми руками?

— Я даю тебе слово чести, — твердо сказал Зейон.

— И я тоже, — добавил Йонг.

— Что это такое? У меня нет никакого желания прикасаться даже к этому созданию, — заявил Девур.

— Боишься? — мягко спросил Бигмен. — Я слишком велик для тебя, Девур? Ты всячески обзывал меня. Так не хочешь ли ты использовать свои мускулы вместо своего трусливого рта? Вот игольчатый пистолет, наставники, — и он швырнул пистолет Зейону, тот протянул руку и ловко поймал его.

Бигмен ждал. Теперь смерть?

Но Зейон положил игольчатый пистолет в карман.

Девур закричал:

— Роботы!

И Зейон закричал с той же силой:

— Роботы! Оставьте нас!

— Мы дали ему слово, — обратился Зейон к Девуру. — Ты должен будешь сам взять его под стражу.

— Или мне подойти к тебе? — выкрикнул Бигмен с вызывающей насмешкой.

Девур прорычал что-то неразборчивое и быстро двинулся к Бигмену. Маленький марсианин ждал, слегка пригнувшись, затем сделал небольшой шаг в сторону, чтобы уклониться от руки, протянутой к нему, и быстро распрямился, подобно плотно сжатой пружине.

Его кулак нанес по лицу наставника тупой удар, подобно молоту, ударившему по качану капусты, и Девур отступил назад, пошатнулся и сел на землю. Оглушенный, он с изумлением смотрел на Бигмена.

Его правая щека стала красной, струйка крови медленно текла из уголка рта. Он прикоснулся к ней пальцем, отвел руку и удивленно уставился на кровь.

— Землянин на самом деле выше, чем кажется, — заметил Йонг.

— Я не землянин, я марсианин... — поправил Бигмен. — Вставай, Девур. Или ты слишком слаб? Ты ничего не можешь сделать без помощи роботов? Они вытирают тебе рот, когда ты ешь?

Девур хрипло завопил и вскочил на ноги, но не бросился на

Бигмена, а закурил вокруг него, тяжело дыша.

Бигмен тоже кружился, внимательно наблюдая за тяжело дышащим человеком, изнеженным хорошей жизнью и заботой роботов, он видел его нетренированные руки и неуклюжие ноги. Сирианец, в этом Бигмен был уверен, никогда прежде не дрался на кулаках.

Бигмен снова шагнул, внезапно схватил сирианца уверенным движением за руку и заломил ее. Девур издал дикий вопль, рванулся и упал ничком.

— В чем дело? Я — не человек, я всего лишь вещь. Что тебя беспокоит? — отступил Бигмен.

Девур смотрел со смертельной тоской в глазах на двух наставников. Он поднялся на колени и застонал, коснувшись рукой той стороны тела, на которую упал.

Двое сирианцев не сделали ни одного движения, чтобы помочь ему. Они флегматично наблюдали за тем, как Бигмен снова и снова швырял Девура на землю.

Наконец Зейон шагнул вперед:

— Марсианин, ты здорово изувечишь его, если будешь продолжать в том же духе. Наше согласие тебе было дано на то, чтобы позволить Девуру взять тебя голыми руками. И фактически, по-моему, ты получил то, чего хотел, когда давал свое согласие. Вот и все. Сдайся теперь спокойно мне, или я воспользуюсь игольчатым пистолетом.

Но Девур, шумно дыша, выпалил:

— Отойди, отойди, Зейон. Теперь уже слишком поздно. Назад я говорю. — Взвизгнув, он воскликнул: — Роботы! Ко мне!

— Он сдастся мне, — возразил Зейон.

— Не сдастся, — сказал Девур, его разбитое лицо кривилось от физической боли и огромной ярости. — Не сдастся. Слишком поздно для этого... Ты, робот, самый ближайший к нему — я не интересуюсь твоим серийным номером, — ты! Взять его, взять эту вещь! — Его голос возвысился до визга, когда он указывал на Бигмена. — Разружьте его! Разломайте его! Разломайте его на составные части!

— Девур! Ты сошел с ума! Робот не может сделать то, чего ты требуешь, — крикнул Йонг.

Робот продолжал стоять. Он не двигался.

И тогда Девур сказал:

— Ты не можешь причинить вред человеческому существу, робот. Я не просил тебя об этом. Но это — не человеческое существо.

Робот повернулся, чтобы посмотреть на Бигмена.

— Он не хочет верить этому. Ты можешь считать меня не

человеком, но робот знает лучше, — закричал в ответ Бигмен.

— Робот, посмотри на него, — настаивал Девур. — Он говорит, и у него человеческая фигура, но ты действуешь так же, а ты не являешься человеком. Я могу доказать тебе, что это не человек. Когда-либо ты видел, чтобы человек в полный рост был таким маленьким? Это доказывает, что он не человек. Это животное, и оно причинило мне вред. Ты должен разрушить его.

— Спасайся под крылышком у маменьки-робота, — крикнул Бигмен с насмешкой.

Но робот сделал первый шаг к нему.

Йонг шагнул и стал между роботом и Бигменом.

— Я не могу позволить этого, Девур. Робот не должен делать этого, потому что нет никакого другого повода, кроме как напряжение потенциала, побуждающего его к разрушению.

Но Девур хрипло прошептал:

— Я — твой начальник. Если ты сделаешь что-либо, чтоб остановить меня, завтра я тебя вышвырну со Службы.

Привычка повиноваться была сильной. Йонг отступил, но на его лице появилось выражение глубокого страдания и ужаса.

Робот двинулся быстрее, и теперь Бигмен сделал осторожный шаг назад.

— Я человеческое существо, — сказал он.

— Это не человек! — дико закричал Девур. — Это не человек. Разломай на куски эту вещь. Медленно...

Озноб пробежал по Бигмену, и во рту у него пересохло. На это он не рассчитывал. Быстрая смерть, да, но такое...

Отступать было некуда, и без игольчатого пистолета ему не убежать. Позади находились другие роботы, и все слышали слова о том, что он не человек.

12. Капитуляция

На раздувшемся и разбитом лице Девура появилась улыбка. Она причинила ему боль, поскольку одна губа была разбита, и он рассеянно приложил носовой платок к ней, но глаза его смотрели на робота,двигающегося прямо к Бигмену, и тот, казалось, ничего еще не понимал.

У маленького марсианина было всего лишь шесть футов для отступления, и Девур не сделал никакого усилия, чтобы поторопить приближающегося робота или двинуть тех, что находились в тылу у Бигмена.

— Девур, ради спасения Сириуса, в этом нет необходимости, — предостерег Йонг.

— Без замечаний, Йонг, — настойчиво произнес Девур. — Этот гуманоид разрушил робота и, возможно, причинил вред другим. Нам потребуется проверка каждого робота, оказавшегося под его грубым воздействием. Он заслуживает смерти.

Зейон поднял было руку, чтобы остановить Йонга, но раздумал и опустил ее.

— Смерть? Хорошо, — согласился Йонг, — но тогда отправь его на Сириус, подвергни суду и казни с соответствующим приговором. Или устрой суд здесь, на базе, и в соответствии с ним накажи его. Но это не будет расправой. Просто из-за того, что он ударил...

Девур, разозлившись, внезапно закричал:

— Хватит! Ты слишком часто вмешиваешься. Ты арестован. Зейон, возьми его бластер и передай мне.

И он быстро отвернулся, не желая даже на минуту оставлять без своего присмотра Бигмена:

— Выполний, Зейон, или я с помощью всех дьяволов космоса уничтожу и тебя.

Нахмурив брови и ничего не говоря, Зейон протянул руку к Йонгу. Йонг колебался, его пальцы крепко сжимали приклад бластера, в гневе наполовину вынутого из кобуры.

Зейон настойчиво прошептал:

— Не надо, Йонг. Не давай ему повода. Он будет арестован, когда его сумасшествие отойдет. Так будет.

Девур приказал:

— Подай мне бластер!

Дрожащей рукой Йонг рванул его из кобуры и бросил с силой Зейону. Последний отшвырнул его под ноги Девуру, и Девур поднял его.

Бигмен, который сохранял молчание все это время, занятый

мучительными поисками выхода из создавшегося положения, теперь, когда железная рука робота сжала его запястье, прокричал:

— Не тронь меня!

На миг робот заколебался, и тут же его хватка ослабла. Другая его рука потянулась к локтю Бигмена. Девур засмеялся резким, пронзительным смехом.

Йонг повернулся на каблуках и сказал сдавленным голосом:

— По крайней мере, я не обязан наблюдать это трусливое преступление. — И поэтому он не увидел того, что последовало за этим...

Лакки с трудом заставлял себя сохранять спокойствие, когда три сирианца вышли из комнаты. С чисто физической точки зрения, он не мог сломать робота голыми руками. Конечно, где-то в здании могло быть оружие, которое он мог использовать для уничтожения робота, затем выйти и даже разделаться с тремя сирианцами.

Но все равно не было возможности ни покинуть Титан, ни добиться победы над всей базой.

Хуже всего, если бы его убили — и в конце концов это могло случиться, — тогда поставленные перед ним задачи не были бы выполнены, а он не мог этим рисковать.

— Что произошло с господином Бигменом? Быстро расскажи главное, — приказал он роботу.

Робот выполнил приказ, и Лакки слушал его с напряжением и болезненным вниманием. Временами он слышал невнятное бормотание робота, его шепелявое произношение отдельных слов, неясность речи, что возникло в результате двойного травмирующего воздействия на роботов со стороны Бигмена: сначала, когда он притворился раненым, а затем, когда угрожал нанести вред человеку.

Лакки вздыхал про себя. Робот разрушен. Сила сирианского закона должна со всей полнотой распространяться и на Бигмена. Лакки достаточно хорошо был знаком с сирианской культурой и с их отношением к своим роботам, чтобы знать: оправдательных мотивов для уничтожения робота не существует.

Как теперь спасти импульсивного Бигмена?

Лакки вспомнил свою нерешительную попытку оставить Бигмена на Мимасе. Он не предусмотрел всего, но его испугало поведение Бигмена в том щекотливом положении, в каком они теперь оказались. Он мог настоять на том, чтобы остался там Бигмен, но что пользы в том? Даже когда он всего лишь думал об этом, он понимал, что нуждается в компании Бигмена.

И он обязан спасти его. Любым способом обязан спасти его.

Он быстро пошел к двери здания, робот вяло преградил ему дорогу.

— Согласно моим инструкциям, господин не может покинуть здание ни при каких обстоятельствах.

— Я не уйду из здания, — сказал Лакки резко. — Я только подошел к двери. У тебя нет инструкций препятствовать этому.

На миг робот замолчал, затем, запинаясь, проговорил:

— Согласно моим инструкциям, господин не должен покидать здание ни при каких обстоятельствах.

В отчаянии Лакки попытался его отстранить, но робот его схватил, сжал в своих объятиях и затем мягко оттолкнул обратно.

Лакки в нетерпении закусил губу. Невредимый робот, подумал он, может интерпретировать свои инструкции расширительно. Этот робот, однако, поврежден. Это сводило его способность понимания лишь к восприятию голой сути.

Но он должен увидеть Бигмена. Он подбежал к конференц-столу. В его центре находилось трехмерное, воспроизводящее изображение устройство. Девур пользовался им, когда два наставника вызвали его.

— Ты, робот! — позвал Лакки.

Робот прогремел к столу.

— Как работает изображающий репродуктор? — спросил Лакки.

Робот медлил. Его речь становилась все более хриплой.

— Рычаги управления спрятаны.

— Где спрятаны?

Робот показал ему, неуклюже сдвинув в сторону панель.

— Отлично, — воскликнул Лакки. — Могу я настроиться на пространство перед зданием? Покажи мне. Сделай это.

Он отошел в сторону. Робот работал, неумело нащупывая кнопки.

— Сделано, господин.

— Тогда позволь посмотреть. — Изображение внешнего пространства возникло на экране стола в уменьшенном виде, фигуры людей были еще меньше. Робот отошел и стал тупо смотреть куда-то вдаль.

Лакки не позвал его назад. Звука не было, но пока он нащупывал кнопку регулятора звука, его внимание приковала драма, которая разыгралась перед ним. Девур дрался с Бигменом. Бигмен — боец!

Как этот маленький чертенок заставил двух сирийцев стоять в стороне и не мешать тому, что происходило? Иначе, конечно, Бигмен был бы разорван в клочья своими противниками. Однако Лакки от увиденного не стало веселее. Это могло закончиться

только смертью Бигмена, и Лакки знал, что Бигмен понимал это и не волновался. Марсианин шел на верную смерть, используя любую возможность, чтобы отомстить за обиду... Ах, один из наставников остановил бой.

В это время Лакки нашел звуковой регулятор. Слова вырвались из репродуктора: неистовый призыв Девура к роботам и его приказ, чтобы они разрушили Бигмена.

В первые секунды Лакки не был уверен, что расслышал все правильно, но затем он в отчаянии ударил кулаками по столу и упал в настоящую панику.

Он должен выбраться отсюда, но как?

Он был наедине с роботом, получившим только одну инструкцию: любой ценой парализовать Лакки.

Неужели нет ничего более важного, чем этот приказ? У него не было даже оружия, с помощью которого он мог бы пригрозить покончить жизнь самоубийством или уничтожить робота.

Его взгляд упал на телефон на стене. В последний момент он видел возле него Зейона, к нему, видимо, обращались при крайней необходимости, как в случае с вестями о Бигмене.

— Робот! Быстро, — потребовал Лакки. — Что здесь следует сделать?

Робот приблизился, посмотрел на светящуюся легким красным светом комбинацию кнопок и произнес с мучительной медлительностью:

— Наставник приказал всем роботам приготовить боевой пост.

— Как мог бы я приказать всем роботам на самом деле отправиться на боевые посты? Отменив немедленно все предшествующие приказы?

Робот уставился на него, и Лакки почти в бешенстве схватил руку робота и дернул ее:

— Скажи мне. Скажи мне.

Мог ли механизм понять его? Или его разрушенный мозг все еще находится под властью последних остатков инструкции, которая предостерегает его от сообщения такой информации?

— Скажи мне! Или сделай это сам, сделай это!

Робот, ничего не говоря, вяло протянул палец к прибору и медленно нажал на две кнопки. Затем его палец поднялся на дюйм и замер.

— Это все? Ты сделал? — спросил Лакки в отчаянии.

Но робот только повернулся и вялой походкой, приволакивая заметно ногу, подошел к двери и исчез.

Неслышными шагами Лакки устремился за ним вон из здания, чтобы преодолеть ту сотню ярдов, которая отделяла его

от Бигмена и трех сирианцев.

Йонг, отвернувшись в ужасе от предполагаемой ледящей душу сцены уничтожения человеческого существа, не услышал криков агонии, которых ожидал. Вместо этого послышалось испуганное ворчанье Зейона и дикий крик Девура.

Он обернулся. Робот, державший за руку Бигмена, отпустил его. Он тяжело убежал прочь. Остальные роботы в обозримом пространстве также спешили убежать.

И землянин, Лакки Старр, каким-то непонятным образом оказался рядом с Бигменом.

Лакки склонился над Бигменом, а маленький марсианин, зло размахивая своей левой рукой, тряс головой. Йонг услышал, как тот шептал:

— Опоздай ты на одну минутку, Лакки, только на одну минуту позже и...

Девур хрипло и бесполезно зывал к роботам, и тогда громкоговоритель внезапно наполнил воздух громом:

— КОМАНДУЮЩИЙ ДЕВУР, ПОЖАЛУЙСТА, ИНСТРУКЦИИ. НАШИ ПРИБОРЫ НЕ РЕГИСТРИРУЮТ НИКАКИХ ПРИЗНАКОВ ВРАГА. ОБЪЯСНИТЕ ПРИКАЗ ПО БОЕВЫМ ПОСТАМ. КОМАНДУЮЩИЙ ДЕВУР...

— Боевые посты, — ошеломленно пробормотал Девур. — Неудивительно, что роботы... — Его глаза уставились на Лакки. — Ты сделал это?

— Да, сэр.

Девур надул губы и хрипло проговорил:

— Мудрый, изобретательный Советник! На миг ты спас свою обезьяну. — Его бластер целился в грудь Лакки. — Отправляйся в мой офис. Ты тоже, Зейон. Все вы.

Видеоприемник на его столе сумасшедше жужжал. Очевидно, отчаявшись найти Девура в офисе, его обезумевшие подчиненные пустили громкоговоритель на полную мощь.

Девур выключил звук, но оставил слабое изображение.

— Отменяю приказ о боевых постах. Это была ошибка.

Человек на другом конце связи сказал что-то, запинаясь, и Девур резко ответил:

— С изображением все в порядке. Живее! Каждый возвращается к своему прежнему заданию. — И почти против воли его рука в нерешительности повисла между лицом и экраном, как будто он испугался, что кто-то другой каким-то образом сможет наладить изображение и тогда увидит его разбитое лицо и удивится этому.

Ноздри Йонга раздулись, когда он заметил это, и он медленно протер глаза покрытой шрамами рукой.

Девур сел за свой стол.

— Остальным стоять, — приказал он и посмотрел угрюмо по очереди всем в лицо. — Этот марсианин умрет, может быть, не от рук роботов или не в обезоруженном корабле. Я подумаю об этом; и если ты, землянин, полагаешь, что спас его, то будь уверен, что я придумаю что-то еще более забавное. У меня великое воображение.

— Я требую, чтобы его считали военнопленным, — заявил Лакки.

— Но войны нет, — ответил Девур. — Он же шпион. Он заслуживает смерти. Он убийца робота. Он дважды заслуживает смерти. — Его голос внезапно задрожал. — Он поднял руку на меня. Он заслуживает смерти дюжину раз.

— Я выкупаю моего друга, — прошептал Лакки.

— Он не продается.

— Я заплачу высокую цену.

— Каким образом? — свирепо ухмыльнулся Девур. — Выступив свидетелем на конференции, как я тебе предлагал? Теперь уже слишком поздно. И этого недостаточно.

— Этого я никогда не смогу сделать, — сказал Лакки. — Я не буду лгать во вред Земле, но существует правда, и я могу ее рассказать; правда, о которой вы не знаете.

Бигмен резко его прервал:

— Не торгуйся с ним, Лакки.

— Обезьяна права, — поддержал Девур. — Не торгуйся. Ты ничего не сможешь сделать мне такого, чтобы выкупить его. Я не продам его даже за всю Землю.

Неожиданно вошел Йонг.

— Я бы согласился и на меньшее. Послушаем Советника. Их жизни, возможно, стоят той информации, которой они располагают.

— Не провоцируй меня. Ты под арестом, — оборвал его Девур.

Но Йонг поднял стул и швырнул его с треском:

— Я не признаю твоего ареста. Я наставник. Ты не можешь собственноручно наказать меня. Ты не осмелишься, как бы я тебя ни провоцировал. Ты обязан сохранить меня для суда. И на любом суде у меня есть что сказать.

— А именно?

Вся неприязнь стареющего наставника к молодому аристократу выплеснулась наружу:

— Обо всем, что произошло сегодня: как пятифутовый землянин бил тебя до тех пор, пока ты не взвыл и Зейон не вынужден был вступить, чтобы спасти тебе жизнь. Зейон

выступит свидетелем. Все на базе запомнят, что ты не осмелился показать свое лицо в течение нескольких дней после сегодняшнего происшествия. Или у тебя хватит мужества показать разбитое лицо до того, как оно заживет?

— Умолкни!

— Не хочу молчать. Мне не потребуется ничего говорить, если ты прекратишь ставить свою личную ненависть выше блага Сириуса. Слушай то, что собирается сказать Советник. — Он повернулся к Лакки. — Я обещаю тебе честное соглашение.

— Что еще за честное соглашение? — проговорил Бигмен. — Ты и Зейон однажды проснетесь утром и обнаружите себя случайно убитыми, а Девур будет весьма сожалеть и пошлет вам цветы, только после этого уже некому будет рассказать, как он призывал на помощь роботов, чтобы спрятаться за их спиной, когда марсианин вытряхивал из него душу. И все пойдет так, как ему угодно. Итак, из-за чего торгуемся?

— Ничего подобного не произойдет, — твердо сказал Йонг, — потому что я рассказал всю историю одному из роботов в течение того часа, что был здесь. Девур не знает, какому роботу, и не узнает. Если же Зейон или я сам умрем каким-то неестественным образом, история будет передана полностью в общественный субэфир. Я совершенно уверен, что Девур будет старательно заботиться, чтобы с Зейоном и мной ничего не случилось.

— Мне не нравится это, Йонг, — затряс головой Зейон.

— Тебе это понравится, Зейон. Ты засвидетельствуешь его избиение. Не думаешь ли ты, что он сделает себе хуже из-за тебя, не прими ты предохранительных мер? Идем, мне надоело жертвовать честью Службы ради племянника властителя.

— Хорошо, что за информация у тебя, Советник Старр?

— Это больше чем информация, — проговорил глухо Лакки. — Это капитуляция. Есть еще один Советник в пространстве, которое вы называете территорией Сириуса. Согласитесь признать моего друга в качестве военнопленного и сохранить ему жизнь, забыв об инциденте с уничтожением робота, и я выдам этого другого Советника.

13. Накануне полета на Весту

Бигмен, который до самого конца был уверен, что у Лакки есть какая-то уловка, ужаснулся. Он душераздирающе закричал:

— Нет, Лакки! Нет! Такой ценой я не хочу освободиться!

Девур откровенно удивился:

— Где? Ни один корабль не мог проникнуть сквозь нашу оборону. Это ложь.

— Я доставлю вас к этому человеку, — угрюмо сказал Лакки, — если мы достигнем соглашения.

— О силы! — прорычал Йонг. — Ведь это и есть соглашение.

— Подожди, — зло прервал его Девур. — Я признаю, что это может представлять для нас ценность; но предлагает ли Старр откровенно выступить на конференции на Весте и сообщить о том, что другой Советник вторгся на нашу территорию и сам Старр добровольно раскрыл его тайное местопребывание?

— Это так, — ответил Лакки. — Я признаюсь в этом.

— Слово чести Советника? — презрительно усмехнулся Девур.

— Я уже сказал, что дам показания.

— Ну что ж, идет, — сказал Девур, — поскольку наши наставники хотят получить эту информацию, у тебя есть возможность в обмен на нее получить ваши жизни. — Внезапно его глаза яростно вспыхнули. — На Мимасе. Это так, Советник? Мимас?

— Ты прав.

— Клянусь Сириусом! — Девур вскочил в волнении. — Мы едва не проворонили его. Службе, по-видимому, это не пришло в голову.

— Мимас? — задумчиво повторил Зейон.

— Служба пока его не получит, — злобно глядя на него, заявил Девур. — На «Метеоре» было три человека, очевидно, все трое вышли на Мимасе, двое вернулись на борт корабля, один же остался там. Мне кажется, именно в вашем отчете, Йонг, утверждалось, что Старр всегда работает в паре.

— Он всегда так действовал, — возразил Йонг.

— И у вас не хватило сообразительности предугадать возможность присутствия третьего человека? Когда мы отправимся на Мимас? — Казалось, Девур подавил в себе яростное стремление к мести под влиянием этого неожиданного развития событий, возвратившись к той насмешливой иронии, которую демонстрировал, когда двое землян опустились на Титане. — Своим присутствием ты доставишь нам удовольствие,

Советник, не так ли?

— Конечно, мистер Девур, — кивнул Лакки.

Бигмен отошел, опустив голову. Теперь он почувствовал себя плохо, даже хуже, чем в момент приближения робота, когда металлические клешни сжали его руку, готовые ее сломать.

«Метеор» снова летел в космосе, но уже не как независимый корабль. Его взяли в жесткие магнитные объятия, и он шел в соответствии с импульсами от мотора сопровождающего сирианского корабля.

Полет от Титана до Мимаса занял полных два дня, и это было тяжелое для Лакки время, полное горьких, тревожных ожиданий.

С ним не было Бигмена, его у него забрали и поместили на сирианском корабле. (Как подчеркнул Девур, находясь на разных кораблях, они стали заложниками соответствующего поведения каждого из них.)

Вторым на корабле был сирианский наставник Харрит Зейон. С ним было нелегко. Он не пытался обратить Лакки Старра в сирианскую веру, и Лакки не мог удержаться, чтобы не перейти в наступление по этому поводу. Он спросил, был ли Девур, по мнению Зейона, образцом высшей расы человеческих существ, которые населяют планеты Сириуса.

Зейон отвечал неохотно:

— Девур не принес пользы ни на Службе учебной, ни на Службе порядка. Он слишком эмоционален.

— Ваш коллега Йонг, похоже, считает последнее самым серьезным недостатком. Он не делает секрета из своего невысокого мнения о Девуре.

— Йонг является... является представителем экстремистского течения среди наставников. Тот шрам на руке он получил во время каких-то звездных волнений, сопровождавших приход к власти нынешнего руководителя Центрального Управления.

— Дяди Девура?

— Да. Служба была на стороне предыдущего руководителя, и Йонг честно исполнял приказы. В результате при новом режиме он не получил повышения по службе. О, они отослали его сюда и назначили в комитет, который представлял Сириус на Весте, но фактически он оставался в подчинении Девура.

— Племянника руководителя.

— Да. И Йонга это возмутило. Сам Йонг не может понять, что Служба является государственной организацией, и нет никаких вопросов в отношении ее политики или политики лиц или групп, которые ею руководят. В других отношениях он прекрасный наставник.

— Но вы не ответили на вопрос, считаете ли вы Девура

соответствующим требованиям сирианской элиты.

— А что у вас на Земле? У вас разве никогда не было неподходящих правителей? Или даже преступных? — разозлился Зейон.

— Да, были, — признался Лакки, — но на Земле мы — разнообразная масса; мы отличаемся друг от друга. Ни один правитель не может оставаться у власти очень долго, если он не идет на компромиссы. Стоящие за компромисс правители, может быть, не динамичны, но зато они не тираны. На Сириусе вы развивались в сторону единообразия, и правитель может идти на крайности ради этого единообразия. По этой причине автократия и насилие в политике представляют собой исключение на Земле, а у вас же они становятся правилом.

Зейон вздохнул, и прошли долгие часы, прежде чем он снова заговорил с Лакки. Разговор продолжался до тех пор, пока Мимас на видеозэкране не увеличился в размерах, и они должны были сбросить скорость перед приземлением.

— Скажи мне, Советник (я говорю о твоей чести), это своего рода уловка? — в конце спросил Зейон.

У Лакки засосало под ложечкой, но он сказал спокойно:

— Что вы подразумеваете под уловкой?

— Действительно ли на Мимасе находится Советник?

— Да. Чего вы боитесь? Того, что у меня на Мимасе есть какое-то силовое замаскированное приспособление, предназначенное отправить всех нас в небытие?

— Может быть, что-то в этом роде.

— А что я в таком случае выиграю? Уничтожу один из сирианских кораблей и дюжину сирианцев?

— Зато будет восстановлена твоя репутация.

Лакки пожал плечами.

— Я заключил сделку. Там у нас есть Советник. Я пойду и заберу его, он не окажет сопротивления.

— Очень хорошо. Думаю, в конце концов ты не стал бы сирианцем. Лучше тебе оставаться землянином.

Лакки горько улыбнулся. Вот что, значит, было причиной горького юмора Зейона. Его представление о чести вступало в противоречие с поведением Лакки, несмотря на то что таким образом он собирался принести пользу Сириусу.

С Центрального Порта Интернейшенл-Сити, Земля, Главный Советник Гектор Конвей собирался лететь на Весту. Он ничего не слышал о Лакки с тех пор, как «Метеор» скрылся в тени Идальго.

Краткий доклад, представленный капитаном Бернольдом, был достаточно специфическим и отличался, как обычно, твердым здравым смыслом, присущим Лакки. Созыв конференции

был единственным выходом из создавшегося положения. Президент сразу понял это, и, хотя некоторые члены кабинета были настроены воинственно, их позиция не прошла.

Даже Сириус (совсем как и предсказывал Лакки) энергично поддержал эту идею. Очевидно, сирианское правительство надеялось, что конференция не удастся и приведет к войне. Внешние события давали им карты в руки.

Именно этот факт следовало во что бы то ни стало держать в тайне от общественности. Если бы все подробности были переданы через субэфир без тщательной подготовки, возмущенная общественность, несомненно, подталкивала бы правительство Земли к войне против всей Галактики. Созыв конференции только бы ухудшил положение, его могли интерпретировать как трусливое предательство в пользу сирианцев.

Но и полная секретность была просто невозможна, к тому же и пресса была разозлена и возмущена выхолащенными правительственными отчетами. С каждым днем положение ухудшалось. Президенту следовало любым способом продержаться до начала конференции. А если бы конференция провалилась, то существующая ситуация показалась бы медом по сравнению с той, которая надвигалась.

Последовавшее затем всеобщее негодование обрушилось бы на Совет Науки, он был бы совершенно дискредитирован и уничтожен, Земная Федерация лишилась бы своего могущественного оружия как раз тогда, когда она более всего нуждалась в нем.

Уже несколько недель Гектор Конвей не спал без снотворного и впервые за всю свою карьеру всерьез подумывал об отставке.

Он тяжело поднялся и направился к кораблю, подготавливаемому к запуску. Через неделю он будет на Весте для предварительных дискуссий с Доремо. Этот старый красноглазый государственный деятель способствовал балансу сил. В этом не было сомнения. Его могущество держалось на слабости окружающего его маленького мира. Он был, пожалуй, самым честным и бескорыстным нейтралом в Галактике, и даже сирианцы прислушивались к нему.

Если бы Конвей сумел достучаться до него, чтобы начать с...

Он едва заметил приближающегося к нему человека и остановился, чтобы избежать столкновения.

— Эй! Что такое? — воскликнул с досадой Конвей.

Человек притронулся к полям шляпы:

— Жан Дьепп из Транс-субэфира, шеф. Я хотел бы знать, не ответите ли вы на несколько вопросов?

— Нет, нет. Я уже готов подняться на борт корабля.

— Понимаю, сэр. Но у меня есть важная причина, чтобы задержать вас. Другого шанса у меня может и не быть. Вы, конечно, направляетесь на Весту.

— Да, конечно.

— Чтобы обсудить грубые нарушения закона на Сатурне?

— Ну и что?

— Чего вы ожидаете от конференции, шеф? Вы полагаете, что Сириус прислушается к резолюциям и голосованию?

— Да, думаю, это будет так.

— Вы думаете, что голоса будут против него?

— Уверен в этом. Теперь я могу пройти?

— Простите, сэр, но как раз теперь возникло нечто очень важное, о чем должны знать люди Земли.

— Прошу вас, только не говорите мне, о чем они, по вашему мнению, должны знать. Уверяю вас, что благоденствие людей на Земле близко моему сердцу.

— И именно поэтому Совет Науки разрешит иностранным правительствам голосовать за или против вторжения на территорию Земной Федерации? Этот вопрос отложен до вашего собственного решения?

Конвей не мог не заметить скрытой угрозы во внешне вежливых, но настойчивых вопросах репортера. Вблизи от корабля за спиной репортера он увидел Государственного секретаря, беседующего с группой других представителей печати.

— Чего вы добиваетесь? — устало спросил он.

— Боюсь, шеф, что общественность сомневается в добросовестности Совета. И еще раз в этой связи: Транс-субэфир принял сообщения сирийского радиовещания, которые не доведены до широкой публики. Мы нуждаемся в ваших комментариях по поводу этих сообщений.

— Никаких комментариев. Сообщения сирийского радиовещания годятся только для домашнего употребления, но не содержат ничего, заслуживающего комментариев.

— Этот отчет был довольно обстоятельным. Кстати, где сейчас Советник Дэвид Старр, легендарный Лакки? Где он?

— Что?

— Продолжим, шеф. Я знаю, что агенты Совета не любят гласности, но разве Советник Старр не был послан на Сатурн с секретной миссией?

— Ну, если это так, молодой человек, неужели вы думаете, что я вам скажу об этом?

— Да, если уже на Сириусе говорят об этом. Для них это уже не секрет. Они говорят, что Лакки Старр вторгся в Сирийскую

систему и был схвачен. Это правда?

— Я ничего не знаю о настоящем местонахождении Советника Дэвида Старра, — жестко проговорил Конвей.

— Не означает ли это, что он, возможно, находится сейчас в системе Сатурна?

— Это означает, что я ничего не знаю о его местонахождении.

Репортер наморщил нос:

— Отлично. Если вы думаете, что фраза «Шеф Совета Науки признается в том, что не знает о местонахождении одного из своих лучших агентов» звучит лучше, то это ваше дело. Но в обществе растут настроения, направленные против Совета. Идут разговоры о недееспособности Совета, допустившего, чтобы Сириус получил преимущества на Сатурне, и о его попытках оправдать свои действия ради спасения своей политической репутации.

— Вы разговариваете в оскорбительном тоне. До свидания, сэр.

— Сирианцы определенно утверждают, что Лакки Старр захвачен в системе Сатурна. Никаких комментариев и по этому поводу?

— Нет. Позвольте пройти.

— Сирианцы говорят, что Лакки Старр будет на конференции.

— О? — На момент Конвей не смог подавить своего интереса.

— Похоже, что вас задело, шеф. Вся штука заключается в том, что сирианцы убеждены: Старр будет давать показания в их пользу.

— Поживем — увидим.

— Вы признаете, что он будет на конференции?

— Мне ничего не известно об этом.

Репортер отступил в сторону.

— Превосходно, шеф. А сирианцы между тем говорят, что Старр уже дал им ценную информацию и что сирианцы на основе этого готовы обвинить нас в агрессии. Интересно, что собирается делать Совет? Бороться с нами или против нас?

Чувствуя себя в западне, Конвей измученно пробормотал:

— Никаких комментариев, — и двинулся к кораблю.

Репортер прокричал ему вслед:

— Старр — ваш приемный сын, не так ли, шеф?

На миг Конвей обернулся. Затем, не сказав ни слова, поспешил на корабль.

Ну что ему говорить? Что он мог сказать, кроме того, что впереди его ждет межзвездная конференция, более важная для Земли, чем любое другое совещание в истории? То, что эта

конференция дает огромные преимущества Сириусу. Что весьма велики шансы, что мир, Совет Науки, Земная Федерация — все будет уничтожено.

И что только тонкий щит, создаваемый усилиями Лакки, может спасти их. Больше, чем что-либо еще — больше даже, чем проигранная война — Конвея угнетала мысль о том, что, если сирианская сводка новостей верна и если конференция, несмотря на нестандартные действия Лакки, все же провалится, Лакки останется в истории как архипредатель Земли! И лишь очень немногие знают истину.

14. На Весте

Государственный секретарь Ламонт Финни был профессиональным политиком, прослужив около пятнадцати лет в законодательных органах, и его отношения с Советом Науки никогда не были очень дружественными. Теперь он постарел, здоровье его не улучшилось, и он стал брюзгой. Официально он возглавлял делегацию Земли на Весту. В действительности, однако, и Конвей очень хорошо это понимал, будучи главой Совета Науки, именно он, Главный Советник, должен быть готовым взять на себя всю ответственность за провал конференции, если она провалится.

Финни сделал это понятным, прежде чем корабль, один из самых лучших космических лайнеров Земли, взмыл вверх.

— Пресса почти не контролируется. Ваше положение, Конвей, неважное, — сказал он.

— И всей Земли также.

— Ваше, Конвей.

Конвей мрачно проговорил:

— Ну что ж, у меня нет никаких сомнений относительно того, что, если дела пойдут плохо, Совет не сможет ожидать поддержки от правительства.

— Да, боюсь, никакой поддержки не будет. — Тщательно заботясь об уменьшении неприятностей при взлете, Государственный секретарь пристегнулся ремнями и убедился, что бутылочка с пилюлями против космической болезни у него под рукой. — Правительственная поддержка, оказанная вам, означала бы лишь отставку правительства, и возникло бы множество неприятностей в связи с военным положением. Мы не можем допустить политическую нестабильность.

Конвей подумал, что Финни совсем не верит в благоприятный результат конференции, он ожидает войны, и вслух сказал:

— Послушайте, Финни, если произойдет самое худшее, мне понадобятся голоса, чтобы спасти репутацию Советника Старра от...

Финни мгновенно поднял свою седую голову с гидравлической подушки кресла и посмотрел на него потухшими глазами.

— Невозможно. Ваш Советник отправился на Сатурн самовольно, не спрашивая разрешения, не получив никакого приказа. Он добровольно шел на риск. Если дело обернется плохо, то это его вина. Что еще мы можем сделать?

— Я знаю, он...

— Я не знаю, — настаивал политик. — Я ничего не знаю официально. Вы достаточно долго участвовали в общественной жизни, чтобы знать, что при определенных условиях народ нуждается в козле отпущения и настоятельно его требует. Советник Старр станет козлом отпущения.

Он снова откинулся на подушку и закрыл глаза. Конвей откинулся рядом с ним. Где-то в другом конце корабля другие люди находились на своих постах, и слышался нарастающий гул двигателей, их рев достиг пика, когда корабль оторвался от стартовой площадки и исчез в небе.

«Метеор» парил над Вестой на высоте тысячи миль, схваченный ее слабым притяжением, медленно кружил вокруг нее, блокировав двигатели. К нему пришвартовалась маленькая спасательная шлюпка, отошедшая от сирийского корабля. Наставник Зейон покинул «Метеор», чтобы присоединиться к сирийской делегации на Весте, и его место занял робот. В спасательной шлюпке находились наставник Йонг и Бигмен.

Лакки удивился, когда на видеоэкране показалось лицо Йонга.

— Что вы делаете в космосе? Бигмен с вами?

— Да. Я его страж. Думаю, вы ожидали увидеть робота.

— Да, конечно. Или после событий последнего времени они не доверяют роботов Бигмену?

— Нет, это только маленькая уловка Девура для того, чтобы я не присутствовал на конференции. Это пощечина Службе.

— Наставник Зейон будет там, — заметил Лакки.

— Зейон, — фыркнул Йонг. — Он подходящий человек, но он их сторонник. Он не может осознать, что Служба — это больше, чем слепое повиновение приказам сверху; у нас моральный долг перед Сириусом, и задача Службы — следить, чтобы планета управлялась в соответствии с нерушимыми принципами чести, которыми руководствуется и сама Служба.

— Как Бигмен? — поинтересовался Лакки.

— Вполне прилично. Он выглядит несчастным. Странно, что такая странно выглядящая личность имеет более твердое чувство долга и чести, чем личность, подобная вашей.

Лакки стиснул зубы. Оставалось немного времени, и всякий раз, когда Йонг принимался рассуждать о потере чести Лакки, он волновался. Ведь отсюда был лишь шаг до вопроса, не имеет ли Лакки каких-либо шансов восстановить свою честь, а тогда они могли заинтересоваться истинными намерениями Лакки, после чего...

Йонг пожал плечами.

— Ну, ладно, я обязан сделать так, чтобы все было хорошо. Я отвечаю за ваше благополучие. И своевременно мы опустим вас перед конференцией.

— Пойдите, наставник. Вы оказали мне услугу, вернувшись на Титан...

— Я ничего не сделал для вас лично. Я исполнял долг.

— Тем не менее вы спасли жизнь Бигмену и мне. Может так случиться, что по окончании конференции ваша жизнь, не исключено, окажется в опасности.

— Моя жизнь?

Лакки сказал озабоченно:

— Один раз я уже получил доказательство того, что Девур способен по той или иной причине решить отделаться от вас из-за риска, что сирианцы узнают о его драке с Бигменом.

Йонг горько улыбнулся:

— Его ни разу не было видно за все путешествие, он находился все время в своей кабине из-за лица. Так что я в достаточной безопасности.

— И все же, если вы посчитаете себя в опасности, сразу обратитесь к Гектору Конвею, шефу Совета Науки. Клянусь, он примет вас как политического изгнанника.

— Думаю, вы говорите из добрых побуждений, но мне кажется, что после конференции именно Конвей будет нуждаться в политическом убежище. — И Йонг отключил связь.

А Лакки посмотрел вниз на мерцающую Весту и грустно подумал о том, что в конце концов шансов в пользу предположений Йонга значительно больше.

Веста — один из крупнейших астероидов. По размеру она была меньше Цереры, которая имела в диаметре более пятисот миль и считалась великаном среди астероидов, но благодаря своей двухсотпятнадцатимильной окружности Веста попадала во второй класс астероидов вместе с Палладой и Юноной.

С Земли Веста казалась самым ярким астероидом из-за того, что ее оболочка состояла в основном из карбоната кальция, в то время как другие астероиды были покрыты более темными силикатами и металлическими окислами.

Ученые много размышляли об этом странном отклонении ее химического состава (о чем они не подозревали до недавней высадки на нее; до этого древние астрономы полагали, что Веста лежит под слоем льда или замерзшего карбона диоксида), но не пришли ни к какому выводу. Принимая во внимание эту особенность, ее называли «мраморным миром».

«Мраморный мир» служил базой для космических кораблей, начиная с первых дней битвы с космическими пиратами пояса

астероидов. Естественные пещеры под ее поверхностью были расширены и герметизированы, и там хватало места для размещения кораблей и для хранения двухлетнего запаса провизии для их команд.

Теперь база более или менее устарела, но с небольшой реконструкцией пещер она могла представлять (и представляла) наиболее подходящее место для встречи делегатов со всех концов Галактики.

Внизу находились склады с продовольствием и водой, там же были и предметы роскоши, в которых пилоты не отказывали себе. Пройдя через мраморную поверхность и оказавшись внутри астероида, вы не могли отличить местную обстановку от интерьера превосходного земного отеля.

Делегация Земли, как хозяева (Веста считалась территорией Земли; даже сирианцы не могли оспорить это), занималась размещением гостей. Во всех номерах имелись приспособления, позволявшие регулировать в них давление и создавать атмосферные условия, к каким делегаты привыкли. Делегаты с Уоррена, к примеру, имели номера с кондиционированным воздухом, умеренно охлажденным в соответствии с прохладным климатом на их родной планете.

Больших осложнений не произошло и с делегацией от Элама. Этот маленький мир вращался вокруг красной карликовой звезды. Окружающие условия были таковы, что никому и в голову не могла прийти мысль о возможности процветания там человеческих существ. Неутомимая человеческая изобретательность сумела преодолеть его существенные недостатки.

Нехватка света мешала земным растениям развиваться там как следует, тогда использовали искусственное освещение и вырастили особые породы растений, так что зерно Элама и его сельскохозяйственные продукты были высшего качества, которое вряд ли можно было превзойти где-либо в другом месте Галактики. Процветание Элама базировалось на его сельскохозяйственном экспорте, и в этом другие миры, более защищенные природой, не могли с ним состязаться.

Видимо, в результате слабого света эламского солнца у эламитов не было биологической защиты — кожной пигментации. Жители его обладали чрезвычайно светлой кожей.

Глава делегации Элама, например, был почти альбинос. Это был Агас Доремо, на протяжении более тридцати лет признанный лидер нейтральных сил в Галактике. По каждому вопросу, который возникал между Землей и Сириусом (последний, конечно, представлял экстремистские силы Галактики,

выступающие против Земли), он стремился сохранить между ними равновесие.

Конвей и на этот раз рассчитывал на то, что Доремо сумеет его сохранить. Он вошел в номера, предназначенные для эламитов, с дружелюбным выражением лица. Стараясь избежать излишнего чувства, он сердечно пожал всем руки. Он сощурился в слабом красноватом свете и взял стакан эламитского напитка.

— Ваши волосы тоже стали совсем белыми, с тех пор как я видел вас, Конвей, такими же белыми, как и у меня, — заметил Доремо.

— Прошло много времени с нашей последней встречи, Доремо.

— Значит, они побелели не из-за событий последних месяцев?

Конвей печально улыбнулся.

— Это оказало бы свое воздействие в том случае, если бы они были темными.

Доремо кивнул, продолжая потягивать напиток.

— Земля сама поставила себя в такое неприятное положение.

— Это так, и все же по всем правилам логики Земля права.

— Да? — уклончиво молвил Доремо.

— Не знаю, много ли вы размышляли, прежде чем поднять этот вопрос...

— Достаточно много.

— Не хотите ли вы обсудить его предварительно...

— А почему бы и не обсудить? Сирианцы уже были у меня.

— Ах! Уже?

— Я останавливался на Титане по пути сюда. — Доремо покачал головой. — Они устроили там отличную базу, насколько я мог заметить; они сразу же снабдили меня темными очками — как ужасен этот голубой свет Сатурна, который, конечно, так вреден для зрения. Вы должны доверять им, Конвей; они делают замечательные вещи.

— И вы решили, что они имеют право колонизировать Сатурн?

— Мой дорогой Конвей, я знаю только одно — я хочу мира, — твердо произнес Доремо. — Война никому не принесет добра. Ситуация, однако, такова: сирианцы овладели системой Сатурна. Как можно вытеснить их оттуда, не прибегая к войне?

— Существует только один путь, — проговорил Конвей. — Если другие внешние миры уяснят, что они должны рассматривать Сириус как агрессора, то Сириус не сможет противостоять всей Галактике.

— Ах, но каким образом можно убедить внешние миры

голосовать против Сириуса? — спросил Доремо. — Многие из них, уж простите меня, пожалуйста, традиционно относятся к Земле с подозрением, к тому же они скажут, что система Сатурна была необитаемой.

— Но это была явная оккупация, после того как Земля первой признала независимость внешних миров, как результат гегелевской доктрины, согласно которой способной к независимости следует считать лишь систему, не меньшую, чем звездная система. Когда мы говорим о неоккупированной планетной системе, то подразумевается, что она является частью неоккупированной звездной системы как целого.

— Я согласен с вами. Я признаю, что это был захват. Однако этот захват никогда не подвергался испытанию. Теперь же это произойдет.

— Вы думаете, — мягко сказал Конвей, — что было бы мудрым не считать это захватом, принять новый закон, согласно которому было бы разрешено любому постороннему лицу проникать в систему и колонизировать там незаселенные планеты?

— Нет, — ответил Доремо решительно, — я так не думаю. Я думаю, в наших общих интересах следует продолжать рассматривать звездные системы как неделимое целое, но...

— Но?

— На этой конференции разгорятся страсти, делегатам будет нелегко логически сблизить свои позиции. Если я осмелюсь посоветовать Земле...

— Давайте. Это неофициально и не войдет в отчет.

— Мне хотелось бы сказать: не рассчитывайте на поддержку на этой конференции. Позвольте Сириусу на этот раз остаться на Сатурне. В конце концов он превысит свою власть, и тогда вы сможете созвать новую конференцию с большей надеждой на успех.

Конвей покачал головой.

— Невозможно. Если мы потерпим здесь провал, у нас разгорятся страсти; они уже разгораются.

Доремо пожал плечами:

— Страсти повсюду. Я в целом настроен весьма пессимистически.

— Но если вы сами уверены в том, что Сириус не должен находиться на Сатурне, неужели вы не постараетесь убедить в этом других? Вы влиятельная личность, обладающая авторитетом в Галактике. Я не прошу вас поступать вопреки своим убеждениям. Это привело бы борозду между войной и миром.

Доремо оставил свой бокал и вытер губы салфеткой.

— Именно так я поступил бы охотнее всего, Конвей, но на этой конференции я не осмелюсь даже сделать и попытки. Сириус имеет основания действовать по-своему, и Эламу опасно становиться у него на пути. Мы — маленький мир... В конце концов, Конвей, если вы созвали эту конференцию, чтобы достичь мирного решения, зачем вы одновременно посылаете свои военные корабли в систему Сатурна?

— Это то, что вам рассказали сирианцы, Доремо?

— Да. Они сообщили мне некоторые факты, которыми они располагают. Мне показали даже захваченный корабль землян, который летел на Весту, ведомый с помощью магнитных щупалец сирианского корабля. Мне сказали, что не кто иной, как Лакки Старр, о котором даже мы на Эламе слышали многое, находится на его борту. Я знаю, что Старра сейчас препроводили на Весту для дачи показаний.

Конвей медленно наклонил голову.

— Теперь, — продолжал Доремо, — если Старр подтвердит военные действия против сирианцев — а он это сделает, другого и не может быть, коль сирианцы разрешают ему дать показания, — тогда это все, что нужно конференции. Все другие аргументы отпадут. Старр, мне это известно, ваш приемный сын.

— До некоторой степени, да, — пробормотал Конвей.

— Вы понимаете, что это еще хуже. И если вы скажете, что он действовал без санкций Земли, как я предполагаю, то вы должны...

— Это действительно так, — подтвердил Конвей, — но я не готов сказать, что мы предъявим ему претензии.

— Если вы отречетесь от него, никто вам не поверит. Делегаты внешних миров поднимут крик о «вероломстве Земли», о ее лицемерии. Сириус приложит к этому все усилия, и я не смогу ничего сделать. Я не смогу даже подать свой голос в защиту Земли... Земле в настоящий момент лучше уступить.

Конвей отрицательно качнул головой:

— Земля не сможет пойти на это.

— Тогда, — сказал Доремо с бесконечной грустью, — это будет означать войну, войну всех нас против Земли, Конвей.

15. Конференция

Конвей опорожнил свой бокал. Затем поднялся, чтобы уйти, на лице его было выражение крайнего отчаяния.

Как запоздалое объяснение прозвучали его слова:

— Но, вы знаете, мы ведь не слышали еще показаний Лакки. Если результаты не будут такими плохими, как вы полагаете, если его показания окажутся даже не наносящими вреда, то не смогли бы вы тогда выступить в защиту мира?

Доремо пожал плечами:

— Вы хватаетесь за соломинку. Да, да, в том маловероятном случае, если конференция не бросится врассыпную в результате выступления взлелеянного вами сына, я сделаю свой взнос. Как я вам уже сказал, я действительно на вашей стороне.

— Благодарю вас, сэр. — Они вновь пожали друг другу руки.

Доремо глядел вслед уходящему Главному Советнику, грустно покачивая головой. За дверью Конвей остановился, чтоб восстановить дыхание. Все оказалось намного хуже, чем он ожидал. Теперь только бы сирианцы выпустили Лакки.

Как и предполагалось, конференция открылась на непреклонной и официальной ноте. Каждый выступающий был мучительно корректен, и, когда появилась делегация Земли, чтоб занять свои места в центре зала и на его правом краю, все делегаты встали, в том числе и сирианцы, сидящие в центре зала и с левой стороны.

Затем поднялся Государственный секретарь, представляющий интересы хозяев, чтобы произнести приветственную речь. Он говорил в общих выражениях о мире и о том, что дверь открыта для продолжения экспансии человечества в Галактике; об общем происхождении и братстве всех людей, о серьезных бедах, которые принесет война. Он изо всех сил постарался не упоминать об особой точке зрения, не упомянул сирианцев и сверх всего не произнес никаких угроз.

Ему благосклонно аплодировали. Затем конференция избрала Агаса Доремо председателем (он был единственным человеком, на избрание которого согласились обе стороны), и после этого она приступила к рассмотрению главного вопроса.

Конференция была закрыта для публики, но для репортеров, представляющих разные миры, были устроены специальные кабины. Они не могли интервьюировать отдельных делегатов, но им было разрешено слушать и посылать не просмотренные цензурой отчеты.

Заседания, как это бывало обычно на таких межзвездных

собраниях, шли на интерлингве, смешанном языке, который использовался во всей Галактике.

После краткой речи Доремо, превозносившего достоинства компромисса и страстно призывавшего делегатов не быть упрямыми и не рисковать миром, идти на взаимные уступки, чтобы сохранить мир, было вновь предоставлено слово Государственному секретарю Земли.

На этот раз секретарь выступил в полемике хорошо и убедительно.

Однако невозможно было ошибиться относительно враждебности позиций разных делегатов. Эта враждебность, как мгла, висела над залом.

Конвей сидел рядом с ораторствующим секретарем, опустив подбородок на грудь. В обычных условиях было бы ошибкой Земли представить свой основной доклад в самом начале конференции. Это означало бы выпустить все лучшие заряды до того, как стала хорошо видна цель. Это дало бы Сириусу возможность обрушиться с сокрушающими возражениями.

Но в данном случае именно этого хотел Конвей.

Он вытащил носовой платок, провел им по лбу и поспешно положил его обратно, надеясь, что никто этого не заметил. Он не хотел, чтобы заметили его волнение.

Сириус придержал свои возражения, и, без сомнения, по договоренности стали подниматься и выступать с краткими речами представители трех внешних миров, которые заведомо находились под сирианским влиянием. Каждый выступающий избегал касаться главной темы, но убежденно настаивал на агрессивных устремлениях Земли и на ее претензиях снова поставить правительство Галактики под свою власть.

Наконец спустя шесть часов после начала конференции вызвали Стена Девура, и он не спеша встал. Со спокойной осторожностью он подошел к трибуне и стоял там, глядя вниз на делегатов, с выражением гордой самоуверенности на оливковом лице. (На нем не было и следа недавней стычки с Бигменом.)

Конвей был уверен, что всем делегатам известно о том, что Лакки Старр будет давать показания. Они ожидали этого явного унижения Земли с волнением и радостью.

Наконец очень спокойно Девур начал свою речь. Сначала шло историческое вступление. Возвращаясь к тем дням, когда Сириус был колонией Земли, он перечислил обиды тех дней. Он слегка затронул гегелевскую доктрину, давшую независимость Сириусу и другим колониям, и назвал ее лицемерной, ибо затем он перечислил одно за другим мнимые усилия Земли восстановить свое владычество.

Перейдя к современности, он сказал:

— Сейчас нас обвиняют в стремлении колонизировать незанятый мир. Мы признаем себя виновными в этом. Нас обвиняют в том, что мы захватили пустой мир и превратили его в прекрасное обиталище для человеческих существ. Мы признаем себя виновными и в этом. Нас обвиняют в расширении пределов обитания человеческой расы в мире, возможность чего отвергалась другими. Мы признаем себя виновными и в этом.

Нас нельзя обвинить в применении насилия по отношению к кому бы то ни было в ходе развития. Нас нельзя обвинить и в провоцировании войны, в убийствах и нанесении оскорблений во время нашей оккупации. Нас нельзя обвинить также вообще в каком-либо преступлении. Напротив, можно только констатировать, что на расстоянии не менее миллиарда миль от мира, который мы столь мирно оккупировали, существует другой оккупированный мир по имени Земля.

Мы не осведомлены, хочет ли она что-либо предпринять в отношении нашего мира — Сатурна. Мы не применяем насилия по отношению к Земле, и она не может обвинить нас ни в чем. Мы просим только предоставить нам возможность заниматься самими собой, и, наоборот, мы будем рады предоставить Землю самой себе.

Они говорят, что Сатурн принадлежит им. Почему? Разве они когда-то оккупировали его сателлиты? Нет. Проявляли ли они интерес к нему? Нет. В течение многих тысяч лет они могли спокойно захватить его, но хотели ли они этого? Нет. Именно только после того как мы высадились на нем, они внезапно проявили свою заинтересованность в нем.

Они говорят, что Сатурн вращается вокруг того же самого Солнца, что и Земля. Мы признаем это, но мы одновременно подчеркиваем, что этот факт к делу не относится. Незанятый мир и есть незанятый мир, невзирая на особую орбиту, по которой он путешествует в космосе. Мы первыми колонизировали его, и он наш.

Сегодня я сказал, что Сириус оккупировал всю систему Сатурна без применения какого-либо насилия и не нанес миру какого-либо ущерба. Мы много не разглагольствуем о мире, как поступает Земля, но мы, по крайней мере, проводим миролюбивую политику на деле. Когда Земля выступила за созыв конференции, мы сразу же приняли это предложение во имя спасения мира, хотя нет ни малейшего сомнения в нашем праве собственности на систему Сатурна.

Но что Земля? Отказалась ли она от своих взглядов? Они весьма преуспели в разговорах о мире, но их действия на деле

противоречат их словам. Они выступают за мир, а практикуют войну. Они требуют конференции и в то же самое время снаряжают военную экспедицию. Короче, в то время как Сириус рисковал своими интересами во имя мира, Земля, наоборот, делает все, чтобы спровоцировать войну против нас. Я могу доказать это устами самого члена Совета Науки Земли.

Он поднял руку, когда произносил последнюю фразу, и драматическим жестом указал на выход, где внезапно возникло пятно света. Там стоял Лакки Старр, высокий и вызывающе прямой.

Лишь приземлившись на Весте, Лакки наконец-то снова увидел Бигмена. Маленький марсианин подбежал к нему. Йонг же наблюдал за ними, строго улыбаясь.

— Лакки, — попросил Бигмен. — О, Лакки, не соглашайся на это. Они не смогут заставить тебя сказать хоть слово, если ты не захочешь, и неважно, что потом будет со мной.

Лакки медленно покачал головой:

— Подожди, Бигмен. Подожди только один день.

Йонг подошел и взял Бигмена за локоть.

— Простите, Старр, но нам он нужен, пока вы не выполнили свою миссию. Девур постоянно думает о заложнике, и с этой точки зрения, думаю, он прав. Вы собираетесь выступить перед лицом представителей своего собственного народа, и бесчестье будет тяжелым.

Лакки сам нервничал вплоть до того момента, кого он оказался в дверном проеме и почувствовал на себе взгляды, ощутил тишину и замершее дыхание зала. Стоя на свету, Лакки видел не отдельных делегатов конференции, а огромную темную массу. Лишь после того как роботы подвели его к свидетельскому месту, лица людей стали выплывать из тьмы и он смог увидеть Гектора Конвея в первом ряду.

На миг Конвей улыбнулся ему устало и взволнованно, но Лакки не осмелился ответить ему улыбкой. Наступал критический момент, и ничего нельзя было допустить такого, что могло бы вызвать беспокойство у сирианцев.

Девур жадно смотрел на землянина, смакуя триумф от его появления.

— Джентльмены, — возгласил он, — я хочу на время превратить конференцию в своего рода судилище. У меня здесь есть свидетель, и я желал бы, чтобы его послушали все делегаты. Мне выпал прекрасный случай, когда он согласился говорить, он — землянин и важный агент Совета Науки.

Затем с внезапной резкостью он обратился к Лакки:

— Ваше имя, гражданство и положение, пожалуйста.

Лакки ответил:

— Я, Дэвид Старр, уроженец Земли и член Совета Науки.

— Подвергались ли вы воздействию наркотиков, физической обработке или какому-либо насилию над разумом, что заставило бы вас дать показания?

— Нет, сэр.

— Вы говорите добровольно и будете говорить правду?

— Я говорю добровольно и скажу правду.

Девур повернулся к делегатам:

— Кому-то из вас может прийти на ум, что разум Советника Старра в действительности все же подвергся обработке, о чем он и сам не подозревал, или что, может быть, он отрицает наличие повреждения его умственных способностей, не осознавая того, что оно налицо. Если так, то любой член этой конференции, обладающий соответствующей квалификацией, может его обследовать. Я знаю, что такие есть среди вас. Требуется ли кто-нибудь такого обследования?

Но никто не требовал такого обследования, и Девур продолжил, обратившись к Лакки:

— Когда вы впервые обнаружили сирианскую базу внутри системы Сатурна?

Сжато, без эмоций, глядя прямо в зал, Лакки рассказал о своем первом посещении системы Сатурна, о требовании покинуть ее.

Конвей слегка кивнул и заметил, что Лакки опустил полностью сведения о капсуле и о шпионских действиях агента Х. Агент Х мог быть только преступником с Земли. Очевидно, сирианцы не хотели упоминания о своем собственном шпионаже в это время, и, похоже, Лакки был готов продолжить с ними сотрудничество в этом вопросе.

— А вы покинули систему Сатурна после предупреждения?

— Да, сэр.

— Навсегда?

— Нет, сэр.

— Как вы поступили впоследствии?

Лакки описал уловку с Идальго, посещение южного полюса Сатурна, полет через глубокое ущелье в кольцах к Мимасу.

Девур прервал его:

— Мы когда-либо применяли насилие к вашему кораблю?

— Нет, сэр.

Девур снова повернулся к делегатам:

— Не следует полагаться лишь на сказанное Советником. У меня здесь есть снимки погони за кораблем Советника, летящим к Мимасу.

Лакки остался стоять в освещенном пространстве, остальная часть зала утопала во мраке, делегаты смотрели в трехмерном изображении эпизоды полета «Метеора», спешащего к кольцам и внезапно исчезнувшего в глубоком ущелье, которое было плохо видно, ибо его изображение было расположено в самом углу фотографии.

На следующем фото был запечатлен стремительный полет корабля внутрь Мимаса и его исчезновение во вспышке красного света и пара.

В этот момент Девур не мог не почувствовать, что в зале нарастает скрытое восхищение смелостью землянина, поэтому он раздраженно заметил:

— Наша неспособность настигнуть корабль Советника объясняется наличием на нем аграв-двигателя. Маневры вблизи Сатурна поэтому были более затруднены для нас, чем для него. По этой причине мы не смогли добраться до Мимаса раньше его и из-за этого не были психологически подготовлены осуществить это.

Если бы Конвей осмелился, он мог бы громко крикнуть в ответ на это: «Дурак!» Девур заплатит за это мгновение зависти. Конечно, упоминая об аграве, он стремился вызвать страх у внешних миров перед научными достижениями Земли, и это тоже можно считать его ошибкой. Страх мог сильно разрастись.

— Ну а теперь о том, что произошло после вашего отлета с Мимаса! — обратился Девур к Лакки.

Лакки рассказал, как он был схвачен, и Девур, намекая на то, что Сириус обладает более совершенным масс-детектором, сказал:

— И тогда, сразу же на Титане, вы дали нам новую информацию относительно вашей деятельности на Мимасе, так?

— Да, сэр. Я рассказал вам, что на Мимасе остался еще один Советник, а потом я сопровождал вас на Мимас.

Этого, по-видимому, делегаты не знали. Поднялся шум, но Девур заставил всех замолчать. Он закричал:

— У меня есть также теле-фото отлета Советника с Мимаса, куда его послали для создания секретной базы против нас как раз в то время, когда Земля созвала эту конференцию, якобы заботясь о мире.

Опять затемнение в зале и снова трехмерное изображение. Конференция могла в деталях наблюдать приземление на Мимасе, видеть его расплавленную поверхность, следить за тем, как Лакки исчез в построенном туннеле и Советник Бен Вессилевски оказался на борту корабля. В последних сценах демонстрировалось внутреннее помещение Весса под

поверхностью Мимаса.

— Как вы видите, это полностью оборудованная база, — сказал Девур. Затем, повернувшись к Лакки, спросил: — Может, все ваши действия в течение всего этого времени получили официальное одобрение на Земле?

Это был главный вопрос, и не было сомнения в том, каков будет ответ, которого жаждали, но тут Лакки заколебался, в то время как аудитория ждала, затаив дыхание, а Девур нахмурился.

Наконец Лакки произнес:

— Я хочу сказать вам подлинную правду. Я не получил непосредственного разрешения на повторное возвращение на Сатурн, но я знаю, что во всем, что я делал, я получил бы полное одобрение Совета Науки.

И это признание вызвало сильное волнение среди репортеров и шум в зале. Делегаты конференции поднялись со своих мест и начали кричать: «Голосовать! Голосовать!»

Судя по всему, конференция на этом завершилась, и Земля проиграла.

16. Попался, который кусался

Агас Доремо поднялся, ударяя традиционным молотком и совершенно безуспешно призывая к порядку. Конвей с трудом продвигался среди моря угрожающих жестов и свиста и потянул рукоятку автоматического выключателя — раздался старый, сообщающий о пиратах сигнал тревоги. Среди ужасного шума и гама прорезалось пронзительное дребезжание с попеременным повышением и понижением звука, это восстановило среди делегатов необычайную тишину.

Конвей отключил сигнал, и Доремо с неожиданным спокойствием быстро произнес:

— Я согласился с предложением Главного Советника Земной Федерации Гектора Конвея подвергнуть перекрестному допросу Советника Старра.

Раздались крики «Нет, нет», но Доремо угрюмо продолжил:

— Я прошу конференцию оставаться беспристрастной в этом вопросе. Главный Советник заверил меня, что перекрестный допрос будет кратким.

Посреди шороха и шепота Конвей приблизился к Лакки. Он улыбался, но слова его звучали сухо:

— Советник Старр, мистер Девур не спросил вас о целях, какие вы преследовали. Ответьте мне, зачем вы проникли в систему Сатурна?

— Чтобы колонизовать Мимас, шеф.

— Считаете ли вы, что имели на это право?

— Это был незанятый мир, шеф.

Конвей повернулся лицом к затихшим в замешательстве делегатам.

— Советник Старр, вы могли бы повторить это?

— Я хотел доставить человеческие существа на Мимас, незанятый мир, принадлежащий Земной Федерации, шеф.

Девур поднялся, яростно выкрикнув:

— Мимас — это часть системы Сатурна!

— Верно, — сказал Лакки, — но Сатурн — это часть Солнечной системы Земли. По вашей же интерпретации, Мимас является только незанятым миром. А чуть позже вы признались, что сирианские корабли никогда не приближались к Мимасу, пока на него не приземлился мой корабль.

Конвей улыбнулся. Значит, Лакки также заметил ошибку, допущенную Девуром.

— Советника Старра не было здесь, мистер Девур, когда вы произносили свою вступительную речь, сказал Конвей. —

Позвольте мне процитировать из нее пассаж, слово в слово: «Незанятый мир есть незанятый мир, несмотря на его особую орбиту, по которой он движется в космосе. Мы колонизовали его первыми, и он наш».

Главный Советник повернулся к делегатам и продолжил, тщательно взвешивая каждое слово:

— Если верна точка зрения Земной Федерации, тогда Мимас принадлежит Земле, потому что он обращается вокруг планеты, которая обращается вокруг нашего Солнца. Если верна точка зрения Сириуса, то и тогда Мимас все равно принадлежит Земле, потому что он не был занят и мы колонизовали его первыми. Сирианская же линия рассуждения, основанная на том факте, что какой-то другой спутник Сириуса был колонизован Сириусом, к данному случаю не имеет никакого отношения.

В конечном счете, проникнув в мир, принадлежащий Земной Федерации и выдворив оттуда нашего колониста, Сириус тем самым совершил акт развязывания войны и продемонстрировал свое лицемерие, отказывая другим в тех правах, которые присвоил себе.

И в этот момент, когда снова поднялся переполох в зале, именно Доремо заявил следующее:

— Джентльмены, позвольте сказать. Факты, приведенные Советником Старром и Конвеем, неопровержимы. Они демонстрируют полную анархию, в которую будет ввергнута Галактика, если восторжествует сирианская точка зрения. Каждая незаселенная скала стала бы источником спора, каждый астероид — угрозой миру. Сирианцы своими действиями показали свою неискренность...

Так произошел неожиданный и полный переворот на конференции.

Если бы позволило время, Сириус, возможно, мог собраться с силами, но Доремо, опытный и хитрый парламентарий, подвел конференцию к голосованию в тот момент, когда сторонники сирианцев были совершенно деморализованы и не готовы были выступить против очевидных и вновь приведенных фактов.

Три мира проголосовали в поддержку Сириуса. Это были Пенфесилейя, Дуварн и Муллен, маленькие миры, находившиеся, как всем было известно, под политическим влиянием Сириуса. Остальная часть, более пятидесяти голосов, была на стороне Земли. Сириусу предписывалось освободить захваченных землян. Также предписывалось демонтировать его базу и в течение месяца покинуть Солнечную систему.

Выполнить принятые решения невозможно было без применения военной силы, но Земля была готова к войне, а

Сириус был поставлен перед необходимостью воевать, не рассчитывая на поддержку внешних миров. На Весте теперь не оказалось ни единого человека, кто ожидал победы Сириуса при таких условиях.

Девур, тяжело дыша, с перекошенным лицом, еще раз встретился с Лакки.

— Это был непристойный трюк, — сказал он. — Этот ваш план загнать нас в...

— Вы вынудили меня, — спокойно возразил Лакки, — поставив под угрозу жизнь Бигмена. Вы помните это? Или, может, вам хотелось бы, чтобы детали этого стали известны?

— Ваш друг-обезьяна еще у нас, — начал злобно Девур, — проголосует конференция или нет...

Главный Советник Конвей, присутствовавший при этом, улыбнулся:

— Если вы имеете в виду Бигмена, Девур, то у вас его нет. Он в наших руках вместе с наставником по имени Йонг, который сообщил мне, что Советник Старр снабдил его охранным свидетельством на случай необходимости. Очевидно, он почувствовал, что при вашем настоящем настроении для него небезопасно сопровождать вас назад на Титан. Могу ли я предложить, чтобы и вы подумали, не опасно ли для вас возвращение на Титан? Если вы хотите просить убежища...

Но Девур молча повернулся и ушел.

Доремо расплылся в улыбке, когда прощался с Конвеем и Лакки.

— Вам, молодой человек, будет очень приятно увидеть Землю, осмелюсь сказать.

Лакки кивнул, согласившись с ним:

— Сэр, через час я отправлюсь домой на лайнере, буксирующем бедный «Метеор», и, откровенно говоря, теперь нет ничего более радостного для меня, чем это.

— Ну что ж! Я вас поздравляю с великолепно сделанной работой. Когда шеф Конвей просил меня в начале заседания предоставить ему время для перекрестного допроса, я согласился, но думал, что он, должно быть, сошел с ума. Когда вы начали давать показания и он одобрил их, я был уверен, что он сумасшедший. Но очевидно, все это было заранее спланировано.

Конвей подтвердил это:

— Лакки прислал мне набросок плана своих действий. Конечно, это было не за час или два до того, как мы окончательно упились в том, что все будет выполнено.

— Думаю, вы очень верили в Советника, — сказал Доремо. — Вот почему во время первого вашего разговора со мной вы

просили, чтобы я выступил на вашей стороне, если вдруг показания Лакки обманут ожидания. Тогда я, конечно, не понял, что вы имели в виду, но, когда наступило время, мне все стало ясно.

— Я благодарен вам за то, что вы всем своим авторитетом поддержали нас.

— Я поддержал тех, на чьей стороне была справедливость... Вы искусный оппонент, молодой человек, — похвалил он Лакки.

Лакки улыбнулся:

— Я прежде всего рассчитывал на неискреннюю позицию сирианцев. Если они действительно верили в то, что провозглашали именно свою точку зрения, то мой коллега, Советник, покинул бы Мимас, и все мы в результате наших стараний получили бы маленький спутник из льда и тяжелую войну.

— О да. Ну что ж, без сомнения, у делегатов возникнут новые мысли, когда они вернутся домой, и они будут злиться на Землю, на меня и даже на самих себя, я думаю, из-за того, что им пришлось обратиться в паническое бегство. Хладнокровно подумав, они поймут, что здесь они восстановили принцип неделимости звездных систем, и, думаю, что они тогда поймут, что польза от этого принципа превысит любой урон, нанесенный их гордости и предрассудкам. Я действительно думаю, эту конференцию будут изучать историки как нечто важное и нечто такое, что способствовало великому делу мира и благоденствию Галактики. Я абсолютно удовлетворен этим.

И весьма энергично он пожал обоим руки.

Лакки и Бигмен снова оказались вместе, и, хотя корабль был большой, со множеством пассажиров, они были заняты лишь собой. Марс остался позади них (Бигмен более часа наблюдал его с большим удовольствием), а Земля была не так уж далеко.

Бигмен никак не мог овладеть голосом, в котором звучало смущение.

— О Лакки! Я никогда, ни разу не заметил того, что ты делал. Я думал... Ну я не хочу говорить о том, что я думал. Только мне хочется, чтобы ты предупреждал меня.

— Бигмен, я не мог. Это как раз то, чего я не мог сделать. Не понимаешь? Я обязан был убедить сирианцев во внедрении Весса на Мимас и не дать им возможности понять суть замысла. Я не мог перед ними обнаружить то, что я хотел в действительности сделать, не мог допустить, чтобы они сразу поняли, что это ловушка. Я должен был все сделать так, чтобы казалось, что меня вынудили к этому вопреки моей воле. Вначале, уверяю тебя, я не знал точно, как я сумею осуществить это, но я знал лишь одно —

если ты узнаешь о плане, Бигмен, ты выдашь секрет.

— Я выдал бы секрет? Да знаешь ли ты, земляной червь, что и под дулом бластера из меня ничего не выудишь!!!

— Знаю. Никакие мучения не принудили бы тебя к этому, Бигмен. Но ты мог сделать это случайно. Ты плохой актер, сам знаешь. Ты сразу же стал бы сумасшедшим, так или иначе это вывело бы тебя из себя. Вот почему я хотел оставить тебя на Мимасе, помнишь? Я знал, что не смогу рассказать тебе о задуманном плане действий, и знал также, что ты не принял бы того, что я собирался сделать, и страдал бы из-за этого. Вот как это все было. Однако ты мне принес неожиданную удачу.

— Я? Избив этого подонка?

— Косвенно, да. Это дало мне повод сделать вид, будто я в действительности обмениваю свободу Весса на твою жизнь. Пришлось меньше прикладывать усилий, чтобы отдать Весса при каких-то условиях, которые я должен был бы выдумать, не будь тебя. В результате же того, что произошло с тобой, мне не нужно было совсем ничего выдумывать. Это была хорошая сделка.

— Ну и ну, Лакки.

— Вот так-то, Бигмен. К тому же ты был в таком отчаянии, что они ни разу не заподозрили нашей уловки. Любой, кто наблюдал за тобой со стороны, был бы совершенно убежден в том, что я действительно предал Землю.

— О пески Марса! Я должен был знать, что ты не сделал бы ничего подобного. Я оказался просто олухом.

— Я рад, что ты был олухом, — рассмеялся Лакки и с нежностью взлохматил волосы маленького марсианина.

Когда Конвей и Весс присоединились к ним во время обеда, Весс сказал:

— Наше возвращение домой будет вовсе не таким, каким его представлял бедняга Девур. Субэфир на корабле был полон белибердой, которую они опубликовали на Земле о нас, особенно, конечно, о тебе.

Лакки нахмурился:

— Да, за это не поблагодаришь. В будущем это здорово затруднит нашу работу. Реклама! Только подумайте, что бы они говорили, если бы сирианцы оказались хотя бы на дюйм проницательнее, не поддались гневу и не ушли с конференции в последнюю минуту.

Конвей даже вздрогнул:

— Лучше не думать. Но как бы там ни было, нечто подобное ожидает Девура.

— По-моему, он выкрутится. Его спасет дядя, — заметил Лакки.

— Во всяком случае, — подвел итог Бигмен, — мы разделились с ним.

— Так ли? — угрюмо проговорил Лакки. — Не знаю.

И в течение некоторого времени трапеза проходила в полном молчании.

Конвей, очевидно, стремясь смягчить внезапно возникшую напряженность, решился прервать молчание:

— Конечно, в известном отношении сирианцы не могли позволить Вессу остаться на Мимасе, и мы не дали им шансов. В конце концов они искали капсулу в кольцах, и, насколько им было известно, Весс, лишь в тридцати тысячах миль за пределами колец могло...

Бигмен уронил вилку, и его глаза стали как блюдца.

— Взрывающаяся ракета!

— В чем дело, Бигмен? — спросил добродушно Весс. — Ты что-то вдруг вспомнил и пошевелил мозгами?

— Заткнись, болван! — рявкнул Бигмен. — Послушай, Лакки, во всей этой суматохе мы забыли о капсуле агента Х. Она все еще в кольцах, если сирианцы ее уже не нашли. Если она не у них, то у них есть еще пара недель, чтобы ее обнаружить.

Конвей сразу же ответил:

— Я думал об этом, Бигмен. Но честно говоря, считаю, что она потеряна навсегда. Вряд ли ты сможешь что-нибудь найти в кольцах.

— Но, шеф, разве Лакки не рассказал вам о многочисленных специальных масс-детекторах с Х-лучами, которые у них есть и...

Все теперь смотрели на Лакки. Странное выражение появилось у него на лице — будто он не мог решить, то ли ему смеяться, то ли ругаться.

— О великая Галактика! — воскликнул он. Я совершенно забыл об этом.

— О капсуле? — спросил Бигмен. — Ты забыл о ней?

— Да. Я забыл, что она у меня. Она здесь. — И Лакки выхватил из кармана что-то металлическое диаметром примерно в дюйм и положил на стол.

Быстрые пальцы Бигмена первыми протянулись к ней, он ее поворачивал и так и эдак, потом и остальные по очереди рассматривали ее.

— Это капсула? Ты уверен в этом? — недоверчиво спросил Бигмен.

— Вне всяких сомнений. Мы, конечно, ее вскрыем и убедимся в этом окончательно.

— Но когда, как, где... — Они все устремили на него вопрошающие взгляды.

— Простите меня, — стал оправдываться Лакки. — Я действительно... Вы помните те несколько слов, которые мы перехватили от агента Х как раз перед тем, как взорвался его корабль? Помните отрывки слов «нормальная орб...», которые, по нашему мнению, означали «нормальная орбита»? Ну, сирианцы сделали естественное предположение, что «нормальная» означает «обычная», и, следовательно, капсула будет выведена на «обычную орбиту» для частиц колец, и искали ее там.

Однако «нормальная» означает также и «перпендикулярная». Кольца Сатурна движутся с запада на восток, следовательно, капсула с нормальной орбитой в кольцах двигалась бы прямо с севера на юг или с юга на север. И это имеет смысл, потому что тогда капсула не потеряется в кольцах.

Далее, любая орбита вокруг Сатурна, идущая прямо на север и на юг, должна проходить над северным и южным полюсами независимо от вариаций. Мы приблизились к южному полюсу Сатурна, и я следил за масс-детектором, чтобы обнаружить что-либо на орбите подходящего типа. В полярном пространстве едва ли есть какие-нибудь частицы. И я почувствовал, что смогу опознать капсулу, если она там. Мне не хотелось говорить об этом, потому что вероятность была невелика, а я не люблю пробуждать несбыточные надежды.

Но что-то регистрировалось на масс-детекторах, и у меня появился шанс. Я сравнил скорости и тогда покинул корабль. Как ты позже догадался, Бигмен, я воспользовался случаем, чтобы помудрить с аgrav-устройством, рассчитывая на капитуляцию в дальнейшем, но в то же время я забрал капсулу.

Когда мы приземлились на Мимасе, я оставил ее среди катушек воздушного кондиционера в помещении Весса. Когда же мы вернулись за ним, чтобы передать его Девуру, я забрал капсулу и положил ее в карман. Как обычно, меня обыскиали в поисках оружия, когда я садился вновь на корабль, но обыскивающий меня робот не посчитал дюймовый шарик оружием... В этом один из серьезных недостатков применения роботов. Во всяком случае, вот и вся история.

— Почему же ты все это не рассказал нам? закричал Бигмен. Лакки выглядел сконфуженным.

— Я собирался. Честно. Но после того как я забрал капсулу и вернулся на корабль, нас уже заметили сирианцы, помнишь, и встал вопрос, не попытаться ли удрать от них. А после этого действительно, если ты помнишь, не было ни одного момента, когда что-то не возникало. По правде, я не знаю, почему я больше не вспоминал о ней, чтобы кому-то все это рассказать.

— Не мозги, а решето, — с пренебрежением фыркнул

Бигмен. — Неудивительно, что тебе нельзя отправляться куда-либо без меня.

Конвей рассмеялся и хлопнул марсианина по спине.

— Верно, Бигмен, позаботься о большом болване и будь уверен, он знает свой путь.

— Когда-нибудь, — сказал Весс, — и у тебя будет свой собственный путь.

И корабль, рассекая атмосферу Земли, пошел на посадку.

notes

Примечания

Bigman (англ.) — большой человек.